

63.3 (2)

И 90

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

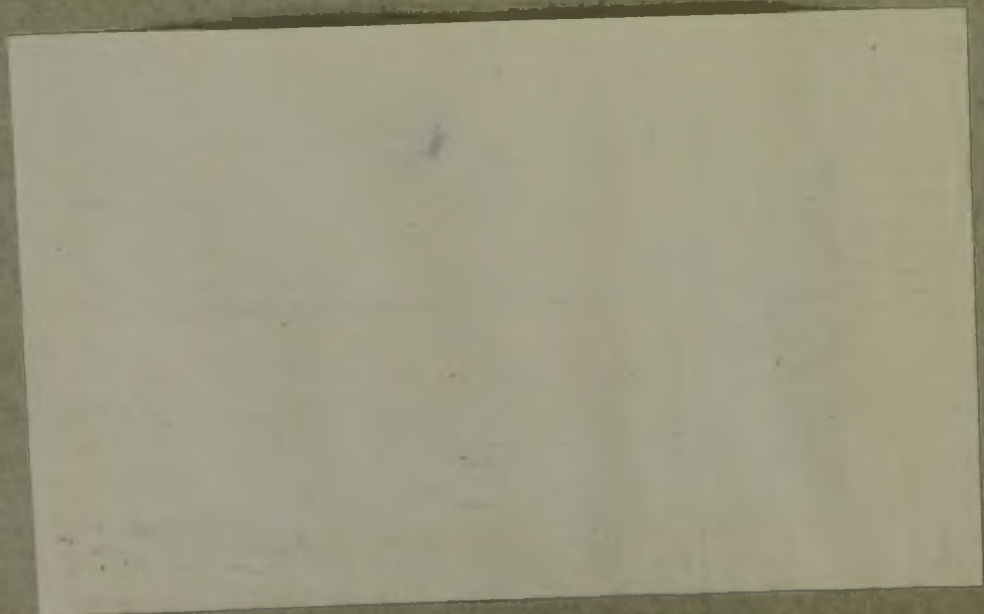


Handwritten notes:
2080
~~История~~

Faint stamp:
15/11

ИЗДАТЕЛЬСТВО.

АКАДЕМИИ НАУК СССР



АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ЗАПИСКИ



ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
АКАД. Б. Д. ГРЕКОВ

6

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1940

ПРОВЕРЕНО

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека
Ханты-Мансийская
окружная библиотека

РФ

13

- 3502 -

644493 -

22

2307

2552

63.3(2)

1190

В. Н. ПИЧЕТА

КОНЕЦ ВЕКОВОМУ РАСЧЛЕНЕНИЮ УКРАИНСКОГО И БЕЛОРУССКОГО НАРОДОВ

I

Червенские города — «Червень», Перемышль и иные города», заселенные белыми хорватами (племя, принадлежавшее к юго-западной группе восточного славянства), с 981 г. органически были связаны с империей Рюриковичей.¹ Одновременно с белыми хорватами дублебы — бужане или волыняне — также признали суверенитет киевского князя Владимира I.² Правда, «Повесть Временных лет» умалчивает о завсевании Волыни Владимиром I, но ее подчинение киевскому князю было неизбежно, раз ему должны были подчиниться Червенские города.

С подчинением Волыни и Червенских городов Киеву граница империи Рюриковичей на юго-западе доходила до верховьев р. Сан, а на западе — до Западного Буга. Вместе с Волынью Червенские города составляли прочный барьер против польской экспансии на восток, сначала на территорию Червенских городов.

Польским феодалам удалось в половине X в. захватить Червенские города, но они были отняты у них Владимиром I и оставались под властью Киевского государства до 1018 г., когда они были вновь захвачены польским королем Болеславом во время его неудачного похода на Киев.

Только в 1031 г. киевскому князю Ярославу «заяста грады Червенские опять».³ Попытка польских феодалов закрепиться в Червенских городах потерпела неудачу.

Стратегическое значение Волыни на западной границе «империи Рюриковичей» было огромно. Соседом Волыни было литовское племя ятвяги, с которым Владимиру приходилось воевать. В связи с этим Владимир построил город Берестье при впадении Мухавца в Западный Буг.⁴ Берестье стало опорным пунктом для борьбы с ятвягами. Вокруг Берестья выросли славянские поселения, постепенно охватившие весь бассейн Западного Буга. Опорными пунктами этих поселений были города Мельник на Буге, Бельск, Кобрин, Дрогичин. Впоследствии вся эта территория получила наименование Подляшья или Берестейской земли.⁵ Подвинские кривичи и дреговичи также

¹ Ипатьевская летопись, стр. 69, СПб., 1908.

² П. И в а н о в. Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV в., стр. 63. Одесса, 1895.

³ Ипатьевская летопись, стр. 137.

⁴ П. И в а н о в. Указ. соч., стр. 91.

⁵ М. Л ю б а в с к и й. Областное деление и местное самоуправление, стр. 16. М., 1893.

расширили территорию своих поселений. Так, полочане проникли в бассейн левых притоков «верхнего Немана» — местность, впоследствии называвшаяся Черной Русью, с городами Новгородком, Волковыском, Здитовым, Городно, Слонимом.¹

Полочанам через Березину, приток Немана, и через Вилию удалось пробраться к бассейну среднего Немана. Вероятно, самое возникновение Вильны было связано с славянским расселением. Воскресенская летопись под 1129 годом уже упоминает о Вильне. Дреговичи же проникли до впадения Нурцы в Западный Буг, а на северо-западе — до Городно на Немане. Полоцкое и Турово-Пинское княжества в составе «империи Рюриковичей» представляли собою часть «Русской земли», единой по своему этническому составу и достаточно мощной в политическом отношении.

II

В период феодальной раздробленности Червенские города выделились в отдельное княжество, получившее название Галицкого, по имени Галича, его политического центра. В Галицком княжестве сначала утвердились Ростиславичи — Володарь, Василько и Рюрик, а после прекращения их рода Роману Волынскому в 1199 г. удалось объединить под своей властью Волынское и Галицкое княжества. Так образовалось Галицко-Волынское княжество, составные части которого вновь обособились лишь в конце XIII в.

Галицкое княжество было территорией крупного феодального землевладения. Местные бояре, которых летописец называет «великими боярами», становились феодалами, имевшими большое влияние на политическую жизнь Галицкого, а впоследствии и Галицко-Волынского княжеств. Располагая большим земельным фондом, галицкие «великие бояре» раздавали земли своим слугам-отрокам, во главе которых они выходили на войну. Опираясь на них, бояре вмешивались во внутреннюю жизнь княжества и стремились дать ей желательное направление. Сознывая свою политическую силу, бояре не желали допустить усиления княжеской власти. На этой почве в Галицком княжестве происходили постоянные столкновения между боярами и не угодившими им князьями.

Галицкие князья не желали подчиниться боярам, но слабость их положения заключалась в отсутствии у них социальной базы, на которую они могли бы опереться в борьбе с местными феодалами. Гордское население еще не было настолько мощным экономически, чтобы стать опорой князей в их борьбе с «феодальным беспорядком». Естественно, что князь не мог стать представителем «порядка». Закрепощаемое сельское население, в связи с развитием феодального землевладения, также не могло стать опорой в борьбе князей с боярами. Только во время борьбы против иностранных захватчиков городское и сельское население объединялось вокруг князя, чтобы прогнать из княжества ненавистных захватчиков, которые грабили княжество и подвергали насилию его население («насилъе деяху»).

В то время как галицкие, а впоследствии галицко-волыньские князья, стоявшие на страже политической независимости княжества, встречали в этом отношении полную поддержку со стороны городского и деревенского населения, галицкие бояре, наоборот, не раз обращались за помощью к соседям — венграм на юге и полякам на северо-западе — для борьбы со своими князьями. Крайне често-

¹ М. Любавский. Указ. соч., стр. 3.

любимые «великие бояре» были лишены патриотических чувств и не раз предавали свое княжество. Громадная политическая заслуга сначала Ростиславичей, а потом Романа Волынского и его сына Даниила, заключалась именно в том, что им удалось сохранить политическую независимость своего княжества и не допустить венгров и поляков, несмотря на поддержку захватчиков боярами, прочно осесть в Галицком княжестве.

Ведя борьбу за независимость своего княжества, галицкие и галицко-волынские князья в то же время защищали интересы всей Русской земли, поскольку иностранные захватчики, занятые борьбой с князьями, не могли расширить район своих захватов. В этом и заключалась прогрессивная роль галицких и галицко-волынских князей.

III

С прекращением династии Романа Волынского (около 1320 г.) началась длительная борьба за галицко-волынское наследство между Литвой, Венгрией и Польшей. В этой борьбе принимали участие и татары, поскольку их интересам не отвечало занятие галицкого стола сильными соседями — поляками, литовцами или венграми. В это время сами галицкие бояре, стремившиеся распорядиться галицким столом по собственному усмотрению, искали союза с татарами для противодействия иностранным агрессорам.

Уже в 1323—1324 гг. польский король Владислав Локоток при поддержке венгров, под видом борьбы с татарами, вступил на территорию Галицкого княжества. Папа, одоблив планы Локотка, точнее их формулировал. Крестовый поход против татар в сущности должен был стать походом «*contra scismaticos, Tartaros paganos aliasque permixtas nationes infidelium*»¹ (против схизматиков, татар, язычников и разных других безбожных народов), но бояре вместе с татарами не дали возможности Локотку захватить Галицкое княжество.² Так попытка польских феодалов захватить Галицкую Русь потерпела неудачу. Впрочем, Локотку после переговоров с боярами удалось посадить на галицкий стол мазовецкого князя Болеслава Тройденевича, сына Марии Юрьевны, принявшего в православии имя Юрий. Едва ли прав А. Е. Пресняков, приписывающий боярам приглашение Болеслава на галицкий стол.³ Ведь недаром Болеслав-Юрий II находился в добрососедских отношениях с Польшей⁴ и при нем, как правильно отметил А. Е. Пресняков, усилилось польское влияние.⁵

Бояре заняли враждебную позицию в отношении Юрия II и Польши. В 1337 г. их союзники-татары вместе с галицким населением опустошили Люблинскую землю.⁶ Факт участия бояр в самоубийстве Болеслава-Юрия II подтверждает, что Болеслав-Юрий отнюдь не был ставленником галицкого боярства. Последнее стало относиться к нему враждебно с того момента, когда он начал стремиться к закреплению Галицкого княжества за своими наследниками. Наконец, католическая политика Болеслава-Юрия должна была объеди-

¹ Н. P a s z k i e w i c z. *Polityka ruska Kazimierza Wielkiego*, str. 11, Warszawa, 1925.

² Н. P a s z k i e w i c z. *Op. cit.*, str. 10. А. P r o c h a s k o. *W sprawie zajęcia Rusi przez Kazimierza Wielkiego*. *Kwartalnik historyczny*. 1892.

³ А. П р е с н я к о в. *Лекции по русской истории*, II, стр. 41, М., 1939.

⁴ Н. P a s z k i e w i c z. *Op. cit.*, str. 29.

⁵ А. П р е с н я к о в. *Указ. соч.*, стр. 41.

⁶ Н. P a s z k i e w i c z. *Op. cit.*, str. 86.

нить всех бояр против ставленника Польши. Напрасно Г. Пашкевич конфликт Юрия II с боярами объясняет только династическими интересами, которые не отвечали политическим планам боярства, мешая ему распорядиться галицким столом по своему усмотрению. Польско-католическая политика Юрия II побудила бояр-феодалов выступить против своего князя. Помимо этого галицкое боярство, окрепнувшее при Юрии II и получившее города в кормление, разумеется, не могло допустить усиления княжеской власти.

Юрий II не имел поддержки в населении, и его гибель была неизбежна. Следует признать правильными соображения А. Е. Преснякова о причинах гибели Юрия II. По его словам, «попытка опереться на пришлые элементы, быть может, склонность к унии, а вероятно прежде всего разлад с властным боярством, покончили жизнь и княжение последнего князя галицкого». ¹

IV

После смерти своего ставленника Болеслава-Юрия польские феодалы во главе с королем Казимиром предприняли в апреле-мае 1340 г. экспедицию в Галицкую Русь с целью ее захвата. Летописные русские источники не сообщают никаких сведений об этом польском походе, но польские хронисты восполняют этот пробел. Они отметили, что Казимир поспешил захватить Русь, напав на нее с большим войском (*«Kazimirus cum magna potentia gentis suae regnum Russiae potenter ingressus»*, или *«rex Cracoviae... terram apprehendere festinavit»*). ² Казимир оккупировал Львов, важнейший центр восточной торговли. ³ По всей вероятности, при захвате этого города Казимиру оказали помощь католическое население Львова и немецкие купцы, которым покровительствовал Болеслав-Юрий. В связи с польско-католической политикой последнего галицкого князя вся Галицкая Русь была охвачена противокатолическим и антипольским движением, и немецкие купцы-католики при содействии Казимира были вынуждены уйти в Польшу. Первая разведка Казимира на Руси, в которой приняли участие и венгры, потерпела неудачу. Видимо, против польских оккупантов восстало русское население Львова, так как Казимир, оставляя город, сжег его. ⁴

Летом того же года Казимир предпринял вторую экспедицию на Галицкую Русь. Но и она окончилась неудачей, так как Казимир встретил организованное сопротивление со стороны населения Галицкой Руси; его возглавлял боярин Дмитрий-Дедко, в своей борьбе против польских захватчиков опиравшийся на татар.

В ответ на поход Казимира на Русь татары в 1341 г. опустошили Польшу до Люблина и Сандомира. ⁵ Набег татар вынудил Казимира и польских феодалов временно отказаться от захвата Галицкой Руси.

С изгнанием поляков из Галицкой Руси во главе последней в качестве ее управителя (*capitaneus terrae Russiae*) встал боярин Дмитрий-Дедко, вокруг которого объединились все противопольские силы. М. С. Грушевский полагал, что Дедко был вполне самостоятельным и независимым правителем. ⁶ Точка зрения польских исто-

¹ А. Пресняков. Указ. соч., стр. 13.

² H. Paszkiewicz. Op. cit., str. 55.

³ L. Charewiczowa. Handel sredniewiecznego, Lwow, 1925.

⁴ H. Paszkiewicz. Op. cit., str. 58.

⁵ I b i d., str. 69.

⁶ М. Грушевський. Історія України Руси, IV, стр. 23.

риков, в частности новейшего исследователя «русской политики Казимира» Пашкевича, совершенно противоположна: по его мнению, Дедко, наоборот, находился в зависимости от Казимира¹ и был лишь обычным польским старостой; следовательно, с лета 1340 г. Галицкая Русь уже признавала суверенитет польского короля. Высказывания Пашкевича, направленные главным образом против Грушевского, очень слабо аргументированы, так как в сущности в распоряжении автора не было источников, заслуживающих доверия. Совершенно непонятно, как мог Дедко стать польским старостой, «*capitaneus terrae Russiae*», если оба похода Казимира потерпели неудачу, население Галицкой Руси было охвачено противокатолическими настроениями, а галицкие бояре, согласно утверждению самого Пашкевича, заключили соглашение с татарами. Историческая действительность находится в полном противоречии с доводами польского исследователя.

Действительно, Казимир должен был признать полную неудачу своей политики, тем более, что с претензиями на Русь выступили венгры, а Любарт Гедиминович, женатый на дочери владимирского князя Андрея Юрьевича, утвердился на Волыни в 1340—1341 гг.;² да и сам Дедко, в виду польской опасности, склонялся к признанию галицким князем Любарта, при котором он носил титул «*provisor seu capitaneus terrae Russiae*».³

Разумеется, Казимир не отказывался захватить галицко-волынское наследство, но постигшая его неудача побуждала его действовать более осторожно — захватывать Галицкую Русь по частям. Прежде всего Казимир стремился урегулировать свои отношения с Дедко. Тот же польский историк объясняет эту компромиссную политику Казимира тем, что продолжение войны с Русью не могло быстро дать положительных результатов.⁴

Осуществляя свою новую политику, Казимир в 1341 г. захватил Саноцкую землю. Вероятно, католическое население города Санока, получившее от Болеслава-Юрия II магдебургское право, поддержало Казимира в его стремлении захватить Саноцкую землю. Но, видимо, Казимиру не удалось здесь удержаться, так как в 1344 г. он вновь начинает войну с Галицкой Русью за присоединение Саноцкой земли к Польше.⁵ На этот раз, по мнению Пашкевича, поход Казимира увенчался успехом, и Саноцкая земля была присоединена к Польше. Вероятно, и венгры предъявляли притязания на Галицкую Русь, и Дедко, с целью противодействия польским захватчикам, пошел на соглашение с Людовиком Венгерским. Галицкая Русь вошла в орбиту венгерской политики.⁶

В 1349 г. Казимир, воспользовавшись тем, что литовские феодалы потерпели в 1348 г. большое поражение на р. Страв от Тевтонского ордена, оккупировал Галицкую Русь и занял большую часть Волыни; за Любартом оставалась только Луцкая земля,⁷ при условии признания им верховной власти короля. Но через три года Любарт с братьями начали борьбу с Казимиром за возвращение их русских владений, в итоге которой поляки были вытеснены из Владимирской, Белзской,

¹ Н. Paszkiewicz. Op. cit., str. 75, etc.

² М. Любавский. Указ. соч., стр. 39.

³ А. Андрияшев. Очерк истории Волынской земли, стр. 210—211, Киев, 1887.

⁴ Н. Paszkiewicz. Op. cit., str. 84.

⁵ Ibid., str. 106.

⁶ А. Пресняков. Указ. соч., стр. 43.

⁷ М. Любавский. Указ. соч., стр. 39; Н. Paszkiewicz. Op. cit., str. 116.

Берестейской и Холмской земель. Казимир удержал только Львовскую землю.¹ Участие татар в борьбе против Польши² отвлекло внимание Казимира от Галицкой Руси, обеспечив успех литовским князьям. Но венгры, успевшие договориться с поляками, приняли участие в борьбе Казимира против литовских князей³ 4 апреля 1350 г. Людовик Венгерский, с согласия своего брата Стефана, отдал Казимиру в пожизненное владение «княжество Русское». С этого времени Казимир стал титуловаться «*Russiaeque dominus et heres*» (государь и наследник).⁴ Относительное политическое равновесие⁵ в Галицкой Руси и на Волыни сохранилось до 1366 г., когда Казимир начал новую борьбу с Любартом. В качестве союзников Казимира в походе принимали участие Земовит Мазовецкий и князья Корлатовичи — Владимир, Юрий и Александр.⁶

В результате похода Холмско-Белзская земля вместе с Владимиром была захвачена Казимиром. За Любартом осталась только Луцкая земля, а затем ему была возвращена часть Владимирской земли с городами Мельник, Ветлы, Черный Городок. Сам Любарт становился вассалом Казимира и обязывался помогать «на всякого неприятеля опроче своя братьи безо всякое хитрости и лъсти», а также не поддерживать братьев в случае их выступления против короля.⁷

Смерть Казимира в 1370 г. внесла новые изменения в политическую обстановку на Волыни и в Галицкой Руси. Любарту вместе с братом Кейстутом удалось захватить Владимир и выгнать из него польский гарнизон. А в 1379 г. он занял остальную Волынь за исключением Западной Украины (Белз и Холм), находившуюся под властью Людовика Венгерского. Возвращение от венгров почти всей Волыни было большой победой русского населения, хотя Любарт и становился вассалом Людовика Венгерского.⁸

Только Галицкая Русь оставалась во владении Людовика в силу его соглашения с Казимиром⁹; она была отдана в управление Владиславу Опольскому, сыну дочери сестры Казимира.

В венгерских документах Владислав Опольский рассматривается как управляющий Галицкой Русью от имени венгерского короля¹⁰ Владислав Опольский имел свою печать и чеканил собственную монету. В своей внутренней политике венгерский староста был вполне самостоятелен и вообще обнаруживал тенденцию рассматривать себя не как венгерского наместника, а как государя, независимого от Венгрии.¹¹ М. С. Грушевский отметил, что Владислав Опольский считал себя «государем божьей милостью».¹² Возможно, что Людовик Венгерский, будучи недоволен политикой Владислава Опольского и его польской ориентацией, отобрал в 1378 г. у него Галицкую Русь, «ставшую с этого времени обычной венгерской провинцией».¹³

¹ М. Любавский. Указ. соч., стр. 116; М. Смирнов. Судьбы Галицкой Руси, стр. 78; СПб., 1860.

² H. P a s z k i e w i c z. Op. cit., str. 132.

³ I b i d., str. 128—129.

⁴ I b i d., str. 149.

⁵ М. Смирнов. Указ. соч., стр. 81—82.

⁶ H. P a s z k i e w i c z. Op. cit., str. 232.

⁷ М. Любавский. Указ. соч., стр. 39.

⁸ А. Пресняков. Указ. соч., стр. 68.

⁹ М. Любавский. Указ. соч., стр. 40; М. Смирнов. Указ. соч., стр. 89.

¹⁰ М. Грушевский. Указ. соч., стр. 105.

¹¹ Там же, стр. 107.

¹² Там же, стр. 105—106.

¹³ Там же, стр. 110.

В 1382 г. умер Людовик, король венгерский, личной унией связанный с Польшей. Возвращение Галицкой Руси ставилось в программу польской политики, о чем сообщает Ян из Чарнкова.¹ Постановка вопроса о Галицкой Руси оказала известное влияние на выбор кандидата на польский престол в лице Ядвиги, дочери Людовика Венгерского. Однако вопрос о присоединении Галицкой Руси не был разрешен, хотя Ядвига и была избрана на польский престол. Все же польские паны не отказывались от мысли возвратить Галицкую Русь Польше.

Малопольские паны, главным образом заинтересованные в возвращении Галицкой Руси, приступили к переговорам о женитьбе великого князя литовского Ягайлы на польской королеве Ядвиге, чтобы с его помощью, после заключения унии, вернуть Галицкую Русь Польше. Недаром в условиях унии 1385 г. было оговорено обязательство Ягайлы вернуть Польше утраченные ею земли.² Планы польских панов о возвращении Галицкой Руси Польше с помощью Ягайлы литовского были осуществлены. В феврале 1387 г. польско-литовское войско во главе с королевой Ядвигой двинулось на Галицкую Русь. Сам Ягайла прибыл на Русь только 7 октября.

Итогом зимнего похода на Русь было установление в ней польской власти.³ Так Западная Украина — Галицкая Русь и Холмско-Белзская земля — оказалась под властью Польши и находилась в ее составе вплоть до первого раздела Речи Посполитой в 1772 г., после которого она была отдана Австрии и стала именоваться с этого времени Галицией.

V

Захватив западную часть Волыни, Холмско-Белзскую землю, польские паны надеялись использовать унию 1385 г. для захвата всей Волыни и таким образом подчинить Польше все прежнее Галицко-Волынское княжество. Польские паны фактически не отказывались от своих мнимых прав на Волынь и ждали только благоприятного момента для их юридического осуществления.

Польские паны стали особенно стремиться к захвату всей Волыни с тех пор, как в Литве начало развиваться оппозиционное противounитарное движение, направленное против унии 1385 г. и возглавленное Витовтом, сыном Кейстута. Польские магнаты должны были пойти на известное соглашение с литовской магнатской оппозицией, так как, в противном случае, уния могла бы быть разорвана и планы польских магнатов захватить Волынь и Подолию мирными средствами не увенчались бы успехом.

Пересмотрев условия Кревской унии 1385 г. и заключив с Витовтом соглашение в Острове в 1392 г. с предоставлением Витовту права пожизненного княжества в Литве, польские паны намеревались осуществить свои планы захвата Волыни и Подолии, тем более что Луцкая земля осталась в руках Витовта и он с 1393 г. начал стремиться к объединению под своей властью всей Волыни.⁴ Стремление поляков, чтобы Острожское княжество — значительная часть Волыни — находилось только в зависимости от Польши и таким образом было оторвано от Луцкой земли, не увенчалось успехом. Князь

¹ М. Грушевский. Указ. соч., стр. 115, прим. 1.

² М. Любавский. Литовско-русский сейм, стр. 10, М., 1901; О. Налески. Dzieje unii jagiellonskiej, I, str. 113—115. Kraków. 1919.

³ М. Грушевский. Указ. соч., стр. 117—121.

⁴ О. Налески. Op. cit., str. 146.

Федор Данилович Острожский должен был в 1396 г. принять из рук Витовта привилей, подтверждавший и расширявший его владения, а в завещании признать верховную власть Витовта.¹ Мало того, Кременец, оторванный от Волыни и переданный Ягайлой своему брату Свидригайле, был после смерти последнего присоединен к Луцкой земле.² Так неудачно закончился для Польши предполагавшийся захват Волыни.

Зато полякам удалось захватить западную часть Подолии Поднестровье с Каменцем, Смотричем, Черным городком³ Бакотой, Скалою, уступленными Витовтом Ягайле. Это отнюдь не было актом присоединения к Польше, хотя поляки, как отметил М. Любавский, в XV в. смотрели «на уступку западной Подолии королю Ягайле, как на присоединение его к Польше»⁴ Ягайла отдал Западную Подолию в вечное владение Спытку Мельштинскому, но Витовт и Ягайла выкупили у вдовы Спытка Западную Подолию и отдали ее Свидригайле.⁵ Последний объявил себя «князем и дедичем Литвы и Руси».⁶ Впрочем, Свидригайла скоро бежал к магистру Тевтонского ордена и принял участие в его походе на Литву. Тогда Ягайла занял Западную Подолию своими гарнизонами и стал управлять ею через своих старост.⁷ В 1410 г. Ягайла уступил Западную Подолию Витовту, получив с него 40 тыс. коп грошей. Теперь вся Подолия находилась под властью Витовта.⁸

Таким образом Ягайле с поляками не удалось захватить Волынь и Подолию, так как Витовт зорко следил за их действиями и не допускал уступки хотя бы части русских земель, признававших суверенитет литовского князя. Но и после поражения в волыньско-подольском вопросе польские паны не отказывались от своих захватнических планов и лишь ожидали благоприятной общеполитической обстановки. Когда умер старый Витовт, Ягайла с поляками немедленно приступили к выполнению своих планов относительно Волыни и Подолии.

После смерти Витовта Волынь была возвращена Ягайлой Федору Любартовичу. Но последний умер в том же году, завещав свои земли Ягайле. Основываясь на завещании князя Федора, поляки послали войска для захвата Волыни и Подолии. Но им не удалось осуществить полностью все свои планы.

Избранный великим князем литовским Свидригайла выгнал поляков из Волыни, но большая часть Подолии осталась за поляками.⁹ В своей борьбе с поляками Свидригайла опирался на русское население Волыни, не желавшее оставаться под властью Польши.¹⁰ Ягайла с поляками и литовскими магнатами согнал с великокняжеского стола Свидригайлу, занявшего враждебную Польше позицию и защищавшего с оружием в руках Волынь от польских захватчиков, и посадил на его место Сигизмунда Кейстutowича. Уния 1401 г. была вновь подтверждена, причем новый великий князь

¹ A r c h i w u m k s. Lubartowiczów, Sanguszków, T. 1, № 16.

² O. N a l e s k i. Op. cit., str. 147.

³ I b i d.; M. Л ю б а в с к и й. Областное деление..., стр. 57.

⁴ Т а м ж е.

⁵ Т а м ж е, стр. 58.

⁶ O. N a l e s k i. Op. cit., str. 170.

⁷ M. Л ю б а в с к и й. Областное деление..., стр. 58; O. N a l e s k i, Op. cit., str. 173.

⁸ M. Л ю б а в с к и й. Областное деление..., стр. 58; O. N a l e s k i. Op. cit., str. 198.

⁹ M. Л ю б а в с к и й. Областное деление..., стр. 41.

¹⁰ O. N a l e s k i. Op. cit., str. 284.

отказывался от Подолии в пользу поляков, а Волынь должна была быть отдана полякам после его смерти.¹ Однако Свидригайле удалось удержать за собою Волынь и часть Подолии. Польская дипломатия вновь потерпела поражение.²

Начавшаяся феодальная борьба за великокняжеский престол стала развиваться не в пользу Свидригайлы с тех пор как были опубликованы шляхетские привилегии 1432 и 1434 гг. Они полностью удовлетворяли среднюю и мелкую русскую шляхту, и последняя перестала поддерживать Свидригайлу. С выходом из войны Полоцкой, Смоленской и Витебской земель Свидригайла из опасения лишиться Волыни вступил в переговоры с польским королем Владиславом III.

4 октября 1437 г. Свидригайла с общего согласия своих князей, панов-рады и всех земян признал себя вассалом польского короля «со всеми своими подданными, замками, мостами и селами». При этом он уступал Польше Луцк. Русские паны взяли на себя обязательство хлопотать о вознаграждении его за Луцк.³ Этот политический шаг был вызван неблагоприятно сложившейся для Свидригайлы политической обстановкой и, конечно, имел временное значение. Как только литовские магнаты избрали на великокняжеский престол Казимира Ягайловича, Свидригайла отказался от своих вассальных обязательств в отношении польского короля и принял присягу на верность великому княжеству литовскому.⁴

В 1442 г. Казимир, приняв Свидригайлу в подданство, подтвердил за ним право на владение Волынью.⁵ Возвращение Свидригайлы под сеньерат великого князя литовского было большим политическим успехом литовских магнатов. Волынь вновь становилась литовской, а полякам был нанесен серьезный удар. Если русские феодалы по соображениям политического характера одобрили принесение Свидригайлой в 1437 г. феодальной присяги польскому королю, то, разумеется, переход под власть Литвы был возможен только с согласия тех же феодалов.

Польский историк О. Галецкий придает иное толкование этому важнейшему политическому акту. Отмечая, что Волынская земля признала над собою непосредственную власть великого князя литовского, он объясняет это влиянием Сангушков, местных крупных феодалов, которые будто бы намеревались с помощью Литвы отобрать у Польши Ратно и Ветлы, захваченные ею при Свидригайле. В то же время наиболее знатные магнатские фамилии тоже поддерживали Свидригайлу.⁶

Разумеется, политика великого князя Казимира в отношении Свидригайлы и Волыни была связана со стремлением волынского панства отторгнуться от Литвы в виде протеста против засилья литовских магнатов в великом княжестве литовском. Тем не менее проводимая великим князем политика уступок дала положительные результаты, так как Волынь с Восточной Подолией вновь была включена в сферу влияния великого князя, сохранившего над нею сеньериальные права.

О. Галецкий, не желая видеть в успехе политики Свидригайлы в отношении Польши поражения польской политики, пытается объ-

¹ М. Любавский. Областное деление..., стр. 41; D a n i l o w i c z. Skarbiec diplomatow, t. II, № 1630; О. Н а л е с к и. Op. cit., str. 295, 303—306.

² М. Любавский. Областное деление..., стр. 41.

³ Е г о ж е. Литовско-русский сейм, стр. 87; О. Н а л е с к и. Op. cit., str. 323.

⁴ М. Любавский. Областное деление..., стр. 41.

⁵ М. Грушевский. Указ. соч., стр. 234.

⁶ О. Н а л е с к и. Op. cit., str. 344.

яснить возвращение Волыни Свидригайле соглашением сторонников Свидригайлы с самим королем.¹ Конечно, как в том, что сторонники Свидригайлы предъявили королю известные требования, так и в том, что король должен был их принять, нет ничего удивительного. Но едва ли польский король мог добровольно согласиться на отказ от Волыни, как это описывает О. Галецкий. С какой бы стороны ни подходить к рассмотрению вопроса о возвращении Волыни Свидригайле, все же надо признать, что Польша потерпела большое дипломатическое поражение, а русские феодалы ясно продемонстрировали свое нежелание быть под властью Польши.

Польские магнаты при жизни Владислава III должны были примириться с потерей Волыни и восточной Подолии. Правда, поляки были крайне раздражены постигшим их дипломатическим поражением. Недаром среди них, по сообщению Длугоша, созрел план раздела великого княжества на несколько частей. Предполагалось, что Волынь вместе с Кременцом, Брест-Литовский, а также Каменецкое староство вместе с Подолией отойдут к короне; Болеслав Мазовецкий получит Подляшье, которое им было захвачено до вступления Казимира на великокняжеский престол; остальная часть Литвы, без Троку, вместе с Белоруссией должна была оставаться во владении Казимира.

Этот план раздела великого княжества ярко отражал политические настроения польских магнатов, но вновь сложившаяся политическая обстановка не благоприятствовала выполнению этого захватнического плана. Даже О. Галецкий готов признать, что этот план был в сущности крупной политической ошибкой, так как он «напрасно раздражил Литву».²

10 ноября 1444 г. в битве под Варной пропал без вести Владислав III, и полякам, мечтавшим о захвате всей Украины, оставалось только одно — избрать на польский престол Казимира. Это избрание состоялось на сейме в Серадце в 1445 г.³ Поляки, избирая на престол Казимира Ягайловича, надеялись получить от него Волынь и литовскую Подолию, но и на сей раз им это не удалось. Литовские магнаты считали Волынь и Подолию землями, принадлежавшими Литве. В виду притязаний на них со стороны поляков, Казимир выдал 2 мая 1447 г. привилей «прелатам, княжатам, шляхте, боярам и мещанам Литовской, Русской, Жмудской и других земель» и должен был дать обещание не уменьшать владений великого княжества и сохранить его в тех пределах, в каких оно заключалось при великом князе Витовте.⁴

В начале 1452 г. Свидригайла смертельно заболел. Польские паны вновь потребовали от Казимира возвращения Волыни полякам, но Казимир, вместо ответа на польское предложение, отдал распоряжение занять волынские замки.⁵ Сам Свидригайла передал Луцк Литве⁶ о чем сообщает Длугош.

Было ли в действительности такое завещание или нет, сказать трудно, хотя М. Любавский склонен был признать наличие лишь словесного завещания.⁷ Впрочем, для литовских магнатов вопрос

¹ О. H a l e s k i. Op. cit., str. 345.

² I b i d. Op. cit., str. 346.

³ М. Л ю б а в с к и й. Литовско-русский сейм, стр. 97.

⁴ Zbiór praw litwiskich, str. 28—35; М. Л ю б а в с к и й. Литовско-русский сейм, стр. 97—98.

⁵ М. Л ю б а в с к и й. Областное деление..., стр. 41—42; А. П р е с н я к о в. Указ. соч., стр. 146.

⁶ М. Г р у ш е в с к и й. Указ. соч., стр. 243.

⁷ М. Л ю б а в с к и й. Областное деление..., стр. 41.

о завещании Свидригайлы не имел практического значения, так как вся Волынь уже находилась в руках Литвы, что едва не повлекло за собой военное столкновение с раздраженными поляками во главе с Збигневым Олесницким.¹ Чтобы удержать на своей стороне волыньских феодалов, Казимир выдал им областной привилей, закреплявший за ними их права и подтверждавший права Волынской земли.²

Получив Волынь, литовцы не вернули Западной Подолии, оставшейся за Польшей. Во всяком случае возвращение Волыни под непосредственную власть великого князя Литовского было большой дипломатической победой литовского магнатства и полным поражением польской шляхты, особенно малопольских феодалов, добивавшихся присоединения Волыни к Польше. Преемники Казимира совместно с литовскими магнатами сохранили власть над Волынью и, с своей стороны, подтверждали права Волынской земли.³ Все попытки польских феодалов захватить Волынь не увенчались успехом вплоть до 1569 г.

VI

Западно-русские земли, которые к XV в. назывались «Белоруссией», вынуждены были признать власть великого князя литовского. Черная Русь была захвачена Литвой еще при Миндовге к половине XIII в.⁴ При Гедимине Минск попал в сферу влияния великого княжества Литовского.⁵ Подляшье или Берестейская земля также признали суверенитет великого князя литовского при Гедимине.⁶ При Гедимине же подчинилось Литве соседнее с Черной Русью Полесье с центром в Пинске.⁷ Еще раньше, к половине XIII в., Полоцкая земля попала в зависимость от литовских князей.

Соседившие с Берестейской землей мазовецкие князья не раз пытались захватить ее и вовлечь в орбиту польской политики. Великий князь литовский Ягайла, став польским королем, подпал под влияние польской магнатской партии и проводил в жизнь политику уничтожения великого княжества литовского, как самостоятельного государства. Борьба Витовта побуждала Ягайлу искать опоры у поляков, чтобы с их помощью сохранить в неприкосновенности Кревскую унию 1385 г. В 1390 г. часть Берестейской земли — Дорогицкая земля с городами Дорогичином, Мельником, Суражем и Бельском — была передана кн. Янушу Мазовецкому, который еще в 1382 г. пытался захватить ее.⁸ Витовт повел энергичную борьбу за возвращение отнятого у Литвы наследия Гедимина, и в 1392 г. ему удалось вернуть Дорогицкую землю Литве.

В 1394 г. Ягайла был вынужден возвратить Витовту Каменец с округом, а потом Берестье с волостями. Кроме того Януш Мазовецкий отказался от Бельска, разоренного Тевтонским орденом в 1377 г. Так Витовту удалось вновь воссоединить Берестейскую землю с Литвой.

В борьбе с Свидригайлой Сигизмунд Кейстутович, желая приобрести себе союзника в лице Мазовецкого князя Болеслава, завещал

¹ М. Грушевский. Указ. соч., стр. 243.

² Акты Западной России, I, № 53, II.

³ М. Любавский. Областное деление..., стр. 42; Акты Западной России, I, № 213.

⁴ М. Любавский. Областное деление..., стр. 3.

⁵ Там же, стр. 12—13.

⁶ Там же, стр. 15.

⁷ Там же, стр. 23.

⁸ Там же, стр. 16.

ему после своей смерти Дорогицкую землю. С избранием на великокняжеский престол Казимира Ягайловича дорогицкая шляхта отложилась от Литвы. Местный великокняжеский староста Юрий Назута, мазовшанин родом, добровольно поддался под власть Болеслава Мазовецкого на том основании, что Дорогицкая земля после смерти Сигизмунда Кейстutowича должна была перейти к Болеславу.¹ Мазовецкая шляхта хлынула массами в Дорогицкую землю и начала захватывать населенные русские земли. Болеслав, стремясь укрепить польское господство в Дорогицкой земле, предоставил местной шляхте возможность пользоваться польским правом.²

Казимир и литовские паны не могли и не хотели примириться с потерей Дорогицкой земли и были готовы с оружием требовать у Болеслава территорию, принадлежавшую великому княжеству литовскому. Но до войны дело не дошло, так как Болеслав Мазовецкий отказался от всяких претензий на Дорогицкую землю и согласился возвратить ее Казимиру за 6 000 широких парижских грошей.³ Для успокоения местной польской шляхты Казимир выдал привилей, позволивший ей пользоваться теми правами и вольностями, которые содержатся в статуте Польского королевства.

VII

В течение XV в. и первой половины XVI в. польским феодалам не удалось захватить Воынь, восточную Подолию и Подляшье. Но польские паны не отказывались от надежды их захватить и ждали только благоприятной для их планов политической обстановки. В связи с ростом хлебного экспорта за границу через Гданск (Данциг) польские паны стремились захватить украинские и белорусские земли, где еще сохранилось много земель, бывших собственностью великого князя литовского. Польским панам скоро представился благоприятный случай для реализации их планов. Началась ливонская война, в которую было втянуто великое княжество Литовское, так как Ливония, неспособная сама сдержать наступление войск Ивана IV, отказалась от своей политической самостоятельности и объединилась с Литвой.

Военные действия развертывались очень неудачно для великого княжества Литовского. Полоцк был взят московскими войсками. Магнатское литовское правительство оказалось неспособным организовать оборону в Белоруссии против Ивана IV и на Украине против татар. Сами магнаты были не прочь переложить всю тяжесть ведения войны на плечи литовской и белорусской шляхты. Шляхта же, стремясь облегчить ложившееся на нее военное бремя, искала помощи у Польши. Но та соглашалась на помощь Литве только при условии заключения унии Литвы с Польшей на желательных для Польши условиях. Украинские шляхтичи тоже видели в Польше силу, которая поможет им защитить имения от набегов татар. Помимо этого украинские, литовские и белорусские шляхтичи в унии с Польшей видели средство к ослаблению политического значения магнатов и к установлению господства шляхетства.

Так создававшаяся политическая обстановка вновь выдвигала проблему унии Польши с Литвой как первоочередную политическую задачу. Эти планы были реализованы польскими панамы еще до

¹ О. H a l e s k i. Op. cit., str. 347; ПСРЛ, XV, стр. 577.

² О. H a l e s k i. Op. cit., str. 347.

³ I b i d., str. 350. М. Л ю б а в с к и й. Областное деление..., стр. 16.

формального заключения унии Польши с Литвой в 1569 г. на Люблинском сейме. Они насильно отняли у великого княжества литовского Воынь, восточную Подолию, Киевщину и Подляшье. Борьба Польши за Украину окончилась — отныне все украинские земли находились под властью панской Польши. Белоруссия осталась за Литвой.¹

VIII

Польско-литовское шляхетство было не в силах удержать за собою белорусско-украинские земли. Освободительная борьба украинского и белорусского народов против панской Польши, непрерывно продолжавшаяся с конца XVI в., подорвала ее экономические силы и политическое значение. Польша превратилась во второстепенное государство, с которым никто не считался. «Постепенная деморализация правящей аристократии, недостаток сил для развития буржуазии и постоянные войны, опустошавшие страну, сломили — по словам Энгельса — наконец, силу Польши. Страна, которая упорно сохраняла нерушимым феодальный строй общества, в то время как все ее соседи прогрессировали, формировали буржуазию, развили торговлю и промышленность и создали большие города, — такая страна была обречена на гибель. Аристократы несомненно погубили Польшу и погубили ее окончательно».²

Разделы Речи Посполитой объединили правобережную Украину с левобережной, отпавшей от Польши и воссоединившейся с русским народом в 1654 г. Но часть украинской земли, старая галицийская Русь, была отдана австрийцам. Украинский народ был разделен на две части. Первая империалистическая война не принесла освобождения украинскому народу; наоборот, он был принесен Англией и Францией в жертву панской Польше. Восстановленная «миротворцами» Версалия Польша вновь стала жесточайшим образом угнетать народы Западной Украины и Западной Белоруссии и преследовать их культуру.

С восстановлением панской Польши польские националисты возродили идею Польши «от моря до моря». Они стали на путь захвата белорусских и украинских земель. Поход Пилсудского на Украину в 1920 г. окончился крахом. Доблестная Красная армия прогнала польских панов с богатых полей Украины. С позором были изгнаны польские паны и из Белоруссии. Паны-поляки вместе с Врангелем, при содействии Антанты, пытались уничтожить советские республики. Но их планы потерпели крах, и они были вынуждены вступить в мирные переговоры, начавшиеся в Минске и закончившиеся в Риге в октябре 1920 г. Все же панам удалось захватить Западную Украину и Западную Белоруссию.

Двадцать лет продолжалось господство панов, доведшее население до крайней степени нищеты. Двадцать лет польские паны упорно и систематически уничтожали украинскую и белорусскую национальности. Двадцать лет паны угнетали народы Западной Украины и Западной Белоруссии, издевались над ними, преследовали их язык и культуру. Неудивительно, что когда вспыхнула война, бывшее польское многонациональное государство, основанное на угнетении и неравноправии национальных меньшинств, со-

¹ О. Н а л е с к и. *Op. cit.*, str. 245—317; М. Л ю б а в с к и й. Литовско-русский сейм, стр. 832—837.

² К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. *Соч.*, XIII, ч. I, стр. 159.

ставлявших 40% населения, не могла противостоять внешнему натиску и быстро разлетелось в прах.

Панская Польша перестала существовать. Народы Западной Украины и Западной Белоруссии при помощи овеянных славой полков Красной армии освободились от панской неволи, навсегда избавились от господства помещиков и капиталистов и добились социального и национального освобождения. Избранные на основе самого демократического в мире избирательного закона, Народные Собрания Западной Украины и Западной Белоруссии единодушно выразили свою волю, свою лелеемую веками мечту — воссоединиться с братьями-украинцами и братьями-белоруссами и войти в состав великого Советского Союза, объединившись в УССР и БССР.

Верховным Советом Союза Советских Социалистических Республик просьба Народного Собрания Западной Украины и Народного Собрания Западной Белоруссии удовлетворена. Настал конец вековому расчленению украинского и белорусского народов. Бывшие рабы панской Польши стали свободными советскими гражданами, гражданами могучей социалистической державы, уверенно под знаменами партии Ленина — Сталина идущей вперед — к коммунизму.

А. И. ГУКОВСКИЙ

БОРЬБА С ВООРУЖЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИЕЙ АНТАНТЫ В КРЫМУ ¹

3308

Перед приходом войск Антанты Крым находился в руках германских оккупантов. Он был занят в конце апреля 1918 г. частями 52-го корпуса, которым командовал ген. Кош. Последний организовал в Крыму марионеточное «правительство» ген. Сулькевича, еще более эфемерное, чем «правительство» гетмана Скоропадского на Украине. Сулькевич, как и Скоропадский, всецело зависел от германского командования. Германские штыки были единственной опорой его власти.

Уже осенью 1918 г. эта опора стала колебаться. В Крыму началось разложение и революционизирование германских оккупационных войск. Разрасталась народная война против захватчиков. Крымскую буржуазию — русскую и татарскую — сильно тревожило пошатнувшееся положение оккупантов и созданного ими «правительства» Сулькевича. Кадеты, меньшевики и эсеры взяли на себя заботу о создании новой власти на случай ухода немцев и неизбежно связанного с этим падения Сулькевича.

Пробный шар был пущен Таврическим земством. Гласные осмелели. В сентябре 1918 г. на губернском земском собрании они вынесли постановление о недоверии «правительству» Сулькевича и потребовали образования власти «общественного доверия». Практических последствий это постановление не имело. Немцы чувствовали себя еще достаточно твердо и не пожелали считаться с мнением «демократии». Не считался с ним и Сулькевич. Спустя месяц повторился тот же маневр: 17—18 октября состоялось собрание земских гласных пяти крымских уездов, которое вновь протестовало против «правительства» Сулькевича и потребовало сформирования нового «правительства, опирающегося на широкие слои населения». ² Но и этот «протест» оказался бесплодным. Немцы еще не собирались уходить и разрешили Сулькевичу послать наряд полиции, который занял здание губернской земской управы.

Все продолжалось бы попрежнему, если бы немецкие оккупанты не были вынуждены поспешно уйти из Крыма.

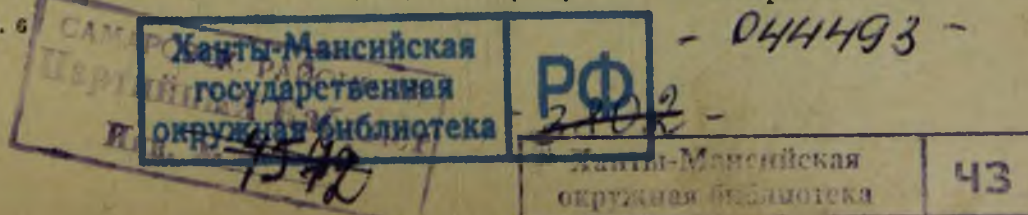
Теперь германскому штабу было не до Сулькевича. 30 октября Таврическая губернская земская управа запросила германское командование, намерено ли оно отозвать ген. Сулькевича. Ген. Кош ответил (31 октября), что «не будет препятствовать созданию нового правительства, если это произойдет без нарушения общественного порядка». ³

¹ Глава из книги «Вооруженная интервенция Антанты на Украине и в Крыму в 1918—1919 гг.»

² Д. П а с м а н и к. Революционные годы в Крыму (белоэмигрантское издание), стр. 114, Париж, 1926.

³ Газета «Южные ведомости», №№ 115 (227) и 116 (228) от 1 и 2 ноября 1918 г.

2 Историч. записки, т. 6



Крымская «демократия» была вполне удовлетворена разрешением, полученным от немецкого «начальства». 7-8 ноября в Симферополе происходил съезд земских и городских гласных. Кадеты, эсеры и меньшевики играли на нем руководящую роль. На съезде прежде всего торжественно огласили письмо Коша, благословляющего создание нового «правительства», а затем избрали нового главу «правительства» — крупного помещика Феодосийского уезда, кадета С. С. Крым.¹ Однако Сулькевич все еще цеплялся за власть и не хотел уходить с тепленького местечка. Поставил его на место все тот же генерал Кош. 13 ноября было опубликовано письмо Коша Сулькевичу, в котором говорилось: «В связи с брожением в широких массах, которое может вылиться в забастовки, вызванным пребыванием у власти Сулькевича, германское командование в целях сохранения спокойствия в крае вынуждено отказаться от дальнейшей поддержки правительства генерала Сулькевича».²

С. Крым быстро сформировал новое «правительство» и 15 ноября принял дела от Сулькевича, который поспешил убраться из Крыма, направив свои стопы к азербайджанским муссаватистам. В числе министров оказались матерые белогвардейцы: два видных кадета — В. Д. Набоков (министр юстиции) и М. М. Винавер (министр иностранных дел), еще один кадет, участник корниловского мятежа, Н. Н. Богданов (министр внутренних дел), деникинский адмирал Канин (морской министр), симферопольский присяжный поверенный, меньшевик П. С. Бобровский (министр труда), эсер С. А. Никонов (министр просвещения), банковский делец и бывший царский министр П. Л. Барк (финансы) и др.

Широковещательная программа этого «правительства» говорила о «свободе», «демократии», «великой России». Все эти громкие слова должны были скрыть подлинные цели: сохранение восстановленной немецкими оккупантами власти помещиков и буржуазии и беспощадную борьбу с Советской властью, с большевиками, с пролетарской революцией.

Собственных вооруженных сил новое «правительство» не имело. В первые дни оно опиралось на оставшиеся еще в Крыму немецкие гарнизоны, но это не мешало ему заявлять о «верности делу Антанты» и умолять о помощи англо-французского ставленника Деникина.

Последний сообщает в своих мемуарах довольно любопытные подробности о начальных моментах альянса «добровольческой армии» с крымским краевым «правительством». Оказывается, еще в октябре 1918 г. в Екатеринодар приезжал будущий «министр» Богданов и от имени Таврической губернской земской управы сообщил о предстоящей реорганизации власти в Крыму: о замене кабинета Сулькевича «демократическим» кабинетом, который выйдет из недр земского и городского самоуправления и будет возглавляться С. С. Крымом. Богданов просил Деникина назначить к тому времени ответственное лицо для организации в Крыму вооруженных сил под флагом «добровольческой армии» и послать в Крым десант «добровольческих» войск. Деникин, конечно, согласился. Когда новое «правительство» уже сформировалось, но не получило еще фактической власти из рук Сулькевича, С. Крым 11 ноября обратился к Деникину с аналогичной просьбой. По словам Деникина, С. Крым устанавливал тождество своих и «добровольческих» стремлений к «возрождению единой великой России» и признавал необходимость борьбы со «скрытой и

¹ Газета «Крым», № 86, от 9 ноября 1918 г.

² Газета «Вольный Юг», № 204, от 16 ноября 1918 г.

временно подавленной присутствием германских войск организацией анархических элементов Крыма» при содействии «добровольческой армии». ¹ И так, «демократическое правительство» С. Крыма само просило Деникина прислать войска для водворения в Крыму «порядка», для борьбы с «анархическими элементами», сиречь с большевиками.

Крымские «министры» отдавали себе отчет в том, что Крым их усилиями фактически превращается в часть деникинской территории. Это видно хотя бы из того, что сейчас же вслед за приглашением в Крым деникинских войск «правительство» договорилось с председателем деникинского «Особого совещания» ген. Лукомским о желательности «в первую же очередь объединить правительственные банки и денежные системы». ²

С. Крыму было не трудно найти общий язык с Деникиным, от которого его отличала лишь показная «демократическая» фразеология. И Деникин и С. Крым с его «министрами-социалистами» видели спасение в интервенции Антанты. С одинаковой ненавистью относились они к социалистической революции, к большевикам, к советскому строю. Между ними не было разногласий даже в вопросе об отношении к сепаратистским устремлениям местной татарской националистической буржуазии, и не случайно в состав «правительства» не ввели ни одного из представителей так называемого татарского курултая (парламента).

Здесь, забегаая несколько вперед, уместно будет отметить, что вся дальнейшая политика Крымского краевого «правительства» по отношению к татарскому населению проходила под знаком деникинской нетерпимости в национальном вопросе.

Началось с мелочей. В Ялте, например, потребовали, чтобы все татарские магазины и лавки были закрыты 25 декабря (старого стиля) — в день рождества. Вскоре, в январе, собрался крымский съезд по народному образованию. Этот съезд, на который представители Крымской татарской директории (исполнительный орган курултая) не были даже приглашены, решил включить все татарские школы в общую сеть учебных заведений, изъяв их из ведения директории. Это уже был существенный удар по татарским буржуазным националистам. Тогда же, в январе, «правительство» предложило директории освободить занятое ею помещение. Директория отказалась, но ее выселили насильно. Начались преследования татарских националистов: возбуждались судебные процессы против них, производились аресты.

Наиболее реакционная часть татарской буржуазии и татарских помещиков — группа мурзаков — пошла на сделку с «правительством» и с «добровольческой армией». Но и «левые» мелкобуржуазные группировки националистов — так называемые «мили-фирковцы» — отнюдь не стремились к действительной борьбе с деникинцами: они больше всего боялись не черносотенной реакции, принесенной в Крым «добровольческой армией», а пробуждения классового самосознания трудящихся татар. «Мили-фирковцы» всячески старались внушить татарам — крестьянам и рабочим, что у них общие интересы со всем татарским населением Крыма. До известной степени эти контрреволюционные стремления «мили-фирковцев» достигали цели. Последние вели

¹ А. Д е н и к и н. Очерки русской смуты, V, стр. 54; см. также гл. 5.

² Из доклада П. Барка на заседании Комитета финансов Крымского краевого правительства 13 января 1919 г. (ЦАОР, ф. 1053, инв. № 3119 б., д. № 2, л. 35). В развитие этого соглашения Деникин открыл крымскому «правительству» кредит в сумме 50 млн. рублей «донскими» денежными знаками.

свою тлетворную агитацию, пользуясь слабостью подпольных большевистских организаций Крыма и ошибками в национальном и земельном вопросах, которые были допущены местными большевиками в первый период Советской власти в Крыму (в начале 1918 г.). Повторяя утверждения татарских буржуазных националистов, деникинский осведомитель в докладе о настроениях татарского населения в Крыму писал: «Классовой розни у татар быть не может в силу исторического уклада народа». ¹ Это глубокомысленное замечание жан-дарма было вполне по душе и «мили-фирковцам» и мурзакам.

Но жизнь разрушала все иллюзии националистов. Классовая борьба, охватившая крымскую деревню, вовлекла в свой круговорот и крестьян-татар. Жизнь учила распознавать, где истинные друзья и враги. Мелкобуржуазные националисты с каждым днем теряли свои позиции среди трудящихся татар, зато великие лозунги Советской власти стали прокладывать себе дорогу и в эту, тогда еще отсталую, среду.

Но вернемся к моменту появления в Крыму деникинцев и новых интервентов.

Крымская буржуазия с большим нетерпением ждала деникинцев. С еще большим вожделием ждала она появления «союзников». Газеты печатали на видном месте воззвание французского командования «К жителям Юга России». Передавались фантастические слухи об огромной «дружественной» армии, которая несет с собою «порядок», за которой следуют корабли с мануфактурой и другими товарами. Последнее обстоятельство особенно радовало обывателей.

Но рабочие знали цену этим «дарам» и видели спасение только в установлении Советской власти. Крымские белогвардейские газеты сообщали не только о скором приходе «союзников»: с большой тревогой писали они о революционных настроениях в рабочей среде. «В городе расклеены большевистские прокламации, — сообщала 16 ноября 1918 г. одна из севастопольских газет, — призывающие рабочих не допускать союзников в Крым. Прокламации подписаны Военно-революционным комитетом и ежедневно читаются толпами рабочих». ² Вновь прозвучало страшное для буржуазии слово «Военно-революционный комитет». Кроме прокламаций, в Симферополе стала выходить подпольная газета «Крымский коммунист», которая вскрывала истинный смысл создания нового «правительства» с «демократической» вывеской и разоблачала поддерживающих это «правительство» эсеров и меньшевиков. Было от чего притти в отчаяние!

Между тем немецкие войска постепенно выводились из крымских городов. «В Ялте, — записывал 16 ноября в свой дневник «обыватель» А. В., — началась частичная погрузка германских войск на пароходы. Закрыта немецкая эталпная комендатура». ³ В тот же день германские войска были выведены и из Евпатории. ⁴ 18 ноября они окончательно эвакуировались из Ялты. Военские эшелоны уходили на север и из других городов, нагруженные добром. В первых числах ноября немцы вывезли из Крыма не только последние хлебные запасы, но и семенные фонды из всех базисных складов. Из Феодосии вывезли в Германию все механизмы и оборудование радиостанции. ⁵ Сам генерал Кош (он эвакуировался из Симферополя вместе с штабом 52-го

¹ ЦАОР, ф. 430, инв. № 259, д. № 2, л. 18.

² Газета «Вольный Юг», № 204.

³ А. В. Дневник обывателя. «Архив русской революции», IV, стр. 259.

⁴ Газета «Южные ведомости» от 21 ноября 1918 г.

⁵ Феодосийский архив, ф. городской управы, св. 57, д. № 33, стр. 132.

корпуса 30 ноября¹⁾ увез очень много ценного имущества — предметов искусства и старины — из бывших царских коллекций Ливадийского дворца. Немецкие офицеры, занимавшие лучшие гостиницы, тщательно срезали с мебели кожаную и шелковую обивку. С кораблей Черноморского флота захватили столовое серебро кают-компаний...²

Пока немецкие офицеры перед отъездом набивали чемоданы серебром и другими ценностями, зашевелились русские офицеры-золотопогонники. Открылись вербовочные бюро для записи в деникинскую «добровольческую армию», началась погромная агитация. Но офицеров в Крыму было слишком мало, чтобы обеспечить «порядок». Не появлялись пока и десанты «союзников».

17 ноября С. Крым послал телеграмму Деникину с повторной просьбой — отправить в Крым десант. Деникин не заставил себя долго просить. 20 ноября он распорядился послать в Керчь и в Ялту пятитысячный отряд с артиллерией под командованием ген. Корвин-Круковского, обусловив отправку этого отряда полным подчинением его самому Деникину, а не Крымскому краевому правительству.³

Первый десант деникинской «добровольческой армии» прибыл в Керчь 22 ноября. В тот же день состоялось совещание министров Крымского краевого «правительства» с представителями «добровольческой армии». 25 ноября отряд «добровольцев» в составе двух сотен кубанских белоказаков прибыл в Симферополь, а в Ялту для «охраны» южного побережья Крыма прибыл Корниловский полк.⁴ 27 ноября ген. Корвин-Круковский издал в Симферополе приказ о своем вступлении в командование вооруженными силами «добровольческой армии», крепостями и гарнизонами Крыма,⁵ — Деникин спешил прибрать Крым к своим рукам.

Официально взаимоотношения «краевого правительства» и командования деникинских войск должны были покоиться на двух началах: «полное невмешательство Добровольческой армии во внутренние дела Крыма и полная самостоятельность Добровольческой армии в вопросах военного командования.»⁶ Фактически же «правительство» С. Крыма сразу передало всю власть деникинской черносотенной военщине. Сделано это было вполне сознательно. Однако наличие в составе «правительства» эсеров и меньшевиков и игра в «демократизм», затеянная для обмана трудящихся и мелкобуржуазных и обывательских слоев населения, обязывали к показному «либерализму». Буржуазные газеты то и дело помещали статьи и заметки о «политических расхождениях» между «правительством» и «добровольцами». Когда начались бесчинства деникинских офицеров (а они начались с первых же дней прихода «добровольцев»), «министры» порою позволяли себе что-то вроде «протестов». Но это мало смущало деникинцев, и они чувствовали себя полными и единственными хозяевами Крыма.

Так продолжалось до появления настоящих господ, слугами которых были равно и Деникин и С. Крым вкупе со всеми своими «министрами».

¹ Газета «Южные ведомости», от 30 ноября 1918 г.

² Газета «Таврический голос» от 6 декабря и «Вольный Юг», от 7 декабря 1918 г.

³ А. Деникин. Указ. книга, V, стр. 54—56.

⁴ Газета «Южные ведомости», №№ 135 и 139, от 26 и 30 ноября 1918 г.

⁵ Газета «Крымская речь», № 125, от 29 ноября 1918 г.

⁶ Так свидетельствует М. М. Винавер, составивший (уже после позорного бегства из Крыма) особую «справку» о деятельности «правительства», которая тщетно пыталась реабилитировать обанкротившихся «министров». Эта «справка» опубликована нами в «Красном архиве», XXII, стр. 130 и сл.

I. НАЧАЛО БОРЬБЫ

Эскадра англо-французских военных кораблей впервые появилась в Крыму на Севастопольском рейде 22 ноября 1918 г. 26 ноября прибыл английский броненосец «Сюперб» — флагманский корабль командующего Средиземноморской эскадрой английского адмирала Кальторпа (Calthorpe). В этот же день интервенты приступили к приемке от германского командования русских военных судов Черноморского флота, захваченных в свое время немецкими оккупантами.¹ 27 ноября иностранные команды заняли боеспособные корабли «Воля», «Счастливы», «Дерзкий», «Беспокойный», «Капитан Савен», «Зоркий» и «Звонкий». На кораблях были подняты иностранные флаги: английский, французский, итальянский и (на одном корабле) греческий.²

Белогвардейские адмиралы — Герасимов, присланный в Севастополь Деникиным, Канин, морской министр Крымского «правительства» и командующий Черноморским флотом (его утвердил тот же Деникин) и Покровский, выступавший от имени «правительства Украинской державы», — удостоились чести быть принятыми старшим на рейде английским адмиралом Кальторпом и (после его отбытия в Одессу) французским адмиралом Леже. Белогвардейцы добивались у интервентов разрешения сохранить за своими «правительствами» хотя бы часть уцелевшего русского флота. Герасимов и Канин восхваляли андреевский флаг Деникина, Покровский — флаг мифической «Украинской державы». Иностранцы плохо разбирались в склочных делах российских белогвардейцев и одинаково третировали всю компанию просителей, хотя Леже, видимо, отдавал предпочтение Покровскому за его особенно блестящую форму (о чем с плохо скрываемой завистью сообщал Герасимов Деникину).³

Впрочем, не помогла и блестящая форма. По распоряжению интервентов все боеспособные суда были отведены в Измир для интернирования.⁴ «Украинская держава», — рассеявшаяся, как дым, с крахом создавших ее германских оккупантов, — ничего не успела получить от «союзников». Деникину же достались легкие крейсера «Память Меркурия» и «Кагул», несколько миноносцев, подводных лодок и вспомогательных судов — все они требовали серьезного ремонта.⁵ «Кагул», пять миноносцев и три подводных лодки с трудом удалось увести на буксире в Новороссийск весной 1919 г., когда Деникин вместе с интервентами был выбит Красной армией за пределы Крыма.⁶

Завладев флотом, интервенты начали готовить почву для захвата Крыма. Вооруженных сил для высадки десанта в распоряжении морского командования первое время не было, и дело ограничивалось выступлениями демонстративного характера и, в частности, посылкой военных судов в крымские порты.

30 ноября в Ялту прибыли английский и французский миноносцы. Местная буржуазия встретила интервентов с ликованием. В Городской думе была организована торжественная встреча. И только среди рабочих чувствовалось «явное негодование», — так записывал в свой дневник уже цитированный нами белогвардейский «обыватель».⁷

¹ А. Деникин. Указ. книга, IV, стр. 40.

² УЦГАЛ, МИА, ф. Морского управления, оперативная часть 1918—1919 гг., д. № 21691/6, л. 436; газета «Южные ведомости», № 138, от 29 ноября 1918 г.

³ УЦГАЛ, МИА, ф. Морского управления вооруженных сил Юга России 1919 г., д. № 21644, лл. 309—311 (доклад Герасимова Деникину «о посещении Севастополя»).

⁴ А. Деникин. Указ. книга, IV, стр. 85.

⁵ УЦГАЛ, МИА, ф. Морского управления, опер. ч. 1918—1919 гг., д. № 21691/6, л. 436.

⁶ А. Деникин. Указ. книга, IV, стр. 85.

⁷ А. В. Указ. книга, стр. 262.

Такой же демонстративный характер носила торжественно обставленная поездка в Симферополь (6 декабря) делегации в составе 60 офицеров и матросов во главе с французским вице-адмиралом Робеном и английским полковником Тамплем.¹

К этому времени в Севастополе был высажен первый небольшой десант войск интервентов — несколько сотен английской пехоты. Сведения об этом десанте имеются в телеграмме политотдела Южного фронта, посланной в Москву (в Совнарком, ВЦИК и ЦК партии) 16 января 1919 г. Телеграмма определяет численность десанта в 350 чел. и указывает, что он был высажен «около 5 декабря».² В той же телеграмме приводятся сведения о наличии английского отряда из 200 чел. в Керчи, без указания даты высадки его. Последняя информация не находит подтверждения в имевшихся в нашем распоряжении белогвардейских архивах или мемуарных источниках; сведения же об английском десанте в Севастополе встречаются в уже упомянутой нами «справке» Винавера. Винавер говорит об английском десанте в 500 чел., высадившемся «в начале декабря». По всей видимости, этот английский десант был вскоре уведен с берега и посажен на суда (по крайней мере, больше о нем никаких указаний нигде не встречается), а вместо него был высажен французский десант. Винавер, не приводя точной даты высадки этого второго десанта, говорит, что он состоял из «всех разрядов войск», достигал 1600 чел., затем был усилен до 3 тыс. и оставался в Севастополе «впредь до дальнейших инструкций»; из контекста явствует, что за пределы Севастополя он не выводился, во всяком случае, до начала марта 1919 г.³ Об этом же десанте встречается упоминание в осведомительной телеграмме начальника штаба «добровольческой армии» в Симферополе. Он сообщал, что 25 декабря в Севастополь прибыли два транспорта французской пехоты и на другой день началась высадка прибывших войск на берег.⁴ Всего высадилось 2 тыс. чел. (прибытие артиллерии ожидалось через несколько дней);⁵ повидимому, это были «цветные» колониальные части.⁶

Для буржуазии наступили дни радости и ликования. Сбылись долгожданые мечты; «дорогие союзники» наконец присылают свои войска. Правда, многих смущало, что в роли «спасителей» выступают не настоящие французы, а «какие-то зуавы», но с этой неловкостью легко примирились.

Иными глазами смотрели на высадку войск рабочие. С ненавистью встречали они новых интервентов. Эсеры и меньшевики (далее мы подробнее остановимся на подлой роли этих продажных «социалистов») старались внушить рабочим, что Антанта не будет вмешиваться во внутреннюю жизнь Крыма, что она посылает свои войска для «помощи русскому народу». Но все их разглагольствования могли обмануть лишь наиболее отсталую часть рабочих, и то на время. Подавляющее большинство рабочих с жадностью прислушивалось к большевикам.

Большевистские организации Крыма, разгромленные и загнанные в глубокое подполье в период германской оккупации, были обескровлены. Они не могли сплотить рабочих для немедленных активных

¹ Газета «Приазовский край», № 205, от 10 декабря 1918 г.

² Телеграмма № 94, секр., ЦАОР, ф. 130, оп. 17, д. № 3, 1919 г., л. 31.

³ «Красный архив», XXII, стр. 136.

⁴ Телеграмма от 26 декабря 1918 г., ЦАОР, ф. 430, инв. № 259, д. № 3, лл. 5—6.

⁵ Тот же фонд, д. № 4, лл. 2—3.

⁶ О высадке в Севастополе «двухтысячной армии зуавов» говорится в воспоминаниях белогвардейцев («Архив русской революции», IV, стр. 265).

действий против интервентов и белогвардейцев. К тому же всякое выступление — особенно в Севастополе, который кишел деникинскими офицерами, а теперь был занят крупными регулярными частями интервентов, — было бы в данный момент обречено на неудачу. Перед большевиками стояла задача тщательно подготовить рабочих и крестьянскую бедноту к активным действиям, организовать их, изо дня в день вести разъяснительную агитационную работу.

Большевики-подпольщики проявляли исключительный героизм в своей агитационной работе. Как раз в день, когда в Севастопольском порту заканчивалась высадка французских войск, на вокзале, занятом английским караулом, большевик-агитатор раздавал революционные прокламации. Его схватили и с благословения английского офицера расстреляли на месте.¹

Заняв своими войсками Севастополь, интервенты предоставили деникинцам «поддерживать порядок» на всей остальной территории Крыма. Деникинцы дошли до Перекопа, но не располагали достаточными силами для немедленного продвижения в глубь Северной Таврии. Они прикрывали подступы к перешейкам с востока, держа в своих руках все побережье Азовского моря по линии Керчь—Бердянск и далее на Таганрог—Ростов. С запада перешейки охранял деникинский отряд ген. Петренко, переброшенный из Одессы в Хорлы и отсюда отошедший в район Чаплинка—Перекоп—Армянск.² Но все пространство от берега Азовского моря до Днепра и, в частности, железнодорожная линия на Мелитополь—Александровск находилось первоначально вне сферы действий деникинцев. Здесь хозяйничали махновцы и петлюровцы.

Махновские банды, опираясь на район Гуляй-Поле, делали налеты на населенные пункты в направлении на Бердянск. В оперативных телеграммах крымского штаба «добровольческой армии» действия махновцев были зафиксированы в Орехове, Верхне-Токмаке, Черниговке, Стульневе и ряде других пунктов указанного направления. Спорадически упоминания о махновских бандах встречаются также в сведениях, поступивших из селений Тимашевка, Михайловка и др., расположенных несколько западнее, в районе станций Пришиб и Федоровка. Однако в основном этот район, а также еще более западный район до течения Днепра оказались захваченными, главным образом, петлюровскими бандами, которые продвигались из Екатеринослава на юг вдоль железной дороги в сторону Мелитополя. В 20-х числах декабря Мелитополь находился уже в руках петлюровцев. Здесь расположился штаб так называемой «украинской дивизии». Западнее оперировали другие петлюровские банды, а в районе Николаева к этому же времени появился 8-й «Украинский корпус» (гетманский), который продвигался в сторону Мелитополя.

Ни махновские ни петлюровские банды не представляли собой сколько-нибудь серьезной военной силы и, повидимому, не внушали опасений засевшим в Крыму белогвардейцам. Махновцы ограничивались налетами на деревни и хутора и грабежом населения, избегая столкновений с деникинскими частями. Не проявляли особо агрессивных намерений против деникинцев и петлюровцы, а 8-й «украинский корпус», по данным деникинской разведки, имел даже намерение присоединиться к «добровольческой армии». 29 декабря, после того как части этого корпуса прошли Каховку, с ними была установлена связь, и они были направлены в сторону Перекопа.³

¹ «Архив русской революции», IV, стр. 265.

² ЦАОР, ф. 1486, д. 26, лл. 17—19.

³ Там же, ф. 430, инв. № 259, д. № 4, лл. 5—11.

Борьба с такого рода «противником» не представляла особого труда, и крымское «правительство», опираясь на деникинские воинские части, вынесло решение о присоединении к Крыму Северной Таврии, что и было опубликовано в крымских газетах 24 декабря.¹

В дальнейшем операции против махновцев велись главным образом в Бахмутском направлении, за пределами Северной Таврии, а против петлюровцев — в низовьях Днепра. Здесь район Алешки — Каховка «добровольцам» так и не удалось закрепить за собой и тем самым обеспечить оперативное взаимодействие с силами интервентов и «добровольцев», действовавшими в районе Одесса—Николаев—Херсон. В частности, под Алешками деникинцы потерпели довольно серьезное поражение в бою с петлюровцами 22 января. «Добровольцы», потеряв большое количество убитыми, бежали из Алешек. Во время этой междоусобной драки белогвардейцев поблизости находился английский миноносец. Очевидно, и деникинцы и петлюровцы одинаково рассчитывали на помощь «союзников», но ошиблись и те и другие. На этот раз интервенты соблюдали нейтралитет и, действительно, не вмешались во «внутренние дела».²

Закрепившись с грехом пополам в трех уездах Северной Таврии — Бердянском, Мелитопольском и Днепровском, которые в период германской оккупации входили в состав «украинской державы», — деникинцы не пожелали даже номинально делить здесь власть с Крымским краевым «правительством». Игнорируя решение «правительства» о присоединении Северной Таврии к Крыму, они ввели в ней свое собственное гражданское управление, подчинив его военному генерал-губернатору. Что же касается местных органов «самоуправления», то с ними деникинцы совсем не церемонились; кое-кого из гласных арестовали, а двоих пристрелили «при попытке к бегству».³ Этот инцидент, конечно, смутил «правительство», но отнюдь не нарушил его полного контакта с «добровольцами».

Но главное внимание деникинцев и крымского «правительства» было сосредоточено на борьбе не с махновцами или петлюровцами, а с рабочими и революционно настроенными слоями крестьян. Если не считать заядлых кулаков, — особенно из числа немецких колонистов, — подавляющее большинство крестьян встречало приход «добровольцев» с нескрываемой враждебностью.

Когда «добровольческая» часть, заняв Перекоп, потребовала рабочих для исправления окопов, она «встретила отказ и угрозы населения».⁴ Сообщениями о враждебных выступлениях против офицеров пестрят все деникинские политические сводки, посылавшиеся из Крыма в Екатеринодар. В сводке от 26 декабря говорится: «В Севастополе выступления против отдельных чинов Добровольческой армии и союзников принимают все более определенные формы. Ежедневно обстреливаются патрули и здания военных учреждений Добровольческой армии. Население продолжает вооружаться, получая оружие через рабочую дружину... Такое же положение во всех остальных городах Крыма». В одной из следующих сводок сообщалось: «Вчера вечером на вокзал явилось 6 человек, вооруженных револьверами, в costume рабочих. Взяв из чинов находящейся там железнодорожной

¹ «Крымская речь», № 143, и др. газеты.

² ЦАОР, ф. 430, инв. № 259, д. 4, лл. 57—58; ф. 1486, д. № 7, л. 11 (телеграмма № 0444).

³ «Справка» Винавера — «Красный архив», XXII, стр. 134; ЦАОР, ф. 430, инв. № 259, д. № 4, л. 60.

⁴ ЦАОР, ф. 430, инв. № 259, д. № 4, лл. 2—3.

охраны 2-х человек и поставив их в зал 1-го класса, эти неизвестные начали срывать погоны с офицеров. Сорваны погоны у 5 человек, двое были разоружены. Офицеры на это никак не реагировали, безмолвно подчинившись разоружению. Все это происходило в присутствии многочисленной публики и железнодорожных служащих, которые проводжали эти действия смехом... Прюделав все это... вооруженные без помехи скрылись.¹

Можно было бы привести еще много примеров глубокой ненависти, с которой относились не только рабочие и крестьяне, но и рядовые обыватели Крыма, к разнузданной банде деникинских золотопогонников, призванных в Крым «Краевым правительством». Эта ненависть вызывалась всем поведением вечно пьянствующим офицеров, их наглыми бесчинствами, повальными обысками, массовыми самочинными арестами, расстрелами без суда. Винавер в своей «справке», говоря о «добровольческой армии» в крайне сдержанном тоне, вынужден признать, что «по качеству своему отряды («добровольческой армии». — А. Г.), присланные в Крым, особенно в Ялту, были таковы, что поведением своим вызывали негодование со стороны мирного населения. Отряды эти сочли себя в праве взять в свои руки расправу с теми, кого они признавали большевиками, и самовольными убийствами, арестами, разгромом типографий газет вызывали во всем населении Крыма крайне недружелюбное отношение к Добровольческой армии».²

Атмосфера в Крыму накалялась. Под давлением рабочих масс симферопольский Совет профессиональных союзов 2 января 1919 г. вынес резолюцию, требующую от «правительства» освобождения рабочих, арестованных добровольцами и заподозренных в «причастии к большевизму»; гарантий, что подобные аресты не повторятся, и наказания виновных в незаконных арестах. В случае невыполнения требований Совет профессиональных союзов грозил объявлением всеобщей забастовки. Текст резолюции был расклеен по городу и напечатан в газетах.³ Однако меньшевистские и эсеровские заправилы профсоюзов и не думали проводить в жизнь свои угрозы. Они голосовали за объявление забастовки только для того, чтобы усыпить бдительность рабочих, а на деле ждали только случая, чтобы сорвать начало забастовки. Уже через день, 4 января, конференция симферопольских профсоюзов, удовлетворившись заверениями «социалистов» — членов краевого «правительства», отклонила немедленное объявление забастовки. В тот же день против забастовки высказался и съезд крымских железнодорожников. На съезде присутствовали, главным образом, высокооплачиваемые железнодорожные служащие. Фальсифицируя мнение всей массы железнодорожников, они ограничились внесением словесного «протеста» против «самочинных действий отдельных чинов в добрармии». По словам деникинских информаторов, «по существу съезд отнесся к армии благожелательно; члены съезда не признают забастовку допустимой мерой протеста или поддержки своих требований».⁴

«Правительство» С. Крыма стремилось сохранить известный «демократический» декорум и с опаской смотрело на бесчинства деникинцев. Особенно неловко чувствовали себя эсеры и меньшевики, полностью поддерживавшие «правительство» и кричавшие на всех перекрестках о его «демократизме». Однако молодчики из

¹ ЦАОР, ф. 430, инв. № 259, д. № 2, лл. 5 и 9.

² «Красный архив», XXII, стр. 133.

³ ЦАОР, ф. 430, инв. № 259, д. № 3, л. 8.

⁴ Там же, д. № 4, лл. 22—23.

деникинской контрразведки с искусством заправских жандармов всячески раздували слухи о большевистских заговорах, об огромных складах оружия и готовящихся чуть ли не каждый день вооруженных выступлениях большевиков. Чтобы развязать себе руки, они стремились как можно сильнее напугать и местную буржуазию, и местных «министров», и командование войсками, и интервентов. В политической сводке от 3 января сообщалось: «В рабочих кругах много говорят о готовящемся выступлении большевиков против правительства. Настроение приподнятое. По городу ходят самые невероятные слухи о событиях в Евпатории (об этих событиях речь будет итти дальше. — А. Г.). В связи со всеми этими слухами интеллигенция и буржуазия настроены панически. Доминирующей темой во всех разговорах является вопрос о добровольческой армии».¹

Деникинские контрразведчики легко осуществили задуманный маневр. Припугнув буржуазию и «правительство», они добились того, к чему стремились. В телеграмме от 7 января сообщалось: «Несмотря на различные препятствия, путем долгих переговоров было достигнуто соглашение с правительством по вопросу обысков и облав... Вчерашней ночью были произведены первые обыски в вокзальной части города...»²

Итак, «правительство» полностью капитулировало, предоставив «добровольцам» безоговорочную свободу действий. Оно и раньше имело весьма призрачную «власть», а сейчас, напуганное, отказывалось и от нее.

Под нажимом «добровольцев» «правительство» издало обязательное постановление, запрещающее движение по улицам после 12 часов ночи и требующее сдачи оружия. Проведение этого постановления и охрана важнейших пунктов Симферополя поручались «добровольческой армии». Этот шаг «правительства» получил соответствующую оценку от деникинских контрразведчиков, не лишённую оснований. В политической сводке от 10 января говорилось: «Отталкивая от себя понемногу демократические партии и группы, правительство несколько не приобретает сочувствия никаких других слоев населения: татары относятся к нему резко отрицательно и его не признают, собственники и буржуазные слои не видят в нем надежной твердой власти. Таким образом, краевое правительство, сыграв полезную роль временного переходного образования, постепенно утрачивает под собою почву».

Эта оценка «текущего момента» содержалась и в докладе «Осведомительного бюро», адресованном полковнику Нолькену—представителю «добровольческой армии» при командовании союзными войсками в Крыму. А в следующем докладе «Осведомительного бюро» тому же Нолькену, очевидно, предназначавшемся для информации штаба интервентов, содержалась характеристика того, как сами деникинские офицеры намерены осуществлять «твердый курс». Со знанием дела контрразведка сообщала, что офицеры стоят на точке зрения «беспощадного истребления большевиков, отвергая в деле истребления всякие проволочки, как, например, военно-полевой суд; причем сумма преступлений каждого отдельного лица, обвиняемого в большевизме, не имеет никакого значения, так как в этом случае рассуждения ясны: если он (пойманный большевик) не совершил особых преступлений, то мог бы совершить». Не трудно себе представить, как проводилась в жизнь подобная программа действий.

¹ Там же, д. № 2, л. 10.

² Там же, д. № 3, л. 11.

В тех же политических сводках в качестве приложений даны особые «материалы», предназначавшиеся, очевидно, не для штаба интервентов. В них говорилось: «При обысках было допущено много ошибок, несколько человек было избито... Настроение среди рабочих в связи с обысками озлобленное...» И в другом месте: «Обыски, произведенные чинами Добровольческой армии в ночь на 28 декабря (старого стиля. — А. Г.) вызвали много недовольства со стороны интеллигентской части населения обысканного района. Указывают, что многие члены Добровольческой армии были в нетрезвом состоянии... предписаний на производство обыска не предъявляли». Зато сами золотопогонники испытывали полное удовлетворение: «Настроение среди офицеров местного гарнизона улучшается. Последнее время меньше говорят о несправедливости к ним, удовлетворились произведенными обысками...»¹ Это говорилось о Симферополе, но аналогичная информация, конечно, строго секретно передавалась самими белогвардейцами и из других мест. Так, «из Джанкоя сообщают о крайне неблагоприятном впечатлении, которое производит на население поведение офицеров стоящей в Джанкое воинской части, называющей себя «священным батальоном». Офицеры этой части угрозами оружием заставляют исполнять в ресторанах и кафе «боже, царя храни»... Фельдфебель батальона выстрелом ранил в ресторане армянина...»²

Таков сухой язык официальных деникинских документов. За ним скрывалась жуткая картина насилий, зверства и грабежей, чинимых пьяной бандой «добровольцев». «Демократическое правительство» С. Крыма и не пыталось противодействовать разгулу деникинского белого террора. Легализировав систему повальных обысков и официально поручив «добровольческой армии» поддержание «порядка», оно пошло дальше по этому же пути. 7 февраля «Совет министров» постановил организовать «Особое совещание» в составе министров внутренних дел и юстиции и начальника штаба «добровольческой армии для рассмотрения действий лиц, избличенных в содействии большевикам с целью захвата последними власти». Расследование этих дел поручалось контрразведывательному отделению «добровольческого» штаба».³

Так претворилось в жизнь «невмешательство» «добровольческой армии» во внутренние дела Крыма. «Конфликт» между «правительством» и деникинцами разрешился к обоюдному удовлетворению, и 9 февраля крымский штаб «добровольческой армии» опубликовал «извещение, подтверждающее отсутствие разногласия между командованием и правительством». В конце извещения указывалось, что «единство целей командования и правительства заключается в признании необходимости беспощадной борьбы с большевизмом и в воссоздании общероссийской государственной власти».⁴

Подобная «легализация» деникинского белого террора не вызывала даже словесных протестов со стороны крымской «демократии». Эсеры и меньшевики поджали хвост и постарались «не заметить», что «правительство», в состав которого они входили и которое всячески под-

¹ ЦАОР, ф. 430, инв. № 259, д. № 2, лл. 15, 17, 21, 23 и 24.

² Там же, л. 25. Любопытная деталь: на документе имеется пометка: «Прошу перевести, что не вычеркнуто и поместить в сводку». Речь, очевидно, идет о составлении сводки для «союзников». Цитируемая фраза о бесчинствах «добровольческих» офицеров и ряд аналогичных мест были предусмотрительно вычеркнуты и переводу не подлежали.

³ Крымский архив Октябрьской революции, ф. 13, д. № 3 Министерства внутренних дел, Таврическое губернское правление, л. 13.

⁴ ЦАОР, ф. 430, инв. № 259, д. № 3, л. 26.

держивали, сбросило маску и официально предоставило свободу действий деникинским контрразведчикам.

Роль крымских эсеров и меньшевиков в период вооруженной интервенции Антанты была исключительно подлая даже для этих партий профессиональных предателей и продажных агентов «отечественной» буржуазии и интервентов. Эсеры и меньшевики несут полную ответственность прежде всего за появление деникинцев в Крыму. Уже известная нам поездка кадета-корниловца Богданова на поклон к Деникину с просьбой прислать войска в Крым была предпринята от имени Таврической губернской земской управы, в которой эсерам и меньшевикам принадлежало подавляющее большинство. Одного этого позорного факта достаточно для характеристики позиции крымских эсеров и меньшевиков, которые ничем не отличались от своих собратьев, открывших двери Колчаку, поднимавших контрреволюционные восстания в тылу Советской власти, установивших кровавую диктатуру в Грузии.

По существу они не отличались и от других контрреволюционных партий. Характерным образчиком солидарности с кадетами может служить, в частности, такой факт. Когда в декабре 1918 г. в Крыму была создана комиссия для разработки законопроекта о выборах в краевой сейм, меньшевики и кадеты с трогательным единодушием внесли в комиссию предложение (которое и было принято) не лишать избирательных прав членов царской семьи Романовых.¹ Для Крыма, где под гостеприимным крылышком интервентов благоденствовало немало число Романовых, это решение имело серьезное политическое значение.

Эсеры и меньшевики не ограничились приглашением Деникина в Крым. Они и после этого добивались, чтобы Деникин со своей «грабьярмией» привлек их к борьбе с Советской властью. 3 декабря в Симферополе открылся съезд земских и городских самоуправлений юга России. Сюда съехались делегаты от самоуправлений Таврической, Екатеринославской, Харьковской и некоторых других губерний. Не менее 75% всех делегатов были эсерами и меньшевиками. Этот контрреволюционный съезд высказался за поддержку «добровольческой армии», за «дружественную и достойную поддержку союзников» и с полным единодушием решил создать директорию Юга России для руководства в борьбе с большевиками.² Характерна дата этого съезда: он открылся в декабре 1918 г. и решил создать новую директорию, когда имелся уже наглядный опыт директории, созданной Комучем, когда на плечах этой директории уже успел прийти к власти Колчак.

Циничная контрреволюционность симферопольского съезда смутила самих меньшевиков. 27 декабря 1918 г. — 1 января 1919 г. в Москве происходило всероссийское совещание меньшевиков, принявшее двурушническое решение об отказе от всех планов «насильственного низвержения советской власти». В резолюцию «об обеспечении партийного единства» совещание включило специальный пункт о симферопольском съезде: «совещание констатирует, что на южном земско-городском съезде в Симферополе большинство представленной там с.-д. фракции присоединилось к решению к.-д. и с.-р. большинства съезда об организации общегосударственной власти на основе коалиции с буржуазией и союза с империалистами Согласия».³

¹ Газета «Таврический голос» от 12 декабря 1918 г.

² Газета «Южные ведомости», № 141 (153) и 142 (154) от 3 и 4 декабря 1918 г.; см. также статью белогвардейца Брайкевича «Из революции нам что-нибудь» («На чужой стороне», V, стр. 237).

³ «Партийное совещание РСДРП», резолюции, М., 1919.

Ближайшее будущее показало истинную цену этих решений все-российского совещания. На деле меньшевики и не думали отказываться от продолжения активной контрреволюционной борьбы с Советской властью. Но приведенный пункт резолюции лишний раз показывает, что и сами меньшевики прекрасно видели стремление своих крымских собратьев к полному содружеству с Деникиным.

Интересную характеристику местных меньшевиков и эсеров дает нашедшийся в то время в Крыму кадет Пасманик.¹ По его словам, появление новых интервентов и приход к власти кадетского правительства С. Крыма крымские меньшевики, принадлежавшие в большинстве своем к «левому» крылу партии ориентации Мартова, встретили «спокойно выжидательно» и отказались участвовать в «правительстве» (в него вошел меньшевик Бобровский из группы «Единство». — А. Г.). Что же касается эсеров, то они «искренно хотели сотрудничать с кадетами, даже выдвигали их на первые места, но стремились к тому, чтобы формально обставить все найдемократическим образом».²

Появившиеся в Крыму деникинцы легко раскусили местных эсеров и меньшевиков, с которыми им предстояло иметь дело. Еще в декабре 1918 г. один из деникинских генералов телеграфировал из Крыма в Екатеринодар: «Партия эсеров занимает позицию благоприятную Добрармии... Партия эсеров настроена к Добрармии отрицательно... однако, в виду враждебного отношения партии к большевизму, возможно изменение отношения к Добрармии».³

Надежда на перемену позиции меньшевиков быстро оправдалась. Прошло всего несколько дней, и в одной из деникинских политических сводок было с удовлетворением отмечено, что меньшевистская газета «Прибой», хотя и продолжает занимать «враждебную» позицию по отношению к «добровольческой армии», но значительную часть информации уже получает из Осведомительного бюро штаба, «что начинает определенно отражаться в подборе материалов и косвенно влияет на передовые статьи».⁴

Стремясь продемонстрировать перед рабочими свою «революционность», «Прибой» для приличия помещал иногда «протестующие» статьи, но в общем меньшевики и их газетка вполне примирились с режимом деникинщины. Примирились они и с иностранной интервенцией. Да и как было не «примириться», когда они сами провозглашали свое стремление к «дружественной и достойной поддержке союзников», хотя и здесь для отвода глаз порою позволяли себе что-то вроде «критики».

Когда в Севастополь пришли первые известия о десанте интервентов в Одессе, «Прибой» реагировал на это подленькой двусмысленной статьей «Начало оккупации». Статья как будто была направлена против интервенции, но, по существу, все недовольство «Прибоя» было вызвано не самым фактом десанта, а лишь тем, что этот десант состоит из «цветных» солдат (зуавов) и так называемого «иностранный легиона».

«Россия, — читаем мы, — будет иметь дело не с французским народом, с которым ее могут связывать узы долгой дружбы и общность

¹ Пасманик, в дореволюционное время в продолжение многих лет был членом центрального сионистского комитета в России, потом стал ярким приверженцем Деникина и даже, по собственному признанию, стяжал среди евреев славу «погромщика» (Указ. соч., стр. 9).

² Там же, стр. 123.

³ ЦАОР, ф. 1486, д. № 17, л. 37.

⁴ Там же, ф. 430, инв. № 259, д. № 2, л. 15.

культуры, а с колониальными войсками и с теми легионами, против которых вел неустанную борьбу великий французский гражданин Жорес». И дальше: «Мы встретили бы радостно и с братским приветом представителей (?—А. Г.) французского народа и французской демократии, но африканских зуавов, этого живого свидетеля французской колониальной политики и французского империализма, мы приветствовать не можем». В этой же статье «Прибой», прикидываясь дурачком, делает вид, что ему неясны цели, ради которых предпринимается интервенция: «Кого будут поддерживать союзники со своими цветнокожими войсками?.. во имя чего они будут бороться с анархией: во имя республики или во имя монархии?»¹

Вот вопросы, якобы тревожившие газету.

Что же касается эсеровских газет — «Вольного Юга» и др., то их уже ничто не тревожило, и прибытие войск новых интервентов, сменивших германских оккупантов, они встречали с едва скрываемым восторгом. Впрочем, в печати эсерам приходилось несколько сдерживать свой пыл, чтобы не разоблачить себя перед лицом трудящихся Крыма как прямых пособников интервентов и денкинцев.

Эсеры для того только и посылали своего представителя в состав краевого «правительства», чтобы обмануть трудящиеся массы и представить новый этап интервенции в «демократическом» свете. Но из этой затеи ничего не получилось. Появление в Крыму денкинцев и новых интервентов вызвало радость в кругах местной буржуазии, мелкобуржуазной интеллигенции и особенно — среди белогвардейских беженцев, собравшихся в Крым со всех концов России. В среде же рабочих и крестьян, не считая кулацкой крестьянской верхушки, с каждым днем все нарастало возмущение.

Здесь не могли уже помочь никакие усилия эсеров и меньшевиков. Народное возмущение нельзя было сдержать не только средствами подлой эсеро-меньшевистской агитации, но и силой оружия. Глухое недовольство принимало открытые формы, перерастало в вооруженную борьбу.

Одним из первых очагов крымского революционного повстанчества в период интервенции Антанты являлся Евпаторийский район. Здесь в каменоломнях скрывалось несколько большевиков-подпольщиков, бежавших от преследования белогвардейской контрразведки. Вокруг них стали собираться крестьяне окрестных деревень. Многие приходили в каменоломни с женами и детьми, так как их деревни (Богай и др.) были разорены карательными отрядами денкинцев. Постепенно сформировался большой партизанский отряд — человек в 350, из которых около 200 были вооружены. Жители соседних деревень доставляли в каменоломни продовольствие, оружие, патроны. Партизаны называли себя «красными касками». Отряд был хорошо организован, удалось устроить даже оружейную мастерскую. Во главе отряда стоял большевик Иван Петриченко. Партийная ячейка партизан была связана с подпольным большевистским комитетом и с отделениями отряда, действовавшими в Саках, Ак-Мечети и в деревне Агай.

«Красные каски» нагнали страху на евпаторийскую буржуазию, на помещиков и кулаков. Они нападали на соседние экономии и кулацкие хутора, отбирали оружие, реквизировали лошадей, провиант, фураж. В начале января партизаны стали угрожать непосредственно Евпатории. Они не ограничивались уже обороной своих каменоломен и перешли в наступление на Евпаторию, высылали

¹ «Прибой», № 343, от 21 декабря 1918 г.

конную и пешую разведку, рыли окопы, объявляли по Евпаторийскому уезду набор добровольцев. Из Евпатории полетели панические телеграммы в Симферополь и Севастополь с просьбой о помощи. 13 января городской голова Джигит телеграфировал: «Крайне встревоженная выступлением богайской шайки по направлению к городу, дума в экстренном заседании постановила ходатайствовать о срочной высылке миноносца и десанта для защиты города. Покорнейше прошу срочно телеграфировать о последующем распоряжении». В тот же день деникинский полковник Демин телеграфировал: «...В городе паника. Крайне необходимы быстрые и решительные действия, иначе город окажется во власти бандитов, которые, несомненно, прервут всякую связь Евпатории с Симферополем... Проезд в город и из города закрыт. Прошу ответить, что предполагается вами для обеспечения города и уезда, которые свыше месяца живут крайне тревожной жизнью».¹

Для борьбы с партизанами первоначально были выделены: расположенная в Евпатории казачья сотня, одна офицерская рота, команда саперов, боевая платформа бронепоезда и одно орудие. Но этих сил оказалось совершенно недостаточно, и 16 января в Евпаторию из Севастополя направились 2 английских миноносца, на другой день — 2 гидросамолета, а затем и новые смешанные части деникинцев с артиллерией.²

На стороне белогвардейцев и интервентов оказался слишком большой перевес, и партизаны отошли обратно к своей базе в каменоломнях. Но они не прекращали борьбы. На четвертые сутки Петриченко вышел ночью осмотреть поверхность скал, так как стало известно, что белые готовятся к взрыву каменоломен. Ручной гранатой он был тяжело ранен, но товарищи успели подобрать его и унести в каменоломни.

Осада продолжалась. Осажденные подвергались сильному артиллерийскому обстрелу. Начались взрывы скал. Отрезанные от колодцев, партизаны испытывали сильнейший недостаток воды. После нескольких дней осады они бросились в атаку, чтобы вырваться из окружения.

Это было 22 февраля, на шестой день осады. Прорвалось и рассеялось в соседних деревнях всего 30—40 человек. Остальные погибли. Погиб и Петриченко. Его белые схватили еще живым и добились. По данным белогвардейских оперативных донесений, красные партизаны потеряли убитыми 117 человек.³ Эта цифра может быть отнесена только к последним дням боя. Всего же смертью храбрых пало значительно больше...

Все более широкие размеры принимали революционные выступления крестьян Северной Таврии. И сюда докатились волны мощного повстанческого движения, охватившего всю Украину, движения, которое смело и немецких оккупантов с их гетманом Скоропадским и банды пресловутого Петлюры. В непосредственной близости от Северной Таврии красные партизаны Донбасса еще в ноябре 1918 г. заняли Павлоград и стойко держались в нем, отражая все нападения петлюровских банд и помогавших им немцев, до прихода регулярных украинских советских войск.

В самой Северной Таврии, занятой деникинскими войсками, широко развернулось повстанческое движение.

¹ ЦАОР, ф. 43, 0 инв. № 259, д. № 4, лл. 34 и 39—41.

² Там же, ф. 1486, д. № 18, л. 9; ф. 430, инв. № 259, д. № 10, лл. 74—75 и 87.

³ Там же, ф. 1486, д. № 1—19, л. 23 (Здесь содержится подробное донесение о ходе операции).

Поводом для выступлений служили чаще всего реквизиции или попытки провести принудительный набор в армию. Командование «добровольческой армии» в Крыму уже в декабре 1918 г. заставило «правительство» объявить мобилизацию, но провести ее почти не удалось. Об обстановке, в которой протекал призыв в «добровольческую армию», лучше всего говорят оперативные телеграммы командования денikinской армии в Крыму.

Из штаба перекопского отряда 21 января сообщалось: «В Каховке принято постановление укомплектований не давать... Без кавалерии трудно наладить призыв». Как явствует из резолюции, сохранившейся на этой телеграмме и требовавшей «мобилизацию провести энергично», из Джанкоя для проведения мобилизации было выслано 3 эскадрона. Через несколько дней сообщалось, что, по полученным сведениям, в Скадовске готовится восстание, а в Каланчаке и Чаплинке ведется агитация за выступление против «добровольческой армии». Несколько позже поступили более подробные сведения о положении в Чаплинке: здесь, оказывается, для противодействия мобилизации восставшие крестьяне собрали отряд в 400—600 человек.

Всоруженные отряды крестьян сформировались также в деревнях Первоконстантиновка, Каланчак и Чалбасы.¹

Особенно широкие размеры движение приняло в Мелитопольском уезде. Отсюда сообщали: «Селение Кизляр отказалось дать призывных. Была снаряжена карательная экспедиция. Расстреляно 4 агитатора, после чего половина явилась на призыв, половина разбежалась. Неявившиеся трехдневный срок будут преданы полемому суду» (17 января); «В виду нежелания жителей села Акимовки Мелитопольского уезда дать призывных, в село наряжена карательная экспедиция» (20 января); «Районе с. Терпенье, к северу от Мелитополя, жители не дают призывных, готовя сопротивление»² (21 января).

Обширный район селений Терпенье, Акимовка и ряда соседних сел оказался ареной ожесточенной борьбы. К сожалению, мы располагаем только белогвардейскими документами, но и они рисуют картину героического сопротивления крестьян этих деревень. В оперативной телеграмме, отправленной 21 января, сообщалось: «Посланный в Терпеньевскую волость для производства призыва карательный отряд при входе в село Спасское был встречен пулеметным и ружейным огнем. В деревне несколько сот вооруженных при нескольких десятках пулеметов. Вся Терпеньевская волость организована для противодействий призыву. Штаб организован в селе Троицком. Карательным отрядом деревня Спасское обстреляна артиллерийским огнем, выпущено 30 гаубичных снарядов». Однако усиленный артиллерийский огонь не сбил партизан. Они продолжали держаться, и автор донесения должен был признать, что «в виду малочисленности отряда, карательная экспедиция отложена для производства на-днях в более широком масштабе с применением действительно суровых репрессивных мер».³

Между тем, на помощь поднимались крестьяне окрестных деревень, и в ближайшие же дни в районе развернулось настоящее сражение. 23 января «добровольческая» оперативная телеграмма из Мелитополя сообщала: «В селах Михайловка, Орлянок, Бургаск со-

¹ Там же, д. № 18, л. 142; д. № 1—19, лл. 41, 149, 163 и 205.

² Там же, ф. 430, д. № 4, лл. 43, 44, 50; д. № 10, л. 98.

³ Там же, ф. 1486, д. № 18, лл. 143—146. Эта телеграмма отправлена из Мелитополя в Симферополь. Предыдущая же, отмеченная тем же числом, — из Симферополя в Екатеринодар и, очевидно, составлена на основании донесений, полученных накануне из Мелитополя.

ветская власть. В селе Михайловка сегодня набатом собирают всех, чтобы оказать помощь Терпеневской волости. На сходе решено идти на станции Пришиб и Федоровка... Наш карательный отряд при подходе к селу Спасскому был вновь обстрелян ружейным огнем. После обстрела артиллерией и минометами село уничтожено. Жители почти все бежали. Обстрел продолжался около двух часов, причем жители все время оказывали упорное сопротивление, пытались охватить отряд со стороны селений Терпенье и Федоровка». Сражение длилось целый день. С наступлением темноты деникинцы были вынуждены прекратить наступление. Они продолжали его на другой день, и только благодаря огромному техническому превосходству, наличию пушек и минометов им удалось подавить выступление крестьян.

Карательные отряды заняли восставшие села. Кулаки и попы встречали белогвардейцев хлебом-солью и с церковными хоругвями. Начались доносы на «зачинщиков», кровавые расправы — массовые порки и казни. Кулаки — немецкие колонисты с соседних хуторов принимали самое деятельное участие в подавлении восстания.

Не успели белогвардейцы закончить расправу в Терпеневской волости, как поднялось восстание в селе Вознесенском Бердянского уезда (несколько западнее Мелитополя). В связи с мобилизацией, назначенной в селе на 29 января, крестьяне, собравшись 24 января на сход, решили оказать вооруженное сопротивление призыву и послать помощь Терпеневской волости. Здесь же на сходе начали собирать оружие. Деникинцы направили в село карательный отряд с пулеметами и «самодельными броневиками». Крестьяне укрылись в каменном здании завода и встретили их огнем. Карательному отряду не сразу удалось подавить выступление — оно было ликвидировано только на другой день.¹

После кровавого подавления восстания в Терпеневской волости вооруженная борьба крестьян против «добровольцев» не прекращалась. 31 января произошло столкновение в деревне Михайловка. «Добровольцы» снова пустили в ход артиллерию и, заняв деревню, стали расстреливать захваченных «зачинщиков».²

2 февраля в деникинский штаб поступило сообщение о том, что все деревни Каланчакской, Чаплинской и Первоконстантиновской волостей вооружаются с целью не допустить мобилизации. Посланный из Перекопа карательный отряд открыл артиллерийский огонь и занял Первоконстантиновку. Но удержаться в деревне отряд не мог, так как со стороны Чаплинки приближались цепи повстанцев. Захватив 60 заложников, «добровольцы» поспешно ретировались в г. Перекоп.³ В оперативной телеграмме от 6 февраля снова упоминается деревня Михайловка: «Прибывшей делегацией из Александровска образован совет... командует ими (повстанцами. — А. Г.) матрос, прибывший из Александровска. Ведется запись в Красную армию. Молодежь за советскую власть, старики против. Много собирается бежавших от призыва в Добровольческую армию».⁴

Деревню Михайловку белогвардейцам так и не удалось усмирить. По данным деникинской политической сводки за 28 февраля, в Михайловке большевики являлись господами положения. В этой же сводке есть глухие упоминания о формировании повстанческих отрядов в Феодосийском уезде, в районе города Старый Крым. Организация этих

¹ ЦАОР, ф. 1486, д. № 18, лл. 188—200.

² Там же, ф. 430, инв. № 259, д. № 4, л. 62.

³ Там же, ф. 1486, д. № 38, лл. 26, 55—56.

⁴ Там же, д. № 20, лл. 66—72.

отрядов тоже проходила, по словам политесводки, под флагом большевиков.¹

Революционное партизанское движение в уездах Северной Таврии сыграло весьма существенную роль в крушении стратегических планов интервентов и действовавших по их указке белогвардейцев. «Добровольческая армия», благодаря партизанам, не смогла прочно овладеть Северной Таврией. Между тем, в стратегические планы белого командования входило установить линию фронта к западу от железной дороги Александровск — Мелитополь — Джанкой по течению Днепра, что позволило бы «добровольческой армии» в приближающийся период весеннего разлива рек крепче обеспечить свой левый фланг.²

Как уже отмечалось, революционные выступления крестьян чаще всего вызывались попытками провести мобилизацию в «добровольческую армию». В конечном счете эта мобилизация ознаменовалась полным политическим провалом.

В своей «справке» о деятельности «правительства» Винавер признает этот провал и делает неудачную попытку задним числом перенести всю ответственность на командование «добровольческой армии». По словам Винавера, «правительство» первоначально не имело в виду объявлять мобилизацию. «Такая мобилизация, — продолжает он, — вообще непосильна для правительства, не имеющего сильного аппарата принуждения, но она совершенно неосуществима в такой атмосфере несочувствия, которая создалась под влиянием первых шагов Добровольческой армии. Правительство боролось с этим несочувствием всеми мерами — участвуя в организации комитетов и обществ, содействующих Добровольческой армии, делая соответственные обращения к населению и принимая на себя производство ряда мобилизаций и ответственность за них перед лицом населения. Мобилизации эти дали плачевные результаты. В виду массового характера уклонения от поступления в Добровольческую армию преследование уклоняющихся представлялось и с точки зрения Добровольческой армии беспредельным».³

Последнее утверждение является чистой ложью. Приведенные выше цитаты из документов самих белогвардейцев наглядно показывают, как в действительности преследовались «уклоняющиеся от мобилизации», т. е. фактически чуть ли не поголовно все подлежащие призыву. Карательные отряды и уничтожение артиллерийским огнем целых деревень — вот методы проведения деникинской мобилизации. Зато вполне соответствуют действительности слова Винавера о стремлении «правительства» оказать полную поддержку мобилизации в «добровольческую армию» и о плачевных результатах этой мобилизации. Достаточно сказать, что в Симферополе, например, в декабре 1918 г. из подлежащих мобилизации 1037 чел. удалось мобилизовать всего 150.⁴

Между тем Деникин возлагал на мобилизацию в Крыму и в Северной Таврии большие надежды. Перебросив в Крым сравнительно немногочисленные части, он смотрел на них как на кадры для широких формирований. В Симферополе организовался громоздкий штабной аппарат. Деникинские части в Крыму были переформированы в Крымско-Азовский корпус, а в конце февраля — в Крымско-Азов-

¹ Там же, ф. 430, инв. № 259, д. № 2, лл. 26—27.

² По материалам штаба Крымско-Азовской добровольческой армии (рапорт об обстановке в Мариупольском районе), ЦАОР, ф. 1486, д. № 63, лл. 126—129.

³ «Красный архив», XII, стр. 133.

⁴ ЦАОР, ф. 430, инв. № 259, д. № 2, л. 2.

скую армию, во главе которой был поставлен ген. Боровский. Однако эта «армия» вследствие полного провала мобилизации в действительности едва достигала размеров дивизии. Ей не под силу было справиться с разрозненными стихийными восстаниями крестьян, а когда, спустя немного времени, началось наступление регулярных частей украинской Красной армии, она в панике устремилась на юг, тщетно надеясь укрыться под защитой штыков интервентов.

Рабочие и трудовое крестьянство воочию убеждались, что белогвардейцы, поддерживаемые новыми интервентами, мало чем отличаются от тех, кого недавно поддерживали германские оккупанты. Пусть «правительство» С. Крыма рядится в «демократическую» тогу — на деле оно ведет ту же реакционную политику, что и предыдущее контрреволюционное «правительство» ген. Сулькевича. Все осталось по-старому: система белого террора, произвол и насилия военщины; господствующее положение помещиков и кулаков в деревне; привольная жизнь для спекулянтов и темных аферистов; голод и нужда для трудящихся. В наиболее тяжелых условиях находились рабочие. Их одновременно душили и дороговизна и безработица. В Севастополе, например, — главном промышленном центре Крыма, — по данным специальной переписи, проведенной профсоюзами, в феврале и марте 1919 г. количество безработных достигало: у металлистов, строителей, сапожно-заготовщиков по 80%, в союзе «Иглы» — 60% и т. п.¹

Даже денкинский осведомитель в политической сводке от 4 марта должен был признать, что «безработица достигла таких размеров, каких рабочие Севастополя не знали. Целые семьи рабочих голодают в буквальном смысле этого слова».²

Безработица ярче всего свидетельствовала о полной экономической разрухе. Буржуазное «правительство» оказывалось совершенно не способным наладить хозяйство. Особенно катастрофичным было положение с топливом. Интервенты рассчитывали, что уже в Крыму — этом преддверии к Донбассу — они найдут достаточные запасы угля. Их ждало жестокое разочарование. 18 января полковник Рюйе, командовавший войсками интервентов, высаженными в Севастополе, писал крымскому «правительству»: «в Севастополе... запасы угля в скором времени будут исчерпаны... Отсутствие угля, несомненно, имело бы результатом перерыв железнодорожного и трамвайного движения; это лишило бы все население и гарнизон освещения и в особенности отопления в наиболее холодную пору года. Результатом такого положения было бы серьезное волнение в городе и на всей территории Крыма».³

Не лучше обстояло дело и с продовольствием. Хлеб отпускался по голодной норме — сначала $\frac{3}{4}$, потом $\frac{1}{2}$ фунта в день, несмотря на то, что к Крыму была присоединена богатая хлебом Северная Таврия. Там даже после полугодового хозяйничанья немецких оккупантов оставались запасы хлеба. Помещики и кулаки их припрятали, но отнюдь не собирались продавать по официально установленным твердым ценам. Хлеб можно было достать только по спекулятивным ценам.

Спекуляция здесь процветала, как и во всех районах, захваченных белогвардейцами и интервентами. На словах с ней велась «борьба», но что могло сделать «правительство», если сами «министры» — те же помещики и капиталисты или их верные прислужники — спешили использовать дни пребывания у власти прежде всего для собственного обогащения?

Появление в Крыму интервентов разжигало аппетиты спекулянтов.

¹ Газета «Прибой», № 400, от 5 марта 1919 г.

² ЦАОР, ф. 430, инв. № 259, д. № 2, лл. 33—34.

³ Там же, ф. 1053, инв. № 3119 б, д. № 17, л. 84.

6 февраля министр торговли, промышленности и продовольствия А. А. Стевен собрал совещание «по вопросам товарообмена с союзными государствами и организации закупок на рынках Запада и Дальнего Востока». Открывая совещание, «министр» вынужден был признать, что в Крыму ощущается «голод в товарах всех видов..., вызывающий крайнее беспокойство населения, непомерно растущую дороговизну и требующий немедленного регулирования рыночных цен, по существу слепшь спекулятивных». Приглашенные на совещание представители «промышленных и торговых кругов» говорили, что «к делу закупок правительству необходимо привлечь частную инициативу и оказать полную поддержку частным лицам». Было решено, что закупки за границей возможно произвести только в обмен на вывезенное из Крыма сырье. Этой же точки зрения придерживался и русский белогвардейский центр в Париже, с которым Крым поддерживал постыдную связь. Маклаков в частности на запросы из Крыма отвечал: «Главное затруднение заключается в абсолютном отказе всех продавцов, включая русских коммерсантов и финансистов, ныне находящихся за границей, принимать в уплату рубли и держать их. Нужно найти обменную партию за товары, отправляемые в Россию, в русских продуктах, находящихся на месте и могущих быть вывезенными из России за границу».¹

Интервенты проявляли к этому делу живейший интерес. Адмирал Амет крайне любезно писал крымскому «министру иностранных дел»: «В ответ на ноту вашу относительно экономического положения Крыма имею честь просить ваше превосходительство благоволить доставить мне некоторые дополнительные сведения, которые послужат для более точного выяснения перед французским правительством предмета вашей просьбы. Я хотел бы, во-первых, знать перечень главных продуктов вашей страны и приблизительные предложения, которые были бы сделаны на каждый продукт. Во-вторых, я был бы счастлив ознакомиться со списком негодантов, желающих ехать во Францию».²

«Негодантов», желающих ехать во Францию и вообще за границу, оказалось не мало. Один, например, во что бы то ни стало хотел искать счастья в Америке. Он представил подробную докладную записку, доказывая, что именно в Америке можно найти спасение от продовольственного кризиса в Крыму: там надо закупить хлеб и отправить его, пользуясь транспортом, идущими в Европу за демобилизуемыми американскими войсками.

Пока шли разговоры о закупках товаров за границей, предприимчивые спекулянты успели вывезти из Крыма немалое количество ценного сырья. Особенно крупную партию вывез граф В. С. Татищев — до 70 тыс. пудов высокосортного южнобережного крымского табака. Кроме того было вывезено много шерсти, кожи и других товаров. «Правительство» разрабатывало всевозможные проекты о концентрации в своих руках валютных расчетов за вывоз, но фактически ничего не сделало для ограничения хищнического вывоза. Валюта оставалась в руках «негодантов», а импортные товары в Крым так и не поступили.

Сильнейшая экономическая разруха, безработица и голод явились лишним стимулом к росту народного возмущения. Волны народного

¹ Там же, д. № 2, лл. 129 и 57.

² Там же, лл. 118—119. В ответ на запрос ген. Амет получил следующий список товаров, могущих быть вывезенными из Крыма: 2,5 млн. кило табаку, 240 млн. кило соли, 8 млн. кило фруктов, 3 млн. кило шерсти, 245 тыс. кило невыделанных кож, 100 тыс. штук бараньих кож, 500 тыс. кило рыбы, 130 тыс. кило разных консервов и 300 тыс. кило томатов (Т а м ж е, л. 79).

гнева поднимались и в городах. В Карасубазаре 14 января толпа пыталась учинить самосуд над офицером, который сорвал одну из расклеенных на улице большевистских прокламаций. Атмосфера в городе настолько накалилась, что профсоюзы вынуждены были предъявить требование о передаче охраны города вооруженным рабочим отрядам.¹

Инцидент в Карасубазаре типичен для Крыма начала 1919 г. Он говорит одновременно и о ненависти народа к деникинским офицерам и о растущих симпатиях его к подпольным организациям большевиков.

Влияние крымских большевиков неуклонно росло. Большевики получали существенную помощь с севера, из Советской Украины и от более мощной подпольной организации большевиков в Одессе. В одной из деникинских политических сводок встречается указание на то, что по данным агентов русской (деникинской.—А. Г.) и английской контрразведки в Крыму распространяется «невероятно большое количество литературы на русском и французском языках, которая... получается в Севастополе пароходом регулярно 2 раза в неделю из Одессы, где находится главный большевистский Военно-революционный комитет». Деникинский осведомитель жалуется, что большевики ведут широчайшую агитацию и открыто выступают на митингах, рассказывая о жизни в Советской России, призывая их к борьбе за Советскую власть «при общем сочувствии и рукоплескании рабочих».² Если слова о «невероятно больших количествах» литературы, а возможно и о ее регулярной доставке из Одессы мы можем отнести за счет нарочито раздуваемой белогвардейскими жандармами угрозы большевистского выступления, то самый факт присылки агитационной литературы из Одессы в Крым вполне правдоподобен, хотя о нем не говорится ни в одном из многочисленных воспоминаний одесских подпольщиков.

Крымские подпольные организации вели успешную работу не только в области агитации. Они уделяли главное внимание организации масс в городе и в деревне и готовили кадры для вооруженного восстания, которое должно было начаться с приближением Красной армии к крымским рубежам. В конце февраля Крымский областной ревком обладал уже значительными силами: в одном Севастополе в его распоряжении находился отряд пехоты из 50 чел. с винтовками, бомбами и тремя пулеметами, конный отряд из 25 чел. и группа разведчиков. Была организована небольшая подрывная группа из 3 чел. Широко развернулась работа по собиранию военных сведений. Телефонная связь достигалась включением в правительственные провода. В случае нужды к мобилизации было готово до 400 чел., частично вооруженных. Ревком располагал, кроме того, автомобилем, 2 грузовиками, примерно 50 подводами, 3 баркасами, одним легким орудием с 80 снарядами, значительным количеством ружейных и пулеметных патронов, пироксилином, динамитом и т. д.

Около 50 вооруженных человек насчитывалось в Феодосии, 30 — в Керчи, столько же в Джанкое и в Бахчисарае — оплоте крымско-татарских буржуазных националистов. Весьма значительные силы имелись в Симферополе: здесь под руководством обкома находилось 4 пехотных отряда с общей численностью около 700 чел. и один конный отряд в 45 чел.

Решающее значение имели, однако, не вооруженные силы подпольных большевистских организаций, а все возрастающее влияние

¹ ЦАОР, ф. 430, инв. № 259, д. № 4, л. 35.

² Там же, д. № 2, лл. 34—35.

большевиков на трудящиеся массы Крыма и Северной Таврии. Росту этого влияния сопутствовала окончательная утрата меньшевиками и эсерами последних остатков своего авторитета. Банкротство меньшевиков и эсеров, пожалуй, раньше всего наглядно проявилось во время выборов в органы городского самоуправления. Меньшевикам и эсерам буржуазная городская дума казалась верхом «демократического» совершенства. И те и другие очень кичились своим весом в городской думе и рассчитывали во время избирательной кампании, которая началась в середине января, значительно расширить свое влияние. Но их надежды не оправдались. Население отнеслось к выборам с полнейшим индифферентизмом. Количество голосовавших едва достигало 25% имеющих право голоса. Но и эта горсточка буржуазных избирателей отдала свой голос в первую очередь кадетам. В Симферополе, например, они получили 21 место в городской думе (выиграв 17 мест), в то время как эсеры получили 11, а меньшевики — 13.¹

Выразительную картину состояния эсеровской партийной организации Крыма дает один из членов Симферопольского областного комитета партии эсеров в письме на имя Е. М. По его словам, эсеровские партийные организации «имеются в Севастополе, Симферополе, Ялте, Феодосии, Керчи, Евпатории, Джанкое и Карасубазаре с рядом иногда отдельных, иногда групповых связей в уездах... Наши организации количественно очень слабы — в Севастополе 100—150, в Симферополе 50—60, в других местах — 20—40 человек. Везде наблюдается резкий отход масс; реагируя на это, интеллигентские наши группы не левеют, а наоборот, правеют, чем разрыв с рабочими усугубляется еще больше. Особенно это заметно в Симферополе. По политическим настроениям эта группа правее Рудневского крыла нашей партии».²

То же безотрадное положение наблюдалось и среди меньшевиков. Сначала они господствовали в крымских профсоюзах. Но рабочие скоро убедились, что при таком «руководстве» профсоюзы им ничего не дают. По словам деникинского политического осведомителя, «профессиональная жизнь быстрыми шагами идет к полному уничтожению. Профессиональные союзы, по выражению одного из видных деятелей, превращаются в «безработные союзы». Иллюстрацией этого явления служит убыль членов из союзов. Так, союз металлистов, насчитывавший недавно 200 членов, имеет теперь всего 80, союз работающих иглой имел в августе еще 300 членов, теперь всего 60». С сокрушением осведомитель отмечает, что если меньшевики преобладают в руководящих органах профсоюзов, то рядовые рабочие представляют «массу с большевистскими или близкими к этому тенденциями».

Отходя от меньшевистских профессиональных союзов, рабочие искали более надежных путей борьбы. Всеобщая политическая забастовка и вооруженное восстание — вот о чем все чаще и чаще говорили в рабочей среде. Тот же деникинский осведомитель писал: «В рабочих массах ждут мобилизации, думая, как только выдадут мобилизованным винтовки, повернуть их против добровольцев. Об этом говорят среди рабочих везде. Такой взгляд рабочих на мобилизацию создан под влиянием агитации большевиков, которые не жалеют никаких средств для получения возможно большего количества оружия».³

Положение в Крыму с каждым днем обострялось. Борьба трудящихся Крыма с интервентами и белогвардейцами вступала в новую фазу. Близился час развязки.

¹ Там же, д. № 3, л. 27 и д. № 4, л. 60.

² Там же, ф. СХХIII.

³ Там же, ф. 430, инв. № 259, д. № 2, лл. 36 и 37.

Особенно напряженная обстановка сложилась в районе Керчи. Здесь большевики-подпольщики сумели повести за собой не только рабских керченских заводов, но и многих крестьян-бедняков (а отчасти и середняков) ближайших деревень. Уже в январе 1919 г. во многих деревнях (Аджимушкой, Ново-Николаевка, Петровское, Казатин, Марфовка и др.) организовались большевистские подпольные ячейки.

Стали формироваться революционные повстанческие отряды. Подобно евпаторийским «красным каскам», керченские партизаны избрали своей базой раскинувшиеся глубоко под землей многокилометровые лабиринты пригородных каменоломен. Каменоломни состояли из трех групп: Петровские, Старокарантинские и Аджимушкойские. Эти группы не были связаны между собой подземными ходами. Наиболее разветвленную сеть галлерей имели Аджимушкойские каменоломни. Их общая длина достигала 7—8 километров; под землю они уходили на глубину 8—10 метров. В Аджимушкойские каменоломни вело около 200 входов, большая часть которых открывалась внутри домов деревни Аджимушкой, сложенных из вырезанного в каменоломнях известняка.

Керченские каменоломни ведут свою революционную историю с 1905 года. В продолжение многих лет в них работала подпольная большевистская типография. И сейчас, в период борьбы с белогвардейцами и иностранными интервентами, керченские каменоломни сыграли выдающуюся роль.

Сначала в каменоломнях появились в одиночку или небольшими группами скрывавшиеся от деникинцев. Здесь были и коммунисты, и крестьяне призывного возраста, не желавшие идти в деникинскую армию, и деклассированные элементы. Спасаясь от деникинских зверств, многие уходили в подземелье с женами и детьми.

Постепенно население каменоломен увеличивалось. В Старокарантинских каменоломнях сформировался вооруженный отряд, который уже в феврале имел первые стычки с белогвардейцами. Приблизительно к этому же времени относится создание партизанского отряда и в соседних Аджимушкойских каменоломнях. Наиболее значительным был Аджимушкойский отряд. Он с самого своего возникновения находился под руководством Керченского городского партийного комитета большевиков. В начале марта в деревне Аджимушкой состоялся подпольный съезд городских и пригородных деревенских большевистских ячеек, на котором был избран военно-революционный штаб каменоломен во главе с т. Самойленко. Чтобы укрепить большевистское ядро партизанского отряда, Керченский комитет партии перевел в Аджимушкой две городских партийных ячейки в полном составе.

Незадолго перед тем, в конце февраля, подпольное районное партийное совещание собралось в деревне Петровское. Это совещание решило организовать партизанский отряд в Петровских каменоломнях. Здесь также был избран революционный штаб; формирование отряда и командование им было поручено Ануфрию Кацелову, красногвардейцу-большевику, металлисту по профессии. В начале марта в отряде Кацелова насчитывалось уже около 80 вооруженных бойцов, разбитых на 5 взводов; один взвод был конный. Петровский отряд находился под руководством Аджимушкойского штаба, который прислал в отряд своего комиссара.

Какие же задачи ставило перед собой большевистское руководство партизанскими отрядами?

Развалить тыл белогвардейцев и интервентов, разложить их войска, а затем, отвлекая их с фронта, облегчить операции наступающим частям Красной армии. Несмотря на исключительно трудные условия

борьбы, несмотря на значительное превосходство сил противника — и численностью и военно-техническим оснащением, — героические керченские повстанцы с честью выполнили стоявшие перед ними задачи.

Первые столкновения партизан с белогвардейцами начались в середине февраля. В ночь на 17 февраля деникинцы внезапно организовали две облавы на Аджимушкайские и Старокарантинские каменоломни, но, потеряв несколько человек убитыми, вынуждены были ретироваться. В донесении по начальству говорилось: «Преступники скрылись в каменоломню, которая оцеплена; охраняются все четыре выхода. Проникнуть внутрь, где имеется целый лабиринт галлерей по нескольку верст, невозможно...»

Между тем, в каменоломни к партизанам приходили все новые и новые пополнения. Деникинское командование в Керчи было бессильно в борьбе с партизанами. Оно забрасывало Симферополь, Севастополь и Екатеринодар паническими телеграммами с требованием прислать подкрепление. В телеграмме, отправленной 10 марта, командование настаивало на присылке военного судна под «союзным» флагом. В следующей телеграмме оно требовало присылки иностранных миноносцев.

К этому времени в Аджимушкайских каменоломнях скопилось около тысячи человек. Кроме вооруженных партизан, здесь было много женщин, детей, стариков. Тесно связанные с крестьянами окрестных деревень, партизаны не терпели недостатка в продовольствии и в фураже для лошадей и скота, уведенного в подземные галлерей. Труднее было доставать оружие и боеприпасы. Здесь главным источником служили боевые схватки с белогвардейцами. Под землей был большой бассейн, в котором сохранялось до 2000 ведер воды, была устроена ручная мельница для перемола зерна, по галлереям протянулись провода внутреннего телефона.

В марте 1919 г. Керченский партизанский отряд представлял собой уже внушительную силу. Но решительная борьба партизан с белогвардейцами и интервентами началась несколько позже — весной и летом 1919 г., когда Советская власть восторжествовала на всей территории Крыма и только Керченский полуостров оставался во власти белых.¹

II. КРАХ ИНТЕРВЕНЦИИ АНТАНТЫ

Революционная активность трудящихся в тылу у интервентов и белогвардейцев повышалась по мере приближения к рубежам Крыма передовых регулярных частей Красной армии.

На подступах к Крыму регулярные советские войска впервые появились еще в середине января. К этому времени они выдвинулись на линию Луганск—Бахмут—Гришино—Гуляй-Поле. Для «добровольцев» сделалась ясной «полная возможность их (советских войск. — А. Г.) дальнейших активных действий в направлении Крымского полуострова». ² Советские войска заняли Александровск. Это уже явилось непосредственной угрозой белому Крыму.

Энергичное наступление началось в первых числах марта. Оно велось в двух направлениях: с северо-запада и — основными силами — с севера. В первом направлении наступление базировалось на уже освобожденной территории, примыкающей к Херсону. 10 марта на левый берег Днепра в районе Каховки переправился 3-й Советский

¹ О красных партизанах в керченских каменоломнях см. нашу публикацию документов в «Красном архиве», XLIV. 1931.

² «Оранжевая книга», «Архив русской революции», XVI, стр. 238.

украинский полк — 2-3 тыс. бойцов без артиллерии. В этот же день начались решающие атаки на Мелитопольском направлении. Они сразу же увенчались успехом: 2-я бригада Заднепровской дивизии выбила белогвардейцев из ст. Пришиб, а на другой день — из узловой ст. Федоровка (в 25 км к северу от Мелитополя). Белогвардейцы отошли к Мелитополю, но задержались здесь всего до 14 марта, а еще через два дня, 16 марта, советские части выбили их из местечка Б. Устюг (около 35 км к югу от Мелитополя). Одновременно на восточном фланге махновские части выбили Деникина из Бердянска (15 марта) и из Волновахи (17 марта).

По данным нашей разведки, на Мелитопольском направлении в начале марта были сосредоточены довольно значительные белые силы: Мелитопольский полк, 1-й офицерский Симферопольский полк (1200 штыков) с 17 легкими и 4 гаубичными орудиями и отряды немецких кулаков-колонистов при 28 пулеметах. Кроме того, в ближайшем тылу — в Симферополе — в середине марта сформировались 2-й офицерский полк (700 штыков), Крымский конный полк (несколько сот сабель), и шло формирование Литовского полка. Там же при штабе Крымско-Азовской армии находилась кубанская сотня. К Перекопу были выдвинуты 6 сотен пластунов и конная сотня при 2 легких орудиях.

Для Деникина сохранение Крыма являлось вопросом первостепенной важности. Еще недавно он рассчитывал перевести в Крым свой штаб, но не осмелился сделать это без разрешения «начальства» и обратился через французскую миссию к ген. Франше д'Эспере. Интервенты смстрешили на Крым как на «свою» территорию и считали, что даже во всем послушный Деникин может явиться для них помехой. Поэтому Франше д'Эспере ответил отказом на просьбу Деникина. 27 января он телеграфировал начальнику французской военной миссии при главной квартире «вооруженных сил Юга России»: «Получил Ваше извещение о предполагаемом переводе штаба ген. Деникина в Севастополь. Нахожу, что ген. Деникин должен быть при Добровольческой армии, а не в Севастополе, где стоят французские войска, которыми он не командует». ¹ Несколько позже, когда красные войска, взяв Херсон и Николаев, приближались к Одессе и когда одновременно началось их наступление на Крым, Деникин решил сконцентрировать силы в Крыму и перебросить сюда свои части из Одесского района, где положение рисовалось ему уже безнадежным. Он обратился за разрешением к ген. д'Ансельму и получил отказ (14 марта), так как французское командование считало нужным использовать деникинские войска для обороны оккупированной Одессы и примыкающего района.

В этот момент вся Северная Таврия находилась уже в руках Советов. Однако деникинцы рассчитывали, что естественные укрепления перешейков явятся для них надежной защитой и позволят отсидеться в Крыму «до лучших времен». 18 марта командующий Крымско-Азовской армией ген. Боровский выступил на открывшемся в этот день земско-городском съезде с успокоительным сообщением о военном положении Крыма. По его словам, «защита северных уездов была, правда, не под силу Добровольческой армии, но защита ея Крыма совершенно обеспечена». ²

Это хвастливое заявление было очень далеко от истины. Белогвардейская «добровольческая армия» оказалась совершенно бессильной не только противостоять натиску регулярных советских войск,

¹ Лукомский. Воспоминания, II, стр. 292, Берлин, 1922.

² «Красный архив», XXII, стр. 135.

но и вести дальнейшую борьбу с революционными выступлениями у себя в тылу. Знаменательный факт произошел 9 марта. 16 механиков Севастопольского гидроавиационного деникинского отряда, ссылаясь на решение рабочих порта, отказались выполнять работы для «добровольческой армии». Так же поступили рабочие, обслуживавшие военно-морские мастерские «Бухты Нахимова». В результате была парализована вся деятельность гидроавиаотряда.¹

Забастовка техников гидроавиаотряда явилась как бы предвестником мощной всеобщей забастовки, которая разразилась в Севастополе через несколько дней. Поводом для нее послужил затянувшийся конфликт рабочих Севастопольского порта и морского завода с «правительством». Большевики пытались было втиснуть конфликт в мирные рамки. По их настоянию, 25 февраля общее собрание членов профсоюза металлистов Севастополя постановило послать в Симферополь делегацию для переговоров с «правительством». 2 марта «совет министров» принял эту делегацию и пообещал провести ряд мер для открытия бездействовавших заводов Севастопольского порта, а также удовлетворить некоторые другие экономические требования делегации.² Но рабочие не удовлетворились этим половинчатым решением и стали все настойчивее выдвигать свои требования, уже не экономического, а политического характера. Старая претензия к «правительству» о выплате 55 млн. рублей в качестве пособия в связи с ликвидацией порта осенью 1918 г. была отброшена. 7 марта, когда на общем собрании союза металлистов разрешался этот вопрос, рабочие постановили: «От получения денег от кадетского правительства отказаться, работы на заводе прекратить, требовать немедленного удаления из Севастополя вооруженных отрядов Антанты и для разработки окончательного плана созвать делегатское собрание от всех союзов и предложить им присоединиться к нашим требованиям».

В последующие дни вопрос о всеобщей стачке обсуждался на собраниях рабочих других союзов. Эсеры и меньшевики везде выступали против стачки, но рабочие не слушали их и единодушно голосовали за объявление стачки.

Белогвардейцы и интервенты не на шутку перепугались. 11 марта собралось экстренное заседание севастопольской городской думы. На повестке дня стоял вопрос о «волнениях рабочих». Выступали эсеры, меньшевики и представители группы домовладельцев. Член управы меньшевик Пивоваров, «критикуя» политику «правительства», в то же время расточал «министрам» похвалы и подчеркивал: «Не может быть, конечно, и речи о недоверии правительству». Вся беда, мол, в том, что члены «правительства» — «люди государственного ума и богато одаренные» — «оторваны от масс». Большевику вторил эсер Страхов. Он тоже «критиковал» «правительство», но тут же добавлял: «Мы остаемся на старых позициях отрицания советской власти... Стачка не принесет рабочим ожидаемых выгод».³

Пока домовладельцы вкупе с меньшевиками и эсерами выработывали резолюцию по текущему моменту, деникинцы действовали. Командующий «добровольческой армией» в Крыму помчался в Севастополь и был принят «союзным командованием». Там его заверили в безоговорочной помощи. 11 марта из Севастополя телеграфировали в Симферополь, в штаб армии: «Прошу передать наштарм подлинные слова

¹ УЦГАЛ, МИА, ф. Морского управления, Оперативная часть 1918—1919 гг., д. № 21691, л. 418.

² Газета «Прибой», № 40, от 5 марта 1919 г.

³ Эсеровская газета «Вольный Юг», № 296, от 14 марта 1919 г.

командарма, вернувшегося от французского командования: Все обстоит великолепно. Французы сообщили, что они будут итти нога в ногу с крымским правительством и будут всеми мерами поддерживать Добровольческую армию и все, что содействует установлению порядка в стране. В случае возникновения беспорядков они обещают подавить их вооруженной силой и вообще не допустят каких-либо выступлений»...¹

Белогвардейцы и интервенты, повидимому, ждали, что выступление начнется 12 марта — в день второй годовщины свержения самодержавия. В этот день с утра по всему городу дефилировали сильные патрули — деникинские и иностранные, а на Графской площади были даже выставлены пушки. Но, как писал в официальном рапорте один из белогвардейцев, «годовщина революции прошла совершенно спокойно.»²

Делегатское собрание, созвать которое предложили металлисты, открылось 13 марта. Оно началось с чтения принятых на общих собраниях союзов резолюций. Почти все они сходились в основных своих требованиях: удаление из пределов Крыма деникинской «добровольческой армии», свержение «краевого правительства», объявление всеобщей стачки, восстановление Советской власти. Бурными аплодисментами сопровождало собрание каждую такую резолюцию. Только в трех резолюциях не было требования о восстановлении Советской власти: городских служащих, печатников и моряков торгового флота.

Начались прения. Один за другим выступали рядовые рабочие и призывали к политической стачке, к поддержке Советской власти. Рабочий металлист Дроздов говорил: «Нам твердят, что у рабочих нет оружия, нет силы для достижения своих требований. Я смело заявляю, — оружия у нас есть достаточно, чтобы исполнить наш революционный долг. Итак, да здравствует советская власть!» (аплодисменты). Меншевики и эсеры с пеной у рта убеждали рабочих отказаться от объявления политической стачки. Они клеветали на советскую власть, но рабочие прерывали их негодующими криками — «Ложь!»

Бурное собрание затянулось до утра. Наконец, после долгих дебатов большинством 70 голосов против 7 при 10 воздержавшихся было принято решение — объявить всеобщую политическую стачку. В резолюции было сказано:

«Конференция правлений профессиональных союзов, обсудив все стороны вопрос о власти, находит, что при создавшемся теперь положении как внутри области, так и на Крымском фронте, на пролетариат и беднейшее крестьянство Крыма ложится революционный долг притти на помощь героической Красной армии и общими силами низвергнуть ненавистное краевое правительство. Исходя из этого, конференция постановляет немедленно объявить политическую забастовку с требованиями:

1. Удаления добровольческой армии.
2. Устранения краевого правительства.
3. Восстановления в Крыму Советской власти.
4. Освобождения всех политических».

Собрание избрало стачечный комитет в составе 7 большевиков. Решено было также начать выборы в Совет рабочих депутатов, а общее руководство борьбой за восстановление Советской власти возложить на Военно-революционный комитет.

¹ ЦАОР, ф. 1486, д. № 57, л. 4.

² Там же, ф. 1261, оп. 1, д. № 47 а, лл. 152 и сл.

Конференция закрылась в 4 часа утра. Рабочие расходились с пением «Интернационала». ¹

Стачка была назначена на 14 марта. Но на некоторых предприятиях, особенно в порту, рабочие, не дожидаясь официального объявления стачки, забастовали уже накануне — 13 марта.

Стачка проходила с исключительным единодушием. Замерла жизнь в порту, не работало ни одно предприятие, перестали отходить поезда, не двигались трамваи, закрывались магазины, бастовали даже служащие гостиниц и ресторанов.

Белогвардейцы решили пустить в ход все средства, чтобы подавить забастовку. Командующий Крымско-Азовской армией ген. Боровский еще 13 марта объявил железные дороги на военном положении; забастовки и митинги были запрещены. Однако забастовка все же началась. 14 марта «добровольцам» силою оружия удалось отправить из Севастополя один только воинский поезд. ²

16 марта было опубликовано обязательное постановление «министра внутренних дел» о запрещении собраний и демонстраций. В тот же день «совет министров» ввел чрезвычайное положение: газеты за «возбуждающие статьи» подлежали закрытию, многие дела передавались военно-полевому суду, с оговоркой об обратном действии этого закона. Снова начались обыски и аресты. Но стачка разрасталась. В ответ на репрессии в тот же день забастовали рабочие хлебопекарен и водопровода. ³

Белогвардейцы растерялись. Единственная их надежда была теперь на «союзников». Быстро состряпали делегацию «землевладельцев и промышленников» и отправили ее к полковнику Рюйе, командовавшему войсками интервентов. ⁴

Но у интервентов были свои заботы.

Еще в начале февраля французский линейный корабль «Мирабо», входя в Севастопольский рейд, сел на камень на рифе у Константиновской батареи. Сел прочно, получив пробоину под обеими машинами длиной около 40 м. Междудонные отделения были затоплены, верхнее дно выпучено, машины стронуты с места. Для съемки корабля предстояло разгрузить 6 тыс. тонн — снять артиллерию и часть брони. ⁵

Французское командование прилагало все усилия, чтобы ускорить снятие «Мирабо» с мели. Когда началась стачка, командир «Мирабо» вступил в переговоры с делегацией рабочих и обещал, что иностранные войска сохраняют нейтралитет, если работы на броненосце не будут прерваны. Белогвардейцы были так возмущены «изменой» «союзников», что те даже сочли нужным, заметая следы, опровергнуть через печать слухи о переговорах. Это было ложью, как ложью оказалось и обещание интервентов сохранять нейтралитет. Интервенты принимали достаточно активное участие в подавлении забастовки, и это вызвало прекращение работ на «Мирабо». ⁶

Тщетно пытались белогвардейцы сорвать забастовку, противопоставляя агитации большевиков свою агитацию. Однако положение охранников, посылавшихся в рабочую среду, было не из завидных.

¹ Газета «Вольный Юг», № 297, от 15 марта 1919 г. Принятая на конференции революция произвела потрясающее впечатление на интервентов и белогвардейцев. Деникин полностью воспроизвел ее в своих мемуарах (Очерки русской смуты, V, стр. 58).

² ЦАОР, ф. VII, д. № 27, л. 47 а.

³ Там же.

⁴ Там же, ф. 430, инв. № 259, д. № 3, лл. 30—31.

⁵ УЦГАЛ, МИА, ф. Морского управления вооруженных сил Юга России, 1918—1919 гг., д. № 21671, л. 19.

⁶ ЦАОР, ф. VII, д. № 27, л. 47а.

В отчете об агитации Севастопольского пункта Осведомительного бюро «добровольческой армии» за время с 14 по 28 марта указывалось, что на все рабочие собрания регулярно посылались агитаторы. Но открыто выступать они не рисковали и вынуждены были ограничиваться «работой среди публики». В этом же отчете говорится, что эта «работа» заключалась в напентывании всяких клеветнических небылиц о Советской власти. Дальше в отчете говорилось: «Устраивать какие-либо собрания и лекции Осведомительное бюро не имело возможности, в виду того, что характер настроения рабочих масс не допускал открытых выступлений, так как они могли бы обострить положение и, кроме того, неминуемо вызвали бы столкновение с руководителями большевистского движения, что могло бы совершенно изменить характер собрания и придать ему нежелательную окраску». Скромно и достаточно косноязычно признаваясь в своей беспомощности, начальник осведомительного пункта указывает единственное место, где агитацию от имени «добровольческой армии» можно было вести открыто — церкви. Попы оказались самыми удобными «добровольческими» агитаторами, и на этот счет с протопресвитером Спасским было достигнуто специальное соглашение. В церквях же, главным образом, распространялась соответствующая агитационная литература. К отчету приложен любопытный перечень названий брошюр и листовок. За отчетный период их вместе с газетами было распространено 93 610 экземпляров. На первом месте шло пресловутое контрреволюционное «Послание патриарха Тихона», затем «Приход союзников», «Речь ген. Деникина на Дону» и т. д.¹

Эта «душеспасительная» литература могла лишь усилить возмущение среди рабочих, да и сами белогвардейцы не слишком на нее рассчитывали. Они пустили в ход гораздо более энергичные средства. Обрушиться на севастопольских рабочих белогвардейцы сразу не осмелились, так как боялись решительного отпора. Кровавую расправу они начали с Симферополя.

18 марта было опубликовано правительственное сообщение о закрытии «противозаконного» собрания металлистов в помещении рабочего клуба, об аресте президиума собрания в составе 4 человек и об убийстве их конвоирами-деникинцами, «когда была произведена попытка какой-то группы освободить арестованных».² Вскоре стало известно о другом кровавом преступлении озверелых «добровольцев»: в ночь с 17 на 18 марта 20 человек арестованных, перевезшихся из Симферополя в Керчь, были расстреляны в дороге «при попытке взбунтоваться». Убитых зарыли тут же у полотна железной дороги вблизи ст. Семь Колодезей.³

¹ ЦАОР, ф. 1486, д. 64, лл. 28—33.

² Там же, ф. 430, инв. № 259, д. № 4, л. 73.

³ Там же, ф. VII, д. № 27, л. 47а. В числе расстрелянных были:

М у р з а к, старый матрос Черноморского флота. Участвовал в восстании броненосца «Потемкин Таврический» в 1905 г. Во время переворота в январе 1918 г. командовал красногвардейским отрядом. В момент ареста немцами был комендантом Симферополя.

С е м ь я Н е м и ч — три сестры и два брата:

А н т о н и н а, — старая партийная работница евпаторийской организации. После 1905 г. была арестована и сидела в тюрьме. Во время переворота в январе 1918 г. была членом военно-революционного комитета, затем членом коллегии евпаторийского комиссариата соц. обеспечения. Была арестована во время захвата Евпатории немцами.

С е м е н — юноша 20—21 года. Вступил в партию большевиков до Октябрьских дней, будучи прапорщиком на одном из фронтов. В 1918 г. был членом евпаторийского военно-революционного комитета и исполкома. Командовал отрядом Красной гвардии.

Ю р и й — младший из семьи Немич. Служил матросом в Черноморском флоте.

В Севастополе рабочие в эти дни фактически являлись господами положения. На улицах расклеивались большевистские прокламации, предлагавшие денikinским офицерам и солдатам разоружиться добровольно. Не на шутку обеспокоенные интервенты решили вмешаться более энергично. Стремясь предупредить прекращение работы электростанции, полковник Рюйе ввел отряд войск в помещение станции и силою оружия заставил рабочих продолжать работу. 20 марта тот же Рюйе объявил в приказе, что рабочие, не явившиеся на водокачку, будут преданы полевому суду.¹

Меньшевики и эсеры воспользовались выступлением интервентов, чтобы сорвать стачку. Они усилили контрреволюционную агитацию, грозили, что «союзники» жестоко расплатятся с забастовщиками, утверждали, что Красная армия приостановила свое наступление, что разгром стачки неминуем. Эта предательская агитация поколебала наименее устойчивую часть рабочих. Между тем начались аресты среди членов стачечного комитета и наиболее активных рабочих. Стачка пошла на убыль.

Чтобы добиться окончательного ее срыва, эсеры решили сманеврировать: 20 марта, в день закрытия происходившего в Симферополе земско-городского съезда, они заявили, что отзовут своего представителя (Никонова) «если правительство не станет на демократический путь.»² Истинный смысл этого заявления вскрывает один из руководителей крымских эсеров: «В связи с создающимся положением придется отозвать С. А. Никонова из министерства, иначе мы потеряем всякую возможность работы в рабочей среде. Но уход этот должен быть обставлен так, чтобы не пошатнуть краевое правительство, так как сохранить его до созыва сейма крайне важно, иначе будет власть генерала Боровского.»³ Но эта возня с министерскими комбинациями, имитирующая деятельность не шутовских, а настоящих буржуазных правительств, мало отразилась на развивающихся событиях.

21 марта конференция профсоюзов под давлением меньшевиков и эсеров постановила стачку прекратить, ограничившись требованием освобождения арестованных. Резолюция большевиков собрала 44 голоса, резолюция меньшевиков — 64.⁴

Предательство эсеров и меньшевиков помогло интервентам и

Т а т ь я н а (по мужу Матвеева) — большевичка. Работала в 1917 г. в евпаторийском исполкоме.

В а р в а р а (по мужу Гребенникова) — большевичка. Работала в 1917 и 1918 гг. в евпаторийском исполкоме. В январе 1918 г. была членом евпаторийского военно-революционного комитета.

Д е м ы ш е в Н и к о л а й — большевик. Бахчисарайский мещанин. Был рядовым на фронте. В Евпаторию прибыл в ноябре 1917 г. После гибели тов. Караева был избран председателем евпаторийского военно-революционного комитета и затем председателем исполкома. Был председателем евпаторийской организации большевиков и комиссаром финансов. Был арестован во время прихода немцев.

М а т в е е в — большевик. Рабочий-обойщик. Во время войны служил унтер-офицером в авиационных частях. С ноября 1917 г. член и казначей евпаторийского комитета большевиков. В 1918 г. член военно-революционного комитета и исполкома гор. Евпатории и начальник военного штаба.

Ф р а н т — начальник евпаторийского автомобильного отряда.

Г р у б ь е — матрос Черноморского флота. В 1918 г. член евпаторийского военно-революционного комитета и член коллегии комиссариата юстиции.

¹ ЦАОР, ф. VII, д. № 27, л. 47а.

² Там же.

³ Там же, ф. СХХIII. «Угрозы» отозвать Никонова из «правительства» остались на бумаге: он и впредь сохранял свой «министерский портфель».

⁴ Там же, ф. VII, д. № 27, л. 47а (см. также газету «Вольный Юг», № 298, от 22 марта 1919 г.).

белогвардейцам ликвидировать стачку, но подавить революционный подъем трудящихся было уже невозможно.

Теперь расчеты делались только на новые вооруженные силы интервентов. В одной из осведомительных телеграмм, посланных штабом Крымско-Азовской армии в Екатеринодар, говорилось: «Забастовочное движение в городах ликвидируется, однако, в связи с положением на фронте, во всех слоях населения растет недоверие к силам Добровольческой армии. Население возлагает надежду только на приход союзников.»¹

23 марта из Одессы на броненосце «Мишле» прибыл в Севастополь «сам» ген. Франше д'Эспере. Он милостиво принял членов крымского «правительства» и любезно заметил, что, по его мнению, организация власти в Крыму гораздо более совершенна, чем в Одессе.² Франше д'Эспере вскоре уехал, а вслед за тем в последних числах марта и в первых числах апреля в Крым, действительно, стали прибывать новые, довольно значительные силы интервентов.

Мы располагаем показанием «полномочного посланника Всеволодского Войска Донского при Крымском Краевом Правительстве», некоего полковника Власова, который именовал себя «атаманом Зимовой станицы». Сей «дипломат» посетил 12 апреля полковника Труссона, который с 1 апреля сменил уже знакомого нам полковника Рюе на посту главнокомандующего союзными силами в Крыму, и узнал от него о численности союзных войск. В своем докладе Донскому атаману об этом посещении он со слов Труссона сообщал о следующих силах интервентов, находившихся к этому моменту в Крыму: 2 полка греков, 1 бригада французов (170 и 175 полки) и до 7 тыс. черных (сенегальские стрелки), всего до 22 тысяч человек; флот: греческий — броненосец «Лемнос», крейсер «Аверов» и 2 миноносца; английский — броненосец «Мальборо», крейсер «Калипсо» и 3 миноносца; французский — 4 броненосца и 5 миноносцев; итальянский — 1 миноносец, а всего 6 броненосцев, 2 крейсера и 11 миноносцев; кроме того, французское госпитальное судно и до 15 транспортов.³

Появление в Крыму столь внушительных сил интервентов вызвало ликование в рядах белогвардейцев. К общим восторгам поспешил присоединить свой подленький голос и меньшевистский «Прибой». Пока войск интервентов в Крыму было мало, эта газетка позволяла себе роскошь занимать «выжидательную позицию». Теперь же меньшевикам показалось, что «союзники» действительно сумеют удержать Крым за собой, и «Прибой» разразился серией статей о могущественных «союзниках».

Не смущаясь более экзотической внешностью колониальных войск, захлебываясь от радости, «Прибой» повествовал о нарастающих событиях: «Всякие разговоры... о путях мирного разрешения через соглашение с большевиками оставлены. На сцену выступает, вероятно, более красноречивый по условиям времени, разговор пули и штыка... Союзники решили преодолеть большевизм вооруженной рукой». Окрыленный этой решимостью «союзников», «Прибой» торжествует: «Надежды большевиков, что не найдется достаточно сил для военных операций против них, не оправдались».

«Советской власти, — продолжает «Прибой», — еще труднее будет справиться с союзными войсками, которые будут наступать с юга.

¹ ЦАОР, ф. 430, д. № 3, л. 37.

² Газета «Прибой», № 408, от 25 марта 1919 г.

³ Доклад полковника Власова опубликован нами в «Красном архиве», ХХІХ, стр. 80 и сл.

Нам думается, что эта задача будет ей не под силу и ей остается только одно: найти такой выход, при котором она могла бы отступить без особых потерь и для себя и для России, т. е. без лишнего пролития крови». ¹

А через несколько дней «Прибой» решил мотивировать свое «примирение» с интервентами. «Мы находимся, — развязно разглагольствовало газета, — в зоне влияния французских войск и союзных с ними греческих. Мы в праве ожидать, что принципы, оповещенные от имени союзных демократий, будут свято чтиться и у нас, и что все те, кто нарушает их, будут подлежать ответственности, безразлично какими бы защитными цветами они себя ни прикрывали.» ²

Это писалось в момент, когда интервенты окончательно сбросили маску «невмешательства во внутренние дела» и еще откровеннее, чем раньше, стали помогать деникинцам «водворять порядок». Полковник Рюе перед отъездом из Крыма издал приказ (28 марта), грозящий смертной казнью за хранение оружия и за «пропаганду, противную военной дисциплине».

С интервентами перекликались деникинские белогвардейцы. В ночь на 28 марта они ворвались в Феодосийскую тюрьму, вывели из нее 40 с лишним политических заключенных, главным образом большевиков, и убили их в двух верстах от города. ³ В тот же день Деникин послал крымскому «правительству» ультимативное требование «объявить военное положение и предоставить вытекающую из него власть командующему армией»; в противном случае Деникин грозил убрать свои войска из Крыма. По словам Винавера, эта угроза не была проведена в жизнь только потому, что местное командование указало Деникину на отсутствие в Крыму сил «добровольцев», достаточных для проведения военного положения. ⁴

Тогда же (31 марта) из Крыма сообщили Деникину: «Командарм приказал доложить, что в последнее время замечается резкий перелом в отношениях к Добровольческой армии со стороны союзников. Последние предупредительно и охотно выполняют все просьбы штаба и всеми имеющимися у них средствами стараются помогать русским частям». ⁵

В этой помощи белогвардейцы одинаково нуждались и для борьбы с революционными выступлениями у себя в тылу, и для операций на фронте.

Положение на фронте становилось все более критическим. В деникинских частях шло глубокое разложение. 18 марта из прифронтной полосы в штаб по прямому проводу доносили: «Следует отметить один очень печальный факт — утечка людей из частей войск... Разбегаются массами... В Мелитопольском полку до операции было больше тысячи человек, теперь там осталось не более трехсот... В других частях картина та же. Принимаются все меры, чтобы уничтожить это явление, но результат неутешительный... Если мы еще более или менее значительное время простоим севернее Салькова, то все жители Бердянского и Мелитопольского уездов разойдутся по домам». ⁶

На фронте деникинское командование с нетерпением ждало под-

¹ Газета «Прибой», № 408, от 25 марта 1919 г.

² Там же, № 413, от 30 марта 1919 г.

³ Газета «Прибой», № 414, от 1 апреля 1919 г. Официальные «правительственные» извещения говорили о «тайнственном» убийстве 24 человек (Крымцентрархив, фонд листовок).

⁴ «Красный архив», XXII, стр. 133.

⁵ ЦАОР, ф. 1486, д. № 114, л. 15.

⁶ Там же, д. № 66, л. 250.

креплений людьми, артиллерией, боеприпасами. Но всеобщая стачка на несколько дней совершенно парализовала железнодорожную связь. Кроме того, часть войск, предназначавшихся к отправке в район Перекопа, пришлось удерживать в Севастополе для подавления революционных выступлений. Из-за стачки же не была своевременно доставлена к Перекопу и артиллерия.¹

Когда Франше д'Эспере приезжал в Севастополь, он потребовал от «добровольцев», чтобы они держались у перешейков еще недели две, обещая прислать подкрепление. В этот момент у интервентов, повидимому, существовало еще твердое намерение удержать Крым за собой. Мало того, речь шла о более полном и непосредственном захвате Крыма и устранении промежуточных звеньев в лице «добровольческой армии». В уже цитированном нами письме осведомленного крымского эсера говорится: «Переговоры между Краевым правительством и союзниками об оккупации Крыма продолжаются и, повидимому, закончатся занятием французскими и греческими гарнизонами не только портовых, но и внутренних городов Крыма. Станут ли французы сами держать фронт на Перекопе и допустят ли уход добровольцев (чем добровольческая армия грозит в случае оккупации), пока еще неизвестно. Во всяком случае, получена телеграмма Фоша о начале военных действий с большевиками, из чего местное командование (полковник Рюе) делает соответствующие выводы».²

Это сугубо секретное письмо, датированное 24 марта, которое должно было быть переслано в Одессу с оказией через «своего человека в полном смысле слова», — чрезвычайно интересно. В частности, всяческого внимания заслуживает упоминание о директивах Фоша. Очевидно, предписание Фоша начать военные действия против большевиков было послано буквально за несколько дней до того, как товарищ военного министра Франции Абрами патетически восклицал во французской палате депутатов (29 марта): «Никаких экспедиций в Россию!» Это служит лишним доказательством того, что наиболее крайние круги французских империалистов, группировавшиеся вокруг Клемансо, отнюдь не собирались прекращать вооруженную интервенцию против Советской России. И когда, стремясь избежать падения министерства Клемансо, они перед лицом французского общественного мнения, протестовавшего против интервенции, утверждали, что интервенции будет положен конец, они лицемерили.

Отправка новых войск в Россию продолжалась и после знаменательного заседания французской палаты депутатов, и после спешной эвакуации войск, находившихся в районе Одессы. Эвакуация эта была вызвана революционизированием войск интервентов, а также энергичным натиском частей Красной армии. Уйдя поневоле из района Одессы, интервенты пытались задержаться в Крыму.

Из вновь присланных войск интервентов на север в первую очередь были направлены греческие части. Первый эшелон в 500 человек отошел из Севастополя в Симферополь 26 марта, вслед за ним ушел второй эшелон — в 400 чел. По директиве Франше д'Эспере, греки должны были быть выдвинуты в ближайший резерв «добровольцам» и введены в бой лишь при крайней нужде. Когда полковник Нолькен, прикомандированный к штабу «союзников», спросил, должны ли будут греки «удирать», если фронт окажется прорванным,

¹ Разговор по прямому проводу от 15 марта (ЦАОР, ф. 1486, д. № 57, лл. 59—61, 112—114).

² ЦАОР, ф. СХХІІІ.

его утешили: «Конечно, нет, некоторое время, в случае крайности, они могут оставаться для поддержки». ¹

Прибыв в Симферополь, греки были оставлены там на несколько дней, а затем их частично, в составе двух рот, выдвинули ближе к фронту, в Джанкой.

Деникинцы мобилизовали все силы, чтобы удержать перешейки в своих руках. Мы располагаем точными данными о количестве и дислокации деникинских войск в Крыму на 26 марта.

На Чонгарском перешейке находилось 400—500 штыков, около 140 сабель и некоторое количество артиллерии. На Перекопском перешейке — около 300 штыков, 150 сабель и 12 орудий; кроме того, к Перекопу подходил 1-й батальон Симферопольского офицерского полка в составе около 300 штыков. В Таганаше сосредоточивался кадровый батальон 34-й дивизии в составе около 400 штыков. В Джанкое находились 1-я и 3-я сотни 2-го конного Таманского полка. В Феодосии — кадровая рота виленцев в составе около 150 человек, которую начали перебрасывать в Джанкой. В Керчи находился 1-й эшелон Кавалерийского полка сводной Кавказской дивизии в составе 600 чел.; отсюда же в Джанкой перебрасывались две роты Бердянского полка. В Ялте стоял полк особого назначения — около 120 чел. и татарский полк — около 100 чел. В Севастополе — два батальона Симферопольского офицерского полка (около 250 чел.), которые также перебрасывались в Джанкой, сдавая караул грекам. Наконец, в Симферополе находились две роты сводного батальона 13-й дивизии и Крымский конный полк в составе около 250 чел. ² Кроме того, в Джанкое и Симферополе формировалась бригада в составе четырех батальонов из немецких колонистов-кулаков. В этой бригаде были немецкие офицеры, и формирование ее шло с благословения интервентов из лагеря Антанты. В последних числах марта на фронт для осмотра позиций выехали командующие Крымско-Азовской армией и войсками интервентов. ³

Красные части приближались в это время к самым перешейкам. 23 марта была взята Ново-Алексеевка, 24-го — Геническ, 25 марта — первая линия укреплений у ст. Сальково. 27 марта, прорвав четыре линии окопов с проволочными заграждениями, красные овладели ст. Сальково, Чонгарским мостом и ст. Джимбулаки.

Успешное наступление в этом направлении было обеспечено операциями на левом фланге. Занятие Геническа отрезало Крымско-Азовскую белую армию от деникинских частей ген. Май-Маевского, стоявших в районе Мелитополя. 28 марта белые оставили Мариуполь — важнейшую базу Деникина на Азовском море. Это вызвало сильнейшее раздражение интервентов. Мариуполь с его крупнейшими запасами угля они стремились удержать за собой во что бы то ни стало. Еще 9 марта командование Крымско-Азовской армии сообщало, что «союзники» обещают в ближайшие дни высадить в Мариуполе десант. ⁴ Свободной воинской части в распоряжении «союзного» командования, однако, не оказалось, и оно ограничилось отправкой в Мариуполь двух миноносцев. Когда Мариуполь был уже оставлен деникинцами, командование этих миноносцев, желая выиграть время для вывоза угля, вступило в переговоры с наступавшими на город красными частями и добилось оттяжки перехода Мариуполя в советские руки на два дня, т. е. до 30 марта. От деникинского командова-

¹ Там же, ф. 1486, д. № 57, лл. 116 — 117.

² Там же, д. № 57, лл. 132 — 136.

³ Там же, д. № 63, лл. 227, 229 — 234.

⁴ Там же, д. № 110, л. 6.

ния летели распоряжения «не допускать вывоза красными из Мариуполя угля, хотя бы ценой разрушения всего города.»¹ Но Мариуполя деникинцы не отбили.

Части Красной Армии продолжали наступать, приближаясь к Таганрогу. До Таганрога им дойти не удалось, но захват значительной части северного побережья Азовского моря — от Мариуполя до Генического — служил надежным отправным пунктом для форсирования перешейков.

Желая задержать красные части, наступавшие на перешейки, интервенты предлагали свою помощь военными кораблями и требовали от «добровольческого» командования организовать десант на западном побережье Азовского моря, севернее Арабатской стрелки. Этот десант должен был оттянуть красные части от перешейков. Предполагалось, что содействие десантному отряду окажет и эскадрилья из четырех английских гидросамолетов, только что прибывших в Севастополь. Операция готовилась на 29—31 марта. В эти дни «союзные» миноносцы появились у Арабатской стрелки. Они установили связь с белыми деникинскими частями на берегу и начали артиллерийский обстрел Генического. Было выпущено около 60 снарядов.

Но осуществить десантную операцию не успели. Красные части Заднепровской дивизии неудержимо рвались в Крым.

Белые были сбиты со своих позиций на перешейках сначала в Перекопском направлении. 29 марта красная артиллерия уже обстреливала Перекоп. 2 апреля на Перекопском перешейке начались бои, 4 апреля Перекоп был уже в наших руках, а 5 апреля бои шли на перешейках Соленых озер.²

Противник еще не терял надежды. 1 апреля в Крыму организован Комитет обороны во главе с ген. Боровским. Интервенты решили сделать последнее усилие. Был разработан план нанесения контрудара. Армянск и Перекоп должны были подвергнуться бомбардировке английских гидропланов, а два греческих миноносца — «Пантера» и «Айдос» — в ночь на 8 апреля должны были выйти из Евпатории в Бакал и Хорлы для бомбардировки и высадки десанта. Но было поздно. 7 апреля 74-я бригада Заднепровской дивизии обошла противника восточнее Таганаша. Красноармейцы, под ожесточенным обстрелом неприятеля, несмотря на ненастье, по пояс в холодной воде, в полном вооружении, неся на плечах пулеметы, перешли вброд Сиваш и повели наступление на ст. Джанкой. Основная масса белогвардейцев бежала оттуда вечером 8 апреля, устремившись в сторону Феодосии и Керчи, а частью — к Симферополю. Тогда же начался отход на юг и тех белых частей, которые стояли на Перекопском участке фронта.³ Здесь бой завязался у с. Юшунь. Деникинцы и вступившая в бой греческая часть были разбиты и бежали, уже не думая о дальнейшем сопротивлении.

В Крыму в это время среди белогвардейцев царила полная паника. В одной из «добровольческих» телеграмм, датированной 27 марта, сообщалось: «В связи с положением на фронте настроение в г-рсах Крыма крайне тревожное, среди буржуазии паническое».⁴ «Правительство» тщательно пыталось внести успокоение. 30 марта «министр внешних сношений» официально сообщил журналистам, что «слухи о переезде правительства из Симферополя в Севастополь лишены всякого основания... Правительство остается в Симферополе... (оно) считает себя лишь обязанным разработать план возможной

¹ ЦАОР, ф. 1486, д. № 114, лл. 12—13; д. № 57, л. 220.

² Там же, д. № 63, лл. 229—234 и 246; ф. 200; д. № 154, л. 13.

³ Там же, ф. 200, д. № 115, лл. 15 и 27; д. № 42, лл. 1—2.

⁴ Там же, ф. 430, инв. № 259, д. № 4, л. 76.

эвакуации, дабы в крайнем случае не быть застигнутым врасплох. Это является планом всякого предусмотрительного правительства.»¹

Через несколько дней в печати появилось еще одно успокоительное заявление. «Министр» Винавер заверял, что Крыму не грозит оккупация войсками «союзников», что у «правительства» с «союзниками» самые лучшие отношения. То же он говорил и об отношениях с «добровольческой армией». Возникали, правда, «недоразумения относительно пределов компетенции...», но в основе своей первоначальные отношения сохраняются, и принцип невмешательства во внутренние дела обеими сторонами признается непоколебимым. В полном объеме принцип невмешательства соблюдается и французским командованием»...²

Все эти заверения появились в печати, когда жалкое «правительство» перестало уже выполнять единственную свою подлинную роль — служить «демократической» ширмой для интервентов и белогвардейцев. Уже на всех парах шла эвакуация «правительственных учреждений», а сами «министры» набивали чемоданы, готовясь удрать за границу.

Подпольные организации большевиков приняли меры, чтобы помешать и переброске войск на север — к перешейкам, и начавшейся эвакуации. Под влиянием большевистской агитации рабочие Севастополя, когда линия фронта еще проходила севернее перешейков, отказывались грузить материалы для отправки в Перекоп, где сооружались укрепления. Из тактических соображений отказ мотивировался низкой оплатой труда.³ Тогда в газетах появилось широко-вещательное объявление «от Крымского краевого правительства»: «Полковник Рюйе приглашает желающих на работу во вверенной ему армии с вознаграждением 2 франка (5—6 руб.) в сутки кроме довольствия и обмундирования. Правительство будет добавлять 4-5 руб. — всего суточное жалованье 10 рублей».⁴ Щедрые посулы, однако, не помогали. Охотников работать на интервентов и белогвардейцев находилось не много.

Снова оживилось повстанческое движение. Сведения о партизанских отрядах шли из Керчи, из Евпатории. Попрежнему базой для красных партизан служили пригородные каменоломни.⁵

4 апреля взрывом был испорчен Инкерманский мост. Это на несколько дней расстроило железнодорожное движение. «Добровольцы» совместно с греческими частями произвели в Севастополе массовую облаву и, по денкинским данным, арестовали свыше ста человек.⁶ 8 апреля было повреждено железнодорожное полотно южнее Симферополя. Произошло крушение товарного поезда, и удиравшие из Симферополя белогвардейцы вынуждены были пользоваться шоссейной дорогой.⁷

7 апреля по требованию «союзного» командования в Севастополе была образована эвакуационная комиссия под председательством коменданта крепости ген. Субботина. На следующий день «министры» поспешно бежали из Симферополя в Севастополь.⁸

¹ Газета «Прибой», № 413, от 30 марта 1919 г.

² Газета «Прибой», № 418, от 5 апреля 1919 г.

³ ЦАОР, ф. 430, инв. № 259, д. № 4, л. 76 (телеграмма от 27 марта).

⁴ Газета «Прибой», № 414, от 1 апреля 1919 г.

⁵ «Добровольческие» оперативные телеграммы от 3 и 5 апреля — ЦАОР, ф. 430, инв. № 259, д. № 4, лл. 78—79.

⁶ Тот же фонд, д. № 14, л. 78.

⁷ ЦАОР, ф. 1261, оп. 1, д. № 47а, лл. 156—158.

⁸ Бесславная история последних часов «правительства» через несколько дней была изложена им самим в особом «журнале», составленном на борту парохода, на котором

9 апреля власть в Симферополе перешла в руки Военно-революционного комитета. В этот же день утром деникинские части эвакуировались из Евпатории. 10 апреля регулярные части Красной армии вступили в Симферополь и Евпаторию.

Белогвардейцы и интервенты держались еще только на южном побережье Крыма и в районе Феодосии и Керчи.

«Крымское краевое правительство» с позором заканчивало свою пятимесячную карьеру. Попав в Севастополь, «министры» прежде всего позаботились о спасении своей шкуры. В Севастопольский порт в это время вошло греческое адмиральское судно «Килькис». Винавер бросился «с визитом» к адмиралу Кукулидису, умоляя «принять правительство на суда». Адмирал согласился, и на другой же день, 10 апреля, «министры» с семьями и пожитками погрузились на греческое судно «Трапезунд». Чувствуя себя в безопасности под защитой «союзного» флага, они вынесли свое последнее постановление: «При создавшихся обстоятельствах Крымское правительство видит себя вынужденным оставить пределы Крыма. Всем городским и земским самоуправлениям предлагается принять на себя обязанности по гражданскому управлению...»¹

Но спокойно удрать горе-министрам не удалось. Полковник Труссон, узнав, что «министры» захватили с собой казенные ценности, вызвал их к себе и пригрозил, что не выпустит из Крыма, пока ценности не будут возвращены. Пойманные с поличным «министры» с позором высадились с «Трапезунда» и начали сдавать ценности и отчитываться в расходах. Их задержали в Севастополе до 15 апреля и только тогда, когда части Красной армии подошли к самому городу, им разрешили покинуть Крым. Однако «министры» не остались в обиде. Сам «премьер» С. Крым умудрился вывезти из Крыма 60 тыс. ведер ценнейших коллекционных вин б. Удельного ведомства из подвалов Массандры. Вино это было доставлено в Лондон и продано там с большой выгодой. Годом позже часть вырученной за вино валюты попала в руки нового «правителя Крыма» — барона Врангеля.²

С момента бегства «министров» из Симферополя в Севастополь «сскзное» командование отбросило всякие церемонии в обращении с «правительством». Интервенты открыто взяли власть в свои руки, не прибегая больше к ширме «самостоятельной краевой власти». 10 апреля полковник Труссон объявил Севастополь на осадном положении, грозя расстрелом на месте всех захваченных с оружием. Однако эти драконовские законы не прекратили революционных выступлений. В городе распространялись прокламации, призывающие рабочих не производить никаких погрузочных работ и не выпускать в море суда.

Рабочие отказались грузить корабли. В Севастополе находилось огромное количество военных грузов. Они остались невывезенными, так как все погрузочные операции из-за забастовки рабочих производились офицерами.³ Севастопольские большевики установили связь с наступающими частями Красной армии, но организовать немедленно вооруженное выступление не было никакой возможности, так как на

оскандалившиеся «министры» удирали из Крыма. Этот «журнал» был опубликован в белоэмигрантском «Архиве русской революции», II; он воспроизведен и в «Красном архиве», XXII. Не лишен также интереса изданный в Афинах «Краткий отчет деятельности Крымского правительства с 15 ноября 1918 г. по 15 апреля 1919 г.»

¹ Газета «Прибой», № 423, от 12 апреля 1919 г.

² М а р г у л и е с. Год интервенции, II, стр. 184, Берлин, 1923 (белоэмигрантское издание).

³ УЦГАЛ, МИА, ф. Морского управления, операт. часть 1918—1919 гг., д. № 21961/б, л. 440.

рейде стояла эскадра интервентов, а в порту продолжали высаживаться новые части войск: 12 апреля прибыло 2 тыс. алжирцев, 14 апреля — 2 тыс. сенегальцев. Вместе с прибывшими ранее войсками интервенты располагали достаточно внушительными силами, чтобы обойтись без денкинцев. 12 апреля полк. Труссон и ген. Амэ предложили денкинскому командованию немедленно эвакуировать из Севастополя все сухопутные и морские силы.¹ Это распоряжение было выполнено беспрекословно. Из Севастополя в Новороссийск ушли: крейсер «Кагул», эскадренные миноносцы «Поспешный», «Пылкий», «Живой», «Жаркий», «Строгий», «Свирепый»; подводные лодки «Тюмень», «Утка», «Буревестник»; посыльное судно «Дунай»; транспорт «Рион» и несколько мелких судов.² Выбитый из Крыма Деникин сохранил за собой только Керченский полуостров. Сюда отошли остатки Крымско-Азовской армии, которую пришлось переформировать в дивизию.

После эвакуации денкинцев из Севастополя там остались только войска интервентов, а на рейде продолжали стоять их военные суда.

К этому времени части Красной армии успели занять все южное побережье Крыма и 15 апреля подошли вплотную к Севастополю.

Когда красные цепи наступали от Инкерманских высот, их встретили части интервентов. Бои шли 15, 16 и 17 апреля. Исход их решил артиллерийский огонь, открытый линейными кораблями «Жан Барт», «Франс», «Жюстис» и «Верийе». Батарея «Малахова кургана» принимала участие в этом обстреле. Дальнейшее наступление под таким огнем было невозможно.³ Не желая подвергать город разрушению, красные части отошли на свои исходные позиции, чтобы вступить в переговоры с противником.

16 апреля «союзное» командование в Севастополе объявило делегации представителей профессиональных союзов, городского самоуправления и ревкома Севастополя, что оно будет защищать Севастополь до распоряжения об эвакуации от высшего командования.⁴

17 апреля в Севастополе происходили переговоры между советской делегацией и французским командованием. В результате этих переговоров было заключено перемирие на 8 дней. За это время интервенты обещались снестись с высшим командованием и выяснить срок окончательной эвакуации союзных войск из Севастополя. По условиям перемирия, власть в Севастополе с 19 апреля должна была перейти от городской думы в руки Военно-революционного комитета, который переименовывался в Революционный комитет и должен был ведать исключительно внутренними делами. При Революционном комитете должен был состоять политический комиссар действующей Красной армии, при посредстве которого могли происходить переговоры и поддерживаться связь между сторонами. Советские войска, по условиям перемирия, в город не входили, а для охраны порядка учреждалась при Революционном комитете красная милиция.

Вечером 18 апреля в Севастополе состоялось последнее заседание городской думы, а на другой день Революционный комитет приступил к образованию советских комиссариатов.

Можно думать, что «союзное» командование в Севастополе в эти дни само радо было бы поскорее увести свои войска, так как настроение солдат под влиянием большевистской агитации принимало все более

¹ Лукомский. Воспоминания, II, стр. 138.

² ЦАОР, ф. 1261, оп. 1, д. № 47а, лл. 156—158. С большими подробностями эвакуация денкинцев из Севастополя описывается в «Оранжевой книге».

³ Deygas. L'armée d'Orient dans la Guerre Mondiale 1915 — 1919, p. 313. Paris, 1932.

⁴ Газета «Известия Одесского совета» от 22 апреля 1919 г.

революционный характер. 22 апреля «союзные» войска получили от высшего командования приказ эвакуироваться из Севастополя. Однако затянувшийся ремонт броненосца «Мирабо» задерживал эвакуацию. С большим трудом его сняли с мели и отвели в док. Предварительно для этого пришлось почти на одну треть уменьшить осадку корабля, ватерлиния которого поднялась на 2 метра, и вырыть в скале фарватер в 7 метров глубины.¹

23 апреля состоялась вторая конференция представителей советских войск и французского командования, на которой было достигнуто соглашение об окончании эвакуации «союзных» войск до 30 апреля². В этот день части Красной армии вступили в Севастополь.

Перед уходом интервенты с ожесточением разрушали все, что могли разрушить. Они приводили в негодность орудия крепостных укреплений, топили суда, предварительно взрывая машины. Особенно усердствовали англичане, которые потопили все оставшиеся в порту подводные лодки. Крейсер «Алмаз» «союзники» увели с собой в Константинополь. Последнее иностранное военное судно покинуло Севастополь 5 мая. Это был крейсер «Жюстис». На буксире он уводил «Мирабо», машины которого все еще бездействовали.³

Последние дни пребывания интервентов в Севастополе ознаменовались внушительными революционными выступлениями французских моряков. Волнение охватило команды многих кораблей, и не в одном только Севастополе. В центре этих событий находился миноносец «Протэ», на котором в качестве механика работал Андрэ Марти. С группой распропагандированных им товарищей он готовился поднять мятеж на миноносце. Предполагалось неожиданно захватить миноносец (он стоял в румынском порту Галаце), арестовав офицеров, и идти в Одессу, занятую уже советскими войсками. Затем, сняв с корабля колеблющихся и оставив на нем в качестве заложников арестованных офицеров, предстояло идти в Севастополь и произвести демонстрацию перед союзной эскадрой в надежде поднять моряков на других кораблях. Выступление намечалось на 18 апреля, в день, когда «Протэ» должен был сняться с якоря и выйти в море. Но среди моряков, привлеченных в революционную группу, нашлись предатели, и товарищ Марти был арестован в день, назначенный для восстания.

Выступление в Галаце сорвалось, но движение во флоте только начиналось.

Вечером 19 апреля на броненосце «Франс», стоявшем на Севастопольском рейде, матросы, собравшись на баке, бурно обсуждали события. Раздавалось пение «Интернационала». Затем толпа матросов устремилась на ют, разбивая по дороге электрические лампочки, чтобы не быть узнанными. Удалось открыть карцер и освободить арестованных.

Это происходило накануне пасхи. На другой день в 8 часов утра началась обычная церемония поднятия флага. Одновременно на носу, вместо гюйсов на стеньгах взвился красный флаг. То же произошло и на другом броненосце — «Жан Барт». С обоих кораблей неслись звуки «Интернационала» и других революционных песен. В полдень матросы с «Франса», «Мирабо» и других кораблей на шлюпках подошли к берегу и высадились на Графской пристани. Собралось около 300 че-

¹ Deugas, pp. 313—314.

² Текст условий этого соглашения приведен в газете «Прибой», № 480, от 25 апреля 1919 г.

³ Deugas, p. 314, см. также ЦАОР, ф. 1261, оп. 1, д. 47а, лл. 156—158.

ловек. Они с пенем двинулись по улицам. Появились красные флаги. К демонстрации присоединились рабочие. Встречные французские патрули братались с демонстрантами. Скоро количество демонстрантов достигло примерно тысячи человек. Демонстрация носила совершенно мирный характер; ни у кого из матросов или рабочих не было при себе оружия. Тем не менее на одной из улиц (на Морской) демонстрацию встретили огнем. Стреляли греческие патрули, спрятавшиеся в засаде. Было дано несколько залпов, на улице осталось много убитых и раненых.

О расстреле демонстрации стало известно на многих кораблях, и это повсюду вызвало огромное возмущение матросов. Особенно острое возмущение приняло на крейсере «Вальдек Руссо» и на миноносце «Фоконне», оставшихся на Одесском рейде после восстановления в городе Советской власти. На этих кораблях дело дошло до открытого мятежа.¹

Восстание французских моряков на Черном море произвело большой переполох во французских правящих кругах. Генерал Мордак рассказывает:

«Приблизительно в этот период (22 апреля) стало известно о печальных инцидентах на Черном море. Согласно официальным телеграммам, полученным морским министром, на военных кораблях французской черноморской эскадры вспыхнуло серьезное восстание. На одном судне восставшие подняли даже красный флаг.

Клемансо, зная дух и дисциплину наших моряков, немедленно потребовал подтверждения этих исключительных сведений, рассчитывая, во всяком случае, что в первых отчетах имелось преувеличение. Но вскоре пришлось согласиться с действительностью: факты были верны... Первые телеграммы ничего не преувеличивали.

Премьер решил, в национальных интересах и в особенности в виду того, что мирные переговоры были в полном разгаре, — не распространять сразу эти скверные новости. Действительно, широкая публика во Франции и за границей узнала о серьезности восстания только в конце мая, т. е. спустя месяц. Пресса также делала все возможное для того, чтобы смягчить прискорбную правду».²

Несмотря на все старания замолчать или смягчить «прискорбную правду», французский народ узнал о событиях во флоте. Этот вопрос обсуждался в французской палате 11 июня 1919 г., и к нему несколько раз возвращались в последующих заседаниях. Докладчик, депутат Кергезек, тоже пытался «смягчить» события. Он заявлял: «Правда, что красный флаг реял на наших кораблях. Не придавайте, однако, политического значения этому красному флагу. Для наших моряков, для наших солдат, так тяжело страдающих, этот красный флаг, поднятый в час трудных испытаний, являлся как бы сигналом о гибели, способом привлечь внимание всей страны к своему печальному положению».³

Однако скрыть политический характер событий во флоте не удалось. И эти события, завершая эпопею посылки войск на Украину и в Крым, сыграли немалую роль в разоблачении в глазах французского общественного мнения авантюристской политики министерства Клемансо по отношению к Советской России.

¹ Историю революционных выступлений во французском флоте подробно излагает в своих воспоминаниях А. М а р т и («Красный флаг над французским флотом», М., 1928; более полно издано на французском языке — M a r t y, André. La Révolte de la Mer noire. Paris, 1932).

² M o r d a c q. Le Ministère Clémenceau, II, p. 234, Paris, 1930.

³ Annales de la Chambre de Députés, Débats Parlementaires. II Legislature. p. 2321.

Ленин по этому поводу говорил: «...как ни свирепо еще действует военная цензура.., как ни редки доходящие до нас экземпляры газет, мы все-таки имеем совершенно точные документальные данные из Англии и Франции, которые показывают, что сведения, например, о восстании матросов на французских военных судах в Черном море, во французскую прессу попали, что осуждение нескольких французских матросов на каторгу стало известно во Франции, что вся коммунистическая, вся революционная рабочая пресса Франции и Англии на эти факты ссылается, что, например, имя тов. Жанны Лябурб, которую французы расстреляли в Одессе за большевистскую агитацию, стало лозунгом для французской социалистической рабочей печати не только коммунистического крыла»...¹

¹ В. Л е н и н. Соч., XXIV, стр. 559—560.

Р. М. РАИМОВ

ДЕКАБРЬСКИЕ ДНИ 1905 г. В БАШКИРИИ¹

Манифест 17 октября 1905 г.,² явившийся результатом октябрьской всеобщей забастовки, был оценен Лениным как «уравновешение сил борющихся: царизм уже не мог управлять, революция еще не могла его свергнуть. Из этого положения с объективной неизбежностью вытекал решительный бой».³

В ноябре по всей России поднялась новая волна забастовочного движения, переросшая в декабре в вооруженное восстание в Москве и в ряде других городов.

7 декабря 1905 г. Московский Совет рабочих депутатов, руководимый большевиками, объявил всеобщую стачку в знак протеста против арестов среди членов Совета. В забастовке приняло участие 100 тысяч московских рабочих. 9 декабря рабочие стали строить баррикады. Уже 11 декабря вся Пресня была охвачена восстанием.

9 декабря, в знак солидарности с московскими рабочими, была объявлена всеобщая стачка и в Петербурге. Но стачка не охватила всей массы петербургских рабочих. Николаевская (теперь Октябрьская) дорога осталась в руках правительства, и царским властям удалось перебросить в Москву для подавления восстания гвардейские полки. 17 декабря, с прибытием в Москву верных царю частей, правительственные силы получили перевес. Пресня подверглась артиллерийскому обстрелу, началась дикая расправа с восставшим пролетариатом.

В своем докладе о революции 1905 г. Ленин говорил: «Своей вершины революция 1905 года достигла в декабрьском восстании в Москве. Небольшая кучка восставших, именно организованных и вооруженных рабочих — их было не больше восьми тысяч — оказывали в течение 9 дней сопротивление царскому правительству»...⁴

В это же время вспыхнули восстания в Красноярске, Мотовилихе (Пермь), Ростове, Севастополе, Кронштадте, Новороссийске, Сормове, Горловке, Александровске, Луганске (Ворошиловград) и других городах России. Но за поражением Московского восстания последовало поражение восстаний и в этих городах.

Этот опыт декабрьских боев пролетариата имел громаднейшее значение не только для революционного движения в России, но и для всего мирового пролетарского движения, «для всех пролетарских революций».⁵

«До вооруженного восстания в декабре 1905 года, — писал Ленин, — народ в России оказывался неспособным на массовую воору-

¹ Глава из диссертации «Революционное движение в Башкирии в 1905—1907 гг.»

² Здесь и далее все даты приведены по старому стилю.

³ В. Ленин. Соч. XV, стр. 17.

⁴ Там же, XIX, стр. 355.

⁵ Там же, XXV, стр. 432.

женную борьбу с эксплуататорами. После декабря это был уже не тот народ. Он переродился. Он получил боевое крещение. Он закалился в восстании. Он подготовил ряд бойцов, которые победили в 1917 году...»¹

1. ПЕРВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАБАСТОВКИ

В Башкирии, как и в других районах России, с ноября наметилась новая волна забастовочного движения. В ноябре на шести предприятиях Уфимской губернии (на Кусинском, Усть-Катавском и Златоустовском заводах, в Златоустовском депо, в Уфимских железнодорожных мастерских и депо), а также среди ж. д. телеграфистов была объявлена политическая забастовка.²

В декабре в Башкирии бастовали уже двенадцать предприятий и вся Самаро-Златоустовская железная дорога.³ Ведущую роль в революционном движении в Уфе в эти месяцы, как и прежде, играли рабочие уфимских железнодорожных мастерских. 8 ноября они организовали похороны революционерки Емельяновой, тело которой было привезено из Екатеринослава, где она была убита в октябрьские дни. Похороны превратились в мощную политическую демонстрацию.⁴

Рабочие железнодорожных мастерских, задававшие тон всему рабочему движению в Уфе, в течение ноября бастовали дважды. 9 ноября они объявили политическую забастовку в знак протеста против казни инженера Соколова, участника революционного движения. К ним присоединились рабочие депо. В этот день в мастерских под руководством большевиков прошло многолюдное собрание. В отличие от обычных нелегальных «сходок», проводимых в лесу тайком, на этот раз рабочие открыто собрались в столовой железнодорожных мастерских. В собрании приняли участие все рабочие смены — около 700 чел. Председательствовал большевик Олезов.

Собрание потребовало вернуть на работу всех уволенных после октябрьской стачки рабочих, в числе которых был большевик Ив. Якутсв.⁵ Вскоре после этого собрания рабочие выбрали стачечный комитет под председательством Якутова. Движение росло. 16 ноября рабочие явочным порядком установили в мастерских 8-часовой рабочий день. 17 ноября их примеру последовали и рабочие депо. Но для окончательного завоевания 8-часового рабочего дня потребовалась еще упорная борьба. 26 ноября рабочие мастерских и депо созвали объединенное собрание по вопросу о 8-часовом рабочем дне.

«Собрание рабочих и мастеровых уфимских мастерских и депо Самаро-Златоустовской железной дороги, — говорится в протоколе собрания,⁶ — разбирая свои нужды, выставило требования и уполномочило комиссию труда и стачечный комитет предъявить их начальнику дороги для введения в силу законным путем: 1) Восьмичасовой рабочий день должен считаться полным с 17 ноября 1905 года. 2) Увеличить заработную плату в мастерских получающим до 1 рубля — на 30 коп., и от 1 рубля — на 20 коп. с 24 октября 1905 г. и с 1 января 1906 г. ввести в законную силу минимальную поденную плату мастеровым от 1 руб. 50 коп. до 2 руб. 50 коп. и чернорабочим

¹ В. Ленин, Соч. XXIII, стр. 451.

² «1905 год» (сб. Башистпарта), стр. 8—49.

³ Там же, «1905 год в Оренбургской губ.» и ОИА, фонд канц. губ., д. 14, л. 94.

⁴ «1905 год», стр. 28.

⁵ «25 лет первой революции», изд. Башистпарта, Уфа, стр. 40, 41.

⁶ «25 лет первой революции», стр. 40—41. Данный протокол составлен стачечным комитетом мастерских; другой протокол с аналогичными требованиями составлен от имени рабочих депо временно выбранными.

от 1 руб. до 1 руб. 30 коп. 3) Утверждение уплаты мобилизационных денег за время объявления дорог на военном положении в размере 30% на рубль. 4) Утверждение уплаты за двухдневную забастовку (23 и 24 ноября)¹, вызванную действиями правительства. 5) Считая съезд делегатов законным, Стаечный комитет и Комиссия труда требуют производить им уплату за счет дороги в размере поденного жалованья и командировочных не менее 1 руб. в день. 6) Введя в законность Стаечный комитет и Комиссию труда, мы требуем уплаты за проводимые ими часы в заседаниях... в размере 1½ за 1 час за счет дороги. 7) Требуем утверждения вновь рассматриваемых расценок. До исполнения выше изложенных параграфов требований общее собрание мастеровых и рабочих уфимских мастерских и депо постановило бойкотировать работу (в смысле ее неуспешности).

Председатель общего собрания — Якутов,
члены стачечного комитета» (36 подписей).

В начале декабря «бойкот работ», т. е. «итальянская забастовка», в железнодорожных мастерских еще продолжалась. 2 декабря в мастерских состоялся митинг с участием «посторонних» лиц из городского населения. 3 декабря, по предложению стачечного комитета, рабочие вывели на тачке из конторы завода в цех мастера Балашова и еще раз предъявили ему требование о немедленном введении 8-часового рабочего дня.²

7 декабря, в день объявления всеобщей стачки в Москве, началась политическая забастовка по всей линии Самаро-Златоустовской железной дороги. К общей забастовке присоединились и рабочие уфимских железнодорожных мастерских. Они вновь предъявили требование об освобождении арестованных рабочих, о выводе из города казаков, о введении 8-часового рабочего дня, о повышении заработной платы и о выдаче мобилизационных денег.³ В этот же день к забастовке примкнули рабочие механического завода «Гутман» (теперь 1-й госзавод) и учащиеся старших классов уфимской гимназии.

В огне борьбы возник в Уфе Совет рабочих депутатов, как орган вооруженного восстания, как зародышевая форма диктатуры рабочих и крестьян. Он был избран 7 декабря, в день начала политической забастовки. Во главе его стал преданнейший революционер — большевик Ив. Якутов.⁴ Из дошедших до нас документов и воспоминаний видно, что в Совет рабочих депутатов были избраны 35 рабочих железнодорожных мастерских: слесари, каменщики, литейщики, кузнецы, токари.⁵ Количество депутатов из каждого цеха было не одинаково. Это позволяет сделать вывод, что они были избраны не просто по цеховому принципу, а по числу рабочих в цехе; от какого же количества рабочих выбирался один депутат — нам не известно. В состав Совета, кроме Якутова, вошел ряд видных большевиков из железнодорожных мастерских. Советом руководили большевики.

II. ПОДГОТОВКА ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ

С первых же дней своего существования Совет рабочих депутатов принялся за организацию вооруженного восстания. Уфимский комитет

¹ Об этой стачке больше ничего не известно. Повидимому, речь идет о стачке 9—10 ноября; составители же сборника, переведя дату на новый стиль, не оговорили этого.

² «25 лет первой революции», стр. 29.

³ Там же, стр. 53—54.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

РСДРП(б), не раз призывавший к восстанию в своих воззваниях и прокламациях, обращенных к рабочим Южного Урала и к крестьянству, уже с октябрьских дней приступил к подготовке вооруженного восстания в Уфе. В конце октября рабочая милиция, созданная большевиками в Уфе, была реорганизована в боевые дружины, которые должны были стать основным ядром вооруженного восстания. Немедленно началось вооружение дружин и отдельных рабочих. В железнодорожных мастерских начали изготавливать бомбы. Были организованы курсы сестер милосердия. Дружинников обучали боевому делу. «Организации (боевые дружины — Р. Р.) разбивались на две группы, — пишет в своих воспоминаниях т. Алексеев, — причем в первую входили безусловно партийные и наиболее преданные, во вторую — все желающие и рвущиеся с оружием в руках отстаивать дело свободы».¹

Группы эти, в свою очередь, разбивались на отряды разведчиков, бомбистов и рядовых партизан. Из девушек и учащихя был организован санитарный отряд.²

Уфимский комитет руководил боевыми дружинами через Совет дружин, объединявший все боевые дружины Южного Урала. В Совет входили представители комитета. Уже в октябре и ноябре дружины охраняли митинги, собрания и квартиры революционеров-профессионалов; кроме того, в ноябре они организовали экспроприацию шрифта для типографии Уфимского комитета.

Уфимский комитет совместно с Советом боевых дружин разработал и план вооруженного восстания. Вот что т. Алексеев сообщает об этом плане: «Отряды боевых дружин одновременно должны были захватить почту и телеграф, телефонную и электрическую станцию и арестовать на квартирах руководителей военной и гражданской власти. Оставшись без руководителей, не воспитанные действовать по личной инициативе, солдатские и полицейские массы были бы не страшны, даже если бы они и вздумали противодействовать вооруженному классу рабочих. В случае же неуспеха выступления дружины нам определенно диктовалось «рассыпаться», «отступить».³

С созданием в Уфе Совета рабочих депутатов он становится центром организации вооруженного восстания. Уже на другой день после своего возникновения, 8 декабря, Совет созвал собрание в сбсрочном цехе уфимских железнодорожных мастерских и принял некоторые предупредительные меры. Было решено «допустить к движению только поезда воинские и пассажирские (в которых преимущественно ехали солдаты)⁴ и те нечетные поезда, на которых перевозилось продовольствие для голодающих районов. Продажа пассажирских билетов (была) прекращена. Для контроля (были) поставлены вооруженные караулы у начальника станции, на телеграфе и в кассе».⁵

На следующий день, 9 декабря, Совет Рабочих Депутатов созвал митинг в железнодорожных мастерских с участием городского населения. На митинге должен был обсуждаться вопрос о вооруженном восстании.

¹ «1905 год», стр. 129.

² Там же.

³ Там же, стр. 130.

⁴ Уфимские большевики для осуществления своего плана восстания предполагали также использовать едущую с Дальнего Востока армию. Для этого они организовали встречи воинских эшелонов, заранее прикомандировав к ним своих агитаторов. Но едущие оказывались уже разоруженными и стремились в свои деревни.

⁵ Из «Хроники», составленной Башистпартом на основании донесения начальника дороги от 13 декабря 1905 г. (см. «25 лет первой революции», стр. 29—30).

III. 9 ДЕКАБРЯ В УФЕ

С утра 9 декабря на митинг в сборочный цех железнодорожных мастерских потянулись рабочие, учащиеся и некоторые служащие. Рабочие были вооружены «бульдогами» и «смитами», а члены боевой дружины имели и бомбы. Собравшиеся были готовы к решительной борьбе. Власти также усиленно готовились к разгону митинга: на месте сбора были выставлены казаки. Уфимские большевики немедленно послали к казакам своих агитаторов. Казаки, как показалось некоторым участникам событий, вначале колебались.¹ Они «слушали (агитаторов. — Р. Р.) и добродушно улыбались, — пишут в своих воспоминаниях тт. Галанов и Горелов, — некоторые из них даже подавали реплики». Казачий офицер стоял тут же и не знал, что делать. Наконец, он решился и «агитаторов отгеснил крупом своей лошади на приличное расстояние». Тогда т. Горелов (активный участник событий) «повел речь о том, чтобы они уезжали, не вмешиваясь в дело рабочих». Ответ офицера на это был «мирный». Офицер сказал: «Мы вам не мешаем, делайте свое дело, а нас оставьте в покое».²

В это время в сборочном цехе уже шел митинг под руководством председателя Совета рабочих депутатов Якутова. Боевая дружина была расположена цепью на пригорке, защищая вход в мастерские; выше стояли казаки. Совет, очевидно, не очень верил в лояльность казаков: чтобы застраховать митинг от неожиданного нападения казаков, решено было арестовать коменданта ст. Уфа Беляева, явившегося по вызову рабочих в цех. Вскоре на выручку коменданта с требованием освободить его в цех явился казачий офицер Бикулин, который тоже был арестован Советом. Затем был арестован жандармский вахмистр, очевидно подосланный в цех для разведки. Митинг продолжался.

Власти подтягивали новые силы. Прибывшие солдаты расположились на горе, а часть их во главе с офицером стала спускаться с горы. В это время т. Якутов поставил на голосование вопрос — согласны ли участники митинга «дать вооруженный отпор властям». Голоса: «Согласны, согласны!» — прогремели на весь цех. Тут же было проверено вооружение рабочих. Тем временем солдаты уже спускались по лестнице к проходной. Тов. Якутов обратился к солдатам с призывом не слушать офицеров и во избежание кровопролития отступить. Но солдаты продолжали спускаться. После второго предупреждения была брошена холостая бомба. Солдаты бросились бежать, но под напором офицеров и казачьих сотников вернулись на лестницу. Вторая брошенная бомба разорвалась. Солдаты в панике бежали на гору, а казаки ускакали в город. Но вскоре с горы один за другим раздались залпы по окнам мастерских.

Начался бой. Некоторое время шла перестрелка. Правительственные войска успели занять вершину горы — позицию, очень выгодную в стратегическом отношении. Находясь сами в полной безопасности, они могли обстреливать не только мастерские, где находилась основная масса восставших, но и все пути, связывавшие их с городом. Кроме того, войска были вооружены значительно лучше восставших, вооружение которых (револьверы и бомбы) было пригодно лишь для борьбы на близком расстоянии. Вскоре власти вызвали дополнительные воинские части, возвратились и казаки. Борьба была неравная. Очень скоро перевес оказался на стороне правительственных войск. Восставшие очутились в осаде.

¹ «1905 год», стр. 137.

² Там же.

Обсудив создавшееся положение, Совет рабочих депутатов принял решение организованно отступить, что и было осуществлено. Находившиеся на митинге женщины и дети во главе с одним из бомбистов, а также часть мужчин, несших раненых солдат и рабочих на носилках (тут же сделанных из нижних юбок работниц), двинулись мимо казаков в город. Многие перебрались за реку Белую и переждали ночь в лесу, так как возможности вернуться в город не было.

Таким образом, политическая стачка рабочих Уфы, перераставшая уже в вооруженное восстание, окончилась поражением рабочих. В ту же ночь в городе начались массовые аресты рабочих. Реакция, наступившая после поражения Московского восстания по всей России, свирепствовала и в Уфимской губернии. Некоторые профессионалы-революционеры из уфимских социал-демократов-большевиков, руководители рабочего движения, и, в частности, председатель Совета рабочих депутатов Якутов вынуждены были скрываться (через год жандармам удалось арестовать т. Якутова, и он был повешен).

При анализе причин поражения вооруженного восстания в Уфе необходимо указать на следующее: 1) восставшие ограничились «вооруженным отпором», не перейдя немедленно в наступление; 2) недостаточна была борьба за войска: в воинских частях Уфы еще в конце ноября начались волнения, но это не было в достаточной мере использовано для борьбы с правительством; 3) недостаточна была и подготовка к вооруженному восстанию, что видно, в частности, из слабости технической подготовки, недостаточного вооружения рабочих; массы еще не были подготовлены к восстанию;¹ наконец, 4) «боевые дружины» не сумели занять наиболее выгодные в стратегическом отношении позиции и тем самым дали возможность занять их правительственным войскам, вследствие чего восставшие потеряли связь с городом.

IV. ДЕКАБРЬСКИЕ ДНИ В ДРУГИХ ГОРОДАХ БАШКИРИИ

Довольно сильно было политическое движение в ноябре-декабре в Златоусте. Газета «Новая Заря» писала тогда даже о «провозглашении в Златоусте республики».² «Рабочие считают себя хозяевами положения, не подчиняются законным требованиям, — пишет исправник; — с собраний полицию удаляют по приказу агитаторов, вполне подчиняясь последним». В то же время полиция не доверяла местному гарнизону, «в виду сочувствия нижних воинских чинов агитации».³ Еще в начале ноября при аресте одного агитатора рабочие оказали полиции вооруженное сопротивление. Товарищ прокурора тогда вынужден был отложить аресты и гарантировать «неприкосновенность агитаторов».

«Рабочие, появляясь в местном волостном правлении на сходах; — пишет исправник, — требовали от обывателей отказа в уплате повинностей, а от Городской Думы они добились созыва на 6 ноября 1905 года экстренного заседания по организации городской милиции».⁴

17 ноября рабочие собрались на площади у здания арсенала и потребовали от Горного начальника разрешения провести митинг в зале арсенала. Горный начальник вынужден был дать разрешение, и в арсенале состоялся многотысячный митинг. В это время уже

¹ «До боли, до кошмара сознавалось все ничтожество наших бульдожек», — пишут в своих воспоминаниях гг. Галанов и Горелов.

² А. Баранов. 1905 год на Урале, стр. 85.

³ «1905 год», стр. 38.

⁴ ЦАР, ф. ДП, IV, № 4, ч. 6, 1906 г., лл. 9—10.

бастовали около 6 тыс. рабочих златоустовских заводов и депо. 25 ноября городская управа, по требованию рабочих, созвала совещание об «отводе требовавшихся от города квартир для казачьей сотни», «на коем в присутствии толпы в несколько сот рабочих вопрос о необходимости для города казаков был единогласно решен отрицательно, а вооружение рабочих признано необходимым для их самообороны».¹ После этого рабочие начали открыто вооружаться. 28 ноября рабочие депо в явочном порядке установили 8-часовой рабочий день.²

7 декабря златоустовские железнодорожники (рабочие депо и станции) присоединились к всеобщей железнодорожной стачке. В здании заводского арсенала, волостного правления и городской управы в течение трех недель (в ноябре и декабре) созывались сходки рабочих и «обывателей». 10 декабря на объединенном сходе железнодорожных и заводских рабочих было постановлено провести демонстрацию. Там же обсуждался вопрос о разоружении полиции и о том, когда начать восстание.³ На другой день, 11 декабря, была организована грандиозная политическая демонстрация под лозунгами: «Долой царское правительство!», «Всенародное собрание!» В этот день полиция совсем не показывалась на улицах.

Из этих фактов видно, что рабочая масса ясно осознала необходимость вооруженного восстания. В момент наивысшего подъема движения златоустовские рабочие создали Совет рабочих депутатов для руководства восстанием. Но Совет не успел окрепнуть и стать во главе восстания — рабочие потерпели поражение раньше, чем восстание развернулось.

Поражение уфимских рабочих, происшедшее за два дня до того, как в Златоусте движение достигло наибольшего подъема (11 декабря), увеличило силы реакции. Этому содействовали эсеры и меньшевики, тормозившие организацию масс для вооруженной борьбы с самодержавием. Это они, вместо того чтобы вооружить рабочих, посылали от имени рабочих делегацию к губернатору с просьбой не присылать в Златоуст казаков. В поражении златоустовских рабочих сыграла роль также слабость златоустовской с. д. организации (на 6 тыс. рабочих было только 180 членов РСДРП), не сумевшей по-настоящему возглавить движение. Все это явилось причиной того, что движение не успело перерасти в открытое вооруженное восстание. 14—15 декабря в город прибыли казаки, при помощи которых власти начали массовые аресты среди рабочих.

Движением были охвачены и отдаленные мелкие заводы, которые находились далеко в горах, оторванные от остального мира бездорожьем. Так, на Узьянском заводе в Оренбургской губернии рабочие и крестьяне, работавшие на подвозе для завода руды, угля, готовой продукции и т. д., 12 декабря предъявили управляющему заводом требование «увеличить заработную плату», «к работам на заводе принимать, а также увольнять только с согласия всех рабочих». Под этим требованием «подписались рабочие всех цехов и даже барочные», — замечает в ужасе пристав.⁴ Тут же со слов местного старосты он дополняет, что «недовольные и сильно обозленные крестьяне человек 50» явились к нему и предупредили о своем несогласии работать при существующих условиях.

В эти месяцы рабочие Южного Урала почти не встречали сопротив-

¹ Там же (подчеркнуто мною — Р. Р.).

² ВЦИА, ф. ЖУ, № 220.

³ К сожалению, нам не удалось выяснить решение по этому вопросу.

⁴ ОИА, фонд канц. губернатора, д. № 14, л. 95.

ления со стороны заводоуправлений в части удовлетворения предъявленных ими экономических требований. Например, в ноябре одновременно на Симском, Миньярском и Аша-Балашовском, а затем и Катав-Ивановском заводах рабочие предъявили требования об увеличении заработной платы, о 8-часовом рабочем дне и др., — и все эти требования были немедленно удовлетворены.¹

На некоторых заводах рабочие свободно диктовали свою волю заводоуправлению и даже стали фактическими хозяевами завода. Вот, к примеру, сообщение фабричного инспектора Усть-Катавского завода: «Образовавшимся в октябре товарищеским судом рабочих и служащих² путем давления заработок рабочих постепенно увеличен на 50%, удалены 8 чел. мастеров, служащих», а 4 января «самоотстранились и управитель завода с восемью бельгийскими мастерами».³ На Кусинском заводе во время забастовки, продолжавшейся с 26 ноября по 15 декабря, как говорится в обвинительном акте по делу Голлендера и др., «рабочие совершенно завладели заводом, допускали начальствующих лиц в завод лишь с своего разрешения, распоряжались заводскими лошадьми, предоставляя их для езды заводским должностным лицам лишь в случаях, когда это признавалось необходимым самими рабочими, разрешали вопросы, касающиеся заводской аптеки и проч.»⁴

Итак, движение приобрело глубоко политическое значение. На многих заводах Южного Урала начавшееся экономическое движение рабочих под руководством большевиков переросло в мощное политическое движение и дошло до вооруженного восстания рабочих.

Прежде чем перейти к вопросу об участии рабочих-башкир в революционном движении, следует оговориться, что представителей промышленного пролетариата среди башкир насчитывалось очень немного (число их не превышало и 2 тыс.), и они были чрезвычайно забитыми и отсталыми. Все они являлись главным образом отходниками: работали на золотых приисках в Оренбургской губ., на лесосплаве, на вспомогательных работах — по углесжиганию, подвозке руды и угля и т. п. — при горных заводах и в водном транспорте. На крупных предприятиях Уфы и горных заводах Златоуста, Миньяра, Катав-Ивановска и др. национального пролетариата совсем не было. Лишь изредка встречаются рабочие-башкиры среди кадровых рабочих на Белорецком и Терлянском заводах.

В архивных источниках отсутствуют прямые указания на число участвовавших в революционном движении рабочих-башкир. Царские власти вообще не подчеркивали ту или иную национальную принадлежность участников движения; в источниках часто отсутствует даже указание на общее их количество. Поэтому точно указать количество участников движения и разбить их по национальностям не представляется возможным. Однако, основываясь на некоторых косвенных данных, мы можем с полной уверенностью утверждать, что участие башкирского пролетариата в революционном движении было значительно и на данном этапе борьбы.

В движении участвовали не только кадровые рабочие предприятий и заводов, но даже и поденные, подсобные, повременные рабочие, вернее, полурбочие и полукрестьяне. Движением были охвачены новые отрасли промышленности, где башкиры составляли значительную часть рабочих, например, лесопильные заводы. 12 декабря в

¹ «1905 год», стр. 8—49.

² Речь идет о «Рабочем союзе Усть-Катавского завода».

³ ЦАР, фонд ДПО, д. 700, ч. 50, 1906 г., л. 2.

⁴ «1905 год», стр. 38.

Оренбурге забастовали рабочие лесопильных заводов Пименовых, среди которых был сравнительно большой процент башкир и татар. На этих заводах башкирский пролетариат даже выдвинул из своей среды в руководство профсоюзами рабочего-башкира «С. М.»,¹ который возглавлял стачку. То же можно сказать и об Узьянском заводе, где на подвозных работах были заняты башкиры соседних деревень. Впервые движение началось здесь в ноябре-декабре среди занятых на подвозке руды для завода рабочих и крестьян, которые предъявили ряд экономических требований. Наконец, из числа высланных под надзор полиции в отдельные уезды Уфимской губернии шахтеров и других рабочих-башкир с разных заводов Южного Урала, из Николаевска и Донбасса — большинство (более 30 чел.) сослано именно за участие в забастовках.²

V. КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Прежде чем говорить о крестьянском движении в Башкирии в декабре 1905 г., необходимо хотя бы в кратких чертах остановиться на господствовавших здесь земельных отношениях. Значительная часть земли (3163.9 тыс. десятин или около 30% в Уфимской губ. и 2038.7 тыс. дес. или около 14% в Оренбургской губ.) и притом лучшей по качеству, находилась в руках крупных помещиков. Достаточно указать, что в Уфимской губ. 598 собственников владели 1821.5 тыс. дес., т. е. в среднем на владение приходилось более 3 тыс. дес., а в Оренбургской губ. 424 собственника владели 830.2 тыс. дес. — в среднем около 2 тыс. дес. на владение. Итак, мы имеем здесь крупные крепостнические латифундии, находившиеся главным образом в руках дворян. Кроме того, в обеих губерниях имелось 3401.2 тыс. дес. или около 13% земли, принадлежавшей казне, царской фамилии и т. д. В число земель казны включены земли уральских казенных заводов и приисков. Здесь в роли крепостника, эксплуатировавшего эти земли, выступило само государство, в котором так сильны были крепостнические пережитки. Наконец, 16 920 тыс. десятин (в том числе 4967.3 тыс. десятин казачьих земель) в обеих губерниях составляли надельные земли. Эта земля, разумеется, также распределялась неравномерно, причем расслоение деревни зашло уже так далеко, что, например, в четырех уездах Уфимской губ. 18 223 двора башкир и тептерей³ или 13.3% владели 1 271 307 дес. или 44.1% всей земли, а 28 935 дворов (20.4%) — 184 903 дес. или 6.4% всей земли, что в среднем составляет 6.4 дес. на двор.

Рассмотрим, как распределялась вся земельная площадь по обеим губерниям между различными типами землевладельцев.⁴ Этих типов четыре (по Ленину): 1) разоренное крестьянство, 2) среднее крестьянство, 3) крестьянская буржуазия и капиталистическое землевладение, 4) крепостнические латифундии.

К первой группе отнесем землевладельцев, имеющих до 15 дес. по Уфимской губ. и до 25 по Оренбургской;⁵ ко второй — от 15 до 20 дес. по Уфимской губ. и от 25 до 30 по Оренбургской; в третьей — от

¹ Газета «Урал» (на татарском языке), № 14 за 1907 г. Видимо, из соображений предосторожности газета не дает полностью имени и фамилии.

² ВЦИА, фонд губ. правления, д. 561.

³ В статистике надельные земли башкир учтены вместе с землями тептерей, составлявших в этой группе 10—15%.

⁴ Центр. Стат. комитет МВД, «Статистика землевладения», XXXVI и XIV.

⁵ Учитывая занятие скотоводством, мы здесь взяли повышенную норму потребности. 50% дворов, имевших наделы в Оренбургской губ., принадлежали башкирам.

20 до 500 дес. по Уфимской губ. и от 30 до 500 по Оренбургской; и к четвертой группе — имеющих свыше 500 дес. Соединив частновладельческие, казенные и надельные земли,¹ получим следующую картину землевладения к началу XX в. в Башкирии:

Распределение земли	Уфимская губерния				На 1 влад. (в дес.)	Оренбургская губерния				На 1 влад. (в дес.)
	Владений		Десятин			Владений		Десятин		
	в тыс.	в %	в тыс.	в %		в тыс.	в %	в тыс.	в %	
а) разоренное крестьянство . . .	207.3	63.82	1845.7	17.9	8.9	80.5	51.5	1249.7	17.2	15.5
б) среднее крестьянство . . .	40.8	12.59	690.3	6.7	17.0	30.3	19.39	825.8	11.5	27.2
в) крестьянская буржуазия и капиталистическое землевладение	75.8	23.34	4203.6	40.8	55.4	45.0	28.79	2980.0	41.4	66.2
г) крепостнические латифундии . . .	0.8	0.25	3561.9	34.6	4452.3	0.5	0.32	2153.4	29.9	4306.8
Всего . . .	324.7	100	10301.5	100	31.4	156.3	100	7208.9	100	46.1
Не распределено по разным владениям . . .	—	—	319.8	—	—	—	—	1235.4	—	—
Итого . . .	324.7	—	10621.3	—	32.7	156.3	—	8444.3 ²	—	54.0

Итак, на одном полюсе — около 300 тыс. дворов (примерно охватывающих $1\frac{1}{2}$ млн. населения), т. е. более половины сельского населения Башкирии, владели 3 млн. дес., а на другом — 1 300 дворов (около 6.5 тыс., т. е. 0.17% населения) владели 5.7 млн. дес. земли.

Крепостнические латифундии в Башкирии были значительно крупнее, чем средние по России (среднее владение по России имело 2333 дес., а в Башкирии оно было почти вдвое крупнее: по Уфимской губ. — 4452 дес., по Оренбургской — 4306).

Из этих данных довольно отчетливо видна роль Башкирии как колонии русского капитализма, обеспечивавшей ему «громадное развитие не только вглубь, но и вширь».³ Именно этой причиной объ-

¹ В число крепостнических латифундий мы включаем по Уфимской губ. кроме 1.8 млн. дес. помещичьих земель 165.1 тыс. дес. удельных, 991.7 тыс. дес. казенных и 583.6 тыс. дес. земли у 222 товариществ, владеющих более чем 1000 дес. Соответственно по Оренбургской губ. — 19 тыс. дес., 549.9 тыс. дес. и 754.9 тыс. дес. у 127 товариществ. Из владельческих земель группы, владеющие менее чем 500 дес., отнесены к капиталистическому землевладению (по Уфимской губ. — 298.2 тыс. дес., по Оренбургской — 301,6 тыс. дес.).

² В итог не вошли 6458.2 тыс. дес. казачьих земель, которые включают в себя 4967.9 тыс. дес. надельных и 1490.9 тыс. дес. войскового запаса.

³ В. Ленин. Соч., II, стр. 419.

ясняется сравнительно высокий процент (против России в целом) группы крестьянской буржуазии и капиталистического землевладения: по России — 11.6%, по Уфимской губ. — 23.3%, а по Оренбургской — 28.8%. В то же время еще очень сильны были и крепостнические латифундии.

Пореформенный период особенно памятен в истории Башкирии своим безграничным разгулом и наглым грабежом башкирских земель и лесов. В конце XIX в. политику открытого насилия и захвата земель силой власти сменил метод замаскированного насилия и грабежа — «размежевание», «покупки», «кортома» (замаскированная продажа под видом аренды) и т. п.

Башкирские феодалы — баи, старшины и старосты усердно помогали царизму грабить башкирское крестьянство. В результате такой политики за одно лишь десятилетие (1869—1879 гг.) было расхищено около 2 млн. дес. башкирских земель. По закону 1890 г. взяты были в казну 2.4 млн. дес. «как свободные». По закону 1894 г. все башкирские леса перешли в ведение государства.

Все это толкало крестьянство на путь революционной борьбы с царизмом и помещиками-крепостниками.

Готовясь к вооруженному восстанию в Уфе, Уфимский комитет одновременно призывал и крестьянство к решительной борьбе, к созданию революционных комитетов для руководства борьбой и к организованным выступлениям. Значительно усилились в этот период большевистская агитация и влияние большевиков на крестьянское движение. Из Уфы были посланы агитаторы в Мензелинский уезд. 15 ноября четыре агитатора выехали к Стерлитамак; послали агитаторов в села Бирская группа социал-демократов и заводские с.-д. организации (Белорецка, Усть-Катава, Симска, Златоуста и др.). В воззвании Уфимского комитета РСДРП(б), «К крестьянам», распространенном в декабре в количестве 10 тыс. экземпляров, говорилось: «Надо свергнуть нынешнее правительство и заменить его новым, народным. К этому надо готовиться. И мы говорим вам, крестьяне, устраивайте в деревнях свои революционные комитеты для руководства борьбой. Эти выборные комитеты должны указывать, что делать и как делать. Они должны связать деревню с деревней, волость с волостью».¹

Это было не только призывом, но и программой крестьянских выступлений.

Под влиянием все растущего революционного движения крестьян России, под действием агитации большевиков и под впечатлением событий, развертывавшихся в Уфе (подготовка вооруженного восстания, организация Совета рабочих депутатов, 9 декабря и т. д.), крестьянское движение в Башкирии в ноябре-декабре приняло огромные размеры, а во многих местах вылилось в форму политических выступлений. Движение распространилось на все уезды Уфимской и Оренбургской губерний. В ноябре было более 16 крестьянских выступлений, охвативших свыше 40 волостей; в декабре — 18 выступлений, охвативших свыше 22 волостей.²

Более острые формы приняло движение в Мензелинском и Стерлитамакском уездах Уфимской губ., в Оренбургском и Троицком уездах Оренбургской губ. В этих уездах наряду с экономическим движением крестьян и разгромом помещичьих имений было сильно и политическое движение, проявившееся в бойкоте Государственной думы и

¹ «25 лет первой революции», стр. 51.

² Там же и Тр. Вольно-эконом. общ., в. I, «Аграрное движение в России», БЦИА, д. ОИА, ЦАР.

в организованных выступлениях и сопротивлении властям. В остальных уездах преобладающей формой движения была порубка лесов.

Остановимся несколько подробнее на характеристике движения в отдельных уездах.

Мензелинский уезд. Под непосредственным влиянием растушего крестьянского движения в Самарской губ., уже с ноября 1905 г. движение принимает огромные размеры. За ноябрь-декабрь движение охватило более половины (15) волостей, где крестьяне разгромили 19 имений.

В ноябре на границе Чистопольского уезда в имениях Чукашева, Молостова, Моланичьева «крестьяне рубят лес, жгут хлеб и сено» — телеграфирует губернатор.¹

В Старо-Кашировской волости крестьяне увезли хлеб помещика с поля.² В Ново-Спасской волости увезли хлеб из амбара помещика Молостова.³ В Ахметовской волости крестьяне три раза поджигали помещичье сено и надворные постройки, причем жгли только незастрахованное имущество.⁴ Крестьяне деревни В.-Акташ, Копейкина, Дребедени, Ильтина-Буты и др. совместно с крестьянами Бугульминского уезда разгромили помещичью усадьбу барона Притовиц; они увезли «около 30 тыс. пудов хлеба, скот, разное имущество».⁵ Разгромлено было также несколько имений в Старо-Кашировской волости.⁶

В имении Чукашева крестьяне, «систематически насильственно» увозившие сено, в начале ноября оказали сопротивление вооруженной страже.⁷ Целые волости вышли «из повиновения» властям. Более чем в 15 волостях крестьяне отказались от уплаты «всех без исключения платежей».⁸

Среди крестьянства явно развивается не только экономическое, но и политическое движение. Вот что пишет старшина Ново-Спасской волости в своем донесении: «В виду волнений, разных толков и неудовольствий, проникших в селения вверенной мне волости, платежи всех без исключения сборов приостановились, выходя из всякого повиновения».⁹

За этим следует донесение податного инспектора, сообщающее о недоборах, вызванных «неспокойным настроением населения» в волостях Альмет-Муллинской, Александро-Карамалинской, Байсаровской, Богодаровской, Бишинды-Останковской, Ирехтинской, Матвеевской, Нуркеевской, Паисовской, Семиостровской, Старо-Кашировской, Языковской, Исанбаевской, Ногайбаковской, и др.¹⁰

В декабре движение продолжалось с той же силой. Крестьяне продолжали громить помещичьи имения. В Заинской волости они разгромили имения Молостова и Ботизота, «увезли хлеб из амбара и из кладей»;¹¹ то же происходило в имениях Моланичьева, Стахеевых, Чукашева, Притовиц и др.¹²

Исправник из Мензелинска сообщает 12 декабря, что «обостренное

¹ ЦАР, ф. ДП, д. Уфимск. губ.

² «25 лет первой русской революции», стр. 27.

³ Там же.

⁴ «Тр. Вольно-эконом. общ.», I, «Аграрное движение в России», стр. 163.

⁵ БЦИА, ф. канц. губернатора, д. 94, лл. 67, 125.

⁶ Там же.

⁷ Там же, ф. ЖУ, д. 220, лл. 910—913.

⁸ Там же, ф. по крестьянским делам присутствия, д. 495, лл. 57—59.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, лл. 58—60.

¹¹ ЦАР, ДПО, д. 2550, ч. 27, за 1905 г., л. 42.

¹² Там же.

отношение крестьян по отношению к землевладельцам в уезде не прекратилось». Далее он указывает на 15 угрожаемых мест, перечисляя при этом все помещичьи имения уезда.¹

Мензелинский уезд был одним из самых малоземельных уездов Уфимской губернии. В то же время наибольший процент помещичьих хозяйств приходился именно на этот уезд. Вот почему крестьянское движение приняло здесь большие размеры. Были разгромлены почти все помещичьи имения. Движение крестьян было направлено не только против помещичьего землевладения, но и против Крестьянского банка, созданного царским правительством для помощи деревенской верхушке — кулакам — в приобретении земли в собственность. Например, в Ново-Спасской волости, — телеграфирует исправник, — недовольство крестьян деятельностью Крестьянского банка «принимает угрожающее положение».²

В Мензелинском уезде возникли и «крестьянские боевые дружины», которые выпустили специальное воззвание к крестьянам.³

Здесь же одновременно с борьбой против крепостничества и крепостнической власти шла борьба и против сельской буржуазии. В одном из сел Языковской волости крестьяне потребовали от купца, арендатора мельницы, уплаты за 25 десятин затопляемой водой земли. На отказ арендатора, «поскольку он 18 лет не платил», крестьяне возразили: «Теперь настали другие времена». В ту же ночь мельница и надворные постройки запылали. Тушить пожар «никто не пошел». Только после этого арендатор «согласился платить за затопляемую землю».⁴

Стерлитамакский уезд. Специфической чертой этого уезда являлось то, что половина его была горнолесная, где 73% площади было покрыто лесом. Большая часть помещичьих земель была расположена именно в этой части уезда. Поэтому здесь, как и в Белебеевском и Бирском уездах, в отличие от Мензелинского, порубка леса являлась преобладающей формой крестьянского движения. В то же время, в отличие от движения в Белебеевском и Бирском уездах, здесь борьба крестьян приняла глубоко политический характер.

Еще в ноябре крестьяне многих деревень Петровской, Покровской, Дедовской и Федоровской волостей произвели массовую порубку леса в имениях Дурасова и женского монастыря. Рубили крестьяне лес и в имении Енатовской в Дедовской волости.⁵

На объединенном волостном сходе 38 деревень Дедовской и Федоровской волостей в ноябре крестьяне решили бойкотировать выборы в Государственную думу.⁶ Передаем некоторые подробности этого схода, известные нам из донесения земского начальника. 6 ноября последний провел «волостной сход для выбора уполномоченного на избирательный съезд», причем были избраны уполномоченным «волостной старшина Горбатов и кандидатом башкир деревни Балыклы Абсалям Хасанов». В это время на сходе появились «агитаторы-бойкотисты» и стали призывать крестьян к протесту. Полицейские начали избивать агитаторов, что вызвало «возмущение среди крестьян деревни Николаевки, Петровки, Дедова и Акбулатова». Крестьяне не дали властям захватить агитаторов. Сход вынес решение бойкоти-

¹ БЦИА, ф. канц. губернатора, д. 94, л. 110.

² Там же, л. 113.

³ К сожалению, подробных данных об этих дружинах нам не удалось еще найти.

⁴ «Труды Вольно-Эконом. общ.», в. I, «Аграрное движение в России», стр. 163—164.

⁵ БЦИА, ф. канц. губернатора, д. 100, лл. 40—44.

⁶ Там же, д. 94, лл. 141—142.

ровать выборы в Государственную думу и «вынудил старшину отказаться от обязанностей уполномоченного». ¹

Тот факт, что революционное крестьянство продемонстрировало свою солидарность с партией большевиков, призывавших к бойкоту Государственной думы, следует считать крупнейшим политическим событием.

В декабре массовая порубка леса еще больше усилились: движение охватило уже семь волостей.

14 декабря в Стерлитамаке социал-демократическая группа провела митинг во время базара при участии «деревенского люда». Социал-демократы выступали с речами и раздавали прокламацию «Чего хотят и добиваются ходящие под красным флагом». На митинге говорили — сообщают жандармы — что в деревне «вся власть должна принадлежать крестьянам; существующей полиции, земских начальников — не надо». ²

Вернувшиеся из армии запасные — сообщается в том же документе — угрожали «разгромом Земской управы за то, что... не выдали их женам пособия».

В Стерлитамаке уже с октября работала социал-демократическая группа «в виде боевой дружины», ³ руководившей крестьянскими выступлениями в уезде.

Оренбургский уезд. После октябрьских дней в Спасской волости, по инициативе самих крестьян, был создан «Крестьянский союз», который поставил своей целью захват помещичьей земли. Во главе движения стоял крестьянин Бленичкин. Восставшие разгромили помещичьи имения Эверсмана, Корсакова и др. В крестьянском движении участвовали деревни Семакино, Бурунча, Поляковка, Сугамак, Аскарова и другие. ⁴

В декабре на сельских сходах в этой волости крестьяне приняли приговор «о национализации земли». Этот факт указывает на то, что крестьянство в ходе революции высказалось за проведение в жизнь большевистской программы национализации земли, тогда как оппортунисты в рядах партии и меньшевики оспаривали правильность этой программы, ссылаясь на то, что якобы крестьяне на это не пойдут. В селе Спасском «Крестьянский Союз» оказал сопротивление полицейским властям при попытке арестовать членов Союза. ⁵

Троицкий уезд. В имении Мордвиновых бывшие крепостные села Николаевки и деревни Мордвиновки, «освобожденные» в 1861 г. без клочка земли, уже давно вели борьбу с помещиком из-за земли. В течение нескольких десятков лет они были вынуждены арендовать помещичьи земли на кабальных условиях. Только за один прошедший год за ними числилась недоимка по арендной плате в сумме 42 тыс. рублей. С началом массовых крестьянских восстаний в 1905 г. движение здесь усилилось. С 29 ноября по 4 декабря крестьяне всей деревней рубили лес.

Они действовали организованно: сходы постепенно захватывали всю власть в деревне в свои руки. Еще 27 ноября крестьяне выгнали волостного старшину из волости, должностной же знак его надели на избранного ими крестьянина Титова.

11 декабря, по решению схода, была закрыта и запечатана мельница помещика, а все служащие изгнаны из имения. Так за захва-

¹ БЦИА, ф. канц. губерн., д. 105, л. 49.

² Там же, ф. ЖУ, д. 190, лл. 157—158.

³ Там же, ф. канц. губерн., д. 95, лл. 20—21.

⁴ «1905 год в Оренбурге», стр. 60—70.

⁵ «Труды Вольно-эконом. общ.», в. I, «Аграрное движение в России», стр. 153.

том власти последовал организованный захват помещичьего имения. Но 16 декабря в Николаевку приехал уездный исправник со своим помощником. Он взломал замки, открыл экономическую мельницу и вернул на работу в имение всех изгнанных служащих и рабочих. Двух лесников, перешедших на сторону восставших крестьян, он уволил. Исправник еще не успел уехать, как 18 декабря уже собрался «неразрешенный» им сход, который потребовал его присутствия. Крестьяне «стали в дерзких выражениях порицать» исправника, составили на него протокол за взлом замков, так как «им сделано это не собравши сельского схода и не просив предварительного разрешения схода». «Самого Волкова (управляющего имением. — *Р. Р.*) принудили дать подписку, что он сейчас же по приезде в усадьбу распустит всех служащих и рабочих». «В конце концов крестьяне заявили, — заключает исправник свое донесение, — что они не признают ни земского начальника, ни прокурора и вообще никакого начальства, и будут действовать самостоятельно, пока не добьются графской земли и не поделят ее между собой». ¹

Решительная борьба крестьянства с помещиками и царскими властями и первые успехи в этой борьбе подняли против революционного крестьянства кулацкие слои деревни. Начиналась вторая война, война против сельской буржуазии — кулачества. Так было и здесь. Кулак Тихон Шамин стал уговаривать «прекратить насилие» против исправника и управляющего Волкова. В ответ на это сход не замедлил «собственной властью... заключить Шамина в арестантскую». ²

Мы не будем подробно останавливаться на характеристике движения в остальных уездах; укажем только, что наибольшее количество выступлений падает на Белебеевский уезд.

В этот период наивысшего подъема крестьянского движения особенно ясно выступает в Башкирии его общенародный характер. Целыми волостями крестьяне различных национальностей — русские, башкиры, татары, чуваша, мордва — наступают единым фронтом на главного общего врага — крепостничество и царизм (особенно ярко это проявилось в Мензелинском и Стерлитамакском уездах).

Это было результатом усилившегося влияния большевиков и рабочего класса на башкирское крестьянство. В архиве жандармского управления довольно часто попадаются документы, указывающие на это. Вот, к примеру, одно из сообщений исправника: «Проживающий на заводе Белорецком Андрей Иванов Лекарев был в нескольких башкирских и татарских деревнях, ... позволял себе агитировать (например, в дер. Ильтабановой Троицкого уезда. — *Р. Р.*), говоря, что надо всем плотно соединиться и отказаться от царя, нам его совершенно не надо, и без него жить будем совсем далеко лучше, а если еще будет объявлена мобилизация..., то нужно всем от исполнения этого отказаться и солдатам не являться, пусть сам государь идет воевать вместе со своими министрами». ³

Уфимский комитет выпускал специально для башкирских и татарских крестьян прокламации на татарском языке. — «Все, что добыто вами, крестьянами, с большим трудом, — говорится в одной из этих прокламаций (декабрь 1905 г.), — отнимается и вырывается царским правительством, дворянами и помещиками... Для того, чтобы легче было пить кровь народа, сидя на его шее, они держали его в темноте, онаивали.... Не стало мочи терпеть больше насилие царского правительства. Во многих местах крестьяне поднялись для

¹ ОИА, ф. канц. губерн., д. 375/356, стр. 14—15.

² Там же.

³ Там же, д. 377/356, л. 56.

борьбы с царским правительством. Они не хотят быть рабами в руках чиновников, хотят быть свободными, сами себе хозяевами... Скоро наступит день расправы народа с насильниками. Народ — это крестьяне и городские рабочие, против них — только богачи, помещики, фабриканты и купцы. Им невозможно победить народ. Они понимают, что если вся власть в государстве из рук царского правительства перейдет в руки народа... то не смогут больше его грабить и обижать. Они, с целью захвата в свои руки большей власти и дачи народу меньшей ее части, спешат притти к соглашению с царским правительством».

На ряду с борьбой против русского царизма и помещиков, башкирское крестьянство вело борьбу и против «своих» башкирских, а также и татарских помещиков и старшин.

«На днях башкиры вырубили 7 десятин леса, — пишет землевладелец Плансон, — у моего соседа, дворянина Кайбишева, причем так избили стражника, что он должен был выйти в отставку».¹

В деревне Каргалах Белебеевского уезда «произведена опустошительная порубка леса в даче дворянина Терегулова»² и др.

На ряду с разрозненными выступлениями отдельных башкирских деревень, как например, Минатзитаровой, Баскаковой, Бекетовой Уфимского уезда и др., выступления башкирского крестьянства в подавляющем большинстве происходили совместно с крестьянством других национальностей, в частности с русским крестьянством.

Приведем пример. В Белебеевском уезде в Ермекеевской волости против помещика Ляхова выступили совместно башкирские, русские и татарские деревни: Улу-Елга, Зингиреевка, Куръятмасова, Тимофеевка, Васильевка-Ивановка, Давыдовка, Азналы-Карамалы и др.,³ в Бирском уезде — деревни Красный Холм, Чераул, Ижбулдино и др. В Спасской волости Оренбургского уезда в крестьянском движении участвовали башкирские деревни Аскарлова и Бурунча. В Мензелинском уезде, где больше половины уезда было охвачено крестьянским движением, башкирское крестьянство также участвовало в общей борьбе крестьянства против помещиков. Например, крестьяне деревень Каски (русская), Имянова (башкирская) и др. в ноябре увезли хлеб со скирдов помещика Ботизото, а в разгроме имения помещика Притовиц участвовали крестьяне-башкиры деревни В.-Актыш вместе с татарским и русским крестьянством.

Башкирское крестьянство участвовало не только в экономическом, но и в политическом движении. Среди волостей Мензелинского уезда, отказавшихся от внесения «всех без исключения платежей», более чем в десяти преобладает башкирское население.

Та же картина наблюдалась и в Стерлитамакском уезде. Башкирское крестьянство не только участвовало в порубке леса (деревни Ижбуляки, Акбулатова и др.), но и принимало активное участие в бойкоте Государственной думы. Как мы уже указывали, в донесении земского начальника на ряду с русскими деревнями (Николаевка, Петровка, Дедовка) упоминается и башкирская деревня Акбулатова, крестьяне которой «вынудили старшину отказаться от обязанности уполномоченного» по производству выборов в Думу, а «на другой день, — добавляет он, — жители дер. Акбулатова начали порубку леса».⁴

Ленин придавал громадное значение политическому пробуждению

¹ ЦАР, ф. ДП, д. 700, ч. 50, 1906 г., л. 10.

² БЦИА, ф. ЖУ, дд. 94, 195, 204 и ф. канц. губернат., д. 100, л. 38.

³ Там же.

⁴ Там же, д. 94, лл. 141—142.

крестьянства, учитывая подавленность крестьянства существующим строем и его разобщенность. Еще большее значение имеет политическое пробуждение более отсталого башкирского крестьянства. Башкирские крестьяне в своей массе были неграмотны и одурманены муллами, они жили в неопикуемой нужде, изолированные друг от друга громадными расстояниями и бездорожьем, испытывали гнет феодалов — баев и помещиков, подвергались национальному угнетению со стороны царизма, крепостников и буржуазии.

Итак, в этот период особенно ярко и сильно выступает дружба между трудящимися различных национальностей, борющихся против крепостничества и царизма.

В этот период движение крестьянства, в том числе башкирского, достигло гораздо больших размеров, чем в 1900—1904 гг. Но для полного уничтожения царизма, для полной победы революции этого было все же недостаточно.

«К сожалению, крестьяне уничтожили тогда только пятнадцатую долю общего количества дворянских усадеб, только пятнадцатую часть того, что они должны были уничтожить, чтобы до конца стереть с лица русской земли позор феодального крупного землевладения. К сожалению, крестьяне действовали слишком распыленно, неорганизованно, недостаточно наступательно, и в этом заключается одна из коренных причин поражения революции»,¹ — говорил Ленин в докладе о революции 1905 года.

Эта оценка в еще большей мере верна по отношению к крестьянскому движению в Башкирии. Движение крестьянства в Башкирии в целом было даже слабее, чем в некоторых губерниях центральной России. Хотя в некоторых уездах башкиры-крестьяне и проявляли значительную активность, в то же время в других уездах их участие в движении было очень слабо, особенно в горно-лесных, восточных уездах. Как одну из причин этого надо отметить недостаточность пропаганды уфимскими организациями национального вопроса. В известных нам прокламациях Уфимского комитета этот вопрос не нашел своего отражения.

VI. ДВИЖЕНИЕ В ВОИНСКИХ ЧАСТЯХ И В ДРУГИХ СЛОЯХ НАСЕЛЕНИЯ

Волнения захватили и воинские части Уфимской губернии. 6 ноября уфимский губернатор по телеграфу обратился в военное министерство с просьбой о назначении в Уфу «хотя бы одного батальона полевых войск, так как нижние чины 6-го запасного батальона, расположенного в Уфе, выражают недовольство на задержание их на службе и вообще представляют элемент неблагонадежный».²

В телеграмме от 29 ноября 1905 г. в министерство внутренних дел уфимский губернатор уже сообщает о начавшемся волнении в Челябинском полку: «Сегодня явились ко мне весь состав батальона запасных Челябинского полка, требуя немедленного их роспуска... которые, по словам офицеров, угрожают погромом в случае нероспуска их в срок. Восемь часов запасные были очень возбуждены... я их успокоил телеграммой, и они обещали спокойно ожидать ответа. В Уфе остается 200 солдат Стерлитамаковского полка, тоже из запасных; они могут последовать примеру челябинцев».³

На следующий день, 30 ноября, последовала новая тревожная

¹ В. Ленин. Соч., XIX, стр. 354.

² ЦАР, ф. ДП, д. 4, ч. 6, 1905 г., л. 135.

³ Там же, д. 2550, ч. 27 1905 г., лл. 87—88.

телеграмма: требовали увольнения не только запасные, срок службы которых истек, но и те, которые должны были еще служить.

Эти телеграммы достаточно ясно указывают на все увеличивающееся брожение среди солдат. Власти не могли больше доверять этим воинским частям. Учитывая в достаточной степени опасность соединения их с революционными рабочими, они приняли все меры, чтобы не допустить этого, и даже пошли на досрочное увольнение таких частей в запас.

Запасные, состоявшие в громадном большинстве из крестьян, рвались в деревню, чтобы скорее «завладеть» помещичьей землей. И действительно солдаты, возвращавшиеся в деревню, несли с собой революционный дух и очень часто становились во главе движения. На это указывают многие факты. Так, корреспондент из Белебеевского уезда сообщает, что в одной деревне «движением крестьян руководил приехавший из службы из Маньчжурии солдат». ¹ На Авзяно-Петровском и Узянском заводах «с приходом запасных... крестьяне резко изменились», — сообщает исправник. ² То же наблюдалось в Стрелитамакском и в других уездах.

Движение среди интеллигенции. В ноябре-декабре 1905 г. усилилось движение и среди приказчиков Уфы и Оренбурга, в том числе среди башкирских и татарских приказчиков. В Уфе и Оренбурге впервые возникли общие профессиональные союзы приказчиков. Начали объединяться и кустари-портные.

«Вспоможенка» (Клуб Общ. вспоможения частному труду в Уфе) превратилась в штаб пропаганды среди приказчиков и служащих. Радикально настроенная интеллигенция Уфы и многие учителя народных школ в деревнях и селах примкнули к революционному движению: они участвовали в забастовках вместе с рабочим классом, как это, например, было в Стерлитамаке. Здесь, в знак протеста против ареста агронома Балеева, пропагандировавшего социал-демократические идеи, 43 служащих земской управы 17 декабря объявили забастовку. ³

Началось оппозиционное движение и среди национальной буржуазной интеллигенции — шакирдов (учащихся) и мугаллимов (учащих), — разбуженной революцией.

Татарские шакирды и мугаллимы в конце декабря создали в Казани союз «Эль-Ислах» («Реформа»), который ставил себе задачей проведение ряда реформ в школьном образовании: изгнание средневековой схоластики из медресе (школы), введение преподавания светских наук и т. д. В этом реформистском движении участвовала и башкирская буржуазная интеллигенция, учившаяся и преподававшая в татарских медресе.

VII. ЛИБЕРАЛЬНАЯ БУРЖУАЗИЯ И РЕАКЦИЯ

Башкирская и татарская либерально-монархическая буржуазия, напуганная ростом революционного движения, уже в ноябре писала в главном органе Иттифака — «Казань Мухбире»: «Волна борьбы крестьян за землю, надвигающаяся со всех сторон, нас очень пугает. Обширная Россия может оказаться потопленной в море крови и разрушений, подобно тому, как вышедшее из берегов море потопляет все на пути». ⁴

¹ «Труды Вольно-Эконом. общ.», в. I, «Аграрное движение в России», стр. 164.

² ОИА, ф. канц. губернат., д. 14, лл. 94—95.

³ БЦИА, ф. канц. губернат., д. 190, лл. 157—158.

⁴ «Казань Мухбире» (на тат. яз.), 1905 г., ноябрь.

Башкирское и татарское духовенство, феодалы и либерально-монархическая буржуазия, окончательно превратившаяся в опору царизма, всю свою деятельность направили на борьбу с революционным движением. Духовное собрание во главе с муфтием (главой мусульманского духовного собрания) Султановым работало рука об руку с жандармским управлением. Муфтий, по просьбе губернатора, давал муллам и ахунам (представителям духовного собрания в определенном районе) специальные задания по «умиротворению» крестьян.

Приведем одно место из переписки муфтия с губернатором. Начальник уфимского железнодорожного управления в ноябре 1905 г. обратился через губернатора за помощью в «умиротворении мусульманского населения». 4 января 1906 г. муфтий Султанов сообщает о принятых им мерах и их результатах: «Из полученного мною рапорта ахуна Мансурова (из Мензелинского уезда.—Р. Р.), за № 693 видно, что миссия его увенчалась успехом...» Следует подпись: «Вашего Превосходительства покорнейший слуга хаджи М. Султанов». ¹

Царские власти применяли всевозможные средства для подавления революционного движения. Продолжались погромы, организуемые при помощи полицейских властей. Так, во время забастовки железнодорожников в Челябинском уезде на ст. Аргаяш Екатеринбургской железной дороги группа громил ночью подожгла вблизи станции солому, выбила окна в вокзале и избивала начальника станции. Полицейские власти бездействовали. Погром и пожар удалось ликвидировать лишь с помощью отряда служащих, прибывшего со ст. Кыштым. ² Кроме того, крестьяне одной деревни натравливались на другую, чтобы таким путем разбить силы борющегося крестьянства. Местами и эта мера увенчалась успехом: в Мензелинском уезде произошли столкновения между тептерями деревень Мушты и Старо-Актанышбашевой. ³

После подавления движения повсеместно начались массовые аресты. В Уфе после декабрьских событий было арестовано до 100 рабочих, несколько сот было выброшено на улицу. То же происходило и в Златоусте и в ряде деревень. Казачьи сотни были расставлены по всем наиболее крупным заводам (в Белорецке, Тирляне, Златоусте, Челябинске, Уфе, Симске и т. д.). Для борьбы с крестьянским движением в Мензелинском уезде были стянуты казачьи, полицейские и военные части четырех губерний (из Казани, Самары, Уфы и Оренбурга) и, кроме того, еще полицейские стражники Бирского и Белебеевского уездов. Казачьи сотни устраивали «военные прогулки» и по другим уездам, в частности по Стерлитамакскому.

Первая русская революция была потоплена в крови рабочих и крестьян.

* * *

Итак, восстание было подавлено царизмом. Однако рабочий класс извлек из своего поражения необходимый урок. «После декабря это был уже не тот народ. Он переродился. Он получил боевое крещение». ⁴

«Будем помнить, — писал Ленин в августе 1906 г. об уроках Московского восстания, — что близится великая массовая борьба. Это будет вооруженное восстание. Оно должно быть, по возможности, единовременное. Массы должны знать, что они идут на вооруженную, кровавую, отчаянную борьбу. Презрение к смерти должно распростра-

¹ БЦИА, ф. канц. губернат., д. 4, лл. 30—31.

² ОИА, ф. канц. губернат., д. 374/356, л. 47.

³ БЦИА, ф. губернат., д. 94, лл. 34—35.

⁴ В. Л е н и н. Соч., XXIII, стр. 451.

ниться в массах и обеспечить победу. Наступление на врага должно быть самое энергичное; нападение, а не защита, должно стать лозунгом масс, беспощадное истребление врага — станет их задачей; организация борьбы сложится подвижная и гибкая; колеблющиеся элементы войска будут втянуты в активную борьбу. Партия сознательного пролетариата должна выполнить свой долг в этой великой борьбе.¹

Таков вывод, сделанный большевиками после декабрьских боев 1905 года. Совсем иной вывод сделали меньшевики и троцкисты, заявившие устами Плеханова: «Не надо было братья за оружие». Этим самым они еще раз открыто показали свой оппортунизм, свою измену рабочему классу.

¹ В. Ленин. Соч., X, стр. 53.

А. Н. НАСОНОВ

ТМУТОРОКАНЬ В ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ X ВЕКА

Задача предлагаемой статьи — установить, когда Тмуторокань сделалась зависимой от Киевской Руси и выяснить обстоятельства, обусловившие эту зависимость. Исторический материал не содержит прямых указаний на время перехода Тмуторокани в состав подвластных киевскому князю владений, а сведения о Тмуторокани так скудны и отрывочны, что можно приурочить этот переход к разным моментам и событиям на протяжении столетия.

Отсюда понятна следующая историографическая справка. Н. М. Карамзин думал, что «завоевали россияне город Таматарху или Фанагорию во время похода Святослава на Восток.»¹ Мнение это повторил С. М. Соловьев² и вслед за ним — С. Ф. Платонов³ и Ф. Вестберг.⁴ Н. Ламбин, напоминая о воинственном характере Олега, утверждал, что Тмутороканское княжество основано Олегом.⁵ Д. Иловайский писал, что «окончательное утверждение» на берегах Боспора Киммерийского «киевских князей и распространение их господства на всю восточную часть Таврического полуострова совершилось... приблизительно во второй четверти X в.», имея в виду как договор Игоря с греками, так и слова Льва Диакона о Боспоре Киммерийском.⁶ М. Грушевский высказался в том смысле, что Тмуторокань зависела от киевского князя в первой половине X в.⁷ В. Пархоменко считал, что независимость Тмуторокани от Киева, «вероятно, явилась в результате разгрома Приморско-Азовской Руси на Востоке около 913 г.»⁸ Полагали также, что Тмуторокань подпала под власть киевских князей в XI в.⁹ По словам Ю. Кулаковского, в. князь Владимир «очистил Корсунскую землю», но «в его владении оказалось Поморье близ Боспорского пролива в местностях, которые прежде принадлежали хазарам... Остается доселе невыясненным, когда русские прочно обосновались на побережье. Но великий князь Владимир после своей смерти в 1015 году оставил своему младшему сыну Мстиславу Тмутороканский удел, т. е. нынешний Таманский полуостров. Быть может, утверждение русского господства в тех местах стоит в связи с сношениями Владимира с Византией в год его смерти о совместном походе против хазар. Поход этот действи-

¹ История Государства Российского, изд. Эйнерлинга, I, стр. 105.

² История России, I, стр. 150.

³ Лекции по русской истории, стр. 69, 1915.

⁴ «Византийский Временник», XV, вв. 1—2, 1910.

⁵ О Тмутороканской Руси, «Журн. Мин. Нар. Просв.», ч. СЛХХI, 1874.

⁶ Т. е. о том, что Игорь с остатками флота в 941 г. бежал в Боспор Киммерийский (см. Д. Иловайский. Разыскания о начале Руси, стр. 328—331, М., 1882).

⁷ М. Грушевский. История Украины-Руси, I², стр. 374, 1904.

⁸ В. Пархоменко. Начало христианства Руси, стр. 115—116, Полтава, 1913.

⁹ Cp. V. Mosin «Треће» rusko pleme (Slavia, V, стр. 4, 1927).

тельно состоялся, хотя он и не занесен в русскую летопись, в 1016 году».¹

Как и когда возникла зависимость Тмуторокани от Киевской Руси, почему на Таманском полуострове, географически изолированно от других киевских владений, появилось княжество Киевской Руси — остается, таким образом, не выясненным. Не выясненным остается также и вопрос о времени заселения Таманского полуострова славяно-руссами. Иловайский думал, что Тмуторокань была издревле заселена славяно-руссами, и выдвинул теорию «Таманской Руси».² В настоящее время историки и археологи расходятся в мнениях по этому вопросу. Так, М. Артамонов, упомянув о том, что хазарская Белая Бежа вошла в состав Русского государства вслед за походом Святослава 965 г. или некоторое время спустя, пишет: «Целый ряд других фактов показывает на развитие около того же времени русской колонизации юго-востока, в частности выразившейся в образовании Тмутороканского княжества на выходе из Дона и Азовского моря в Черное. Известные к настоящему времени русские памятники Тмуторокани относятся ко времени около XI в., т. е. хронологически совпадают с находками этого рода в Цымлянском городище. Летописные сведения о Тмуторокани также не выходят за пределы XI в.»³ Иного мнения держатся В. Пархоменко и В. Мавродин. Пархоменко предполагает, что Таманский полуостров был заселен славяно-руссами в IX в.⁴ По Мавродину, проникновение славянского этнического элемента далеко в глубь степей Предкавказья было обусловлено хазарским владычеством в юго-восточной, восточной, частью в центральной полосе Восточной Европы⁵.

Оговоримся, что мы не беремся исследовать проблему общей этнической основы, восходящей к праисторическим временам жизни Восточной Европы, например — вопрос о яфетических связях русских с обезами (абхазцами)⁶. Но мы в праве и даже обязаны остановиться на вопросе о том, когда Таманский полуостров был заселен славяно-руссами, ибо материал об этом доступен исследованию историка; вопрос же этот связан с вопросом о распространении власти киевских князей на Таманский полуостров. Посмотрим, во-первых, существуют ли данные об оседлом славяно-русском населении на берегах Черного моря в IX в. и, во-вторых, была ли Тмуторокань славяно-русской в IX в.

Не подлежит сомнению, что в IX в. как у византийцев, так и у арабов с представлением о «руссах» связывалось представление о Тавриде: руссов они представляли себе обитателями Тавра. В житии Георгия Амастридского, дошедшем до нас в своем первоначальном виде и в греческом подлиннике и написанном, согласно исследованию акад. В. Васильевского, до 842 г., автор, рассказывая о нашествии Руси на Малую Азию, подчеркивает, что «древняя таврическая ксеноктония (обычай приносить в жертву иностранцев. — А. Н.) остается юной», т. е. сохраняет свою силу у народа Руси.⁷

¹ Ю. Кулаковский. Прошлое Тавриды, стр. 87, 1914.

² См. Д. Иловайский. Указ. соч., стр. 54 и сл.

³ М. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 88, 1935.

⁴ В. Пархоменко. Три центра древнейшей Руси («Изв. отд. русск. яз. АН», XVIII, кн. 2).

⁵ В. Мавродин. По поводу одной новой теории о местоположении Тмуторокани («Проблемы истории докапиталистических обществ», № 9—10, 1936).

⁶ См. Н. Марр. Избранные работы, т. V, Этно- и глотогения Восточной Европы, 1935 г.

⁷ «ἡ Ταυρικὴ ξενокτονία ἐξένη ἢ παλαιὰ παρ' αὐτοῖς κελζουσα», см. В. Васильевский Труды, III, стр. 64, СХХХIX, 1915.

Тот же обычай древних жителей Таврического полуострова приписывался и одному из племен руссов (на что не так давно обращал внимание акад. А. Соболевский)¹ в известном рассказе о трех племенах руссов Эль-Балхи, Истархи и Ибн-Хаукаля:² «они (жители той страны) убивают всякого иностранца, который приходит в страну.»³ Эта древняя легенда ни в какой мере не отражала черт быта X в. Но упоминания о ней в связи с руссами свидетельствуют, что и в Византии и на Востоке на руссов смотрели, как на обитателей Тавриды. Сопоставляя эти литературные данные о руссах первой половины IX в., с упоминанием более позднего времени о русских, обитавших на Таврическом полуострове,⁴ мы приходим к необходимости предположить, что уже в первой половине IX в. и, быть может, ранее существовали руссы, осевшие в Крыму.

Но есть ли основания для утверждения, что Тмуторокань до 944 г. была славяно-русской?

Прежде всего мы обращаемся к Льву Диакону и вспоминаем, что, по его словам, Игорь в 941 г., после разгрома русского флота, бежал к Боспору Киммерийскому. Мы читаем весь текст сочинения Льва Диакона и убеждаемся в невозможности видеть в этих словах указание на действительный маршрут Игоря: о Боспоре Киммерийском как о родине русских, куда им надлежало вернуться, говорит Лев Диакон и в рассказе о войнах Святослава, хотя из дальнейшего рассказа видно, что Святослав едет на родину отнюдь не к берегам Боспора Киммерийского и не через Боспор Киммерийский, а нижним Днепром.⁵

Не ведет ли нас к Таманскому полуострову известие арабов об «острове руссов»? Рассказ источника не дает оснований отождествлять «остров», населенный одним из трех племен «Руси», обязательно с Таманским полуостровом. Согласно показанию источника, вероятнее, что «остров» этот лежал на юге Восточной Европы, а не на севере, хотя некоторые историки связывают его с северным поселением «Руси». Но на юге мы найдем много островов и полуостровов (с низкими болотистыми местами) на Каспии и Черноморье, которые могли бы быть «островом руссов». Упоминание источника о древней ксеноктонии заставляет вспомнить предположение А. Гаркави, приурочивавшего «остров руссов» к северной части Крымского полуострова.⁶

¹ «Третье» русское племя (ДАН, 1929, № 4).

² Рассказ, восходящий, таким образом, к их общему первоисточнику, стоит к последнему наиболее близко у Эль-Балхи (см. *Enzyklopaedie des Islām*, В. I).

³ См. Д. Х о л ь с о н. Известия о ... славянах и руссах... Ибн-Даста, стр. 175, 1869; ср. А. Г а р к а в и. Сказания мусульман о славянах и русских, стр. 276, 1870.

⁴ Согласно «Записке Готского топарха» (памятнику второй половины X в.), «лучшие» люди, т. е. знатные из числа «сторонников» населения крепости «Климаты», решали вопрос, касавшийся также населения крепости, — к кому обратиться за покровительством; вероятно «сторонников» было значительно больше, чем обитателей крепости. О «сторонниках» (точнее о знати их) автор «Записки» говорит, что они «от тамошних нравов (т. е. от нравов населения Киевщины. — А. Н.) не отличны в своем образе жизни». Отсюда справедливо заключают, что в «сторонниках» естественнее всего видеть таврических руссов.

По свидетельству византийских хронистов XI—XII вв., списывавших более ранние источники, когда они говорили именно о событиях IX в., народ «Русь (Рос)... жил у северного Тавра» (Scylitzes-Cedrenus—II, 173, ср. также Z o n a r a s XVI, 5), см. «Изв. ГАИМК», V, 226. Автор XIII в., Ибнабдезахыр, отмечает, что «местечко Крым (т. е. Старый Крым? — А. Н.) населяют люди разных наций, как-то кипчаки, русские и аланы» (В. Т и з е н г а у з е н. Материалы по истории Золотой Орды, I, 63).

⁵ Leonis Diaconi Historiae, VI, 8; VIII, 1; IX, 12.

⁶ «Если же применим описание Ибн-Дусте к Крымскому полуострову, то все объяснится довольно удовлетворительно: и протяжение трех дней, и озеро, то-есть

Итак, у нас нет данных, чтобы распространить Черноморскую Русь IX в. на Таманский полуостров. Наоборот, некоторый материал для суждения — когда появляются русские на Таманском полуострове и каким в преобладающей части своей было население Тамани — у нас имеется, и этот материал вынуждает нас отказаться от гипотезы так называемой «Таманской Руси», предложенной Иловайским. Прежде всего, необходимо обратить внимание на то, что вещественные памятники Тамани дают немало славяно-русских предметов XI—XII вв. и не содержат следов пребывания славяно-руссос на Таманском полуострове в IX—начале X вв.¹ В русской летописи находим несколько известий с некоторыми данными о составе населения Тмуторокани и ее территории в XI в., когда уже существовало русское «княжество» на Таманском полуострове, и славяно-русский элемент играл, надо думать, значительную роль в жизни Тмуторокани. Однако летописные известия XI в. называют в связи с Тмутороканью почему-то только «козаров» и «касогов». Так, в 1023 г. Мстислав Тмутороканский пошел на Ярослава «с Козары и съ Касогы» (Лавр. летош.). Таков был состав «дружины» Мстислава, которую летопись явственно отличает (в рассказе под последующим 1024 г.) от «Съверъ», — т. е. северян, которыми стал распоряжаться Мстислав, после того как сел в Чернигове, — и от «варягов», призванных Ярославом и Заморья.² О значении хазар в Тмуторокани говорят известия 70-х годов XI в., когда хазарами был схвачен Олег и «поточен» в Царьград (см. Ипат. и Лавр. летош. 1079 и 1083 гг.). В полном согласии с показаниями летописей о событиях истории XI в. стоят сообщения арабов о Таманском полуострове IX—X вв. Не случайно, к названию «С-м-куш», упоминаемому у Ибн-ал-Факыха, как название важного центра, вполне основательно отождествляемого исследователями с Тмутороканью, в тексте источника прибавлено «ал-яхуд», т. е. «евреев»; а Масуди, повествуя о походе 913-914 гг., говорит, что у устья пролива стояла хазарская стража: оттуда «русы» послали к хазарскому царю с просьбой пропустить их через его страну.³ Вот почему мы не можем считать Тмуторокань славяно-русским городом до X—XI вв., и мы должны признать также, что во второй половине XI в. хазары не были малочисленны в Тмуторокани.

Итак, материал не содержит прямых указаний на время перехода Тмуторокани в состав подвластных киевскому князю владений; имеющиеся сведения о Тмуторокани скудны и отрывочны; показанием источников устраняется, наконец, положение, что Тмуторокань была с IX в. славяно-русской. Происхождение и история географически изолированного Тмутороканского княжества становятся для нас действительно загадочными. Чтобы разгадать эту загадку, надо сойти с проторенных путей и, во-первых, рассматривать историю Руси в связи с историей других народов, населявших современную

Сиваш, и сырость, и нездоровье воздуха около Гнилого моря, и тонкость почвы на северной окраине и, наконец, лесные пространства на южном берегу Тавриды» (А. Гаркави. Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе. «Труды 4 археол. съезда... в Казани», II, стр. 242, Казань, 1891).

¹ См. Н. Репников. О древностях Тмуторокани, Труды секц. археол. РАНИОН, IV, 1928.

² Равным образом известие 1094 г. о приходе Олега из Тмуторокани к Чернигову с половцами и известие 1079 г. о наступлении на Всеволода Романа с половцами, убитого на обратном пути половцами, не дают никаких намеков на присутствие славяно-русской дружины (см. Лавр. и Ипат. летош.).

³ См. А. Гаркави. Сказания... стр. 130—134; см. также перевод А. Якубовского. «Византийский Временник», XXIV, стр. 86, 1926. Ср. перевод В. Григорьева. Россия и Азия, стр. 7, 1876.

территорию СССР, а во-вторых, изучать исторические события, протекавшие на территории нашей страны не изолированно, а в связи с историей соседних стран — иными словами как события всемирно-исторического процесса.

I

Тмуторокань, упоминаемая в русских источниках, начиная с событий конца X в., или Таматарха (*Μάταρχα—Ταμάταρχα*) Константина Багрянородного, находилась там, где источники показывают «С-м-куш евреев» (*سمكوش اليبانود*) или принадлежавший хазарам «С-м-к-р-ц» и где еще ранее источники указывают местоположение древней византийской колонии Фанагории. Название города Тмуторокани — Таматархи дожило до нашего времени в другой форме — «Тамань». Это последнее название (*طامان* — Таман) мы находим уже у автора первой половины XV в.¹

Нет ничего удивительного, что история Тмуторокани в X в. тесно связана как с историей Хазарского царства и народов, населявших его, так и с борьбой Византии за возвращение своих северно-черноморских владений, игравших большую роль в экономической жизни Византийской империи. Но почему же история Тмуторокани сплелась с историей Киевщины?

В IX—X вв. в число народов, вошедших во внешнеполитический кругозор империи, включились славяно-руссy. Из греческих и восточных источников нам известно, что в IX в. славяно-руссy занимали видное место в торговой жизни Черноморья на протяжении от берегов Малой Азии до берегов Азовского моря включительно. А в первой половине X в., как видно из договоров русских с греками, славяно-руссy Киевщины играли значительную роль в византийской торговле. Отношения славяно-руссy к Царьграду не всегда, однако, носили дружественный характер. Так, в 860 г. над Константинополем разразилась «северная и страшная гроза», как Фотий называл нашествие «россов». События 860 г. обогатили опыт византийцев, а последующие события показали, что военные предприятия славяно-руссy могут быть направлены по иному руслу.

Торговые и культурные сношения с Царьградом установились позднее сношений на путях из Поднепровья на Восток, которые пролегли через земли и воды, принадлежавшие преимущественно хазарскому кагану. Путь на Восток шел Днепром и Черным морем; шли сношения также по путям «от Днепра», в юго-восточном направлении. Куфические монеты показывают расцвет культурных сношений на этих путях со странами Востока — в VIII—IX вв. Данные археологии свидетельствуют, что на этих путях оседало население — по Донцу и Дону. О другом пути, который шел Черным морем к берегам Меотиды, мы знаем, что он был известен руссам уже в первой половине IX в.

Вскоре после похода 860 г. в период 864—884 гг. руссы (*روسان*) напали на Абесгун в Каспийском море.² К сожалению, мы не знаем, пришли ли они тогда Черным морем, так как источники не дают на этот счет указаний. В начале X в. (в 909-910 гг.) руссы

¹ В географическом сочинении Хафиз и Абру (в рукописи Британского музея). Я пользовался материалами, подготовляемыми к изданию проф. А. Рама-Кевичем.

² Из «Истории Табаристана» Мухаммеда сына Эль-Хасана (Б. Дорн. Каспий, стр. 5).

вновь напали на Абесгун и берега Каспийского моря, а спустя несколько лет (в 913-914 г.) был совершен известный поход руссов, описанный у Масуди, когда руссы, как нам точно известно, пришли Черным морем. Незадолго перед тем, в 907 г., если верить дате «Повести временных лет», славяно-руссы вновь напали из Киева на Царьград. До 40-х годов X в. славяно-руссы, повидимому, не беспокоили столицу империи. В 941 г. «презревши клятвенные договоры», по выражению Цимисхия в «Истории» Льва Диакона, они обрушились на черноморские побережья Вифинии и Босфор, но потерпели поражение. Новая угроза нападения нависла над Царьградом в начале 944 г., когда был близок к осуществлению план нападения на Константинополь многочисленной армии в отместку за поражение 941 г.

Чтобы остановить движения войск к «царственному граду» из Поднепровья, царь отправил послов, встретивших Игореву армию на пути к Константинополю, близ устья Дуная; послы предложили дань, которую брал предшественник Игоря («уже имал Олег»), с прибавкой («придамь и еще к той дани»); также и к печенегам послали «поволоки и злато много». После переговоров с послами Игорь созвал дружину и передал ей предложение царя.

Специально вызванные из-за моря «варяги» и другие участники похода (многочисленные славяно-руссы и печенеги) едва ли согласились бы мирно вернуться на родину, отказавшись от войны, богатой добычи, или новых доходов. О печенегах мы знаем достоверно, что Игорь направил их после переговоров с послами и дружиной против болгар («воевати Болъгарьску землю»). В поход из южнорусских степей на Царьград печенеги шли сушей. Остальные участники похода двигались морем, в «лодьях».

На возможную связь между не осуществленным до конца походом на Царьград 944 г. и походом руссов на Восток, к Каспию, предпринятым в том же 944 г., историки уже указывали (И. Беляев, А. Кунник). Но вопрос о роли византийской дипломатии в этом последнем предприятии не поднимался в литературе. Между тем, из хода событий ясно, что византийцам прежде всего нужно было отвести удар, направить его по другому руслу. Византийская дипломатия могла только подсказать мысль о походе в противоположном направлении — к Каспию, или, во всяком случае, пожелать, чтобы славяно-руссы двинулись туда, куда они ходили уже не раз. В ходе событий перед византийской дипломатией открывались широкие перспективы и возможности.

Каким путем решили руссы выйти к Каспию? Шли ли они Доном и Волгой, мимо хазарской столицы Итиля, или же пересекли материк к северу от Кавказского хребта, как это сделал во второй половине IX в. Кирилл Философ, вышедший к Дербенту?¹ Существует ли материал, позволяющий сделать определенный вывод по данному вопросу? Такой материал существует. Его рассмотрение не приводит к противоречивым выводам. Такой материал мы находим, во-первых, в некоторых восточных источниках, трактующих о походе руссов на Бердаа 944 г. и содержащих данные о пути руссов; во-вторых, — в некоторых восточных источниках, относимых к середине X в. и содержащих указания на движение руссов к берегам Каспийского

¹ Из Корсуня Константин поехал в Хазарию к кагану, избрав такой путь: «въседь же въ корабль, поути ся ять козарьского на Меотское езеро (Азовское море. — А. Н.) и Каспискаа врата Кавъкажьскихъ горъ» (Дербент). На обратном пути он проходил через местность с негодной для питья водой (повидимому соленой). См. текст моравско-даннонского жизнеописания (Труды слав. ком. стр., I, стр. 13, 24, 1930).

моря; в-третьих, наконец, данные для решения интересующего нас вопроса мы получаем при рассмотрении общей ситуации на путях из Каспийского моря к Черному, как она сложилась к середине X в.

Из восточных авторов, трактующих о походе руссов на Бердаа, только двое дают материал для суждения о пути руссов: Низами и Бар-еврей (сирийский текст). По Низами, «русские, жаждущие войны, пришли ночью из страны алан и герков (вариант: «равно как и алланы и герки»), чтобы на нас напасть, как град. Так как они не смогли пробиться через Дербент и его окрестности (вариант: «пробились через Дербент и эту страну»), они отправились в море на судах и совершили нападение». ¹ Таким образом, судя по Низами, русские шли не Доном — Волгой, а подошли к Дербенту сушей и в Дербенте или в окрестностях Дербента сели на суда и вышли в море. В это время Дербентом и Ширваном правил, вероятно, Мухаммед бен Иезид; начало его правления относят приблизительно к 944 г.; есть сведения, что он построил в Дербенте новые укрепления, возможно, после событий 944 г., чтобы обеспечить себя от подобных вторжений в будущем. ² С показаниями Низами согласуются данные, извлекаемые из рассказа Бар-еврея: «вышли разные народы: аланы, славяне и лезги, проникли до Азербайджана, взяли город Бердаа». Упоминание алан и лезгов на ряду со славянами говорит за то, что русские шли не Доном — Волгой, а пересекли материк от Азовского моря до Каспийского к северу от Кавказского хребта. Именно такой вывод и сделал известный ориенталист В. Григорьев на основании указанных двух источников. ³ У других авторов, повествующих о походе на Бердаа, мы данных о пути руссов не находим, и показаний, противоречащих сделанному выводу, эти источники не содержат. ⁴

Существуют и другие данные, подтверждающие мнение, что руссы в 944 г. прошли к Каспию на Дербент или вышли в море где-то вблизи Дербента. Так, в письме хазарского царя Иосифа к Хосдаи, не так давно вышедшем в свет в новом издании (1932) и вновь подвергнутом исследованию, прямо говорится: «я охраняю устье реки (т. е. Волги. — А. Н.) и не пускаю Русов, приходящих на кораблях, приходить морем, чтобы идти на исмаильтян (мусульман. — А. Н.) и [точно так же] всех врагов [их] на суше приходить к «Воротам» (т. е. к Дербенту. — А. Н.). Я веду с ними войну. Если бы я их оставил [в покое] на один час, они уничтожили бы всю страну, исмаильтян до Багдада»... ⁵ и т. д.

Как можно заключить из письма, руссам ранее удавалось проходить и Волгой в Каспийское море и сушей к Дербенту и грабить мусульман. Волгой, как известно, они выходили в 913—914 гг. Но когда же

¹ Б. Д о р н. Каспий. Зап. имп. Ак. Наук», XXVI, стр. 498, СПб., 1876.

² Т а м ж е.

³ В. Г р и г о р ь е в. О походе древних руссов на Восток (Россия и Азия, СПб., 1876).

⁴ А. Я к у б о в с к и й из слов Ибн-Мискавейха о «судах, на которых они (руссы) приехали из своей страны», делает вывод, что русские приехали Волгой, упустив из виду то, что говорит Ибн-Мискавейх о стране руссов выше (см. Византийский Временник, XXIV, 1926). У Ибн-Мискавейха выше читаем, что руссы «проехали море, которое соприкасается со страной их, пересекли его до большой реки, известной под именем Курь» ... По Ибн-Мискавейху, таким образом, Каспийское море соприкасается со страной руссов. Поэтому из его слов о судах, на которых руссы приехали из своей страны, нельзя сделать какого-либо определенного заключения: ни в пользу пути на судах от северо-западных берегов Каспия, ни в пользу пути Дон — Волга.

⁵ И в краткой редакции письма: «я [сам] живу у входа в реку и не пускаю Русов, прибывающих на кораблях, проникать к ним. Точно так же я не пускаю всех врагов их, приходящих сухим путем, проникать в их страну. Я веду с ними упорную войну. Если бы я их оставил [в покое], они уничтожили бы всю страну исмаильтян до Багдада» (см. П. К о к о в ц о в. Еврейско-хазарская переписка в X веке, стр. 83, 102, 1932).

на суше они проходили к Дербенту? Может быть, это было еще ранее — в 909-910 г.? Но известие, сообщающее о прибытии руссов в 909-910 г., говорит о 16 кораблях, т. е. о небольшом предприятии, и мало вероятно, чтобы действия этих руссов побудили спустя столько времени специально упоминать о пути к Дербенту сушей. К тому же в известии говорится об их прибытии только, что они прибыли для грабежа Табаристана «из-за моря» или «с моря» (آمدن روسان از دریا)

и что они «показались на море» (بدید آمد).¹ После 913-914 гг. до времени написания письма к Хосдаи источники отмечают только один поход руссов — поход 944 г. (письмо к Хосдаи писалось до похода Святослава 965 г.). Таким образом, остается предположить, что именно в 944 г. руссы приходили к Дербенту по суше. Короче говоря, письмо к Хосдаи дает косвенные подтверждения данных Низами и Бар-еврея о пути руссов.

Другой источник, дающий нам материал для суждения о пути руссов к Каспию, также подтверждает данные Низами и Бар-еврея о пути руссов в 944 г. В персидском переводе Табари, сделанном Балами, переводчик позволил себе в текст Табари сделать интересную для историка, изучающего X век, интерполяцию; царь Дербента Шахриар говорит о хазарах и русских, «которые суть враги целому миру», и вместо дани предлагает «воевать с русскими», и «удерживать, чтобы они не вышли из своей страны».² Балами переводил историю Табари в 963 г. и должен был знать о походе на Бердаа 944 г.

Обратимся теперь к рассмотрению общей ситуации, как она сложилась в середине X в. на путях из Черного моря к Каспию. Хазарский царь говорит в своем письме, что он не дает руссам выходить в море р. Итилем (Волгою). Если даже допустить, что он пропускал их в 944 г. Волгой в Каспийское море, то трудно предположить, чтобы руссы согласились избрать именно этот путь после опыта 913-914 г., когда, пропущенные хазарским каганом, они на обратном пути подверглись избиению со стороны мусульманских войск кагана. Путь через материк от берегов Азовского моря к Каспийскому, к северу от Кавказского хребта, мог быть в этом отношении менее опасен.

К середине X в. империя стремится проводить по отношению к Хазарскому государству политику окружения или изоляции: аланы, гузы, черные болгары, как можно заключить из наставлений Константина Багрянородного своему сыну, должны были быть использованы в борьбе с хазарами при попытке последних восстановить свое господство в причерноморских владениях. «Узы могут ходить войною на хазар, так как живут близко к ним» — читаем мы в X главе «De administrando imperio»³. И мы действительно знаем из «Золотых россыпей» Масуди (написанных в 40-х годах X в.), что узы весьма беспокоили хазарского кагана.⁴ «И так называемая Черная Болгария может воевать с Хазарами», — читаем в XII главе «De administrando imperio». Но особое значение придает Константин Багрянородный отношениям с Аланией: «Когда властитель Алании, — читаем в XI главе, — не живет в мире с Хазарами, но отдает предпочтение дружбе царя Рсмейского, то, если хазары не желают жить в дружбе и мире с царем,

¹ Из «Истории Табаристана» Мухаммеда бен Эль-Хасана бен Исфендиара (Б. Дорн. Указ. соч., стр. 5)

² См. Б. Дорн. Указ. соч., стр. XLIII—XLIV; Еггоже. Известия о хазарах восточного историка Табари (Журн. Мин. Нар. Просв., ч. XLIII, стр. 10—11, 1844. А. Гаркави. Сказания., стр. 74, 1870.

³ «Изв. ГАИМК», в. 91, стр. 10.

⁴ См. Византийский Временник, XXIV, стр. 86.

он может причинить им много зла, устраивая засады на дорогах и нападая на них, когда они без охраны проходят к Саркелу, к климатам и Херсону. И если этот властитель поставит себе задачей препятствовать им, то Херсон и климаты будут пользоваться долгим и глубоким миром; ибо Хазары, боясь нападения Алан и не находя [поэтому] возможности нападать с войском на Херсон и климаты, так как не имеют силы одновременно воевать с обоими, будут принуждены соблюдать мир». ¹ И другие данные подтверждают то, что говорит Константин Багрянородный о возможности использовать алан (ранее находившихся под властью хазарского кагана) против самих хазар. Мы знаем об успехах Византии в Алании в первой половине X в.: уже в начале столетия аланы вместе со своим князем были обращены в христианство монахом Евфимием и архиепископом Петром при ближайшем участии патриарха Николая. А факт повышения аланской кафедры в ранге свидетельствует, что почему-то в X в. значение Алании в плане политических интересов империи возросло. ²

На основании всего сказанного можно думать, что в 944 г., когда руссы шли на Восток, власть хазар на берегах Азовского моря и на Таманском полуострове была только номинальной и легко могла пасть окончательно. Таким образом, при покровительственном отношении империи и при дружественном отношении «владельца Алании» к императору ромеев руссы могли пересечь материк от Азовского до Каспийского моря, не испрашивая разрешения хазарского кагана. И на северо-западном побережье Каспийского моря они могли скорее избежать трагической развязки, чем в устье р. Итиля, где они однажды уже попали в засаду, устроенную войском кагана. ³ Короче говоря, общая ситуация 40—50-х годов X в. на путях от Черного моря к Каспийскому сложилась не в пользу пути Дон—Волга, а скорее в пользу пути, пересекавшего материк от берегов Азовского моря к Каспийскому.

Итак, рассмотрев, во-первых, данные о походе на Бердаа тех восточных источников, которые содержат материал о пути руссов, во-вторых, показания авторов второй трети X в. о движении руссов к Каспию и, в-третьих, общую ситуацию на путях к Каспийскому морю, мы приходим к заключению, что материал не дает противоречивых показаний, а позволяет сделать вполне определенный вывод: руссы в 944 г. пошли к Каспию не Доном—Волгой, а пересекли материк к северу от Кавказского хребта и вышли к Дербенту сушей.

Отпустив славяно-русское войско, Игорь должен был определить свои отношения к Византийской империи в форме договора, причем, как есть основание предполагать, содержание договора наметилось предварительно не в Киеве, а, вероятно, при встрече армии Игоря с византийскими послами близ устья Дуная, при переговорах с ними. Упоминание «Повести временных лет» о приезде византийских послов в Киев к Игорю «построить мира первого» явилось, повидимому, результатом желания объяснить ход событий без ущерба для престижа киевского стола, а также результатом литературной обработки материала. Так, по крайней мере, позволяет думать простой расчет времени. Если принять во внимание величину и состав Игорева войска, то придется согласиться с А. Куником, что «до месяца июня

¹ Изв. ГАИМК, в. 91, стр. 11.

² Ю. Кулаковский. Христианство у алан. «Византийский Временник» V, в. 1—2, стр. 7.

³ Масуди свидетельствует о сближении «в последнее время» властителей Алании с властителями Дагестана (Baghier de Meunard. Masoudi, II, 22).

он (Игорь) едва ли добрался до устьев Дуная». ¹ Император Роман, упомянутый в договоре, царствовал до 16 декабря 944 г.; на путь от Константинополя до Киева надо было затратить не менее 1½—2 месяцев. Таким образом, византийские послы могли рассчитывать вторично прибыть в Киев для ратификации договора приблизительно к началу января 945 г.; и если принять, что они ездили два раза, надо допустить, что они решились на зимнее путешествие, а это представляется мало вероятным. Иными словами, весьма возможно, что византийские послы ездили в Киев не два раза, а один раз и что предварительные переговоры велись, таким образом, не в Киеве, а близ устья Дуная; что тогда уже не только решался вопрос о дальнейшем движении руссов, но было также намечено содержание статей договора, касающихся Корсунской земли. ² Движение славяно-руссов на Восток не могло не интересовать византийцев с точки зрения их интересов в Северном Черноморье. Прямой выход к востоку из этих владений империи пролегал через Таманский полуостров.

Едва ли не важнейшим местом — в отношении экономическом, политическом и стратегическом — на территории, оставшейся в тылу у руссов, двигавшихся к Каспию, был район Таманского полуострова. Там некогда лежала византийская колония Фанагория, а в X в. источники показывают С-м-к-р-ц — Таматарху. Значение укрепления, или города (*кастроу*) Таматархи определялось тем, что она находилась у пролива, соединявшего Азовское море с Черным, и служила как бы воротами в Крым. Как торговый порт Тмуторокань должна была иметь большое значение, во-первых потому, что мимо города шел путь на Каспий; во-вторых, потому, что через Тмуторокань, как можно предположить на основании описания путей в XLII главе «De administrando imperio» и рассказа Масуди (о торговых сношениях Северного Кавказа с южным Черноморьем), производилась торговля народов Северного Кавказа, — преимущественно аланов и народов адигского племени — с торговыми центрами Черноморья; в-третьих, потому что «большие корабли» согласно сведениям XIII в. (Рубрук) «не входили» в Азовское море, «а купцы из Константинополя, приставая к... городу Матрике (Тмуторокани), посылали [оттуда] свои лодки (*barcas*) до реки Танаида (Дона)», чтобы закупить там рыбу «в беспредельном количестве». ³

В VIII—IX вв. на Таманском полуострове и в Крыму господствовал хазарский каган. Но в начале X в. общее положение изменилось. Господство хазар в Крыму стало слабеть под влиянием мадьярских вторжений и затем «окончательно пало вследствие появления и укрепления печенежских орд на юге России вообще и в Крыму в частности». Как отмечалось в литературе, «нельзя, конечно, не видеть доли участия в ослаблении хазарского влияния в Крыму и со стороны тонкой дипломатии византийского двора, которая в течение довольно долгого времени, пока ей это было выгодно, дружа с хазарами, быстро учла изменившееся положение вещей на полуострове и, соответственно с новыми течениями, поспешила изменить свою политику». ⁴

¹ Б. Д о р н. Указ. соч.

² Вопрос о том, что сообщение Нестора о приезде послов «построити мира первого» явилось как догадка, как комментарий к тексту договора, поднимался А. А. Шахматовым. Шахматов полагал, что Нестор сделал из слов «равно другого свѣщания», неправильно им поняты (в смысле: «согласно с другим договором»), вывод — в Киев послы приезжали для совещания «о мире» дважды (см. А. Ш а х м а т о в. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря. «Зап. Неофил. Общ. при Петр. Унив.», в VIII, 1915).

³ См. П. К а р п и н и и В. Р у б р у к в переводе Малеина, стр. 66, 1911.

⁴ А. В а с и л ь е в. Готы в Крыму. «Изв. ГАИМК», V, стр. 232, 1927.

Поход славяно-русов в 944 г. открывал возможность окончательного низвержения хазарского господства на Таманском полуострове и укрепления византийского господства в Крыму. Для этого требовалось только, чтобы руссы при своем движении на Восток заняли город на Таманском полуострове. Византия могла обязать русских быть стражами у ворот в Крым и не допускать другие народы, обитавшие на Северном Кавказе, нападать на владения империи на Таврическом полуострове. Через Боспор Киммерийский (Керченский пролив) издавна вторгались непрошеные гости, враги империи. Особенно зимой отсюда грозила опасность Крымским областям. Известно, что еще при императоре Валенте (364—378) часть гуннов перешла через Киммерийский Боспор в Крым. Тем же путем шло и завоевательное движение хазар. Так, в 576 г. ими был взят Боспор в Тавриде, а в 581 г. они стояли лагерем в виду Херсонеса. К 590 г. власть империи в Крыму была восстановлена, но в конце VII в. хазары вновь перешли Киммерийский пролив, завоевали Боспор, посадили там своего наместника и овладели значительной частью полуострова.¹

В договоре русских с греками 944 г. имеются три статьи, трактующие о «Корсунской стране», причем две из них написаны одна за другой и представляют собой как бы две части одной. Статьи о «Корсунской стране» читались в русском экземпляре, судя по древнейшим спискам (даем редакцию А. Шахматова) так: «А о Кърсуньстѣи странѣ. Еликоже есть градъ на той части, да не имать власти кѣнязь Русьскыи, да воюеть на тѣхъ странахъ; а та страна не покаряеться вамъ, тѣгда, аще просить вои у насъ кѣнязь Русьскыи, дамъ ему, елико ему будетъ требѣ, и да воюеть»; «А о сихъ, оже то приходять Чърнии Бѣлгаре, и воюють в странѣ Кърсуньстѣи, и велимъ кѣнязю Русьскому, да ихъ не пуцаеть пакостити странѣ его».²

Н. Лавровский, доказавший, что дошедший до нас текст является переводом с греческого, отметил, что выражение «имати власть» в договорах, есть буквальный перевод греческого выражения — ἐξουσίαν ἔχειν, требующего определения; он доказал на материале, что слова «да воюеть» служат определением к словам «да не имать волости». Таким образом, правильный перевод будет: «о Корсунской стране. Сколько ни находится в той стране городов, Русский князь не имеет власти воевать там».³ Вторая часть первой статьи нам теперь ясна: А. А. Шахматов вскрыл в русском переводе следы редакторской обработки, заметив, что в русских текстах не всегда тщательно проведена замена «мы», «нам», «наш» и т. п. словами «вы», «вам», «ваш». Во второй части первой статьи «вам» заменило, очевидно, «нам» греческого подлинника.⁴

Таким образом, по этой статье, греки разрешают русскому князю или обязывают его «воевать» Корсунскую страну, если она перестанет быть покорной империи, и соглашаются помогать ему войсками. Наконец, при переводе третьей статьи следует иметь в виду, что пред-

¹ См. «Изв. ГАИМК», I, стр. 296; V, стр. 183, 186.

² См. А. Шахматов. Несколько замечаний...; Еггоже. Повесть временных лет, 1916.

³ См. Н. Лавровский. О византийском элементе в языке договоров русских с греками, стр. 147, СПб., 1853. Правильность перевода, предложенного Лавровским, подтверждается текстом договора Святослава с греками, в котором читаем: «яко николиже помышлю на страну вашу, ни събираю вои, ни языка иного приведу на страну вашу, и елико есть под властью Грьчьскою, ни на власть Кърсуньскую, и елико есть градъ ихъ»... (А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. 86).

⁴ См. А. Шахматов. Несколько замечаний..., стр. 405.

полагаемое *ζελευόμεν* греческого подлинника и «велим» русского экземпляра равносильны словам: «побуждаем», «призываем», «желаем», и что «стране его» русского экземпляра, вероятно, заменило «стране нашей» греческого.¹ Таким образом, на русского князя возлагалась забота не пускать черных болгар «воевать» Корсунскую страну.

Давно уже было замечено, что из этой статьи следует сделать вывод: русские при составлении договора в 944 г. имели или получали владения где-то близ таврических владений империи, что позволяло им не пускать черных болгар «воевать» Корсунскую страну. Сопоставление показаний Масуди с показаниями Никифора и Феофана (о древней и великой Болгарии) и со свидетельствами Константина Багрянородного привело историков к выводу, что черные болгары обитали в районе между Доном и устьем Кубани, а их потомки (как предположил акад. Вс. Миллер)² обитают и поныне на Кавказе, где в наше время расположена Кабардино-Балкарская АССР. Отмеченный вывод о местопребывании черных болгар подвергся одно время нападкам со стороны немецкого ориенталиста И. Маркварта и Ф. Вестберга.³ Однако в новейших работах вывод этот получил признание (В. Златарский, В. Мошин и др.), причем Златарский показал несостоятельность возражений, сделанных Вестбергом.⁴ Как видим, на основании цитированной статьи договора следует предположить: в 944 г. русские имели или получали владения близ Керченского пролива, что позволяло им препятствовать черным болгарам проходить на Таврический полуостров, т. е. позволяло закрывать ворота в Крым с востока.

Когда же и при каких обстоятельствах они получили эти владения?

Еще в 913-914 гг. русские не владели проливом: согласно рассказу Масуди, у берегов пролива стоял хазарский гарнизон. Нельзя предполагать, что киевский князь захватил Таманский полуостров в первые десятилетия X в. после 913-914 г., ибо, во-первых, мы не имеем к тому данных, и, во-вторых, располагаем сведениями, делающими такое предположение весьма мало вероятным. В конце IX в. началось движение печенегов на юге Восточной Европы;⁵ но только под 915 г. в летописи отмечено, что они пришли «первое» на Русскую землю. Очевидно, продвижение происходило сравнительно медленно. Аналогичную картину представляют сведения о продвижении половцев в XI в.: в 30-х годах они прорвались на запад к южнорусским степям, а под 1062 г. летопись отмечает их первое появление в Киевщине.⁶ Появление печенегов на «Русской земле» (915 г.) и движение их в последующие годы к западу, через Днепр, не могло не служить препятствием к далеким походам на юг или юго-восток. Это, по видимому, служило причиной того, что походов из Приднепровья на юг между 913-914 и 941 гг. руссы не предпринимали. Когда же именно киевский князь получил владения близ берегов пролива? В июне 944 г. русские, направляясь к Бердаа, проходили проливом, и, вероятно, тогда ими были заняты те самые укрепления, где стоял хазарский гарнизон; там и сидел наместник Игоря. Таким образом, когда осенью византийские послы приехали в Киев для ратифика-

¹ Н. Лавровский. Указ. соч., стр. 148—152; А. Шахматов. Несколько замечаний..., стр. 405.

² В. Миллер. Осетинские этюды, III, стр. 104.

³ Византийский Временник, XV, в. 2—3, стр. 240—242.

⁴ См. В. Златарский. История на българската държава прѣвъ срѣднитѣ вѣкове, I, ч. I, стр. 92, прим. 4; стр. 96—100.

⁵ «De administrando imperio».

⁶ «Придоша Половци първое на Русьскую землю воевать». (А. Шахматов. Повесть временных лет, I; Лавр. лет.).

ции договора, Игорь уже имел возможность держать связь с перешедшим в его распоряжение укреплением у Керченского пролива и со своим наместником, посаженным там. Обращаю внимание на то, что Игорь в договоре 944 г. назван «великим князем», на ряду с ним упомянуты «князья» и «бояре». В статьях договора о Корсунской стране назван не «великий князь русский», а просто «русский князь», т. е. назван, надо думать, не Игорь. Словами «князь» и «боярин» в договорах, повидимому, переводится, как было еще показано Лавровским слово «ἄρχων». Очевидно, таким образом, в статьях договора о Корсунской стране говорится о каком-то правителе, воеводе, посаженном Игорем где-то близ Корсунской страны. Этот русский ἄρχων должен был находиться в известных отношениях феодальной зависимости от «великого князя русского», как русский текст договора именует Игоря; иначе не было бы смысла упоминать об обязательствах «русского князя» в связи с «Корсунской страной» и «черными болгарами» в договоре, заключенном между киевским князем и византийскими императорами.

Теперь, если предположить, что русские заняли Таманский полуостров с ведома и при покровительственном отношении Византии, станет понятным появление в договоре 944 г. статей о «Корсунской стране» и «русских князьях», станет понятно, почему их нет в договоре Олега.¹ Переход укреплений близ Керченского пролива во владение киевского князя побудил греков включить в текст русско-греческого договора новые статьи, касавшиеся Корсунской страны (т. е. Херсона и крымских «климатов», близко подходивших к Боспору Киммерийскому) и, может быть «Боспора» — Корчева. Во-первых, поскольку русский ἄρχων, находившийся в вассальной зависимости от киевского князя, становился теперь непосредственным соседом таврических владений Византийской империи, необходимо было заверить киевского князя в ненападении его вассала на Херсон и всю Корсунскую страну, переходившую или фактически перешедшую от Хазарии к Византии. Во-вторых, новая статья договора предусматривала возможность восстания в Корсуне и вообще допускала, что «Корсунская страна» перестанет «покоряться» империи и в связи с этим возможность военного выступления «русского князя». О вероятности восстания в Корсуне говорит Константин Багрянородный. О попытках восстановления хазарского господства в Таврии свидетельствует «Записка готского топарха» и, косвенно, некоторые другие данные. Наконец, в-третьих, статья договора о «Корсунской стране» предусматривала, что русский наместник Игоря на берегах Керченского пролива не будет пускать черных болгар «воевать» Корсунскую страну».

Итак, мы пришли к следующему выводу: в 944 г. с ведома и при покровительственном отношении империи русские заняли укрепления близ Керченского пролива, и там сел правитель, наместник Игоря. Это событие явилось в некотором отношении активом в политике Византийской империи. Захват пролива русскими в известной степени должен был соответствовать интересам Византии и ее политике в областях Северного Черноморья, раскрытой немного позже в наставлениях Константина Багрянородного своему сыну — политике окружения Хазарии. С занятием русскими укреплений близ Босфора Киммерийского окончательно падало господство Хазарии у Керченского пролива, если ими были заняты те укрепления, где стоял хазарский

¹ На основании отсутствия статей о Корсунской стране в договоре Олега Иловайский заключал, что окончательное утверждение русского владычества в Тавриде и подчинение черных болгар киевским князьям совершилось между 911 и 945 гг. (Розыскания о начале Руси, стр. 325).

гарнизон; тем самым облегчалось замещение хазарского господства византийской доминантой в Крыму.

Данные изучения последующих событий подтверждают наши наблюдения. Таковы данные, извлекаемые из сочинения Константина Багрянородного «De administrando imperio», из письма хазарского кагана, из описания событий 962-963 гг. в так называемой «Записке готского топарха»; из рассказа русской летописи и Ибн-Хаукаля о походе Святослава на Восток; из известия византийского историка Кедрена, повествующего о совместном походе русских и византийцев против хазар в 1016 г.

Из сочинения Константина Багрянородного «De administrando imperio» явствует, что хазарам оставался один путь в Крым — с севера, через Саркел, и что, следовательно, Таматарха хазарам более не принадлежала. Из того же сочинения видно, что византийский император опасался со стороны хазар попыток восстановить в прежнем объеме свое влияние в Крыму «силою оружия». Указывая на «13 народов, многочисленных и сильных», живущих «по берегу моря Кустантинии», т. е. Черного моря, хазарский каган не говорит, что они платят ему дань (как говорит о некоторых других народах), по той простой причине, вероятно, что они перестали быть данниками Хазарии. Однако он включает их в число народов, живущих в его стране. Очевидно, города и области этих народов он считал своими и предполагал бороться за их возвращение. Изучение последующих событий действительно показывает, что опасения византийского императора были вполне основательны и что хазары сделали, повидимому, попытку силою оружия восстановить в прежнем объеме свое влияние в Крыму. Вероятно, это было в то время, когда (в начале 60-х годов X в.) Византийская империя была почти всецело занята своими восточными делами и вела «почти непрерывную войну в Сирии и Месопотамии», а «все внимание византийского флота было обращено на принадлежавший арабам остров Крит... Нет ничего удивительного, что за это время византийское влияние в Крыму давало чувствовать себя слабо, чем, конечно, пользовались те народности, которые в то время играли роль на юге России.¹»

Сколь ни загадочны греческие отрывки, названные «Запиской готского топарха», но в результате их изучения отложились более или менее прочно обоснованные выводы, принимаемые в научный оборот исторических розысканий и построений. Кажется, все согласны с тем, что под «царствующим на севере Истра» следует разуметь русского князя, а после того как была неопровержимо установлена хронологическая дата, никто не спорит, что князь этот — Святослав. Исследователи последних десятилетий принимают давно высказанное мнение, что местом, где происходили события, был Крым (с изучением астрономических указаний пала болгарская теория А. Васильевского, а к гипотезам П. Милюкова и Ф. Успенского более не возвращаются). Предположение А. Куника, что под «варварами», нападавшими на крепость, следует разуметь хазар, принимается новыми исследователями «Записки». Поскольку мы признаем, что описываемые в ней события происходили в Крыму, и знаем из текста «Записки», что владения киевского князя лежали по соседству с областью, в районе которой происходили описываемые события, мы вынуждены признать вслед за Куником, что уже тогда владения киевского князя были где-то не очень далеко от городка Климаты. А так как мы теперь знаем, что события происходили в 962-963 г., то, следовательно,

¹ См. А. Васильев. Указ. соч., стр. 238.

получаем подтверждение, что до похода Святослава (965 г.) киевский князь имел владения близ Керченского пролива.¹

Сведения о последующих событиях укрепляют нас в высказанном выше мнения о переходе Таматархи в руки киевского князя в 944 г. с ведома и при покровительственном отношении Византии. Известия о движении руссов Киевщины в 965 г. по суше от берегов Меотиды до берегов Каспия (или в обратном направлении) косвенно подтверждают предположение о существовании владений киевского князя на берегах Босфора Киммерийского. Как известно, Святослав, предпринявший поход на хазар вскоре после событий, описанных в «Записке», не только прошел путь от Дона к Волге, но и пересек материк к северу от Кавказского хребта, пововав Семендер (на Каспийском море), ясов (аланов) и касогов, живших вблизи Таманского полуострова. Возможно, что именно к Святославу («к царю руссов») было направлено от одного из владетелей Кавказа посольство, упомянутое в рассказе Ибн-аби-Якуба:² Известие Кедрена о морском походе 1016 г. с участием родственника (по тексту — брата) князя Владимира, когда был пленен хазарский *ἄρχων* Георгий Цул,³ показывает, во-первых, что борьба Византии с Хазарией за господство в Северном Черноморье продолжалась даже в первой четверти XI в., и, во-вторых, что Византия действительно прибегала в борьбе с хазарами к силам русских, подвластных киевскому князю.

Итак, экономически заинтересованная в восстановлении своего господства на Черноморье и в падении хазарского влияния Византия отнеслась покровительственно к распространению власти киевского князя на принадлежавший хазарам Таманский полуостров, хотя существование владений киевского князя вблизи крымских владений Византийской империи могло повлечь за собою и осложнения, неприятные для Византии. Предполагать, что Тмуторокань переходила в X—XI вв. под власть греков, мы оснований не имеем. Между тем, о «Беспоре» — Корчеве известно, что он находился в руках греков.⁴ Мы не имеем данных, чтобы выдвигать в качестве научной гипотезы положение, что в 944 г. киевский князь, захватив западные берега пролива, захватил и «Беспор» — Корчев.

Один из памятников древнееврейской письменности, называемый «Кембриджским документом», подтверждает, что русские первоначально захватили не К-р-ц — Корчев, а С-м-к-р-ц — С-м-к-рай — Тмуторо-

¹ Обитатели крепости Климаты и их «сторонники» не были до 962-963 г. подвластны киевскому князю и, вместе с тем (по их словам), «никогда де не были причастны к царскому благорасположению» и «пренебрегали более греческими порядками и больше всего домогались автономии». Согласно тексту «Записки», Святослав согласился оказать им покровительство. К сожалению, мы не знаем, считали ли греки в начале 70-х годов X в. крепость Климаты и поселения «сторонников» обитателей этой крепости подвластными грекам, и входили ли эти места тогда в состав «Корсунской волости». Поэтому мы не можем утверждать, что содержание договора Святослава с греками 971 г. свидетельствует о том, что положение интересующих нас населенных мест Таврии при Святославе изменилось. Возможно, что Владимир Святославич также оказывал «покровительство» некоторой части населения Таврии. Ср. соображения Б. Грекова в статье «Повесть временных лет» о походе Владимира на Корсунь» (Изв. Тавр. арх. ком., III (60), Симф., 1929).

² Оно было отправлено приблизительно в 60—80 годах X в. По мнению Френа, посвятившего этому вопросу специальную статью, посольство было направлено в Тмуторокань (см. «Mémoires de l'Académie Imp. de Sciences de S.-Pet.», III, 1836; ср. С. Геденон в. Варяги и Русь, ч. II, стр. CVIII—CX, СПб., 1876).

³ См. Седген, II, стр. 464, СВ.

⁴ Я имею в виду известную, изданную Шлюмбергером печать X—XI вв., принадлежавшую Аркадию, протоспафарию и стратигу Боспора (см. «Mélanges d'Archéologie Byzantine», I, стр. 206, 1895). Издатель ошибочно отнес эту печать к Босфору Фракийскому.

кань. Мы намеренно не обращались к «Кембриджскому документу» ранее, когда нам приходилось давать хронологическое определение событий. Как показывает исследование Коковцова, в «Кембриджском документе» представлены в фантастическом сочетании события, относящиеся к разным эпохам, и даны также некоторые фантастические сведения о хазарах. Источником документа, согласно исследованию Коковцова, послужила «Книга Иосиппон» (и, может быть, некоторые аналогичные источники такой же сомнительной ценности). Но главным источником документа был, предположительно, «какой-то утраченный византийский литературный памятник; может быть, именно то письмо, о котором упоминает — к сожалению, в неясных выражениях — Иехуда бен-Барзиллай в конце XI в., и которое по своему содержанию, повидимому, отчасти совпадало с «Кембриджским документом». В подобном источнике, основанном на народных рассказах, поход князя Олега на императора Романа Лекапина не может и не должен нас поражать более, чем множество аналогичных странностей старой исторической литературы», вроде, например, тех странностей, которые отмечались в отношении известного романа об Ахикаре, вроде превращения исторического царя Ассирии, Ашурбанипала, в знаменитого Сарданапала греческой легенды и т. п.¹ В фантастическом сочетании и тенденциозном изложении «Кембриджский документ» отражает некоторые факты исторической действительности, а именно: 1) поход руссов из Черного моря в Персию; 2) поход русского князя Олега на Константинополь; 3) сожжение русского флота (Игоря) византийцами; 4) подстрекательство киевского князя со стороны византийского императора Романа к захвату Самкарая-Таматархи и захват русскими этого города; 5) борьбу хазар за возвращение своих прежних владений в Северном Черноморье и их нападения на владения Византии. Упоминание о захвате Таматархи по наущению византийского императора тем более интересно, что составитель документа тенденциозно старается возвеличить мощь Хазарии.

Итак, из разбора всего вышеприведенного материала можно заключить, что в 944 г. близ устья Дуная решался вопрос о дальнейших действиях славяно-русского войска и что решение это было принято не без участия византийских послов. Возможно также, что тогда же был намечен план нападения на Бердаа. Согласно исследованию Бартольда, поход славяно-руссов в 944 г., в отличие от предыдущего, был предпринят по известному плану и с учетом местных условий. Русские предполагали, видимо, обосноваться в Бердаа. В мусульманском источнике «сообщается, — пишет Бартольд, — что русские, заняв город, заявили населению, что каждый должен оставаться у себя дома, т. е. они стремились восстановить порядок в занятом городе, а это для языческих войск, какими являлись русские, есть замечательное явление. Известно, что в Западной Европе норманские войска, которые в это время совершали набеги, были дикими ордами, огнем и мечом уничтожившие все. Здесь же было наоборот».² Если

¹ См. П. Коковцов. Указ. соч.

Исследователи связывают упоминание в «Кембриджском документе» того, что Олег пошел морем в Персию с походом на Бердаа (в Закавказье) при Игоре и, принимая хронологическую последовательность событий, данную в «документе», полагают, что взятие русскими хазарского города произошло до похода на Константинополь, причем противоречия устраняются рядом произвольных предположений (см. А. Яковлевский. Указ. соч.). С последним исследованием Коковцова об источниках «документа» и времени его составления «исчезает всякая необходимость делать невероятные усилия, чтобы объяснить необъяснимое» (см. П. Коковцов. Указ. соч., стр. XXXIV).

² В. Бартольд. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира, стр. 40—41, Баку, 1925.

русские в Бердаа «стремились использовать завоевание, стремились захватить город, пользоваться его доходами, но не уничтожать его»,¹ то тем более, надо думать, они действовали в таком смысле при захвате Таматархи-Тмуторокани. Сведения, относящиеся к XI в., оправдывают наше предположение.

II

История Тмутороканского княжества в XI в. не является предметом настоящего исследования. Однако предложенное решение проблемы о времени и обстоятельствах перехода Тмуторокани под власть киевского князя поднимает вопросы, ответить на которые надлежит, иначе наше решение не будет полным. Из этих вопросов главный — какова в дальнейшем была роль Византии в истории Тмуторокани? Чтобы на него ответить, необходимо в общих чертах выяснить историю Тмуторокани в XI в.

Хазарский каганат охватывал обширную территорию юго-восточной Европы с многообразным по составу населением. В то время как окончательно падала власть хазар на Северном Кавказе и господство хазар в Крыму становилось все более эфемерным, вставала задача распространения власти князей Поднепровья на территорию от берегов Меотиды до Днепра.

Исконный характер отношений на юге Восточной Европы, с одной стороны, как будто благоприятствовал осуществлению этой задачи, поскольку от Поднепровья отходили пути, по которым руссы ходили «в Черную Болгарию, Хазарию и Сирию», и поскольку по Донцу и Дону имелось оседлое население, частью, может быть, славянское. Но, с другой стороны, южнорусские степи, искони являясь ареной вторжения кочевых орд из Азии, не могли служить прочной почвой для экономических связей и политических образований. В самом деле, по данным топографии кладов VIII — начала IX вв. с куфическими монетами, указанные пути еще в начале IX в. были оживлены сношениями народов Европы с Востоком. Но нашествие угров, а затем печенежских орд в сильной степени сократило эти сношения. Ко второй половине X в. движение по этим путям стало вновь оживляться, хотя есть основание думать, что далеко не достигло прежних размеров. Мы имеем только немногие находки монет и кладов изучаемого времени на этих путях; указания же в литературе той эпохи не дают еще оснований утверждать, что сношения по этим путям достигли прежних размеров. Напомним об уже приведенном свидетельстве Константина Багрянородного о движении руссов «от Днепра» в Черную Болгарию, Хазарию и Сирию и об указаниях (к сожалению, не достаточно ясных) на аналогичный (?) маршрут в письме Хосдаи². Сношения по путям «от Днепра» на юго-восток должны были способствовать распространению власти князей Поднепровья на территорию от берегов Меотиды до Поднепровья.

Вторжения угров и печенегов могли неблагоприятно отозваться на заселении Подонья. Но нам доподлинно известно, что остатки оседлого населения по Донцу сохранились до начала XII в. Задача распространения власти князей Поднепровья на территорию от берегов Меотиды до Днепра, наметившаяся в предприятиях Святослава,

¹ Там же, стр. 41.

² В XLII главе «De administrando imperio»: «Πρὸς τὸ ἀρχαῖον αὐτῆς (τῆς Μαίωτιδος) μέρος ὁ Δάναρις ποταμός, ἐξ οὗ καὶ οἱ Ῥῶς διέρχονται πρὸς τε τὴν μαύρην Βουλγαρίαν καὶ Χαζαρίαν καὶ Συρίαν» («Византийский Временник», XV, в. 2—3, стр. 243); т. е.: «к северу от него (Меотидского моря) — река Днепр, от которой (или: из которой) Руссы проходят в Черную Болгарию, Хазарию и Сирию».

была близка к осуществлению, когда сын Владимира, князь Мстислав, был посажен в Тмуторокань. Но в 30—40-х годах XI в. произошли события, изменившие общую ситуацию экономических сношений и политической жизни в восточноевропейских степях. Я разумею нашествие половцев.

Подобно тому, как некогда печенеги, прорвавшись к Днепру, затруднили сношения Киевской Руси с Черноморьем, так в XI в. эти сношения были затруднены нашествием половцев. Но движение половцев не полностью повторяло движение печенегов. Следя за движением печенегов по летописным известиям, я обратил внимание, что печенеги или появляются на западной стороне Днепра или же поднимаются с юга по его левому берегу; повидимому, область верхнего Донца ими занята не была. Между тем, половцы, как известно, заволокли этот район. Чрезвычайно показательным, что на путях по Донцу и Дону не было найдено кладов с серебряными слитками изучаемой эпохи; между тем, на путях на запад от Киева такие находки встречаются. Нет сомнения, что князья Поднепровья делали усилия, чтобы поддержать связь с Тмутороканью; поддерживал эту связь и Киево-Печерский монастырь. Так, Святослав Черниговский держал в Тмуторокани своего сына Глеба. Когда Ростислав выгнал Глеба (1064 г.), Святослав пошел к Тмуторокани и снова посадил его, но после ухода Святослава Ростислав вновь выгнал Глеба. Под Тмутороканью близ «града» был основан Никоном, учеником Феодосия, монастырь «славен», который «приклад имел» к Киево-Печерскому монастырю, по свидетельству Киево-Печерского патерика. После смерти Ростислава Никон от имени «людей» Таманского полуострова поехал в Киевщину просить у Святослава сына Глеба в Тмуторокань на княжение. Глеб приехал в Тмуторокань. В конце 70-х годов мы видим в Тмуторокани Романа Святославича, Бориса Вячеславича и, наконец, Олега Святославича, а в начале 80-х годов — Давида Игоревича и Володаря Ростиславича. Последние известия о Тмуторокани содержатся в летописях под 1094 годом, когда Олег пришел с половцами к Чернигову. В дальнейшем Тмуторокань совершенно исчезает со страниц наших летописей. Нет ничего удивительного в том, что положение русских князей в Тмуторокани перестало быть прочным. Ростислав, как мы увидим, был отравлен корсунским котопаном (60-е годы); Роман, ходивший на Всеволода с половцами, был на обратном пути половцами убит (1079 г.); Олега «козаря» «поточили» за море в Царьград.

Некоторые опасения нападений на «Корсунскую страну» со стороны Игоря наместника, сидевшего в Тмуторокани, были проявлены византийцами при заключении договора с Игорем, о чем мы говорили выше. Эти опасения должны были усилиться при Святославе, и особенно — после взятия Владимиром Корсуни. В первой четверти XI в. с усилением на Северном Черноморье Киевской Руси тревога греческих властей должна была возрасти, тем более, что предполагаемое распространение власти тмутороканского князя на Корчев происходило, возможно, одновременно с завоеванием и с обложением данью кософов — народа адигского племени, предков нынешних кабардинцев, шапсугов, нутхайцев, абадзехов и др.¹ Однако пока приходилось бороться с хазарами, княжение князей Киевщины на Таманском полуострове имело известный положительный смысл с точки зрения византийской политики. Падение слабеющей хазарской державы, разрушенной нашествием половцев в 30-х годах XI в.,

¹ В. Миллер. Указ. соч., III, стр. 66; Ю. Кулаковский. Прошлое Тавриды, стр. 89, 1914.

меняло положение и должно было изменить отношение Византийской империи к факту существования независимого от греческой власти русского княжества на Таманском полуострове.

Летопись рассказывает, что Ростислав собирал дань с касогов и в иных странах («и у инѣхъ странъ»), что этого убоялись греки («сего же убоявшеся грѣци») и послали корсунского котопана с тайным враждебным намерением («послаша с лестью котопана»). Согласно обоснованному предположению А. Шахматова, летопись передает в данном случае сведения, собранные Никоном, современником событий, жившим в Тмуторокани; к сведениям этим приходится относиться с полным вниманием. Из дальнейшего рассказа видно, что Ростислав отнесся к корсунскому котопану с доверием («и вѣрившюся ему, чтяшетъ и Ростиславъ»). Котопан дал князю выпить чашу с отравой, и Ростислав умер. Но среди населения Тмуторокани многие предпочитали, повидимому, русскую власть всякой другой. Как мы говорили выше, после смерти Ростислава, «князя острова того», Никон, по словам Киево-Печерского патерика, «умолен бысть от людей тех» итти в Киевщину просить Глеба сестъ «на столе томъ» (в Тмуторокани).

Из событий 80-х годов XI в. можно заключить, что Византия интересовалась судьбой Тмуторокани и пользовалась случаем, чтобы усилить свое влияние на полуострове. «Еще во время борьбы с Вриением, — писал Х. Лопарев, — Алексей (Комнин) пользовался, между прочим, русским флотом; с русскими он должен был заискивать связей и в своей борьбе с печенегами. Следствием такой политики, как кажется, и произошло то, что Олег Святославич, на которого четырехлетнее пребывание в Византии и византийская культура не могли не иметь влияния, женился на гречанке — не на какой-либо царевне, а просто на аристократке из дома Музалонов, — в 1083 г. вернулся из византии на Русь и «вероятно, — говорит Карамзин, — «с помощью греков» занял Тмуторокань... Логика подсказывает, что Олег не мог без посторонней помощи занять и распорядиться в городе, откуда он был изгнан, что очевидно у него были войска, быть может греческие.¹ Предположение историков об активной роли Византии в событиях, связанных с возвращением Олега, представляется весьма вероятным.

Но мы не последуем за Лопаревым в его утверждении, что политика Византии в данном случае определялась соображениями военно-стратегического характера. Как явствует из договора между Византией и Генуей, заключенного в 1169 г. при императоре Мануиле, Византия имела в Тмуторокани («Матрахи») и «России» (предположительно — Корчеве) значительные экономические интересы: «Да смогут, — читаем мы в договоре, — генуэзские корабли спокойно торговать во всех областях нашего владычества за исключением России (России, Русии) и Матрахи (Матраки), если только моим величеством не будет дано на это специального разрешения».² По словам арабского географа Эдризиди, писавшего в Сицилии в середине XII в., «Матарха весьма древний город, а имя его основателя неизвестно. Матарха окружена возделанными полями и виноградниками; цари ее весьма отважны, мужественны, предприимчивы и весьма грозны соседним народам. Город этот густо населен и весьма цветущ; в нем бывают ярмарки, на которые стекается народ из всех близких и дальних краев».³

¹ Х. Лопарев. Византийская печать с именем русской княгини, «Византийский Временник», I, стр. 164, 1894.

² «Изв. ГАИМК», V, стр. 265.

³ А. Гаркави. Крымский полуостров., с. 244; ср. Géographie d'Edrisi, trad. par Jaubert, II.

Олег просидел в Тмуторокани около 10 лет, и в 1094 г., как мы говорили, уехал в направлении к Чернигову. Источники не содержат никаких указаний на политические связи Киевщины с Тмутороканью после 1094 г. Напомним, что вставка в летописный текст фразы — «владѣють бо Козары князи Русьстии и до дньнешняго дни», — имеющей в виду, повидимому, тмутороканских хазар, была сделана, согласно исследованию А. Шахматова, в начале 70-х годов XI в.¹ Во второй половине XII в. Тмуторокань принадлежала уже к «областям византийского владычества» (см. выше). Сидели ли там под «владычеством» греков русские князья или князья какой-нибудь местной, может быть, зихийской² (джигетской) династии — мы в точности не знаем. Перед нашествием татар 1237 г. на Русь через Матрику (Тмуторокань) в Поволжье проезжал доминиканец Юлиан. На ряду с известиями, заслуживающими внимания, Юлиан передавал вымышленные, фантастические сведения. В Матрике он пробыл 50 дней, ожидая okazji и, следовательно, имел возможность ознакомиться с этим городом. Он, повидимому, ничего не говорил о русском княжестве на Таманском полуострове, а вот что он рассказал: из Константинополя они «прибыли в землю, которая называется Зихия («*venerunt in terram que vocatur Sychia*»), в город, именуемый Матрика («*in civitatem que Matriza nuncupatur*»), где князь и народ называют себя христианами, имеющими книги и священников греческих («*quorum dux et populi se christianos dicunt, habent literas et sacerdotes Grecos*»). Далее следует упоминание о гареме князя и сведения о том, как местное население носит волосы, в частности — об обычае знатных «в знак знатности» («*in signum nobilitatis*») оставлять немного волос над левым ухом, обрив всю голову; последнее напоминает нам описание наружности Святослава в «Истории» Льва Диакона.³

Во второй половине XI в. сношения Киевщины с Востоком на путях через области Северного Черноморья были затруднены вследствие нашествия половцев, что, вместе с другими причинами, способствовало росту значения Волжско-Окского бассейна, где шло движение на водных путях на Восток, к Каспию и быстро поднялось экономическое и политическое значение русского северо-востока. И понятна нам деятельность Владимира Мономаха, основателя города Владимира-

¹ См. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 427—441.

² Ср. В. Миллер. Указ. соч., стр. 44—45.

³ См. А. Theiner. *Vetera Monumenta historica Hungariam sacram illustrantia...*, I, p. 152; p. Romae MDCCCLIX («Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн.», V, стр. 999). В «Истории Сельджукской династии» Ибн-ал-Биби, сокращенная переработка которой издана Houtsma в IV т., «Recueil de textes relatifs a l'histoire des Seldjoucides» имеются упоминания о «русских» и «русском князе» (воеводе?) в рассказе о действиях турецкого десанта близ Судака в 20-х годах XIII в. Краткий пересказ этой сокращенной персидской переработки напечатан А. Якубовским в XXV т. «Византийского Временника». В статье «К вопросу о конце Тмутараканского княжества», напечатанной в Изв. Тавр. учен. арх. ком., III (60), (Симферополь, 1929), А. Полканов убедительно показал, основываясь на расчете времени, что «русские» эти не могли быть ни из княжества Поднепровья, ни из Рязанского княжества. Отсюда Полканов сделал вывод: этот рассказ свидетельствует о существовании самостоятельного русского княжества в Тмуторокани в первой половине XIII в. Мы не уверены, что этих «русских» следует непременно связывать с Тмутороканью. Поведение «русского князя» немного напоминает нам поведение воеводы «бродников» Плоскыни во время битвы при р. Калке, происшедшей 2—3 года спустя в южнорусских степях. Не были ли «русские» Ибн-ал-Биби русскими бродниками? «Страны кипчаков и русских» и «хазарскую переправу» можно искать и в районе Тмуторокани и к северу от Судака. По Рубруку, в Судак «пристают все купцы как едущие из Турции и желающие направиться в северные страны, так и едущие обратно из России и северных стран и желающие переправиться в Турцию». Путь Рубрука из Судака на север лежал через Перекоп. Не следует ли там искать и «хазарскую переправу», где грабили купца, жаловавшегося султану?

Залесского, понятно участие Киево-Печерского монастыря в упорной методической работе по освоению Северо-востока, начиная с последней трети XI в. И не случайно Олег-Михаил Тмутороканский и Черниговский стремится на Северо-восток, появляясь и в Ростово-Суздальской земле и в Старой Рязани на Оке.

Мы исчерпали нашу тему и, по мере сил, ответили на вопросы, с нею неразрывно связанные. Если нам удалось достигнуть некоторых скромных положительных результатов, то главным образом потому, что метод, избранный нами, плодотворен. Как уже указывалось выше, мы, во-первых, рассматривали историю Руси в связи с историей других народов, населявших теперешнюю территорию СССР и, во-вторых, изучали исторические события, протекавшие на территории нашей страны, не изолированно, а в связи с историей соседних стран, иными словами, как события всемирноисторического процесса.

С. С. ГАДЗЯЦКИЙ

ВОТСКАЯ И ИЖОРСКАЯ ЗЕМЛИ НОВГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВА ¹

I

Мы не знаем, когда возникли сношения води с ильменскими славянами и какую форму они приняли. Можно догадываться, что эти сношения установились задолго до XI в. и что они превратились в более или менее прочные связи. Наблюдение над последующей историей води приводит к заключению, что водь принадлежала к числу тех племен, из объединения которых сложилось Новгородское государство.

Не случайным в связи с этим представляется отсутствие названия води в известном рассказе «Повести временных лет» о расселении славянских племен и их данниках. В самом деле, «Повесть временных лет» не только знает западных и юго-западных соседей води — нерому и чудь, но и упоминает их именно как данников славян. Почему же, в таком случае, летописец не упомянул води? Надо полагать потому, что водь занимала иное положение, чем чудь и нерома; она не являлась данницей и, если и платила дань, то иного характера.

Весьма примечательно, что в более позднее время договорные грамоты Новгорода с князьями, перечисляя новгородские «волости», никогда не называют Вотской земли. Между тем, термин «Вотская земля» грамотам известен и встречается даже в договорной грамоте 1470—1471 г. с польским королем Казимиром IV.²

Объяснить это можно только тем, что перечисляемые в названных грамотах «волости» были своего рода новгородскими колониями; Вотская же земля, простиравшаяся от устья р. Наровы на восток вдоль морского побережья до впадения Невы, входила в состав самого Новгородского государства, а поэтому и не упоминалась в составе «волостей»-колоний. С другой стороны, известно, что Вотская земля входила в территорию Вотской пятины, тогда как «волости» договорных грамот лежали за пределами пятин. Так как пятинны охватывали основную территорию Новгородского государства, то это также показывает, что Вотская земля являлась органической частью государства.

Во всяком случае, в XI в. мы находим уже довольно развитые сношения води с Новгородом и в значительной мере определившиеся связи, зародившиеся и росшие, несомненно, еще в период, предшествовавший возникновению Новгородского государства.

Археологические исследования, произведенные на территории Вотской земли, свидетельствуют о том, что ее население в XI—XII вв. занималось земледелием. В курганах XI—XII вв. были найдены горшки с зернами, серпы и косы,³ в частности они были найдены

¹ В основу этой статьи положены 11 и 12 главы подготовленной к печати монографии автора — «Вотская, Ижорская и Карельская земли в XII—XV вв.».

² ААЭ, I, № 87, стр. 63.

³ Курганы С.-Петербургской губ. в раскопках Л. К. Ивановского. Обработал для издания А. Спицын («Мат. по археол. России»..., № 20, СПб., 1896 г.), стр. 11, 12, 35.

и в таких погребениях, которые определены были как принадлежащие воде.¹

Наблюдения над археологическими находками в целом привели к заключению, что «с XI в. вещи, найденные в петербургских курганах, составляют одно органически целое с вещами соседних русских областей, и лишь немногие и одиночные из них заимствуются от западных соседей».²

Указанные наблюдения археологии приводят к заключению, что уже в XI в. водь была либо частично вытеснена славянами, либо ассимилирована ими и что, во всяком случае, население Вотской земли в области материальной культуры находилось под сильнейшим влиянием восточных соседей — новгородцев. Последнее подтверждается тем, что производивший раскопки Л. К. Ивановский обнаружил район, давший предметы особой культуры, отличной и от местной и от наблюдаемой на запад от Наровы чудьской. Ивановский считает, что это-то и есть собственно «древности воды»; он отмечает при этом расселение воды вдоль морского берега, ссылаясь на места находок вотских древностей.³

Весьма возможно, что водь была отодвинута к морю потоком расселявшихся новгородцев; вернее, у моря оставались еще глухие уголки, не подвергавшиеся воздействию материальной культуры новгородцев.

Сведения, почерпнутые нами из археологических наблюдений, находят подтверждение и в тех немногих письменных памятниках, которые содержат какие-либо упоминания о воде и Вотской земле XI—XII вв. Одним из таких памятников является устав Ярослава о мостах, в котором мы и находим упоминание Вотской сотни. Как известно, новгородское купечество было сконцентрировано в Новгороде, причем имело торговые общины, организованные по территориальному принципу, т. е. состоявшие из купцов, торговавших в одном и том же краю.⁴

Отсюда в Вотской «сто» следует видеть новгородских купцов, торгующих с водью или отправляющихся с целью торговых операций по вотской дороге и объединенных в особую организацию. Перенесение наименования конечного пункта на путь, ведущий к этому пункту, а затем на территорию, по которой проходит путь, было обычным явлением. Подобно тому, как Бежецкая пятина (в более позднее время) называлась по городу Бежичи, лежавшему за ее пределами,⁵ так и вотская организация, упомянутая в уставе о мостах, даже если ее не считать сотней (в уставе она прямо сотней не названа), могла относиться и к территории, расположенной по вотской дороге. Однако и с этой оговоркой мы можем сделать вывод из устава, что в XI в. водь находилась в сфере влияния Новгорода и что, вероятнее всего, в это время уже существовали весьма интенсивные торговые сношения с ней, вызвавшие к жизни особую купеческую организацию.

Первое упоминание воды в новгородских летописях относится к 1069 г. Под этим годом мы читаем: «В то же лето, осень, месяца октября в 23... в пятничю, в час 6 дни, опять приде Все[слав] в Нову-

¹ Курганы С.-Петербургской губ., стр. 50.

² Там же, стр. 6.

³ Там же, см. особый раздел «Древности Воды»; о месте расселения воды см. стр. 37.

⁴ А. Н и к и т с к и й. История экономического быта В. Новгорода, стр. 89—90.

⁵ К. Н е в о л и н. О пятинах и погостах новгородских. «Зап. РГО», VIII, стр. 54, 1853.

горду; новгородци же поставиша пълъкъ противу их у Зверинця, на Къземли, и пособи бог Глебу князю с Новгородци. О велика бяше сеця Вожняном! и паде их бецислъное число; а самого князя отпустима, бога деля». ¹

Водь выступает в этом рассказе настолько сильной, что нападает на Новгород под предводительством или в союзе с полоцким князем Всеславом Бречиславичем.

К середине XI в. в Восточной Европе кончается период завоеваний и расширения «империи Рюриковичей», когда отношения многих земель к князю ограничивались уплатой дани. Весьма вероятно, что отношения води к Новгороду до этого времени также носили форму примитивного вассалитета и что развитие новых порядков, появление в вотском обществе новых форм эксплуатации (именно эксплуатации феодальной), совпав с усилением новгородского влияния, вызвали как реакцию столкновение с Новгородом в 1069 г.

Мы имеем некоторые указания не только на то, что в первой половине XII в. новгородское влияние в Вотской земле значительно усилилось, но и на то, что Вотская земля являлась частью Новгородского государства.

В дошедшей в подлиннике грамоте великого князя Мстислава и сына его Всеволода Юрьеву монастырю, данной около 1130 г., имеется приписка между строк «ивеновоское» или «и вено во кое». Эта приписка читалась первоначально как «и вено вотское», т. е. вотский вечный дар. Впоследствии были предложены другие толкования, на наш взгляд не более убедительные. ² Принимая первое толкование, мы тем самым признаем значительное усиление новгородского господства в Вотской земле и в частности над водью.

Во всяком случае, усиление новгородских связей води к середине XII в. с совершенной несомненностью устанавливается летописью, которая дает нам прямое свидетельство о совместном выступлении води с новгородцами против еми. Летопись рассказывает, что в 1149 г. емь пришла ратью на водь и была разбита. Примечательно, что по более старым летописным текстам емь была разбита новгородцами и водью, тогда как в позднейших текстах действуют одни новгородцы. Так, в Новгородской 1-й летописи сказано: «На ту же зиму придоша Емь на Водь ратью, не в тысящи, и услышавъше Новгородъци любо в 500 с Водью идоша по них; и не упустиша ни мужь» ³. Этот же рассказ в Софийской 1-й летописи звучит иначе: «На ту же зиму придоша Емь на Водь ратью, оных 1000, и услышавшие Новгородци, с пятию сот с воеводою идоша на них и не упустиша ни единого мужа». ⁴

Ко времени составления Софийской летописи водь была уже сильно ассимилирована новгородцами, так что води, сохранившей собственную культуру и язык, оставалось незначительное число, почти не представлявшее собой реальной военной силы. Поэтому составитель Софийской летописи, явно заимствовавший приведенный рассказ из Новгородской первой летописи и стремившийся переложить его на современный ему язык, не понял слов «с Водью» и истолковал их как «с воеводою».

Как известно, начавшееся в VIII в. наступление немецких феодалов на славянские племена, обитавшие между реками Лабой

¹ Новг. лет. по Синод. харт. сп., стр. 103.

² П. К е п п е н. Хронологический указатель, стр. 81; М. В л а д и м и р с к и й - Б у д а н о в. Хрестоматия по истории русского права, изд. 5-е, стр. 131, прим. 5.

³ Новг. лет. по Синод. харт. сп., стр. 138—139.

⁴ Соф. 1-я, ПСРЛ, V, стр. 160.

(Эльбой) и Вислой, закончилось к концу XII в. порабощением этих племен. Продолжая натиск на восток, немцы со второй половины XII в. начали проявлять агрессивные действия и в Прибалтике. Существовавшие к этому времени среди местного населения немецкие торговые фактории превратились в опорные пункты деятельности немецких рыцарей и духовенства. Эта деятельность, направленная к ограблению и порабощению литовских, финских и славянских племен, проводилась под видом распространения христианства. В связи с этим во второй половине XII в. вотландцы (жители страны Вотландии, иначе говоря — водь) также попадают в сферу внимания католической церкви. Первое упоминание о вотландцах мы находим в булле папы Александра III к первому Упсальскому епископу Стефану. Эта булла была написана между 1164 и 1181 гг., так как Александр III был папой с 1159 по 1181 г., а Стефан епископствовал с 1164 по 1185 г.¹

То обстоятельство, что во второй половине XII в. появляются термины «вотландцы» и «Вотландия», приводит к заключению, что Вотская земля к этому времени обладала суммой территориальных, этнических, культурных и экономических признаков, выделявших ее в особую область. Иначе говоря, можно предполагать, что к этому времени экономические и социально-политические процессы привели к образованию Вотской земли как таковой, т. е. что здесь уже имеется смешанное этнически население, объединенное хозяйственными связями и политической властью на более или менее определенной территории, а не отдельные группы вотского населения, связанного между собой родовыми отношениями. На наличие в Вотской земле уже в XI в. численно значительного славянского населения указывают археологические данные. Дальнейшее изменение этнического состава населения Вотской земли в сторону усиления славянского элемента не могло не произойти после голода 1215 г., когда по выражению летописца, «Вожане помроша, а останъке разидеся».

Описание голода 1215 г. любопытно и в другом отношении. Указывая на его причины, летописец говорит, что «той же осени много зла ся сотвори поби мраз обилъе по волости».² Иначе говоря, голод произошел от того, что замерзли озимые. Отсюда мы видим, что водь не только вообще занималась земледелием, но что для нее хлебопашество являлось основным занятием. Гибель озимых повлекла за собой вымирание воды. Правда, положение в 1215 г. осложнялось тем, что голод охватил всю Новгородскую область и подвоз хлеба через Торжок прекратился. Но привозным хлебом мог постоянно кормиться только такой крупный торговый центр, как Новгород; для сельских же местностей, где господствовали натуральные отношения, привозной хлеб мог иметь значение только в исключительных случаях.

Непосредственным результатом голода 1215 г. было значительное ослабление воды: часть ее вымерла, а оставшиеся в живых разбрелись. Последние, надо полагать, по миновании голода вернулись на свои места, поскольку в более поздние времена мы неоднократно в различных источниках сталкиваемся с упоминанием воды. Однако вернувшиеся были лишь остатками воды. Вследствие этого не только понизилась сопротивляемость воды новгородскому экономическому и культурному воздействию, но и усилилась политическая ориентация воды на Новгород.

¹ П. К е л п е н. Хронологический указатель, стр. 81.

² Новг. лет. по Синод. харт. сп., стр. 198.

Ослабленная голодом вода не могла рассчитывать на сколько-нибудь успешную борьбу с натиском немцев. Между тем, она испытывала непрерывный нажим с Запада. Помимо прямых нападений, о которых мы уже упоминали и о которых придется еще говорить в дальнейшем, Запад принимал особые специальные меры, чтобы подорвать у води самую возможность сопротивляться. Такими мерами были попытки прекратить подвоз в Вотскую землю оружия и железа. 9 января 1230 г. папа Григорий IX приказал архиепископу Упсальскому и епископу Линчёпинскому запретить всем христианам, под страхом отлучения от церкви, возить оружие и железо язычникам карельским, ижорским, лапским и вотландским.¹ Подобное распоряжение не было ни единичным ни случайным; наоборот, на протяжении ряда веков запреты торговли оружием с «язычниками», «новгородцами», «руссам» и т. д. были постоянным явлением. Само собой разумеется, прекращение привоза оружия и железа повышало спрос на них. Это обстоятельство, с одной стороны, вело к контрабанде,² а, с другой — несомненно, содействовало успешному развитию местных железодобывающих и железообрабатывающих промыслов, тем более, что Вотская земля располагала для этого и благоприятными естественными предпосылками — легко доступной озерной или болотной рудой.

Запрет торговли оружием был тесно связан с начавшимся в конце XII в. вторжением немцев в Прибалтику. В XIII в. борьба развернулась во всю ширь. Так как ограбление и закрепощение литовских, финских и славянских племен происходило под лозунгом «просвещения их светом христовым», то против них был снаряжен ряд крестовых походов.

Грабя и разоряя эстов и латышей, немцы тем самым становились во враждебные отношения к полоцкому княжеству, Пскову и Новгороду, с которыми ряд племен Прибалтики находился в старинных даннических отношениях. Первоначально борьба шла с полоцким князем, владевшим устьем Двины, где была основана Рига, причем немцы вынуждены были даже платить дань. Однако натиск немцев все возрастал и вскоре привел к столкновению с Новгородом.

Первый поход новгородцев, относящийся к 1214 г., был вызван насилиями и опустошениями, произведенными немцами в подвластных Новгороду местах Ливонии. Новгородские войска прошли насквозь всю «землю Чюдскую» вплоть до моря; немцы вынуждены были скрыться в Ригу, тем более что поход новгородцев повлек восстание покоренных немцами племен против своих угнетателей. С этого времени происходит ряд опустошительных набегов и походов немцев на новгородские земли, а новгородцев — на покоренные немцами области, причем чудские племена поднимают восстания и оказывают поддержку новгородцам.

Так продолжалось до 1240 г., когда немцы, учтя страшное разорение, нанесенное Руси татаро-монголами, подготовили решительный удар против Новгорода, угрожавший на этот раз его существованию. При содействии папы к участию в предполагавшемся разгроме Новгорода были привлечены и шведы. Было задумано одновременное нападение немцев на Псков и шведов — на Новгород. Шведское войско было разбито в битве на Неве, но немцам удалось, благодаря измене группы псковских бояр во главе с посадником Твердилой Ивановичем, захватить Псков. Во главе немецкого войска

¹ П. К е п п е н. Хронологический указатель, стр. 82.

² А. Н и к и т с к и й. Указ. соч., стр. 163.

находился изгнанный псковичами за связь с немцами князь Ярослав Владимирович. Зимой 1240—1241 г. немцы вторглись в новгородские земли и произвели страшные опустошения. «Придоша немци на Водь с Чюдью, — говорит летописец, — и повоеваша и дань на них възложиша, а город учиниша в Копорьи погосте», «а на волость Новгородскую, — продолжает он, — найдоша Литва, Немци, Чюдь и поимаша по Луге вси кони и скот, и нелзе бяше орати по селам и нечимь». Следует отметить, что нападавшие, помимо всего прочего, «гоняшася за 30 верст до Новгорода гость биуче».¹

Приведенный рассказ летописца, кроме своего прямого содержания, ценен еще и тем, что дает возможность сделать наблюдения, подтверждающие некоторые выше высказанные соображения. В этом отношении нельзя не обратить внимания на то, что немцы построили крепость в Копорье-погосте. Наличие погоста в Вотской земле показывает не только то, что последняя прочно входила в состав Новгородского государства, но и то, что в ней господствовали новгородские порядки. Вместе с тем упоминание о погосте свидетельствует о земледельческом, крестьянском характере населения Вотской земли. Мы знаем, что в договорах Новгорода с князьями, начиная с XIII и кончая XV в., неизменно находится пункт: «кто купец, тот в сто, а кто смерд, а тот потягнет в свой погост: тако пошло в Новгороде».² Следовательно, смерды, т. е. крестьяне, неизменно составляли население погостов. Впрочем, на земледельческий характер населения прямо указывают слова летописца о захвате немцами лошадей и о невозможности вследствие этого пахать землю. Наконец, очень существенно упоминание летописцем гостей, избиваемых немцами и чудью, так как оно вскрывает торговые связи Новгорода с Вотской землей и подтверждает предположения, высказанные в связи с рассмотрением выражения «Вотское сто» в уставе Ярослава о мостах.

Описанное летописцем вторжение немцев в новгородские владения и основание ими Копорья произошло в отсутствие Александра Невского, который вскоре после Невской битвы, в связи с интригами новгородского боярства, уехал в Суздальскую землю. Однако опустошения, производимые немцами, побудили новгородцев снова пригласить Александра. Приняв приглашение, Александр начал деятельно готовиться к борьбе с немцами. Организовав большое ополчение, в которое вошли наряду с собственно новгородцами ладожане, карелы и ижора, он прежде всего очистил Вотскую землю. Успехи, достигнутые в 1240 г. немцами, не только основавшими Копорье, но и обложившими водь данью, несомненно, объясняются тем, что в 1240 г. они действовали совместно с какими-то группами вотского населения.

В последнем нас убеждают некоторые особенности похода, предпринятого Александром Невским с целью освобождения Вотской земли. «Поиде, — говорит летописец, — князь Олександр на Немци на город Копорью, с Новгородци, и с Ладожаны и с Корелюю, и с Ижеряны и взя город, а Немци приведе в Новьгород, а инех пусти по своей воли, а Вожан и Чюдцю переветники извеша».³

Как мы видим, в результате победы новгородцев пострадали не только немцы, но и какие-то «Вожане» и «Чюдцы». Последних новгородцы казнили как «переветников», т. е. изменников. Летописный текст заставляет предположить, что «переветниками» была лишь часть

¹ Новг. лет. по Синод. харт. сп., стр. 258—259; ср. также Новг. 4-я, ПСРЛ, IV, ч. I, стр. 227—228, (Пгр., 1915) и др. летописи под тем же годом.

² Договорная 1270 г. С. г. г. и д., I, стр. 4; ср. также стр. 7, 8, 10, 12, 20, 28.

³ Новг. лет. по Синод. харт. сп., стр. 259.

води и чуди. Повидимому, изменники принадлежали к господствующему классу. Мы знаем, что вторгнувшиеся в Вотскую землю немцы в тот же год обложили водь данью. Надо думать, что они едва ли поспешили бы это сделать, если бы опирались на восставшие крестьянские массы.

На примере Пскова мы видим, что групповая борьба внутри господствующего класса привела некоторых бояр к прямой измене. Весьма вероятно, что таковы же были причины измены представителей господствующего слоя вотского и чудского населения. Последнее тем более возможно, что проникновение в Вотскую землю новгородского влияния не могло не сопровождаться зарождением и крупного новгородского землевладения, несомненно, приходившего в столкновение с интересами местной вотской и чудской знати.

Очистив от немцев Вотскую землю и собрав за зиму 1241-1242 г. большую рать, Александр освободил Псков, а затем в знаменитом Ледовом побоище (5 апреля 1242 г.) разгромил немецкое войско. Летописец передает, что в том же 1242 г. «немци прислаша с поклоном, без князя: что есмы зашли Водь, Лугу, Пльсков, Латыголу, мечемь, то ся всего отступаем»...¹ Таким образом, в Ледовом побоище немецкие рыцари «были окончательно отброшены от русской границы».²

Само собою разумеется, борьба не могла прекратиться сразу, и даже после разгрома 1242 г. время от времени продолжались немецкие набеги и нападения, — преимущественно на Псков. Вследствие этого новгородцы предприняли в 1268 г. поход за Нарову и нанесли второй сокрушительный удар немцам, разгромив их войско в известной битве под Ракобором. В следующем году немцы напали было на Псков, но бежали при приближении новгородских сил. Новгородцы стали собирать ополчение для нового похода, причем привлекли войска «всех князей... низовской земли». Немцы, узнав о собранном огромном войске, прислали посольство с заявлением о полной капитуляции: «Кланяемся на всеи воли вашей, Норовы всеи отступаемся, а крови не проливайте». Таким образом, новгородцы «взяша мир на всеи воли своеи».³

С этого времени вплоть до 40-х годов XV в. Новгород не участвует в борьбе псковичей с немцами, а немцы не тревожат новгородские владения. Тем не менее, Вотская земля не обретает покоя, так как делается объектом нападений шведов, за которыми сохранилась роль организаторов крестовых походов против Новгорода. Действия шведов, направленные к захвату Вотской, Ижорской и Карельской земель, находили деятельную поддержку у пап. Известно, что в 1255 г. папа Александр IV приказал рижскому архиепископу назначить специального епископа Вотландии, Ингрии и Карелии.

Распоряжение это основывалось якобы на донесении, что некоторое количество людей в названных странах обращено в католицизм.⁴

Однако на самом деле это распоряжение было сделано в расчете на будущую деятельность нового епископа. В середине XIII в. Вотская, Ижорская и Карельская земли прочно входили в состав Новгородского государства, и католиков — да еще в таком количестве, которое вызывало бы необходимость основания епископии — в них безусловно не было и быть не могло. Действительный смысл назначения епископа раскрылся в следующем, 1256 г., когда, как расска-

¹ Новг. лет. по Синод. харт. сп., стр. 261—262.

² К. Маркс. Хронологические выписки. «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 344, М., 1938.

³ Новг. лет. по Синод. харт. сп., стр. 286—292.

⁴ А. Г и п п и н г, Нева и Ниеншанц, ч. I, стр. 96.

зывает летописец, «придоша Свои и Емь и Сумь и Дидман с своею волостью и множество [рати] и начаша чинити город на Нарове». ¹

Постройка «города» или, вернее, замка, для нового епископа на Вотской территории явно преследовала цель захвата Вотской земли. Место постройки замка было выбрано не случайно. Есть основание предполагать, что здесь существовало крупное феодальное владение, выделявшееся в Вотской земле своим особым в этническом отношении населением. Если мы обратимся к писцовым книгам конца XV в., то увидим, что северо-восточный угол Вотской земли занимал Ямской уезд, состоявший из погостов Воздвиженского-Опольского в чюди, Никольского-Толдожского в чюди и части Егорьевского-Рытчинского. Таким образом, названия двух погостов из трех, составлявших уезд, заключают прямое указание на то, что они находились в местах расселения чюди. Вот, следовательно, откуда появились чюдь-«переветники», которых казнил Александр Невский. В 1256 г. шведы попытались опереться на эту же чюдь, вернее, на находившуюся в этом районе крупную феодальную вотчину с чюдским населением. А то, что такая вотчина здесь существовала, подтверждается фактами, относящимися к несколько более поздним временам. В 1256 г. шведы, узнав, что новгородцы послали за князем и стали собирать ополчение, поспешили удалиться. ²

Тот же летописец, который рассказал о попытке шведов, предпринятой ими в 1256 г., сообщает, что в конце века, в 1294 г., «постави Титманович отий городок на сей стороне Нарове, новгородци же ехавше пожгоша и, и село его великое взяша и пожгоша». ³

Сопоставляя оба летописных рассказа, мы обращаем внимание на собственные имена. В первом рассказе мы находим Дидмана, во втором — Тит Мановича. Дидман — имя исторического лица; что же касается Тит Мановича, то, видимо, здесь налицо искажение по вине переписчика, назвавшего этим именем Дидмановича, т. е. сына Дидмана. В пользу последнего соображения говорит и то, что «Титманович» поставил «отий городок», т. е. отчий, построенный его отцом, городок. «Титманович», по всей видимости, закончил постройку укреплений, начатых его отцом в 1256 г. Хотя мы и знаем, что шведы, получив сведения о новгородских приготовлениях к походу, поспешно удалились, но нам ничего не известно о разрушении начатых Дидманом сооружений; по крайней мере летописи об этом молчат. Следует отметить указание летописи на то, что городок был «на сей стороне Наровы», т. е. находился в Лужско-Наровском междуречье, и что здесь же находилось «село его великое».

В одном более позднем летописном тексте соответственная запись кончается словами: «а товар его поимаша весь и отъидоша». ⁴ Иными словами, новгородцы, захватив «село великое» Дидмановича, завладели и его имуществом. Все это показывает, что в XIII в. в Нарвско-Лужском междуречье действительно существовало крупное феодальное владение, имевшее свой центр — городок или замок — и свое подвластное сельское население. Вместе с тем обращает на себя внимание один из летописных вариантов, по которому Дидман явился поставить городок в сопровождении чюди. ⁵

Последнее упоминание чюди приобретает особый смысл, если мы вспомним отмеченное выше указание писцовой книги относительно

¹ Новг. лет. по Синод. харт. сп., стр. 277.

² А. Г и п и н г. Указ. соч., ч. I, стр. 97—98.

³ Новг. лет. по Синод. харт. сп., стр. 304.

⁴ Соф. 1-я, ПСРЛ, V, стр. 202.

⁵ Соф. 2-я, ПСРЛ, VI, стр. 188.

этнического состава населения Ямского уезда. Надо полагать, что «великое село» Дидмановича, расположенное в этом районе, было также населено чудью. Весьма вероятно, что Дидман, приведя зависимую от него чудь, имел в виду использовать племенную близость своих старых крепостных с новопокоренным населением.

Возвратимся, однако, к событиям 1256 г. Когда князь Александр прибыл с братьями в Новгород и соединенные войска князя и новгородцев выступили в поход, новгородцы, как рассказывает летописец, не знали намерений князя. «Новгородци, — говорит он, — не ведяху где князь идет, друзии творяху яко на чюдь идеть». Только тогда, когда войска дошли до Копорья, выяснилось, что Александр идет на емь. После этого часть новгородцев вернулась, а часть продолжала дальнейший поход.¹ Таким образом, через год после учреждения Вотландской епископии и в год постройки замка Дидмана, Копорье выступает как важный стратегический пункт, являющийся одновременно базой для действий против немцев и шведов, или точнее и против покоренной немцами чуди и против завоеванной шведами еми. Само собой разумеется, избрание новгородцами Копорья базой похода показывает, что они были действительными хозяевами в Вотской земле.

В самом деле, когда в 1279 г. сын Александра Невского, князь Дмитрий, задумал построить для себя замок, он обратился к Новгороду за разрешением «поставити себе город Копорью». Такое разрешение состоялось, и князь Дмитрий «ихав сам сруби [й]».² Иначе говоря, князь Дмитрий своими силами построил деревянный городок-замок, псевдиму, на месте разрушенного новгородцами в 1241 г.³

Очевидно, важным стратегическим значением Копорья объясняется то, что построенный князем Дмитрием деревянный городок уже в следующем, 1280 г. обносится каменными укреплениями, причем эти работы производятся при участии Новгорода. «Князь великий Дмитрий, — читаем мы в летописи, — с посадником Михаилом и с болшими мужи шедши обложиша город камен Копорью».⁴

Хотя Новгород и укреплял Копорье, последнее продолжает фигурировать в источниках как замок Дмитрия. Изгнанный в 1282 г. из Переяславля, князь Дмитрий хотел бежать в Копорье, но отступился от него под давлением новгородцев. Примечательно при этом то, что новгородцы, не тронув князя, задержали в качестве заложников двух дочерей его и бояр с женами и детьми, до тех пор, пока «мужи» Дмитрия выйдут из Копорья: «Две дщери его и бояры его, с женами и детми приведоша в Новгород, в таль: «дажь мужи твои выступятя ис Копорья, тоже пустим их». Следовательно, в Копорье находились «мужи», т. е. дружина князя Дмитрия. Примечательно и то, что в это же время «изгони Домонт Ладогу ис Копорья и поимаша весь княжь товар Дмитриев, и задроша и Ладозкого, и везоша й в Копорью...»⁵ Отсюда следует, что в Копорье находилось имущество, «товар», князя Дмитрия.

Эпизод с набегом Довмонта на Ладогу кладет последний штрих в обрисовке Копорья как типичного феодального замка. Опасность иметь у себя под боком укрепленное княжеское гнездо была настолько велика, что Новгород сейчас же по изгнании дружины Дмитрия разрушил Копорье.

¹ Новг. лет. по Синод. харт. сп., стр. 277; Соф. 2-я, ПСРЛ, VI, стр. 188—189.

² Новг. лет. по Синод. харт. сп., стр. 298.

³ О разрушении Копорья в 1241 г. см. Соф. 1-я, ПСРЛ, V, стр. 179—180.

⁴ Новг. лет. по Синод. харт. сп., стр. 298.

⁵ Т а м ж е, стр. 298—299.

Однако чрезвычайно важное стратегическое значение Копорья побудило новгородцев через 15 лет (т. е. в 1297 г.) восстановить в нем каменную крепость. Как мы видели, на протяжении неполных шести десятков лет Копорье несколько раз подвергалось разрушению и каждый раз возникало вновь на том же месте. В истории крепости и замка Копорья, безусловно, большую роль сыграло его выгодное стратегическое положение. Однако, если мы вспомним, что Копорье даже в первый раз было построено в уже существовавшем погосте и что оно было не только крепостью, но и городом в смысле торгово-ремесленного поселения, то должны будем искать причины живучести Копорья в его значении как торгово-ремесленного и административного центра Вотской земли.

Хозяйственное развитие Вотской земли к концу XIII в., несомненно, должно было сделать значительные шаги. В натурально-хозяйственной замкнутости местных отношений неминуемо должна была образоваться брешь в силу того, что через Вотскую землю проходили важные торговые пути, соединявшие Новгород с Западом. Уже в одном из старейших договоров Новгорода с Ганзой и Готландом (1257—1259 гг.) упоминаются «зимние гости».¹

Из постановлений, содержащихся в так называемых скрах, из грамоты Новгорода ганзейским купцам 1294—1303 гг., говорящей: «дахом им (купцам. — С. Г.) 3 пути горнии по своей волости...», и из других источников известно, что иноземные купцы пользовались и сухопутными путями сообщения. Пользовались ими также и новгородские купцы. И те и другие, конечно, привлекали к перевозкам местное население, да, вероятно, и не могли его не привлекать. Купцы, ехавшие через Вотскую землю, перевозили товары на подводах или санях, которые обычно выезжали в Нарву и Цельзе, особенно в зимнее время. Мы не имеем сведений о том, на каких условиях происходили эти перевозки, но по всей видимости они являлись монополией лиц, занимавшихся извозом. Во всяком случае, известно, что извозчики и носильщики, доставлявшие немецкие товары в самом Новгороде с судов в гостиные дворы, подобно лодочникам, организовывали стачки и назначали желательную для себя оплату.² Все это, конечно, содействовало, с одной стороны, развитию хозяйственных связей Вотской земли с Новгородом, а, с другой, — складыванию ее в хозяйственный округ.

Выше мы уже отметили появление на Западе термина «Вотландия». Соответствующее понятие можно уловить и в русских летописных записях, относящихся к последней трети XIII и началу XIV вв. Так, например, рассказывая под 1270 годом о распре новгородцев с вел. князем Ярославом Ярославичем, летописец говорит: «совкуписа в Новгород вся волость Новгородская, Пльсковичи, Ладожане, Корела, Ижера, Вожане и идоша в Голино от мала и до велика и стояша неделю на броне, а Ярославль полк [ста] об ону сторону».³ Точно так же в 1316 г., когда вел. князь Михаил Ярославич пришел к Новгороду «со всею Низовьскою землею», «Новгородци учинша острог около города по обе стороне и соидеся вся волость Новгородская: Пльсковичи, Ладожане, Рушане, Корела, Ижера, Вожане».⁴

Из приведенных отрывков летописного текста видно, что «вожане» являются «волостью» Новгорода и входят в состав новгород-

¹ К. Напьерский. Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригию и Ганзейскими городами, № 1а, СПб., 1857.

² А. Никитский. Указ. соч., стр. 145 и 266—267.

³ Новг. лет. по Синод. харт. сп., стр. 294.

⁴ Там же, стр. 317.

ского ополчения. Вместе с тем, однако, контекст показывает, что «вожане» имеют свою индивидуальность, что они обладают суммой признаков, вследствие которых выступают в сознании летописца как особая «волость», на ряду с Ладогой, Псковом, Руссой, Карелией и Ижорской землей. Любопытно также указание летописца, что в ополчение сошлись все «от мала и до велика»; едва ли можно допустить, что летописец имел в виду детей и взрослых, скорее он обозначил социальные прослойки, т. е. указал на классовое расслоение в «волостях» Новгорода.

Рассмотренные нами свидетельства летописца тем ценнее, что в них можно не опасаться перенесения на более ранние явления позднейших отношений и понятий. Приведенные нами тексты писаны современником или почти современником событий. Они взяты из Синодального списка Новгородской 1-й летописи, который кончается 1333 годом и писан в первой половине XIV в.¹

Итак, вольд являлась особой волостью Новгородского государства. Однако эта волость не была волостью-колонией, а представляла собой одну из частей самого государства. Она выполняла чрезвычайно важные обязанности, обусловленные ее географическим положением, являясь форпостом борьбы Новгорода за независимость. Подвергаясь нападениям со стороны немцев и шведов, она от них защищалась, а тем самым осуществляла функции обороны Новгородского государства на одном из важнейших участков.

Военные функции Вотской земли повлекли к организации ее в особый военный округ. Как мы уже указывали, ведь в составе новгородского войска занимала положение особого ополчения. Военным центром Вотской земли являлось Копорье. Значение его не только как важного стратегического пункта, но и как центра особой военно-территориальной организации отчетливо видно из летописного рассказа о событиях 1338 г. В этом году шведы, воспользовавшись охватившим Карелию крестьянским восстанием, вторглись в новгородские пределы и даже сожгли Ладожский посад. В ответ новгородцы разорили окрестности Выборга, после чего шведы предприняли диверсию в Вотскую землю. «Того же лета,— читаем мы в летописи,— приходиша немца из городка воеват на Толдогу, и оттоле хотяху на Водскую землю, и не взяша ничто же; остерегли бо ся бяху. Нь вышедши Копорьяне с Федором Васильевичем, и биша ѿ и убиша ту Михея Копорьянена, мужа добра, а под Федором конь раниша, нь самому не бысть пакости: бяху выхале бо в мале. Князь же Наримант бяше в Литве, и много посылаша по него и не поеха...»²

Под упоминанием в приведенной летописной записи «немцами из герсдка» скрываются выборжцы.³ Весьма характерно, что, предпринимая диверсию, они высадились в Толдоге, т. е. в Никольском-Толдожском в чюди погосте. Как мы помним, где-то в этом районе находилось «великое село» Титмановича, а еще раньше этот район дал «переветников» в борьбе народностей Новгородского государства за свою независимость. Именно отсюда и предпринимают шведы теперь поход в глубь «Вотской земли». Вотская земля, однако, оказалась настолько организованной в военном отношении, что шведы не только «не взяша ничто же», но были разбиты гарнизоном Копорья. Летописец подчеркивает, что князь Наримонт «бяше в Литве», тем самым

¹ Новг. лет. по Синод. харт. сп., стр. VI (предисловие).

² Там же, стр. 334—335.

³ А. Гиппинг. Указ. соч., ч. I, стр. 133.

указывая, что воедь с «копорьянами» справились с врагом своими силами.

Очень существенно упоминание «копорьянина мужа добра». Это свидетельствует, что в Копорье в это время на ряду с замком или крепостью существовало и торгово-ремесленное поселение, достигшее более или менее высокого уровня благосостояния, поскольку среди копорьян были мужи добрые. Что Михай-копорянин был именно городским жителем, а не княжеским дружинником видно из всего контекста летописного рассказа. Летописец подчеркивает то обстоятельство, что Наримонт оставил Копорье без защиты, и противопоставляет ему мужественные действия копорян, отразивших врага своими силами. Упоминание Наримонта приобретает особое значение, если вспомнить, что в 1333 г. новгородцы приняли его к себе и, как сообщает летопись, «даша ему Ладогу и Ореховый и Корельский и Корельскую землю и половину Копорья, в отчину и в деду, и его дедом». ¹

Приезд Наримонта в Новгород явился результатом сложных международных отношений Новгородской республики, лавировавшей между складывавшимися централизованными государствами Московским и Литовским. Несомненно, однако, что, приняв к себе литовского князя, новгородцы стремились использовать его военный опыт и дружину для организации обороны своей территории от нападения немцев и шведов; состав городов, отданных «в отчину и деду, Наримонту», прямо указывает на это.

Обращает, однако, внимание, что среди городов, отданных Наримонту, значится «пол Копорья» а не Копорье целиком. Объяснение этому следует искать в истории Копорья. Мы помним, что Копорье было построено первоначально как замок князя Дмитрия и только потом укреплено новгородцами. Вероятно, отсюда произошло разделение Копорья на половины — княжескую и новгородскую, быть может, на цитадель и на укрепленный город в собственном смысле этого слова. Надо полагать, что новгородская часть и поступала в кормление литовским и русским князьям вместе с другими городами Вотской, Ижорской и Карельской земель. Во всяком случае, просматривая летописи за XIV-XV вв., мы можем проследить длинный ряд имен князей, получивших эти города в вознаграждение за свою службу. При этом состав городов обычно оставался неизменным, как неизменно обычно значилась среди них половина Копорья. Так, в 1383 г. сын Наримонта Патрикий получил названные города и в числе их «пол Копорья». Последнее тем более показательное, что в 1386 г. в обороне Новгорода от вел. князя Дмитрия участвуют «князь Патрикий Наримонтович с князем Романом Юрьевичем и с Копорскими князи». ²

Хотя данные Патрикию в 1383 г. города (в том числе и половина Копорья) были в 1384 г. заменены другими, тем не менее упоминание на ряду с Патрикием еще других князей, находящихся на службе у Новгорода да еще с прозвищем «копорские», снова приводит нас к мысли о том, что в Копорье была особая половина, находившаяся в непосредственном ведении Новгорода. Последняя, надо думать, и была дана Патрикию, тогда как другою «кормились» особые князья, названные летописцем «Копорскими». Такое прозвище могло возникнуть как потому, что князья владели своей половиной Копорья наследственно, так и потому, что с кормлением была связана

¹ Новг. лет. по Синод. харт. сп., стр. 331.

² Новг. 4-я, ПСРЛ, IV, ч. I, в. 2, стр. 345, Л., 1925.

местная служба — обязанность защиты Вотской земли. Скорее всего было и то и другое, т. е. владение Копорьем было наследственным, но связанным с военной службой. На наследственность, думается нам, указывает множественное число, примененное летописцем — князья копорские, заставляющее предполагать, что княжеская половина Копорья находилась в совместном владении нескольких родственников.

Приведенное упоминание копорских князей не единично. Под 1394 г. в летописном повествовании о сражении со псковичами снова сталкиваемся с копорским князем: «убиша ту князя Ивана Копорейскаго»,¹ — говорит летописец.

Между тем, в 1392 г., т. е. за два года до упоминаемого сражения, князь Лугвень покинул города, данные ему новгородцами в 1389 г., «чим володел Наримонт», и, следовательно, новгородская «пол-Копорьи» в это время не имела князя, если не считать, что она находилась в кормлении у того князя Семена, о котором летописец говорит, описывая нападение шведов в 1392 г.: «князь Семон с городцаны (ореховскими) сугнавше иных избиша, а иных разгониша».² Впрочем, она, во всяком случае, недолго оставалась вне княжеского кормления. В 1395 г., уже при отражении нападения шведов на Новгородскую территорию, карелами и ямлянами руководит князь Константин,³ очевидно получивший в кормление города в Вотской и Корельской земле.

В 1404 г. Копорье значится в числе городов, отданных смоленскому князю Юрию Святославичу, причем летопись называет именно Копорье, а не «пол-Копорьи». Впрочем, возможно, что это описка, так как в других случаях всегда значилось «пол-Копорьи».⁴ В 1407 г. Копорье снова поступает к князю Лугвеню, очевидно, на прежних основаниях, т. е. ему отдают новгородскую половину Копорья. Летопись об этом говорит глухо: «Даша ему Новгородци города, которые были прежде сего за ним».⁵

Через несколько лет, а именно в 1411 г., у Лугвеня в Копорье рсдился сын.⁶ Это показывает, что Копорье не только поступало в кормление князя, но и было княжеской резиденцией, где он жил со своей семьей. Лугвень покинул города в 1412 г., но через пять лет они снова попадают в кормление. В 1419 г. Новгород «пригороды, которые были за Лугвенею», отдает князю Константину Дмитриевичу, бежавшему из Москвы.⁷ Несколько позже — вплоть до 1444 г. — города находились в кормлении у сына Лугвеня — Юрия. В 1444 же году они перешли к князю Ивану Владимировичу.⁸ В 1446 г. князь Юрий Лугвеневиц снова объявился в Новгороде, но городов ему уже не дали — он получил только «по волости хлеб».⁹ Таким образом, поскольку Юрий Лугвеневиц городов не получил, а князь Иван Владимирович отъехал в Литву, города, повидимому, вышли из кормления.

Кончая обзор известий летописца об отдаче городов Вотской, Ижорской и Карельской земель в кормление князьям, необходимо остановиться на одном весьма существенном моменте. В соответственных местах летописного текста мы весьма часто находим выражение: «дал

¹ Новг. лет. по Синод. харт. сп., стр. 379.

² Там же, стр. 378.

³ Там же, стр. 380—381.

⁴ Новг. 4-я, ПСРЛ, IV, ч. I, в. 2, стр. 395, Л., 1925.

⁵ Там же, стр. 404.

⁶ Там же, стр. 411.

⁷ Новг. лет. по Синод. харт. сп., стр. 409—410.

⁸ Новг. 4-я, ПСРЛ, IV, стр. 123.

⁹ Там же, стр. 123—124.

Новгород в кормление города [или пригороды]». Следует ли, однако, это выражение понимать буквально? Думается, нет. Во-первых, город является центром округа, тесно с ним связанной в экономическом и административном отношении. Поэтому под названием города, а особенно пригорода, могло скрываться и скрывалось более широкое понятие города и его округа.

Кроме того, в ряде упомянутых нами летописных записей мы встретили прямое указание на то, что в кормление поступали не только города. Так, в первом же рассказе об отдаче Вотской, Ижорской и Карельской земель Наримонту в отчину и дедину прямо указано, что отдается «Карельская земля». Лугвень, уезжая в Литву, говорил: «дръжали мя есте у себя хлебокормлением», что едва ли соответствует городским походам. Константин Дмитриевич получил кроме городов «бор всей волости Новгородской, Коробейщину». По-видимому, это отмечено летописцем потому, что бор распространен был на всю волость. Наконец, Юрий Лугвеневич во второй свой приезд получил только «по волости хлеб»; летописец подчеркивает, что новгородцы не дали ему пригородов. Все это с несомненностью устанавливает, что кормление не ограничивалось доходами с города, но предполагало и доходы с сельского населения. К сожалению, мы не знаем ни характера этих доходов ни их размеров. Едва ли, однако, вызывает сомнение, что они имели характер феодальной ренты и далеко ушли от той архаической дани, которую князь некогда собирал в полюдье.

Вернемся, однако, к последовательному обзору истории Вотской земли, прерванному нами на событиях начала XIV в. Мы отмечали, что Вотская земля, являясь составной частью Новгородского государства, обладала вместе с тем рядом черт, создававших ей положение особой округи. Такое положение Вотской земли и ее центра Копорья особенно наглядно проявилось в 1342 г. В этом году «Лука Валфромеев, не послушав Новаграда [и] митрополица благословения и владычия, скопив с собою холопов збоев, и поеха за волок на Двину; и постави городок Орлицъ и скопивши Емьцан, и взя землю Заволочкую по Двине, все погосты на щит».

Это была типичная экспедиция из числа тех, которые новгородские предприниматели на свой страх и риск отправляли для торговли, промыслов и грабежей. Во время таких экспедиций возникали городки-фактории, предоставлявшие новгородским боярам новые владения, а Новгороду — новые «волости». Экспедиция эта кончилась для Луки Варфоломеевича неудачно. Пока он брал на щит погосты по Двине, «сын его Онцифор отходил на Вагу, Лука же в дву сту выиха воеват, и убиша его Заволочане».

Далее следуют события, в которых сказывается особое положение Копорья в Новгородской волости: «...прииде вестъ в Новъгород: «Лука убиен бысть», и въсташа чорныи люди на Ондрешка, на Федора на посадника [на] Данилова, а ркуци; яко те заслаша на Луку убити; и пограбиша их дома и села; а Федор и Ондрешко побегоша в Копорью в городок, и тамо седеша зиму всю и до великого говения. И в то время прииха Онцифор, би чолом Новуграду на Федора и на Ондрешка: «те заслаша моего отца убити» и владыка и Новгород послаша архимандрита Есифа с бояры, в Копорью, по Федора и по Ондрешка...»¹ Как мы видим, Федор и Ондрешка укрылись в Копорье и жили там в безопасности всю зиму. Чтобы вызвать их оттуда, владыка и Новгород должны были отправить посольство из бояр во

¹ Новг. лет. по Синод. харт. сп., стр. 343.

главе с архимандритом. Враги Ондрешка и Федора были достаточно сильны в Новгороде, чтобы разграбить их дворы и вотчины, но не могли ничего сделать им самим, пока они были в Копорье.

В своем месте мы отмечаем, что в связи с процессом превращения Вотской земли в Копорский уезд Новгородского государства, в связи с укреплением сношений этой земли с Новгородским государством в целом, наконец, в связи со все большим проникновением в Вотскую землю новгородцев и новгородских порядков, часть вотского населения, видимо, принадлежавшая к господствующему классу, пыталась использовать немецкую интервенцию в своих узких интересах. Такая тенденция обнаруживается вновь через сто лет.

В 1348 г. состоялся большой поход короля Магнуса на новгородские владения. Во время военных действий часть шведских войск оперировала в Ижорской и Вотской землях. Король, — рассказывает летописец, — «Ижеру почал крестити в свою вероу, а которых не крестятся, и на тях рать пустил и на Водь». Как мы видим, часть населения не оказывала сопротивления шведам — войска были посланы против тех, которые не принимали крещения. Поскольку рать была пущена «и на Водь», то, следовательно, водь отказывалась принимать крещение и не покорялась шведам. Между тем, из дальнейшего рассказа летописца видно, что среди води, как и среди ижоры, были элементы, перешедшие на сторону шведов. Вот что мы читаем в летописи дальше: «Новгородци же, слышав то, послаша противу их на Вочкую землю Онцифора Лоукиничя, Якова Хотова, Михайлу Фефилатова, а с ними 400 рати; избиша немец 500 в канон Бориса и Глеба, а иных изнимаша, а переветников казниша, а новгородцев 3 человека оубиша, а бой бысть на [Жа] бце поле». ¹

Как мы видим, новгородцы ликвидировали временное шведское господство в Вотской земле в результате боя на «Жабче поле». 500 немцев было убито, часть взята в плен, изменники казнены. Отсюда вывод, что в войсках шведов, сражавшихся на «Жабче поле», были люди, которых новгородцы сочли изменниками, — несомненно, среди последних были и ижорцы и «вожане». Таким образом, наблюдение, сделанное выше относительно того, что часть населения Вотской и Ижорской земли не оказывала сопротивления шведам, обращавшим население в католицизм, — т. е. была пассивна в борьбе Новгорода со Швецией, — следует дополнить: известная часть води по приходе шведских войск примкнула к последним и активно боролась с новгородцами.

Какая же часть води примкнула к шведам? Нам известно, что еще в XVI в. среди вотского крестьянского населения было сильно распространено язычество. ² Очевидно, вотские крестьяне оказывали сопротивление попыткам шведов обратить их в католичество; примкнувшие же к шведам вожане принадлежали к другому классу вотского общества. Иначе говоря, мы приходим к заключению, что в 1348 г., так же, как и в 1241 г., изменниками были вотские крупные землевладельцы. Наличие крупного землевладения в Вотской земле теперь, — когда мы ознакомились с судьбой Копорья-замка, узнали о существовании копорских князей и читали о боярах и дружинниках князей, получавших кормление в Копорье, — не может вызывать сомнения.

Через два года после того как новгородцы без особого труда очистили Вотскую землю от шведов, повторилась история, подобная той,

¹ Новг. 4-я, ПСРЛ, т. IV, ч. I, стр. 277, П., 1915.

² См. Послание Новгородского архиепископа Макария в прибавл. к Псковским летописям — ПСРЛ, V, стр. 73—74 и VI, стр. 292.

которая разыгралась после убийства Луки Варфоломеевича. В 1350 г. — передает летописец — «выгониша Новгородци из Новагорода Феодора посадника, и брата его Михайлу, и Юрья, и Андреяна, а дома им розграбиша и Прусскую улицу всю пограбиша; а Феодор и Михайло и Юрьи и Ондреян побегоша в Псков, [и] мало побывши поихаша в Копорью». ¹

Таким образом, в 1348 г. новгородцы показали, что они являются полными хозяевами в Вотской земле, а в 1350 г. изгнанный посадник считает для себя наиболее безопасным местом не Псков, который к этому времени добился полной независимости, а Копорье. Последнее можно объяснить только тем, что Копорье было княжеским владением. В княжеском замке влиятельный новгородец мог укрыться от новгородского черного люда и быть в большей безопасности, нежели в собственной вотчине.

В конце XIV в. новгородцы укрепляют Вотскую землю вторым городом — Ямой. Мы уже имели случай упомянуть, что в 1383 г. в Новгород приехал князь Патрикий и получил в кормление «пригорсды Орехов и Карельский и пол Копорьи городка и Луское село». ² В следующем, 1384 г. новгородцы, по требованию городчан ореховцев и карелян, заменили Орехов и Карелу Ладогой и Руссой и «Наровским берегом» — «даша ему Русу, да Ладогу и Наровский берег». ³

Как известно, р. Нарова составляла западную границу новгородских владений только на относительно небольшом участке своего нижнего течения — от впадения в нее р. Плюссы до устья. В этом своем участке Нарова течет почти параллельно Луге, и обе реки разделяет относительно незначительное пространство, впоследствии образовавшее Ивангородский уезд. До выделения Ивангородского уезда его территория входила в состав Ямского уезда, а до образования Ямского — в Копорский и несомненно тяготела к поселениям на Луге. Таким образом, «Луское село» и «Наровский берег», видимо, соответствуют одному и тому же географическому понятию, лишь различно выраженному в двух летописях. «Луское село» как таковое мы встречаем в летописи только под 1383 г., но совершенно очевидно, что оно существовало и до того года, когда было отдано в кормление Патрикию. Более того, самый факт отдачи его в кормление характеризует Луское село как поселение или, вернее, систему поселений (село и тянущие к нему деревни), достаточно богатых и обжитых, гарантирующих соответственный доход князю и его двору. Мы можем с очень большой степенью вероятности сближать «Луское село», полученное Патрикием в кормление, с «великим селом» Титмановича. В следующем, т. е. 1384 г. новгородцы основали город Яму. «Поставиша новгородци город камен на Луге, на яме» — читаем мы об этом событии в летописи. ⁴

Таким образом, город Яма имел предшественников, если не в самом городке Дидмана и Дидмановича, то в «Луском селе» Патрикия, тем более что рассказ о постройке города Ямы следует в летописи за изложением событий, закончившихся отдачей Патрикию в кормление «Наровского берега». Иначе говоря, город Яма возникает в крупной феодальной вотчине как укрепленная резиденция феодала, или, вернее, развивается как центр такой вотчины. В последнем отношении весьма показательное упоминание летописцем «луских сельников» на ряду с сельниками вотскими и ижорскими. ⁵ Сельниками,

¹ Новг. лет. по Синод. харт. сп., стр. 350—351.

² Там же, стр. 371.

³ Новг. 4-я, ПСРЛ, IV, стр. 91.

⁴ Новг. лет. по Синод. харт. сп., стр. 371.

⁵ Новг. 4-я, ПСРЛ, IV, стр. 123.

насколько известно, называлось зависимое сельское население, и то, что летопись выделяет среди других луских сельников, указывает на то, что они были чем-то объединены; нам кажется, что их объединяла зависимость от владельца или владельцев лужских боярщин или волостей.

Если мы рассмотрим состояние землевладения в Ямском околородье, как оно отражено в писцовой книге, то обратим внимание на то, что, кроме сел, «что живут за наместники за ямскими из старины», вся остальная земля принадлежала городчанам и своеземцам ямлянам. Рассматривая их землевладение, мы приходим к заключению, что ямляне были мельчайшими владельцами и что землевладение их недавнего происхождения. Все это приводит к мысли, что город Яма был построен в крупной волости, которая затем была роздана переселенным во вновь построенную крепость жителям и гарнизону.

На существование поселения на месте Ямы до 1384 г. указывает и очень быстрое развитие города как торгово-ремесленного центра. Построенная в осином гнезде, на которое постоянно опирался враг, вторгавшийся в Вотскую землю, Яма очень скоро оправдала свое назначение. Уже в 1395 г. «...приходиша Немци Свея к новому городку к Яме, и поихоша прочь; и князь Костянтин с городчаны иных изби, а инии убежаша».¹ Эта запись вместе с тем показывает, что уже через 11 лет после основания в Яме было городское население — «городчане», а не только гарнизон и княжеские слуги.

Через два года район нового городка опять подвергается нападению, на этот раз со стороны немцев. В 1397 г., гласит летопись, «...осени пришедши Немци взяша 7 сёл у Ямьского городка и пожгоша...»² Именно наличие новой крепости ограничило последствия нападения уничтожением всего семи сел. Более широкую диверсию без наличия больших сил после постройки Ямы предпринять уже было невозможно.

Действительно, в войну 1445—1448 гг., когда после долгого перерыва против Новгорода объединились немцы и шведы, Яма показала себя первоклассной по тому времени крепостью, способной выдержать осаду крупных неприятельских сил. В 1445 г., вообще богатом для Новгорода событиями, «...осени пришедши Немци, у Яме города псад пожгоша и берег повоеваша, а в Новьгород прислаша: «мы вас не воюемъ, а воуетъ вас князь Григорей из Заморья Клепский, про своего проводника Итолька Ругодивца... а то все лгаша немци... [Т]ой же зимы шедше Новгородци в Немецкую землю за Нарову с княземъ Иваном Володимеровичем, поллениша и пожгоша около Ругодива и до Пурьдозне, и подле Нерову, и до Чюдцкого озера». Затем, по рассказу 4-й Новгородской летописи, опять разворачиваются военные действия на территории Вотской земли: «Собравъшеся немци, местер с всими своими вои, пришедше под город под Яму, бивше пушками и стояше 5 дни и по Воцкой земли и по Ижере, и по Неве поллениша и пожгоша, а города... не взяша, а самых немецъ много паде под городом, а инии язвени отъидоша во свою землю. А в то время в городи в Яме был князь Василей Юрьевичъ Соудальских князей. А новгородци послаша селников Луских и Воцких и Ижерских бояр наперед, а сами хотеша ити с ними за Нарову воевати со княземъ Иваном Володимиричем». Однако в этом году поход за Нарову главных новгородских сил не состоялся, так как начался кенский падеж».³

¹ Новг. лет. по Синод, харт. сп., стр. 380.

² Там же, стр. 882.

³ Новг. 4-я, ПСРЛ, т. IV, ч. 1, в. 2, стр. 439, Л., 1925.

Серьезные военные действия новгородцы предприняли в 1448 г., когда князь Александр Васильевич «с мужи Новгородци поиде противу князя Ризскаго мастера, и против короля Прусского, и против короля Свейского Карла и стаща Новгородци на Норове со князем-Александром, биющися через Норову реку с погаными Немци... и побиша много поганых немець, а иных на мори в бусах много побиша, а инии истопоша в мори, а иных руками поимаша 84, а с ними два князя Немецких яша, и много добытка добыша... а иных под Ямою городком побиша князь Василей Васильевич с мужи Новгородци». ¹

Летописные сведения о войне 1445—1448 гг., помимо изложения хода военных действий, содержат ряд весьма ценных указаний. Во-первых, мы узнаем о существовании в Вотской земле не только сельников, но и вотских и лужских бояр; затем мы встречаем прямое указание на наличие в Яме посада, т. е. торгово-ремесленного населения; наконец мы узнаем, что в Яме жил князь. Некоторые сведения о посаде г. Ямы мы можем извлечь из писцовой книги конца XV в.

По своему многолюдству и по числу горожан, отнесенных в разряд «лучших людей», т. е. наиболее состоятельных, Яма превосходила все города Вотской, Ижорской и Карельской земель. Всего в ней было по старому письму (т. е. в новгородское время) 201 двор с 257 чел., а к моменту составления описания в ней можно было насчитать уже 240 дворов с 332 чел.

Писцовая книга разделяет город на несколько частей, из которых самой многолюдной была часть посада, называвшаяся «у Спаса на Копорской стороне». Здесь была сосредоточена почти треть всего населения города. Более или менее отчетливо выраженной физиономии отдельные части города не имели.

Яма отличалась от других городов тем, что в ней был всего один монастырь — Спасский и одна церковь. Монастырь, видимо, был средней руки — он имел всего 22 обжи в Опельском погосте. Имущественное положение ямлян видно из следующих данных. В городе было «лучших» людей: своеземцев — 32 двора с 59 чел. и городчан — 8 дворов с 14 чел.; «средних» людей: своеземцев — 50 дворов с 69 чел. и городчан — 22 двора с 28 чел.; «молодых» людей: своеземцев — 62 двора с 85 чел. и городчан — 58 дворов с 69 чел. Как мы видим, в городе было не только много «средних», но немало и «лучших».

Описание Ямы содержит относительно большее число указаний на занятия отдельных жителей, чем описания других городов в той же писцовой книге. Больше других была группа портных — 3 «портных мастеров» и 1 «швец»; надо полагать, что портные работали на заказ. К этой же группе можно отнести колпачника, причем все они были людьми «молодыми». В лучшем положении были два сапожника и кожевник, которые числились «средними». Следует отметить, что сапожным ремеслом занимались своеземцы. Был еще один своеземец-ремесленник, также «средний» человек — «лучник». Кузнецов было трое, все «средние». Плотников тоже трое, но только двое из них «средние». Другие ремесленники все были в «молодых»: два гончара, токарь, кожевник. Кроме ремесленников, на посаде было два рыболова, причем один из них числился «средним», к «молодым» же относились четыре пастуха и семь скоморохов. Наоборот, в «средних» были все те горожане, занятия которых носили характер торговли — корчемник, мясник, дегтярь и двое москатишников. Хотя

¹ Пск. 1-я, ПСРЛ, IV, стр. 213.

писец и указал занятия большего числа жителей, чем в других городах, все же о значительной части ямского населения нет никаких данных. Если мы обратимся к описанию уезда, то обнаружим, что ряд своеземцев и городчан занимался хлебопашеством.

Повидимому, с основанием г. Ямы Копорье теряет свое значение не только в военном отношении, но и как центр Вотской земли вообще. Мы знаем, что уже в 1445 г. резиденция князя была в г. Яме. Если мы обратимся к писцовой книге, перед нами встанет картина явного упадка. По старому письму, в городе было 18 дворов с 18 жителями. Эти цифры особенно разительны, если их сопоставить с цифрами по городу Яме. Очевидно, возникший позже Копорья г. Яма стал экономическим и политическим центром Вотской земли или Копорского уезда в его первоначальном составе. К Яме же перешло и то военное значение, какое имела Копорская крепость для обороны Вотской земли и Новгородского государства вообще до постройки Ямы.

По новому письму, в Копорье насчитывалось всего 12 дворов с 12 чел. Да и те, видимо, были «мелкотой»; среди них один был скоморох, другой — казак, т. е. человек, работающий по найму. Писец называет в Копорье на посаде только двух ремесленников — колпачника и седельника. Из остальных восьми один был дьячком. Кто были другие, писцовая книга не указывает. Кроме 12 дворов тяглых в Копорье, по описанию, на посаде и в городе было 7 дворов нетяглых, в которых жили воротники, сторожи городные и один пичальник. К этому нужно добавить двор наместника внутри города, двор тиуна и двор помещика. Вот и весь город с посадом и с городом-крепостью. На самом деле Копорье было несколько больше; в описании опущены монастыри и деревни, находившиеся на территории города. Некоторую часть опущенного можно восстановить, если просмотреть описание Каргальского погоста, в котором находился город. Из этого описания можно установить, что в Копорье было три небольших монастырька, владевших все вместе 15 обжами, и ряд деревень, расположенных на территории города.

Если мы обратим внимание на состав населения в этих деревнях, то увидим, что оно, несомненно, входило в число городских жителей. В ряде деревень жили своеземцы. В селе Заполье был двор дьякона Ивана Спасского, в котором жил сам дьякон; в деревне Горка жил решетник, здесь же было двое непашенных кузнецов. Все это были горожане, очутившиеся на положении сельских жителей.

Как мы уже могли заметить, писцовая книга конца XV в. содержит сведения не только по городам, но и по уездам. Попытаемся на основании данных этой книги обрисовать состояние Копорского и Ямского уездов накануне утраты Новгородом самостоятельности.

Прежде всего, писцовые книги подтверждают наше наблюдение, что основным занятием населения было земледелие. При господстве натурального хозяйства состав дохода, идущего землевладельцу и его агенту — ключнику, ярко отражает занятия населения. Ниже мы помещаем таблицу, которая наглядно показывает состав владельческого дохода, шедшего с крестьян. В таблицу включены лишь сведения «старого» дохода, с целью восстановить картину крестьянского хозяйства до установления московских порядков. Как исключение учтены и предметы, входившие в состав дохода времени написания писцовой книги, но лишь в том случае, когда данный доход шел с неконфискованных земель¹. В последнем случае владелец оставался тот же, и можно предполагать, что доход не изменился. Такое предположение находит косвенное подтверждение в том, что

писец, описывая земли, оставшиеся за прежними владельцами, старого дохода не указывает.

Состав «старого» дохода по писцовой книге конца XV в.

Уезды	Копорский	Ямской	Всего	Уезды	Копорский	Ямской	Всего
Общее число погостов в уезде	13	4	17	Посконь	1	—	1
Число погостов, в которых в составе «старого» дохода встречается доля урожая («из хлеба», половье, треть и т. д.)	12	3	15	Утиральники и убрusy	2	—	2
Рожь	13	4	17	Мясо	13	4	17
Овес	13	4	17	Бараны и баранина	13	4	17
Ячмень	12	4	16	Свинина	2	1	3
Пшеница	5	2	7	Масло	4	1	5
Хмель	5	—	5	Сыр	13	3	16
Семя конопляное	4	—	4	Овчины	11	1	12
Хлеб печеный	9	1	10	Куры	12	3	15
Солод	8	—	8	Яйца	3	—	3
Пиво	12	4	16	Сено	10	4	14
Лен	12	3	15	Дрова	2	1	3
Полотно	3	—	3	Брусника	1	—	1
Пряжа льняная	1	—	1	Тетерева	1	—	1
Попоны	2	—	2	Белки	—	1	1
				Зайцы	1	—	1
				Рыба разная	3	1	4
				Крицы железа	1	1	2
				Пруты железные	3	1	4
				Соль	2	—	2
				Деньги	12	4	16

Достаточно беглого взгляда на приведенную таблицу, чтобы убедиться в земледельческом характере хозяйства населения Вотской земли. На первом месте стоят продукты собственного земледелия в сыром или переработанном виде. Затем следуют продукты животноводства, тесно связанного с земледелием. Известное место занимает эксплуатация вод и лесов, главным образом рыбная ловля и охота. Особо стоит продукция железодобывающих промыслов и соль. Наконец, повсеместно находим в составе дохода деньги, что свидетельствует о значительных успехах процесса перехода от ренты продуктами к денежной ренте.

Если мы посмотрим на состав дохода с точки зрения его географического размещения, то заметим некоторые специфические черты, свойственные отдельным районам. Оставляя в стороне соль, которая, повидимому, была покупной, так как поступала к владельцам небольшими количествами (ставцами), мы обращаем внимание на группу погостов, откуда владельцам шли разнообразные изделия из льна — полотно, попоны, посконь, утиральники, убрusy. Повидимому, перед нами район, специализировавшийся на обработке льна. Составляют этот район погосты Покровский-Дятелинский, Кипенский и Никольский-Суйдовский Копорского уезда. Особая специализация этих погостов тем очевидней, что посевы льна встречаются повсеместно и в других погостах, но продукции льнообработки в них писцовая книга не отмечает. Далее, правда не столь четко, намечается несколько районов, в которых крестьяне сдавали владельцам пшеницу и хмель.

Весьма характерную группу составляют несколько погостов обоих уездов, где на ряду с продуктами сельского хозяйства мы видим в составе дохода крицы и железные пруты. Район этот составляли

погосты Каргальский, Ильинский-Замостский, Покровский-Дятелинский Копорского уезда и Никольский-Толдожский Ямского. На территории названных погостов и местностей, к ним непосредственно примыкающих, было сосредоточено более 200 домниц. Подсчет домниц по писцовой книге 1500 г. и по сохранившейся части писцовой книги дворцовых земель 1504-1505 гг. дает следующие результаты: в Каргальском погосте было 49 домниц, в Покровском-Дятелинском — 11, в Никольском-Толдожском — 42. Кроме того, на дворцовых землях в Никольском-Толдожском, Каргальском, Ильинском-Замостском, Введенском-Дудоровском и Опольском-Воздвиженском было 97 домниц; всего 199 домниц. На самом деле домниц было значительно больше, так как писцовые книги дошли до нас не полностью; да и в сохранившемся тексте в ряде случаев мы находим крицы во владельческом доходе, тогда как домницы в данной волостке не упомянуты.¹

Поскольку мы находим крицы в составе дохода, шедшего владельцу (а в некоторых случаях и ключнику), мы должны заключить, что домницы принадлежали крестьянам — иначе говоря, что выплавка железа из руды была крестьянским ремеслом. Размеры домниц были различны: встречались домницы в одну и в две печи, как это можно видеть из употребляемых писцом выражений: «домница одна, а печи две»² или: «домниц две, а печи две».³ Печь являлась частью домницы, что ясно видно из фразы: «да в той же волости 18 домниц, а печей в них 20, а в них жмут железо».⁴

Различаясь конструктивно, домницы обладали и различной производительностью. Хотя мы и не располагаем данными о размерах годовой выплавки домниц, но в весьма различной их производительности нас убеждает большое колебание в размерах дохода, взимавшегося с них, и в размерах брязги, уплачиваемой за добычу для них руды. Можно указать, например, что с 5 домниц одной из волостей Каргальского погоста шло «старого доходу» 40 прutow;⁵ а так как считалось «в пруте по 10 криц»,⁶ то это составляло 400 криц или по 80 криц на домницу в среднем. В одном случае с домницы шло даже 100 криц владельческого дохода, да 10 криц ключнику.⁷ С другой стороны, можно указать на домницу какого-нибудь Куземки Палкина, жившего в деревне Ковоши, дававшего в составе нового дохода всего одну крицу ключнику.⁸

Нельзя, однако, забывать, что количество криц, поступавших владельцу или ключнику, могло зависеть не только от размера производства, но и от других обстоятельств, в частности — от степени натурализованности дохода, ибо, как мы знаем, во многих случаях часть дохода взималась деньгами. В связи с этим для суждения о производительности домниц более показателен размер брязги за копируемую для домниц руду. Просматривая данные о размерах брязги, убеждаемся, что они также обнаруживают большие колебания и, следовательно, также свидетельствуют о значительном разнообразии домниц по их производственной мощности. В принадлежавшей не-

¹ Например, НПК, III, стр. 552, 609 и др.

² Там же, стр. 609.

³ Там же, стр. 613.

⁴ А. Гневущев. Отрывок из писцовой книги Вотской пятины, второй половины 1504—1505 гг., содержащей в себе опись части дворцовых земель этой пятины, стр. 33, Киев, 1908.

⁵ НПК, III, стр. 515—516.

⁶ Там же, стр. 917.

⁷ Там же, стр. 908.

⁸ Там же, стр. 609.

когда Богдану Есипову волости Ковоши 38 домниц, насчитывавших в общей сложности 43 печи, платили брязги «с печи по дензе да по крице железа»,¹ тогда как многие платили по гривне, по 2 деньги и по крице с печи и больше.²

В связи с весьма различными размерами производства в среде крестьян, занимавшихся выплавкой железа, должна была, несомненно, наблюдаться большая дифференциация. Надо полагать, что были и относительно крупные предприниматели, пользовавшиеся чужим трудом, и «мелкота». Мы знаем пример совместного владения домницей нескольких крестьян; так, в одном месте писец отметил: «да у них же с Казимеровскими домница вопчая, а руду копают у себя».³ Такое указание писца позволяет предполагать, что в ряде других случаев, когда в писцовой книге названы крицы в составе дохода и упомянута копка руды, но ничего не сказано о домницах, мы также можем предполагать совместное владение или хотя бы пользование домницей, записанной в другом месте книги.⁴

Как мы уже видели, продукция некоторых домниц достигала весьма значительных размеров. Уже одно это заставляет предполагать, что железо выплавлялось в таком количестве, которое превышало потребности личного хозяйства крестьянина-владельца домницы, и что он продавал продукцию своего промысла. Об этом свидетельствует и то, что в ряде случаев, отмечая в той или иной волости домницы, писец не упоминает криц в составе владельческого дохода. Отсюда можно заключить, что крестьяне продавали крицы и вносили доход своему вотчиннику, деньгами. Это тем более вероятно, что писцовые книги знают и такой случай, когда крестьяне платили за право копанья руды для своей домницы относительно большую сумму, и все же в доходе с этих крестьян не названо ни одной крицы.⁵ Можно привести и такой пример, когда прямо указано, что вместо криц, раньше доставляемых в натуре, оброк с домниц вносится деньгами. Именно так обстояло дело в бывшей Горшковской волости Коложици, где «за старой доход давали великого князя оброку на дворец деньгами...» и, в частности, «за 140 криц железа 2½ гривны с деньгою».⁶

Все это заставляет предполагать, что производство носило товарный характер. Товарный характер производства и значительные его размеры в некоторых случаях делают несомненной эксплуатацию владельцами домниц чужого, по всей вероятности, наемного труда. Присматривая текст писцовых книг, мы наталкиваемся на ряд «домников» в районе железодобывающего промысла. Эти домники не были владельцами домниц, так как они указаны и в тех владениях, где домницы отсутствовали.⁷ С другой стороны, число «домников» относительно невелико. В Никольском-Толдожском погосте их было 15 чел., в Ямском околородье—1, в Воздвиженском-Опольском погосте—13, в Каргальском—5, всего—34 чел.⁸

Уже одна эта незначительность общего числа домников показывает, что они не были ни владельцами домниц, ни рядовыми рабочими; скорее всего они были квалифицированными «мастерами».

¹ А. Гневущев. Отрывок из писцовой книги..., стр. 61.

² Там же, стр. 33, 39, 45, 52; НПК, III, стр. 516, 520, 525 и др.

³ НПК, III, стр. 912.

⁴ Например, там же, стр. 932.

⁵ Там же, стр. 528—529.

⁶ А. Гневущев. Отрывок из писцовой книги..., стр. 18—19.

⁷ НПК, III, стр. 889.

⁸ Там же, стр. 502, 889, 909, 924, 927, 929; А. Гневущев. Отрывок из писцовой книги..., стр. 17, 20, 21, 23, 48, 49.

Действительно, добыча железа требовала весьма большого количества рабочих рук. Копка руды, рубка леса и подвозка того и другого были весьма трудоемкими процессами, тем более что руды, вследствие ее бедности и несовершенства технологического процесса, требовалось большое количество; равным образом домницы, конечно, пожирали очень много дров. Однако вся эта работа не требовала особой квалификации и, по всей вероятности, обслуживалась силами окрестных крестьян, доставляя им приработок к доходу от сельского хозяйства. Поскольку эти занятия были для крестьян подсобными и вместе с тем не становились профессией, они и остались в писцовой книге не отмеченными.

Просматривая показания писцовой книги, обнаруживаем, что только часть домниц питалась рудой, разрабатываемой в том же владении, где находилась домница. Писец в таких случаях отмечал: «а руду копают на себя в своей волости». ¹ В противоположность этому о многих домницах писец делает указание подобного рода: «а руду копают на Красных горах, в великого князя волости дворцовой, а найму дают с домницы по гривне да по 2 денги великого князя прикащику». ²

Таким образом, оказывается, что значительное количество владельцев домниц не имело собственной рудной базы и платило за сырье для своего производства; а это указывает на товарный характер производства и уж во всяком случае на то, что эксплуатация рудных месторождений производилась не для нужд собственного хозяйства владельца. Руда разрабатывалась преимущественно на Красных горах, на Ковоше, у озер Леонтьева и Глубокого; очевидно, здесь и были центры рудных разработок. Однако, кроме названных районов, были и другие, более мелкие месторождения руды, также эксплуатировавшиеся.

Насколько можно судить, выплавка железа была связана с его обработкой, по крайней мере первичной, хотя, с другой стороны, конечно, существовал и чисто кузнечный промысел. На связанность промысла по добыче железа с его первичной обработкой указывает то, что в некоторых случаях владельцы домниц платили своему встчиннику доход не крицами, а прутами. ³ Мы уже имели случай упомянуть, что в пруте было 10 криц. Очевидно, пруты были полосовым железом, изготовленным из железных чушек — криц.

Значительное развитие выплавки железа явилось базой и для железообрабатывающего промысла. Если мы обратим внимание на распределение кузнецов по погостам, то увидим, что писцовая книга, отмечая по 1—2 кузнеца на погост вне района железорудного промысла, назвала 42 кузнеца в Никольском-Толдожском погосте и 12 в Каргальском. ⁴

Продукцией железообрабатывающих промыслов, судя по скудным указаниям писцовой книги, являлись предметы, рассчитанные на широкий крестьянский рынок. Среди владельческого дохода, шедшего с кузнецов и с владельцев домниц, мы находим топоры, сквороды рукоятные, ⁵ сошники, ⁶ и лемехи. ⁷ Так как гораздо чаще мы встречаем упоминание криц и прутков, то можно думать, что

¹ НПК, III, стр. 507.

² Там же, стр. 525.

³ Напр., НПК, III, стр. 515.

⁴ А. Гневущев. Отрывок из писцовой книги..., стр. 17, 18, 22; НПК, III, стр. 502, 503, 513, 517, 522, 549, 906, 907, 909, 911, 914, 915, 918, 919, 922, 929, 931.

⁵ НПК, III, стр. 501—502.

⁶ Там же, стр. 921.

⁷ Там же, стр. 923.

часть добытого железа шла за пределы района в сыром или полуобработанном виде.

Так или иначе, но совершенно несомненно, что продукция района имела в значительной мере сбыт за его пределами. Таким образом, железнодобывающий и железообрабатывающий промыслы не только имели большое экономическое значение для внутреннего развития Вотской земли, — поскольку они вовлекали в эти занятия широкие слои крестьянства, — но, устанавливая хозяйственные связи с другими частями Новгородского государства, усиливали экономическое значение Вотской земли для Новгорода и их взаимные связи.

Говоря о большой развитости добычи железа и о значительной товарности его продукции, мы не должны забывать о связях этого промысла с сельским хозяйством. Действительно, насколько мы можем судить по данным писцовых книг, крестьяне, занимаясь добычей руды, выплавкой железа и его обработкой, не бросали своего земледельческого хозяйства. Писцовая книга чрезвычайно редко называет беспашенные дворы; с другой стороны, указывая на размер и состав владельческого дохода и оброка, она всегда перечисляет на ряду с крицами и прутами рожь, ячмень, баранов, полти мяса, масло и другие продукты сельского хозяйства. Если таково было положение владельцев домниц и домников, то еще большая связь с сельским хозяйством должна была существовать у землекопов, добывавших руду, у дровосеков и возчиков. Что касается чисто кузнечного промысла, то обработка железа, подобно его добыче, также была тесно связана с сельским хозяйством. Кузнецы в массе являлись одновременно и хлебопашцами. Однако в пределах Ямского и Копорского уездов мы нашли все же 7 кузнецов, у которых пашни не было; двое из этих кузнецов были своеземцами.

Вероятно, кузнецы также пользовались наемным трудом, но в небольших размерах. Возможно, что крестьянин Грихно ковач, живший в одном из сел Егорьевского-Радшинского погоста Ямского уезда,¹ был как раз наемным рабочим какого-либо кузнеца или владельца домницы, выпускавшей не только крицы, но и пруты.

Таким образом, в Вотской земле мы наблюдаем, что древний кузнечный промысел не только отделился в ряде случаев от сельского хозяйства, но, соединяя в себе первоначально все процессы от добычи руды до готового изделия, выделил к концу XV в. в особые промысла — добычу руды, выплавку железа, изготовление изделий из него или собственно кузнечное дело.

Все это свидетельствует о больших успехах процесса общественного разделения труда. При этом, однако, не следует забывать, что на ряду с прогрессивными формами продолжали существовать и более или менее архаичные и что связи с сельским хозяйством у людей, занятых на добыче и обработке железа, в массе не были порваны.

В заключение необходимо отметить, что уже в дореволюционной исторической литературе указывалось на «финские» имена многих крестьян, занимавшихся добычей и обработкой железа, и на концентрацию этих промыслов именно в тех местах, где по преимуществу жила водь и чудь.²

Обращаясь к рассмотрению других не земледельческих занятий населения Вотской земли, мы можем отметить, что в районе преимущественного развития промыслов по обработке льна мы встречаем деревню Бердниково; она находилась на реке Ковоше Дятелинского

¹ Там же, III, стр. 946.

² А. Никитский. Указ. соч., стр. 78.

погоста Копорского уезда.¹ Видимо, изготовление берд выделялось в особую специальность, создав профессию бердников. Последнее заслуживает внимания, особенно если мы вспомним, что писец не отметил ни одного ткача даже в районе, специализировавшемся на обработке льна. Очевидно, занятие льнообработкой сочеталось с хлебопашеством.

Подобно ткачеству повсеместно должна была быть распространена выделка овчин. В особый промысел она, однако, также не выделялась. По крайней мере, писцовая книга называет только двух овчинников: одного в Каргальском, другого в Никольском-Суйдовском погосте Копорского уезда. Оба овчинника были крестьянами, вели обычное хозяйство и сочетали работу по выделке овчин с хлебопашеством.² Можно отметить, что второй из них жил в очень большом селе, насчитывавшем по новому письму 49 дворов с 86 чел., что составляло 63 обжа; ключнику в составе его части дохода шло 63 овчины. Очевидно, специфические местные условия способствовали выделению выработки овчин в особую специальность одного из крестьян.

Состав владельческого дохода показывает, что стоящее в прямой связи с земледелием животноводство в Вотской земле было весьма развито. Вполне естественно поэтому, что писцовая книга отмечает целый ряд пастухов, называя, очевидно, лиц, занимавшихся этим делом постоянно. Пастухи, жившие в погостах, вели свое земледельческое хозяйство и были крестьянами. Исключение составляет только один пастух из Никольского-Толдожского погоста Ямского уезда, который был непашенным. Любопытно, что в Каргальском погосте находим еще одну профессию, связанную с животноводством: в деревне Фроловичи этого погоста в числе крестьянских дворов был двор «Пянтишки лекаря коневого».³

Гончарное дело является, как известно, одним из тех производств, которые раньше всего выделяются в ремесло. Поэтому несколько неожиданна скудость сведений писцовой книги в этом отношении. Писцовая книга указывает всего двух гончаров в г. Яме и одного в Никольском-Ястребинском погосте Копорского уезда.⁴ Последний был крестьянином и имел обычное хозяйство. Следует отметить, что в доходе, шедшем владельцу и ключнику, значились деньги и не было гончарных изделий. Очевидно, гончар свою продукцию продавал.

«Портные мастера», являвшиеся в городах ремесленниками, в деревнях вели крестьянское хозяйство. Они оставались крестьянами, портняжничество же являлось для них подсобным занятием. В различных погостах Копорского уезда писец назвал трех шведов; все они, по стандартной формуле писцовой книги, «сеяли хлеб» и «косили сено».⁵

Чисто крестьянскими промыслами являлось изготовление ведер и решет. Писец отмечает двух ведерников в Егорьевском-Радшинском и одного в Каргальском погостах Копорского уезда⁶ и по одному решетнику в Каргальском, Кипенском и Ястребинском-Никольском погостах того же уезда.⁷ Все ведерники и решетки сидели на пашне и платили обычный крестьянский оброк. То обстоятельство,

¹ НПК, III, стр. 628.

² Там же, стр. 519, 701.

³ Там же, стр. 516—517.

⁴ Там же, стр. 775.

⁵ Там же, стр. 562, 604, 761.

⁶ Там же, стр. 498, 554, 559.

⁷ Там же, стр. 536, 651, 778.

что их продукция совсем не значится в доходе их вотчинников; говорит о том, что ведерники и решетки работали на сбыт.

Наконец можно указать еще на одну профессию, связанную с удовлетворением культурных запросов населения — на скоморошество. Писец называет двух крестьян-скоморохов в сельце Домашове Радшинского погоста Копорского уезда, входившем в состав вотчины Богдана Норовова (в Домашове был «большой двор», т. е. двор вотчинника).¹

Несомненно, существование многих крестьянских промыслов и занятий было связано с работой на вотчинника и возникло и развилось из нужд боярского двора. На такую связь указывает наличие среди крестьян скорохода и пивоваров. Крестьянина-скорохода мы находим в селе Суйда Каргальского погоста, входившем в состав крупной вотчины. Село Карпик того же погоста, в котором жил один из крестьян-пивоваров, принадлежало очень крупному новгородскому землевладельцу Ивану Малому Никифорову; село Кумолово, где был двор второго крестьянина-пивовара, входило в состав вотчины тоже крупного землевладельца — Казимира. Во всех трех селах были «большие дворы», которые, очевидно, и обслуживали скороход и пивовары.²

Итак, неземледельческие промыслы, ремесла и занятия отличались большим разнообразием. К сожалению, мы лишены возможности судить о том, насколько широко эти промыслы были распространены. Совершенно ясно, однако, что те сведения, которые мы почерпнули из писцовой книги, далеко не отражают всей действительности, ибо писцовая книга во многих случаях ничего не говорит о занятиях даже горожан. Иначе говоря, промыслы, ремесла и занятия были распространены шире, чем это известно нам по данным писцовой книги.

В отношении этнического состава населения Вотской земли к концу новгородского периода некоторые данные можно почерпнуть из тех же писцовых книг, которые мы уже рассматривали. Названия деревень, рек, пустошей и т. д. во многих случаях указывают на вотское и чудское население. Совершенно очевидно, что всякие Сюрьи, Сари, Лахты, Кайкулы и т. п. были населены или, по крайней мере, основаны не славянским населением. Среди крестьян, как ни руссифицированы в писцовой книге их имена, все же довольно часто встречаются вовсе не славянские Игандуевы, Тойваловы, Вякаловы, Игалины, Кюллятевы и т. п. Наконец, в ряде случаев писец и прямо указывает на этническую принадлежность крестьян, называя их корелянами, ижорянами, чудинцами и т. д.

Насколько можно, однако, судить, однородного этнически населения в Вотской земле не было. Утрата многими крестьянами оседлости, его переселения, вызванные тяжестью феодальной эксплуатации и предпринятые в поисках лучшей доли, привели к смешиванию крестьянского населения. Некоторое представление о характере движения крестьянского населения мы получим, если сопоставим встречающиеся в писцовых книгах этнические и географические прозвища крестьян с местом их жительства. Иногда мы встречаем крестьян относительно недалеко от места их первоначальной оседлости. Так, например, писцовая книга называет среди крестьян Ямского околородья Лембика Толжанина, очевидно происходящего из расположенного несколько севернее Никольского-Толдожского погоста.³

¹ Там же, стр. 556.

² Там же, стр. 702, 507, 497.

³ Там же, стр. 890.

Встречаются крестьяне, переселившиеся и на более значительные расстояния. Так, в Каргальском погосте Копорского уезда в деревнях, принадлежавших некогда новгородцам Климентьевым, сидели крестьяне Олекса ижорянин и Царко ижорянин. Между тем, Каргальский погост был расположен на территории расселения чуди. Вотчина Климентьевых вообще служит наглядным примером того, как крестьянские переходы вели к смешению этнических элементов. Непосредственно вслед за сельцом, в котором мы нашли ижорян Олексу и Царку, писцовая книга описывает «сельцо Вотской Конец» и называет среди крестьян его Ивашку Чюдина. Другие жители этого сельца носят как русифицированные, так и чисто русские имена и прозвища.¹ В том же Каргальском погосте можно указать еще ряд ижорцев — таковы «ижеряне» Ивашко, Остакно, Игнатко, Ригуй.²

Все это пестрое крестьянское население жило в многочисленных боярщинах и волостках, принадлежавших новгородским землевладельцам. Писцовая книга не содержит указаний на существование в конце XV в. крупного чудского или вотского землевладения. По видимому, оно было к этому времени поглощено новгородским. Анализируя данные «старого письма», мы получаем следующую картину землевладения в Вотской земле.

Владельцы земель	Копорский у.			Ямской у.			В с е г о		
	Дво-ры	Люди	Об-жи	Дво-ры	Люди	Об-жи	Дво-ры	Люди	Об-жи
Бояре, житьи люди, купцы	2967	3641	3246	593	692	599	3560	4333	3845
Своеземцы	111	142	134	—	—	—	111	142	134
Городские люди, ямляне	—	—	—	153	178	149	153	178	149
Наместник	—	—	—	14	14	14	14	14	14
Владыка	45	60	48	—	—	—	45	60	48
Монастыри	455	585	520	50	66	51	505	651	571
Попы и дьяконы	2	2	2	12	17	15	14	19	17
Земли разных катего- рий владельцев, пока- занные суммарно	203	239	231	16	18	18	219	257	249
Всего	3783	4669	4181	838	985	846	4621	5654	5027
Кроме того у бояр, житьих людей и куп- цов в дворцовых во- лостях	Не указано		607	173	226	145	—	—	752
Итого	—	—	4788	1011	1211	991	—	—	5779

Таким образом, из общего количества 5779 обж за светскими владельцами (бояре, житьи люди, купцы, своеземцы, городские люди, ямляне) находилось 4880 обж или 84%, и за монастырями — 571 обжа или 10%; на долю прочих категорий землевладения и на не распределенные по категориям земли приходилось едва 6%.

Как мы видим, основная масса земель находилась в руках светских владельцев. Для ответа на вопрос, какой характер имело это землевладение — обратимся к следующей таблице:

¹ НПК, III, стр. 520.

² Там же, стр. 550.

Характер владения	Копор-		Кроме того в дворцо- вых воло- стях	Всего	%
	ский у.	Ямской у.			
У владельцев, имевших до 10 обж	261	17	5	283	5.2
У владельцев, имевших от 11 до 50 обж.	828	86	10	924	17.0
У владельцев, имевших свыше 50 обж	1056	289	1190	2535	46.7
Земли, показанные суммарно .	1101	207	382	1690	31.1
В с е г о	3246	599	1587	5432	100

Таким образом, в Вотской земле было явно выраженное господство крупного землевладения. Что ему противостояло, т. е. какой характер имело мелкое землевладение, можно видеть на примере ямлян. На одного владельца-ямлянина в среднем приходилось 0,5 обжи владения.

* *
*

После того как мы рассмотрели историю Вотской земли, попытаемся обозреть вкратце основные ее моменты. Несомненно, водь принадлежала к числу тех племен, из объединения которых сложилось Новгородское государство. К XI в. она испытала уже сильнейшее культурное воздействие со стороны славянства, так что памятники собственно вотской культуры сохранились только на морском побережье. Увеличение на территории води числа славянских поселений и торговые сношения с Новгородом, усилившие проникновение к води новгородской культуры и власти и совпавшие с развертыванием феодальных отношений, вызвали реакцию со стороны води, выразившуюся в поддержке противника Новгорода — князя Всеслава. Однако это было единственное известное нам выступление води как таковой против Новгорода. Надвигавшаяся со второй половины XII в. с Запада страшная угроза разорения и порабощения была причиной устойчивой политической ориентации води на Новгород. Повидимому, ко второй половине XII в. Вотскую землю можно считать уже сложившейся и смешанное население ее до известной степени единым.

Ряд мероприятий, последовательно проводимых немцами и шведами при поддержке пап и направленных к покорению води, ижоры и карелов, привели к борьбе Новгорода с немцами и шведами. В 1240 и 1242 гг. Александр Невский в Невской битве и в Ледовом побоище нанес сокрушительный удар немецко-шведской агрессии. Борьба с немцами и шведами, возглавленная Александром Невским, осложнялась обострением классовой борьбы и предательством феодальной верхушки в Пскове и Вотской земле. В XIII в. Вотская земля в составе Новгородского государства является прочно спаянной частью, обладающей, однако, и известной свободой действий: в Копорье, например, находит прибежище ряд лиц, бежавших из Новгорода. Особое положение в Новгородском государстве Вотской земли, имевшей свое управление, свою военную организацию и обладавшей известной долей независимости по отношению к Новгороду, ставило ее, или точнее ее центр — Копорье, в положение новгородского пригорода.

Вотская земля являлась форпостом обороны Новгородского государства не только с запада, но и с северо-запада, поскольку после Ледового побоища роль преимущественного организатора крестовых походов переходит к Швеции. Ход исторических событий показал, что

в населении Вотской земли вообще и в воде, в частности, Новгород имел надежного защитника своих границ. Бывали случаи, когда нападение врага ликвидировалось даже без помощи Новгорода, одними местными силами. Печальная участь покоренной немцами чуди была перед глазами вотского крестьянского населения, что обеспечивало новгородцам верного союзника в их борьбе с немцами и шведами. Наоборот, верхи вотского общества были менее устойчивы. По всей вероятности, измена их являлась следствием групповой борьбы в среде господствовавшего класса. Мы знаем о проникновении в Вотскую землю крупного новгородского землевладения, которое несомненно теснило местных вотчинников. Могло сказаться здесь и обострение классовой борьбы, так как конец XIII — начало XIV вв. является переходным моментом в местной экономике. Именно в это время появляются города в Вотской, Ижорской и Карельской землях, следовательно, оформляются местные рынки. Иначе говоря, развитие производительных сил сделало шаг вперед, и феодальная эксплуатация в связи с этим должна была изменить свои формы.

Чрезвычайно важное оборонительное значение Вотской земли и ее центра Копорья было причиной включения последнего в число городов, отданных в кормление Наримонту и его преемникам. В конце XIV в. Вотская земля получает второй город — крепость Яму, которая оказывается вместе с тем и хозяйственным центром, более сильным, чем старое Копорье.

К концу новгородского периода вотская феодальная верхушка, видимо, ассимилировалась с новгородской; во всяком случае, Вотская земля этого времени является областью, в которой господствует крупное новгородское землевладение. Многочисленные здесь боярщины и волостки были населены смешанным крестьянским населением, среди которого жила и водь. То же вотское, а отчасти и чудское крестьянское население занималось железодобывающим и железообрабатывающим промыслами, достигшими широкого развития и относительно высокой товарности. Продукция промыслов, особенно кузнечного, рассчитанная на широкий крестьянский спрос, находила сбыт за пределами Вотской земли и являлась одной из важнейших связей, экономически срачивавших Вотскую землю с Новгородским государством в целом. При высоком уровне развития железодобывающих и железообрабатывающих промыслов занимавшиеся ими крестьяне не бросали своего крестьянского хозяйства. Эта связь промыслов с земледелием еще сильнее выражена в разнообразных ремеслах и занятиях, существовавших среди крестьян Вотской земли и имевших дело по преимуществу с обработкой продукции сельского хозяйства.

Такова была Вотская земля во времена падения новгородской независимости. Уже к этому времени она была разделена на уезды, и упоминание Вотской земли в договорной грамоте Новгорода с польским королем Казимиром IV. (1470—1471 гг.) едва ли не являлось архаизмом.

II

Судьба Ижорской земли, расположенной вдоль левого берега р. Невы, имеет много черт, сближающих ее с судьбой Вотской земли. Ижора, подобно воде, видимо, принадлежала к числу племен, из объединения которых образовалось Новгородское государство. Не известно, когда установились даннические отношения ижоры к сидящему в Новгороде князю; равным образом не известно и ни одного случая столкновения ижорцев с новгородцами. И то и другое

указывает на возникновение связей между ними в весьма древние времена. Во всяком случае, несомненно то, что с возвышением Ладоги Ижорская земля оказалась подвластной сидящему в Ладоге князю, или ярлу. В качестве примера можно назвать ярла Рагнвальда, родственника Ингигерды — жены Ярослава, управлявшего Альдейгаборгом и всей прилегающей к последнему округой, в которую входила и Ижорская земля — брачный подарок Ингигерде. Поскольку связь Ладоги с Новгородом появляется вскоре после возникновения последнего, тем самым устанавливается прочная и неизменная связь ижоры с Новгородом.

Не могли не сблизить с Новгородом ижору и общие опасности. Живя по берегам Невы, ижора первая подвергалась ударам со стороны врагов Новгорода, пытавшихся воспользоваться невским путем для вторжения в новгородские пределы. С другой стороны, Новгород являлся естественным и сильным помощником ижоры в ее борьбе с врагами, так как он жизненно был заинтересован в обороне района р. Невы. Если мы просмотрим летописи, то увидим длинный ряд набегов, походов и войн, во время которых вражеские отряды проплывали по Неве; во многих случаях летописец не говорит при этом ничего об ижоре, но, несомненно, такие набеги и походы не могли не затрагивать население, жившее по берегам Невы. Так, мы знаем, например, что в 1142 г. емь напала на Новгородскую область и была разбита ладожанами. На основании последнего указания можно догадываться, что местом действия были окрестности Ладожского озера; если это и не была территория Ижорской земли, то все же емь в Ладожское озеро проникла по Неве и, конечно, попутно грабила ижору.¹ Точно так же ижора должна была пострадать и в 1164 г., когда шведы в 55 шнеках приплыли к Ладоге и сделали попытку ее осадить.

В дальнейшем мы находим уже и прямое упоминание ижоры. Первый актовый материал, в котором встречаем название «Ингрия», относится к XII в. Это та самая булла папы Александра III 1164—1181 гг., о которой мы говорили, рассматривая историю води. Очевидно, ко второй половине XII в. Ингрия сложилась в более или менее определенный по территории и населению край, образовав Ижорскую землю. В начале XIII в. Ижорская земля была цветущим земледельческим краем. Прямые указания на цветущее состояние Ижорской земли и на бесспорную принадлежность ее к Новгородскому государству, не вызывавшую сомнений даже у политических врагов Новгорода, содержатся в Ливонской хронике Генриха Латвийского, который рассказывает о вторжении в 1221 г. рыцарей в «Ингарию». Рыцари произвели в Ижорской земле страшное опустошение и награбили в ней богатейшую добычу. «Унганийцы же в середине зимы выступили с войском в поход по глубокому снегу и, миновав Вирляндию, перешли Нарову, разграбили соседнюю область, захватили пленных и добычу. Когда они вернулись, тем же путем отправились жители Саккалы, перешли Нарову и сделали далекий поход в землю, называемую Ингардия, относящуюся к Новгородскому королевству. Так как никакие известия их не опередили, они нашли эту область полной народу и нанесли ингарам тяжкий удар, перебили много мужчин, увели массу пленных обою полу, множество овец, быков и разного скота не могли захватить с собой и истребили».² Как мы видим, сам Генрих объясняет успех нападавших внезапностью вторжения.

Имеются указания, что Ижорская земля в XIII в. имела свою

¹ Новг. лет. по Синод. харт. сп., стр. 134.

² Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, стр. 222, М.—Л., 1938.

особую организацию так же, как и свой особый суд. В весьма любопытном проекте договора Новгорода с немецкими купцами, относимом к периоду между 1209 и 1270 гг., один из пунктов гласит, что преступление, совершенное в Ингрии, подлежит суду Ижорского ольдермана; если же он не явится в течение двух дней, то преступника наказывают ольдерманы немецких купцов.¹ Обособленность в судебном отношении Ижорская земля сохранила вплоть до конца независимого существования Новгорода. Еще в договорной грамоте с польским королем Казимиром IV (1470—1471 гг.) Новгород оговаривает: «имати [королю] за проезжий суд... с Ижеры два рубля».

Что касается военной организации Ижорской земли в XIII в., то особенно ясно она выступает в известном литературном произведении той эпохи — полужитии-полуповести об Александре Невском, — вошедшем в состав многих летописных сводов. Рассказывая о событиях 1240 г., автор повести говорит: «бе некто муж старейшина в земли Ижерьской, именовъ Пелгусий, поручена же бе ему стража морьская и въсприят же святое крещение, и живяше посреде роду своего погана суца, и наречено бысть имя его в святом крещении Филип...»² В Пелгусии мы видим представителя местной ижорской знати, образовавшейся в процессе разложения земельной сельской общины и появления частной собственности на землю.

Если мы обратимся к писцовым книгам и просмотрим описание погостов, расположенных вблизи устья р. Невы, то окажется, что еще в конце XV в. в Дудоровском и в Воздвиженском-Корбосельском погостах Ореховского уезда существовало несколько деревень, носящих название Пелгуевых или Пелкуевых.³ Можно видеть в этих деревнях остатки земельных владений Пелгусия, и более того — владений исконных, а не полученных от новгородцев, поскольку Пелгусий крестился и получил имя Филиппа. Следует отметить, что среди крестьян в писцовых книгах имени Пелгуй или близкого к нему по созвучию не встречается. Подобно многим вотчинникам Вотской, Ижорской и Карельской земель, генетически связанным с местными племенами предшествующей эпохи, Пелгусий, крестившись, принял господствующую в Новгородском государстве религию. Вместе с тем он жил «посреде роду своего погана». Термин «род» в данном случае употреблен в смысле племени или, точнее, народности, так как о родовом обществе в это время говорить не приходится. Предположить же, что речь идет о семье, также невозможно; во-первых, семья не могла оставаться в язычестве, если глава ее принял христианство, а, во-вторых, нести охрану морских границ Новгородского государства, хотя бы только в пределах «Котлина озера», было не под силу одной семье. Несомненно, Пелгусий жил среди пребывающих в язычестве и зависящих от него единоплеменников. То обстоятельство, что охрана морских границ в таком исключительно важном пункте, как устье Невы было доверено Новгородом ижоре, во главе с Пелгусием, показывает не только то, что здесь была своя военная организация, но и то, что на ижору можно было положиться, что Новгород не опасался измены. Напомним, что устье Невы на протяжении многих веков было объектом напряженнейшей борьбы, ибо обладало совершенно исключительным в стратегическом отношении значением.

Действительно, старые хозяйственные, политические и культурные связи являлись прочной спайкой между Ижорой и Новгородом.

¹ И. Андреевский. О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 г., стр. 23, прим. 80, СПб., 1855.

² Новг. лет. по Синод. харг. сп., стр. 255.

³ Вр. 44, стр. 318, 221.

Достаточно напомнить хотя бы то, что обслуживание и охрана речных, а частично и морских перевозок, связанных с торговлей Новгорода с Западом, находились в руках жителей района, тяготевшего к Неве; именно поэтому, немецкие купцы добивались права непосредственных сношений с ольдерманом Ижорской земли. Такое обслуживание перевозок возникло очень рано. Уже варяги должны были привлекать местное население при перевозке своих товаров или награбленной добычи.¹ Что же касается XIII в. и более позднего времени, то торговые договоры Новгорода с Ганзой и Готландом содержат в этом отношении ряд ценных указаний. Так, мирный и торговый договор Новгорода с Ганзой и Готландом 1257—1259 гг. гарантирует иноземным гостям безопасность плавания от Котлина до Новгорода.² В договоре 1270 г. прямо указана ответственность Новгорода за безопасность перевозок: «должны ответствовать летнему гостю князь с новгородцами, а гости зимние должны приезжать с порукою князя, посадника и всех новгородцев... и должны брать, согласно с прежним миром, новгородского пристава и новгородских купцов». Заканчивается этот пункт несколько неясной фразой, которую, как указывает переводчик и комментатор договора И. Андреевский, можно понимать в том смысле, что немцы платили новгородцам, если последние сопровождали их не по обязанности, а по найму.³ О конвоировании иноземных купцов говорит и грамота 1294—1303 гг.: «оже будет нечист путь в речках, князь велит своим мужем проводить сии гость...»⁴ Надо полагать, что Пелгусий и был одним из таких «мужей». Точно известно, что иноземные «гости» пользовались также услугами местных лодманов. Кроме того, сложный фарватер и пороги на реках, шхеры в море, заставлявшие нанимать лодманов, делали необходимой перевозку товаров по Неве и Волхову на особых судах, которые фрахтовались у того же местного населения.

Договор 1270 г. и проект договора 1209—1270 гг. содержат как раз установление порядка найма и условий оплаты труда лодманов и лодочников, а также фрахта судов. Не вдаваясь в подробное рассмотрение этих условий, отметим, что лодочники или, вернее, судовладельцы, имели свою организацию, с которой и сносились купцы. Лодманы также имели организацию, которая была связана с организацией судовладельцев. Не регулируя размера фрахта, договор устанавливает норму прокорма судовых команд: лодочник, «нанятый на проезд по Неве вниз и опять вверх, должен на харч получить пять марок кун, или один окорок...»⁵ По проекту договора, ладьи, бравшиеся перевозить товары гостей в Новгород, оплачивались в зависимости от того, где происходила перегрузка; в частности ладьи, встречавшиеся с иноземными кораблями на Неве, получали каждая установленную плату и окорок ветчины или вместо него по пяти гривен кун.⁶ Пункт договора, обязывающий лодманов брать с купцов «то, что брали издавна, но не более», указывает на возникновение лодманского и судового промысла в Ижорской земле задолго до составления договора. На то же указывает установление на ряду с денежным выражением и натурального эквивалента харчей. Очевидно, обязательства в этой области возникли не только в период гос-

¹ Е. Рыдзевская. К варяжскому вопросу. Изв. Ак. Наук СССР. Отд. Общ. наук, № 7, 1934 г., стр. 497.

² К. Напьерский. Указ. соч., № 1а.

³ И. Андреевский. О договоре Новгорода..., стр. 22.

⁴ ДАИ, I, № 6, стр. 8.

⁵ И. Андреевский. О договоре Новгорода..., стр. 24, п. VI

⁶ Там же, стр. 24—25, прим. 84.

подства натуральных отношений вообще, но, быть может, именно на стадии меновой торговли.

Возвратимся, однако, к рассмотрению военной организации Ижорской земли. Первое упоминание русских летописей об Ижоре показывает ее именно со стороны военного значения для Новгорода. В 1228 г. «придоша Емь воевать в Ладозьское озеро». Ладожский посадник с ладожанами, не дожидаясь новгородцев, настиг емь, грабившую берега озера и Олонец. Емь просила мира; не добившись его, отряды еми ночью перебили пленников и, порубив лодки, бросились бежать. Новгородцы, постояв несколько дней на Неве, возвратились в Новгород, повидимому, считая, что для дальнейших действий достаточно местных сил. И, действительно, бежавшие отряды еми были разбиты ижорой, а уцелевшие после этой битвы беглецы уничтожены каредами: «последь же оставшеся ижеряне устретоша их бегающе, и ту их избиша много, а прок их разбежеся, куды кто видя; нъ тех корела, кде обидуче в лесе ли [или на ниве, или в вежах] выводяче избиша: бе бо их пришло творяху 2000 или боле, бог вестъ [мало же их в свою землю убежа], а то все мертво».¹

Чрезвычайно важная роль выпала на долю ижоры в войне 1240—1242 гг. с немецко-шведской коалицией. В соответствии с планом нападения на Новгородское государство многочисленное шведское войско приплыло на Неву и готовилось нанести решительный удар Новгороду, завладев Ладогой: «сбра вой множество, силу велику зело, Свея с князем и с пискупы своими и Мурмане и Сумь и Емь, и тако наполни корабля многы полков своих, и подвижеся в силе велице, пыхая духом ратным и прииде в рику Неву и ста усть Ижеры, шатаяся безумием своим, хотяще въсприяти Ладогу тако же и Новъгород и всю область Новгородчкую». Шведское войско застало Новгород неподготовленным, и шведы не ожидали серьезного сопротивления.

Однако Александр решил произвести наличными силами быстрый и внезапный удар, эффект которого существенно зависел от хорошей разведывательной службы и умения скрытно провести подготовительные мероприятия, чтобы враг до последнего момента не заметил приближения войск. Александр, читаем мы в «Повести» «иде на них в мале дружине, не дождавъся с многою силою своею». Он не имел времени дожидаться не только помощи от отца, но даже сбора всей своей дружины; по той же причине не успело полностью собраться и новгородское ополчение — «тем же мнози Новгородци не совокупилеся бяху, понеже ускори князь поити». Благодаря Пелгусию и ижорянам Александр смог нанести удар не только быстро, но и внезапно. Пелгусий, «увидав силу ратных, иде против князя Александра, да скажет ему станы: обрете бо их. Стоящу же ему при край моря стерегущу обои пути, и пребыть въсю ночь в бдении...» Иначе говоря, Пелгусий разведаль расположение противника и донес Александру; кроме того, он вел наблюдение за подступами к шведскому лагерю («стерегущу обои пути»). Это дало возможность разработать план нападения и отрезать путь поступлению к шведам сведений о новгородцах и их приготовлениях. Насколько существенно было соблюдение тайны готовящегося нападения, видно из того, что когда Пелгусий, кроме указанных выше сведений, рассказал Александру о своем видении, «князь же отвеца ему: «сего не рци никому». Если считать, что это запрещение касалось только видения, то оно будет непонятно, так как видение носило благоприятный для

¹ Новг. лет. по Синод. харт. сп., стр. 225.

новгородцев характер, и распространение сведений о нем могло иметь положительное значение для моральной подготовки войска. Войне был придан религиозный смысл, так как она проводилась шведами под видом борьбы католичества с православием и язычеством. В войске шведов находились епископы, собиравшиеся обращать в католичество и новгородцев, и ижору, и другие народности. Поэтому запрещение имело смысл, если касалось всех сведений, сообщенных Пелгусием Александру, тем более, что, вероятно, все сведения («яко же виде и слыша») Пелгусий «исповеда ему (Александру) единому».

Дальнейший рассказ показывает, что внезапность нападения была обеспечена в полной мере. Пользуясь проводником из местного ижорского населения, новгородское войско, конное и пешее, незаметно подошло к шведам и неожиданно напало на лагерь. Произошла известная битва, принесшая Александру прозвание Невского. Со слов самого Александра и других участников битвы, автор повести передает ряд подвигов, совершенных дружинниками Александра и новгородцами: «Си же вся слышах от господина своего Александра и от иных, иже в то время обретошяся в той сечи», — читаем мы в «Повести».

О чем же рассказывали участники боя? Один из дружинников Гаврила Олексич, преследуя «королевича» (вероятно, сына Биргера), которого уводили под руки, въехал на коне на корабельные сходни. Будучи сброшен с конем в воду, однако, «изиде неврежен», вновь бросился в битву «и бися крепко с самым воеводою посреде полку их». Здесь же были убиты шведский воевода «Спиридон» и епископ. Новгородец Сбыслов Якунович проявил необыкновенную силу и храбрость, пользуясь в бою одним топором. Отличился также княжеский ловчий Яков Полочанин. Про Сбыслова и Якова в тексте «Повести» сказано, что они еражались «наихав... на полк». Очевидно, в соответствии с выработанным планом конная дружина князя и конные новгородцы ударили в центр расположения шведов, где находилось их высшее командование. Задачей конницы было, повидимому, подавить успешную построиться в боевой порядок часть противника и уничтожить возможность организации сопротивления. Как известно, Александр сам ранил Биргера, а некий Савва, «наихав шатор великий и златоверхый подсече столп шатерный, и полчи Александрове видеша падение шатра и возрадовашяся». Высокий разукрашенный шатер был виден отовсюду; низвержение его показывало, что сопротивление шведов сломлено, что штаб их либо бежал, либо взят в плен, либо уничтожен.

В это же время пешее новгородское ополчение отрезало отступление к кораблям — «новгородец именем Миша... песь с дружиною своею наскочи, погуби три корабли». В пешем же строю погиб слуга князя Ратмир.

Невская битва, окончившаяся блестящей победой Александра и новгородцев, имела огромное значение, выходящее далеко за пределы Новгородского государства. Она свидетельствовала о возможности борьбы со вторжением могущественного врага как раз в то время, когда восточная Русь испытывала бедствия монголо-татарского нашествия. В битве большую роль сыграли, конечно, личные качества Александра, в частности его талант полководца. Но в основном победу обеспечило широкое участие народных масс Новгородского государства, боровшихся за свою независимость. Не случайно, что в «Повести», являющейся биографией Александра и прославляющей его, отмечены не только подвиги его или его дружины, но и новгородцев, происходящих, как Савва, из социальных низов («от

молодых его некто»). О тех же низах говорится в пояснении, сделанном автором «Повести» к имени одного из убитых новгородцев — «сын кожевника».

Кроме собственно новгородцев, в битве принимали участие ладожане; победе способствовало и местное ижорское население. Можно догадываться, что оно приняло участие и в самом сражении. «Егда победи корабли, — читаем мы в «Повести», — об он пол реки Ижеры идеже не бе проходно полку Александру, zde же обретошася много множество избитых...», т. е. после победы было обнаружено большее количество убитых шведов и на том берегу реки Ижоры, который был недоступен для войск Александра. Автор «Повести» наивно объясняет, что эта часть шведов погибла «от ангел божиих». Единственно возможным объяснением может быть нападение на эту часть шведов и истребление ее ижорой. Кроме Александра, могли знать о расположении шведского стана и подступах к нему, готовящемся нападении, а возможно и самом плане нападения только Пелгусий и ижора, которая несла разведывательную и сторожевую службу и в земле которой происходили все эти события.¹

В следующем, 1241 г. ижорское ополчение в составе новгородских войск участвовало во взятии Копорья и освобождении от немцев Вотской земли.² Ижорское ополчение упоминается также летописцем под 1270 г. во время распри Новгорода с князем Ярославом. Тогда же и там же было и вотское ополчение, о чем мы имели уже случай говорить. Как мы уже отмечали, выражение «от мала и до велика» вовсе не предполагает участие детей, а означает поголовный поход всего боеспособного населения, что и дает нам основание говорить об ополчении, в частности — ополчении Ижорской земли.

В конце века Ижорская земля делается снова театром военных действий. В 1283 г. шведы приплыли в Ладожское озеро и избili обонежских купцов, вследствие чего «идоша ладожане в Неву и бипшася с ними».³ В следующем, 1284 г. шведы с воеводою Трундой «в лойвах и в шнеках внидоша Невую в Ладоское озеро». Опять-таки новгородцы и ладожане «ехавше стапа на усть Невы и дождавше избипша их».⁴ Через несколько лет шведы повторяют нападение, но Ижора на этот раз отражает его собственными силами. Под 1292 г. читаем в летописи: «приходиша свея воевать, 800 их: 400 иде на Корелу, а 400 на Ижеру; избипша их Ижера, а Корела избип своих, а иных рукама изимаша».⁵ Любопытно, что в одной из летописей рассказ о данном эпизоде изложен в несколько иной редакции, а именно: «приходиша немци свейские 800 их, воевати Новгородских волостей...» и т. д.⁶; в сознании летописца действия ижоры преломляются не только как акт самозащиты, но и как акт обороны Новгородского государства. Так оно и было на самом деле, ибо к концу XIII в. экономические и культурные связи Ижорской земли сделали ее органической, неотделимой частью Новгородского государства.

Относящийся к этой эпохе Ижорский могильник (в г. Красногвардейске) позволяет установить, что в социально-экономическом отношении ижорское население данного района в это время ничем не отличалось от крестьян соседних территорий Новгородского государ-

¹ Новг. лет. по Синод. харт. сп., стр. 252—257; ПСРЛ, V, стр. 177—179.

² Новг. лет. по Синод. харт., стр. 259.

³ Там же, стр. 300.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 302.

⁶ Соф. 1-я, ПСРЛ, V, стр. 201.

ства. Обзор найденных предметов показывает, что они по своим формам схожи с предметами, широко распространенными в ту эпоху в западной части Новгородского государства, и, следовательно, свидетельствуют о культурном единстве ижорского населения с новгородским. Любопытное указание на экономические связи дают часто встречавшиеся витые браслеты из медной проволоки; для Ижорской земли центром изготовления медной проволоки, а отчасти и самих браслетов, был г. Новгород.¹

Насколько далеко продвинулось к этому времени экономическое развитие Ижорской земли, мы можем судить по тому, что в начале XIV в., как мы знаем, Ижорская земля получила свой городской центр — г. Орехов.

Успехи, достигнутые Ижорской землей в хозяйственном развитии, тем значительнее, что именно в конце XIII — начале XIV вв. она подвергается новым тяжелым ударам со стороны Швеции. В XII в. Финляндия была завоевана шведами. В 1156 г. король Эрик Святой предпринял поход и основал в устье реки Аурайоки замок Або. Одновременно начались борьба с язычеством и насаждение католицизма. Эти события были важным этапом в овладении шведами Финляндией и привели очень скоро к многовековой борьбе шведов с русскими за обладание Карелией, Ижорской и даже Вотской землями. Мы уже имели случай отметить несколько эпизодов из борьбы шведов с новгородцами за обладание торговыми путями в восточной части Финского залива и в Ладожском озере. В 1293 г. шведы предпринимают важный шаг — они основывают Выборг. В следующем же году новгородцы осадили новый замок, но из-за недостатка сил не имели успеха. Основание Выборга дало шведам базу для энергичных действий против западной Карелии; они обращают в католицизм часть карелов, и вскоре в районе Выборга в их руках оказывается 14 приходов. Двигаясь дальше, шведы дошли до Ладожского озера и захватили в 1295 г. Кекегольм или г. Карелу; однако, новгородцы вскоре отбили этот город.

Тогда шведы предприняли решительную попытку укрепиться на берегах Невы. В 1300 г., по рассказу новгородского летописца, «придоша из Замория Свеи в силе велице в Неву, приведоша из своей земли мастера, из великого Рима от папы мастер приведоша нарочит, поставиша город над Невую, на усть Охты реки, и утвердиша твердостью несказанною, поставиша в нем пороки, похвалившеся оканьнии нарекоша его Венець земли; бе бо с ними наместник королев, именем Маскалка; и посадивше в нем мужи нарочитыи с воеводою Стенем и отидоша». Кончает летописец фразой: «князю великому тогда не будущю в Новгороде», поясняя, очевидно, причины бездеятельности новгородцев. Только в следующем году новгородцы напали на новую шведскую крепость и разрушили ее. «Приде князь великий Андрей с полку низовьскими, и иде с Новгородци к городу тому. И приступиша к городу месяца мая 18... град взят бысть, овых избиша и исекоша, а иных извязавше поведоша с города, а град запалиша и разгребоша...». В этом рассказе особый интерес представляет заключение: «А князю великому Андрею умножи, господи, много лет, с своими мужи с Новгородци и с Ладожаны». ² Отсюда видно, что летописец был современником описываемых событий — он желает многия лета участникам взятия Ландскроны. Кроме того обращает на себя внимание тот факт, что из состава новгородских «волостей» упомянуты только «Ладожаны».

¹ В. Р а в д о н и к а с. Ижорский могильник в г. Красногвардейске (б. Гатчина). Изв. ГАИМК, № 11—12, 1932 г., стр. 26—29.

² Новг. лет. по Синод. харт. сп., стр. 307—308.

Постройка и разрушение Ландскроны описаны и в шведских хрониках. В основном описание совпадает с показанием Новгородского летописца, но, будучи более обширным, дает некоторые интересные подробности. Прежде всего, мы узнаем, что поход с целью основания Ландскроны был задуман и предпринят очень широко. Во главе его стоял Торкель Кнутсон. Войско плыло на 1100 (по другому источнику — на 1200) судах, в изобилии снабженных съестными припасами и военным имуществом. Весьма существенно указание на мотивы, которыми руководствовались при выборе местности. С одной стороны, это должен был быть «венец земли», т. е. Ландскрона по своему положению должна была закреплять захват шведами Финляндии и западной Карелии. С другой стороны, при выборе места было обращено внимание на то, чтобы река здесь имела значительную глубину, позволяющую судам становиться вплотную у самого берега, «борт к борту и корма к корме», и быть при этом укрытыми от бурь. Таким образом, явнс учитывались интересы торгового мореплавания.

Основывая Ландскрону, шведы имели в виду не только захват важного стратегического пункта и создание укрепленной базы для господства над прилегающей территорией, но также и устройство торгового порта. Другая интересная подробность, сообщаемая шведским хронистом, заключается в описании диверсионной деятельности шведских отрядов во время постройки крепости. Из шведских источников видно, что новгородцы не были столь бездеятельны, как это можно было бы заключить из рассказа новгородского летописца. Новгородцы, по шведскому источнику, узнав о прибытии шведского флота, стали накапливать силы на одном из островов Ладожского озера. Шведы выслали сюда отряд в 800 человек на судах. Этот отряд, как говорит хронист, вследствие бури на озере, оказался у берегов Карелии; здесь отряд высадился и принялся жечь деревни, грабить и убивать население. Шведы занимались грабежом и разбоем пять дней, а затем, когда припасы стали приходить к концу, поплыли обратно. На острове Ореховце они соединились с другим отрядом и поплыли к главному войску. Сторожевой отряд, оставленный на острове Ореховце, увидев приближающуюся русскую флотилию больших размеров, побежал вниз по реке.

Затем хронист довольно подробно описывает военные действия под самой Ландскроной. Прежде всего русские, преследовавшие бежавших шведов, сделали высокие плоты из сухого дерева, зажгли их и пустили по течению, надеясь поджечь флот, стоявший у крепости. Шведы, однако, успели перехватить горящие плоты протянутыми через реку цепями. По словам хрониста, 31 тыс. русских высадилась на берег и пошла на приступ крепости, которая к этому времени имела стены и 8 башен с бойницами; обращенная к полю сторона крепости была, кроме того, усилена глубоким рвом. Именно в южной оконечности рва штурмующие достигли наибольших успехов и, подсаживая друг друга, уже взбирались на стену. Штурм все же был отбит, и сражение продолжалось затем на открытом поле. К вечеру русские отступили в лес и засели за крепкими завалами, расположенными в виду крепости. На утро русские ушли. Шведы окончили постройку Ландскроны, оставили в ней гарнизон в 300 человек и поплыли в обратный путь. Однако в устье Невы встречный ветер задержал флот. Этого было достаточно, чтобы рыцари высадилась на берег и принялись опустошать прилежащие части Ижорской земли, сжигая поселения и убивая мирных жителей.

Оставшийся в Ландскроне гарнизон очень скоро стал терпеть большие бедствия. От сырости гнили припасы, болели и умирали

люди. Особенно свирепствовала цынга. Весною явилось многочисленное войско новгородцев, к которым присоединились карелы. Сначала войско скрывалось в засаде, а мимо крепости прошел отряд рабочих, которые в устье Невы стали забивать сваи. Хронист полагает, что они делали вид, будто хотят перегородить реку, и что предпринято это было с целью выманить шведов из крепости. Небольшой отряд шведов вышел на разведку, но быстро вернулся в крепость. Вслед за этим началась осада. Новгородцы день и ночь штурмовали крепость, сменяя утомленные отряды свежими и не давая осажденным передышки. Начался пожар. Ландскрона была взята. Продолжал обороняться лишь небольшой отряд гарнизона, засевший в одном из подвалов: наконец и он сдался, выговорив себе жизнь. Взяв Ландскрону, новгородцы разрушили ее до основания. Так кончилась попытка шведов утвердиться в Ижорской земле.¹

Из подробностей, сообщаемых шведскими источниками, прежде всего видно, что Ландскрона была построена в совершенно чужом, не освоенном шведами крае, среди враждебного населения. Гарнизон ее должен был довольствоваться запасами, привезенными при постройке крепости, и не мог, несмотря на испытываемые бедствия, даже вооруженной силой пополнить свое продовольствие в близлежащих частях Ижорской земли и Карелии. Враждебность ижорского населения была так велика, что засевшие в Ландскроне шведы, даже после того как Новгородское войско удалилось, находились как бы в непрерывной осаде. В течение всей зимы они были отрезаны от всего мира и не могли получить помощи даже из близкого Выборга. Грабежи и разбой, которым предавалось шведское войско, прибывшее для постройки крепости, показывают, что при основании Ландскроны даже не предполагалась организация какой-либо хозяйственной деятельности в крае. С другой стороны, как мы видели, шведы выбрали такую местность для крепости, которая наиболее благоприятствовала созданию порта. Ландскрона, следовательно, имела в это время значение для шведов как стратегический пункт, обеспечивающий господство на важном торговом пути.

Для новгородцев Ижорская земля была несомненной частью Новгородского государства, связанной с ним вековыми узами. Даже отношение господствующего класса к местному населению было иное, чем у шведов. К этому времени в Ижорской земле наряду с выросшим местным крупным землевладением, конечно, уже существовали боярщины новгородских владельцев. На существование их в соседней Карелии мы имеем прямые указания актового материала. Как ни жестока была эксплуатация зависимого крестьянского населения, все же новгородской вотчинник был заинтересован в том, чтобы его владения были заселены, а крестьяне были способны к хозяйственной деятельности. Наоборот, шведские рыцари не только разоряли край, но и истребляли самое население. Уже по одному этому шведские рыцари были для Ижоры наибольшим злом, тем более, что нападения их тянулись непрерывной цепью. Именно в связи с этим новгородцы предприняли в 1310 г. поход в глубь Тавастландии.²

В 1313 г. шведы совершили новое нападение и сожгли Ладугу. Запись летописца очень коротка; однако, указание на то, что ладожане с посадником в это время были на войне, заставляет предполагать, что шведы не ограничились сожжением города, но грабили и окрестности, а также попутно Ижорскую землю; весьма вероятно.

¹ А. Г и п п и н г. Нева и Ниеншанц, ч. I, стр. 106—112.

² Там же, стр. 285—287, прим. 88.

что ижора со своей стороны оказывала какое-то сопротивление, если не была вместе с ладожанами на войне. Последнее тем более вероятно, что обязанность ижоры выставлять особое ополчение в общеновгородское войско продолжало существовать и засвидетельствована летописцем в очень близкой записи. Рассказывая под 1316 г. о приготовлениях Новгорода к обороне от князя Михаила Ярославича, он говорит, что «сойдѣся вся волость Новгородская», и прямо называет «Ижеру» в перечислении «волостей». ¹

В 1317 г. шведы опять вторгаются в Новгородскую землю. «Приходиша, — читаем мы, — немци в озеро Ладожское, и побиша много Обснижьских купець». ² В ответ на это новгородцы в следующем, 1318 г. совершили поход в Финляндию и взяли Або ³, а в 1322 г. осадили Выборг. В том же году шведы пытались захватить город Карелу. ⁴

Непрестанные нападения шведов побудили новгородцев построить в 1323 г. у истока Невы из Ладожского озера крепость Орехов. В том же году в новопостроенной крепости был заключен мирный договор, по которому новгородцы уступили шведам три прихода в западной Карелии. Договор в сущности санкционировал захват, произведенный постройкой Выборга. Чрезвычайно выгодное положение Орехова содействовало быстрому развитию города, причем развитию не только в качестве военного и административного центра, но и как торгово-ремесленного поселения. С 1333 г. Орехов вместе с городами Карельской и Вотской земли был отдан Наримонту в кормление. Последнее новгородцы сделали в целях улучшения обороны западных и северо-западных границ; но очевидно и то, что в 1333 г., т. е. всего через 10 лет после основания, город обладал уже известным уровнем благосостояния, поскольку был отдан в кормление и, следовательно, обеспечивал какой-то доход. В 1338 г. на Неве под Ореховом стояло новгородское войско. Новгородцы отсюда отправляли послов в Выборг для переговоров о мире, не увенчавшихся, однако, успехом. Как мы знаем, договор был заключен в 1339 г. Рассказ летописи о вторжении шведов в 1338 г. любопытен, между прочим, тем, что указывает на пребывание в Орехове княжеского наместника. Новгородцы, читаем мы, посылали за Наримонтом, который был тогда в Литве, но он не только не приехал «нъ и сына своего выведе из Орехового, именем Александра, токмо наместник свои остави». ⁵

Через девять лет после заключения договора шведы опять нападают на Новгород, и Ижорская земля снова делается ареной опустошительных военных действий. В 1348 г. Магнус, незадолго перед тем принявший правление государством, явился с многочисленным войском в Финский залив. Новгородские летописи рассказывают, что якобы Магнус, остановившись у островов Бьёрке, отправил в Новгород посольство с предложением устроить религиозный диспут на тему, чья вера лучше. В зависимости от исхода диспута либо новгородцы принимают католицизм, либо шведы переходят в православие. Сообщение это повторяется с некоторыми вариантами в ряде летописей. Оно носит явный характер литературного произведения, вставленного в летопись. Историческая достоверность содержания этого места летописи весьма сомнительна, но нельзя отрицать и того, что в нем отразились некоторые реальные черты. Дело в том,

¹ Новг. лет по Синод. харт. сп., стр. 317.

² Там же, стр. 318.

³ А. Г и п п и н г. Указ. соч., ч. I, стр. 287, прим. 85.

⁴ Новг. лет. по Синод. харт. сп., стр. 319.

⁵ Там же, стр. 335.

что поход Магнуса действительно по своей форме носил характер крестового похода и, начав военные действия, Магнус немедленно отправил специальные отряды для крещения ижоры и води. Продолжая рассказ, летописец говорит, что новгородцы послали «на съезд к Свийскому королю Магнушу [Авраама Тысяцкого, Кузму] Твердиславля и иных бояр». Когда посланные приехали в Орехов и Авраам хотел ехать к королю, «а Магнуш тогда был в Березове острове со всею силою своею», ореховцы стали бить челом, чтобы он остался в городе. Авраам остался, повидимому для того, чтобы подготсвить Орехов к осаде. Кузьма Твердислав отправился дальше. Съезд состоялся, но король повторил послам: «обида [мне] с вами никакие нет, но токмо в веру мою пойдите; аще не пойдете, и аз иду на вас со всею своею силою», и отпустил их обратно. Послы поехали в Орехов «и затворишася в городе вси». Немедленно начались военные действия. Магнус с войском подступил к Орехову—«приступил к городку ратью со всею своею силою»—и начал осаду. Одновременно Магнус «Ижеру начал крестити во свою веру, а которые не крестятся и на тех рать распустил, и на Водскую землю».

Отсюда мы видим, что, несмотря на пребывание в Ижорской земле огромного шведского войска, стоявшего под Ореховым, ижора не хотела креститься и оказывала сопротивление. Новгородцы прислали им помощь. «Слышавши же Новгородци се, — говорит летописец, — что король отпустил рать на Ижеру, послаша противу их Онцифора Лукиница, Якова Хотова, Михайлу Фефилатова, с малою дружиною... бог пособи Онцифору: избиша немцов 500, а иных живых изимаша, а переветников казниша; и приихаша Новгородци вси здрави, разве 3 человека убита Новгородцов». Поскольку мы уже касались вопроса о переветниках в связи с попыткой шведов крестить водь, не будем задерживаться на этом вопросе и вернемся к осажденному Орехову.

Повидимому, ко времени крестового похода Магнуса Орехов был уже весьма сильно укрепленным городом. Летописец отмечает, что Магнус взял Орехов «лестью», т. е. обманом. Очевидно, предпринятый осаждавшими штурм не увенчался успехом. Войско же Магнуса состояло из наемников, т. е. профессионалов, несомненно хорошо владевших военной техникой. «Лесть» Магнуса состояла в том, что он согласился прекратить осаду города за контрибуцию — «докончав окуп взяти». Но «докончав окуп взяти», Магнус «Авраама поимаша, да с ним 11 человек добрых, и поведоша их с собою за море, а наместника Наримонтова и всех граждан отпустиша из города, а в городке оставиша рать свою». Обращает на себя внимание то, что Магнус отпустил горожан и наместника, но задержал Авраама и «11 человек добрых». В другой летописи это изложено несколько иначе: «поима Аврамову чадь в таль 11 человек». Этот вариант проливает некоторый свет на то, кто были эти 11 человек. Чадь, как известно, — зависимые люди. Еще более ясным становится это место, если ознакомиться с рассказом летописи о возвращении захваченных Магнусом новгородцев из плена. В последнем случае сказано: «разменишася немци, что поимали в Ореховом Свею, на Авраама, и на Кузму, и на Олександра и на Ондreja и на дружину их, что были за морем у Свейского короля у Магнуша». Следовательно, шведы взяли «в таль», т. е. в заложники Авраама, бывшего новгородским тысяцким, т. е. начальником собственно новгородских войск и 11 человек «добрых». Эти «добрые» люди были «чадью», «дружиною» Авраама, т. е. людьми, лично от него зависимыми, стсявшими довольно высоко на социальной лестнице. Иначе говоря,

шведы взяли в залог новгородского тысяцкого и его вассалов. Высокое социальное положение взятых в плен подтверждается тем, что в одном из летописных сводов о них сказано: «Аврама жа и Кузму и иных бояр 8 взял к себе» и т. д. Отсюда вытекает, что Магнус взял в залог собственно новгородцев, в том числе крупнейшего новгородского феодала, входящего в новгородское правительство, и отпустил слугу новгородского наемника — княжеского наместника. Ореховцев же он отпустил как жителей новгородского «пригорода».

В шведских хрониках имеется любопытное указание на то, что Магнус, заняв Орехов, освободил знатнейших пленников, взяв с них обещание доставить богатый выкуп и уговорить прочих своих единоплеменников принять католичество. Однако отпущенные не исполнили обещания. Король, потеряв много времени на напрасное ожидание, попал в тяжелое положение, так как русские собрались с силами и стали его теснить.¹

В то время как Магнус действовал под Ореховом, новгородцы стягивали свои силы к Ладоге и сносились с великим князем, требуя помощи. «Посадник же Федор Данилович, и наместницы великаго князя, и вси Новгородцы и Псковичи, и Новотор[ж]цы, и вся Новгородская область и поехала в Ладогу; а к великому князю Симеону Иоановичу послаша с челобитьем послы своя глаголюще: поеди, господине, к нам оборонити своя вотчины Великого Новгорода; идет на нас король Свийский, чрез крестное целование. Великий же князь Симеон Иванович отвеца Новгородцем: «рад аз ехати, но зашли ми дела царевы»; медлив же князь многое время, и поеха в Новгород, и отъехав же от Торжку до Ситна, и паки возвратися к Москве, а в Новгород посла брата своего князя Иоанна. Слышав же [князь] Иоанн Иоаннович, яко немцы взяша город Орехов, он же возвратися назад». Итак, великий князь медлил оказать помощь, ссылаясь на свои дела в орде: «зашли ми дела царевы». Таким образом, очень отдаленные, казалось бы, отношения влияют на ход борьбы в Ижорской земле. Весьма вероятно, что датским и голштинским наемникам Магнуса не удалось бы взять Орехов, если бы московский князь не был связан татарскими делами. Потеряв надежду на помощь, новгородцы стали действовать своими силами: «Поехаша из Ладоги и сташа у Ореховца, в Богородицино говение, и стояша до великого говения, и приступиша к героду с приметом в понедельник на Федорове недели». Приступ увенчался успехом: «росвитающу дню на вторник, взяша город... немец посекоша, а иных руками яша; а в Ореховце посадиша Якова Хотова и Александра Борисовича». Необходимо упомянуть, что новгородцам под Ореховом приходилось действовать в тяжелых условиях: они не только не получили помощи от великого князя, но лишились и поддержки псковичей, которые сначала принимали участие в осаде, а затем ушли.²

Отступив от Орехова, Магнус затем снова собрал войска и осенью выступил с флотом и армией в Финляндию. Зиму шведские войска простояли в Эстляндии и Лифляндии. Несмотря на поддержку папы Климента IV, объявившего отпущение грехов всем участникам похода и передавшего на военные расходы десятинный сбор за четыре

¹ А. Гиппинг. Указ. соч., ч. I, стр. 139—140.

² Война с Магнусом: Новгородские летописи (Новг. 3-я), СПб., 1871 г., стр. 221, 224; Новг. 4-я, ПСРЛ, IV, ч. I (Пг., 1915), стр. 278; Новг. лет. по Синод. харт. сп., стр. 346—349, и в др. летописях.

года, дело не увенчалось успехом.¹ После потери Орехова новгородцы перешли в энергичное наступление и в 1350 г. совершили поход в Финляндию, во время которого выжгли предместья Выборга и опустошили страну. В том же году шведы заключили с новгородцами мир и разменялись пленными, в том числе и взятыми в Орехове. После этого Ижорская земля получает длительную мирную передышку.

Рассказ о событиях 1348 г., где упоминаются городчане, показывает, между прочим, что в Орехове в это время, помимо крепости, существовало и торгово-ремесленное поселение. Если мы обратимся к тексту писцовых книг конца XV в., то увидим, что для писцов термины «городчане» и «посадские люди» являлись синонимами. Летописные известия о взятии Магнусом Орехова позволяют не только говорить об Орехове этого времени как о городе в экономическом значении этого понятия, но и сделать заключение о значительном его благосостоянии. В самом деле, бедный город не мог бы предложить Магнусу такую сумму, которая бы его удовлетворила, иначе говоря, не смог бы откупиться от осаждающего войска. Значительное развитие Орехова как торгового и ремесленного центра можно усмотреть и из другой летописной записи, близкой по времени к 1348 г. — из записи о ремонте каменной церкви Бориса и Глеба в Новгороде в 1350 г. Из данной записи мы узнаем, что ремонт был произведен «ореховским серебром», т. е. на доходы с Орехова. Совершенно очевидно, что Орехов был весьма богат, если на доходы с него Новгород мог «поновить каменную церковь».

Весьма ярко мощь Ореховского посада сказалась в событиях 1384 г. В новгородской летописи под этим годом значится следующее: «Приехаша городчане ореховци и корельскыи, с жалобою к Новгороду, на князя Патрикия и князь Патрикей подъя Славно и смути Новгород, и стаха славляне по князе. И поставиша вече на Ярославле дворе, а другое вече у святей Софеи, обои с оружии, акы на рать, и мост великий преметаша». В конце концов новгородцы пришли к соглашению — «отъяша у князя ты пригороды, и даша ему Русу и Ладогу».² Внешне это рассказ о типичной новгородской усобице, во время которой город распадался на два враждующих лагеря и после некоторой борьбы снова приходил в успокоение. Однако мы можем почерпнуть из данного рассказа нечто большее, особенно если вспомним, что князь Патрикей Наримонтович получил Орехов и Карелу в кормление всего лишь за год до описанных событий. Таким образом, через год после того, как Новгород отдал города князю Патрикию и, вероятно, через еще меньший промежуток времени после фактического начала кормления, представители городского населения Орехова и Карелы явились в Новгород с жалобой на князя. Они оказались настолько влиятельными, что не только раскололи новгородцев на две партии, но добились своего, несмотря на энергичное сопротивление сторонников князя. Новгород отнял у Патрикия Орехов и Карелу, заменив их Ладогой и Руссой. Самая замена примечательна в том отношении, что дает, так сказать, сравнительную характеристику экономической мощи Орехова и Карелы. Заменяя Патрикию, по требованию ореховцев и карелян, Орехов и Карелу Ладогой и Руссой, новгородцы, очевидно, обеспечивали ему эквивалентные доходы.

Некоторые любопытные подробности мы узнаем из более пространный рассказ о тех же событиях, помещенного в новгородской

¹ М. Головинский и Н. Ядрышев. История Финского народа. «Вестник Всемирной Истории», № 2, 1901 г., стр. 28 (в приложении).

² Новг. лет. по Синод. харт. сп., стр. 371.

4-й летописи. Во-первых, мы узнаем, что Патрикий не только собирал доходы с городов, отданных ему в кормление, но и жил в Орехове, ибо летописец говорит: «бысть жалоба на Патрикия князя к Новгороду от городчан и выеха князь в Новгород...»¹ Во-вторых, летописец указывает, что Патрикий «подня посулом» славенский конец, и называет его единомышленников: «быша у князя Патрикия два человека в думе, Кирилка Олисейков, да Мишка Щекотов поповичь с Подола». Кто такие Олисейков и Щекотов, мы не знаем, но, по всей видимости, они не принадлежали к правящей новгородской верхушке, на что отчасти указывает прозвище Щекотова — «попович». Наоборот, противники Патрикия, принявшие сторону ореховцев и карелян, принадлежали к наиболее влиятельным людям Новгорода. Рассказывая довольно пространно о перипетиях усобицы, летописец сообщает, что сторонники городчан имели свое вече на Софийской стороне, на которое ходили тысяцкий Есиф, «плотничане и добрыи люди».

То, что сторонниками городчан являлись «добрые люди» и тысяцкий, несомненно, указывает на богатство посадов Орехова и Карелы, обеспечившее городчанам прочные и влиятельные связи в Новгороде. Что касается сторонников Патрикия, то они, видимо, принадлежали к низам новгородского населения. Но из этого еще не следует заключать о демократическом характере деятельности Патрикия. Скорее можно поверить словам летописца о «посуле» и предполагать в сторонниках Патрикия деклассированные новгородские элементы, которые он использовал для достижения своих личных целей. Как бы то ни было, дело закончилось удовлетворением требований городчан и заключением с Патрикием какого-то нового договора, содержания которого мы не знаем. На заключение такого договора указывают слова летописи: «грамоту списаша с князем и запечаташа на вече на Ярославле». Поскольку борьба городчан с Патрикием закончилась победой первых, можно предполагать, что договор вводил для Патрикия ограничения прав в городах, полученных им в кормление.

Мирная передышка, достигнутая Ижорской землей после мира со шведами 1350 г., была нарушена разбойничьим набегом 1392 г. «Того же лета, — отмечает летописец, — пришедши из моря разбойнице немце в Неву, взяша села по обе стороне реке за 5 верст до городка до Орешка, и князь Семеон с городчаны сугнавши, иных избиша, а иных разгониша, и язык в Новгород приведоша...»²

В начале XV в. торгово-ремесленная часть Орехова была уже настолько богата, что явилась необходимость и возможность обнести ее каменной стеной. Под 1410 г. летопись говорит: «заложиша город камян у Орешка около посада».³ Запись эта не может относиться к собственно крепости, ибо таковая, как мы знаем, уже существовала; она была заложена еще в 1323 г., и успешно выполняла свои функции. Наоборот, о собственно городских укреплениях до 1410 г. мы ничего не знаем, хотя, вероятно, вал и деревянные стены существовали и до этого. Быть может, к постройке каменной стены ореховцев побудил набег 1392 г., а форсировал окончание и набег шведов 1411 г., когда был разрушен новгородский пригород Тиверский. Разрушение Тиверского городка вызвало в том же году большой поход новгородцев под Выборг, закончившийся взятием выборгского посада и опустошением окрестностей.⁴

¹ Новг. 4-я, ПСРЛ, IV, ч. 1, вып. 2, стр. 90—91, Л., 1925.

² Новг. лет. по Синод. харт. сп., стр. 378.

³ Новг. 4-я, ПСРЛ, IV, ч. 1, вып. 2, стр. 112, Л., 1925.

⁴ Новг. лет. по Синод. харт. сп., стр. 398—399.

Новые бедствия Ижорской земле пришлось испытать в войну 1444—1448 гг. Мы уже останавливались на обстоятельствах этой войны при рассмотрении истории Вотской земли. В 1444 г. Ижорская земля сильно пострадала от перешедшего Нарову немецкого войска, которое не только осадило Яму, но и предприняло диверсию в глубь страны: «по Вочкой земли и по Ижере и по Неве поплениша и пожгоша». После того как немцы были отбиты, новгородцы отправили за Нарову сельников вотских и ижорских бояр, о чем мы уже говорили.

Упоминание «сельников Ижорских бояр» указывает на социальный строй Ижорской земли в XV в. С одной стороны, мы имеем бояр—класс крупных землевладельцев, с другой — их «сельников», т. е. зависимое от них сельское население. Обращаясь к писцовым книгам конца XV в., мы находим положение, во многом схожее с тем, которое наблюдали в Вотской земле. Точно так же мы убеждаемся, что основным занятием населения было земледелие. Обращаясь к составу «старого дохода», шедшего с крестьян Ореховского уезда, видим, что из общего числа 8 погостов в уезде упоминается в доходе:

Рожь в 8 пог.	Утиральники	Куры в 8 пог.
Овес » 8 »	и убрusy . . . в 1 пог.	Яйца » 4 »
Ячмень » 8 »	Попонный	Сено » 7 »
Хмель » 1 »	холст » 1 »	Дрова » 2 »
Хлеб печеный » 5 »	Учина » 1 »	Белки » 3 »
Солод » 6 »	Мясо » 7 »	Зайцы » 4 »
Пиво » 8 »	Бараны и ба-	Рыба разн. . . » 4 »
Лен » 8 »	ранина » 8 »	Косы » 1 »
Полотно » 4 »	Масло » 8 »	Сани » 1 »
Пряжа льнян. » 2 »	Сыр » 7 »	Соль » 1 »
Попоны » 3 »	Овчины » 8 »	Деньги » 8 »

Ижорская земля, в хозяйственном отношении походя во многом на Вотскую землю, как мы видим, обладает и своими особенностями. В ней играют существенную роль охота и рыбная ловля, продукция которых — зайцы, белки и разная рыба — шла в известной доле вотчинникам. В Ижорском погосте существовали даже особые «мхи оброчные» с которых шел «великого князя оброку с году на год сокол, а не будет сокола... давати за сокол деньгами пол трети гривны...»¹

Рыболовство было сильно развито на Неве: в ее районе находились особые поселки рыболовов, для которых земледелие являлось лишь подсобным занятием. Так, например, в деревне «на Васильеве острове на устье Невы» было 8 дворов, а в них 10 человек; они сеяли «яри пятнадцать коробей» и косили 45 копен сена, что составляло всего 3 сбли. «Старого дохода» с них шло «шесть гривен, пол бочки сигов, семь рипуг курвы, и из хлеба четверть», кроме того, ключнику — «две коробки ржи, две коробки овса, пятьдесят сигов, две бочки пива, два пятка льну». «А у них же, — говорит писец, — на рыбном участке на Неве топя, а ловят двема неводы». В той же деревне было еще 7 непашенных дворов, где жило 7 человек, плативших позему со двора по 3 деньги.²

На том же Васильевском острове находим еще одно селение такого же типа, жители которого, даже занимающиеся хлебопашеством, названы ловцами. Относительно последних читаем: «Великого князя

¹ Вр. 11, стр. 345.

² Там же, стр. 372—373.

ловцы Александровские Самсоновы на Васильеве острове, а пашни у них есть же, пашенных...»; далее названо 5 дворов, а в них 7 человек. Пашенные ловцы сеяли яри 6 коробей, косили 100 копен сена и были положены в 3 обжи. Непосредственно за пашенными ловцами описаны «непашенных дворов поземщиков» 9 дворов с 10 душами.¹

Точное выявление числа дворов непашенных рыбных ловцов затруднительно: в ряде случаев писец не указывает занятия «поземщиков», тогда как имеются основания считать часть их рыбными ловцами. Кроме того, не упомянуты рыбные ловцы в г. Орехове, где они обязательно должны были быть. Всего писец отметил 24 двора непашенных ловцов в Городенском, Лопском и Дудоровском погостах Ореховского уезда с 27 жителями. Непашенные рыбные ловцы в социальном строе того времени занимали разное положение. Писцовая книга выделяет среди них поземщиков в особую группу («а поземщиков в той волости непашенных людей и рыбных ловцов...»)² Что такое поземщик, довольно ясно можно себе представить на примере одного из них, Федка Филипова. Относительно него читаем: «деревня на усть Сондзорицы на Неве... поземщик во дворе Федко Филипов, дает великому князю позема две денги, а Темке (помещику) позема гривну дает, а ловит на Неве рыбу неводом».³ Следовательно, поземщик — это человек, занимающийся промыслом и платящий позем. Следует оговориться, что позем в большинстве случаев указан только в пользу вотчинника. Повидимому, поземщики являлись свободными людьми, и отношения их к владельцу земли, на которой они жили, ограничивались платой позема. В этом отношении чрезвычайно любопытны поземщики, жившие в названной уже деревне Сонзорице на земле своеземцев. Назвав шесть поземщиков, писец отмечает: «а писаны были четырема обжоми, а пашни у них нет, живут промыслом, ловлюю, а тянут потугом с городчань», и несколько ниже: «а доходы своеземцам нет, сидят у них поземщики на льготе. А поземщики писаны в старом писме четырема обжоми, да с того запустело».⁴

Таким образом, с прекращением хлебопашества земля вышла из тягла. По своему новому занятию люди, живущие на этой земле, перешли на положение городских людей и «тянут с городчань». То, что они «сидят на льготе», несколько не является доказательством их крепости своеземцам, ибо это, очевидно, связано с обзаведением новым промысловым хозяйством — сооружением колов или прудов, за пользование которыми, по окончании льготы, они будут платить своеземцам «позем».

С Невой был связан и другой промысел — перевозка товаров. Мы уже частично касались этого вопроса выше. Относительно организации судовладельцев имеются весьма любопытные данные, относящиеся к началу XV в. Сохранился документ, в котором немецкие купцы запрещают членам купеческого общества пользоваться лодками, принадлежавшими ореховским жителям — братьям Уске и Луке — и новгородцу Кузьме Царькову. Бойкот некоторых владельцев лодок показывает, что лодочников было много, ибо можно было перевозить товары на судах небойкотируемых владельцев. Действительно, известны лодочники, владевшие несколькими лодками или, вернее, лодьями. Для начала XV в. мы имеем совершенно точные сведения о том, что судовладельцы были объединены в сильную организацию. Когда

¹ Вр., 11, стр. 344.

² Там же, стр. 281.

³ Там же, стр. 131—132.

⁴ НПК, III, стр. 830—831.

немецкие корабли приплывали в Неву, их встречало большое количество людей. Однако даже в тех случаях, когда число встречающих людей было больше, чем требовалось для перевозки товаров с прибывших кораблей, конкуренции между лодочниками не возникало. Организация судовладельцев устанавливала высокую цену за наем людей, которую иноземные купцы вынуждены были платить, ибо никто из лодочников не соглашался возить за плату ниже установленной. Владельцы людей, оставшихся не зафрахтованными, получали от тех, лодьи которых были наняты, отступное. Размер отступного был довольно значителен, он равнялся полугривне серебра с каждой лодьи.¹

Насколько был развит судовой промысел, можно заключить из того, что новгородские судовщики, в широком смысле этого слова, занимались перевозкой товаров не только по Неве, Ладожскому озеру и Волхову, но и по Финскому заливу.² Организация судовладельцев, как она рисуется нам на основании приведенных данных, была типичным для средневековья явлением. Здесь налицо монополизация определенной области деятельности людейного промысла, регламентация оплаты за услуги — установление единых и при том высоких цен за наем лодок, и, наконец, регламентация доходов членов организации — система отступного. Все это, с одной стороны, ограничивало доход судовладельцев, получавших фрахт с другой — гарантировало известный доход для тех членов организации, лодьи которых оставались ненанятыми.

Подобно Вотской, Ижорская земля имела свой район железодобывающих и железообрабатывающих промыслов. Этот район составляли погосты Никольский-Ярвосоольский с примыкающими Егорьевским-Лопским, Спасским-Городенским и Никольским-Ижорским. В Ярвосоольском погосте находилась деревня Гаитино, где насчитывалось 10 дворов с 19 жившими в них крестьянами; кроме того, в деревне было 2 двора с двумя поземщиками «непашенными». У крестьян было 10 домниц, имевших 10 печей; руду они копали на своей земле. Непосредственно за Гаитиным в писцовой книге помещена еще одна деревня, также имевшая домницу с одной печью — деревня Папороть с тремя крестьянами, жившими в одном дворе. Таким образом, каждый крестьянский двор этих деревень имел домницу и занимался выплавкой железа. Сельское хозяйство занимало здесь, видимо, второстепенное значение, так как на 19 крестьян деревни Гаитино приходилось 13 обж, а на 3 крестьян деревни Папороть — 1,5 обжи. Кузнецы в деревнях не названы, между тем как в доходе значатся косы; отсюда следует заключить, что добыча железа в данном случае сочеталась с его обработкой. Занятия поземщиков не указаны, но, вероятно, они также были втянуты в промысел.³

Влияние железодобывающей промышленности Ярвосоольского погоста сказывалось и на соседних погостах, где мы наблюдаем развитие кузнечного ремесла. Добычу же руды и железа можно предполагать, кроме Ярвосоольского погоста, только в Спасском-Городецком. В последнем действительно была деревня Рудное на Неве и деревня Железниково, тоже на Неве.⁴ Всего кузнецов, не считая городских, в районе было в Спасском-Городецком погосте — 2, в Ижорском — 4, в Егорьевском-Лопском и Ярвосоольском — по одному, в

¹ А. Никитский. Указ. соч., стр. 146—147 265—266.

² В. Крохин. История карелов. «Русск. Стар.», июнь, 1908 г., стр. 582.

³ Вр., 11, стр. 460, 461.

⁴ Там же, стр. 141, 116.

остальных 4 погостах Ореховского уезда — ни одного. За исключением одного «непашенного», все кузнецы занимались хлебопашеством и платили обычный крестьянский натуральный оброк. Только в составе «нового» дохода одного кузнеца можно отметить продукцию его ремесла — 6 топоров.¹ Возможно, впрочем, что не все кузнецы отмечены писцом: например, в деревнях Кузнецово и Кузнецово сиденье кузнецы не отмечены.²

Что касается других промыслов, то в погостах Ореховского уезда — Лопском, Дудоровском, Ижорском и Ярвосольском — заметна специализация крестьян в области льноводства и обработки продуктов льна. Следует подчеркнуть, что этот район непосредственно смыкался с соответствующим районом Вотской земли, о котором мы уже говорили. Можно назвать также отдельных ремесленников, как, например, решетника, жившего в Никольском-Ярвосольском погосте,³ у жерновика, отмеченного писцом в деревне Дудкино Куйвсшского погоста.⁴

Весьма любопытные данные содержит писцовая книга о землевладении в Ижорской земле. Вот суммарные данные, извлеченные из писцовой книги:

	Дворы	Люди	Обжи
Бояре, житыи люди, купцы	1 602	2 492	1 828
Кроме того в дворцовых волостях	не показано		356
	В с е г о		2 184
Своеземцы	370	523	481
Наместник	105	160	130
Владыка	57	90	65
Монастыри	226	364	306
Церкви	16	24	21
Попы и дьяконы	1	2	2
Земли разных категорий владельцев показаны суммарно	40	21	11
Кроме того, в дворцовых волостях	Не показано		77
	И т о г о		2 387 3 676 3 277

Иначе говоря, 66,7% земель принадлежало боярам и другим светским владельцам да 14,7% — своеземцам; на долю владельцев остальных категорий приходилось всего лишь 18% общего количества обж.

Если мы рассмотрим размещение различных категорий землевладения внутри Ореховского уезда, то увидим резко различающиеся два района, границей между которыми служила Нева. Погосты, расположенные на север от Орешка — Куйвошский, Корбосельский, Келтушский, Городенский — выделяются как погосты своеземческого землевладения. Больше всего своеземческих владений сосредоточено в Куйвошском погосте, граничившем с Карельским уездом. На левом берегу Невы своеземцы исчезают. В погостах, названных выше, были сосредоточены также все земли ореховского наместника. Столь же отчетливо выражен характер землевладения в погостах, лежавших на юг от Невы, — здесь 1352 обжи, из общего числа 1534, принадлежали крупным светским землевладельцам. Иначе говоря, светские владельцы сосредоточили в своих руках 88% земель южной половины Ореховского уезда, строго говоря, и бывшей

¹ Вр., 11, стр. 449.

² Там же, стр. 266, 253.

³ Там же, стр. 453.

⁴ Там же, стр. 181.

собственно Ижорской землей. Такой характер землевладения, как мы видим, сближал ее с Вотской землей.

В этническом составе населения Ижорской земли к концу XV в. несомненно произошли глубокие перемены. Местная земельная знать уже полностью ассимилировалась с новгородскими вотчинниками. Ижорское крестьянское зависимое население, хотя и сохранило черты своей народности, но далеко уже не составляло преобладающей численно группы среди крестьян Ижорской земли. Писцовые книги дают в этом отношении достаточно ясную картину. В них мы тщетно будем искать ижорца-вотчинника, с одной стороны, и найдем подавляющую массу русских и руссифицированных крестьянских имен — с другой. Несомненно, крестьянские переселения, о которых мы имели уже случай говорить, привели к значительному обрусению Ижорской земли. Писцовые же книги указывают на наличие в Ижорской земле явлений, конечно существовавших давно, но не нашедших отражения в рассмотренных нами источниках. От нас ускользнуло, например, возникновение в Ижорской земле монастырей и монастырского землевладения. Еще важнее то, что писцовая книга знает сельские поселения, экономически приближающиеся к городу. Таков был рядок у Клетей: окруженный рядом деревень, он являет пример процесса, обратного происходившему в Копорье. Вот, что представлял комплекс селений у Клетей: погост Никольский Ижорский... «на церковной же земле: во дворе Филипко Логинов торговый человек без пашни, дает попу две гривненки темьяну позему, да он же дает с рядовичи, что у Клете на реце на Ижере в их оброк две деньги»;¹ «...рядок у Клетей на реце на Ижере, от Невы семь верст, а живут на нем торговые люди, пашни у них нет». Всего в рядке было 8 дворов, а в них 20 человек, в том числе «Еська Симонов староста», «оброку давали по старому письму двенадцать гривен...»;² «сельцо у погоста на реце на Ижере, в нем большой двор, 6 дворов людей, да 2 двора крестьян». «Старого доходу не шло пахал старых бояр ключник». ³ «Деревня у ряду у Клетей... 2 двора. 2 человека, сеют яри...»⁴ Кроме того, можно назвать еще деревню «Кагпел у ряду на реке Ижоре», деревню «Вониловку на реце на Ижоре у Клетск», «деревню на Вехконе на ручью на реце на Ижере у Клетей». ⁵

Здесь одновременно с уже сформировавшимся рядком мы видим и переходные формы. Уже на погосте появился непашенный торговый человек, который платит оброк вместе с рядовичами. Следующим этапом могло быть простое списывание в одно место рядом лежащих селений, что часто применялось писцами, и вместо нескольких деревень вокруг Клетей мы увидели бы один довольно большой городок. Совершенно очевидно, что зарождение этого второго городского центра Ижорской земли произошло значительно раньше составления писцовой книги. Что касается старого городского центра Ижорской земли — Орехова, то он продолжал преуспевать, и рядок у «Клетей», видимо, его не обескровливал, как это произошло в Вотской земле с Копорьем после возникновения Ямы. Судя по писцовой книге, Орехов разделялся на четыре части: собственно город и посад, состоявший из трех частей — Карельской и Лопской сторон и Никольского острова. Наиболее многолюдной была Лепская сторона, в которой насчитывалось 85 дворов, не считая пус-

¹ Там же, стр. 341.

² Там же, стр. 344—345.

³ Там же, стр. 353.

⁴ Там же, стр. 356.

⁵ Там же, стр. 411, 361, 389.

тых. На Лопской стороне жили почти исключительно «люди молодые» и поземщики. Карельская сторона имела 66 дворов, в большинстве своем принадлежавших «лучшим людям», своеземцам и городчанам. Внутри города были дворы своеземцев, пищальников, воротников; здесь же находился двор наместника. Николаевский остров имел всего четыре двора, не считая, конечно, монастыря, описания которого мы не имеем. Экономическое положение населения, как оно расценено писцом, представляется в следующем виде:

Своеземцев лучших людей	12 дворов	25 ч.
Городчан » »	12 »	20 »
» молодых »	124 »	144 »
Кроме того поземщиков	4 »	4 »
Дворников	—	18 »

(Поземщики и дворники «тянут» с горожанами).

Занятия писец отметил только у трех человек: он назвал одного скомороха и одного пастуха среди «молодых людей городчан» и одного токаря среди дворников. В общем дифференциация в Орехове была весьма резка, на что указывает распределение жителей только на две группы «лучших» и «молодых». Средних по прожиткам людей в Орехове не оказалось вовсе. На высокий уровень благосостояния посада в целом указывает наличие в Орехове двух монастырей и двух церквей. Писцовая книга упоминает два монастыря и две церкви: Спасскую «внутри города» и Иоанна предтечи «с посада»; о существовании их мы узнаем из описания Ладожского, Ореховского и Карельского уездов, где у них были земли. Более значительным был, видимо, Никольский монастырь, владения которого составляли 68 обж. Другой монастырь имел всего 26 обж и, следовательно, сильно уступал по богатству Никольскому.

Подводя итоги, мы приходим к следующему заключению. Ижора, как и водь, видимо, весьма рано вошла в состав Новгородского государства. Поскольку это произошло в эпоху, когда государство еще только возникало и господство ограничивалось сбором дани, процесс классового образования первоначально происходил в среде самого ижорского общества без всяких или почти без всяких осложняющих внешних моментов и привел к появлению местной земельной знати. Древние экономические, политические и культурные связи с Новгородом, непрерывно расширявшиеся и углублявшиеся одновременно с развитием феодальных отношений, приводили к глубоким изменениям в этническом и социальном составе населения Ижорской земли. С усилением новгородских влияний исчезли вотчинники-ижорцы, ассимилировавшиеся с новгородскими землевладельцами, а крестьяне-ижорцы оказались рассеянными среди массы новгородского крестьянства. Как и в других «землях», развитие производительных сил вело к образованию на территории расселения ижорского племени «Ижорской земли». По мере формирования внутреннего рынка она складывалась в территориальную, хозяйственную и административную область и все более срачивалась бесчисленными связями с Новгородским государством в целом. Подобно Вотской земле, Ижорская земля развивалась в условиях непрекращающейся борьбы с врагами и являлась пограничной областью Новгородского государства, принявшей на себя удары шведской агрессии. Ижора, подобно водь, деятельно участвовала в обороне Новгородского государства, от вторжения шведских и немецких войск, в первую очередь. Наиболее яркими моментами этой стороны истории Ижорской земли являются Невская битва 1240 г., стройка и разрушение Ландскроны в 1300—1301 гг., крестовый поход Магнуса 1348 г. и отчасти война 1444—1448 гг.

Н. С. ЧАЕВ

К ВОПРОСУ О СЫСКЕ И ПРИКРЕПЛЕНИИ КРЕСТЬЯН В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В КОНЦЕ XVI ВЕКА

В судьбах русского крестьянства, в процессе его закрепощения, 80-е и 90-е годы XVI в. имели бесспорно важное значение. Именно в эти годы, как полагают многие исследователи, крестьянство лишилось права перехода и было прикреплено к земле. Эти же годы характеризуются усилением феодальной эксплуатации крестьян.

Не все, однако, представляется ясным в развитии тех процессов, которые привели к перемене в положении основного производительного класса Московского государства. И едва ли не на первом месте здесь следует поставить проблему так называемых «заповедных лет». Несмотря на убедительные данные специальных исследований, эта проблема все еще нуждается в дополнительных разысканиях и исследованиях, чтобы окончательно утратить свойственный ей до сих пор гипотетический характер. Последнее обстоятельство, как известно, находится в связи с весьма ограниченным количеством источников, которые способствовали бы ее всемерному раскрытию.

Отнюдь не претендуя в настоящем этюде на разрешение указанной проблемы (это все еще дело будущего), нам хотелось бы, в связи с новым материалом о сыске крестьян-закладчиков на территории Поморья, высказать только несколько соображений. Нам кажется, что как общая проблема прикрепления крестьян к земле, так и одно из ее проявлений — «заповедные лета» — имеют весьма близкое отношение к упомянутому сыску.

Прежде чем обратиться непосредственно к сообщению и анализу материала о сыске крестьян-закладчиков, необходимо хотя бы в кратких чертах остановиться на социально-экономических и политических условиях интересующего нас периода XVI в.

I

К концу царствования Ивана Грозного Московское государство пришло к серьезному кризису. Страна была разорена, ее трудовое население «брело розно» (главным образом в юго-восточном направлении, в недавно присоединенные новые районы Поволжья и на южную окраину государства). Хозяйственная жизнь центральных областей замирает. Флетчер отмечает «всеобщий ропот и непримиримую ненависть» в населении и приходит к выводу, что «повидимому, это должно окончиться не иначе, как всеобщим восстанием».¹

Невозможность ведения войны за Ливонию заставляет московское правительство итти на переговоры о мире. Одновременно оно начинает искать выхода и из тяжелого внутреннего положения государ-

¹ Д ж. Ф л е т ч е р. О государстве русском, стр. 31—32, СПб., 1906.

ства. Это вызвано стремлением московского правительства удовлетворить прежде всего интересы поместного дворянства — социальной основы своей власти. Напряженная классовая борьба поместного дворянства, с одной стороны, с княжеской и боярской знатью, а с другой — с крестьянством, наконец энергичная экспансия в сторону Прибалтики оказались в совокупности тяжелы для «воинского чина», еще только овладевшего всей полнотой власти.

В стремлении преодолеть «великую нужду и тощету воинских людей», т. е. помещиков, московское правительство предпринимает ряд мер. Так, оно «некоих царских ради вещей» созывает церковный собор (1580 г.); через несколько лет, в год смерти Грозного, созывается другой собор (1584 г.). Эти соборы посвящаются вопросу о церковном, в частности монастырском, землевладении и о связанных с ним привилегиях. Путем запрещения крупным духовным феодалам увеличивать в дальнейшем свои вотчинные владения московское правительство надеется удовлетворить нужду помещиков в окультуренных землях. Отменой так называемых «тарханов», т. е. финансовых и судебных льгот, которыми пользовалось церковное землевладение, правительство рассчитывает остановить уходившее за монастырские стены крестьянское население.¹

То обстоятельство, что московское правительство занялось рассмотрением вопроса о церковном землевладении, объясняется тем, что с крупной светской вотчиной оно покончило (правда, не до конца) раньше путем опричнины. Помимо этого, внимание правительства именно к церковным землям обуславливалось ролью церкви, главным образом монастырей, в годы опричнины. Хорошо известно, например, как монастыри, одновременно с заботами о «душах» ликвидируемых Грозным княжат и бояр, энергично собирали остатки разгромленных боярщин, пользуясь при этом, несмотря на начавшиеся с 1551 г. ограничения земельных стяжаний, благосклонным содействием самого Грозного.

Соборные приговоры 1580 г. (15 января) и 1584 г. (20 июля) подчеркивают стремление московского правительства поправить дела «воинства» — помещиков, пришедших в «велие оскудение». Поправить эти дела можно было только наделив помещиков землей — основным капиталом феодальной эпохи. Отсюда потребность в увеличении фонда земель, которые можно было бы раздать. В связи с этим приговор собора 1580 г. постановлял отписывать «на государя» купленные монастырями и архиерейскими кафедрами у княжат вотчины, «чтоб в службу служилым людям земли прибавливати». Запрещалось также в дальнейшем делать в монастыри вклады земель и различными угодами.

Но земля, поступавшая в распоряжение правительства и раздаваемая помещикам, была мертва без рабочих рук. Для разрешения этого вопроса московское правительство предприняло в 80-х годах XVI в. ряд мер; частично они отражены в приговоре собора 1584 г. Одно из первых мест занимает здесь отмена «тарханов». Основная цель этого мероприятия совершенно ясна из приговора собора. Отмечая, что с земель, находящихся в «тарханах», не поступает царских податей и даней «в земские розметы», приговор считает, что это чрезмерно усиливает соответствующие сборы с помещиков, вызывая тем «запустение» их поместий. Кроме того, приговор отмечает привлекательную силу тарханов для крестьянства. Оказывается, что кре-

¹ Б. Греков. Очерки по истории феодализма в России. Изв. ГАИМК, в. 72, стр. 138.

стьяне покидают помещиков и, «вышед из-за служилых людей», живут на церковных и монастырских землях «за тарханами» «во льготе», доставляя тем самым «великую тощету воинским людям». В целях борьбы с уходом крестьян «за тарханы» приговор собора 1584 г. запрещает (в дальнейшем) митрополиту, владыкам и монастырям держать за собой «закладней», т. е. крестьян, спасавшихся от более тяжелых форм эксплуатации на землях помещиков или же от чрезмерных государственных податей и повинностей в черносошных и дворцовых волостях.

Закладничество среди крестьян, т. е. вступление их под защиту могущественных феодалов (в виду более льготных условий жизни, чем за «хребтом» мелко и среднепоместного дворянства — «воинских людей»), принимает в Московском государстве во второй половине XVI в. значительные размеры. Закладничество особенно усилилось в 60-е и 70-е годы этого столетия, в годы опричины и интенсивной войны за Прибалтику. Война эта приводит к максимальному напряжению налогооблаательные силы страны: под тяжестью московской фискальной политики в первую очередь сгибается крестьянство. Опричина, подвергавшая разгрому крупное светское землевладение, попутно захватывает черные и дворцовые земли и экспроприирует их население, т. е. крестьян. В этих условиях единственной тихой заводью для крестьян оставалась вотчина «государевых богомольцев», располагавшая тарханом — своеобразной панацеей от всех зол.

На распространенность закладничества крестьян именно в годы опричины и на его причины мы имеем, между прочим, ценное указание у Г. Штадена. Сообщая в своих записках, что крестьяне в Московии живут «или за великим князем, или за митрополитом, или [еще] за кем-нибудь», Штаден говорит далее, что если бы не возможность такой «ухоронки», то «ни у одного крестьянина не осталось бы ни пфенига в кармане, ни лошади в стойле». ¹

Московское правительство еще значительно раньше пытается вести борьбу с закладничеством, что, между прочим, отразилось и в Судебнике 1550 г. (статья о торговых людях-закладчиках). Однако борьба эта оставалась безуспешной до отмены тарханов. Приговор собора 1584 г., хотя и не навсегда отменял церковные и монастырские тарханы, а только «покаместа земля поустроитца», все же на некоторое время задержал рост закладничества. В XVII в. оно вновь усилилось и вызвало ряд новых мер со стороны московского правительства к его ликвидации.

Кроме «закладней», под которыми в большинстве разумеются крестьяне, приговор 1584 г. упоминает еще «закладчиков». По словам приговора, «закладчики» — это «торговые люди», с которых идет «царская дань». Наличие этих терминов не имеет, нам кажется, существенного значения. Перед нами лишь факт сосуществования двух терминов, определяющих одно и то же явление: одного, характерного для эпохи XIII—XV вв., — «закладень»; другого, характерного для XVI—XVII вв., — «закладчик». Что же касается сочетания в приговоре 1584 г. терминов «закладчики» и «торговые люди», то здесь имеется в виду не столько социальное определение, сколько квалификация по фискальному признаку: с «торговых людей» шла какая-то особая «царская дань», повидимому, совокупность торговых и таможенных сборов. Надо полагать, что большинство «торговых людей» были крестьяне, обладавшие материальным достатком и имевшие поэтому возможность принимать то или иное участие в торговле.

¹ Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника, стр. 121. М., 1925.

Расслоение феодальной деревни в XVI в. представляется фактом в достаточной степени неоспоримым. Развитие товарно-денежных отношений и связанное с ним усиление эксплуатации крестьянства помещиками вызывало экономическое расслоение московской деревни. Это подтверждает и наблюдательный немец-опричник Штаден: «Теперь некоторые крестьяне страны имеют много денег, но этим отнюдь не хвастаются». Наоборот, — продолжает Штаден, — крестьянин «хочет ухорониться, чтобы ему не чинили несправедливости».¹ Под «несправедливостью» здесь, очевидно, разумеется каждодневная опасность для крестьян подвергнуться ограблению со стороны опричников; сам Штаден, как известно, неоднократно участвовал в подобных «операциях», приносящих ему немалый доход. В этих условиях крестьяне, имевшие «много денег», полученных ими либо от торговли, либо от занятий промыслами, могли продолжать свои занятия более или менее спокойно, лишь «ухоронившись» за тарханщика.

Сообщение Штадена о богатых крестьянах относится к центральным областям Московского государства. Едва ли, однако, не в большей степени его можно применить к крестьянству отдаленного Поморья, в частности интересующего нас Двинского края, которое энергично занималось торговлей и промыслами. Стимулом к этому среди других причин служила также начавшаяся торговля с Англией (с 1553 г.), главной артерией которой являлась Северная Двина. Явление закладничества среди крестьян имело, конечно, место и в Двинском крае, но слагалось оно здесь не из страха перед опричниками. Закладничество в Поморье следует объяснять, главным образом, стремлением чернососного крестьянства (и посадского люда) выйти из под тяжелого налогового пресса государства, весьма усилившегося к 80—90 годам XVI в.

Итак, на путях ликвидации кризиса видное место следует отвести деятельности церковных соборов 1580 и 1584 гг. Проведение их решений в жизнь должно было дать увеличение фонда земель для последующей раздачи их помещикам (для севера, где не было служилого землевладения, — возвращение земель в тягло), обеспечение поместий «воинского чина» рабочей силой и удовлетворение фискальных интересов государства (т. е. максимальное выжимание тягла из крестьянского населения страны).

Каким же образом осуществлялось проведение постановлений соборов 1580 и 1584 гг.? Ответом на этот вопрос служат обнаруженные нами материалы о сыске крестьян-закладчиков в Двинском крае.

В расходных книгах Антониева-Сийского монастыря за 1585 г. имеется следующая запись: «Месяца генваря в 6 день приезжал с Москвы в монастырь, по царскому наказу и по росписи, за приписью дьяка Ондreja Щелкалова, государской посланник Тимофей Кузьмин сын Шокуров, из-за монастырей крестьян возити. И доправил на монастыре, на игумене Петериме и на братии, за прошлые лета, за торговую пошлину и за деревенские подати, взял из казны государевых денег 57 руб. 30 алт.» и т. д. Далее в записи шел счет расходам, обычно связанным с приездом всякого рода «государевых посланников»: «да себе [он, Шокуров] доправил поминка 10 руб., да ему же куплены четки, даны 7 гривен; да людям его и на корм ему издержали на Колмогорах рубль и 10 алт.»²

Антониев-Сийский монастырь, куда прибыл Шокуров, был в

¹ Г. Штаден. Цит соч., стр. 121, 122.

² Приходо-расходная книга Сийского монастыря XVI в. Рукопись Арханг. собр., хран. в Рукоп. отд. БАН, л. 176 об.

80-х годах XVI в. крупнейшим монастырем Двинского края. Возникнув в 20-х годах XVI в., он к интересующему нас времени уже обладает довольно обширной вотчиной и разнообразными финансовыми и судебными льготами.

О том, насколько обширна была вотчина монастыря, говорит нам, например, «отводный список» переписчика Андрея Толстого, произведшего по «государеву слову» отвод земель монастырю, в 1579 г. Ему было предписано: «круг монастыря отмерити лесу и пашен, лугов и озер и всяких угодей на две стороны от монастыря к Сие да к Хоробрице по 6-ти верст в длину, а на третью сторону к Емце на 15 верст, и на четвертую сторону к Каргополю на 50 верст, и отдать в монастырь игумену Петериму з братьею». ¹

В отношении финансовых привилегий Антониев-Сийский монастырь почти ничем не отличался от центральных монастырей Московского государства того времени. Что же касается судебного иммунитета, то он представлял даже известное исключение. Мы имеем в виду подведомственность игумену Антониева-Сийского монастыря дел о душегубстве и татьбе с поличным, как правило изъятых из компетенции монастырей с 1551 г. ²

Обладание максимально полным «тарханом» и превращало Антониев-Сийский монастырь в ту «тихую заводь», где можно было «ухрониться» крестьянству от тяжелых условий жизни, выражавшихся для Поморья прежде всего в чрезмерном государственном тягле.

Шокуров был послан на Двину «из-за монастырей крестьян возити». Не располагая текстом наказа, данного ему в Москве, мы имеем возможность восстановить содержание наказа на основании современной выписи из него. К сожалению, выпись эта, территориально относящаяся к району Неноксы, не связывается с каким-либо определенным лицом. Возможно, что она была сделана из наказа Шокурову, возможно — из наказа какому-либо другому «государеву посланнику», например Дементию Яковлеву, приезжавшему в декабре 1584 г. в Холмогоры обыскивать «про обельные монастыри, и про немцы аглинские, и про Ивана Белоборода». ³

Из выписи узнаем, что «государеву посланнику» предписывалось обыскать «Троецкого и Кириллова монастыря и Соловецкого и Сийского и Николы чудотворца и Прилуского и Архангельского монастыря и иных монастырей на Двине, закладных или купленных или данных черных деревень и пашенных земель и санных покосов, красных ловель и всяких угодей, порознь, за которым монастырем сколько чего». Далее требовалось выяснить, кто именно и что (какой объект) передал монастырям и по какой сделке (титул владения); сколько времени прошло с момента передачи, и как это отразилось на платеже государевых податей и отбывании повинностей. В отношении сыска «закладчиков» предлагалось обыскать «кто [из] Двинян и в посаде закладчиков есть ли, за которым монастырем, и будет есть и сколь давно заложися, хто за которой монастырь и хто имянем, и сколько хто платил наших податей». В остальной части «выпись из наказа» посвящается специально соляным промыслам: принимают

¹ Архив ИИ АН СССР. Акты Сийского монастыря.

² Судя по подтверждению 1551 г. жалованной грамоты монастырю 1545 г. февраль (Сб. ГКЭ, I, № 109), игумен Сийского монастыря был лишен права разбирать дела о душегубстве и татьбе с поличным, но вскоре это право было снова ему предоставлено (жалов. грамота 1578 г.), вполне возможно в силу симпатий к монастырю семьи Грозного.

³ Выпись из наказа 1584 г. не ранее сентября. Архив ИИ АН СССР. Белозерские акты, по описи 1927 г., № 438; РИБ, XXV. Акты Ладомской церкви, №№ CLXV и CLXVI (стр. 103—105).

ли монастыри участие вместе с земскими людьми в платеже податей и в несении повинностей. Особо в выписи выделен вопрос о крупных солепромышленниках, вологжанах Кобелевых. В заключение «государеву посланнику» следовало подвести итоги, сколько было переплачено двинянами земскими людьми всякого рода податей за не платившие в силу имевшихся тарханов монастыри, особенно за время с 1581 по 1584 гг. Таково содержание выписи из наказа 1584—1585 г.

Что касается «росписи», которой вместе с наказом должен был руководствоваться Шокуров, то она, очевидно, представляла собой перечень земель, перешедших в монастыри и обеленных в силу принадлежавших им тарханов, суммы полагающихся с этих земель сборов и, наконец, поименные упоминания заложившихся за монастыри крестьян. Судим в данном случае по аналогии с «росписью» 1648—1649 г. о сыске закладчиков, представлявшей, между прочим, и перечень крестьян с указанием тех деревень и волостей, за которыми они значились по писцовым книгам.

Итак, мы установили основные директивы наказа «государевым посланникам» по реализации постановлений соборов 1580—1584 гг. Как же они их проводили, прибыв на места? И, в частности, как их проводил Шокуров по отношению к Антониеву-Сийскому монастырю? На первом месте здесь стояла организация «обыска» земских волостных или посадских людей, подтверждавшего или дополнявшего данные, заключающиеся в «росписи». Так, по одной отписи, 29 декабря 1584 г., узнаем, что к «обыску» про монастыри, который производил Дементий Яковлев из Лодьмы «на Колмогоры людей, и попа, и дьяка посылали».¹

Представление об «обыске» земских людей мы можем получить из «обыскных речей» ненюкшан в 1584—1585 г. (сказанных вполне возможно и самому Шокурову). «Обыскные речи» ненюкшан прежде всего посвящались черным тяглым местам, дворам, варницам и другим угодьям, освоенным монастырями. «А те, государь, Троецкие Сийского монастыря и Никольские Корельского монастыря и Архангельские и Соловецкого и Кириловские промыслы, росолы их, варницы и угодья, — показывают ненюкшане, — с нами из начала были в черных сохах, во всяких тяглах». Несмотря, однако, на то, что перечисленные объекты давно уже были освоены монастырями и что в казне последних лежали на них разнообразные акты, — купчие, данные и закладные, — эти объекты до момента «обыска» все еще не были выведены из «черных сох». «И мы, государь, — продолжают ненюкшане, — черные тяглые остальные людишка с тех промыслов и государевых податей, в земских разметех, в конец загибли, платячи... за те монастыри».

Перед нами довольно обычная картина для XVI—XVII вв., когда переход тяглых земель и промыслов в состав монастырских вотчин и их последующее «обеление» шли за счет земских людей; последним приходилось весьма долго платить за вышедшие из тягла объекты «государевы подати и дани» и отбывать различные повинности. В связи с этим в «обыскных речах» звучат и мотивы, угрожающие интересам московского фиска; по заявлению ненюкшан, они настолько «охудали и одолжали и в конец загибли», платя за монастыри, что готовы и «остальные дворишка тяглые пометати да разбежались от них». «А иные, государь, — добавляют они, — и разбежались от тех их нужи и от голоду». Нет сомнения, что большинство этих разбежавшихся тяглецов находили себе приют в вотчинах круп-

¹ РИБ, XXV, № CLXVI, стр. 105.

ных местных монастырей. Для них было несравненно легче, бросив свои участки и сев на монастырской земле, «дань и оброк давати с тех деревень в монастырь... по их государьской жаловальной грамоте по обельной»,¹ чем нести еще дополнительные, разоряющие их платежи за перешедшие в монастыри или покинутые тяглецами чернососшные земли. Из показаний ненокшан узнаем далее, что не только «в конец загибшие» тяглецы разбегались и закладывались за монастыри, но даже «лучшие», по терминологии того времени, зажиточные люди, занимавшиеся промыслами и торговлей, следовали их примеру. Так, «в Кириллов монастырь... заложился... в 86 году Ненокшанин, лутчей человек, из тягла, из черных сох, Павел Афанасьин с. Тарлятин, и продал и отвел двор свой за Кириллов монастырь...» — жалуются ненокшане. Так же поступил и другой крупный солепромышленник из посадских людей, Иван Михайлов с. Кологривов.

Если многочисленные тяглецы уходили с чернососшных земель в виду грозивших им полного разорения и бродяжничества «меж двор» (питаясь «христовым именем»), то представители зажиточного слоя этих тяглецов, вроде упомянутых Тарлятина и Кологривова, «закладывались» за монастыри, главным образом из-за выгоды, «чтобы пошлин... государевых не платить ни с каких торгов и промыслов». По своему экономическому весу они вполне подходят под категорию «торговых людей», упомянутых в соборном приговоре 1584 г. Именно среди них московское правительство находило и так называемых «сведенцев» для пополнения рядов столичного купечества.

Окончив «обыск» о «заложившихся» за Антониев-Сийский монастырь крестьянах и собрав все нужные ему сведения, Шокуров приступил к возвращению этих крестьян на старые места, в тягло; он стал, по выражению записи 1585 г., из-за монастырей «крестьян возити». Вывезя и посадив на старое тягло того или иного монастырского «закладчика», Шокуров дальнейшую ответственность за него возлагал на крестьян той волости, к которой «закладчик» принадлежал. Ответственность эта фиксировалась в специальных поручных записях. К сожалению, мы располагаем пока только одной такой записью от 8 января 1585 г., сохранившейся в архиве Антониева-Сийского монастыря.

В ней группа крестьян Емецкого стана «поручилась» по «закладчиках» монастыря Аввакумовых (семья из 4 человек) в том, чтобы «жити им за нашею порукою за государем, на Емецком стану, на государеве земли, на тяглом месте, и всякие государевы подати платить с становыми людьми ровно, а монастырскими заклатчики не называтись». Если же упомянутые Аввакумовы не будут жить «за государем» на Емецком стане и платить подати, или «учнут называтись монастырскими заклатчики», то «на порутчиках» должны быть взысканы «государева пеня, што государь укажет», а также прогоны от Москвы до Двины и обратно. В последнем пункте, очевидно, предусматривалась неизбежность, в случае повторения массового явления закладничества, приезда нового «государева посланника» для повторения «сыска».²

Мы располагаем еще одним документом — «отписью» Шокурова в получении «с монастыря с их (т. е. монастыря) промыслов, с варниц, и с поль, и с пожен, и с рыбных ловель, что в Неноксе».

¹ Архив ИИ АН СССР. Акты Сийского монастыря, по описи № 452 (данная 23 мая 1578 г.).

² Там же, по описи № 521 (Поручная 8 января 1585 г.).

и с ыных дровень и с угодей, которыми они (монастырь) владеют, а податей государевых не платят... за торговую пошлину и за деревенские подати» — 57 р. 30 алт. 5 д. Эта сумма включала в себя «пошлины и подати» и за «прошлые годы» в соответствии с директивной наказа, начиная с 1581 г. Руководством при взыскании с монастыря указанной суммы служила Шокурову, кроме показаний земских людей, «государева роспись», повидимому та, о которой мы упоминали выше; специально же для взыскания невыплаченных Антониевым-Сийским монастырем «таможных денег» Шокуров пользовался двинскими таможенными книгами, куда, по словам все тех же ненокшан, записывалось «сколько в котором году монастыри каких товаров продали и купили». ¹

Взыскания торговых пошлин, промысловых и «деревенских» податей означали ликвидацию разнообразных финансовых льгот, истекавших от предоставленных монастырям «тарханов». Отныне монастыри должны были, «подмогая» двинянам, «черным людишкам», нести бремя государева тягла, т. е. по соответствующей раскладке принимать участие в платежах и повинностях, падавших на черносошные земли. Предполагалось, что такое участие не позволит крестьянам «в конец загибнуть, платячи за монастыри», или разбегаться и тем самым наносить ущерб фискальным интересам московского правительства.

Изложенным исчерпывается содержание наших материалов о сыске закладчиков и ликвидации монастырских тарханов на территории Двинского края. В силу скудости материалов, отображающих практику проведения в жизнь приговоров соборов 1580 и 1584 гг., сообщенные материалы представляют, нам кажется, известный интерес и могут быть использованы, в совокупности с другими данными, для изучения истории крестьян конца XVI в., в частности — вопроса об их прикреплении к земле. Некоторый опыт такого использования мы и предлагаем в следующей части нашего этюда.

II

Слишком тяжело было положение в Московском государстве в 80-х годах XVI в., чтобы пытаться поправить его исключительно с помощью соборов 1580 и 1584 гг., т. е. за счет ограничения территориального роста церковного землевладения и отмены тарханов. Ликвидация серьезнейшего социально-экономического кризиса, каким было охвачено Московское государство, требовала системы мероприятий, более или менее обширных и длительных. С этой точки зрения созыв соборов, несмотря на всю их важность, должен быть признан только дополнением к другим мерам, проводившимся московским правительством в целях борьбы с кризисом. ² На такое именно назначение собора 1584 г. указывает нам его приговор.

Из приговора мы узнаем, что «тарханы» отменялись временно, «пскаместа земля поустроитца и помочь во всем учинитца царским осмотрением». Следовательно, главным мотивом отмены «тарханов» являлось «устроение» земли с помощью царского «осмотрения», т. е. разработки известных мероприятий для осуществления этого «устроения». В число их, между прочим, должна была войти и отмена тарханов, сильно препятствовавших в данный момент целям московского правительства. То же следует сказать и о запрещении приговорами

¹ Архив ИИ АН СССР. Акты Сийского монастыря, по описи № 520 (отпись 7 января 1585 г.); Белозерские акты, по описи 1927 г., № 438.

² Б. Греков. Цит. соч., стр. 139.

соборов 1580, 1584 гг. увеличивать церковные вотчины. Такое увеличение также должно было мешать предполагавшемуся «устроению» земли, внося в него элементы хаоса.

Из приговора собора 1584 г. мы узнаем далее, что царь и правительство предприняли в отношении «устроения» земли «многая попечения», т. е. приступили в какой-то мере к реализации намеченных мероприятий. В чем же они заключались? Мы не располагаем материалом, позволяющим судить о совокупности этих мероприятий. Исчерпывающий ответ на поставленный вопрос, быть может, заключался в недошедшем до нас таинственном «уложении» Грозного, относящемся, по видимому, к 1580 г., т. е. к моменту, когда особенно остро встала перед московской властью проблема ликвидации кризиса.¹

При таком положении дела остается только путь догадок. Несматривая на всю свою условность, они все же могут явиться некоторой рабочей гипотезой для дальнейших разысканий, которые либо подтвердят их, либо отбросят. Такова, надо сказать, вообще судьба построений в области вопросов, о которых сохранилось мало материалов, но которые тем не менее вызывают интерес исследователей.

Едва ли мы ошибемся, если скажем, что основные мероприятия московского правительства по «устроению» земли должны были быть сосредоточены вокруг выяснения состояния земельного фонда страны. Вопрос о нем осложнялся в данный момент еще и проблемой обеспечения земель, по крайней мере в окультуренной части, крестьянским трудом.

Поставленные задачи могли найти свое разрешение, прежде всего, при новом описании земель Московского государства. Только в результате приведения земельного фонда в полный порядок можно было действительно рассчитывать на то, что «земля поустроитца» и что на основе этого «устроения» «помочь во всем учинитца». Поэтому именно организацию и проведение в жизнь нового описания земель Московского государства следует считать краеугольным камнем всех остальных мероприятий правительства в годы кризиса. С этой точки зрения и отмена тарханов в 1584 г. и несколько более раннее введение «заповедных лет» являются лишь подчиненными мероприятиями в области максимально полного и эффективного осуществления этого, третьего в эпоху Грозного, «генерального» описания земель Московского государства.

В наши цели не входит изучение вопроса о составлении писцовых книг 80—90-х годов XVI в. в полном его объеме. В данном этюде нас интересует лишь одна сторона этого важнейшего мероприятия: отношение писцовых книг к проблеме прикрепления крестьян к земле, весьма осложнявшейся в эти годы приведение в порядок земельного фонда страны.

За вторую половину XVI в. известны три описания земель Московского государства: описания 50-х, 70-х и 80-х годов.² Все они производились в периоды времени, резко отличавшиеся друг от друга. Отсюда — некоторое различие целевых установок описаний. Не от-

¹ Единственное, насколько нам известно, упоминание об этом «уложении» встречается в правой грамоте 11 июля 1584 г., опубликованной Н. Лихачевым в «Сборнике актов», СПб., 1895, № XV (IV), стр. 249. См. также Б. Греков. Происхождение крепостного права в России. Сб. «Крепостная Россия», стр. 69—70. Л., 1930.

² Укавываем годы начала описаний; само собой разумеется, что описания некоторых уездов переходили и в следующие десятилетия. Перечень описаний XVI в. см. у П. Милюкова. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства, стр. 157—173, СПб., 1892.

раженные в довольно устойчивом формуляре писцовых книг, установки эти и их специальная направленность выясняются лишь из дальнейшего их практического применения. Так, описание 50-х годов обуславливалось важной реформой — введением «сошной меры», т. е. измерения земли не только записью сох («сошное письмо»), но и количеством четвертей.¹ Мысль об этой реформе, сформулированная в «царских вопросах» к «Стоглаву»,² появилась не только в целях наилучшего удовлетворения фискальных потребностей государства, но и, — пожалуй, главным образом, — в связи с разрабатываемыми проектами о реорганизации военной службы, вылившимися, как известно, в особое «уложение» 1556 г. «Человек на коне в доспехе в полном, а в дальний поход с дву конь, со 100 четвертей доброй угодной земли» — такова новая норма поставки воинов в полки.

Менее ясными представляются нам цели описания 70-х годов. Оно возникает, повидимому, в виду срочной потребности зафиксировать огромные людские и земельные перемещения, вызванные «опричниной» и напряженной военной обстановкой. Требовалось подвести к данному моменту известные итоги хозяйственного состояния Московского государства и определить его дальнейшие перспективы.

Третье описание 80-х годов происходит на фоне тяжелого внутреннего кризиса в государстве. Перед правительством в последние годы царствования Грозного и при его сыне Федоре встает труднейшая и ответственнейшая задача приведения в порядок хозяйства страны. В реализации этой задачи на первом месте стоит выработка мер, приостанавливающих катастрофическую текучесть трудового населения — крестьянства черных волостей, вотчинных, дворцовых и помещичьих имений. Искания правительства в этом направлении приводят к мысли о необходимости прикрепления крестьян к земле. Только таким путем можно было в данный момент реально помочь «воинству» в преодолении его «великой тощеты», а также способствовать восстановлению опустошенной в годы войны «государевой казны». Таким образом, на этот раз вновь проводимому описанию и писцовым книгам, помимо их обычного назначения — подспорья в финансовой и военной политике, московское правительство предполагает придать еще и характер акта, прикреплявшего крестьян к земле. Следует отметить, что и раньше на практике проявлялось закрепляющее значение записи в писцовые книги для крестьян-старожильцев, но оно еще далеко не являлось тогда правилом. Вокруг этого значения писцовых книг происходят споры. Самое основание для прикрепления — старожильство — страдает большой неопределенностью и потому допускает различные толкования. Но все же наличие отметок «приходец», «приходец» и т. п. (в целях противопоставления их крестьянам-старожильцам), учащающееся в писцовых книгах XVI в. — особенно к интересующим нас годам, указывает на все растущее значение этих книг в прикреплении крестьян. Московскому правительству оставалось лишь воспользоваться для разрешения крестьянского вопроса слагавшимся уже издавна институтом и придать ему общее и обязательное значение. Это значение и устанавливается, когда к 1592—1593 г. заканчивается описание большинства уездов Московского государства, начатое за 10 лет до этого. Крестьяне, попавшие в писцовые книги 1581—1592 гг., стали считаться крепкими земле, на

¹ П. М и л ю к о в. Цит. соч., стр. 51—52.

² Мы имеем здесь в виду «царские вопросы», сообщенные И. Ждановым в статье «Материалы для истории Стоглава», Ж. М. Н. П., стр. 54—64, июль 1876. В опубликованные тексты «Стоглава» они не вошли.

которой оказались в момент описания, и тем самым потеряли право на выход или, точнее, на вывоз в другие места.¹

На закрепляющее значение записи в писцовые книги 1581—1592 гг. указывает нам ряд более поздних источников. Так, Николаевский Корельский монастырь в своей челобитной 1592 г. о бегстве монастырских крестьян в доказательство своих прав на них прежде всего ссылается на записи их в писцовые книги: «и как деи писал писец наш князь Василий Звенигородской с товарищи всю Двину и Двинский уезд и их Никольскую вотчину, и тех деи их крестьян, Парфенка да Вешнячка, написал за Корельским монастырем». ² Писцовые книги по Двине составлялись Вас. Звенигородским в 1586—1587 г. Закрепляющее значение записи крестьян в эти же книги подтверждается и в жалованной грамоте тому же монастырю от 1607 г., где говорится, что если сбежавшие из монастырской вотчины крестьяне окажутся записанными за ним «в писцовых в княж Васильевых книгах», то их, сыскав, следует отдавать назад монастырю «на старые деревни, где хто жил». ³

Если приведенные факты касаются закрепляющего значения писцовых книг в определенном районе, то указ 1597 г. и соборное уложение Василия Шуйского 1607 г. говорят об этом свойстве книг 1581—1592 гг. в общегосударственном масштабе. Обратимся к анализу писцовых книг с этой точки зрения. Начнем с уложения 1607 г. В том месте его, где излагается история закрепощения крестьян в царствование Федора Ивановича, мы находим следующие строки: «а царь Федор Иоанович по наговору Бориса Годунова, не слушая совета старейших бояр, выход крестьяном заказал, и у кого колико тогда крестьян было, книги учинил». Далее читаем: «которые крестьяне от сего числа (т. е. 9 марта) пред сим за 15 лет в книгах 101 году (т. е. 1592—1593 гг.) положены, и тем быть за теми, за кем записаны; а буде те крестьяне вышли за кого иного... и тех крестьян отдавати по тем книгам, со всеми их животы, тем, за кем они писаны». ⁴

В приведенных цитатах мы имеем совершенно определенное указание на утрату крестьянами права «выхода» в силу записи их в книги 1592—1593 г. Установленный 15-летний срок для сыска вышедших крестьян также ведет нас к тем же книгам. Само собой ра-

¹ М. Дьяконов. Сельское население Московского государства, стр. 30—31, СПб., 1901.

² РИБ, XIV, № XII, стр. 135—137.

³ АИ, II, № 77, стр. 103—106.

⁴ Соборное уложение 1607 г. было опубликовано В. Н. Татищевым. Ряд ученых, подозревавших Татищева в способностях «изобретать древние предания и рукописи» (Н. Карамзин. История государства российского, XII, прим. 165), распространял свое подозрение и на интересующий нас источник, особенно на его вводную часть. Высказывались догадки, что его мог «сочинить» сам В. Н. Татищев, или что последний мог иметь дело с подделкой, совершенной ранее и ему кем-то предложенной. Однако анализы документов, скопированных и подготовленных к печати Татищевым (не только Судебника, где помещено уложение 1607 г., но и других), произведенные в последние годы С. Б. Веселовским и Б. Д. Грековым, убедительно показали, что подобные работы выполнялись Татищевым по существу добросовестно. Названные исследователи в положительной оценке этих работ Татищева исходили из произведенного ими сопоставления ряда снятых Татищевым копий со списками тех же документов, но иного, не татищевского происхождения. В. Н. Татищев считал вполне возможным подновлять текст, сокращать его, но при этом он всегда точно передавал основные мысли документа. С. Б. Веселовский пришел к выводу, что уложение 1607 г. заслуживает полного доверия, так как его содержание «в общем и основном» подтверждается и другими источниками (См. С. Веселовский. Из истории закрепощения крестьян. «Ученые Записки РАНИОН», V, стр. 205—206 и др.; Б. Греков. Происхождение крепостного права в России. Сборник «Крепостная Россия», стр. 78—84, Л., 1930).

зумеется, что в дате 1592—1593 г. мы должны видеть только год, когда было закончено описание большинства уездов Московского государства. Началась же эта огромная работа, как известно, с 1581 г.

Переходим к указу 1597 г. Прямое указание соборного уложения 1607 г. на закрепляющее значение писцовых книг 1581—1592 гг. косвенно подтверждается и указом 1597 г. Устанавливая 5-летний срок для сыска и возвращения беглых крестьян, указ 1597 г. отсчитывает этот срок от 1592 г., т. е. от крайней даты описания земель Московского государства, произведенного в 80-х годах.

В целях дальнейшего обоснования положения, что под датой 1592 г. мы должны разумеать именно крайнюю дату указанного описания и что сопоставленным в это описание писцовым книгам был придан характер акта, прикреплявшего крестьян к земле, остановимся еще несколько на сроках сыска крестьян по указу 1597 г. и уложению 1607 г.

В специальной литературе была высказана мысль, что указ 1597 г. являлся законом, не закрепощающим, а освобождающим от крепости. Высказавший ее исследователь П. И. Беляев считал, что установление 5-летнего срока давности проживания на чужой земле, после чего будто бы иски на крестьян не имели уже значения, должно было произвести радикальные перемены в положении старинного и пришлого крестьянства, что будто бы по истечении указанного срока помещик (или государство, если то была черная земля) терял всякую власть над крестьянином, бежавшим от его притеснений.¹

С таким толкованием указа 1597 г. нельзя согласиться. Указ этот ни в какой мере не освобождал от крепости; наоборот, он, как увидим, максимально подчеркивал закрепостительные тенденции издавшего его правительства. В самом деле, какое крестьянство имел в виду указ 1597 г. — старинное или новопришлое? Устанавливаемая указом хронологическая грань — 1592 год — для сыска крестьян — убеждает нас в том, что в основном указ 1597 г. имел в виду лишь новопришлых крестьян. Только относительно них требовалось теперь добиваться суда «накрепко, всякими сыски», чтобы определить их связь с землей, которую они покинули. Что же касается крестьян, бежавших «за 6 и за 7 и за 10 и больше» лет, т. е. до 1592 г., то их судьба разрешалась на основании акта записи в писцовые книги 1581—1592 гг. Иски на этих крестьян не принимались, так как они подлежали бесспорному возврату на старинные свои места, где их в свое время застало описание. Такой порядок был, повидимому, хорошо известен помещикам и вотчинникам того времени.

Приведем пример. В 1591 г. из вотчины Вяжицкого монастыря бежал крестьянин. Монастырь лишь в 1599 г. подал о нем челобитную. Помещица, в имении которой находился этот крестьянин, без спору, «не ходя в суд», отдала его монастырским властям, несмотря на то, что между указом 1597 г. и годом бегства крестьянина прошло 6 лет. Основанием, в виду которого помещица считала бесполезным спорить с монастырем, была запись этого крестьянина за монастырем в писцовых книгах.²

Помещики сами были виноваты, если не подавали до 1592 г. соответствующих челобитных с требованием сыска и возвращения крестьян на старые места, чтобы занести их в писцовые книги. Челобитные таких помещиков, поданные позже 1592 г., уже не удовлетво-

¹ П. Б е л я е в. Древнерусская сеньерия и крестьянское закрепощение, Ж. М. Ю., № 9, 1916 г., стр. 132—133.

² А. Ю., № 189. См. В. К л ю ч е в с к и й. Происхождение крепостного права в России. Опыты и исследования, первый сборник статей, стр. 226, П., 1919.

рялись. Но были помещики, которые во время производства описания интересовались возвращением бежавших с их земель крестьян; они могли, быть может, одновременно с подачей до 1592 г. челобитных условно записать сбежавших крестьян в составлявшиеся писцовые книги. Дела, возбужденные по челобитным таких помещиков и не оконченные производством до издания указа 1597 г., этим указом было предписано «вершители», не считаясь с давностью бегства разыскиваемых челобитчиком крестьян. Раз они были записаны в писцовые книги, вопрос об их возвращении не подлежал сомнению и не мог затруднять сложными розысканиями тогдашнее судопроизводство.

Таким образом, никакой радикальной, якобы «освобождающей» от крепости, перемены в положении крестьянства указ 1597 г. не вызывал. В судьбах крестьянства указ этот, нам кажется, сыграл совершенно обратную роль. Для старинного крестьянства он лишь подтвердил значение записи в писцовые книги как совершенно определенного правоспособия для окончательного прикрепления его к земле. Что же касается новопришлого крестьянства, то для него введенная указом пятилетняя исковая давность являлась теперь четко очерченным кругом, из которого был единственный выход — бегство на отдаленные окраины Московского государства, так как в центре беглые этой категории, рано или поздно, попадали в поле зрения органов, ведающих «суд и сыск» о беглых крестьянах.

Соборное уложение 1607 г. (III, 9), устанавливая, в соответствии с датой своего издания, 15-летний срок для сыска крестьян, также вполне согласуется с нашим построением. «Которые крестьяне, — читаем мы в нем, — от сего числа перед сим за 15 лет в книгах 101 году положены, и тем быть за теми, за кем писаны». Далее в уложении определяется порядок вершения дел о крестьянах, записанных в эти книги, и степень ответственности за их держание: «А буде те крестьяне вышли за кого иного и в том есть на крестьян тех, или на тех, кто их держит, челобитье, и те дела не вершены, или кто сентября по 1 число сего года (т. е. 1607 г.) будет бить челом, и тех крестьян отдавати по тем книгам со всеми ихivotы тем, за кем они писаны, до сроку Р. Х. 116 году без пожилого». В противном случае, кроме возвращения крестьян, с их держателей полагалось брать еще «за прием и пожилое по сему уложению».

Любопытно отметить, что приведенная цитата очень хорошо характеризует трудность проведения в жизнь, особенно в годы крестьянской войны начала XVII в., принципа крепости крестьян по писцовым книгам. Крестьянство, ведя ожесточенную классовую борьбу с помещиками, нисколько, конечно, не считалось с необходимостью сидеть на местах, установленных для них писцовыми книгами. Надо полагать, что именно массовый разброд крестьянского населения, порвавшего с крепостью земле по книгам 1581—1592 гг., и был причиной появления в уложении Шуйского подробно развитой статьи о значении этих книг в качестве основания к возврату беглецов.

Следующая за приведенной статья уложения — «а не было о которых крестьянах челобитья по сей день и сентября по 1 не будет, и тех, после того срока, по тем книгам не отдавати, а написати их в книги, за кем они ныне живут», — указывает, что принцип прикрепления крестьян к земле через писцовые книги находит себе дальнейшее применение и прочно утверждается московским правительством в деле «устроения земли» в начале XVII в.¹

¹ Указ 1597 г., XI, 24, см. АИ, П. № 224; Соборное уложение 1607 г., III, 9, см. Судебник, изд. В. Н. Татищевым, изд. 2, стр. 240—246.

Итак, анализ приведенных источников приводит нас к выводу об исключительно важном значении писцовых книг в процессе прикрепления крестьян к земле в конце XVI в.

III

Переходим теперь к вопросу о «заповедных летах». В эти годы запрещался выход и вывоз крестьян, и таким образом, теряла свое значение знаменитая ст. 88 царского Судебника о крестьянском выходе в Юрьев день осенний. Заповедными, как известно, считаются годы, начиная с 1581 по 1592 и далее 1600 и 1606—1607.¹ Полагаем, что «заповедные лета», будучи введенными в 1581 г. в качестве временной меры, за исключением 1602, 1603 и быть может 1604 гг., в дальнейшем не отменялись вовсе. Только случайное отсутствие в настоящее время документальных данных не позволяет нам превратить отмеченные отдельные звенья «заповедных лет» в сплошную их цепь. По наблюдениям Б. Д. Грекова, под действие «заповедных лет» попадала вся территория Московского государства, а не только отдельные местности, как в свое время полагал М. А. Дьяконов.²

Какую же роль следует отвести «заповедным летах» в прикреплении крестьян? Если составление писцовых книг 1581—1592 гг. являлось в этом отношении основным мероприятием московского правительства, то введение «заповедных лет» следует, нам кажется, считать дополнительным или, лучше сказать, вспомогательным средством к осуществлению этого мероприятия. В самом деле, можно ли рассматривать «заповедные лета» изолированно, как нечто самодовлеющее? Могло ли московское правительство, объявляя в том или ином районе «заповедные лета», т. е. запрещая свободные переходы крестьян с места на место, или же их возку помещиками и вотчинниками, этим только и ограничиться? Такое применение указа о «заповедных летах» ничего не дало бы московскому правительству в борьбе с одной из важнейших причин кризиса 80-х годов — утечкой крестьянского населения. Несомненно, придавая крестьянскому населению того или иного района известную неподвижность, «заповедные лета» должны были повлечь за собой и какие-то дальнейшие меры. Московское правительство должно было немедленно воспользоваться создаваемой указом о «заповедных летах» неподвижностью населения, тем более что она была конечно весьма условной: крестьянское население района, находившегося под «заповедью», продолжало, вероятно, уже в меньшей степени, разбредаться и развозиться. Такими дальнейшими и необходимыми, за введением «заповедных лет», мерами являлось все то же описание земель государства и составление писцовых книг. В связи с этим не случайным представляется нам, например, то, что первое упоминание о «заповедных летах» относится к Новгородской области и хронологически совпадает с началом описания ее пятин в 1581—1582 г., а также и то, что составление писцовых книг для большинства уездов Московского государства падает на «заповедные лета» 1581—1592 гг.

Мы уже указывали, что под «заповедными летами» понимаются годы, когда запрещались переходы и возка крестьян с места на место. Это запрещение, однако, не следует считать абсолютным. Известен ряд фактов, когда возка крестьян продолжалась и в «заповедные лета»; некоторые же из фактов наводят на мысль, что возка даже обуславливалась «заповедными летами». Так, например,

¹ С. Веселовский. Из истории закрепощения крестьян, стр. 216.

² Б. Греков. Очерки по истории феодализма в России, стр. 139—140.

по уставной грамоте Торопцу 1590—1591 г. торопчанам предоставлялось право возвращать старинных своих тяглецов «из-за князей и из-за монастырей и из волостей» в «заповедные годы».¹ В грамоте Николаевскому Корельскому монастырю 1592 г. читаем: «Да и впредь бы есте из Никольские вотчины крестьян в заповедные лета до нашего указа, в наши черные деревни не волозили (т. е. не вывозили — Н. Ч.), и тем их Никольские вотчины не пустошили». Следовательно, если бы не полученная монастырем привилегия, его крестьяне в некоторых случаях подлежали бы именно в «заповедные лета» возке в черные деревни. Наконец, к сообщенным фактам в известной степени относится и запись из расходных книг Антониева-Сийского монастыря 1585 г. о возке из-за монастырей крестьян-закладчиков. То, что эта запись явилась в результате реализации на местах приговора собора 1584 г., не противоречит, как мы увидим, приведенным фактам.

Исходя из анализа Торопецкой уставной грамоты 1590—1591 г. и грамоты Николаевскому Корельскому монастырю 1592 г., М. А. Дьяконов пришел к выводу, что «заповедные лета» представляли собой «установленные сроки, в течение которых заинтересованным было предоставлено принять меры к возвращению всех неправильно вышедших и беглых старых тяглецов и, вместе с тем, было запрещено вывозить и принимать чужих крестьян и тяглых людей».² Упоминая далее о предпринятой в «это время» описи многих уездов Московского государства, он полагал, что установление «заповедных лет» способствовало срочному разрешению многочисленных споров землевладельцев между собой и тяглыми общинами. Такой порядок устанавливался временно, пока не будет закончено упомянутое описание.³

Считая, что «заповедные лета» нельзя толковать как абсолютное запрещение каких-либо передвижений крестьян, М. А. Дьяконов делал, как мы видели, попытку связать их с производившимся описанием 1581—1592 гг., но, однако, в качестве не вспомогательного фактора, а лишь параллельного: время от времени, независимо от описания, в «заповедные лета» могли разрешаться вопросы, являвшиеся в конце концов едва ли не главной целью данного описания.

В связи с изложенными выше соображениями о мероприятиях московского правительства по борьбе с кризисом 80-х годов XVI в. нам кажутся несколько иными целевые установки «заповедных лет» и их связь с описанием 1581—1592 гг. «Заповедным летам», уже в момент их установления, т. е. еще в 1581 г., мог быть придан двоякий смысл: помещики и вотчинники не могли вывозить крестьян стихийно, но разрешалось вывозить их организованно, с помощью «государевых посланников» или уполномоченных на то представителей местной власти (земских судей и т. п.).

М. А. Дьяконов считал, что и возка крестьян и ее запрещение в «заповедные лета» производились в непосредственных интересах помещиков, вотчинников или мирских организаций. Думается, однако, что это было не так. Организованная возка крестьян в «заповедные лета», если и учитывала интересы помещиков, вотчинников или мирских организаций, то лишь в более или менее отдаленном будущем. Непосредственные же цели такой возки находились в прямом подчинении

¹ И. Побойнин. Торопецкая старина. «Чтения Общ. истории и древностей», II, 1902. М. Дьяконов. «Заповедные лета» и «старина». Сб., посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову, стр. 110, Киев, 1904. Егже. Заповедные и выходные лета, «Изв. Петр. Политехн. Ин-та», XXIV, 1915.

² М. Дьяконов. «Заповедные лета» и «старина», стр. 111—113.

³ Там же, стр. 111, 113, 122.

основному мероприятию по «устроению» земли в Московском государстве — ее описанию. «Заповедные лета» с их организованной возкой крестьян и являлись, нам представляется, одним из вспомогательных средств к успешному проведению этого описания. Приостанавливая передвижение, главным образом возку, крестьян, московское правительство рассылало на места своих представителей, которые и должны были заниматься предварительными работами по подготовке того или иного района к последующему описанию. Они производили там сыск о землях и крестьянах, разбирались в спорах о принадлежности крестьян к территории той или иной волости, того или иного поместья или вотчины и затем, по мере необходимости, или оставляли их в данном месте, или же вывозили туда, где они сидели прежде.

При осуществлении таких подготовительных к описанию работ «государевы посланники» или представители местной власти очень скоро, однако, должны были натолкнуться на весьма серьезное препятствие. Так, например, когда они подъезжали к монастырской вотчине, то находили вход за ее ограду запертым. В силу многочисленных прав и привилегий, обусловленных тарханскими грамотами, въезд на территорию монастырской вотчины всякого рода государственным чиновникам был запрещен совершенно или сильно ограничен. Между тем, в указанных подготовительных к описанию работах едва ли не на первом месте должно было стоять обследование именно монастырских вотчин. На основании «обысков» среди местного населения с несомненностью выяснялось, что многочисленные следы ушедших или вывезенных крестьян из поместий или тяглых общин вели к монастырским вотчинам и там обрывались, так как проследить их дальнейший путь было нельзя из-за тарханов.

Отсюда введения «заповедных лет» было еще не вполне достаточно для осуществления в полной мере подготовительных работ к описанию 1581—1592 гг. Крестьянскому населению поместных, вотчинных, дворцовых и черносошных земель попрежнему предоставлялась возможность «ухоронки» за стенами того или иного крупного монастыря. И вот, когда для московского правительства стало очевидным, что провести при существовании тарханов намеченное описание невозможно, оно решилось отменить их. Отмена тарханов в 1584 г. и начавшийся после этого сыск крестьян-закладчиков представляются нам как бы завершающим моментом в организации максимально благоприятной обстановки для проведения подготовительных и основных работ по описанию земли и усилению крестьянской крепости.

Связь отмены тарханов с основным мероприятием московского правительства по «устроению» земли — ее описанием, а также с «заповедными летами», устанавливается из следующего: отменяя тарханы, собор 1584 г. придавал этому мероприятию обратное действие: в наказах «государевым посланникам», осуществлявшим решения собора (в частности в Двинской земле), предписывалось взыскивать различные полагавшиеся с бывших тарханчиков сборы, начиная с 1581 г. Надо полагать, что, как правило, тот же срок применялся и к сыску закладчиков. Обратное действие отмены тарханов могло быть вызвано, кроме чисто фискальных интересов, также намерением правительства компенсировать неудачи в подготовительных работах по описанию за предшествующие годы в тех его частях, которые касались возвращения крестьян на старые места и закрепления их там по новым писцовым книгам. И здесь совпадение конечной даты обратного действия отмены тарханов с началом работ по составлению новых писцовых книг, вместе с одновременным введением «заповедных лет» в 1581 г., позволяет нам включить и эту отмену в круп

мероприятий московского правительства по «устроению» земли. Вполне вероятно, что правительство и раньше предусматривало необходимость отмены тарханов, именно тогда, когда устанавливало в 1580 г. принципы предстоящего «устроения» земли. Однако хорошо известна постоянная неустойчивость московского правительства в области секуляризационной политики; это и в 1580 г. могло помешать принятию каких-либо определенных решений. Известно, что собор 1580 г. ограничился только запрещением роста церковного землевладения и лишь слабо намекал на необходимость борьбы с закладничеством. И только к 1584 г., убедившись в неосуществимости во всей полноте задач по «устроению» земли, московское правительство решилось, наконец, пойти против интересов своих «богомольцев» и временно отменило тарханы.

В том, что тарханы отменялись не навсегда, а временно, «пока места земля поустроитца», также следует видеть связь этого мероприятия с производившимся описанием. Само собой разумеется, что работы по «устроению» земли должны были носить срочный и временный характер. Однако определить сроки окончания таких работ представлялось тогда невозможным. Поэтому московское правительство и должно было в приговоре собора 1584 г. ограничиться довольно неопределенной формулой о длительности отмены тарханов. Вместе с тем в этой формуле правительство как бы давало духовенству известное обязательство восстановить тарханы как только завершатся работы по «устроению» земли. В тех же целях и «заповедным летам» придавался, как мы уже указывали, не постоянный, а временный характер.

Теперь, в свете высказанных соображений, нам хотелось бы еще раз вернуться к сообщенным выше материалам о действиях на далекой Двине «государева посланника» Шокурова. Приезд его на Двину совпадает с оживленной деятельностью там и других «государевых посланников». Мы уже упоминали о предшественнике Шокурова, Дементии Яковлеве, «обыскивавшем» монастыри в декабре 1584 г. И ранее, примерно за год до их приезда, мы наблюдаем целые группы «посланников», разъезжавших в разных направлениях Двинской земли. Приезды эти имели в виду не только частные случаи, вроде, например, «Кобелева дела в государском слове», или осуществления каких-либо специальных сборов. Они служили также и для выяснения общего положения дел на Двине. Как и всюду в Московском государстве, здесь также предстояло описание земли в целях ее «устроения». Посланники собирали, например, земские челобитные, в которых почти постоянным мотивом являлись жалобы тяглых общин на монастыри края (помещиков, как известно, на Двине не было), а также на тяжесть податного обложения, что связывалось в значительной степени с привилегированным положением монастырей.

Собранные таким путем материалы доставлялись в Москву, где подвергались систематизации и изучению. В частности, на основании их могла быть, например, составлена и та «ропись», которой руководствовался в своей деятельности Шокуров. Эти же материалы должны были отразиться и на наказах будущим «писцам и мерщикам», например, включением в них специальных клаузул, так сказать, местного назначения.

Деятельность Шокурова на Двине должна, нам кажется, рассматриваться не только с точки зрения реализации им решений собора 1584 г. Она подготовляла и предстоящее описание Двинской земли. Взыскивая с монастырей (в частности с Антониева-Сийского) всякого рода сборы и вывозя из-за них крестьян-закладчиков, Шо-

куров устанавливал известное положение только на данный момент. Для того же, чтобы приобрести характер постоянный, это положение нуждалось в дальнейшем в каком-то еще особом документальном подтверждении. На подготовительный, а не окончательный, характер работ Шокурова указывает, между прочим, и сообщенная выше поручная запись о вывезенных из-за Антониева-Сийского монастыря закладчиках. Едва ли поручная такого рода могла иметь значение длительно действующего акта.

Несомненно, что запись выведенного на старое тягло бывшего закладчика в писцовые книги освободила бы лиц, выдавших за него поручную запись представителям власти, от дальнейшей ответственности. И мы видим, что для Двинской земли сроки таких поручных оказываются не особенно продолжительными. Так уже вскоре после отъезда Шокурова в Москву (в марте 1585 г.)¹, а быть может еще и во время пребывания его в Холмогорах, там же появляется «государьской воевода», князь Василий Андреевич Звенигородский, глава будущей комиссии по описанию Двинского уезда, закончивший сравнительно незадолго до этого составление писцовых книг Бежецкой пятины (1581—1582 г.).² После поездки в феврале 1586 г. в Москву, очевидно, за окончательными директивами по описанию, кн. Звенигородский возвращается обратно, но уже не один, а «с товарищи», и в качестве писца.³ В течение 1586 г. (вероятно, второй его половины) и начала 1587 г. производится описание двинской земли и составляются писцовые книги.⁴ Описание кн. Звенигородского произошло в «заповедные лета», распространявшиеся, как мы уже знаем, и на Двинскую землю. Их назначение здесь в качестве вспомогательного средства к описанию должно было дать уже больший эффект, чем, например, при описании некоторых Новгородских пятин. Ведь с 1584 г. отпал ряд существенных препятствий, связанных с наличием монастырских тарханов.

Итак, в 1586—1587 г. было осуществлено новое описание Двинской земли. В результате этого описания крестьянство черносопшных волостей и монастырских вотчин прикреплялось к определенным территориям, что и фиксировалось в новых писцовых книгах. Отныне все споры о принадлежности крестьян к той или иной черносопшной волости или к монастырской вотчине могли разрешаться на основании соответствующих справок в книгах «письма и меры» кн. В. Звенигородского «с товарищи» 7095 г. Такое назначение этих книг мы и видели уже (для данного района) на примерах из практики Николаевского Корельского монастыря. Что же касается закрепляющего значения писцовых книг 1581—1592 гг. в целом, для всего государства, то оно подтверждалось указом 1597 г. и «уложением» 1607 г.

¹ Прих.-расх. кн. Аптон.-Сийск. мон. XVI в., л. 179 об.

² РИБ, XXV. Акты Лодомской ц., № СХХVI; Архив ИИ АН СССР, Рукоп. собр., № 406.

³ РИБ, XXV, № СХХХ, СХХХIV.

⁴ Там же, № СХХХVII.

Н. В. УСТЮГОВ

РАБОТНЫЕ ЛЮДИ НА СУХОНО-ДВИНСКОМ ВОДНОМ ПУТИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

Вопросы истории трудящихся классов населения далеко не достаточно разработаны в русской исторической литературе. Между тем, важность и очередность этой проблемы не вызывает ни малейшего сомнения. «...Историческая наука, если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям «завоевателей» и «покорителей» государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов».¹

В частности, к числу таких неразработанных вопросов относится и история транспортных рабочих на северных водных путях в XVII в. Правда, этот вопрос затрагивался А. А. Введенским в его статье «Заметки по истории труда на Руси XVI—XVII вв.»² и А. А. Савичем в его книге «Соловецкая вотчина XV—XVII вв.»³. Но первый из названных исследователей остановился главным образом на рабочих людях, обслуживавших строгановские транспорты; второй уделил внимание только обслуживающему персоналу судов Соловецкого монастыря. Общей же картины условий труда транспортных рабочих до сих пор не было дано.

Сухоно-Двинский водный путь имел чрезвычайно большое значение для всего Московского государства. В 1553 г. англичанин Ченслор посетил устье Северной Двины, и с этого времени у Московского государства завязались оживленные торговые сношения с англичанами и голландцами. Был построен морской порт Архангельск, куда ежегодно стали приезжать иностранные купцы. С другой стороны, в последней четверти XVI в. была завоевана Сибирь, и началось освоение ее огромных пушных богатств. Сухона и Двина до устья Вычегды явились основным водным путем и в Сибирь. Обслуживание этих водных путей требовало значительной затраты труда со стороны посадского населения и крестьян прибрежных волостей. Этот вид труда стал одним из основных занятий посадского и уездного люда в посадах и волостях, расположенных по берегам Сухоны, Двины и Вычегды.

Настоящее исследование основано на данных писцовых, таможенных и ямских книг по поморским посадам. На ряду с этим привлечен обширный делопроизводственный и актовый материал, взятый главным образом из фонда Приказных дел старых лет за первую половину XVII в. и отчасти из Столбцов Оружейной палаты и Приказных дел новой разборки за тот же период. Все названные источники хранятся

¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс, стр. 116, М., 1938.

² «Архив Истории труда в России», кн. 3, стр. 51—70, Пгр., 1923.

³ Пермь, 1927.

в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ) в Москве, писцовые книги составляют особый фонд, таможенные и ямские хранятся в фонде городских книг. Поэтому в дальнейших ссылках название архива опускается и указывается прямо тот или иной фонд. Наиболее значительный материал для истории транспортных рабочих дают ямские книги, т. е. книги ямских отпусков, содержащие записи расходов на транспорт по казенной надобности. Не менее ценный материал дают и таможенные книги, где имеются записи пошлин. Эти записи дают представление о передвижении рабочих людей в поисках заработка. Особо следует отметить тотемские таможенные книги, которые содержат и сведения об уплате пошлины с заработка судовых носников и являются, таким образом, ценнейшим источником для изучения условий труда одной из категорий судовых рабочих.

I

Сухона и Двина — основной водный путь в сношениях Московского государства с западными странами — имели свои особенности, достаточно неблагоприятные для нормального развития судоходства: весной — большая и быстрая вода, затруднявшая движение вверх по рекам, летом — значительное количество мелей и подводных камней, препятствующих продвижению крупных судов. Наибольшие затруднения встречались на Нижней Сухоне, изобилующей подводными камнями. Неудобство нижнесухонского водного пути подробно охарактеризовано комиссаром шведской королевы Христины Йоганном де Родесом, бывшим в Москве в 1650—1655 гг. и специально изучавшим условия торговых сношений Швеции с Московским государством.¹

Особенности северного водного пути предъявляли совершенно определенные требования к его обслуживанию. Слишком большие и глубоко сидящие суда не могли ходить по Сухоне. Поэтому для перевозки более или менее крупных партий грузов служили плоскодонные суда — дощаники и каюки разных размеров;² мелкий груз перевозился на лодках.

Обслуживающий персонал Сухоно-Двинского водного пути состоял из носников, кормщиков и ярыжных. Наиболее ответственная роль выпадала на долю носников. Носник или носовщик — это лоцман, который хорошо знает определенный участок русла реки; он обязан благополучно провести судно между мелями и подводными камнями. Очень редко встречались носники, проводившие суда по значительным участкам реки. В подавляющем большинстве случаев носник ходил только между определенными пунктами, сравнительно не далеко отстоящими друг от друга. Так, по писцовой книге Устюга Великого 1623—1626 гг. можно установить, что в этом городе были носники либо нижне-сухонские, либо двинские. Например, «Сысойко Остафьев ходит на Двину в носовщиках», «Десятко Тархов ходит на Сухоне в носовщиках»³. Нижнесухонские носники ходили между Устюгом и Тотьмой; двинские — между Устюгом и Ягрышским ямом, а иногда доходили до Верхней Тоймы.

¹ Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. «Чтения в Общ. истории и древностей российских», 1915, кн. 2, стр. 187.

² Длина дощаника колебалась от 9 до 40, а иногда и более сажен, ширина — от 4 до 6 сажен. Дощаник имел паруса, на которых передвигался при попутном ветре. При отсутствии попутного ветра судно шло на веслах вниз по реке и вытягивалось бичевой вверх. Очень крупные дощаники редко ходили по Сухоне. Средний размер сухонского дощаника 10—14 сажен длины. Каюк — крытое речное судно меньших размеров по сравнению с дощаником.

³ Писцовые книги, № 506, лл. 37—37 об.

Описание работы носника на судне дал Балтазар Койет, член свиты голландского посольства Кунрада фан Кленка, посетившего Московию в 1675—1676 г. Перечисляя обслуживающий персонал посольских судов, Койет отмечает, что на каждое судно полагался «один носовщик, иначе лоцман, который всегда держит в руке палку, на которой обозначены пядени; с нею он всегда стоит на носу лодки, измеряет глубину и результаты своих измерений выкрикивает рулевому. Эти носовщики знают русло, подводные камни и мели, сев на которые можно потерпеть большой ущерб»¹. Конечно, деятельность носника не ограничивалась сообщением кормщику сведений о глубине реки. Для этого не требовалось специального знания речного русла. Носник фактически отвечал за благополучное продвижение судна и руководил работой кормщика. Знание речного русла особенно важно было во время весеннего хода, когда полоя вода скрывала подводные камни, а река, выходя из берегов, заливала луга, и угрожала опасностью посадить судно на мель где-нибудь на лугу. Летом было особенно важно знать мели, так как северные реки, особенно Сухона, чрезвычайно мелели.

Обязанности кормщика ясны. Обычно было два кормщика, которые, сменяясь, управляли судном. Впрочем, иногда ограничивались и одним кормщиком. Порой функции носника и кормщика совмещались.²

Судовые ярыжные выполняли всю черную работу на судах — тянули судно против течения, гребли, когда оно шло вниз по реке, стаскивали судно с мелей, выгружали товар из больших судов, севших на мель, в небольшие паузки. Иногда ярыжные производили и первоначальную погрузку товаров на судно. Обязанности судовых ярыжных достаточно подробно отображены в поручных записях по ярыжным, опубликованных в Актах Юридических.³ Правда, эти поручные записи характеризуют условия труда волжских ярыжных в середине XVII в., но едва ли труд северных ярыжных существенно отличался, тем более, что многие из северных ярыжных ходили на заработки и на Волгу. Обычно ярыжные шли по берегу и тянули судно вверх по реке. Когда берег по каким-либо причинам был неудобен для пешего хода, тогда на небольшой лодке завозили якорь вверх по течению и потом подтягивали к нему судно.⁴ Описание стаскивания судна с мели имеется в уже цитированной книге Б. Койета: «С обеих сторон ярыжки или матросы через борт прыгают в воду и продевают под лодкою большие палки, которые они с обеих сторон поднимают себе на плечи и таким образом устраивают переноску».⁵ Количество ярыжных на судне было самым разнообразным и определялось размерами судна, с одной стороны, и направлением пути — с другой. На суда, идущие вверх по реке, требовалось ярыжных вдвое больше, чем при пути по течению. Ярыжные делились на две смены и по очереди гребли или тянули судно.⁶

II

Носники являлись наиболее квалифицированными из судовых рабочих. Их квалификация приобреталась многолетним опытом, часто передаваемых из поколения в поколение. Так, тотемский посадский человек Неустройко Дмитриев Чекалев «ходит и с сыном Томилком

¹ Посольство Кунрада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу, стр. 306, СПб., 1900.

² Городовые книги по Устюгу В., № 29, лл. 64—65, 193.

³ Акты Юридические, № 344, I и II, СПб., 1838.

⁴ Посольство Кунрада фан Кленка, стр. 306.

⁵ Там же, стр. 328.

⁶ Там же, стр. 305—306.

на судах в носовщиках»;¹ устюжский носник Иван Выломов (Выломаев) унаследовал промысел отца и ходит на судах один и вместе с отцом-носником Емельяном Выломаевым.²

В качестве носников ходили и посадские люди, и уездные крестьяне из волостей, расположенных по берегам Сухоны и Двины. Так, один из наиболее энергичных тотемских носников середины XVII в., тотемский посадский человек Юрий Тихонов Баев, в 20-х годах этого столетия был крестьянином деревни Озерки, Дмитриева Наволока, Тотемского уезда³ и ходил на судах носником.⁴

Заработок носников был значительно выше заработка других судовых рабочих. Его величина определялась направлением пути, временем года и размерами судна. Носник, идущий вверх по реке, получал гораздо больше, чем за тот же путь в противоположном направлении, так как на путь вверх затрачивалось почти вдвое больше времени. Во второй половине лета и осенью, когда стояла малая вода и много судов шло на архангельскую ярмарку и обратно, плата была выше, чем весной. Труд носника на большом судне ценился дороже, чем на малом (мелкие лодки совсем не имели носников). Оплата труда в каждом конкретном случае определялась соглашением сторон — «повольною ценою», но с соблюдением вышеуказанных условий.

Книги ямских отпусков, содержащие записи расходов на транспорт по казенным надобностям, позволяют определить размеры заработка носников за отдельные поездки. Так, по Устюжской ямской книге 7144 (1635—1636) г. средний заработок носника от Устюга до Тотьмы на дощанике составляет за одну поездку 5 руб. 33 алт.,⁵ на каюке — 2 руб. 12 алт. 2 д.⁶ По Устюжской ямской книге 7151 (1642—1643) г. средний заработок за поездку на дощанике — 7 руб. 18 алт.,⁷ на каюке — 2 руб. 26 алт. 4 д.⁸ Нижняя Сухона — наиболее трудный участок пути, поэтому здесь самая высокая оплата. От Ягрышского яма до Устюга носнику на дощанике обычно платили 3 руб. В противоположном направлении — от Устюга до Верхней Тоймы — от 6 руб. до 40 алт., причем оплата 6 и 5 руб. встречается только на очень крупных судах.⁹ При одновременном следовании партии судов в одном направлении и при наличии нескольких носников иногда им платили поровну, иногда оплата дифференцировалась, причем разница колебалась в пределах 1—2 руб. Носник, ведущий первое судно и несший главную ответственность за благополучный путь всего каравана, оплачивался выше.¹⁰

Если от оплаты за разовую поездку перейти к общему заработку носника за сезон, то можно легко заметить, что эта категория судовых рабочих является наиболее обеспеченной, и, может быть, не только в кругу лиц, обслуживающих водный транспорт, но и среди трудового населения посада вообще. Тотемские таможенные книги содержат дан-

¹ Писцовые книги, № 480, лл. 98 об.—99.

² Городовые книги по Тотьме, № 2, лл. 337 об., 343; РИБ, XXV, № 128.

³ Писцовые книги, № 480, л. 399.

⁴ Городовые книги по Тотьме, № 2, лл. 241 об., 243 об., 247 об., 248, 328 об., 336 об.; № 4, лл. 338—338 об., 339 об., 346—346 об.; Прик. дела стар. лет., 1655 г., № 30, лл. 109—191.

⁵ На основании учета 19 случаев. Высшая оплата — 8 руб. 25 алт., низшая — 4 руб. 10 алт.

⁶ 5 случаев. Высшая оплата — 4 руб., низшая — 1½ руб.

⁷ 7 поездок. Высшая оплата — 12 руб., низшая — 4 руб. с полтиною.

⁸ 8 поездок. Высшая оплата — 3 руб. 25 алт., низшая — 2 руб. (Город. кн. по Устюгу В., № 29 и 58).

⁹ Город. книги по Устюгу В., № 29 и 58.

¹⁰ Там же, № 58, лл. 33—33 об.; № 29, л. 157 об.

ные о взимании пошлин с заработка судовых носников. Если принять во внимание то обстоятельство, что носники ходили лишь на определенном участке реки, то тотемская регистрация заработков устюжских носников может дать представление об общем заработке тех из них, которые ходили по Нижней Сухоне. Еще в большей мере это приложимо к тотемским носникам, которые, направляясь и вверх и вниз по Сухоне, не могли миновать регистрации у тотемского таможенного головы. Нижеприводимая таблица дает представление о заработках носников за сезон 1627 г., причем в нее включены только те носники, которые более или менее регулярно ходили на судах — не менее четырех раз в сезон. Таких носников оказалось 17: из них 5 тотемских, 6 устюжских и 6 с неустановленным местом жительства (возможно, что это вологодские посадские люди, а может быть, и тотемские уездные крестьяне).

Заработки носников на основании данных тотемской регистрации представляются в следующем виде:

Сезон 1627 (7135-7136) г. ¹

№	Имя и фамилия	Место жительства	Количество поездок	Размер заработка за сезон
1	Томило Васильев . . .	Тотьма	9	23 руб. 16 алт. 4 д.
2	Михайло Дуда . . .	»	7	15 » 6 » 4 »
3	Шумило Ерофеев . . .	»	6	21 » 16 » 4 »
4	Дмитрий Синица . . .	Устюг 'Великий	6	19 » 16 » 4 »
5	Томило Чекалев . . .	Тотьма	6	15 » 6 » 4 »
6	Иван Микулин . . .	Не установлено	6	13 » 16 » 4 »
7	Яков Карпов . . .	» »	5	21 »
8	Дмитрий Мазалов . . .	Устюг Великий	5	12 » 16 » 4 »
9	Никифор Барачев . . .	Не установлено	5	12 » 6 » 4 »
10	Михайло Жуков . . .	Устюг Великий	5	11 » 16 » 4 »
11	Емельян Выломаев . . .	» »	4	19 »
12	Девятой Тархов . . .	» »	4	14 »
13	Иван Щетинин . . .	» »	4	10 » 16 » 4 »
14	Михайло Бакака . . .	Тотьма	4	10 »
15	Богдан Севрюков . . .	Не установлено	4	10 »
16	Поздей Самольский . . .	» »	4	7 »
17	Томило Белемидов . . .	» »	4	5 »

Средний заработок носника за сезон составляет 14 руб. 6 алт. Колебания его у отдельных носников очень значительны. Старый устюжский носник Емельян Выломаев ходил только на крупных судах и получил за 4 поездки 19 руб.; Томило Белемидов на мелких судах за то же количество поездок заработал лишь 5 руб. Если сравнить заработок носников с оплатой труда лиц, получающих годовое жалованье или добывающих себе пропитание другими промыслами, то сравнение будет в пользу носников. Подьячий съезжей избы в Устюге получал 20 руб. в год, дьячок таможенной избы — 10 руб., сторож ямского двора — 5 руб. Такой искусный мастер, как кузнец Комарицкой волости Устюжского уезда Шумило Жданов Вирачев, взятый впоследствии в Москву к переводу часов на Фроловской башне, считал 15 руб. в год значительным заработком для кузнечного промысла. ² Носники же зарабатывали такую сумму в навигационный сезон.

¹ Город кн. по Тотьме, №№ 2 и 4.

² Прик. дела стар. лет, 1631 г., № 30, л. 369.

Вот почему носники по писцовым книгам числятся, как правило, в разряде «средних и молодых» людей, и «худые» люди среди них редки. Правда, и в этом случае встречаются исключения. Так, устюжский посадский человек Сидор Катаев, ходивший на судах носником и кормщиком и работавший в кузнице молотобойцем, дал показание во время сыска устюжских посадских людей в 1640—1641 гг., что он всю жизнь жил по подворьям, а «своего двора у него не бывало». ¹ Или другой пример: вдова устюжского носника Климентия Попова Ксения Михайлова 16 марта 1647 г. подала в Устюжскую четверть челобитную, в которой просила не править на ней и ее детях долгов умершего мужа; при этом она жаловалась, что ее муж, «иным людям пьянством своим давал и дворовые кабалы, а двора у себя не имел». ² Но как правило, носники — люди состоятельные. Устюжский носник Дмитрий Нестеров Мазалов, не занимаясь никакой торговлей (он подчеркивал это обстоятельство), тем не менее имел достаточно средств, чтобы давать деньги под залог. ³

Поскольку носники не были заняты своим промыслом в течение всего года, у них были побочные занятия. Носник Сидор Катаев работал молотобойцем. Устюжский носник Иван Щетинин имел лавку в Серебряном ряду ⁴. Что он не только торговал серебряными изделиями, но и работал как серебряный мастер, свидетельствует факт его вызова в октябре 1657 г. на работу в Москву в Серебряную палату вместе с двумя другими устюжскими серебряниками — Деметрием Москвитиным и Василием Мошней; ⁵ иногда Иван Щетинин торговал бичевами. ⁶ У тотемских носников также были дополнительные занятия: носник (и одновременно кормщик) Шумило Захарьев Синцов имел лавку в мясном ряду и торговал мясом, носник Григорий Поташин владел харчевой избой, Неустройко Дмитриев Чекалев изредка торговал скотом и сеном, Томило Васильев — хмелем. ⁷

Каковы же были условия найма носников и сроки выплаты им заработанных денег? Выше уже было упомянуто, что при найме имело место соглашение сторон. В какой же обстановке проходило это соглашение? Нанимаясь на судно, носник рядился с нанимателем и при этом старался выговорить наиболее выгодную для себя оплату. Иногда он предъявлял и чрезмерные требования. Так, 11 сентября 1629 г. староста Ягрышского яма Шестак Викулов (Окулов) нанимал носника на дощаник, на котором Ив. Чулков вез «государеву питейную казну» из Архангельска в Москву. Холмогорский носник Осип Антипин запросил от Ягрыша до Устюга 15 руб. Присутствовавший при ряде судовой извозчик, устюжский посадский человек, Дмитрий Калинин Пыхов начал бранить носника, указывая ему, «что столь дорого таков наем не ведетца». В ответ на это Антипин «иным носовщиком... в Ягрыше загрозил, чтобы они дешево не наймывались». Ряда окончилась тем, что носник пошел за 7 руб. — плату, достаточно высокую для этого участка пути. ⁸

При найме носник давал по себе поручную запись как гарантию добросовестного исполнения принятых на себя обязанностей. А. А. Са-

¹ Город. кн. по Устюгу В., № 58, лл. 31—31 об., 134 и 169 об.; Стлб. Оруж. Палаты, № 41663, л. 358.

² Прик. дела нов. разб., № 1205, л. 342.

³ РИБ, XXV, № 3 — явка Мазалова от 19 мая 1625 г.

⁴ Писц. кн., № 506, л. 92.

⁵ Прик. дела ст. лет, 1657 г., № 108, л. 67.

⁶ Город. кн. по Устюгу В., № 30, л. 158.

⁷ Писц. кн., № 480, лл. 107 и 113; Город. кн. по Тотьме, № 2, лл. 381 об., 425, 449—449 об.; № 4, л. 446.

⁸ Прик. дела ст. лет, 1630 г., № 70, лл. 438 и 440.

вич обнаружил в архиве Соловецкого монастыря несколько таких записей и одну из них, от 1656 г., приводит в своей книге.¹ По этой записи устюжанин Василий Евдокимов Судницын нанялся у соловецких старцев плыть на их дощанике весною 1657 г. от Устюга до Холмогор и обратно. Во время пути Судницын должен был «судовое носничное дело делать везде без ослушанья, что они старцы или их слуги повелят». Наемная плата была определена в 8 руб., причем половину Судницын получил в качестве задатка. В случае отказа от работы Судницын должен был уплатить двойную наемную плату — 16 руб. Поручителями расписались устюжские посадские люди Афанасий Якимов Удалец и Иван Ефимов Бормотов, тоже двинские носники. Условие, заключенное Судницыным, не совсем обычно. Он порядился на два участка пути — от Устюга до Холмогор и обратно. Обыкновенно носники нанимались на определенный участок пути в одном направлении и получали задаток в размере 40—50% договорной платы, а остальные деньги им выплачивались по окончании работы.²

Документы неоднократно подчеркивают, что носники нанимаются на суда «повольною ценою». Не следует представлять себе дело таким образом, что здесь налицо свободный наем рабочей силы в современном смысле этого слова. Рамки феодального общества налагали свою печать и на сделку, которая имела внешние формы свободного договора. Наличие записи, выдаваемой носником, создавало временную зависимость его от нанимателя. Носник обязан был слушаться своего нанимателя во время пути. Необходимо учесть и еще одно обстоятельство, имевшее место при найме носников на суда. Соловецкий монастырь, например, довольно широко применял выдачу носникам денег под заемные кабалы с обязательством покрыть долг работой на судне. Задолженность судовых рабочих монастырю достигала довольно значительных размеров: в 1640 г. она составляла 247 руб. 25 алт. 2 д., в 1656—1657 гг. — 1299 руб. 10 алт. 2 д., в 1660 г. — 686 руб. 5 алт. 3 д.³

В известных мне источниках нет подобных кабальных записей, данных носниками ямским старостам и торговым людям. Но возможно, что такие записи существовали. Носник, если он нуждался в деньгах, особенно в зимнее время, когда судовая работа прекращалась, мог занять деньги у торгового человека с обязательством отработать их во время навигации.⁴

Кабальные записи могли влиять и на размеры заработка носников за отдельные поездки. Наличие кабальных записей вносит очень

¹ А. Савич. Указ. соч., стр. 144.

² Прик. дела ст. лет., 1638 г., № 18, л. 79. Город. кн. по Устюгу В., № 29, лл. 54 об.—55; РИБ, XXV, № 149.

³ А. Савич. Указ. соч., стр. 144—145.

⁴ Подобные займы для других видов труда встречаются в документах. Так, крестьянин Варженской волости Устюжского уезда Ларион Андреев Печенкин, бывший устюжский посадский человек, занял 16 августа 1632 г. у гостинной сотни торгового человека Якима Тимофеева Усова 80 руб. с условием выполнять торговые поручения своего кредитора в течение семи лет и выдал заемную кабалу. В качестве гарантии добросовестного исполнения принятых на себя обязанностей Печенкин заложил Усову свою полудеревню Дрествище. Данная кабала является одновременно и заемной кабалой и приказчицьею записью. Печенкин занимает у Усова 80 руб., но вместо уплаты долга он отработывает эту сумму, выполняя в течение семи лет торговые поручения своего заимодавца, и долг в результате этой работы превращается в наемную плату за труд приказчика. Как обыкновенный приказчик, Печенкин получает содержание от своего хозяина («пити и ясти и платье и обуток носить его, Якимово»). Как приказчик, он дает обязательство добросовестно выполнять принятые на себя обязанности; как должник, он несет имущественную ответственность за взятые деньги. (Прик. дела ст. лет, 1652 г. № 70, ч. II, лл. 3—4).

существенную поправку в понятие «наем повольною ценою». Носник был обязан идти на судне своего кредитора. В противном случае его ждало взыскание кабального долга и, может быть, даже разорение.

Из других условий найма следует остановиться на питании судовых рабочих во время пути. На судах Соловецкого монастыря носники и другие рабочие получали продовольствие от монастыря.¹ Вопрос о питании судовых рабочих на казенных и частных судах остается открытым. Источники не содержат прямых данных. Попадают лишь указания о наличии на судне повара.² А. А. Савич упоминает о том, что на каждом соловецком судне была специальная писаная инструкция, составленная очевидно старцами-приказчиками и регламентировавшая «до малейших деталей работу и поведение каждого рабочего от носника и кормщика до последнего «ярыжного человека».³ Но, к сожалению, он не приводит подробностей этой инструкции.

Носники, как уже было отмечено, при найме получали определенную сумму в форме задатка. Встречались и отступления от такого порядка. Так, осенью 1635 г. на Ягрышском яме Устюжского уезда не было ямского старосты, и его обязанности выполнял кабацкий целовальник Степан Афанасьев, не имевший в своем распоряжении ямских денег. Иногда он занимал необходимые суммы из кабацкого сбора и давал задаток, а иногда носники шли без задатка к Устюгу, и там получали полностью свои наемные деньги.⁴

Не совсем ясен порядок выплаты наемных денег носникам, шедшим на судах с казенными товарами. Вполне ясна картина только на участке от Ягрышского яма вверх по Двине до Устюга Великого. Ягрышский ям находился на территории Устюжского уезда, и его ямской староста был в подчинении у устюжского таможенного головы, ведавшего сбором ямских денег и ямскими отпусками по уезду в целом. На Ягрыше носник получал от старосты задаток и «память», содержащую условия найма,⁵ а в Устюге — остальные деньги. Тотма и Верхняя Тойма были за пределами Устюжского уезда, следовательно, вне компетенции устюжского таможенного головы, и ни тотемский ни верхнетоемский ямские старосты не были обязаны платить деньги по устюжским наемным памятям.

Буквальное понимание записей некоторых ямских книг, одновременно отмечающих наем носника и уплату ему наемных денег,⁶ может навести на мысль, что деньги полностью уплачивались при найме. Но едва ли такое заключение будет правильным.⁷ Повидимому, деньги уплачивались тогда, когда носник, выполнив порученную ему работу, возвращался на Устюг. Эта мысль подтверждается фактами задержки уплаты наемных денег, иногда на довольно продолжительное время. Так, устюжанин Фока Брюхов, о котором имеются сведения, что он работал на судах в качестве носника,⁸ ходил в пятое воскресенье Филиппова поста 1632 г. «из своего подворья до ямских старост в приказ денег, найму, своего, прошать».⁹ Следовательно,

¹ А. Савич. Указ. соч., стр. 145.

² Город. кн. по Устюгу В., № 30, л. 234 об.

³ А. Савич. Указ. соч., стр. 145.

⁴ Город. кн. по Устюгу В., № 29, лл. 49 об., 51, 52, 54 об.—55, 67—68.

⁵ Прик. дела ст. лет, 1638 г., № 18, л. 79.

⁶ Например, Город. кн. по Устюгу В., № 29, лл. 157 об., 188 об. — 189 и др.

⁷ Записи других ямских книг носят несколько иной характер. В них отметка об уплате сделана другими чернилами и другим почерком, чем основной текст книги (например, Город. кн. по Устюгу В., № 58, лл. 29—33 об., 36 об. — 37 об. и др.).

⁸ Город. кн. по Устюгу В., № 58, лл. 155 об. — 156 об.

⁹ РИБ, XXV, № 109.

уплата наемных денег задержалась не менее, чем на два месяца, поскольку навигация прекращалась в середине октября, а пятое воскресенье Филиппова поста не могло быть ранее середины декабря. Случаи задержки заработанных денег наблюдаются неоднократно, особенно у частных нанимателей. Так, крестьянин Троице-Сергиева монастыря, тотемский носник Василий Никифоров Власьев, плыл в июле 1636 г. на дощанике у вологжанина Михаила Калинина от Тотьмы до Устюга. По условию он должен был получить за весь путь 10 руб., из которых 4 руб. ему были даны в качестве задатка. Хозяин судна задержался по своим делам в Тотьме, а его кладчики, т. е. лица, везшие свои товары на его судне, потребовали, чтобы носник плыл без хозяина. Власьев поплыл. Не доезжая 15 верст до Устюга, он стал просить у кладчиков остальных наемных денег: «дайте мои деньги 6 рублей по Михайлове ряде, или до Устюга, покаместь доплывем под посад, положите мои деньги за третьева человека». ¹ Кладчики не удовлетворили этой просьбы. А когда Власьев отказался плыть дальше до получения денег, они его избили, ограбили и сбросили с судна на берег, не заплатив наемных денег. Челобитная Власьева характеризует ту обстановку взаимного недоверия, в какой проходила работа носников. Несмотря на наличие определенного условия, носник не верит в возможность своевременного получения своего заработка и пытается обеспечить уплату заработанных денег еще до окончания работы, предлагая в качестве взаимной гарантии «положить деньги за третьева человека».

В случае с Власьевым мы имеем дело не только с задержкой заработной платы, но и с прямым насилием нанимателя над рабочим. Что такой факт не был единичным, свидетельствует отписка устюжского воеводы М. И. Спешнева, полученная в Устюжской четверти 7 ноября 1639 г., в которой он запрашивал — давать ли на Устюге суд на проезжих гостей и торговых людей по челобитьям их наемных людей. Указывая, что через Устюг проезжает много всякого торгового люда, воевода отмечал: «и на таких... гостей и торговых людей и на немец бьют челом тебе, государю, а нам, холопам твоим, подают челобитные и приставные памяти устюжане и иных городов всяких чинов люди и судовые их кормщики и носники и ярыжные во всяких их насильствах и в наемных недодачах о управе». ²

Кроме задержки и недоплаты наемных денег, можно отметить и еще один вид эксплуатации труда носников — совмещение обязанностей носника и кормщика. Дело в том, что одни и те же лица очень часто выполняли обязанности то носников, то кормщиков — обстоятельство, давшее, очевидно, повод совмещать эти виды работы. Так, 10 августа 1636 г. для Никиты Карамышева, ехавшего из Красноярска в Москву, устюжские ямские старосты наняли на каюк до Тотьмы носника С. Серебренникова «и кормщик он же, дали полтора рубля». ³ В данном случае Серебренников нанимается как носник и получает заработную плату носника, без повышения ее за дополнительную работу кормщика. Значит, здесь налицо усложнение обязанностей без увеличения заработка. Другой пример рисует положение несколько иначе. Шестак Семенов, неоднократно встречающийся в записях устюжских ямских книг в качестве носника, ⁴ нанялся в Устюге Великом 3 августа 1643 г. кормщиком до Тотьмы на каюк, на котором подьячий Василий Шпилькин возвращался из Устюга

¹ РИБ, XXV, № 149.

² Прик. дела ст. лет, 1639 г., № 45, л. 246.

³ Город. кн. по Устюгу В., № 29, л. 193.

⁴ Там же, л. 192; № 58, л. 33—33 об.

в Москву. Носник на этот каюк не был нанят. Повидимому, ямские старосты, нанимая Ш. Семенова, рассчитывали использовать его и как носника, поскольку движение больших судов по Нижней Сухоне, как правило, не обходилось без носника. Между тем, Ш. Семенов получал за свою работу только 26 алт. 4 д. — обычную оплату труда кормщика между Устюгом и Тотьмой. Его знание нижне-сухонского русла не было дополнительно оплачено.¹

Носники, нанимаясь на суда, не всегда были свободны в выборе условий найма, хотя и стремились обеспечить свои интересы. Наличие кабальных записей ставило их в зависимые отношения к нанимателю. Задержка заработанных денег, притеснения и обиды, а иногда и побои со стороны нанимателя, усиление эксплуатации путем совмещения обязанностей носника и кормщика — все это создавало неблагоприятные условия для работы носников, которые, несмотря на значительные порой заработки, часто испытывали на себе феодальные приемы эксплуатации труда.

Гнет эксплуатации иногда толкал носников на путь причинения нанимателю материального ущерба. Так, 22 июля 1629 г. игумен Соловецкого монастыря Макарий жаловался в Устюжской четверти на устюжских носников Федора Парфеньева Гладыша и Ивана Иванова Опару, нанявшихся итти вверх по Сухоне на судах с монастырскою солью, что у деревни Ястреблево те «носники, стакався воровски меж себя с ярыжными, два судна наши монастырские с большие воды свалили на груду в берег и соли из судов выметали 460 мехов. А в том, государи, месте преж сего уметы ни коими дела атнюдь не бывали. А большие наши суды и иных монастырей и гостинные шли перед ними и после них в том же месте Ястреблеве, прошли в полном грузу без умету».² Игумен, таким образом, обвиняет носников в том, что они сознательно посадили монастырские суда на мель и выбросили груз на берег, причинив тем, по подсчету игумена, 330 руб. убытку. Этому акту предшествовал сговор носников с ярыжными. Документы не сохранили подробностей этого дела, но, несомненно, мы здесь имеем дело с активным протестом со стороны всех судовых рабочих против каких-то действий нанимателя, так или иначе затрагивающих их интересы.

III

На ряду с носниками на судах работали кормщики. Кормщиков требовалось больше, чем носников. Носники ходили только на больших судах — дощаниках и каюках, кормщики были нужны и на лодке. К тому же на крупное судно обычно нанималось два кормщика, работавших посменно. От кормщика тоже требовалось знание водного пути, хотя, может быть, и не в той степени, как от носника, который нес главную ответственность за благополучный ход судна. В документах не раз подчеркивается необходимость этих знаний для кормщика. Так, иноземец Андрей Келдерман, ехавший из Москвы в Архангельск в 1643 г. и имевший казенную подорожную, получил в Устюге Великом 12 алт. «за кормщика, которому бы водяной путь знать».³ Все мелкие суда плавали без носников, и ответственность за благополучный исход пути ложилась на кормщика, который не смог бы справиться со своими обязанностями без специального зна-

¹ Город. кн. по Устюгу В., № 58, лл. 162—162 об.

² Прик. дела ст. лет, 1627 г., № 20, л. 389.

³ Город. кн. по Устюгу В., № 58, лл. 163 об. — 164.

ния речного русла, поскольку каменистая и быстрая Сухона одинаково была опасна и для больших и для малых судов.

Как велико было количество кормщиков среди посадского населения. Если обратиться к писцовым книгам, то результат получится довольно неожиданный. По сольвычегодской писцовой книге 1624—1625 гг. у Соли на посаде нет ни одного кормщика. В устюжской писцовой книге 1623—1626 гг. значится только одна запись: «Сенька Павлов Батаков, кормщик судовой». ¹ То же самое можно наблюдать и в Тотьме. В писцовой книге 1623—1625 гг. имеется единственная запись: «молотчей человек Шумилко Захарьев сын Синцов да сын его Ефтюшка... промысл их—Шумилко ходит на судах в кормщиках». ² Но отсюда вовсе не следует, что кормщиками на судах ходили только эти два человека. Данные устюжских ямских книг позволяют прийти к выводу, что кормщиков было значительно больше, и вербовались они из достаточно широких кругов посадского населения. Прежде всего, можно заметить, что носники, особенно в первую половину лета, когда весенний сплав уже прошел, а движение на архангельскую ярмарку еще не начиналось, нанимаются на суда в качестве кормщиков при наличии специального носника, а иногда и без него. Так, Сила Серебренников ходит носником при ином кормщике, и кормщиком при другом носнике, и одновременно выполняет обязанности кормщика и носника. ³ То же самое можно наблюдать в отношении Кузьмы Иванова, Шестака Семенова, Сидора Катаева и др. ⁴

Записи писцовых книг не всегда точно отмечают род занятий того или иного посадского человека. Так, носник и одновременно кормщик Семен Яковлев и кормщик Федор Сергеев числятся по устюжской писцовой книге судовыми ярыжными; ⁵ кормщики Богдан Тимофеев Белоногов и Иван Алексеев—просто ярыжными; ⁶ другие кормщики или живут за тяглом брата, как Агафон Васильев, ⁷ или имеют по писцовой книге другую квалификацию. Например, Гуляй Васильев значится плотником, Иван Федоров—портным мастером, Мина Чирков—извозчиком, Григорий Афанасьев—серебренником. ⁸ Есть среди кормщиков и лица, не имеющие постоянных занятий: Иван Пантелеев ходит по миру, Богдан Тимофеев Щербанов кормится христовым именем. ⁹

Приведенных примеров совершенно достаточно, чтобы сказать, что работа на корме охватывала значительные слои посадского населения. Во время навигации спрос на судовых рабочих был настолько велик, что посадские люди, независимо от своей основной специальности, шли работать на суда. Отсюда напрашивается и еще один вывод. Труд носников—это профессия с большим заработком, обеспечивающим их существование. Заработок кормщиков, менее значительный, не давал возможности ограничиваться только им одним и вызывал необходимость в других постоянных занятиях. Вот по-

¹ Писц. кн. № 506, л. 58.

² Писц. кн. № 480, лл. 54 об. — 55.

³ Город. кн. по Устюгу В., № 29, лл. 56—57 об., 157—158, 193.

⁴ Там же, лл. 54—55, 152, 170 об. — 171; № 58, лл. 31—31 об., 33—33 об., 134, 162—162 об., 169 об.,

⁵ Писц. кн. № 506, лл. 71—71 об.; сравн. Город. кн. по Устюгу В., № 29, лл. 45 об. — 48, 172 об.; Город. кн. по Тотьме, № 4, л. 340.

⁶ Писц. кн. № 506, лл. 65, 66 об.; сравн. Город. кн. по Устюгу В., № 29, лл. 45 об. — 46; № 58, л. 141 об.

⁷ Писц. кн. № 506, л. 31; сравн. Город. кн. по Устюгу В., № 29, лл. 45 об. — 46.

⁸ Писц. кн. № 506, лл. 33 об., 34, 35, 56 об.; сравн. Город. кн. по Устюгу В., № 29, лл. 177—177 об., 192; № 58, лл. 140—140 об., 148 об., 149, 172.

⁹ Писц. кн. № 506, лл. 43 об., 70 об.; сравн. Город. кн. по Устюгу В., № 29, лл. 43 об. — 44; № 58, л. 155.

чему среди кормщиков мы находим плотников, серебряников, портных и т. п.

Кормщики получали за свой труд в 4—5 раз меньше носников. Размер оплаты их труда обуславливался тем же, что и заработок носников, т. е. направлением пути, временем года и величиной судна. В рамках этих условий применялась «повольная цена» с теми же оговорками, какие были сделаны выше, когда речь шла о найме носников. Кормщики нанимались на те же участки водного пути, что и носники, с той только разницей, что при движении до Устюга Великого вверх по Сухоне кормщики шли чаще не до Тотьмы, а до Бобровского яма Устюжского уезда, который находился почти на полпути между Устюгом и Тотьмой (117 верст от Устюга и 139 верст от Тотьмы). Труд кормщиков использовался и еще в одном направлении — от Устюга до Соли Вычегодской. Носники на этот участок обычно не нанимались, так как здесь по преимуществу ходили мелкие суда.

Заработок кормщиков за одну поездку в те же годы, для каких была вычислена оплата труда носников, представлен в нижеследующей таблице. Нужно оговориться, что при движении от Устюга вниз по Двине до Верхней Тоймы и Соли Вычегодской почти не наблюдается разницы в оплате труда кормщика в зависимости от размеров судна; иногда на лодке оплата даже выше, чем на дощанике (см. табл. 1).

Направление и наименование судна	Кол-ч. слу-чаев	1635—1636 гг.		
		О п л а т а		
		Средняя	Высшая	Низшая
Устюг—Тотьма				
на дощанике	25	1 руб. 10 алт.	1 руб. 23 алт. 2 д.	1 руб. 2 алт. 2 д.
на каюке	2	1 руб. 4 алт. 2 д.	1 руб. 6 алт.	1 руб. 2 алт.
на лодке	5	31 алт. 5 д.	32 алт. 4 д.	29 алт. 2 д.
Устюг—Бобров-ский ям				
на дощанике	1	15 алт.	—	—
на каюке	4	13 алт. 4 д.	15 алт.	13 алт. 2 д.
на лодке	11	14 алт.	16 алт. 4 д.	12 алт.
Устюг—В. Тойма				
на дощанике	1	14 алт.	—	—
на каюке	1	13 алт. 2 д.	—	—
на лодке	10	12 алт.	20 алт.	10 алт.
Устюг—Соль Вычегодская				
на крытом струге	—	—	—	—
на лодке	7	12 алт. 2 д.	13 алт. 2 д.	10 алт.
Устюг—Ягрыш и обратно				
на лодке	—	—	—	—
Ягрыш—Устюг				
на дощанике	5	26 алт. 2 д.	1 руб.	23 алт. 2 д.
на каюке	2	16 алт. 4 д.	20 алт.	13 алт. 2 д.

¹ Город. книги по Устюгу В., №№ 29 и 58.

Эта таблица отражает довольно большую пестроту в оплате, поскольку в каждом отдельном случае была особая реда. В то же время таблица не показывает оплаты труда всех кормщиков, так как здесь учтены только кормщики, шедшие на судах с казенными товарами. Но тем не менее, и на основании этих данных можно приблизительно установить более или менее постоянную оплату труда кормщика на определенном участке пути. Так, между Устюгом и Бобровским ямом кормщику за работу на каюках и лодках обычно платилось 13 алт. 2 д.; между Ягрышским ямом и Устюгом на каюках — 13 алт. 2 д., на дощаниках — 26 алт. 4 д.; между Устюгом и Солюю Вычегодской на лодках — 8 алт. 2 д. Не представляется возможным определить более или менее постоянную оплату труда кормщика только на участке между Устюгом и Тотьмой, потому что обычно кормщики, как уже было выше отмечено, нанимались не до Тотьмы, а до Бобровского яма.

Сведения о зароботке кормщиков на этом участке, включенные в таблицу, носят до некоторой степени случайный характер. Дело в том, что осенью 1635 г. ямщики Бобровского яма, не получая установленного им жалованья, перестали обслуживать казенные суда, и устюжские ямские старосты были вынуждены нанимать кормщиков до Тотьмы. До Бобровского же яма была определенная плата, отступление от которой иногда специально мотивируется. Так, 21 июня 1636 г. устюжский таможенный целовальник повез собранные деньги в Москву.

Таблица 1¹

Количество случаев	1642—1643 гг.		
	Оплата		
	Средняя	Высшая	Низшая
4	1 руб. 15 алт.	1 руб. 16 алт. 4 д.	1 руб. 13 алт. 2 д.
5	27 алт. 4 д.	30 алт.	25 алт.
—	—	—	—
2	20 алт.	26 алт. 4 д.	13 алт. 2 д.
5	12 алт.	16 алт.	10 алт.
8	10 алт. 2 д.	12 алт. 4 д.	8 алт. 2 д.
—	—	—	—
1	8 алт. 2 д.	—	—
3	7 алт. 2 д.	8 алт. 4 д.	6 алт. 4 д.
2	9 алт. 5 д.	10 алт. 2 д.	9 алт. 2 д.
12	8 алт. 4 д.	13 алт. 2 д.	6 алт. 4 д.
4	14 алт. 2 д.	17 алт.	12 алт.
—	—	—	—
—	—	—	—

Ему был дан каюк, стрельцы для охраны, и наняты были носник, кормщик и гребцы, причем кормщику Косте Куршину было заплачено до Бобровского яма 13 алт. 2 д. Вскоре стало известно, что «на реке Сухоне объявились воры разбойники», и устюжский воевода решил послать дополнительную охрану в составе стрелецкого сотника и 25 стрельцов. 24 июня этим стрельцам был дан каюк, «да наняли кормщика и гребцов до Бобровского — Гуляйка плотника с товарищи 15 человек, дано им человеку для поспешенья по 15 алт». ¹

Срочность поездки влекла за собой повышение оплаты труда, причем это отступление от обычного порядка специально оговаривалось. По условиям своего труда и его оплате кормщики приближались к судовым ярыжным. Очень часто их заработок за отдельные поездки совпадает. Иногда труд кормщика оплачивался даже ниже труда ярыжных, главным образом во время весенней большой воды, когда тянуть суда против течения было особенно трудно. Так, 24 апреля 1636 г. устюжские ямские старосты наняли до Бобровского яма для сибирских служилых людей, ехавших к Тотьме, кормщика Григория Иванова за 15 алт., а тяглым людям — 26 чел. — «на противную воду» было уплочено по 16 алт. 4 д. ²

Наем, получение задатка и окончательный расчет у кормщиков протекали так же, как и у носников. Все, что говорилось об эксплуатации труда носников, в равной мере относится и к кормщикам. В цитированной выше отписке устюжского воеводы М. И. Спешнева среди лиц, жалующихся на насилия от торговых людей и недоплату заработка, на первом месте стоят судовые кормщики. ³

IV

Самой многочисленной категорией судовых рабочих были ярыжные, работавшие гребцами на судах, идущих по течению, и тянувшие судно бичевой вверх по реке. Потребность в труде ярыжных на Северном водном пути была огромна. На крупное судно требовалось от 25 до 300 человек в зависимости от направления пути, размеров судна и тяжести груза. ⁴ Конкретное представление о потребности в труде ярыжных можно получить хотя бы на основании того факта, что за 9 дней сентября 1633 г. в Устюге Великом было нанято на преходные суда, направлявшиеся от Архангельска к Тотьме, 188 ярыжных-присадчиков в дополнение к уже имевшимся на судах. ⁵

Наличное число посадских людей, занимающихся судовым промыслом, не могло удовлетворить этой потребности даже в таком крупном посаде, как Устюг Великий. И вот ко второй половине лета, — когда торговые люди ездили в Архангельск на ярмарку, а затем осенью возвращались с нее, — в Устюг Великий стекалась судовая рабочая сила, иногда из достаточно отдаленных районов. Так, 14 июня 1634 г. «кокшары (жители Кокшенгской четверти Важского уезда. — П. У.) 14 человек приплыли в лодочке на суды наймоватись». ⁶

Тягой судов занимались посадские люди и крестьяне прибрежных волостей Важского, Двинского, Сольвычегодского, Яренского, Устюжского и Тотемского уездов, у которых судовый промысел превратился уже в профессию. Эти ярыжные не ограничивались обслужи-

¹ Город. кн. по Устюгу В., № 29, лл. 175 об. — 177 об.

² Там же, лл. 154—155.

³ Прик. дела ст. лет., 1639 г., № 45, л. 246.

⁴ Прик. дела ст. лет., 1638 г., № 18, лл. 77—79; 1643 г., № 30, лл. 28—29; 1646 г., № 89, лл. 690—691; Посольство Кунрада фан Кленка, стр. 328, 560—561.

⁵ Город. кн. по Устюгу В., № 24, лл. 220—225.

⁶ Там же, л. 298 об.

ваием одного Двинско-Сухонского водного пути. Иногда они направлялись на Волгу, а к осени, времени наибольшего оживления на Северном водном пути, возвращались на Двину. Так, 24 июля 1635 г. у устюжского таможенного головы зарегистрировали свое прибытие и уплатили явочную пошлину «с Волги судовые ярыжные Яренского городка Степанко Иванов, Иван Григорьев, Денис Парфеньев, Иван Матвеев, Якушко Степанов, Давыдко Дементьев, Ивашко Фефилов с товарищи сам-пят; да Усольского уезду Вилегоцкие волости Гришка Ульянов з братом с Лучкою, да Андрюшка Федоров». ¹ 26 июля того же года через Устюг проезжали «волские судовые ярыжные черевковцы (Черевковская волость Устюжского уезда — Н. У.) Иван Тимофеев сам-третей, до подвинцы верхотоемцы (Верхотоемская волость Подвинской четверти Важского уезда. — Н. У.) Сава Григорьев сам-четвертой». ² В крупных транзитных пунктах, как Устюг Великий и Тотьма, ярыжные сменялись и после отдыха вновь нанимались на суда. Приток этих ярыжных иногда был очень значителен. Так, 18 июня 1634 г. с проходных судов северных монастырей явились к устюжскому таможенному голове для уплаты явочной пошлины 295 ярыжных. ³ Человек, бежавший с постоянного места жительства, чаще всего находил применение своему труду в качестве ярыжного на судах. Так, Василий Пермяк, кабальный человек Петра Семеновича Строганова, бежав в 1624 г. из Чусовской вотчины своего хозяина, работал ярыжным на судах по Каме и Волге между Сарапулом и Нижним Новгородом. ⁴

Таким образом, северные судовые ярыжные комплектовались из посадских людей и уездных крестьян тех пунктов, где происходила смена ярыжных, из населения посадов и волостей, отдаленных от этих пунктов, и из разного бродячего люда, искавшего заработка на водных путях.

Ярыжные-профессионалы очень часто совмещали работу на судах с другими занятиями, тем более, что судовым промыслом они не могли заниматься в течение всего года. ⁵ Многие из ярыжных обычно в зимнее время занимались торговлей хмелем, скотом и мясом. ⁶

Иногда ярыжные занимались торговлей одновременно с выполнением судовой работы, перевоза товар на том же судне. Так, ярыжный Осип Ларионов с каюка вологжанина Антона Козлова, привезшего в Устюг Великий лук и чеснок, продал 2 сентября 1633 г. своего луку и чесноку на 10 руб. ⁷ Григорий Васильев, ярыжный с судна устюж-

¹ Там же, № 30, л. 329.

² Там же л. 279 об.

³ Там же, № 24, л. 299.

⁴ Прик. дела ст. лет, 1627 г., № 67, л. 303.

⁵ Так, тотемские посадские люди Никифор, Андрей и Карп Кожины, Петр и Исаия Алексеевы Фараचовы, Емельян Яковлев Попрядухин и Леонтий Григорьев Кусков по писцовой книге 1623—1625 гг. имеют промысел—«хлебы пекут, и на судах ходят в ярыжных» (Писц. кн. № 480, лл. 33 об.—34, 79 об.—80, 81 об.—82, 83 об.). Третьяк Савельев и Кондратий Никифоров Окоемко с детьми Сергеем, Сампсоном и Мироном торгуют лаптями и рогами и на судах ходят в ярыжных (там же лл. 47—47 об., 126—126 об.), Осип Сидоров Шишеев «сидит в лавке з братом Тараском за мелким товаром и на судах ходит в ярыжных» (там же, лл. 93—93 об.). Тихон и Иов Киприановы Кубасовы «торгуют отъезжая и на судах ходят в ярыжных» (там же, лл. 15—15 об.). Плотник Филипп Константинов и сапожник Василий Иевлев имеют судовой промысел как постоянное занятие (там же, лл. 77 об.—78; Писц. кн. № 479, л. 29).

⁶ Так, Афанасий Кондратьев Зонов, Петр Алексеев Фарачов, Второй Федоров Житновский, Бессон Семенов Кусков и Еремей Павлов Пашин торгуют хмелем, Матвей Данилов, Емельян Яковлев Попрядухин и Яков Корела—скотом, Кондратий Никифоров Окоемко—мясом (Город. кн. по Тотьме, № 2, лл. 418—418 об.; № 4, лл. 367, 384, 398, 401 об. 402 об., 434 об., 438 об.—439, 470 об., 504, 541 об.).

⁷ Город. кн. по Устюгу В., № 24, л. 221.

ского посадского человека Трофима Куклина, пришедшего из Холмогор, явил в сентябре 1634 г. устюжскому таможенному голове продажной слюды на рубль.¹

На долю ярыжных выпадала самая тяжелая работа на судах. Тяга судна вверх по течению, особенно весной при полой воде, была сопряжена с большим трудом. Летом и осенью работа ярыжных осложнялась стаскиванием груза с судов в малые паузки, свободно проходившие там, где большие суда садились на мель. Эта работа была особенно трудна поздней осенью, когда вода начинала замерзать и возникала необходимость срочно выгружать товары, так как судно «ставало в заморозе». Ярыжные иногда должны были целыми днями стоять и работать в ледяной воде, не имея возможности даже как следует обогреться по окончании работы, так как судно очень часто останавливалось вдали от населенного пункта, и ярыжным приходилось довольствоваться наспех сделанными хижинами. Описание всех этих неблагоприятных условий труда ярыжных поздней осенью дано упоминавшимся уже шведским комиссаром Иоганном де Родесом.²

Более тяжелая, но менее квалифицированная работа ярыжных оплачивалась ниже труда кормщиков и носников. Правда, довольно часто заработок ярыжного и кормщика совпадал, а весной при боль-

Направление и наименование судна	Колич. человек	1635—1636 гг.		
		Оплата		
		Средняя	Высшая	Низшая
Устюг—Тотьма				
на дощанике	683	1 руб. 5 алт.	1 руб. 6 алт. 4 д.	1 руб. 3 алт. 2 д.
на каюке	28	1 руб. 4 алт. 2 д.	1 руб. 6 алт.	1 руб. 2 алт.
на лодке	4	31 алт. 4 д.	(единств. случай)	—
Устюг—Бобровский ям				
на дощанике	26	16 алт.	(единств. случай)	—
на каюке	64	13 алт. 4 д.	15 алт.	13 алт. 2 д.
на лодке	62	13 алт. 2 д.	15 алт.	11 алт.
Устюг—В. Тойма				
на дощанике	78	13 алт. 2 д.	(два случая)	—
на каюке	—	—	—	—
на лодке	35	11 алт.	13 алт. 2 д.	9 алт. 2 д.
Устюг—Соль Вычегодская				
на крытом струге	—	—	—	—
на лодке	20	11 алт. 2 д.	13 алт. 2 д.	8 алт. 2 д.
Устюг—Ягрыш и обратно				
на лодке	—	—	—	—
Ягрыш—Устюг				
на дощанике	181	20 алт.	23 алт. 2 д. (единств. случай)	20 алт.
на каюке	12	15 алт. 2 д.	20 алт.	13 алт. 2 д.

¹ Город. кн. по Устюгу В., № 30, л. 140 об.

² Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса, стр. 191.

шой воде бывал даже и выше, но средний заработок ярыжного меньше, чем кормщика.

Приводимая таблица дает представление о заработке ярыжных за одну поездку в те же годы, за какие был вычислен заработок носников и кормщиков. Эта таблица содержит сведения о заработке ярыжных тоже только на судах, шедших по казенным подорожным (см. табл. 2).

Для ярыжных, как и для кормщиков, можно отметить постоянный размер оплаты труда на некоторых участках пути. Так, от Устюга до Бобровского яма на крупных судах обычно платили по 13 алт. 2 д. человеку, от Ягрышского яма до Устюга — по 20 алт.

Ярыжные нанимались на суда тем же порядком, как носники и кормщики. Источники говорят о ряде и о «повольной цене». Но имеются указания и о том, что ярыжные делали кабальные займы с условием покрыть долг работой на судне. Нанимаясь на судно, ярыжные давали поручные записи в качестве гарантии добросовестного выполнения работы и обязывались беспрекословно слушаться нанимателя.¹ Иногда, особенно при перевозке казенных грузов, применялся несколько иной вид гарантии. Ямской староста, нанимая ярыжных на судно, не выдавал им на руки задатка, а вручал его тому приказному или торговому человеку, который сопровождал груз. Так поступил

Таблица 2²

Количество человек	1642—1643 гг.		
	О п л а т а		
	Средняя	Высшая	Низшая
123	1 руб. 11 алт. 4 д.	1 руб. 16 алт. 4 д.	1 руб.
—	—	—	—
109	14 алт. 3 д.	18 алт. 2 д.	13 алт. 2 д.
141	11 алт. 1 д.	16 алт.	8 алт.
27	9 алт. 4 д.	12 алт. 4 д.	8 алт.
—	—	—	—
6	8 алт. 2 д.	(единств. случай)	—
18	7 алт. 4 д.	10 алт.	6 алт. 2 д.
25	9 алт. 5 д.	10 алт. 2 д.	9 алт. 2 д.
44	9 алт. 5 д.	13 алт. 2 д.	6 алт. 4 д.
8	14 алт. 2 д.	17 алт.	12 алт.
32	26 алт. 4 д.	(единств. случ.)	—
—	—	—	—

¹ А. Савич. Указ. соч., стр. 145.

² Город. кн. по Устюгу В., № 29 и 58.

в 1637 г. ягрышский ямской староста Бажен Федоров Стешев, наняв ярыжных на судно, на котором шла «государева питейная казна» из Архангельска в Москву, и вручив задаточные деньги «вместо поруки» по ярыжным гостинной сотни торговому человеку Афанасию Жигулеву, ехавшему на том судне.¹ При найме ярыжным давалась наемная память, содержащая условия найма, и выплачивался задаток, обычно в размере половины договоренной платы. Окончательный расчет производился по выполнении работы.

Поздней осенью, когда не было никакой уверенности, что ярыжные успеют до наступления заморозков дотянуть судно до намеченного в условии пункта, с ними заключался особый договор, освобождавший нанимателя от уплаты денег за непройденную часть пути. Так, ягрышский ямской староста Поспел Алексеев 9 октября 1642 г. нанял 32 ярыжных от Ягрыша до Устюга на дощаник московскому целовальнику Михаилу Иванову, везшему из Архангельска в Москву «государеву узорочную казну». «Найму им тяглым людем ряжено челсвеку по 26 алт. по 4 д., и наперед им денег дано половина. А договор с ними тяглыми людьми был: будет водяным путем дойдут до Устюга, и им тяглым людем и другая половина дать сполна. А будет их измет замороз на дороге, не дошед до Устюга, и им тяглым людем больше того денег не спрашивать, что им дана половина». ² Такой договор имел место потому, что судно шло глубокой осенью. Первые заморозки, как правило, не вызывали немедленного роспуска ярыжных. Судовладельцы и торговые люди ждали некоторое время, не наступит ли потепление, и не явится ли возможность продолжать путь. Тот же Поспел Алексеев в своей челобитной на злоупотребления московского целовальника Михаила, названного в челобитной Борисовым, хотя тождество Михаила Иванова ямской книги и Михаила Борисова челобитной несомненно, поставил ему в вину немедленный роспуск судовых рабочих: «и гребцов, и носовщика, и кормщика з дощаника отпустил вскоре, не велел им в заморозе жити, как живут работные люди в заморозех у торговых людей срочные дни». ³

Ярыжные получали от нанимателя бичеву, иногда лодки для обратного возвращения и «пилицы вода лить», т. е. черпаки для удаления воды, попадающей в судно.

Что касается внутренней организации труда ярыжных, то можно отметить, что судовые ярыжные делились на десятки, во главе которых стояли особые десятники. Десятниками назначались наиболее опытные из судовых ярыжных. Иногда среди десятников можно встретить людей, которые в других случаях выполняли обязанности кормщиков и даже носников. Так, Шестак Ожгибоков ходил носником и десятником ярыжных; ⁴ Мина Чирков работал и кормщиком и десятником ярыжных. ⁵ Очевидно, десятники назначались только для полных десятков. Например, при 60 ярыжных в источниках названо 6 десятников; при 24 и 25 — 2 десятника, при 15 — один; если ярыжных на судне было менее 10, упоминание о десятнике отсутствует. ⁶ Десятник получал за свою работу столько же, сколько и рядовой ярыжный.

В эксплуатации труда ярыжных имеется один момент, отсутствующий

¹ Прик. дела ст. лет, 1638 г., № 18, л. 78.

² Город. кн. по Устюгу В., № 58, лл. 272 об. — 273.

³ Прик. дела ст. лет, 1643 г., № 30, л. 29.

⁴ Город. кн. по Устюгу В., № 29, лл. 47 и 154—155.

⁵ Т а м ж е, № 58, лл. 33—33 об., 140—140 об.

⁶ Т а м ж е, л. 33 об., 38 об., 40 об., 42, 156 об., 165 и др.

щий при использовании труда носников и кормщиков. Поскольку ярыжные работали главным образом как тягловая сила, то количество их было обратно пропорционально тяжести труда и степени его эксплуатации. И вот наниматель прибегал к своеобразной экономии. Нанимая ярыжных за обычную цену, он сокращал их количество и тем самым увеличивал производственную нагрузку каждого из рабочих. В результате получалась некоторая экономия заработной платы за счет скорости продвижения груза. К таким приемам прибегали главным образом приказные и торговые люди, везшие казенный товар. Мало заинтересованные в своевременности доставки товара, они гораздо больше интересовались возможностью получить в свою пользу некоторую долю тех денег, которые могли быть израсходованы на наем судовой рабочей силы. Обвинение в подобном корыстолюбии содержится, например, в упоминавшейся уже челобитной ягрышского ямского старосты Поспела Алексеева, жаловавшегося на злоупотребления московского целовальника Михаила Борисова, который «для своей корысти» потребовал только 34 гребцов вместо 52, полагавшихся по подорожной, а за остальных «взял себе деньги». В результате Борисов не дошел до Устюга и «стал в заморозе под Кодласом». Рабочие, нанятые Борисовым, не получили никакой компенсации за свой дополнительный труд; они порядились по 26 алт. 4 д., столько же было заплачено Борисову и за каждого из недобранных 18 ярыжных.¹

Иногда ярыжные, повидимому в случае усложнения их обязанностей во время пути, требовали дополнительной оплаты за свой труд. Об этом свидетельствует наличие соответствующих судебных дел в делопроизводстве воевод. Так, в росписном списке тотемских воевод Козьмы Корниловича Козьмина и Козьмы Андреевича Трусова среди дел, вершенных Козьминым, бывшим на воеводстве в 1650—1652 гг., значится «судное дело Устюга Великого посадских людей, а судовых ярыжек — десятника Ивана Иванова с товарищи 20-ти человек, с устюжанином с посацким человеком с Костянтином Козьминым Ключаревым за судовой ход с Устюга Великого до Тотмы в надатчных деньгах в 7-ми рублех».²

Ярыжные в случае нарушения их интересов обращались к воеводскому суду. Воеводам центральное правительство вменяло в обязанность вершить суд и оберегать посадское население и уездных крестьян от обид и насилий, чинимых им проезжими служилыми и торговыми людьми.³ Иногда ярыжные реагировали на насилие нанимателей отказом от выполнения принятой на себя работы или причинением нанимателю материального ущерба.⁴

V

Непосредственным обслуживанием движения судов по водным путям не исчерпывалось приложение на водном транспорте труда ремесленников и лиц, работавших из найма. Значительное число ремесленников было занято на постройке судов и заготовке нужных для этого материалов: плотники, кузнецы, прядильщики канатов, конопатчики, смолокуры.

Из найма работали караульщики, привлекаемые для охраны судов зимой и во время весеннего ледохода. Суда ставились на зи-

¹ Прик. дела ст. лет, 1643 г., № 30, лл. 28—29; Город. кн. по Устюгу В., № 58, л. 272 об.

² Там же, 1652 г., № 18, л. 130.

³ Там же, 1630 г., № 70, лл. 435—436; № 72, л. 360; 1639 г., № 45, л. 246.

⁴ Там же, 1643 г., № 75, л. 25; 1627 г., № 20, л. 389.

моёку в специальные места, где их не могла повредить основная масса весеннего льда. Заморозить суда где попало было не без-опасно, потому что, как замечает устюжский таможенный голова 1639—1640 г. Леонтий Подошевников в своей отписке в Москву, «в вешнее, государь, время, как пойдет лед, тех судов уберечь не уметь, что Сухона река быстра и вешним льдом по вся годы судов ломает и уносит много». ¹

Поэтому судовладельцы и ямские старосты, ответственные за сохранность ямских судов, нанимали специальных караульщиков. Документы позволяют прийти к заключению, что этот наем происходил в разное время. Иногда ямской староста заботился об этом своевременно, до осенних заморозков, пока еще не стала река, иногда вскоре после первых морозов, а иногда спохватывался весной перед самым ледоходом. Так, упомянутый Леонтий Подошевников нанял 17 октября 1639 г. крестьянина села Нокшенского Сольвычегодского уезда Алексея Тихонова Заостровцева сплавить ямские суда в тихое место и беречь их до весны. В условии была оговорена и ответственность караульщика за сохранность судов: «а будет... вешним льдом те ямские суды изломает ево небреженьем, и ему Олешке за те суды цена платить». ² Устюжские ямские старосты Федор Жилин и Василий Пономарев наняли 1 ноября 1643 г. «устюжан посадских людей Панфилка хлебника с товарищи 4-х человек, что им ямских судов — каюков и лодейку и павозок — во льду беречь и снег огребать и на весне, как на Сухоне реке лед пойдет, чтоб тех судов льдом не изломало». ³ А ямские старосты 1642—1643 г. только 26 апреля 1643 г. «наняли Семейку Козьмина с товарищи ямские суды... изо льду выдолбить и припроводить к берегу, чтоб вешним льдом, как на Сухоне реке лед пойдет, тех судов не изломало. А при-проводя к берегу, и те им суды беречь потаместа, как и лет на Сухоне реке пройдет». ⁴

Таким образом, нанятые караульщики должны были своевременно сплавлять суда в безопасное место, следить, чтобы зимою их не заносило снегом, и перед наступлением весеннего ледохода вырубать их изо льда. При этом караульщики несли материальную ответственность за сохранность судов. При найме караульщик получал задаточные деньги, а весной производился окончательный расчет. Трудно сказать, как велики были задаточные деньги и какова общая сумма оплаты караула. Подошевников излагает условия найма, но не называет суммы. Панфил хлебник получил 1 ноября 1643 г. 1 руб. 30 алт., очевидно, в виде задатка, так как окончательного расчета с ним в ноябре не могло быть, поскольку самая работа еще не была выполнена. Семен Козьмин за всю работу получил 5 руб. Повидимому, такой суммой и оплачивался труд караульщиков. Среди караульщиков попадаются и посадские люди, как Панфил хлебник, ⁵ и уездные крестьяне, как Алексей Заостровцев.

VI

Из других категорий посадских людей, связанных с работой на транспорте, следует отметить извозчиков. Извозный промысел имел значительный удельный вес среди занятий посадского населения се-

¹ Прик. дела ст. лет, 1639 г., № 45, л. 592.

² Там же.

³ Город. кн. по Устюгу В., № 62, л. 173об.

⁴ Там же, № 58, л. 181 об.

⁵ Писц. кн., № 506, л. 41.

веро-восточных посадков. Документы позволяют установить две формы извозного промысла: сдачу судов в аренду для перевозки товаров по речным путям и наем в конные подводки. Так, устюжский посадский человек Дмитрий Калинин Пыхов имеет постоянный промысел — «наймуетца летом на Двину под извоз дощаником»;¹ Елизар Карпов Соснин «ходит дощаником в извозе»;² тотемский посадский человек Фирс Григорьев Ширшов «ходит на судах в извозчиках». ³ О других посадских людях, для которых извозный промысел постоянное занятие, в писцовых книгах просто указывается — извозчик.

Среди извозчиков встречаются довольно крупные торговцы, такие как упомянутый Дмитрий Калинин Пыхов, имевший в Устюге Великом две лавки⁴ и владевший общим имуществом со своим братом Никитой, торговавшим кожевенным товаром и имевшим лавку в Сапсяном и Моршечном ряду.⁵ Никита Пыхов был одним из крупных устюжских винокуров, поставлявших вино в устюжские и сольвычегодские кабаки,⁶ да и сам Дмитрий Пыхов, повидимому, занимался винокурением и, кроме того, имел достаточно другого имущества. После его смерти возникла тяжба между его вдовой и сыном, с одной стороны, и братом Никитой — с другой. При этом Никита ставил в вину своим родственникам, что они без его ведома продают имущество покойного брата, и среди имущества назвал «деревни, мельницы и котлы, и кубы, и всякую житейскую посуду». ⁷ Занимается винокурением и другой устюжский извозчик Ждан Жужгин. 17 января 1632 г. он принял заказ на вино от сольвычегодского таможенного и кабацкого головы Постника Семенова.⁸

Тстемская писцовая книга 1623—1625 гг., отмечающая экономическое положение каждого из посадских людей, позволяет сделать наблюдение, что извозчики принадлежали к достаточно обеспеченным слоям населения. Из 16 чел., занимавшихся в Тотьме извозным промыслом, 6 «средних», 8 «молодых» и только 2 «худых». Некоторые из них владеют лавочными местами и «анбарами». ⁹ Имеют торговые помещения и устюжские извозчики.¹⁰ Кроме извозного промысла, тотемские и устюжские извозчики занимаются торговлей, в первую очередь — предметами, имеющими отношение к их промыслу.¹¹ Посторонние занятия отвлекали извозчиков от их промысла, повидимому, на продолжительное время. Так, устюжский посадский человек Мина Чирков, названный в писцовой книге извозчиком, служил в течение

¹ Там же, л. 74.

² Там же, л. 61 об.

³ Там же, № 480, лл. 46 об. — 47.

⁴ Там же, № 506, лл. 86 и 87.

⁵ Там же, л. 87; РИБ, XXV, № 123.

⁶ Город. кн. по Устюгу В., № 24, л. 177; № 30, лл. 146 об. — 147; РИБ, XXV, № № 89, 90 и 184.

⁷ РИБ, XXV, № 123.

⁸ Там же, № 89; ср. Писц. кн. № 506, л. 28 об.

⁹ Например, Русин Петров Мясников, Пантелей Иванов Старцов, Игнатий Алексеев Добрышин, Фирс Григорьев Ширшов, Естифей Климентьев (Писц. кн. № 480, лл. 46 об. — 47, 49 об., 58, 60 об. — 61, 78 об. — 79, 108—109, 114).

¹⁰ Например, Иван Первой Шарин и Фома Петров (там же, № 506, лл. 23, 43, 85 об., 93 об.).

¹¹ Так, Василий Лукьянов Горох, Игнатий Алексеев Добрышин и Михаил Неустроев барышничают лошадьми (Гор. кн. по Тотьме, № 2, лл. 393, 402 об., 491 об.; № 4, лл. 382, 438, 523 об.); братья Добрышины, Игнатий и Алексей, и Русин Петров Мясников торгуют лодками (там же, № 2, лл. 368, 369, 376, 492; № 4, лл. 363, 496); Василий Лукьянов Горох и Игнатий Алексеев Добрышин — хмелем (там же, № 2, лл. 367, 505; № 4, лл. 395, 403, 530; № 25, лл. 388, 417). Изредка продают хмель и другие извозчики (там же, № 2, л. 499 об.; № 4, лл. 404, 466).

1635-1636 г. дворником устюжского ямского двора, а в 1642-1643 г. он работал кормщиком и десятником ярыжных.¹

Вообще следует отметить, что постоянно заниматься извозным промыслом могли только состоятельные посадские люди. Ведь для этого нужно было либо быть судовладельцем, либо иметь достаточное количество лошадей. Конечно, владельцы извозного промысла не всегда лично занимались извозом. Попадают указания на так называемых проводников — людей, работавших у извозчиков по записи в качестве кучеров. Проводники комплектовались из беднейшей части посадского населения.

Потребность в извозном промысле была очень значительна. Не раз в таможенных книгах встречаются указания о привозе товаров на чужом судне. А когда замерзали реки, возрастал спрос на конные подводы. Этот спрос особенно был велик в таких перевальных пунктах, как Устюг Великий и Тотьма. Так, 25 октября 1642 г., когда на Устюге «стал в заморозе» дощаник уже упоминавшегося московского целовальника Михаила Иванова, везшего из Архангельска в Москву, «государеву узорочную казну», ладан и писчую бумагу, для него наняли от Устюга до Тотьмы 55 конных подвод.²

Постоянно требовались подводы и для торговых сношений с Сибирью. В Тотьме и Устюге обычно бывала смена лошадей. Так, 15 февраля 1637 г. «устюженин Иван Иванов сын Кузнецов, а прикащик гостинной сотни Михайла Ерафеева, ехал из Ярославля с товаром в Сибирь на семи лошадях, да лошедь под ним, и на Устюге в перемену тех лошадей иные лошади нанял и февраля в 22 день с Устюга поехал».³ Необходимо отметить еще и то обстоятельство, что в Сибирь постоянно отправлялся казенный хлеб («государевы хлебные запасы») на жалованье сибирским служилым людям. Для доставки этого хлеба было нужно значительное количество судовых извозчиков и конных подвод.

Постоянных извозчиков, систематически занимавшихся извозным промыслом, повидимому, было недостаточно, и в подводы нанимался всякий желающий. Об этом неоднократно упоминают устюжские ямские книги. На обязанности дворников ямского двора, между прочим, лежало «в подводы по подорожным охочих людей к наймом кликать».⁴ Для неоднократно упоминавшегося московского целовальника Михаила Иванова были наняты подводы и куплены сани у ряда посадских людей, в частности у Агафона Васильева, Якова Гаврилова, Пятого Иванова и Якова Григорьева.⁵ Между тем, об Агафоне Васильеве известно, что он ходил на судах кормщиком.⁶ Яков Гаврилов по писцовой книге значится портным мастером, Пятой Иванов — хлебником, Яков Григорьев — сапожником.⁷ Приведенный пример показывает, что среди «охочих людей», нанимавшихся в подводы, встречались лица самых разнообразных профессий. Но, с другой стороны, наблюдается и стремление вместо случайных извозчиков иметь постоянных ямщиков. Так, в конце 1647 г. тотемские посадские и уездные люди нашли для себя более выгодным иметь постоянного наемного ямщика.⁸

¹ Писц. кн. № 506, л. 35; Город. кн., по Устюгу В., № 29, л. 205; № 58, лл. 33 об., 140—140 об.

² Город. кн. по Устюгу В., № 58, л. 50.

³ Там же, № 34, л. 266—266 об.

⁴ Там же, № 62, лл. 172 об. — 173.

⁵ Там же, № 58, лл. 50—50 об.

⁶ Там же, № 29, лл. 45 об.—46.

⁷ Писц. кн. № 506, лл. 35, 36 и 47.

⁸ Прик. дела ст. лет, 1647 г., № 95, лл. 41—44.

Каковы же условия найма судовых и конных извозчиков? Следует отметить, что приведенные в известность источники не дают исчерпывающего ответа на этот вопрос. Можно сделать только отдельные наблюдения. Судовый извозчик нанимался или сразу на весь участок пути — от места погрузки до места выгрузки товара — или же сдавал в аренду свое судно от яма до яма. В первом случае он получал наемную плату, исчисляемую в зависимости от количества погруженного на судно товара. Так, 20 апреля 1630 г. тотемские посадские люди Максим Кубасов, Денис Выдрин и Иван Матвеев Фуников нанялись у представителя шведского короля Густава-Адольфа, голландца Антона Антонова, везти купленный для короля хлеб. Хлеб направлялся от Усть-Толшмы Тотемского уезда до Архангельска, везли его в трех ладейках. Найму было заплачено по 2 алт. 4 д. с четверти; общая наемная плата за ладейку достигала 100—120 руб.¹

Судовый извозчик, получив наемную плату за весь путь, был обязан обеспечить судно обслуживающим персоналом: он оплачивал труд носников, кормщиков и ярыжных. С хозяина товара эта забота снималась.²

Размеры арендной платы за судно, повидимому, определялись сроком пользования арендованным судном: она была ниже для судна, плывшего по течению, и выше — для идущего вверх. Вологжанин Фома Терентьев Наугородов договорился 15 июля 1629 г. с бобровским ямским старостой Семеном Ивановым Розницыным об арендной плате в 30 руб. за три дощаника от Бобровского яма до Устюга Великого (расстояние — 117 верст вниз по течению).³ А устюжанин Дмитрий Калинин Пыхов требовал 11 сентября 1630 г. от ягрышского ямского старосты Шестака Викулова 35 руб. аренды за два дощаника от Ягрыша до Устюга (120 верст вверх по течению).⁴ 26 июня 1643 г. гостинной сотни торговый человек Федор Веневитинов, везший казенные товары из Москвы в Архангельск, не взял на Устюге «прогонов за дощаник и вместо прогонных денег просил он, Федор, якоря, с чем ему плыть по Двине. И за те прогонные деньги дан ему, Федору, якорь. Куплен тот якорь у Девятки Килькина, плачено 3 руб.»⁵ В данном случае арендная плата за дощаник от Устюга до Ягрыша составила только 3 руб. Сумма арендной платы зависела и от размеров судна: за каюки и лодки платили меньше, чем за дощаники.⁶

При получении арендной платы владелец судна давал ямскому старосте отпись, т. е. расписку в получении денег. Если у ямского старосты не оказывалось в наличности необходимой суммы, он, получив от извозчика отпись, давал ему в свою очередь заемную кабалу на сумму арендной платы. Иногда кабала писалась на сумму несколько большую, что являлось гарантией скорейшей уплаты арендных денег. Так, например, поступили вышеупомянутые Фома Терентьев

¹ Там же, 1630 г., № 72, л. 241.

² Там же, лл. 238—239, 241.

³ Там же, 1630 г., № 70, л. 208.

⁴ Там же, лл. 435, 438, 444.

⁵ Город. кн. по Устюгу В., № 58, 149 об. — 150.

⁶ 24 июня 1636 г. устюжский воевода послал дополнительную охрану таможенному целовальнику, повезшему казенные деньги в Москву, и ямские старосты «дали им — сотнику и стрельцом — каюк, дали до Тотьмы кортому 7 гривен» (Город. кн. по Устюгу В., № 29, лл. 177—177 об.). 13 сентября 1635 г. для сибирских служилых людей, везших в Москву соболиную казну, был куплен в Устюге дощаник, наняты до Тотьмы носник, кормщик и 44 ярыжных, «да к тому ж дощанику для сплавки тяглым людям с Тотьмы на Устюг даны 2 лотки Гришки Острогана, от лодок ему прогонов дано рубль 3 алт. 2 д.» (там же, лл. 43 об. — 44).

Наугородов и бобровский ямской староста Семен Иванов Розницын.¹ Если судно арендовалось не на весь путь сразу, а от яма до яма, то обслуживающий персонал нанимался ямскими старостами, и хозяин судна не нес этих расходов. Московское правительство, часто нанимавшее суда под казенные товары и служилых людей, поощряло наем на весь путь и боролось с арендой судна от яма до яма.² Но последовательно этот принцип не был проведен в жизнь, и в 30-х и 40-х годах XVII в. устюжские ямские старосты продолжали арендовать суда от яма до яма, хотя запретительный указ был издан в 1629 г.³ Но все это — разрозненные наблюдения, не дающие оснований для общего заключения о размерах заработков судовых извозчиков.

Лучше обстоит дело с выяснением заработков конных извозчиков, хотя тоже не для всех участников пути. За одну подводку от Устюга до Бобровского яма по осеннему и по первому зимнему пути платилось 16 алт. 4 д.; зимой такая подводка оплачивалась 15 алт.⁴ От Устюга до Тотмы зимой платилось за одну подводку 30 алт.⁵

Выше уже отмечалось, что посадские и уездные люди предпочитали иметь постоянных наемных ямщиков. Такой ямщик обычно нанимался на год и давал поручную запись о добросовестном исполнении принятых на себя обязанностей. Недостаточное количество документов не позволяет определить средний размер наемной платы годового извозчика. Можно говорить лишь об отдельных случаях. Так, тотемский посадский человек Леонтий Никифоров нанялся у земского старосты и целовальников Толшемской волости Тотемского уезда в ямщики на 1649-1650 г. за 18 руб., причем наемные деньги должны были выплачиваться в четыре срока.⁶ Наниматели нарушили сроки уплаты, чем причинили Никифорову значительные убытки.⁷ Здесь условия найма извозчика нарушены выборными мирскими людьми. Но и частные лица, нанимавшие извозчиков на отдельные поездки, не всегда аккуратно платили им деньги. При этом иногда извозчик не только не получал заработанных денег, но еще и подвергался побоям и грабежу; нередко он лишался и лошадей и находившегося при нем имущества.⁸ Не оставались в долгу и сами ямщики, которые тоже иногда грабили своих седоков.⁹

Извозным промыслом, кроме посадского населения, занимались и уездные крестьяне. Большое торговое движение питало извозный промысел посадского и уездного люда. Отношения извозчиков к нанимателям имели временный характер и кончались в момент выполнения работы и получения заработанных денег.

VII

В какой мере можно говорить об организации труда судовых рабочих в первой половине XVII в.?

Несомненно, некоторые виды труда сделались уже профессией. Такими профессионалами из судовых рабочих являются носики и отчасти судовые ярыжные. В момент уменьшения спроса на рабочую

¹ Прик. дела ст. лет, 1630 г., № 70, лл. 205—227.

² Там же, лл. 205—227 и лл. 435—436.

³ Город. кн. по Устюгу В., №№ 29, 58, 62.

⁴ Там же, № 58, лл. 47, 48 об., 51 и др.

⁵ Там же, л. 50.

⁶ 1 сентября — 5 руб. с полтиною, 6 декабря — 5 руб., в заговенье на великий пост — 3 руб. с полтиною и 9 мая — 4 руб. (Прик. дела ст. лет, 1650 г., № 78, л. 41).

⁷ Там же.

⁸ Например, Прик. дела ст. лет, 1640 г., № 79, л. 33.

⁹ Там же, № 38, лл. 170—171.

силу на северных водных путях они не обращались к другим занятиям, а шли на Волгу и там работали на судах, возвращаясь на родину к осени, когда этот спрос увеличивался. В то же время для некоторых категорий судовых рабочих, например, кормщиков, сезонный характер работы на водном транспорте обусловил необходимость иметь другие постоянные занятия.

Что касается организации труда, то приведенные в известность источники не дают основания для заключения о наличии определенных организационных форм. О внутренней организации труда судовых ярыжных, о делении их на десятки уже упоминалось. Но эти десятки имели временный характер: они создавались только в момент выполнения судовой работы и по окончании ее распускались. Десятниками ярыжных иногда бывали лица, которые в других случаях ходили носниками и кормщиками. Следовательно, нельзя говорить о десятках с постоянными десятниками.

Можно сделать некоторые наблюдения и в области организации труда носников, быть может, о существовании своего рода артелей носников или о наличии носников-предпринимателей, которые договаривались об условиях работы, платили таможенному голове соответственную пошлину с заработка, а на судно посылали других носников. Так, в тотемской таможенной книге 1626-1627 г. под 11 мая 1627 г. имеется запись: «носники Томило Васильев сам-друг, поплыли на двух дощаниках у Пимина Белавинского, платил с 3-х руб., с рубля по 5 д., всего 2 алт. 3 д.», а под 12 мая новая запись: «Тсмоило Васильев поплыл на лодье Галанские земли у Юстра, платил с 2-х руб., с рубля по 5 д., всего 10 д.»¹ Очевидно, в первом случае Томило Васильев выступал только официальным представителем носников, потому что в течение одних суток он не мог провести судно и вернуться обратно: путь вниз по Сухоне до Устюга требовал не менее 3—4 дней, а на возвращение нужна была неделя. Не мог он в такой короткий срок дойти и до Вологды и вернуться обратно.

Прямые указания на наличие организации у носников имеются для начала второй половины XVII в. Известные мне источники сохранили два таких указания. Это, прежде всего, заодиночная запись тотемских и устюжских носников от 15 марта 1653 г., использованная в статье М. А. Островской «О древне-русском одиначестве»² и опубликованная А. Введенским в одном из примечаний к его статье «Заметки по истории труда на Руси в XVI-XVII вв.»³ Нижнесухонские носники, по этой записи, уговорились не давать друг друга в обиду, и сплоченной массой противостоять притеснениям и обидам со стороны тотемских и устюжских воевод. Если бы воеводы посадили «не по делу» кого-либо из носников в тюрьму, остальные должны были бы подать о том челобитную царю и прекратить работу на судах до освобождения посаженного. Нарушение кем-либо из носников этого условия каралось штрафом в пользу организации в сумме 50 руб.⁴ Таким образом, заодиночная запись нижнесухонских носников свидетельствует о наличии среди носников организации взаимной защиты, имевшей целью оградить своих членов от произвола местной администрации. Члены организации были связаны между собой круговой порукой, и нарушение взаимного договора каралось большим штрафом. Экономических целей эта организация не преследовала: вопросы

¹ Город. кн. по Тотьме, № 2, лл. 330 об. — 331.

² Изв. Архангельского Общ. изучения Русского Севера, Архангельск, 1911 г., №№ 12 и 15.

³ Архив истории труда в России, кн. 3, стр. 58—59, II, 1922.

⁴ Прик. дела ст. лет, 1655 г., № 30, лл. 190—191.

заработной платы и ее регулирования в заодиначной записи никак не отражены.

Второй из упомянутых документов представляет собой обширную челобитную торговых людей Москвы и других городов и вологодских судовых промышленников, поданную в Новгородскую четверть 3 марта 1668 г. Челобитная содержит жалобу на нижнесухонских и двинских носников, которые, создав крепкую организацию, резко повысили оплату своего труда и энергично устраняли конкурентов, не входивших в состав организации.¹ Носники объединились с целью добиться значительного повышения заработной платы и подняли цену на труд больше чем в 10 раз, угрожая дальнейшим повышением. Они написали заручный приговор, чтобы «малою ценою не плавить» и не допускать наниматься «повольною ценою» других носников, не входящих в состав организации. Требуя высокой оплаты труда и уплаты денег вперед, носники отказывались гарантировать добросовестное исполнение принятых на себя обязанностей («записей на себя своим озорничеством не давали») и посылали на суда носников низкой квалификации («худых носников и пропойцов»). Кроме того, руководитель носников, тотемский посадский человек Василий Попов, брал в свою пользу посулы с судовладельцев. Поставив в столь невыгодные условия нанимателей, носники повели решительную борьбу со своими конкурентами и не только не давали им наниматься «повольною ценою», но и снимали с судов ранее нанятых носников, не останавливаясь перед возведением на них ложных обвинений, влекших за собою тюремное заключение. Действия организации были направлены только против торговых людей и судовых промышленников и не затрагивали монастырей, суда которых проводились по старым ценам и с гарантией в форме записей. Очевидно, заручный приговор носников явился их реакцией на те притеснения и обиды, какие им

¹ Эта челобитная ярко характеризует как требования носников, так и условия их труда, существовавшие до создания организации. «Тот ниже-сухонской носник Васька Попов да двинской носник Архипка Васильев с товарищи не с великими людьми, — жаловались челобитчики, — вымысля воровски своим озорничеством, зговорясь меж собою, написали приговор, что мимо их тех заручных приговоров тех наших суднишек с нашими холопей и сирот твоих товаришками малою ценою не плавить, и иным носником повольною ценою не наймоватца. И учиня себе на Тотьме сходной двор, неведомо по какому указу, и от той, государь, сплавки учали они носники себе держать рядю запорную, и с тех наших суднишек своим воровским озорничеством и заговором имали с Тотьмы до Устюга по 30 по 3 рубли и больши, а с Устюга до Архангельского города по 20 по 3 рубли и больши. А поплаву, государь, бывает на Нижней Сухоне с Тотьмы до Устюга только по 3 и по 4 дни, а с Устюга до Архангельского города по шти и по 7-ми дней. Да сверх того он же тотемской носник Васька Попов имал с нас сирот твоих и с людишек наших себе посулы — со всякого судна по 2 рубли и по 3, да по ведру вина. И те, государь, запорные больши деньги имали у нас сирот твоих и у людишек наших наперед все сполна. А записей, государь, на себя в той сплавке и в деньгах нам сиротам твоим своим озорничеством не давали, и вместо себя давали на те наши суднишка носников худых и пропойцов. Да и впредь, государь, тот Васька Попов с товарищи похваляютца с тех наших сплавных суднишек имать рублей по 50-ти и по штидесяти. И которых, государь, носников проплавных мы сироты твои с Вологды и с Тотьмы на Нижнюю Сухону и на Двину наймовали уговорною ценою против прежних годов, которые были опроче их воровского заговору, и тот Васька Попов с товарищи к тем носникам на Тотьме своим озорничеством, поклепав воровски, приставляли и в тюрьму сажали, чтоб их на наших суднишках не отпустить, и те наши суднишка с товары разных городов остановить, и чтоб им тою запорною ценою самим корыстным быть. И тем носникам на тех наших суднишках плыть не давали, и тем своим воровским заговором те наши суднишка, а нас холопей и сирот твоих товаришка задерживали сутки по-двои и по-трои. А наперед сего, государь, те же носники приходили к Вологде и на Тотьме наймовались у нас сирот твоих повольною ценою, и от тех сплавков имали рубли по 2 и по 3, а в самую меженскую малую воду по 8-ми и по 10-ти рублей. Да и ныне, государь, с монастырских с вешних соляных в больших судах от сплавки, и от верхново ходу за оба пути емлют всего по 9-ти и по 10-ти и по 12-ти рублей и в том они дают на себя записи». (Прик. дела ст. лет, 1668 г., № 7, лл. 1—2).

чинились со стороны нанимателей. Не случайно указание челобитной на требование уплаты наемных денег при самом найме. Значит, носники, наученные предшествующим опытом, уже не верили в возможность исправного получения своего заработка по окончании работы.

Было ли действие таких организаций постоянным, или они возникали время от времени, в те моменты, когда ощущалась наиболее острая нужда в совместных действиях для защиты общих интересов? Выше уже было высказано предположение о возможности существования артелей носников. Правда, об этих артелях можно лишь догадываться, прямых указаний на их деятельность приведенные в известность источники не сохранили. Неясны и их организационные формы. Что же касается заодиночной записи 1653 г. и заручного приговора 1668 г., то я склонен их рассматривать как явления необычные, вызванные чрезвычайными обстоятельствами.

Государственная власть считала эти акты правонарушением, с которым необходимо бороться. Московские приказы — Новгородская и Устюжская четверти — осудили поведение носников и восстановили права найма «повольною ценою» с гарантией в форме записей. В памяти из Новгородской четверти в Устюжскую, в ведении которой находились тотемские и устюжские посадские люди, и которая должна была принять меры против заручного приговора носников, содержится решение приказа по помете думного дьяка Герасима Дохтурова от 8 марта 1668 г., назначавшее следствие по делу носников, в результате чего должен быть учинен указ, чтобы носникам «впредь так воровать было неповадно». Тотемскому и устюжскому воеводам предписывалось — носникам «потаки чинить не велеть, а велеть тем тотемским и устюжским носникам наймоватца у них (судовых промышленников. — П. У.) повольною ценою, а не заговорною, против прошлых годов, и в тех сплавах тем носникам давать им записи».¹ Следовательно, был восстановлен старый порядок, нарушенный заручным приговором носников, и их организация была явлением временным, а не постоянным.

Состав кормщиков имел более пестрый и непостоянный характер по сравнению с носниками, и едва ли кормщики могли создать прочную организацию, хотя бы и временную. То же следует сказать и о ярыжных. Кроме деления на десятки, других организационных форм работы судовых ярыжных не удалось проследить. Да и самый десяток едва ли можно считать формой трудовой организации. Деление на десятки — привычный счет людских масс в XVII в. Отдельные категории судовых рабочих не были замкнутыми. Выше уже приводились примеры, когда один и тот же человек выступает в документах то как носник, то как кормщик, а то и как десятник ярыжных. Это свидетельствует лишь об относительной специализации судовых рабочих. К тому же многие из посадских людей, занимавшихся судовым промыслом, повидимому, не считали его своей постоянной профессией и шли на суда только в моменты наиболее острого спроса на судовую рабочую силу.

Судовым промыслом занимались широкие слои посадского населения — одни постоянно, другие от времени до времени. Работая на судах, они не оставляли и других занятий (напомню хотя бы о торговле ярыжных). Не выступают с достаточной определенностью и формы трудовой организации судовых рабочих. Нанимаясь на суда на основе договора, определяемого соглашением сторон, судовой рабочий попадал во временную зависимость к своему нанимателю, да-

¹ Прик. дела ст. лет, 1668 г., № 75, лл. 13—15.

вая соответственную запись. Отношения между рабочим и нанимателем прекращались в момент окончания работы и получения заработанных денег. Временная зависимость рабочего от нанимателя иногда осложнялась наличием кабального договора, который влиял на размеры заработка и лишал рабочего возможности приложить свой труд на более выгодных условиях.

Взаимоотношения с нанимателями были порой полны острых конфликтов на почве недоплаты заработанных денег, побоев и других насилий. Но формы протеста против этих насилий были еще очень слабы. Наиболее распространенной из них являлось обращение к воеводскому суду. Московское правительство, опиравшееся в Поморье на псадскую верхушку, все же предписывало воеводам защищать интересы работных людей. Правительство в данном случае руководствовалось формальным мотивом, нашедшим свое отражение в Уложении 1649 г.: «чтобы Московского государства всяких чинов людем, от большего до меньшего чину, суд и расправа была во всяких делех всем равна». ¹ На практике же это не всегда выполнялось.

Среди наиболее сильных экономических слоев судебных рабочих — носников наблюдается как стремление создавать организации самозащиты, так и попытки диктовать нанимателям условия оплаты труда. Иногда судебные рабочие поднимали открытый протест, причиняя нанимателю материальный ущерб. Но подобные формы протеста носят раздробленный, случайный характер. Четкой и постоянной защиты своих интересов судебные рабочие XVII в. еще не выработали. Это лишь вспышки, возникавшие в те моменты, когда эксплуатация их труда становилась наиболее тяжелой и острой. Но известное значение имели и такие протесты.

В. И. Ленин, говоря о более поздней эпохе (XIX в.) отмечал, что и «примитивные бунты выражали уже собой некоторое пробуждение сознательности: рабочие теряли исконную веру в незыблемость давящих их порядков, начинали... не скажу понимать, а чувствовать необходимость коллективного отпора, и решительно порывали с рабской покорностью перед начальством». ²

Протесты судебных рабочих первой половины XVII в. имели значение и для всей эксплуатируемой массы. Это сказалось позднее в таких грандиозных движениях, как восстания, возглавленные Степаном Разиным, Кондратием Булавиным и др.

¹ Поли. собр. законов, I, № 4, стр. 4.

² В. Л е н и н. Сочинения, IV, стр. 384.

К. В. СИВКОВ

КРЕПОСТНЫЕ ХУДОЖНИКИ В СЕЛЕ АРХАНГЕЛЬСКОМ

СТРАНИЦА ИЗ ИСТОРИИ КРЕПОСТНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НАЧАЛА XIX В.

Начало XIX века — время разложения крепостного хозяйства. В его недрах слагались такие отношения, создавались такие противоречия, выйти из которых оно могло только посредством перехода на иные формы производственных отношений, т. е. путем упразднения всех своих основ.

Одним из самых ярких проявлений этих противоречий, предвещавших наступление новых форм жизни, было создание в крепостной вотчине «крепостной интеллигенции». Раб, «крещеная собственность», он в то же время представитель «свободных» профессий — поэт, художник, музыкант, вся работа которого никак не укладывалась в рамки крепостного хозяйства. И помещики должны были, выращивая (в силу различных побуждений) своих актеров, художников, певцов и пр., создавать для них прежде всего иные внешние условия существования, отличные от тех, в которых находилась остальная дворня: им отводилось особое помещение для жилья, выдавалось особое платье, часто назначалась особая пища; крепостные художники и артисты получали обычно денежное жалованье (кроме разных выдач продуктами и предметами одежды и туалета), т. е. ставились в этом отношении в положение вольнонаемных работников.

С другой стороны, и взаимоотношения крепостного интеллигента и помещика-рабовладельца неизбежно становились иными: держать музыканта и поэта на положении конюха или комнатного лакея было нельзя, хотя бы потому, что он не дал бы той продукции, которую от него хотели получить. Это чувствовали и понимали и та и другая сторона, и потому крепостной интеллигент протестовал против уравнения его с остальной дворней (нередко в форме самоубийства), хотя юридически он ничем от нее не отличался; помещик, не становясь, конечно, на равную ногу со своим артистом или художником, часто давал особенно остро ему почувствовать неравенство с собой, если в силу тех или иных побуждений хотел его унижить.

Известно, какие драматические коллизии создавались в силу всех этих обстоятельств, сколько талантов и жизней погибло, ничего не принеся русской культуре. Этой драматической, а подчас и трагической стороне жизни крепостной интеллигенции наша литература уделяла в свое время немало внимания, и притом главным образом жизни крепостных актеров (напомним, с одной стороны, «Сороку-воровку» Герцена, с другой — не раз издававшиеся и переиздававшиеся записки артиста Щепкина или излагавшиеся на разные лады перипетии жизни артистки Параша Жемчуговой — графини Шереметевой). Гораздо меньше уделялось внимания повседневной, обыденной жизни рядовой крепостной интеллигенции, в частности, жизни крепостных художников.

Задачей данного очерка является обрисовка жизни в начале XIX в. довольно многочисленной группы крепостных художников, по преимуществу «живописцев», принадлежавших одному из самых крупных представителей господствовавшего класса — кн. Н. Б. Юсупову. Дошедший до нас юсуповский архив¹ не содержит в себе каких-либо специальных документов, обрисовывающих жизнь юсуповской крепостной интеллигенции. Сведения об этой жизни приходится крупными собирать, прежде всего, среди всевозможных бумаг архива с. Архангельского, где по преимуществу протекала жизнь и деятельность крепостных художников Юсупова.² Кроме того, сведения, но менее ценные и в меньшем количестве, содержатся в архивных документах московской канцелярии Юсупова.

Нами были просмотрены архивные документы за 30 лет (1800—1830 гг.). Более ранних почти не сохранилось (а по Архангельскому они начинаются только с 1810 г., когда Юсупов купил эту вотчину у Голицыных за 245 тыс. руб.); более поздние не содержат материала по интересующему нас вопросу, так как после смерти (1831 г.) Н. Б. Юсупова его сын уничтожил многое из его начинаний. В частности, прекратили свое существование «живописное и фарфоровое заведения», устроенные в Архангельском в первые годы XIX в., а «живописцы» рассеялись по другим юсуповским, а может быть, и чужим вотчинам, и след их потерялся.

На основании изучения указанных документов мы дадим сначала очерк создания и жизни «живописного заведения» в Архангельском, потом познакомимся с его деятелями и, наконец, попытаемся осветить бытовую сторону их жизни. Не все тут удалось выяснить с желательной и необходимой полнотой, но объясняется это количеством и характером тех документов, которыми мы пользовались.

I

Н. Б. Юсупов, владелец (1810—1831 гг.) с. Архангельского был знатоком и ценителем искусства в разных его видах. При нем Архангельское стало средоточием первоклассных произведений скульптуры, живописи и разных видов декоративного искусства. Особенно ценно было собрание живописи, насчитывавшее не одну сотню полотен крупнейших мастеров. Работам Тьеполо, Гюбер Робера и Ротари были отведены особые залы (они сохранились до настоящего времени). Одно время картинная галерея занимала особое здание; некоторые комнаты «Большого дома» и въездные ворота были покрыты «альфресковой» живописью.

Вполне понятно поэтому, что в Архангельском при Н. Б. Юсупове существовало особое «живописное заведение», обслуживавшее отчасти эту усадьбу, отчасти московский дом Юсупова, и кроме того работавшее и на сторону. Это «заведение» было особой школой, значение которой нам трудно сейчас учесть, но роль ее, несомненно, выходила далеко за пределы юсуповской вотчины. Просуществовав около 12 лет и сменив ряд руководителей (русских и иностранных, временных и более или менее постоянных), «живописное заведение» в Архангельском выпустило из своих стен ряд мастеров, которые, вероятно, разнесли свои знания и навыки по другим усадьбам и городам, может быть, занесли

¹ В настоящее время находится в Моск. Гос. Архиве феодально-крепостн. эпохи. (ГАФКЭ).

² В с. Архангельском (в 5 км от ст. Павшино Калининской ж. д.) сохранилось до сих пор много памятников искусства созданных крепостными художниками.

их в иную социальную среду. Состояние наших материалов, к сожалению, не дает нам возможности проследить, как далеко протягивались нити художественного влияния из Архангельского, но что это было именно так, не может быть никакого сомнения. С этой точки зрения история «живописного заведения» и сведения о крепостных художниках в Архангельском имеют не только местное значение и потому заслуживают особого очерка и вне истории Архангельского.

Еще до того как Н. Б. Юсупов купил Архангельское и устроил тут «живописное заведение», он предпринял ряд мер, чтобы обеспечить себя «своими» художниками, архитекторами, чертежниками и т. п. Достигалось это обычным в те времена способом — отдачей крепостных мальчиков в выучку на сторону. Так обучались тогда «собственные» повара, кондитеры, портные; так же воспитывались художники, музыканты, певцы и пр.

В 1800 г., за август-ноябрь, «рисовальному мастеру Купавинской фабрики (около 20 км от Москвы, тогда — казенной — К. С.), Луке Алексеевичу Корабельникову, за содержание обучающихся четырех мальчиков харчевых (было) выдано 48 рубл.»¹ Ему же в январе 1802 г. «за обучение грамоте и рисовать с натуры 2-х мальчиков было уплачено 70 руб.»² В апреле 1801 г. «для обучения мальчиков рисовать планы в Москве куплено математических курсов 2-й части, аспидных досок, бумаги александрийской, разных красок и карандашей на 15 руб. 60 коп., по требованию слободы Ракитной управляющего по обучению мальчиков математических курсов за 5 частей заплачено 12 рубл.»³ Рисованию планов и математике обучал трех мальчиков титулярный советник Иванов, получавший за это 300 руб. в год.⁴ В 1802 г. мы видим в этой роли землемера П. П. Островского, получавшего за обучение двух мальчиков и копировку планов 25 руб. в месяц.

Эта система применялась и позже, когда в Архангельском уже существовало «живописное заведение». Так, например, архитектор Ст. Петр. Мельников в 1817 г. «на обучающихся у него мальчиков за провиант в полгода» получил 30 руб. и на карандаши, бумагу и проч. — 30 руб.⁵ Подобные платежи Мельникову мы встречаем в документах и в последующие годы. Кроме него, обучали мальчиков архитекторы Е. П. Тюрин (у него учились Андрей и Григорий Бредихины) и К. И. Гофман (Савва Сумановский и Лев Рабутовский) и землемер Максютин. Особенно интересен факт отдачи трех мальчиков в обучение к известному художнику Свебаху (1800—1870 г.), картины которого были в Архангельском. 12 марта 1820 г. московская канцелярия писала в Архангельское:

«По воле его сиятельства предписывается конторе приказать живописцу И. Колесникову, чтобы он выбрал из обучающихся живописному художеству трех мальчиков, которые в искусстве рисования превосходят других и хорошего поведения, прислать в непродолжительном времени в московский дом для отдачи оных в Москве к г. живописцу Свебаху в учение, но ежели в числе лутчих в искусстве рисования мальчиков будут дурного поведения, то и таковых прислать с отметкой о их поведении, а притом дается конторе на замечание, чтоб мальчики выбраны и присланы были действительно из самых лутчих, а не худших, о чем и живописцу Колесникову подтвердить».⁶

¹ «О доходах денежных по Московской канцелярии 1800 г.», л. 48.

² То же, за 1802 г., записи расходов за январь.

³ То же, за 1801 г., л. 16.

⁴ Там же, л. 20.

⁵ «Книга о расходе денег из Московской канцелярии», 1817 г., вязка 7.

⁶ «Исходящий журнал в контору с. Архангельского», март 1820 г.

Учение у Свебаха продолжалось почему-то недолго. По крайней мере, уже 15 мая московская канцелярия отослала в Архангельское «находившихся в учении у живописца г. Свейбаха» трех мальчиков: Григория и Петра Новиковых и Павла Прелова, предписывая отдать их живописцу Колесникову «для продолжения прежнего их занятия». ¹ К сожалению, документы архива ничего не говорят ни о характере соглашения со Свебахом, ни о причинах быстрого прекращения обучения у него трех названных мальчиков.

II

Первое упоминание в архивных документах о живописцах в Архангельском относится к январю 1812 г. 15 января управляющий Ив. Щедрин писал в рапорте Н. Б. Юсупову: «Живописцы мало успели в работе за отъездом вашим, первое, что пишут для себя и уверяют, будто им от вашего сиятельства то позволение дано, а что из картин скопировано ими, записку прилагаю». В записке было сказано: «Михайла Полтев нарисовал из книги первого тома освобожденного иерусалима 4 рисунка, Егор Шебанин второго тома 4 рисунка. Федор Ткачев второго тома 3 рисунка. Федор Сотников первого тома 3 рисунка». ²

Приведенный рапорт Щедрина позволяет сделать заключение, что упомянутые в нем живописцы уже в 1811 г. работали в Архангельском, но относить основание «живописного заведения» к этому году, повидимому, нельзя: работали одни «живописцы», учеников у них не было, значит, еще не было школы, не было «заведения». Что делали «живописцы» в Архангельском в другие месяцы 1812 г. мы, к сожалению, не знаем, но, несомненно, с августа их работа прекратилась, так как в виду приближения к Москве армии Наполеона началась эвакуация из Архангельского картин, мрамора, бронзы и т. п., а в сентябре опустевшее Архангельское было разгромлено местными крепостными.

Но с самого начала 1813 г. жизнь в Архангельском быстро входит в норму. Возобновляется и работа «живописцев», которые, например, в июле 1813 г. требовали «на поправку картин в Большом доме» большое количество красок (3 пуда светлой и темной «вохры», 2 пуда «прозелени», 1 пуд «сибирки» и пр.), щетины (1 пуд), клею (5 пуд.) и пр. Но в чем именно заключалась «поправка» картин, сколько их было «поправлено» и кисти каких художников они принадлежали, из документов архива, к сожалению, не видно. Не знаем мы также, кто именно из «живописцев» был занят этой работой. Но так как в Архангельском была особая картинная галлерей (в первые годы после приобретения Архангельского Н. Б. Юсуповым она помещалась в особом здании), то работы, вероятно, было немало. В то же время происходила перестройка и отделка всей усадьбы, и тут опять-таки участие «живописцев» было необходимо.

В 1814 г. в Архангельском работал (может быть, в роли руководителя крепостных художников) некий «живописец» Рено, что видно из предписания московской канцелярии в Архангельское от 21 мая 1814 г.: «По повелению его сиятельства кн. Н. Б. куплено и посылается при сем красок по приложенному у сего реестру на 87 р. 60 к., которые получа отдать живописцу Рено». ³ Одновременно, в мае и июне, для «живописцев» не раз посылались краски, мел, скипидар,

¹ «Исходящий журнал в контору с. Архангельского», май, 1820 г.

² Иллюстрированное издание «Освобожденного Иерусалима» до сих пор имеется в библиотеке с. Архангельского.

³ Дела по с. Архангельскому за 1814 г.

холст и т. п., а для «золотаря» — золото, клей, полимент и пр. Очевидно, продолжался ремонт картин и рам для них. Одному «живописцу», М. Полтеву, было приказано писать плащаницу: «Объявить живописцу Полтеву, — писала московская канцелярия 24 октября 1814 г., — что плащаницу писать по мере миткаля, которой противу старой послан плащаницы, а для натягивания на раму холста 2 арш. посылается».¹

Из особого реестра на выдачу платя в Архангельском в июне 1814 г. видно, что, кроме известных уже нам М. Полтева, Е. Шебанина и Ф. Сотникова, здесь работал еще Ник. Серый, а по ведомости о расходе денег по Архангельскому в 1814 г. к ним надо присоединить Ив. Колесникова и И. Новикова. О том, что делали Новиков и Сстников, говорит распоряжение о выдаче им «на покупку для починки блафона в антиковой комнате² для... (неразборчиво в тексте) к щекатурке вина на 75 коп.» Среди документов имеются расписки с подписями «живописцев»; почерк неуверенный, не выработавшийся.

Работа «живописцев» в Архангельском в 1814 г. шла не круглый год: счет на содержание (стол и вино) М. Полтева, И. Колесникова и Ф. Сотникова говорит о расходе в 114 руб. в течение шести месяцев. Кроме того, из отдельных донесений конторы с. Архангельского мы узнаем, что 12 октября в Москву были «отправлены два живописца Ф. Сотников и Е. Шебанин, коим здесь работы не имеется», а 16 декабря отвезены туда же на подводах четыре «живописца».

В 1815 г. крепостные живописцы, видимо, работали в Архангельском тоже не весь год. Во всяком случае документы архива дают на этот счет лишь следующие сведения: от 1815 г. одно предписание московской канцелярии, которое позволяет думать, что «живописцы» находились тогда в Москве. 15 мая эта канцелярия писала конторе с. Архангельского: «По воле его сиятельства отправлен при сем живописец Ф. Ткаченко, которому отпустить портрет имп. Александра, которой исколот,³ другой портрет имп. Александра, едущего верхом, и картину, означающую лошадь, которые приказать уложить хорошенько в ящик и отпустить в Москву с ним, Ткаченковым».⁴ Но в июне и июле «живописцы» были в Архангельском, что видно из следующих донесений «служителя» Гр. Бредихина кн. Юсупову:⁵ 24 июня — «сего июня 18 числа начели писать, в библиотеке, подле каприза, блафон в шан дант другому, с эстампа нептун похищает прозерпину, которой кончат от сего числа чрез 15 дней»; 15 июля 1815 г. — «Сделано живописцами с 18 числа прошедшего июня по 9 число июля, у Каприза⁶ в библиотеке расписан блафон и выкрашены стены»; 12 июля — «9-го числа июля, у каприза библиотека, как то блафон и стены, живописцами совсем отделаны»; 26 июля — «Живописцы в капризе уже 5-ть комнат выкрасили, а досталные 5-ть комнат еще красят».

Такой же временный характер носила работа «живописцев» в Архангельском в 1816 г. 7 мая московская канцелярия писала в Архангельское: «При сем отправлено в Архангельское на жительство

¹ Дела московской канцелярии, 1814 г. (впоследствии эта плащаница находилась в музее-усадьбе Архангельское).

² Комната с этим названием сохранялась в Архангельском до самого последнего времени; в ней были собраны античная скульптура, а также картины на античные сюжеты.

³ Вероятно, еще в 1812 г.

⁴ «Наряд по с. Архангельскому», 1815 г., май.

⁵ Дела Московской канцелярии, 1815 г.

⁶ Так назывался особый дом в парке с. Архангельского. После позднейших перестроек от него теперь почти ничего не осталось; не существует и здания библиотеки.

живописцов три человека, а именно Ф. Сотников, Ф. Ткачов и Е. Шибанин для исправления живописных работ... Для приготовления живописцам пищи определить вдову Ек. Ив. Копылову, квартиру же им отвести там, где они будут работать».¹ Сколько месяцев они пробыли в Архангельском, из документов не видно. В следующем году, в мае и июне, в Архангельское приезжали несколько раз какие-то «вольные» живописцы, в том числе живописец Дубровин.² В июле здесь был «волный живописец» Лебедев, которому было заплачено 200 руб. за расписывание стен и потолка на парадной лестнице и 200 руб. за расписывание в Большом доме, в трех комнатах, «поясов».

III

С 1818 г. уже можно говорить о существовании в Архангельском «живописного заведения» или даже школы, как иногда называется в документах это учреждение. Организация его стояла в прямой связи с работами «фарфорового заведения», которое как раз в это время начинает действовать в Архангельском. Довольно многочисленные в архиве Архангельского за 1818 г. документы рисуют следующую картину.

В 1818 г. в Архангельском было 11 «обучающихся живописи». Из ведомости на выдачу харчевых денег и конопляного масла в октябре этого года мы узнаем имена семи из них: Фед. Беляев, Ив. Коробейников, Степ. Прохоров, Пав. Прелов, Ник. Павлов, Алексей Фигурин и Прок. Конев. Из «Записки о живописной работе» в том же октябре мы видим, что 11 учеников работали под руководством трех крепостных «живописцев»: Ив. Колесникова, Ф. Сотникова и Ф. Ткаченкова. Колесников в октябре заканчивал портрет Александра I; Сотников расписывал фарфор, а «сверх одного расписывал поставленный против идущей из села к Большому дому дороги щиток», о котором в записке о работе, сделанной в 1818 г. в Архангельском после отъезда Юсупова на Украину, было сказано так: «сделан по утвержденному е. с. рисунку щиток с колоннами и выкрашен под белый мрамор, с изображением по середине одного львиной головы и чаши»; Ткаченков только расписывал фарфор. Одиннадцать мальчиков расписывали тарелки из гарднеровского фарфора. В ноябре при трех названных живописцах было уже пятнадцать учеников: шесть при Колесникове, по четыре при Сотникове и Ткаченкове и один не был, видимо, прикреплен ни к кому из них.

Сами живописцы в ноябре занимались только расписыванием фарфора, точно так же, как и три ученика (по одному при каждом из них); два ученика Колесникова «занимались рисовкою на бумаге», один (последний из названных) был занят «отводкою красками у всех расписанных тарелок, чашек и прочего бортиков»; наконец, все остальные «писали на фарфоровых черепках цветы».³ Аналогичная работа была проделана всеми ими и в декабре.

В 1818 г. в Архангельском происходили большие торжества по случаю приезда сюда царской фамилии. К главному дню торжеств, 8 июня, шли спешные приготовления в «Большом доме», в театре (закончено было постройкой отдельное здание, сохранившееся до сих пор) и пр. Работали и «вольные» живописцы и свои, крепостные. В мае в «Большом доме», в круглом зале, и в театре мостили леса,

¹ Дела по с. Архангельскому за 1817 г. «Выписка из хлебной книги отпущенному для кормления приезжающих из Москвы с его сиятельством с гостями лошадей овсу...»

² Наряд по с. Архангельскому, 1816, май.

³ «Входящие бумаги с. Архангельского», 1818 г.

причем тут с «вольными» живописцами работали два мальчика. «Для крашения в театре колон, стен между ними и блафона, для починки в Большом доме в разных комнатах на стенах живописи», требовалось много прозелени, лавры и пр. Таким образом, в этом году работа крепостных художников в Архангельском заключалась, с одной стороны, в отделке дома и театра (преимущественно, повидимому, в первой половине года), с другой — в расписывании фарфора (во второй половине года). Работа второго порядка шла, несомненно, организовано, как это полагалось в «живописном заведении». Один из «живописцев» выполнил и чисто художественную работу: написал портрет Александра I, другой — работу декоративную: расписал «щиток» в парке.

В январе 1820 г. в Архангельском произошел большой пожар: почти до тла сгорел «Большой дом». Н. Б. Юсупов немедленно же принялся за его восстановление. Естественно, что «живописцам» было при этом много работы. Пока шла самая стройка, живописцы продолжали расписывать фарфор; ¹ в апреле была «отделана чашка, на которой был написан портрет его сиятельства». И. Колесников, кроме того, писал в июне «портрет гос. императора», а в июле «переписал на портрете гос. императора лица». ² Но уже в августе «для расписывания в большой дом в круглую залу блафона» контора Архангельского требовала парусины шириной в 3 арш. — всего 12 арш., а 3 сентября управляющий Унгебауэр требовал для «живописца г-на италианца, которой будет расписывать в большом доме стены», 2 ведра пеллива и хлебов. Таким образом, начиналась внутренняя отделка дома.

В августе, сентябре и октябре мы видим здесь художников Куртейля и Колумби. Первый пробыл тут, повидимому, с 16 августа по 8 сентября, судя по счетам на провизию для него (всего было издержано на покупку цыплят, уток, яиц и пр. 120 р. 80 к.; за стол его кучера надо было заплатить 10 руб., а «для кормления находившихся г-на Куртели двух лошадей употреблено овса 2 ч. 7 чк. и сена 10 пуд.»). С 1 сентября по 23 октября на стол живописца Колумби и мраморщика Жевани было издержано почти 250 руб., да на трех работников Колумби — 26 р. 60 к. ³ Принимали ли участие в этой работе крепостные живописцы Юсупова, из документов не видно, но во всяком случае в ноябре они были заняты расписыванием фарфора, как это видно из следующего предписания московской канцелярии: «По воле е. с. при сем отправлены в Архангельское два живописца, Сергей Богомоллов и Семен Богомоллов, которые знают хорошо отводить золотом по фарфору, а сверх того могут показать пример находящимся в Архангельском живописцам, как можно меньше употреблять золота». ⁴

Работы Колумби продолжались в январе, феврале и марте 1821 г.; одновременно с ним работал Рунжи. При Колумби было одиннадцать работников, которые «находились при раскрашивании внутри дома». У Рунжи было семь работников. В январе же энергично велась починка картин, пострадавших при пожаре. Для этого в Архангельское было послано: 1 пуд крупчатой муки, 20 ф. лаку, «крым-шехервейсу» 2 ф., ревендуку 16 арш. и 1 кусок губки. Одновременно (а также в феврале и марте) посылались материалы для расписывания по фарфору, а кроме того, краски и кисти в «живописную школу» — с этого времени документы начинают употреблять этот

¹ «Наряды исходящим по с. Архангельскому» за январь-август 1820 г.

² Это, очевидно, была картина, изображавшая царскую фамилию.

³ Исходящий наряд по с. Архангельскому на сентябрь и октябрь 1820 г.

⁴ Т а м ж е.

термин. Поскольку нет указаний, чтобы починкой картин занимались работники Колумби и Рунжи, надо полагать, что эта работа выполнялась крепостными живописцами.

Летом 1821 г. в Архангельском велась «альфресковая» вновь назначенная работа «над каменными воротами» — очевидно, над большими въездными воротами, ведущими в парадный двор, но какие «живописцы» ее выполняли, об этом в документах нет сведений.

Выполняя работы по расписыванию фарфора и починке картин, крепостные «живописцы» должны были иногда выполнять и чисто малярные работы. Так, 15 августа 1821 г. московская канцелярия писала в Архангельское: «Из оставшейся от тамошней колокольни жести белой, приказать живописцам, чтоб написали по посланному при сем образцу (среди документов его нет — К. С.) для прибавки к ново-купленному дому — вместо г-на Познякова на имя его сиятельства,¹ и когда будет готово, прислать в Москву».

IV

1822 год внес в работу крепостных «живописцев» в Архангельском новые черты. В этом году здесь появляется живописец, французский подданный А. Ф. Ламберт. Он становится во главе «живописной школы»² и фарфорового завода, теснейшим образом с ней связанного, и руководит ими до конца их существования. Поскольку Куртейль, Колумби и Рунжи работали в Архангельском короткое время, только наездами,³ а у Свебаха «живописные ученики» пробыли всего 2 месяца, их влияние на крепостных художников Юсупова едва ли могло быть особенно сильно и глубоко. Влияние Ламберта, постоянно жившего в Архангельском, должно было стать определяющим. К сожалению, архивные документы не содержат в себе материала, дающего представление о характере работы Ламберта и степени его влияния на здешних «живописцев». С другой стороны, Ламберт — фигура совершенно неизвестная в нашей литературе, и потому мы не имеем даже общего представления об этом художнике, а тем самым и о направлении его работы в Архангельском. Во всяком случае, вместо временных и случайных руководителей, русских и иностранных, «живописное заведение» в Архангельском получило с 1822 г. постоянного руководителя в лице Ламберта.

Другое новшество этого года заключалось в том, что среди учащихся живописной школы в Архангельском появляются теперь крепостные девушки. В мае 1822 г. в числе «находящихся при живописной науке», просивших о прибавке харчевых, были две девушки: М. Иванова и Н. Карнеева, а в августе контора с. Архангельского просила прислать 12 руб. харчевых «для выдачи на сей август месяц шести девкам, присланным из Купавны в живописную науку». В дальнейшем мы видим их работающими при «фарфоровом заведении».

Характер работ крепостных художников, как в 1822 г., так и в последующие годы, оставался, видимо, все тот же: расписывание фарфора, починка картин, может быть, «альфресковая» работа (весной

¹ Дом находится и в настоящее время на углу ул. Герцена и ул. Станиславского.

² Она помещалась в отдельном флигеле.

³ Повидимому, Куртейль был в Архангельском еще в 1822 г. Основанием для этого предположения может служить следующее донесение конторы с. Архангельского в Москву от 19 августа 1822 г.: «Е. с. кн. Н. Б. приказать изволили лепщику К. Александрову сформовать с фигуры, вылепленной жив. Г. Куртелием, почему потребны для таковой работы материалы». В приложенном реестре требовалось: тонко- и толсто-слояного алебастру по 20 пуд., мыла 5 ф., проволоки 5 ф., веревок тяжелых 5 пучков (см. «Входящие по Архангельскому» за август 1822 г.).

1822 г. велась починка «альфресковой» работы «на дворе, что против большого дому» — и сейчас еще сохраняется эта живопись на полукруглых стенах «парадного» двора, соединяющих колоннады с большими въездными воротами). Из работ по разрисовке фарфора за эти годы необходимо отметить разрисовку тарелок видами с. Грузина. Весной 1824 г. от гр. Аракчеева были получены 35 «печатных картинок» — «виды села Грузинского», которые были потом отданы в работу «живописным ученикам». ¹

В мае 1827 г. фарфоровый и фаянсовый завод в Архангельском был сдан в аренду названному выше А. Ф. Ламберту. С этого времени часть «живописных учеников» (в том числе шесть девушек) перешла к нему на его содержание и в его полное ведение, другая часть получала «годовое содержание со стороны его сиятельства». Если первые были заняты исключительно на фарфоровом заводе, то вторые, очевидно, исполняли и другие работы. Но что именно они делали, трудно сказать за отсутствием отчетов о работах за эти годы.

После смерти Н. Б. Юсупова (15 июля 1831 г.) «живописное заведение» в Архангельском было ликвидировано. В октябре оставшиеся еще налицо семь «живописных учеников» были «отпущены по пачпортам», а у Ламберта, которому фарфоровый завод был сдан вновь в аренду на 7 лет, было оставлено только 5 чел.

Остается еще поставить вопрос о стоимости «живописного заведения» в Архангельском. Ответ на этот вопрос у нас есть лишь частичный, и то за самые последние годы существования этого заведения. В 1829 г. на харчевые, жалованье 14 ученикам «живописного заведения» и 11 ученикам, бывшим в ведении Ламберта, на бумагу, карандаши, свечи, дрова и пр. было израсходовано 1716 р. 85 к. ² В 1830 г. расход был меньше: на жалованье и харчевые «живописцам» и ученикам пошло 1245 р. 48 к., на бумагу, карандаши и скипидар — 63 р. 80 к., на сальные свечи (для вечерних работ) — 21 р. 40 к., а всего 1330 р. 68 к. ³ Наконец, в 1831 г., в течение 10 месяцев на жалованье и харчевые (21 чел.) было израсходовано 1034 р. и на бумагу, карандаши и скипидар 133 р. 80 к., а всего 1167 р. 80 к. ⁴ Разумеется, это не все расходы: в 1830 и 1831 гг. не показаны расходы на дрова, в 1831 г. — на свечи; вообще не учтены расходы по содержанию руководителя «живописного заведения», расходы на содержание здания и т. п. Но некоторое представление о величине расходов эти цифры дают, так как основные статьи расхода в них входят. Расход за 10 месяцев 1831 г. в сумме 1167 р. 80 к. по отношению ко всей сумме расходов по Архангельскому за это время — 78 997 р. 66 к. — составляет ничтожный процент.

Такова краткая история «живописного заведения» в Архангельском. За недостатком данных в документах архива она во многом не полна. Основные моменты этой истории таковы. «Живописное заведение» возникает, повидимому, как подсобное учреждение при фарфоровом и фаянсовом заводе. В соответствии с этим главная работа крепостных юсуповских «живописцев» и «живописных учеников» состояла в расписывании фарфора и фаянса. Кроме того, они занимались «починкой» картин, а живописцы — писали еще картины и портреты (об этом дальше). Возможно, что и те и другие занимались

¹ Часть тарелок с видами Грузина находится сейчас в Государственном Историческом Музее, часть в самом Архангельском. Тарелки имеют даты 1826—1827 гг.

² Ведомости о денежной сумме по с. Архангельскому, 1829 г.

³ Ведомости о приходе и расходе наличной суммы по с. Архангельскому, январь — декабрь 1830 г.

⁴ Ведомости о денежной сумме по с. Архангельскому, 1831 г.

«альфресковой работой», хотя основные работы по расписыванию «Большого дома» после пожара 1820 г. были выполнены, как мы точно знаем, «вольными» иностранными мастерами. До 1822 г. «живописное заведение» в Архангельском не имело постоянного руководителя. С этого года им становится француз Ламберт. В 1827 г. он делается арендатором фарфорового и фаянсового завода и получает вместе с ним в свое распоряжение значительное количество крепостных художников Юсупова, но «живописное заведение» самого владельца Архангельского, видимо, еще продолжает существовать. В 1831 г. оно окончательно ликвидируется, а у Ламберта остается пять крепостных художников.

V

Посмотрим теперь, кто были эти художники и каково было их положение. Первое упоминание о живописцах в Архангельском относится, как мы уже знаем, к январю 1812 г. (см. выше).

Из четырех «живописцев», находившихся тогда в Архангельском, мы меньше всего знаем о М. Полтеве. Судя по характеру его работы, указанной выше, а также по количеству и качеству выданной крепостным «живописцам» в 1814 г. одежды (два жилета и двое панталон из нанки), он квалифицировался не ниже других художников Н. Б. Юсупова. В том же 1814 г., как уже указывалось, он пишет плащаницу (повидимому, для церкви в с. Архангельском). В списке картин Архангельского, составленном в 1815 г., под № 91 (по старой описи № 335), значится в верхнем этаже, в комнате № 8, картина М. Полтева: «Портрет имп. Александра I в рост, в латах и в мантии» (высота 3 арш. 12 вершк., ширина 2 арш. 11½ вершк.). В описи картин 1822 г. эта картина (под той же нумерацией) показана в «зимней комнате» нижнего этажа Большого дома. Последние сведения о М. Полтеве в архивных документах относятся к январю 1816 г., когда «служитель» Гр. Бредихин писал Юсупову: «Царские три портрета для Оружейной Палаты кончены, а 4-й портрет Анны Иоанновны Полтевым еще не кончен».¹ Таким образом, надо думать, Полтев был незаурядным художником, и приходится пожалеть, что о нем сохранилось так мало сведений.

Егор Шебанин родился (по ведомости 1830 г.) в 1799 г.² В 1807—1808 гг. находился в обучении у мраморщика Кампиони, получавшего за это в год 50 руб. В январе 1811 г. он уже числился «живописцем» и получал, наравне с Ф. Ткачковым и Ф. Сотниковым, 25 руб. жалованья в год. В 1814 г. он получил в июне такое же платье, что и М. Полтев, и работал в Архангельском вместе с четырьмя другими «живописцами». Их расписки в получении денег, сохранившиеся среди документов, показывают, что все они были грамотны. Через 2 года Е. Шебанин был послан на жительство в Архангельское «для исправления живописных работ», вместе с Сотниковым и Ткачковым. «Для приготовления пищи [велено было] определить

¹ См. «Книгу о доходах по Моск. канцелярии» 1816 г. 2 марта Бредихин писал: «О царских портретах в. с. доношу, в бытность в. с. в Москве изволили приказывать для Оружейной Палаты написать десять царских портретов, именно — 1-й Екатерины Второй, 2-й Алексея Михайловича, 3-й Петра Первого, 4-й Петра третьего, 5-й Марии Федоровны, 6-й Михаила Федоровича, 7-й Елизаветы Петровны, 8-й Екатерины первой, 9-й Анны Иоанновны и 10-й Федора Алексеевича. Означенные портреты уже все написаны и доставлены Ивану Петровичу г-ну Поливанову».

² Необходимо иметь в виду, что ведомость 1830 г. могла показывать лета дворовых не по их метрикам, а по данным «ревизий»; поэтому указание, что Е. Шебанину 31 год, еще не значит, что он родился в 1799 г.

вдову Е. Иванову Копылову, квартиру ж им отвести там, где они будут работать». Для приготовления им красок был отправлен рабочий П. Семенов. «Для пищи [приказано было] отпускать из экономии е. с. муку, крупу, соль, масло и молоко, прочую провизию покупать и не более на оное издерживать денег, как 30 рублей в месяц». ¹ В 1820 г. контора с. Архангельского отмечает за Шебаниным разные «шалости». Так, 8 января управляющий Унгебауэр писал в Москву, что «живописец» Е. Шебанин, вместо занятий с учениками, посылал их в самое холодное время за вином и водкой. Кроме того, — жаловался Унгебауэр, — он заводил «к себе в Каприз» никольских девок и, наконец, изнасиловал одну замужнюю женщину в саду, в шатре, и потом прибил ее. Унгебауэр отослал Шебанина в Москву, но отчет о работах за июль 1820 г. показывает, что Шебанин снова был в Архангельском (в отчете он назван «учеником»; быть может, это было «разжалование» за зимние проступки). В июле он расписал две фарфоровых тарелки, «из коих на одной головку Грез, а на другой две сирены».

Однако уже 1 августа «живописец» Ив. Горбунов (о нем дальше) доносил в Москву, что Шебанин имеет намерение вместе с Сотниковым бежать. ² По словам Горбунова, 28 июля к нему поспешно пришел Е. Шебанин и сказал, что «Каприз» в опасности, так как печь, в которой обжигают фарфор, худа, сбоку выпали кирпичи и виден огонь; что будто бы он говорил Сотникову об опасности, на что тот, по словам Шебанина, ответил: «чорт с ним, в случае загорится, так тут и уйдем». При этом он подговаривал Шебанина бежать. Горбунов принял меры предосторожности против пожара (были замазаны щели в печи, наносили воды и т. п.), а потом он стал допытываться у Шебанина, куда они хотели бежать и с чем. Шебанин отвечал, что Сотников (который был перед этим совершенно пьян) говорил, что украдет у своей жены шаль, за которую заплатил 60 руб., и продаст ее за 50 руб., а ему советовал продать часы, фрак и пр. Он уговаривал Шебанина бежать на Волгу, поступить бурлаками на расшиву и плыть на ней в Астрахань, где, по словам Сотникова, ему все места знакомы. Горбунов заканчивал свое донесение сообщением, что «путеводитель» Шебанина, т. е. Сотников, проспал в этот день до самых сумерек.

Какие последствия имела эта история для Шебанина и Сотникова, из документов не видно, но в конце 1822 г. Шебанин был помощником смотрителя «Большого дома». В этой должности он был и в 1824 г., но в 1825 г. мы опять встречаем его в списках «при живописном заведении». Последнее упоминание о Шебанине в документах архива мы находим в ведомости о дворовых и вольнонаемных людях в с. Архангельском, составленной в июне 1830 г. По этой ведомости, как уже указано, ему был 31 год, он был женат; показан он при «Большом доме»; его жалованье и харчевые — 150 руб. в год, да продуктов и материи он получал на 91 руб. 50 коп. Ни одной сколько-нибудь крупной его живописной работы документы архива не указывают.

Фед. Ткачев, или Ткаченков, как «живописец», обладал, повидимому, большими данными, чем Шебанин, но он умер совсем молодым. Будучи мальчиком, он в 1808 г. обучался у «живописца» Дементия Карловича Скотти, который получал за его обучение 200 руб. в год. В январе 1811 г. он уже получал жалованье наравне с Шебаниным и Сотниковым, как «живописец». Через год мы видим его копирующим

¹ Наряд по с. Архангельскому, 1816 г., л. 56.

² Исходящий наряд на август 1820 г.

рисунки из 2-го тома «Освобожденного Иерусалима». В 1815 г. в Петербург посылается из Москвы портрет кн. Голицына его работы, как это видно из донесения главного управляющего Агеева кн. Юсупову от 15 января: «По приказанию е. с. писанной живописцем Ткаченковым портрет кн. Голицына на сей тяжелой почте отправлен». В том же году ему дается поручение перевезти из Архангельского в Москву несколько картин, в исправлении которых он, может быть, принимал участие (см. выше).

В 1816 г., как мы уже знаем, Ткаченков был отправлен на жительство в Архангельское вместе с Шебаниным и Сотниковым. Здесь он был в 1818-1819 гг. одним из руководителей «живописного заведения», и в его ведении были четыре ученика. Он расписывал фарфор, обжигал его, поправлял работы учеников и пр. 11 ноября 1819 г. архангельская контора доносила в Москву, что живописец Ф. Ткаченков вернулся из Москвы под хмелем, поужинал и лег спать, а в 4-м часу утра умер. После его смерти был составлен список вещей, который позволяет несколько заглянуть в быт крепостных художников.

Вот этот список: капот шленского сукна новой 1, капот байковой темнзеленой, старой 1, сертук шленской темной, новой 1, фрак шленской темной, старой 1, панталоны шленские темнзеленые 1, жилетов пике старых 2, рубашек 3, манишек 2, касынок 7, носков шерстяных 2 пары, носков бельевых 1, платков носовых 5, платок шейной тафтяной 1, простынь 2, наволочек 4, перина 1, подушек 2, сапогов старых 2 пары, фуражка плисовая новая 1, сундук 1, шкатулка 1, бритва 1, шляпа 1.¹ Как мы видим, гардероб несложный, но типичный для представителя крепостной интеллигенции 20-х гг. XIX в.

Последний из названных выше четырех юсуповских «живописцев», Фед. Григ. Сотников, вырисовывается в документах несколько полнее своих товарищей. Он родился, повидимому, в 1795 г.² и происходил из крестьян слободы Никольской, Корочанского уезда Курской губ. Подобно Шебанину и Ткаченкову, он находился «в обучении живописному» (в 1808 г.) у коллежского асессора Ерм. Петр. Скотти, за что тот получал в год 150 руб. Через три года он уже «живописец» с жалованьем в 25 руб. в год, а в 1812 г. делает копии с иллюстраций из 1-го тома «Освобожденного Иерусалима». В 1814 г. он работает в Архангельском, но в октябре вместе с Шебаниным отправляется в Москву, так как там работы для них больше не было. В Москве он получает выговор за «пьянство и ругательство». Этим фактом открывается целая серия подобных происшествий, нередких в биографии Сотникова. В 1816 г., как уже указывалось, он был отправлен на жительство в Архангельское. С 1818 г. мы видим его здесь в числе руководителей «живописного заведения»; при нем было четыре ученика. Характер его работ был тот же, что и у Ткаченкова. Кроме того, например, в октябре 1818 г. он расписывал «щиток, поставленный против идущей из села к Большому дому дороги». При «живописном заведении» в Архангельском он оставался дольше всех других крепостных художников — до 1826 г. За эти годы документы архива не раз сообщают о разных его «проступках». 2 сентября 1819 г. архангельская контора доносила в Москву, что Ф. Сотников пьянствует с 30 августа, а 1 сентября исчез совсем. В ноябре, сообщая о смерти Ткаченкова, контора писала, что Сотников поехал в Москву и не вернулся. В июле 1820 г., видимо, в период запоя,

¹ Исход. наряд по с. Архангельскому, январь 1820 г.

² См. оговорку по этому вопросу выше.

Сотников, как уже нам известно, подговаривал к побегу Шеба-нина. Такой же период запоя отмечен и в документах 1823 г. 20 августа управляющий Унгебауэр писал в Москву: «Живописец Ф. Сотников другая уже неделя как все обретается в пьянстве и в работе не находится». ¹ Но в то же время за эти годы ему был поручен целый ряд работ, показывающих, что он был незаурядным художником. В 1822 г. он выступает в роли учителя чужого крепостного мальчика.

Вот какой договор был заключен им по этому поводу. «1822 года, Июля 1-го дня. Я, нижеподписавшийся крепостной Его Сиятельства князя Николая Борисовича Юсупова дворовый человек, Федор Григорьев сын Сотников, с воли Господина Моего Его Сиятельства заключил сие условие с Московскою Ея Сиятельства Графини Анны Алексеевны Орловой Чесменской домовою конторою в том, что взял я от оной конторы, в обучение Живописному Художеству, как то рисовать, писать масляными красками и расписывать разного рода фарфор, крепостного Его высокоблагородия Григорья Федоровича Орлова дворового мальчика Ивана Евсеева сына Бодрова сроком впредь на пять лет, то есть по 1-е число июля 1827 года с платою на первой год сто рублей, на второй сто рублей и на третий сто рублей, а всего в три года триста рублей, при заключении сего условия получить мне в задаток пятьдесят рублей и при окончании года то же пятьдесят рублей. Последние же двести рублей получать мне Сотникову по прошествии каждого года, за последние ж два года мне Сотникову ничего не требовать, что ж касается до содержания, как то пищи, одежды, обуви, банное и протомойное остается на всем моем Сотникове кочте, в течении ж сего пятигодичного времени обязуюсь я Сотников его Бодрова выучить и поставить его совершенным мастером; ему же Бодрову жить у меня во всем послушании и повиновении и не употреблять мне его Бодрова ни в какие услуги или работы, кроме настоящих к изучению работ, в чем сие условие и заключил, в том и подписуюсь. К сему условию служитель Его Сиятельства князя Николая Борисовича Юсупова живописец Федор Григорьев сын Сотников руку приложил. Задаточные деньги пятьдесят рублей получил сполна Федор Сотников. С подлинным верно. Комиссионер Бархатов». ²

18 апреля 1823 г. главный управляющий Агеев писал в Архангельское Унгебауэру, что И. А. Матвеев (управляющий Купавинской фабрикой) подрядил живописца Ф. Сотникова написать несколько картин и выдал ему аванс. Прошло много времени, но картин Сотников не написал. Агеев просил побудить его исполнить заказ в свободное от господских работ время. ³ В следующем году, 25 сентября, московская канцелярия писала в Архангельское: «Посланную при сем парусину 3-х арш. — 3½ арш. для написания на оной гр. Чернышева портрета, отдать живописцу Сотникову». ⁴ Наконец, 4 мая 1826 г. Унгебауэр писал кн. Юсупову: «Живописец Сотников копию с картины коронации снял, и теперь имею честь оную копию вместе с оригиналом к в. с. препроводить». ⁵

Но в этом же году карьера Сотникова, как художника, кончилась. 26 июля Унгебауэр доносил в Москву, ⁶ что так как живописец Сот-

¹ Входящий наряд из Архангельской конторы за август 1823 г.

² Входящие бумаги по с. Архангельскому, август 1822 г.

³ Исходящие бумаги в контору с. Архангельского, апрель 1823 г.

⁴ То же, сентябрь 1824 г.

⁵ Входящие бумаги из с. Архангельского, май 1826 г.

⁶ Там же, вязка № 11.

ников всегда пьян, ленив и «г. Ламберту сделался уже нетерпим», то он находит необходимым удалить его из Архангельского и выслать в слободу Ракитную. Унгебауэр прибавлял, что на всякий случай он отправил с этим письмом при обозе жену и дочь Сотникова; так как сам он убежал в этот день утром, то Унгебауэр рассчитывал выслать его со следующим обозом. К письму был приложен особый список, в котором было указано, что Сотникову 35 лет, жене его — 29, а дочери 6.¹ На следующий день Унгебауэр получил из Москвы такой ответ: «По письму вашему г. Алексей Иванович Чубаров (один из управителей. — К. С.) его сиятельству о живописце Сотникове докладывал, его в Ракитную отправим, он там будет писать образа иконостасные, и с тем, ежели будет вести себя хорошо и дело ему назначенное кончит в надлежащем виде, тогда потребуетя опять в Москву, а буде не исправится, то всегда оставаться ему в Ракитной». ² Сотников, очевидно, не «исправился». Во всяком случае, ни в списках по «живописному заведению», ни в общих списках «дворовых» мы имени его в последующие годы не встречаем.

В 1814 г. среди «живописцев» в Архангельском появляются три новых лица: Ив. Колесников, Ник. Серый и Ив. Новиков. Старшим из них был Новиков; по ведомости на выдачу жалованья дворовым в 1814 г. ему было 45 лет.³ Он получал в год 120 руб. «харчевых», т. е. вдвое больше крепостного архитектора Вас. Стрижакова и в 5 раз больше хрустального мастера Ал. Муратова, лепщика Ив. Петрова, смотрителя прядильной шерстяной фабрики Вас. Стукалова и ряда других «дворовых»; точно так же в 1819 г. он получал свечей больше, чем другие «живописцы». Это, несомненно, указывает на его особое положение среди них. Мы видим его в Архангельском в 1820—1824 гг., но с 1822 г. уже в роли золотаря, стоявшего по жалованью, выдаче свечей и масла выше Сотникова.⁴ После 1825 г. его имя в документах встречается только один раз: в ведомости, составленной в июле 1830 г., где он показан тоже «золотарем», про него сказано, что «по старости лет» он (вместе с сыновьями Григорием, 28 лет, и Петром, 26 лет) свободен.

О Н. Сером мы ничего не знаем, кроме того, что в 1804 г. он был отдан учиться к живописцу Ив. Григ. Авганцову, служителю надворного советника М. Л. Лазарева,⁵ а в 1808—1809 г. находился для обучения «кондитерскому» у кондитера Бузара. Что он делал в Архангельском в 1814 г. и что с ним было после 1814 г., — из документов архива не видно.

Ив. Колесников, несомненно, принадлежал к числу наиболее талантливых и способных «живописцев» Юсупова. В 1814 г., когда его имя впервые встречается в архивных документах, мы еще не можем выделить его из остальных «живописцев», работавших тогда в Архангельском. Но уже в следующем году он делается известен нам как автор портрета «Имп. Александр I на лошади», который значится в описи картин 1815 г. под № 92.⁶ Размер портрета 4 арш. 10 в. X

¹ В доказательство неточности подобных справок укажу, что по списку дворовых 1825 г. Сотникову тоже было 35 лет, а жене его 28, сыну (?) — 5.

² Исходящие бумаги в контору с. Архангельского, 1826—1828 гг.

³ Значит, годом его рождения надо считать 1769, но по ведомости 1830 г., когда ему считалось 56 лет, год его рождения — 1774. Вероятно, возраст дворовых определялся, как уже указывалось, по данным «ревизий», а потому указание лет в разных «ведомостях» могло быть не точно.

⁴ В декабре 1824 г., в реестре дворовых в Архангельском, значится еще золотарь Петр Курочкин.

⁵ Книга о приходе и расходе денег по Московской канцелярии 1804 г., л. 44.

⁶ Книга имеющимся разным картинам в Архангельском доме, 1815 г.

4 арш. Находился он в верхнем этаже «Большого дома», в комнате № 11. В описи картин 1822 г. этот портрет вместе с портретом работы М. Полтева показан в «зимней комнате» нижнего этажа дома. С 1818 г. Колесников вместе с Ф. Сотниковым и Ф. Ткаченковым руководит «живописным заведением» в Архангельском. В октябре этого года он опять писал портрет имп. Александра (никаких подробностей об этом портрете в документах архива, к сожалению, не имеется). Под его руководством в «живописном заведении» работало шесть учеников. В 1819 г. он явно выделяется среди других «живописцев» в Архангельском. Вот несколько записей в документах, которые показывают, что он играл в «живописном заведении», несомненно, первую роль. 11 марта 1819 г. контора Архангельского сообщала в Москву: «Привезенные г. Рейнером для писания по фарфору краски живописцем Колесниковым опробованы... Живописец Иван Колесников объявил сей конторе, что е. с. кн. Николаем Борисовичем заказано составить г-ну Рейнеру красок 43 сорта»,¹ но что пока он привез не все. Через четыре дня И. Колесников в записке «о зделанному фарфору» сообщал: «Тарелок французских три дюжины, завода Попова яиц 400, из оного числа обозженных 200. На оной фарфор, тарелки и яйца употреблено золота 6 зол. Еще требуется для остальных яиц 600, продувного золота 4 зол.»² 5 апреля контора Архангельского писала: «Присланные из Москвы фарфоровые яйца, всего 996 штук все живописцами расписаны и в Московский дом отправлены, касательно ж назначенных цен контора ни мало не причастна, а располагал цену жив. Ив. Колесников».³

В 1820 г. Колесников, продолжая работы по расписыванию фарфора, в июне вновь «писал портрет гос. императора».⁴ В июле он «переписал на портрете гос. императора лица».⁵ В этом году, как уже указывалось, три лучших мальчика, обучавшихся «живописному художеству», были отданы в ученье к Свебаху. Выбор их был поручен Колесникову. Когда почему-то через два месяца они были отсланы назад в Архангельское, то они были «отданы живописцу Колесникову для продолжения прежнего их занятия». Что было с Колесниковым начиная со второй половины 1820 г., из документов архива не видно.

Когда сходит со сцены (для нас, по крайней мере) Колесников, среди живописцев в Архангельском появляется новое лицо — Ив. Горбунов. Впрочем, это был, повидимому, больше администратор, чем художник. Родился он, вероятно, в 1788 г., но до 1820 г. мы о нем ничего не знаем. В июле 1820 г. мы видим его в Архангельском, куда он был прислан Юсуповым со следующей инструкцией (от 12 июля): «Ты получаешь с женою месячного жалованья тридцать девять рублей, прибавляю тебе еще тридцать один рубль, что составит в месяц семьдесят рублей, начнешь получать по сему окладу с 1 авг. Препоручается тебе следующее: 1) Смотреть за картинами в Архангельском, сделать оным реестр, приложить ко всякой картине печать; которые на пальцах обтянулись, вытянуть, иные покрыть лаком и иметь

¹ Входящий наряд по с. Архангельскому, март 1819 г.

² Там же.

³ То же за апрель 1819 г.

⁴ Наряд исходящим по с. Архангельскому на июнь 1820 г.

⁵ В январе 1820 г., как уже сказано, выгорела почти вся внутренность «Большого дома» в Архангельском. В «Описи сгоревшим и оказавшим ныне налицо испорченным разным вещам» значился, между прочим, «императора портрет с фамилией, прорван». Не его ли поправлял Колесников в июле 1820 г.? По описи 1822 г. в так называемой «императорской комнате» нижнего этажа находилась картина Свебаха и Ривнера — «портрет государя и вел. князя на лошадях» (5 арш. 6¹/₂ верш. × 4¹/₂ арш.).

смотрение, чтобы оные были всегда в порядке. 2) Иметь в ведомстве всех живописцов, получать все, что им положено и раздавать им, кроме пьяниц — которым деньги не выдавать, а покупать нужное для них, и дать им свободных два дни в неделю: Субботу и Воскресенье, которые они занимать будут для себя, писать и продавать, но только под твоим смотрением, деньги за изделия употреблять для них не на вино и мотовство, но на нужное, чтобы были опрятнее. 3) Иметь также под твоим надзором стеклянных мастеров и тоже выполнять, как с живописцами.¹ 4) Задавать им урок по утру, чтобы они в сутки сделали, — сие выполнять с живописцами и с стеклянными мастерами.

Кн. Юсупов.

Фрак, панталоны и жилет всякой год, сертук в два года.

Кн. Юсупов». ²

Исполняя господскую волю, Горбунов сделал 1 августа приведенный выше донос о сговоре к побегу Сотникова и Шебанина. В следующем году его полномочия были расширены, как это видно из новой инструкции, утвержденной Н. Б. Юсуповым в Архангельском 16 июля: «Горбунов и Егор.³ 1) Зимой для сохранения картин должно дом протапливать, т. е. те комнаты, где картины, а где книги, топить не нужно. 2) Топить должно днем и закрывать трубы также днем. 3) Большого тепла оные комнаты не требуют, а когда печи истоплены будут, и трубы закрыты, тогда все оные печи осмотреть и чтоб во всех печах были вьюшки. 4) Зимой, когда топка начнется, чтобы во всех этажах были чаны с водою, и с наружи дому поставлены были бы лестницы. 5) В кухне или подле нее чтоб стояли заливная труба и несколько чанов с водою, и чтоб вода не была замерзла. 6) То же выполнять в Капризе и Театре.

Горбунов и Егор. Определены, чтоб поправлять и смотреть за картинами. 1) Чтоб картины всегда были натянуты, как должно. 2) Которые требуют поправки и лаку, чтоб были исправлены. 3) Чтоб во всякой комнате висела картина и протчего опись за стеклом. 4) Картин с стен не снимать и живописцам с оных не списывать, — ибо живописцам фарфоровым дано позволение писать два дни в неделю на себя на фарфоре, а не на холстине. 5) Кроме тех вещей, которые в доме на стенах и на столах, есть еще казенные вещи, фарфор и стекло, и оному сделать опись. Фарфоровый мастер и с учениками будут под вашим ведомством». ⁴

В соответствии с этими полномочиями Горбунова мы не встречаем среди документов архива за 20-е годы его требования на материалы, краски и пр. для исправления картин. В роли зрителя большого дома Горбунов оставался в 1822—1825 гг., проходя, впрочем, иногда в списках дворовых по «живописному заведению». Сам он иногда подписывался «живописцем». В списке дворовых и вольнонаемных людей в Архангельском от июля 1830 г. о нем даны такие сведения: «Ив. Горбунов, 42 л., жена 35 л., трое детей, живописец, жалованья и харчевых 840 р., а всего на 945 р. 12½ к.». Эта сумма в 1½ раза превышала ту, что получал, например, Ив. Новиков вместе с двумя взрослыми сыновьями, тоже «живописцами». Через год Горбунов получил свободу. «Во исполнение приказания е. с. кн. Бориса Николаевича, — писала 14 октября 1831 г. (т. е. через два месяца

¹ О хрустальном заводе в Архангельском см. статью автора в журнале «Моск. краевед», вып. 4 (12), М., 1929 г.

² Исходящий журнал в контору с. Архангельского, июль 1812 г.

³ Очевидно, Егор Шебанин, бывший при Горбунове — смотрителе «Большого дома», помощником.

⁴ Входящий наряд по с. Архангельскому, июль 1824 г.

после смерти Н. Б. Юсупова) московская канцелярия в Архангельское, — предписывается конторе объявить живописцу Ив. Горбунову и вдове Аграфене Петровой, что они со всеми их семействами освобождаются вечно на волю». ¹ Через месяц после этого, 20 ноября, из Архангельского был прислан в Москву «исправленный живописцем Горбуновым портрет кн. Ник. Борисовича». На этом заканчиваются наши сведения о Горбунове.

Среди остальных «живописцев» и «живописных учеников» Юсупова нам трудно выделить кого-либо, как это было сделано по отношению к названным выше художникам, за отсутствием данных. В документах сохранилось несколько списков «живописных учеников» (обычно в виде «реестров» на выдачу жалованья, харчевых, свечей, масла и т. п.). Наиболее ранний список относится к 1818—1819 г., он включает в себя 11 фамилий. Из них о большинстве мы не знаем ничего, а о некоторых имеем лишь отрывочные данные. Например, мы знаем о Федоре Беляеве, родившемся, повидимому, в 1805 г., что в декабре 1813 г. он был отдан к архитектору (крепостному) Вас. Стрижакову «для обучения архитектурской науке». Через 5 лет он уже стоял во главе списка учеников (на январь 1819 г.) и получал (вместе с П. Васильевым) наибольший оклад жалованья — 10 руб. в полгода (харчевые все получали одинаково — по 2 руб. в месяц). Но через несколько лет он почему-то меняет профессию. 13 июля 1827 г. Н. Б. Юсупов писал в Архангельское: «Находящемуся в Архангельском резчику Фед. Беляеву за оказанное им прилежание и успех в резном мастерстве повышається жалованье с 30 до 50 руб.» ² Через год при нем был ученик Ст. Сидляренко, 13 лет. В 1830 г. его жалованье повысилось еще на 5 руб., а всего вместе с женой, белошвейкой, он получал деньгами и натурой на 200 р. 50 к., т. е. на 40 руб. меньше живописца Шебанина. Таким образом, он, несомненно, довольно быстро повышался по крепостной иерархической лестнице, но, к сожалению, мы ничего не знаем об исполненных им работах.

Выдвигался, повидимому, ученик Пав. Прелов, которого И. Колесников включил в число трех лучших учеников, направленных в 1820 г. к Свебаху, но дальнейших сведений о его судьбе нет. Прок. Конев, родившийся в 1805 г. или 1807 г., т. е. вероятно, сверстник Беляева, в январе 1819 г. еще никакого жалованья не получал. В 1826 г. он все еще оставался «живописным учеником» и едва не попал в солдаты, как это видно из следующего характерного донесения Унгебауэра из Архангельского от 24 июня 1826 г.: «Находящиеся в с. Архангельском в живописной науке купавинские ученики Павел Волков ³ и Прокофий Конев, притворяясь все больными, совершенно отстали от работы, а между тем проводят время в празднотании по деревням, рощам и протчим местам. Сверх же сего Пр. Конев на сих днях был уличен в покраже у здешнего садовника сукна и прсдаже оногo за свое одному из здешних сторожей, после чего убоясь открытия его воровства взял то сукно от сторожа обратно и подкинул его опять садовнику, сам же из села Архангельского скрытно ушел и как слышно находится в Московском доме. Его Сиятельство кн. Н. Б., узнав о столь худом поведении и дурных поступках их, Волкова и Конева, изволил мне приказать написать к вам, дабы вы приказали помянутых Волкова и Конева препроводить

¹ Входящие бумаги в контору с. Архангельского, 1831 г. В списке 1831 г. у И. Горбунова указаны 2 сына и 2 дочери. (Входящие из конторы с. Архангельского, октябрь 1831 г.).

² Исходящие в контору с. Архангельского, 1827 г.

³ Сверстник Пр. Конева, значится также в списках 1818—1819 гг.

в с. Купавну и уведомили И. А. г. Матвеева, что Его Сиятельства есть воля отдать их за дурное поведение в солдаты». ¹ Однако в списке выбывших из Архангельского, составленном в октябре 1831 г., он, как и П. Волков, вместе с женой значится отпущенным «по пачпорту». Об остальных пяти учениках списка 1818—1819 гг. мы не знаем ничего; в документах 1820 г. и следующих годов они не встречаются совсем.

По документам 1820 г. к указанному списку можно присоединить еще три имени: Григорий и Петр Новиковы и Павел Лебедев. Первые два были сыновьями Ив. Новикова. Старший из них, Григорий, родился в 1802 г., младший, Петр, — в 1804 г. В 1820 г. оба они (как и Пав. Лебедев) самостоятельно расписывали фарфоровые тарелки. В этом же году оба брата, как мы уже знаем, в числе лучших учеников были выбраны Колесниковым для обучения у Свебаха. В списке 1830 г. и Новиковы и Лебедев показаны «живописцами».

В 1822 г. списки «живописных учеников» в Архангельском пополняются большим количеством новых имен (около 16). Среди них были две девушки; к началу 1823 г. девушек было уже десять. В списках 1822—1823 гг. мы видим учеников в возрасте от 15—16 лет до 9—10 лет. Обращают на себя внимание ученики Ал. и Илья Шестаковы (возможно, братья); так как у Юсупова был еще архитектор Петр Шестаков (по документам 1827 г.), то возникает предположение о существовании целой семьи, наделенной художественными способностями. Возможно, что такую же семью мы можем предположить в лице учеников 1822 г. — Вас. и Настасьи Карнеевых и ученика 1828 г. — Мих. Карнеева. ² Среди учеников 1822 г. мы видим также мальчика Вас. Стрижакова, 10 лет, сына крепостного архитектора Вас. Стрижакова, много работавшего в Архангельском, но рано умершего (в 1819 г.). Из учеников 1822 г. ничего неизвестно в дальнейшем об одном (Гурии Демидове); один значится еще в списках 1825 г. (Гурий Галкин), другой — в списках 1826 г. (Дан. Жерновой), один в списках 1828 г., трое известны в списках 1829 г. (в том числе Вас. Стрижаков и Мих. Рудыкин, бывшие в этом году уже «живописцами»); остальные семь встречаются и в списках 1831 г., когда ликвидировалось «живописное заведение» в Архангельском. Обе девушки, значащиеся в списке 1822 г., после 1825 г. в списках не встречаются. Таким образом, большая часть учеников 1822 г. работали в Архангельском по несколько лет, а почти половина их — до самой ликвидации «живописного заведения». Двое из этих последних, Алексей Артемьев и Ал. Шестаков, значатся уже в 1829 г. «живописцами», причем они известны в этом звании до 1831 г.; трое других — Илья Татаринов, Вас. Карнеев и Ф. Шкляр с 1830 г. значатся «при точильной мастерской»; еще двое, повидимому, до 1831 г. оставались учениками. Семь девушек, которые значатся в списках 1823 г., пробыли при «живописном заведении» меньше только что перечисленных учеников; четырех мы находим еще в списках 1826 г., одну — в списках 1828 г., а две значатся только в списках 1823 г.

Значительно пополнился состав живописных учеников в 1826—1827 гг. В феврале 1826 г. прибыли в Архангельское два мальчика из Ракитной. Вот что писал о них кн. Юсупов Унгебауэру 25 февраля: «Посылаемых при сем, привезенных из слободы моей Ракитной, двух учеников живописи: Павла Карлина и Емельяна Лысенка поручить от имени моего г. Ламберту, употребить при живописной работе и особенно усовершенствовать их сколько возможно в познании живо-

¹ Входящие из с. Архангельского, июль 1826 г.

² В списках 1830 г. значатся три брата Андроновы, сыновья столяра Андрея Андроннова: старший Петр, 25 лет, был архитектором, средний Алексей, 24 лет, — живописцем и младший, Илья, 17 лет, «обучался живописному». Напомню, что у «живописца» И. Новикова оба сына тоже сделались «живописцами».

писи масляными красками. Харчевые и хлеб производить им противу прочих учеников, в живописной науке находящихся». ¹ О дальнейшей судьбе их ничего не известно. В следующем году набор новых учеников из дворовых (7 мальчиков и 3 девочки) произвел сам Ламберт, и в мае 1827 г. они были отправлены на четырех подводах в Архангельское. Трое из них значатся в списках мальчиков, отправленных в 1831 г. их Архангельского в Москву; остальные, видимо, выбыли раньше.

Вполне понятно, поэтому, что например, в 1827 г. при «живописном заведении» в Архангельском числился 21 «живописный ученик», да в ведении Ламберта — 16 чел., т. е. всего одновременно было налицо 37 чел. Всего же за время с 1818 по 1831 гг. можно насчитать 69 чел., прошедших через «живописное заведение» в Архангельском (не считая восьми «живописцев», о которых шла речь в самом начале, т. е. М. Полтева, Е. Шебанина, Ф. Сотникова, Н. Серого, Ив. Колесникова, Ив. Новикова, Ф. Ткаченко и Ив. Горбунова). Среди этих 69 чел. было 18 женщин и 51 мужчина. Из женщин ни одна не перешла в разряд «живописцев», а из 51 мужчины 12 сделали «живописцами», причём, например, в 1830 г. одновременно насчитывалось 10 «живописцев» (вместе с Е. Шебаниным).

Интересно было бы установить социальное положение этих 69 «живописцев» и «живописных учеников». К сожалению, о тридцати из них мы в этом отношении ничего не знаем, а относительно тридцати девяти можно привести такие сведения. 13 чел. (8 мужчин и 5 женщин) называются в документах «купавинскими», но были ли они детьми фабричных рабочих Купавны или детьми тамошних крестьян, из документов не видно; четверо были родом из разных юсуповских деревень; остальные двадцать два были детьми «дворовых», в том числе двое сыновей «живописца» (братья Новиковы), один сын архитектора (В. Стрижаков) и один сын московского музыканта (Я. Соколов).

VI

Выше был уже приведен ряд бытовых подробностей, характеризующих жизнь и работу крепостных художников в Архангельском. Документы позволяют добавить к сказанному немного. Как и все дворские у Юсупова, художники получили жалованье, и, сверх того, в натуре муку, хлеб, конопляное масло, соль, свечи и пр.; стоимость всего этого переводилась на деньги, и получался полный оклад художника. Наконец, им полагалось платье, зимнее и летнее (оно выдавалось либо в готовом виде, либо материей). Приведенный выше список гардероба Ф. Ткаченко достаточно характеризует внешний вид «живописцев» Юсупова. Добавим только, что, например, в декабре 1821 г. для десяти «архангельских живописных учеников» были посланы из Москвы полукафтаны и панталоны из темнозеленого и серого армейского сукна. При «живописных учениках и девушках» состояли кухарки; таким образом, питание их было, вероятно, артельное, из тех продуктов, которые каждый получал на свой пай.

Как уже указывалось, после смерти Н. Б. Юсупова «живописное заведение» в с. Архангельском было ликвидировано. Какова была дальнейшая судьба его «живописцев» и учеников? В составленном при ликвидации «живописного заведения» в октябре 1831 г. списке было сказано следующее: Ив. Немчинов, М. Копылов, М. Карнеев, Як. Соколов, Ал. Малинкин и Самсон Петухов — обучаются музыке; И. Шестаков «отдан в учение в годы»; Ф. Шкляр, Ал. Шестаков, Пав. Волков, Н. Куваев, Пав. Лебедев, Пр. Конев и Ал. Артемьев —

¹ Исходящий журнал в контору с. Архангельского, 1826—1827 гг.

«отпущены по пачпортам». Относительно этих последних Б. Н. Юсупов писал 14 октября 1831 г. в Архангельское: «Отпускаемым по пачпортам живописным ученикам 7 челов. предписываю оной конторе объявить, что пачпорты не прежде им будут выданы, как по окончании господской работы, которую по заведению г-на Ламберта могут они кончить к 1 будущего ноября, после чего и явиться им в Московскую мою канцелярию для получения пачпортов. Оставляемым у г-на Ламберта живописным ученикам объявить, что в продолжение будущего трех-летнего их нахождения у г-на Ламберта я, в поощрение их к обучению живописному художеству, никакого оброка на них не полагаю, по прошествии же трех лет обязаны они платить таковой оброк наравне с прочими дворовыми людьми, и именно по 26 руб. ассигн. каждый ежегодно. Оброк сей определяю исключительно на тех, которые по истечении трех лет будут выработывать в год не более 400 руб., но ежели кто получит 500 или 600 руб., то таковой сверх 26 р., платимых с 400 р., должен еще вносить с остальной суммы десятую часть, и именно со ста 10 р., а с двух сот 20 р. и так далее».¹

У Ламберта осталось 5 чел., и 29 октября 1831 г. контора с. Архангельского писала, что Ламберт объявил такие условия оплаты находящихся у него на заводе людей: с 1 января 1832 г. он будет платить трем точильщикам — В. Карнееву, М. Сорокину и И. Татаринovu $\frac{3}{4}$ того, что получают у него вольные рабочие в течение года; они будут выработывать до 20 руб. в месяц; через год он будет платить им полную ставку, и их выработка поднимется до 30—35 руб. в месяц; платье и провиант они будут получать от конторы кн. Юсупова, а Ламберт будет уплачивать конторе стоимость их. Е. Петухову остается прежнее содержание: 12 руб. деньгами, платье и провиант. Печатальщику Ст. Сергееву прибавляется 60 руб. в год.

На этом заканчиваются наши сведения о «живописном заведении» в Архангельском, о тамошних крепостных художниках и их быте. Документы не вскрыли перед нами каких-либо неожиданных фактов, не познакомили нас с какой-либо выдающейся индивидуальностью. Но зато они показали нам в обыденной обстановке значительную по численности социальную группу, которая уже самым фактом своего существования свидетельствует о знаменательных сдвигах в социально-экономической истории нашей страны 100 лет тому назад.

В судьбе юсуповских художников было немало общих черт. Все они начинали рано учиться и почти все проходили школу у какого-нибудь крупного художника, становясь потом сами руководителями той или иной группы учеников; создавалась известная традиция, преемственность навыков и вкусов. У нас есть полное основание говорить о художественной школе в полном смысле этого слова.

Работали юсуповские художники не только на своего владельца, но и на сторону. Приведенные выше факты определенно говорят о том, что их работы украшали стены не только юсуповских домов, а их педагогическая деятельность распространялась не только на их собратий из юсуповских вотчин. С другой стороны, мы наблюдаем среди крепостных юсуповских художников наличие целых семей талантливых людей, из которых некоторые были уже потомственными и «живописцами» (невольно вспоминается тут большая семья художников Аргуновых, бывших собственностью Шереметевых).² Прстиворечия в условиях их жизни и работы не одного из них приводили к тому состоянию, которое ярко обрисовано нашими документами.

¹ Входящие бумаги в контору с. Архангельского 1831 г.

² О семье Аргуновых см. статью В. Станюковича в «Записках Ист.-быт. отдела Гос. Русского музея» т. I, Л., 1928.

В. Н. АШУРКОВ

«ОСВОБОЖДЕНИЕ» ТУЛЬСКИХ ОРУЖЕЙНИКОВ

Вопрос об «освобождении» крепостных рабочих еще не получил специальной разработки в нашей исторической науке. На эту тему до сего времени почти нет ни научных работ, ни документальных публикаций,¹ поэтому необходимость изучения первоисточников является достаточно очевидной.

Предметом исследования, по нашему мнению, прежде всего должны стать материалы по истории «освободительной» реформы в старейших промышленных центрах, где специфические черты, отличающие «освобождение» крепостных рабочих от пресловутого «освобождения» крестьян, выступают с наибольшей отчетливостью. В этом отношении большой интерес представляет для нас «освобождение» тульских оружейников, о котором упоминает В. И. Ленин,² тем более, что основные начала его явились образцом для остальных казенных оружейных заводов.³ На основании документов, не известных официальному историку тульского завода,⁴ мы можем теперь проследить самый ход реформы, вскрыть, чьи классовые интересы отразили различные проекты, разоблачить действительные намерения «освободителей», направленные к максимальному сохранению крепостнических пережитков. Однако, прежде чем перейти к рассмотрению этих вопросов, нам необходимо хотя бы в общих чертах остановиться на положении завода и оружейников накануне реформы, что в значительной степени поможет нам уяснить себе характер и условия самой реформы.

Тульский оружейный завод был основан в 1712 г. и обслуживался трудом местных кузнецов и других ремесленников, издавна занимавшихся своим ремеслом и прикрепленных к заводу правительственными указами⁵. Таким образом, завод зиждился на «широком основании городского ремесла», в то время как, например, уральские заводы черпали кадры своих рабочих людей преимущественно из крестьянства, не порывавшего с сельским хозяйством и даже прямо наделявшегося землей.⁶ Тульские оружейники, по сравнению с этими

¹ Можем назвать только статью М. Нечкиной, Рабочие волнения в связи с реформой 1861 г., в сборн. «История пролетариата СССР», I, гл. «Колпинские «великие» реформы» в «Истории Ижорского завода», М., 1930. Из старых работ отчасти касается вопроса И. Кречетович, Крестьянская реформа в Оренбургском крае, I, М., 1911.

² Соч., III, стр. 329.

³ «Положение об «освобождении» Ижевских и Сестрорецких оружейников» скопировано с положения для оружейников тульского завода с некоторыми отступлениями. «Оружейный сборник», № 2, стр. 33, 1890.

⁴ С. Зыбин в «Краткой истории тульского императора Петра Великого оружейного завода», М., 1912, ограничивается простым пересказом положения об «освобождении» тульских оружейников.

⁵ Подробности см. в известных трудах Иосифа Гамеля. Описание тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М., 1826, и С. Зыбина. История Тульск. имп. Петра Вел. оруж. завода, I, М., 1912.

⁶ Устав горный 1857 г., ст. 425—436.

работными людьми, резко отличались от крестьянства, являясь прежде всего городскими ремесленниками.

Ремесло — работа на дому и мелкие мастерские — играло видную роль в системе заводского производства. Даже в начале 60-х годов XIX в. из 3900 оружейников 2300 человек работало по своим домам (до 60%).¹ Завод, как и всякая мануфактура, не мог «ни охватить общественное производство во всем его объеме, ни преобразовать его до самого корня». ² Поэтому казне в известной степени приходилось считаться с оружейниками. Они были объединены в корпорацию феодального типа, имели «самоуправление», некоторые права, сословные капиталы и т. п.; руководство заводскими работами отчасти находилось в руках выборных старост, которые распределяли уроки, принимали изделия, следили за распорядком работ. Подобную организацию мы не встретим ни на одном из заводов, кроме казенных оружейных. Устав горный рассматривает рабочих людей уральских и других заводов как «нижних военных чинов» и прямо предписывает им не иметь «никакого собрания и советов» по заводским делам.³

Мы, конечно, не должны переоценивать значения «самоуправления» оружейников. В смысле произвола, поборов командиров, розог, шпицрутенов, огромных уроков и мизерной оплаты труда «по штату»⁴ их положение не отличалось от положения других рабочих людей. Но благодаря тому, что большая часть заводских работ, как мы указывали выше, производилась по домам оружейников, последние располагали относительно большей экономической самостоятельностью и, на ряду с обязательными уроками для казны, изготовляли ряд металлических изделий на продажу. Это даже прямо поощрялось самой казной, желавшей таким путем избежать увеличения заработной платы, а также особых расходов на содержание оружейников в мирное время, когда количество заказываемого им оружия было весьма невелико. Уже в середине XVIII в. торговля своими изделиями была очень развита среди оружейников. Об этом живо рассказывает нам такой тонкий наблюдатель, как А. Т. Болотов.⁵

В связи с развитием торговли и ремесла внешне единое «оружейное сословие» подвергается дифференциации. Оружейники распадаются на различные группы, которые прямо тяготеют к новым общественным классам, но, как крепостные казны, еще не могут решительно войти в их состав.

Немногочисленной, но весьма влиятельной в сословных делах группой были владельцы мелких заводов и самостоятельных мастерских. Они освобождались от заводской работы, занимали должности в «самоуправлении» оружейников, выполняли различные подряды и поставки по заводу и были тесно связаны с заводской администрацией на почве обоюдных выгод за счет казны. Причитавшееся с них количество оружия или заказывалось ими другим или изготовлялось в их мастерских, которые обслуживались трудом оружейничьей бедноты, фигурировавшей в виде «наемных» рабочих. Конечно, о «найме» здесь можно говорить только условно, — большинство этих «рабочих» работало на кабальных условиях, отрабатывая долги и т. п. Получая огромные

¹ Цифры приведены в объяснительной записке к одному из проектов освобождения оружейников.

² К. Маркс. Капитал, I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XVII, стр. 406.

³ Устав горный 1857 г., ст. 309—400.

⁴ Средний годовой заработок оружейника за пятилетие 1845—1849 гг. выразился в сумме 24 р. 19 к., тогда как даже по официальным расчетам для его существования с семьей требовалось в год 119 р. 88 к. «Артиллерийский журнал», 1862 г. № 2, стр. 182 и сл.

⁵ Жизнь и приключения Андрея Болотова, III, стр. 52—53, М. 1931.

выгоды, оружейники — владельцы мелких заводов и самостоятельных мастерских, видели в крепостнических порядках серьезное препятствие для дальнейшего развития своего производства.

По свидетельству современника, «даже самые Баташевы и Лялины, эти обогатившиеся производством металлических изделий и торговлею оружейники, чувствовали несообразность и невыгодность своего положения». ¹ Прежде всего, вследствие прикрепления оружейников к заводу, они не могли в полной мере располагать необходимой им рабочей силой; затем обязанность участвовать в казенных работах (правда, не лично), связанная с денежной ответственностью за возможные неисправности других членов «оружейного сословия», и постоянные поборы заводских командиров, под угрозой немедленного «истребования к личному отправлению заводских работ» или лишения паспорта для торговых отлучек, также весьма тяжело отзывались на их промышленной и торговой деятельности.

В ином положении были остальные оружейники — основные кадры рабочих людей завода. Большинство из них, кроме крепостной зависимости от казны, постепенно попадало в зависимость от различных предпринимателей из среды своего же сословия и отчасти купечества. Даже для выполнения казенных нарядов, крайне неаккуратно финансируемых, рядовой оружейник должен был пользоваться у них кредитом, забирать в долг материал и т. п. с последующей отработкой. Грошевая оплата на заводе и полное отсутствие каких-либо средств для самостоятельного занятия ремеслом неизбежно заставляли рабочих людей оружейников работать для разных мелких заводчиков или у себя по домам, или в их предприятиях.

Такая работа не давала существенного подспорья оружейникам, так как избыток в Туле рабочих однородных специальностей, вследствие прикрепления оружейников к заводу, естественно, вызвал катастрофическое падение зарплаты. Поэтому некоторые льготы, предоставляемые казной — отпуск провианта, леса, освобождение от податей, — имели известное значение для этой группы оружейников. Но это, конечно, ни в какой степени не улучшало их положения. Даже одна из многочисленных комиссий военного министерства в 1849 г., сильно прикрасив настоящее положение, все же должна была признать, что «большая часть домов, принадлежавших оружейникам, были в самом ветхом состоянии..., весьма немногие из оружейников имели одежду сколько-нибудь приличную; пища их чрезвычайно скудная, домашняя утварь плохая». ²

Крепостная эксплуатация довела массу оружейников почти до полного пауперизма. В течение всей первой половины XIX в. заводскому начальству приходилось неоднократно подтверждать запрещение оружейникам просить милостыню. Беднота уже неоднократно прибегала к отдельным выступлениям, правда, разрозненным и мелким.

Неповиновение цеховому начальству и побеги с работы по 5-6 раз были заурядным явлением, на что заводское начальство отвечало тяжелыми наказаниями. Розги, палки, ссылки за «порочное поведение» применялись чрезвычайно широко. Глухое недовольство оружейников своим положением не могло скрыться от глаз даже официальных наблюдателей. «Везде слышны сетования на тяжкую бедность», — отмечает та же комиссия 1849 г. Крепостникам приходилось задумываться о неизбежных реформах.

Из приведенной выше краткой характеристики положения разных

¹ П. Г л е б о в. Кое-что о тульских оружейниках. «Артиллерийский журнал», 1862 г., № 2, стр. 179.

² Т а м ж е, стр. 176—177.

групп оружейников прямо вытекают те основные предпосылки их «освобождения», которые существенно отличают его от «освобождения» других групп крепостных рабочих.

Прежде всего, вопрос о наделении землей, столь болезненный для рабочих людей Урала и других, например вотчинных, фабрик, в Туле не ставился вовсе, так как оружейники были городскими ремесленниками, никогда не занимавшимися сельским хозяйством. Но если для уральских и других заводов вопрос пореформенной организации освобождаемых был разрешен относительно просто, путем образования из них «обществ свободных сельских обывателей», то в тульских условиях он представлялся значительно более сложным. Приходилось некоторым образом считаться с зафиксированными в указах и грамотах правами и преимуществами оружейников, с почти вековым существованием сословных учреждений, тем более что в нем явным образом были заинтересованы «первостатейные» оружейники.

В тесной связи с этим стоял и вопрос о дальнейшей судьбе общественного капитала оружейников, вокруг которого естественно развернулась борьба. В связи с тем, что Тула издавна была центром металлообрабатывающей промышленности, где вполне мог найти себе применение труд «освобожденных» оружейников,¹ необходимость сохранения за заводом некоторой части наиболее квалифицированных из них должна была вызвать особые заботы правительства. Целая серия намеченных для этого «льгот», несмотря на известное сходство их с «льготами», предоставленными горнозаводским людям Урала, отличалось поэтому специфическими местными особенностями. И, наконец, на весь ход предстоящей реформы не мало повлияли интересы арендатора, в руки которого передавала казна завод после «освобождения».² Как мы увидим ниже, составители отдельных освободительных проектов явно учитывали эти интересы, возможно, кое-что получив от него за свое содействие.

Выяснив основные отличительные черты предстоящей реформы, перейдем к конкретной истории и анализу содержания «освободительных» проектов.

«Освобождение» оружейников по существу было уже предрешено самой реформой 19 февраля 1861 г. Военному министерству предстояло теперь заняться исключительно применением начал этой реформы в условиях своих заводов. Первый проект устройства быта тульских оружейников был составлен комиссией под председательством инспектора заводов к концу 1861 г. и почти буквально следовал положению о горнозаводских людях от 8 марта 1861 г.³ Располагая только пересказом этого проекта, мы остановимся на его характернейших чертах.

Следуя положению о горнозаводских людях (§ 2), проект предусматривает для освобождаемых оружейников двухлетнее переходное состояние; немедленно освобождались от заводских работ лишь прослужившие 20 лет, по истечении года — прослужившие 15 лет и лишь через 2 года — остальные. Этим путем проект стремился обеспечить завод рабочей силой, лишиться которой казна не без основания опасалась (напомним, например, о массовом уходе освобожденных рабочих с некоторых уральских заводов).

Но переходное состояние как основная мера, направленная к удер-

¹ В. И. Ленин прямо указывает, что многие из освобожденных оружейников «обратились к промыслам: самоварному, замочному, пожевому, гармонному». В. Ленин. Соч., III, стр. 329.

² Согласно постановлению военного совета, завод передавался на пять лет (1863—1868) в арендно-коммерческое управление его командиру, ген. Стандершельду.

³ Второе ПСЗ, № 36719.

жанию рабочей силы, было бессмысленно в экономическом отношении. По справедливому замечанию одной из последующих комиссий, арендатору завода пришлось бы с прямым убытком для себя «держательно в течение двух лет учеников и малоспособных рабочих, тогда как лучшие и опытнейшие мастеровые могли бы свободно перейти на частные фабрики».¹ Кроме того, качество оружия должно было ухудшиться, и казне попрежнему пришлось бы нести расходы на разные пособия мастеровым. Даже одна невыгодность переходного состояния (не говоря уже о других сторонах) была достаточным основанием к отказу от проекта инспектора. Вместе с этим возник вопрос и о правильности самого подхода к реформе на основании «начал» положения о горнозаводских людях.

Поэтому перед высочайше утвержденной 23 апреля 1862 г. смешанной комиссией была поставлена задача «проверить на месте расположения завода» возможность применения к нему положения о горнозаводских людях, опросив для этого и правление завода и «освобожаемое» население, и только после этого составить новые правила устройства быта оружейников «применительно к местности и желаниям освобожаемого населения, насколько то окажется возможным».²

Комиссия открыла свои действия в Туле 22 августа 1862 г. в составе представителей: военного министерства — действ. статск. сов. Крылова и артиллерии капитана Стригалева, министерства государственных имуществ — асессора тульской палаты Дубровина и министерства внутренних дел — мирового посредника 3 уч. Тульского уезда, подпоручика Загряжского.³ Военное министерство в лице его представителей видело свою задачу главным образом в «устройстве работ в заводе на основании вольного труда»; самое же присоединение оружейников к городскому мещанскому обществу они считали обязанностью тульских гражданских властей. Министерство лишь представляло «некоторое пособие к таковому переходу в видах облегчения и устройства пролетариата». Поэтому проект подлежал согласованию с губернатором. Как и в губернских комитетах, подготовка «освобождения» находилась всецело в руках крепостников.

Правительство считало устройство быта оружейников делом, «не терпящим отлагательства, в виду совершившегося уже освобождения крестьян и горнозаводских населений от обязательного труда». Частые волнения «освобожденных» рабочих на уральских и других заводах, глухое недовольство оружейников затянувшимися приготовлениями⁴ заставляли комиссию торопиться. 6 сентября комиссия закончила в Туле свои работы. 11 сентября Крылов уже представил военному министру составленный им проект «устройства быта тульских оружейников».

Как и следовало ожидать, применение к оружейникам положения о горнозаводских людях было признано комиссией невозможным. В своем докладе она прямо указала, что не могла руководствоваться

¹ Тульск. обл. архив, ф. № 13, д. 213/243 1862—1866 гг. «По предписанию г. министра внутренних дел о комиссии для устройства быта тульского оружейного завода рабочих», лл. 17, 29.

² Там же, л. 1.

³ В работах комиссии от «городской думы» участвовали Корсунский и Соколов, но вся их роль свелась «к доставлению сведений, относящихся до градского сословия», и только (см. ниже).

⁴ Оружейники, связавшись с местными радикальными элементами, пытались послать в «Колокол» письмо о произволе командира завода и о своем крайне тяжелом положении, чтобы «путем гласности добиться справедливого расследования заводских порядков».

См. В. Ашурков. Голос тульских оружейников, «Каторга и ссылка», 1933 г., № 2 (99), стр. 141.

этим положением потому, что горнозаводское население «по освобождении от обязательного труда поступит в сельские обыватели, а тульские оружейники присоединятся к городским обществам... и пользуются особыми преимуществами, и самый завод находится в совершенно иных условиях». ¹ Действительно, разница между тульскими оружейниками и работными людьми уральских заводов была очень значительна.

Основную цель своего проекта комиссия видела в том, чтобы обеспечить для завода возможность «иметь по найму необходимое число мастеровых для безостановочного выполнения лежащих на нем нарядов» и вместе с тем избавить правительство «от каких-либо особых на сей предмет расходов и не возвысить цену на оружие». Устройство заводских работ на основании «вольного труда», таким образом, понималось весьма своеобразно.

Проект, составленный комиссией, в основном сводился к следующему.

Немедленно по обнародовании «положения» увольнялись от «обязательной службы» все мастеровые, браковщики, инженеры-технологи, писаря, должностные лица сословных оружейничьих учреждений и прочие с их семьями. Одновременно отменялись служебные звания оружейников, и на них распространялось действие общих законов. Все «освобождаемые» с семьями получали «права свободных городских обывателей личных и по имуществу». Лишь некоторые, занимавшие мелкие должности в заводском правлении, получали классные чины, а прослужившие не менее 9 лет по выборам — личное почетное гражданство.

Сравнивая этот раздел проекта с соответствующими параграфами «послужения» о горнозаводских людях, ² мы видим, что, при некотором сходстве их, признанное и комиссией отличие тульских оружейников от работных людей уральских и других заводов отчетливо проявилось здесь в предоставлении им прав мещан, а не свободных «сельских обывателей». Характерно также предоставление почетного гражданства за службу по выборам. Ничего этого мы не найдем на Урале. Вовсе не собираясь прислушиваться к требованиям и нуждам трудовой массы оружейников, комиссия все же не смогла обойти своим вниманием близких к начальству «первостатейных», предоставив им некоторые, по ее откровенному признанию «незначительные», права. Основная же масса оружейников, хотя и избавлялась от заводского рабства, однако, как и «освобожденное» двумя годами раньше крестьянство, должна была оставаться «низшим» сословием, податным быдлом, черной костью, над которой измывалось поставленное помещиками начальство...» ³

Оружейника, становившегося теперь «свободным» наемным рабочим, ждала «смягченная каторга капиталистической фабрики» (Маркс).

Для облегчения оружейникам их перехода на положение наемного рабочего проект намечал ряд льгот. Льготы эти, по мысли комиссии, «сами собой выражали переходное состояние», так как, пользуясь ими, оружейники могли спокойно «приискать для себя занятие или поступить в частные мастерские на выгодных условиях». ⁴

Посмотрим теперь, в какой мере эти льготы могли помочь оружейникам в их дальнейшем существовании и какие цели преследовала правительственная комиссия предоставлением этих льгот.

¹ Тульск. обл. архив, ф. № 13, д. № 213/243, л. 15.

² Второе ПСЗ. № 36719, §§ 1, 3, 6, 10, 11.

³ В. Ленин. Соч., XV, стр. 109.

⁴ Тульский обл. архив, ф. № 13, д. № 213/243, л. 31.

Оружейники, прослужившие 25 лет и более, освобождались от государственных податей и земских повинностей; прослужившие 15 лет пользовались этой льготой лишь дослужив на заводе уже по найму до двадцатипятилетнего срока. Ранее уволенные по старости, сироты и вдовы сохраняли пожизненно свои права на пособие. Все прочие, удостоенные «одобрительного отзыва начальства», освобождались на 2 года от государственных податей, рекрутской, постоянной и земской повинностей.

При значительном сходстве этих льгот с льготами горнозаводских людей¹ мы не можем не отметить в них некоторых черт, отражающих специфические условия Тулы. Прежде всего для оружейников устанавливался значительно больший срок выслуги, дающий право на пожизненное освобождение от повинностей — 25 лет вместо 15—20 для горнозаводских. Это было одной из мер, направленных к удержанию основных заводских кадров, тем более, что оружейники, не привязанные именно к данному заводу земельными наделами, как рабочие Урала, могли перейти на частные предприятия или заняться самостоятельным промыслом. Затем горнозаводские люди, освобождаясь от крепостной зависимости, немедленно облагались податями «наравне со свободными сельскими обывателями», так как упомянутые земельные наделы, по расчетам казны, обеспечивали их платежеспособность. Оружейники получали льготу на два года.² Эта уступка, связанная с некоторым расходом, была неизбежной для казны. Обрекая массу оружейников на пополнение резервной армии пролетариата и не собираясь повышать их заработок, казна просто не рассчитывала собрать подати, тем более, что за оружейниками уже числилось до 120 тыс. руб. различных долгов.

Правительственная комиссия должна была пойти и на дальнейшие уступки. В собственность оружейникам, по проекту, безвозмездно предоставлялись их строения с усадебной землей и садами, хотя бы эти постройки и были сооружены на казенную ссуду. В течение года после перехода в «городское сословие» оружейникам, «нуждавшимся в пособии для содержания семейств», предполагалось продолжить отпуск провианта по казенным ценам. В данном случае проект тульской комиссии прямо совпадал с положением о горнозаводских людях³ с той разницей, что последним даровая выдача провианта производилась лишь в течение двух месяцев, так как, повидимому, считалось, что предоставленные им земельные наделы являются достаточным средством для существования. В Туле на это не приходилось рассчитывать, и установление более длительного срока выдач должно было предотвратить опасность возникновения волнений среди лишившихся работы оружейников.

Все эти льготы, по мнению комиссии, должны были также содействовать «облегчению и устройению» возникающего пролетариата, столь страшного для правительства.⁴ Комиссия, говоря словами Энгельса, позаботилась «дать каждому работнику право полной собственности на домик и привязать его этим на полуфеодалный манер к капиталисту...»⁵ Этой заведомо несостоятельной мерой комиссия рассчитывала «предупредить» количественный рост пролетариата и обеспечить будущего арендатора кабальными рабочими; стремилась

¹ Второе ПСЗ, № 36719, § 34.

² Согласно ст. 470 г. IX Свода законов, эта льгота предусматривалась для всех приписывавшихся к городским обществам.

³ См. §§ 18 и 5 «Положения о горнозаводских людях».

⁴ Тульский обл. архив, ф. № 13, д. № 213/243, л. 11.

⁵ Ф. Э н г е л ь с. Жилищный вопрос, стр. 14, М.—Л. 1932.

увеличить число мелких собственников, чтобы «задушить в рабочих всякое проявление революционного духа».¹ Однако историческое развитие шло вопреки препятствиям, которые пытались создать ему, рефсрмы помещиков-крепостников.

Как мы уже знаем, основную цель своего проекта комиссия видела в том, чтобы обеспечить завод необходимой рабочей силой. «Удерживать на заводских работах способнейших мастеровых»² без особых затрат для казны предполагалось путем предоставления им ряда дополнительных льгот.

Находясь в Туле, комиссия могла с полной очевидностью убедиться, что «частные фабриканты имеют надобность в хороших мастерах и достаточные средства для их привлечения», в чем завод не мог с ними конкурировать. Казне, очевидно, приходилось привлекать рабочего такими льготами, которые превосходили бы все выгоды работы у частного предпринимателя. Такой льготой могло быть прежде всего освобождение от рекрутской повинности. «Избавление от рекрутства, — пишет председатель комиссии Крылов, — есть одно из самых важных средств для привлечения мастеровых на заводские работы, за которые они по ныне существующим расценкам получают весьма умеренную плату».³ Действительно только страх перед рекрутиной мог заставить рабочего сносить произвол арендатора завода, работая за любые гроши.

Кроме этой основной льготы, комиссия проектировала и другие. На время своей работы на заводе бывшие оружейники освобождались от должностей по городским выборам, от государственных податей и земских сборов, от квартирной повинности (при условии выполнения заводских работ «на дому в собственных мастерских»). Оставившие работу или уволенные «за дурное поведение» тотчас лишались всех этих льгот.

Строго говоря, и эти льготы были весьма относительны. Некоторые из них прямо способствовали выгоде арендатора: так, бывших оружейников освобождали от общественных выборов, чтобы «не отвлекать от заводских занятий»; затем освобождали от квартирной повинности владельцев мелких мастерских, что давало арендатору возможность широко пользоваться их услугами и избавляло его от затрат на реорганизацию процесса заводского производства.

Вполне понятна вся неизбежность освобождения от податей и повинностей. Сохранить их, по признанию той же комиссии, «значило бы еще уменьшить получаемую ими (т. е. оружейниками. — В. А.) и без того ограниченную заделную плату».⁴ Ни казна, ни арендатор не собирались входить в расходы, а терпение недавнего крепостного все же имело предел. В этом достаточно убедились власти во время рабочих волнений в связи с реформой 1861 г.

Приходилось изыскивать способы, хоть до некоторой степени облегчающие участь заводского рабочего. Комиссия не стала обременять себя особыми домыслами. Она просто сохранила для рабочих завода ранее присвоенные оружейникам преимущества, имевшие почти столетнюю давность: выдачу 25 тыс. пудов железа «для пособия в их собственных изделиях», обязательство для всех казенных учреждений заказывать металлические изделия только заводу,⁵ отпуск прови-

¹ Ф. Энгельс. Жилищный вопрос, стр. 28, М.—Л. 1932.

² Тульский обл. архив, ф. № 13, д. № 213/243, лл. 15, 29.

³ Там же, лл. 21—21 об.

⁴ Там же.

⁵ Для обеспечения оружейников дополнительной работой, кроме основного заказа на оружие.

анта по казенной цене, обеспечение пенсией престарелых, сирот и вдов.

Эти преимущества, конечно, не могли иметь значения для оружейников. Грошевые пенсии и отпуск провианта в счет зарплаты не облегчали положения бедноты. Монополия завода на заказы казны становилась монополией арендатора к явному убытку для оружейников — владельцев самостоятельных мастерских и мелких заводов.¹ Бесконтрольно распоряжаясь раньше жалуемым обществом железом, они должны были теперь довольствоваться получением его из рук арендатора, который имел все основания использовать его для себя.

Интересно отметить, что комиссия строго ограничила круг лиц, подходивших под действие даже таких сомнительных льгот. Ими могли пользоваться лишь бывшие оружейники; на рабочих из других сословий они не распространялись. Тенденция использовать эти льготы для создания антагонизма среди заводских рабочих в целях укрепления позиций арендатора выступает здесь с полной отчетливостью.

Все рассмотренные льготы, взятые в целом, являлись только косвенным средством помочь арендатору иметь в своем распоряжении по существу кабальную рабочую силу, и притом на наивыгоднейших для него условиях.

Это, конечно, отлично понимала комиссия, состоявшая из надежных слуг царизма. Однако, чтобы скрыть от оружейников действительный смысл «реформы», она именно путем этих льгот рассчитывала «дать предположенному освобождению значение монаршей милости».² Поэтому, не без основания опасаясь «неизбежного ропота», возможного в результате потери оружейниками их «исконных прав», проект комиссии сохранял «все преимущества», ранее им предоставленные.³

Дальнейшей судьбой оружейников, переходивших в городское сословие, проект не занимался; поступавшие же на заводскую работу должны были получить особую организацию. Образцом для нее послужили отчасти прежнее оружейничье сословие, но в большей степени горнозаводские товарищества, учрежденные положением 8 марта 1861 г.

Почти буквально следуя последнему, комиссия проектировала образовать заводское оружейное товарищество. Это товарищество, согласно проекту, имело своей целью «предоставить наибольшие выгоды работающим» и «поощрить их к заводскому труду».⁴ В его задачу входило: попечение о рабочих и их семьях в болезни, старости, увечьях, призрение вдов и сирот, «разбор возникающих по работам несогласий», «установление нравственности между рабочим классом». Управление делами товарищества поручалось попечительному заводскому приказу, который избирался в составе 5 лиц, «преимущественно из местных домохозяев», утверждавшихся инспектором заводов. Решения приказа могли быть обжалованы управляющему заводом. Товариществу передавались общественные капиталы и строения бывшего оружейного сословия.⁵ Как вполне основательно указывали современники, заводский попечительный приказ «был местом частным, составляющим не что иное, как контору арендатора»

¹ Согласно существовавшим до этого правилам, командир завода, приняв такой заказ, передавал его оружейникам из числа владельцев самостоятельных мастерских и мелких фабрик. См. «Свод военн. постановл.», кн. IV, ч. I, прил. VII ст. 6 — 13, 1859.

² Тульск. обл. архив, ф. № 13, д. № 213/243, л. 29 об.

³ Там же, л. 31.

⁴ Там же, л. 24 об.

⁵ Там же, л. 25.

завода, который по своей должности командира являлся его ближайшим попечителем и всегда мог использовать эти денежные средства в своих интересах.¹ Комиссия, недолго раздумывая над «священной» собственностью оружейников, обратила ее в пользу арендатора.

В распоряжение арендатора экспроприировалось 250 тыс. руб. — значительная для того времени сумма, которая являлась скрытым выкупом самих освобождаемых оружейников, производимым за счет их сословных капиталов. Проводя эту операцию, комиссия намеревалась без особых расходов для казны предоставить арендатору капитал для некоего переустройства заводского производства, неизбежного в новых условиях свободного труда. Но, как мы помним, сословным капиталом распоряжались, конечно, не без выгод для себя, «первостатейные» оружейники — владельцы мелких заводов и самостоятельных мастерских. Проектируемая комиссией передача этого капитала в руки арендатора прямо способствовала упрочению его монополии и увеличению прибылей. Издавна занимаясь выделкой оружия и опасаясь убытков для себя, эта группа оружейников с тревогой встретила предположение комиссии и в дальнейшем не замедлила выступить со своим контрпроектом.

В предположении о заводском товариществе и попечительном приказе комиссия сохранила прежнее оружейное сословие и цеховой разряд с их исконными правами и прерогативами.

Проект сохранял былую цеховую обособленность оружейников, лишь приравнивая ее к потребностям будущего арендатора. И весь проект комиссии Крылова, по ее собственному признанию, сводился к тому, что «оружейники только переменяют свое название».² В остальном же в отношении оружейного сословия и цехового разряда все оставалось неизменным: бывшие оружейничьи привилегии продолжали существовать в виде сомнительных «льгот», цеховая обособленность — в виде оружейного товарищества. Оружейник хотя и становился свободным, но был опутан кабальными «преимуществами»; гражданская «свобода» (освобождение от телесных наказаний и круговой поруки, подчинение общей подсудности и т. п.) заводского рабочего обеспечивалась весьма непрочной, будучи вверена попечительному заводскому приказу и опеке арендатора-командира.

Заранее предполагая, что оружейники, жестоко разочарованные в своих ожиданиях, выставят требования, действительно отражающие их интересы, комиссия Крылова предложила подкрепить «благодетельную реформу» мерами устрашения. По ее мнению, 51 оружейничье семейство «весьма полезно было бы совершенно удалить», переселив в отдаленные губернии, якобы по склонности их к воровству и бродяжничеству. Под этим предлогом явно рассчитывали удалить протестующие элементы, тем более, что все улики против указанных семейств ограничивались одними подозрениями.³ Подобный произвол сразу должен был послужить предостережением для недовольных.

Однако крепостные порядки не просто сохранялись, лишь меняя свое название. В проекте, как мы видели, правда, половинчато и непоследовательно, все же допускались известные уступки капиталистическому развитию, но рядом с ними достаточно охранялись и некото-

¹ Заводская администрация всегда свободно располагала сословными суммами оружейников. Из них производились позаимствования на казенные надобности, например на выдачу задельных денег оружейникам. На 26 августа 1862 г. правление завода было должно в этот фонд 89 тыс. руб., — см. указ. дело, л. 123.

² Тульский обл. архив, ф. № 13, д. № 213/243, л. 44.

³ Там же, л. 32. Некоторые из этих оружейников привлекались к суду, но были оправданы.

рые крепостнические пережитки. Последние как раз облегчали арендатору самую хищническую капиталистическую эксплуатацию и представляли бывшего оружейника тяжело страдать «от капитализма и от недостаточного развития капитализма».¹

Несмотря на то, что проект комиссии явно шел навстречу арендатору, желания последнего шли еще дальше. Ген. Стандершельд настаивал на предоставлении ему права увольнять рабочих «по дурному псевдению, небрежности и ненадобности» без санкции заводского попечительного приказа, права утверждать должностных лиц приказа его собственной властью, а не властью инспектора заводов, «во избежание бесполезной опеки, на которую при вольном труде и затрате собственного капитала никто не согласится». Далее он требовал отмены выдачи провианта уволенным оружейникам, так как эта мера ставит «в большое затруднение арендатора в приискании и найме необходимых для него мастеровых».² Удовлетворение этих требований сделало бы ген. Стандершельда полным хозяином завода и предоставило бы в его почти исключительное распоряжение огромную резервную армию пролетариата. Пока же будущий арендатор не был вполне удовлетворен проектом комиссии.

Не были удовлетворены им и оружейники. Лицемерное заявление военного министерства о том, что проект должен быть составлен «применительно к желаниям освобождаемого населения, насколько то окажется возможным», оказалось пустой фразой. Правительственная комиссия в своем проекте не считалась полностью даже с интересами обуржуазившейся группы оружейников, не говоря уже о широко эксплуатируемой массе. Это, впрочем, не помешало комиссии чрезвычайно тщательно учесть в своем проекте классовые противоречия внутри оружейничьего сословия и использовать их в целях обеспечения успеха проекту.

Рассуждая о том, насколько предстоящая реформа может удовлетворить оружейничье сословие, председатель комиссии Крылов считает, что «достаточные и богатые оружейники, преимущественно занимающиеся торговлей металлическими изделиями... и имеющие фабрики и мастерские», будут довольны своим новым положением. Первые избавятся от опасности «быть истребованными к заводским работам» и смогут воспользоваться всеми гильдейскими правами, которых «давно и сильно добиваются»; вторые оставят заводскую работу и «исключительно займутся своим собственным мастерством», получив при этом возможность «выгодно нанять уволенных от заводских работ оружейников». Далее, по мнению Крылова, «усердные и способные мастеровые, конечно, останутся на заводских работах, так как ни одно частное предприятие не сможет дать им таких льгот». И только «последняя категория людей, неспособных, ленивых к работам, отличающихся безнравственностью, о которых само общество отзывается с весьма невыгодной стороны», будет в праве «считать себя обиженной», лишась помощи от казны и всех прав на общественные капиталы и учреждения.³

Таким образом, комиссия сознательно строила свой проект за счет интересов оружейничьей бедноты и при этом не скупилась на самые черные краски для ее характеристики. Проект комиссии в значительной степени отдавал бедноту на произвол обуржуазившейся части оружейников.

Однако и это не обеспечило ему сочувствия последней. Выборные

¹ В. Ленин. Соч. III, стр. 469.

² Тульский обл. архив, ф. № 13, д. № 213/243, л. 34.

³ Там же, л. 31 об.—32.

от всех цехов «первостатейные» оружейники, которым проект 13 октября 1862 г. был зачитан для отзыва в присутствии командира завода,¹ хотя якобы и остались «совершенно довольны», но тотчас заявили ряд дополнительных просьб. Те из них, «которые не противоречили принятым началам проекта», были приняты комиссией во внимание. Но этому мы не можем верить. Даже один из членов комиссии прямо упрекал Крылова в игнорировании этих просьб, считая, что тщательный разбор их был бы «весьма полезен для отвращения на будущее время всякого рода неудовольствий и жалоб».²

В чем же состояли требования оружейников, отвергнутые комиссией? Оружейники, как сообщает Крылов, просили для облегчения своего нового положения освободить их всех от податей и повинностей на 12 лет, оставить на заводских работах всех, кто того пожелает (без отказа даже малоспособным), покрыть все долги и недоимки за счет казны, передать завод в аренду всему обществу оружейников, приняв в обеспечение общественный капитал и здания.

Комиссия, как мы знаем, прежде всего охраняла интересы казны и арендатора и потому отказала оружейникам в удовлетворении их просьб. Но сами по себе эти просьбы чрезвычайно характерны. Рассчитывая, что часть оружейников все же останется «совершенно довольной проектом», комиссия жестоко обманулась в своих ожиданиях.

Проектом оказались неудовлетворенными прежде всего оружейники-богачи. Стремления крепостного капиталиста не ограничивались одним упразднением власти командира, — он сам уже пытался выступить его конкурентом. Оружейники просили сдать завод в аренду «обществу». Но это была лишь дань традиционной фразеологии — за спиной «общества», как и встарь, намеревались действовать отдельные капиталисты. Просьба об аренде являлась основной; остальные служили лишь для того, чтобы привлечь на свою сторону массу, вынудив тем начальство с большим вниманием отнестись к голосу «всех оружейников». Оружейники-предприниматели не хуже ген. Стандершельда понимали, какую роль могли сыграть их общественные капиталы в дальнейшем развитии оружейного дела. Они вовсе не собирались уступать их арендатору и рассчитывали сохранить их в своих руках, чтобы представить казне в качестве залога за аренду завода. Однако проект, как мы помним, намеревался передать эти капиталы в распоряжение арендатора завода, чтобы неизбежная реорганизация процесса производства прошла без особых затрат для казны.

Впрочем, намерение комиссии не встретило сочувствия и в среде тульской губернской администрации. Отчасти, возможно, не бескорыстно, поддерживая интересы оружейников-предпринимателей, но главным образом опасаясь волнений со стороны оставшейся без работы бедноты, губернские власти высказались против передачи капиталов арендатору.³

Попутно необходимо выяснить, как отнеслась к ожидавшейся ре-

¹ Тульский обл. архив, ф. № 13, д. № 213/243, лл. 30, 38 и 15.

² Там же, лл. 30 и 35. Для характеристики «свободы» обсуждения проекта чрезвычайно показательны и отбор участников собрания и самое присутствие командира, имевшего неограниченную власть над любым из них. Даже упомянутый член комиссии — ассессор тульской палаты госуд. имуществ Дубровин, вообще настроенный очень крепостнически, ставит в вину комиссии недостаточно тщательное и крайне поспешное «рассмотрение» оружейничьих просьб.

³ Как мы указывали выше, с переходом капитала в руки арендатора все оружейники, не поступившие на завод, теряли право на пособия и т. п.; по мнению губернской администрации, «нищенство и бродяжничество увеличатся со всеми г и б е л ь н ы м и п о с л е д с т в и я м и, и местное правительство не в силах будет отворотить их». Тульский обл. архив, ф. № 13, д. № 213/243, л. 78 об.

форме тульская городская буржуазия в целом. При составлении своего проекта комиссия, хотя и предполагала присоединить оружейников к городскому обществу, однако вовсе не считалась с мнением местного купечества, ограничившись вызовом представителей городской думы для дачи некоторых справок.

Только 13 октября 1862 г. тульская буржуазия выразила свое мнение о проекте комиссии в докладной записке, представленной губернатору городским головой Добрыниным.¹ Городской голова указывал, что «самые лучшие мастера и самые исправные люди» из бывших оружейников поступят на завод и образуют особое товарищество с известными правами и льготами; поэтому фактически к городскому обществу присоединятся лишь те из них, которые окажутся ненужными для арендатора завода, — «порочные, ленивые, беспечные, неимущие, больные, дряхлые и т. п.». Городское общество «увеличится пролетариатом. Пролетариат этот, известный целому городу, ляжет тяжелым бременем на ремесленное общество и послужит к безвыходному положению и конечному его разоренью».²

Городскому голове поневоле приходилось так настойчиво защищать городское сословие в целом, его мелкобуржуазные и полупролетарские элементы: ответственность за исправное поступление податей и повинностей в первую очередь надала на должностных лиц и крупную буржуазию города, а платежеспособность присоединяемых к городскому сословию бывших оружейников была очень сомнительна.

Пауперизм «вместе с относительным перенаселением... представляет условие существования капиталистического производства и развития богатства. Он относится к *faux frais* [непроизводительным издержкам] капиталистического производства, которые капитал умеет, однако, в большей части свалить с себя на плечи рабочего класса и мелкой буржуазии».³

Именно так и поступила комиссия, действуя в интересах казны и арендатора. Ее намерения вызывают вопль городского головы, который «осмеливается всепокорнейше просить» губернатора избавить тульское податное общество от того «страшного положения, в которое оно будет ввергнуто через присоединение к нему оружейников на объявленных в проекте началах».⁴

Городской голова всячески стремится избавить «городское общество» от *faux frais* капиталистического производства, возложив их на плечи самих освобождаемых, которые, по его мнению, получают «лучший дар — свободу». Он со своей стороны считает более целесообразным, освободив оружейников, «оставить их отдельным обществом» — мещанским и ремесленным, а для заведывания их делами и капиталами организовать особую оружейную управу, подчиненную городской думе. Оружейники должны получить права податных сословий и некоторые льготы, по истечении срока которых обязаны отбывать все повинности наравне с прочими городскими обывателями.

Городской голова считает, что эти мероприятия наилучшим образом согласуют интересы оружейников и городских сословий. «Оружейники, — пишет он, — оставаясь при всех прежних своих интересах, не будут сожалеть расстаться с своими общественными капиталами, своими общественными заведениями и преданиями, своими

¹ Тульский обл. архив. Материалы Тульской губ. учен. архивн. комиссии, д. № 5 1862 г., лл. 2 и сл.

² Там же, л. 3—3 об.

³ К. Маркс. Капитал, I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XVII, стр. 707.

⁴ Тульский обл. архив. Материалы Тульской губ. учен. архивн. комиссии, д. № 5, 1862 г., л. 4.

воспоминаниями о прошлом» (имеются в виду особые права и привилегии оружейников. — В. А.); в свою очередь городские сословия «не будут бояться внедрить в себя чуждое сословие без денег, без заведений, без доходов и через это подвергнуться безысходному положению», о котором городской голова достаточно ярко говорит выше. «Главное же, — заключает он, — оружейники получают свободу располагать собой наравне с прочими свободными сословиями». ¹

За эту «свободу» оружейники и должны нести все издержки по содержанию резервной армии пролетариата, не затрагивая интересов городских сословий и существуя отдельно от них. Предложения городского головы, заимствованные им из правил об увольнении охтенских поселян из адмиралтейства в С.-Петербургское городское общество от 24 марта 1858 г., так же как и проект комиссии Крылова, стремились сохранить оружейничью обособленность, но уже не в интересах арендатора, а в интересах городской буржуазии.

Но в глазах правительственных сфер, конечно, большее значение имело мнение губернской администрации о проекте комиссии. 16 октября 1862 г. военный губернатор г. Тулы ген. Дараган представил военному министру и министру внутренних дел свое заключение о проекте.

По мнению ген. Дарагана, комиссия вместо детальной разработки вопроса об «устройстве быта» оружейников занялась изысканием способов к обеспечению завода рабочей силой, и разрешение этой задачи «не только отвлекло комиссию от точного выполнения высочайшего повеления... но и увлекло ее в совершенно противоположную сторону, к исключительному соблюдению выгод будущего арендатора». Если комиссия даже и стремилась к тому, чтобы содействовать видам военного министерства, она могла сделать это только «предоставлением труда свободы в самых широких размерах, а не привязыванием населения к интересам завода искусственными средствами, всегда невыгодными для правительства и постоянно вредными для общего блага». ² Такими искусственными средствами губернатор вполне основательно считал и самое заводское товарищество, и особые льготы для работающих в заводе.

«Арендатор, — пишет он далее, — может обратить льготы, предоставляемые заводскому оружейному товариществу, составляемому из людей по выбору арендатора, в предмет весьма прибыльного для себя торга. Всякий, подлежащий рекрутству, будет добиваться возможности попасть в оружейное товарищество и по сделке с арендатором будет платить ему за освобождение от рекрутства; мастеровые будут работать даром, если арендатор не захочет обложить их оброком сверх даровой работы». Кроме этого обусловленность предоставления некоторых льгот дослуживанием на заводе до определенного срока заставит очень многих «вымолить у арендатора завода милость записать их в рабочие. Каким образом арендатор завода воспользуется своими правами, само собой очевидно!» ³

Все это заставило ген. Дарагана сделать выводы крайне неблагоприятные для проекта в целом. «Весь проект составлен с такими увлечениями в пользу будущего арендатора, ⁴ которые зашли далеко за пределы приличия к закону и справедливости... проект отдаёт

¹ Тульский обл. архив. Материалы Тульской губ. учен. архивн. комиссии, д. № 5, 1862 г., лл. 5 и сл.

² Тульский обл. архив, ф. № 13, д. 213/244, л. 95.

³ Там же, лл. 96 об. и 98.

⁴ Зная нравы той эпохи, можно почти с уверенностью сказать, что эти «увлечения» Крылова были далеко не бескорыстны.

освобождаемое от обязательной работы правительству население в кабалу частного лица — арендатора завода: ...скрывает цену аренды, вводя льготы для мастеровых, стоящие правительству больших, но совершенно неопределенных пожертвований».¹ «Если ко всему этому прибавить, — заключает губернатор, — что г. председатель комиссии в своих соображениях по составлению проекта положения не затруднился выразить между прочим, что проект был предъявлен от всех цехов оружейникам, и они приняли его с признательностью, тогда как желания оружейников решительно не совпадают с проектом, то считаю излишним вдаваться в подробный, в частности, разбор проекта, составленного на ложных началах и обставленного фальшивыми данными, достаточно ограничиться общим мнением о необходимости признать проект по меньшей мере опрометчивым и о неизбежной надобности нарядить особую комиссию для пересоставления проекта».²

Тульские губернские власти, таким образом, решительно высказались против проекта.

Чем же, однако, объясняется позиция губернатора в данном вопросе?

Относительно сильная группа богатых оружейников, стремящаяся организовать заводское производство на свои средства, отчасти могла повлиять на губернатора. Это подтверждается и его дальнейшим покровительственным отношением к их стремлениям заполучить завод в свои руки. В начале 1866 г. представленный ими проект товарищества для заведывания заводом вызвал негодование министерства внутренних дел, усмотревшего в этом дерзость; губернатор стал на их защиту. «Едва ли можно обвинять их, — докладывал он министерству,³ — за сделанное правительству предложение относительно выделки оружия; никакой закон не воспрещает частным лицам делать правительству предложения, относящиеся до коммерческих предприятий».

Но основным мотивом в отрицательном отношении губернатора к проекту комиссии были, конечно, интересы полицейского порядка. При существующем недовольстве оружейников будущим арендатором,⁴ предоставление последнему особых прав к явному ущербу для самих оружейников грозило массовыми волнениями, а к этому губернатор, естественно, не мог оставаться равнодушным.

Министерство внутренних дел имело большой опыт в «освободительных» реформах, поэтому мнение его местных представителей было достаточно авторитетным в глазах военного министерства, повидимому, тоже не вполне одобрявшего проект комиссии Крылова. От этого проекта отказались. Но, чтобы предотвратить всяческие нежелательные толки среди оружейников, было решено, не назначая новой комиссии, ограничиться «исправлением» ранее составленного проекта в порядке канцелярского творчества внутри самого военного министерства.

Это «исправление», однако, неизбежно свелось к пересоставлению

¹ Тульский обл. архив, ф. № 13, д. № 213/243, л. 99—99 об.

² Там же, л. 100 об.

³ Там же, лл. 193—194.

⁴ В обнаруженной полицией в начале 1864 г. рукописи под заглавием «Голос тульских оружейников», предназначавшейся для «Колокола», от лица оружейников писалось: «Вообще в тульском оружейном заводе множество всякого рода подлостей, насилий, смелого безнаказанного воровства, совершаемого пред глазами всех с воцарением антихриста» (так называли среди оружейников ген. Стандершельда). Далее говорится, что оружейники составляют «казенную собственность, но более собственность командиров, подполковников и прочей ватаги деспотов, управляющих ими». Тульский обл. архив, ф. № 6, д. № 489, 1867 г. См. нашу статью «Голос тульских оружейников», «Наторга и ссылка», № 2 (99), 1933.

заново значительной части положения. Составленный действ. ст. сов. Левдиком к началу января 1863 г. «проект положения об устройстве быта оружейников казенного тульского завода» значительно отличается от предшествовавшего.

Новый проект¹ строился на «общих и единообразных основаниях» с ранее изданными положениями о крестьянах помещичьих и горнозаводских. По мысли автора проекта, реформа должна была прежде всего «разрушить замкнутость сословия оружейников и обязательность их труда», а затем «предоставить им вступить в пользование своими сословными (мещанскими) правами». Получая эти права и теряя былую обособленность, оружейники по истечении льготных лет обязаны были нести обычные для податных сословий повинности; им бесплатно предоставлялись усадьбы, лес для построек; в течение года должен был отпускаться провиант по казенной цене. Здесь, как мы видим, проект мало отличался от предшествовавшего и почти точно следовал соответствующим статьям положения о горнозаводских людях.

По-иному обстояло дело в части «устройства быта» самих оружейников. По новому проекту предполагалось образовать в составе городского общества особый цех из освобожденных оружейников. Цеху передавались все общественные капиталы, недвижимое имущество и благотворительные заведения, для заведывания которыми должна была организоваться цеховая управа, подчиненная городской думе. Попечение о «благосостоянии членов цеха, о преуспевании ремесла и исправном отбытии повинностей» возлагалось на цехового старшину и его товарищей. Члены цеха сохраняли прежде предоставленные оружейникам преимущества.

В сравнении с проектом комиссии Крылова, проект Левдика был некоторым шагом вперед. Самая возможность выхода оружейников из цеха, приравнение этого цеха к прочим цехам городского общества и т. п. были значительным прогрессивным мероприятием, прямо способствовавшим дальнейшей экономической и классовой дифференциации бывших оружейников. В их общую собственность поступали теперь и все общественные капиталы и заведения, которые первый проект предполагал экспроприировать в пользу арендатора.

Не без оснований опасаясь возможных волнений оружейников, Левдик был склонен для предотвращения их пожертвовать интересами арендатора и «великодушно» сохранял оружейникам их исконную собственность.

Хотя Левдик и заявил в своих пояснениях к проекту, что «самый действительный протекторат ремеслу и благосостоянию оружейников — достаточная вольнонаемная плата», это не помешало ему сохранить различные сомнительные льготы для оружейников. Теперь, однако, по новому проекту срок службы, дающий право на пожизненное освобождение от податей, снижался до 20 лет,² и «дослуживание» на заводе до этого срока не допускалось. Все прочие освобождения от податей на 6 лет (вместо двух лет предшествовавшего проекта), от рекрутства — на 10.³ Подобное увеличение льготных сроков могло быть вызвано тем, что с большинства бывших оружейников нельзя было собрать податей,⁴ даже продав их жалкий скарб; кроме

¹ Тульский обл. архив, ф. № 13, д. № 213/243, лл. 110—112.

² В точном соответствии со ст. 34 «Положения о горнозаводских людях», Второе ПСЗ, № 36719.

³ Напомним, что, согласно проекту комиссии Крылова, обе эти льготы устанавливались только на 2 года.

⁴ Об этом достаточно ярко говорит тульский городской голова в своем рапорте губернатору 13 октября 1862 г.: «Истина, известная всему городу, что оружейники эти (т. е. беднота. — В. А.) платить за себя подати не будут, что они будут служить обще-

того, за счет этих льгот казна могла на некоторое время избежать повышения заработной платы на заводе.

Особенно характерно то, что новый проект уже не допускал «дослуживания» на заводе, которое было одним из основных положений проекта Крылова, прямо направленных к обеспечению арендатора кабальной рабочей силой. Вероятно, Левдик пожертвовал этим крепостническим пережитком из опасения, что арендатор, широко используя отработку, не будет достаточно заботиться о техническом переустройстве завода.

Совершенно по-иному стоит у Левдика и вопрос об общественных капиталах. Правда, как мы видели выше, они поступают в распоряжение оружейного цеха, но в значительной части за их счет должны были быть покрыты долги оружейников во «вспомогательный капитал». ¹ Часть долгов казне за материалы, припасы, провиант, которые нельзя было собрать, не вызвав волнений, «великодушно» прощалась оружейникам. Таким образом, богатые оружейники, верховодившие обществом, должны были удовлетвориться некоторым компромиссом.

В целом проект Левдика был по сравнению с предшествовавшим проектом значительно свободнее от крепостнических пережитков и тем самым предполагал поставить как самое производство, так и освобожденных оружейников в относительно более прогрессивные условия капиталистического развития. Исправленный в указанном направлении проект снова поступил на заключение тульских властей.

В своем отзыве от 28 января 1863 г. ² тот же тульский военный и гражданский губернатор ген. Дараган, согласившись с основными полсжениями проекта, категорически высказался против намеченного в нем сохранения некоторых бывших оружейничьих привилегий; беспощинной торгово-промышленной деятельности — «к ущербу казны и других сословий», особого представительства в городских учреждениях и т. п. Высказавшись и против цеховой обособленности оружейников и против предоставления им особых преимуществ, губернатор, по существу, лишь повторил свое заключение по первому проекту.

Еще в середине января 1863 г., по предписанию губернатора, исправленный проект был зачитан в присутствии цехового разряда сотенным людям и депутатам оружейного общества. Собравшиеся нашли его «весьма полезным» и, рассчитывая после организации оружейного цеха «иметь безбедное содержание с семействами», просили сохранить за ними оружейничью больницу, право распоряжаться ссудным капиталом и пользоваться заводскими машинами.

Единодушие собравшихся, в большинстве, очевидно, «первостатейных» оружейников, вполне понятно. Требования их в отношении права распоряжаться сословным капиталом в основном удовлетворены, и они настаивают лишь на сохранении за ними права пользоваться для своих работ заводскими машинами». ³ Здесь мы видим не что иное, как стремление хотя бы косвенным путем использовать завод в целях капиталистического предпринимательства, поскольку не удалась попытка прямо арендовать его у казны.

ству, к которому присоединятся, только тягостию». Насколько безнадежен был сбор с них податей, видно из слов того же городского головы, который видит главную трудность городской общественной службы именно в обязанности взыскивать недоимки с оружейников. Тульский обл. архив. Материалы Тульск. губ. ученой архивной комиссии, д. № 5, 1862 г., лл. 3 и сл.

¹ Так называлась сумма, предоставленная в распоряжение оружейников из «вспомогательного для г. Тулы капитала на постройку домов после пожара 1834 года».

² Тульский обл. архив, ф. № 13, д. № 213/243, лл. 140—141.

³ Согласно § 8 прилож. к ст. 384 гл. I кн. IV Свода военных постановлений 1859 г., это беспрепятственно разрешалось оружейникам со взысканием в пользу казны «приличной суммы», не превышающей, однако, 2% стоимости изготовленных изделий.

Таким образом, проект Левдика не встретил и здесь возражений. Крепостной труд на оружейном заводе теперь со дня на день должен был смениться свободным трудом.

Но вполне последовательное разрешение такой задачи было не доступно проектам, составлявшимся в интересах самодержавия и помещиков-крепостников. Ни в одном проекте не предполагалось относительной свободы рабочего, необходимой для дальнейшего интенсивного развития капитализма. Все они сохраняли, одни (первые) — большее, другие (Левдика) — меньшее, но все же достаточное количество крепостнических пережитков, которые, обуславливая сочетание двойного гнета — капиталистического и самодержавно-крепостнического, сделали особо тяжелым положение тульских рабочих.

В январе 1863 г. закончились споры вокруг проектов освобождения оружейников. Дело перешло в высшие инстанции. Прошло еще более года, и 14 апреля 1864 г. Александр II утвердил положение, установившее правила «для устройства быта тульских оружейников». ¹ Все оружейники немедленно увольнялись от обязательной работы и, «как имеющие права мещан, перечислялись в городские обыватели»; при желании они могли приписаться к другим городским или сельским сословиям. В общественную собственность освобожденных предоставлялись все денежные капиталы, дома, благотворительные заведения и т. п., кроме земель, отходивших к городу. Заведывание всем этим возлагалось на избираемых бывшими оружейниками уполномоченных; им же при желании «сбразовать из себя особое товарищество», оружейники могли поручить составление его устава, подлежавшего обычной санкции властей.

Как предполагалось в проектах, оружейникам предоставлялся ряд льгот и пособий. Все, проработавшие не менее 20 лет, пожизненно освобождались от личных и земских податей и рекрутской повинности; все прочие получали такие же льготы на 6 лет. С оружейников снимались и передавались в городской «вспомогательный капитал» все долги, уплачивавшиеся за счет общественных сумм, а также долги за железо, припасы, провиант и др. В собственность оружейников безвозмездно поступали усадьбы, находившиеся на казенной земле; не имевшим собственных домов выдавалось безвозвратное пособие на отстройку. Те, которым арендатор отказывал в соответствующем их ремеслу занятии по вольному найму «за ненадобностью», в течение года продолжали получать провиант по себестоимости.

Даже при первом знакомстве с этим, теперь уже окончательным, положением, получившим силу закона, бросается в глаза его связь с проектом комиссии Крылова и почти полная тождественность с проектом Левдика. ² Действительно, ни одна из редакций положения принципиально не отличалась от другой, и все они имели одинаковую крепостническую основу.

В силу этого положение об освобождении тульских оружейников в принципе очень сходно с положением о горнозаводских людях. Однако при ближайшем рассмотрении в них обнаруживается весьма существенное различие, вызванное, как мы уже видели выше, и специфическими особенностями обеих отраслей промышленности и своеобразием местных условий.

В интересах скорейшей реорганизации военной промышленности на капиталистических началах помещики-крепостники, руководив-

¹ Второе ПСЗ, № 40791.

² В окончательной редакции положения льготы от рекрутчины сокращены сравнительно с проектом Левдика на 4 года; в этой редакции отменены организация оружейного цеха и ряд прежних оружейничьих привилегий.

пше реформой, должны были все же отказаться от многих крепостнических пережитков. Как мы видели, положение о тульских оружейниках не устанавливало для них ни переходного состояния, ни дослуживания за льготы, ни земельных наделов, которые обусловили крепостническую «самобытность» на Урале.¹ Иной характер носила в Туле и самая организация освобождения. Если уральские рабочие образовали «общества свободных сельских обывателей», почти на прежних условиях подчиненные надзору горнозаводского начальства, то тульские оружейники, вступив в число мещан, были предоставлены произволу арендатора все же в качестве «свободных» рабочих. В положении о горнозаводских людях правительство тщательно регламентировало условия их труда, в отношении же бывших оружейников, не желая стеснять интересы арендатора, оно отказалось от этой меры. Изобретательности «фабричных Ликургов» (Маркс) в лице арендатора и его присных был дан полный простор.²

Оружейники получили право сорганизоваться в общества по своему усмотрению, действуя через своих уполномоченных. Эти общества отнюдь не походили на горнозаводские товарищества на Урале. Здесь следует видеть прямую уступку относительно сильной группе богатых оружейников, заполучивших в свои руки имущество и капиталы. На 26 августа 1862 г. они исчислялись в сумме 252 633 руб.³ Однако после того, как за счет оружейников было проведено, согласно положению, погашение различных долгов, наличный капитал, переданный бывшим оружейникам, составил всего 40 324 руб.⁴ Оружейникам не дешево стоила их «свобода».

Кризис промышленности, конкуренция деревенских кустарей и избыток свободной рабочей силы открывали перед бывшим оружейником тяжелую перспективу кабальной работы на заводского арендатора или местного купца-фабриканта.

В подобной обстановке, понятно, потребовались особые старания властей, чтобы придать реформе значение «монаршей милости» в глазах оружейников. Пришлось пустить в ход испытанные средства угнетения и обмана.

У властей были все основания опасаться волнений. Инспектор оружейных заводов ген. Игнатъев, присланный из Петербурга объявить «освобождение», прежде всего озаботился принятием ряда полицейских мер. Он немедленно попросил губернатора передать заводскую полицию в ведение городского полицейместера и заблаговременно распорядиться о «соблюдении должного порядка и благочиния в заводских слободах».⁵

Самый акт «освобождения» было решено обставить таким образом, чтобы он наиболее импонировал массе оружейников и хоть отчасти подогрел их «верноподданнические чувства». По соглашению с тульским губернатором и архиереем, ген. Игнатъев избрал для объявления оружейникам «освобождения» воскресенье 17 мая 1864 г. В за-

¹ В. Ленин. Соч., III, стр. 377—378.

² Второе ПСЗ, № 36719, ст. 15—17 и 37—54.

³ Позднейших данных нет. Указ. дело Тульск. обл. архива, ф. № 13, д. № 213/243, л. 123.

⁴ Общественный ссудный капитал — 130183 руб. (из суммы 252 633 руб.) — обращался на погашение долгов, числивших за оружейниками за отпущенные казной металлы, провиант и по ссудам; 3454 руб. доходов с земель поступали городу; таким образом, обществу оружейников оставалось 118 996 руб., причем из этой суммы числилось за разными лицами 19 072 руб. и за самим управлением завода 59 600 руб. Следовательно, бывшие оружейники получили наличными всего 40 324 руб. (Тульск. обл. архив, ф. № 13, д. № 213/243, л. 123).

⁵ Тульский обл. архив, ф. № 13, д. № 213/243, л. 151.

водской церкви во время обедни было прочитано положение, после чего ген. Игнатъев вышел на заводскую площадь, где объявил «милость» всем собравшимся оружейникам; затем был отслужен молебен.

В предвосхищении огромных прибылей командир завода ген. Стандершельд устроил завтрак для высокопоставленных участников торжества и выставил бочки с вином и пивом для оружейников. «Сердечные чувства» «освобожденных» нашли свое выражение в инсценированной отправке от их имени благодарственных телеграмм.¹

Однако масса оружейников была настроена не слишком мирно. Уже во время угощения произошла давка; толпа разгромила столы и бочки. Власти начали опасаться, как бы за этим случайным проявлением буйства не последовали более серьезные волнения. Не дожидаясь разрешения министерства внутренних дел, губернатор по соглашению с ген. Игнатъевым немедленно организовал новую полицейскую часть в бывшей Чулковской слободе, населенной оружейниками.

Связанные с «освобождением» тревоги подходили к концу. В январе 1865 г. тульская казенная палата перечислила в мещанское сословие 20 431 оружейника мужского и женского пола. Бывшие оружейники частью стали вольнонаемными рабочими завода, арендуемого ген. Стандершельдом, частью «обратились к промыслам: самоварному, замочному, ножевому, гармонному».²

Предистория тульского пролетариата закончилась. Оружейники, избавившиеся от ранее существовавших форм личной зависимости, стали «свободными» наемными рабочими — одним из основных отрядов тульского пролетариата, конструирующегося в класс эпохи промышленного капитализма. В остальном над оружейниками продолжали тяготеть остатки дореформенных порядков: бесправие «низшего» сословия, низкая заработная плата — прямое следствие сомнительных «льгот», отчасти прикрепление к капиталисту на полуфеодалный манер и т. п.

Эти пережитки надолго обусловили крепостнические методы эксплуатации бывших оружейников. Арендатор завода ген. Стандершельд получал огромные прибыли, даже не прибегая к широкой механизации производства; он раздавал работу на дом, увеличивал рабочий день, снижал расценки, применял штрафы, широко используя свою власть командира.

Арендатор-командир завода и представитель власти помещиков-крепостников слились здесь воедино. Малейшая попытка оружейников выступить против арендатора тотчас рассматривалась как посягательство на самодержавно-крепостнический строй. Вряд ли найдется более разительный пример сочетания капиталистического и самодержавно-крепостнического гнета.

Однако не следует забывать о прогрессивности нового уклада жизни по сравнению со старым крепостническим. Вырванные реформой из былой сословной обособленности и поставленные в условия безудержной эксплуатации, оружейники становятся другими. В сознании наиболее передовых из них постепенно происходит перелом, и они становятся на путь революционной борьбы против эксплуататоров и помещиков-крепостников.

¹ Подробное описание объявления «освобождения», интересное бытовыми подробностями, см. «Тульск. губ. ведомости», № 21, 1864 г., «Мирской вестник», 1864 г. кн. 7, стр. 24—27.

² В. Л е н и н. Соч., III, стр. 329.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**ПСКОВСКАЯ
СУДНАЯ ГРАМОТА**

Новый перевод и комментарий
Л. В. ЧЕРЕШНИНА и А. И. ЯКОВЛЕВА

ЭТА ГРАМОТА ВЫПИСАНА ИЗ ГРАМОТЫ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА, И ИЗ ГРАМОТЫ КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА, И ИЗ ВСЕХ ПРИПИСОК ПСКОВСКИХ ИСКОННЫХ ОБЫЧАЕВ, ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ ОТЦОВ СВОИХ ПОПОВ ВСЕХ ПЯТИ СОБОРОВ, И ИЕРОМОНАХОВ, И ДЬЯКОНОВ, И СВЯЩЕННИКОВ, И ВСЕГО БОЖЬЕГО ДУХОВЕНСТВА, ВСЕМ ПСКОВОМ НА ВЕЧЕ, В 1397 (1467?) ГОДУ.

- Ст. 1.* Вот дела, подлежащие княжескому суду. Если обокрадут кладовую из-под замка, или сани, крытые войлоком, или воз, увязанный веревками, или лодью, заделанную лубом, или если украдут [хлеб?] из ямы, или скот [из запертого хлева?], или сено из непчатого стога, то все эти случаи кражи подлежат княжескому суду, а пени [за каждый указанный случай] взыскивается 9 денег. А за разбой, нападение, грабеж [пени в пользу города Пскова?] — 70 (9?) гривен, в пользу князя — 19 денег и в пользу князя и посадника — 4 деньги.
- Ст. 2.* А [псковскому] наместнику [новгородского] архиепископа ведать свой суд, и дел, подлежащих его суду, не разбирать [ни князю], ни городским судьям; равным образом, наместник владыки не должен вмешиваться в дела, подлежащие княжескому суду.
- Ст. 3.* Посадник при возведении на свою должность должен присягнуть в том, что судить ему справедливо, по присяге, не пользоваться городскими доходами, не мстить никому по вражде своим судом, не потакать на суде, дружа по родству, не наказывать правого, не миловать виноватого, а без разбора никого не осудить ни на суде [ни?] на вече.
- Ст. 4.* Князь и посадник не должны производить суда на вече; судить им у князя в палатах, справляясь с законом, согласно присяге. Если же они не будут судить по закону, то да будет им бог судьей на втором пришествии христове. А тайных поборов [с тяжущихся] не брать ни князю, ни посаднику.
- Ст. 5.* Если кому-либо из княжеских слуг будет назначено ехать в пригород в качестве наместника, то он должен [перед отъездом] присягнуть в том, что будет желать Пскову добра, а судит пусть справедливо, по присяге. Если же ему ехать на какое-нибудь...
- Ст. 6.* Посадник, оставивший свою должность, обязан сам закончить разбор [начатых им] судебных и других дел, а его

преемнику, не пересматривать вынесенных им судебных решений.

Ст. 7. Вора, совершившего кражу в Кромю, конокрада, изменника и поджигателя лишать жизни.

Ст. 8. Если будет совершена кража на посаде, то дважды помиловать (не лишать жизни) виновного, а, доказав преступление, наказать сообразно со степенью вины; уличив же в третий раз, предать его смертной казни, подобно вору, совершившему кражу в Кромю.

Ст. 9. В случае тяжбы о полевой земле или о воде, если на этой земле окажется двор или пашня, а ответчик обрабатывает эту землю и пользуется ею или водою в течение четырех-пяти лет, то он должен [в подтверждение действительности владения] сослаться на соседей, числом 4—5. Если же соседи, которых ответчик призвал в свидетели, скажут на ставке истинно, как перед богом, что он действительно обрабатывает спорную землю и пользуется ею или водою в течение четырех-пяти лет, а соперник его за эти годы не судился с ним и не заявлял своих претензий на землю или воду, то в таком случае его земля или вода освобождаются от всяких домогательств, и ответчик не обязан присягой подтверждать свое право. А истец, не возбудивший судебного дела и не заявивший своих притязаний за указанные годы, таким образом теряет свой иск.

Ст. 10. В случае тяжбы о земле, неудобной для обработки (земле под лесом), если обе тяжущиеся стороны представят грамоты, по которым границы смежных владений не сойдутся, так что одна земля окажется в межах обоих владельцев, и тяжущиеся возьмут межевщиков, которые проведут им межи владений по грамотам того и другого, а они, явившись в суд, заявят, что этим межеванием довольны, тогда дело решается судебным поединком.

Ст. 11. А кто из тяжущихся одолеет своего противника [на судебном поединке, тому присудить спорную землю согласно его грамоте].

Ст. 12. Кто же из тяжущихся [потерпит на поединке поражение со своими грамо]тами, тому в иске отказать и грамоты его признать недействительными, а выигравшему дело выдать на спорную землю письменное определение суда (правую грамоту); а судебных пошлин в пользу князя и посадника и со всеми сотскими взыскать 10 денег.

Ст. 13. Если кто-либо будет требовать возврата отчужденной земли по праву выкупа, а у ответчика окажутся грамоты, свидетельствующие о давнем владении, то дело решается по желанию предъявителя таких грамот: он может вызвать истца на судебный поединок или потребовать от него присяги, что еще не истек срок выкупа, установленный при отчуждении.

Ст. 14. Если кто-либо предъявит ко взысканию на умершего доску,

и станет по ней требовать с душеприказчиков отданного на хранение имущества: денег, или платья, или украшений, или какой-нибудь иной движимости, и при этом окажется, что умерший распорядился на случай смерти своим имуществом, у него написано духовное завещание и положено в городской архив, — то такой иск на душеприказчиках [на основании простой доски], ни относительно хранения, ни относительно займа, ни относительно чего-либо другого, о чем не сказано в завещании, не допускается без заклада или [формальной] записи. При наличии же [формальной] записи или заклада, [обеспечивающего доску], можно предъявлять иски. Точно так же, если кто-либо получил (от умершего при его жизни) имущество [на сумму, передача которой по закону должна быть обеспечиваема закладом или записью], а у душеприказчиков не окажется ни заклада, ни записи [умершего] на этого человека, они не имеют права ничего с него требовать: ни займа, ни торговой ссуды, ни хранения.

Ст. 15.

Если после умершего останутся отец, или мать, или сын, или брат, или сестра, или кто-нибудь другой из близкой родни, то они могут и без заклада или [формальной] записи искать друг на друге, но не на чужих людях, как имущества, отданного умершим кому-нибудь из них, так и имущества, у него взятого кем-нибудь из них.

Ст. 16—17.

О хранении. Если кто-нибудь, [уезжая в чужую землю, или] во время пожара, или когда по грехам на него поднимется народ, отдаст на хранение свое имущество, а потом потребует его назад, а взявший начнет отрицать [факт поклажи], в таком случае истец должен заявить свой иск не позже одной недели по приезде из чужой земли, по пожаре или разграблении народом его дома; если ответчик [попрежнему] будет отказываться [от получения имущества на хранение], то дело решается по его желанию: хочет — сам примет присягу, или выйдет на судебный поединок с истцом, или же положит у креста [цену иска, предоставив присягнуть] истцу.

Ст. 18.

Точно так же, если переходящий рабочий, нанимающийся в сельской волости пахать землю или пасти скот, возбудит иск о хранении или о хлебе, то суд, расследовав дело, должен решить его по желанию ответчика: хочет, — сам примет присягу, или выйдет на судебный поединок с истцом, или же положит у креста [цену иска, предоставив присягнуть истцу].

Ст. 19.

Кто станет требовать отданного на хранение имущества по доскам, без точного обозначения, по старому обыкновению, искомым вещей, тот теряет иск.

Ст. 20.

Если кто-либо возбудит [без прямых улик] дело о побоях или грабеже, прося суд вызвать повесткой ответчика, то князь, посадники и сотские должны выяснить, есть ли у истца послух, [который удостоверит], где он [в тот день]

обедал или ночевал. И если послухом окажется его соночленик или соучастник обеда, суд должен допросить и самого потерпевшего, где его били и грабили, и пусть он укажет на тех, кому об этом [тогда же] заявил. Если же тот, на кого будет сделана ссылка, будучи вызван на суд, скажет истинно, как перед богом, что потерпевший действительно заявлял ему о своих побоях и о грабеже, и послух на ставке покажет в одно слово с показаниями истца, то дело решается по желанию ответчика: или пусть он выходит на судебный поединок с послухом, или пусть положит у креста цену иска, [предоставив послуху присягнуть].

Ст. 21. Если ответчиком, которому придется состязаться на поединке с послухом, окажется человек престарелый, или малолетний, или с каким-нибудь увечьем, или поп, или монах, то он имеет право выставить за себя наемного бойца, послух же [ни в каком случае] не может заменять себя наемным бойцом.

Ст. 22. Если послух, на которого сошлется истец, не явится на суд, или явившись, даст показания, не совпадающие полностью с показаниями истца — не скажет всего или, наоборот, скажет что-нибудь лишнее по сравнению с ним, — то такой послух не признается послухом, а истец теряет иск.

Ст. 23. Если истец сошлется на послуха, а ответчик [в свою очередь] также выставит послуха, говоря: «истец меня сам бил с тем человеком, которого теперь призывает в послухи», то суд должен допустить и того послуха, который назван со стороны ответчика во время разбирательства дела.

Ст. 24. Если же ответчик по обвинению в разбое сам не выставит послуха, то для того, чтобы не руководствоваться одной только ссылкой истца, судьи должны отправить с суда своих приставов [для расследования дела на место происшествия], а ответчика, не указавшего послуха, не признавать виновным в силу отсутствия только ссылки с его стороны. Пусть псковские судьи не удивляются [такому казусу].

Ст. 25. Если ответчик, вызываемый через пристава на суд, не пойдет на церковную площадь для слушания повестки, или же [явившись] спрячется [во время чтения, чтобы не слушать вызова], то повестку прочесть на церковной площади в присутствии священника. Если же ответчик, не считаясь с назначенным ему для явки сроком, все же не явится своевременно на суд, то судьям на пятый день выдать [новую] грамоту истцу и приставу о доставке ослушника силой.

Ст. 26. Истец, получивший [такую] грамоту [о приводе] своего ответчика, задержав его в силу полученного предписания, должен представить на суд, но при этом не мучить, не бить его. А ответчик, подлежащий, согласно грамоте, приводу, не должен, при задержании, отбиваться от истца; если же он

начнет сопротивляться с оружием в руках и совершит смертоубийство, то подвергнется ответственности как убийца.

Ст. 27.

Если произойдет драка в Пскове или пригороде, — на рынке или на улице, — или в сельской волости на пиру, но [при этом] ограбления не случится, и если эту драку видело много людей на рынке, или на улице, или на пиру, и из этих очевидцев человека четыре или пять, став перед нами, [судьями], скажут: «этого бил такой-то», тогда причинившего побои выдать на их совесть побитому и взыскать с него пеню в пользу князя. Если же потерпевший будет возводить обвинение [на оскорбителя] еще и в ограблении, то он должен вести иск при содействии послуха, который должен быть один, потому что в таком случае дело может решиться судебным поединком.

Ст. 28.

Если кто-нибудь представит ко взысканию заемную доску, обеспеченную закладом, [который должник признает своей вещью, отказываясь от самого займа], то дело решается по желанию истца: хочет, — сам примет присягу и получит свой долг, или положит у креста заклад, предоставив присягнуть и взять его ответчику. Решение же дела судебным поединком в долговом иске при наличии заклада не допускается. А досок, обеспеченных закладом, не признавать недействительными [в качестве доказательства на суде].

Ст. 29.

Если кто-нибудь займет деньги под залог крепостных актов или какой-нибудь вещи, [но не даст закладной доски], а потом, не дожидаясь взыскания со стороны кредитора или же на суде [по иску последнего], сам потребует от него возврата заклада, [как отданного на хранение], то кредитору, представившему [на суде] заклад, не отказывать в иске долга на том основании, что у него нет закладной доски, но верить на слово [той долговой сумме, которую] он назовет, и решать дело по его желанию: хочет — сам примет присягу и получит деньги, или положит у креста заклад, предоставив присягнуть и взять его должнику.

Ст. 30.

Разрешается давать в долг деньги без заклада или без [формальной] записи в сумме до рубля включительно. Денежные же займы на большую сумму без заклада или без [формальной] записи не допускаются. Если же кто-нибудь предъявит иск в денежной ссуде свыше рубля по [простой] доске, не обеспеченной закладом, то такой доски не принимать ко взысканию, а ответчик, [не признающий долга], выигрывает дело.

Ст. 31.

Если кто-нибудь предъявит ко взысканию доску, обеспеченную вещественным закладом — платьем, или вооружением, или конем, или чем-либо иным из движимого имущества, причем стоимость заклада будет меньше искомой долговой суммы, и ответчик от него откажется, говоря: «я у тебя этого не закладывал и ничего не брал у тебя в долг», — то в таком

случае заклад пусть переходит в собственность истца, а ответчик освобождается от взыскания.

Ст. 32.

Если кто-нибудь поручится за должника в возврате взятых займы денег, а заимодавец возбудит иск о долговой сумме к поручителю, должник же, за которого ручался последний, предъявит в ответ на претензию заимодавца платежную расписку, говоря: «я, брат, уплатил тебе долг, обеспеченный этой порукой, а вот у меня и расписка в том, что истцу не требовать [больше] занятых денег ни с [самого] ответчика, ни с его поручителя», — то такой расписки не принимать на суде во внимание, если в [городском] архиве не окажется ее копии, а истцу предоставить взыскивать свои деньги с поручителя, ручавшегося по его должнике.

Ст. 33.

Порукой обеспечивается долг только на сумму до рубля включительно, в займах же, превышающих указанную сумму, порука не может служить обеспечением.

Ст. 34—35.

Если кого-нибудь из псковичей обокрадут в Пскове, или в пригороде, или в сельской волости, то он должен заявить [об этом] старостам, или ближайшим соседям, или другим сторонним людям; если же [кража случится] в [братском] пиру, то [заявить] пировому старосте или гостям, а хозяина дома, где происходит пир, это дело не касается. Псковитину [не вызывать ответчика из] волости к вольной присяге в Пскове, пусть он приводит подозреваемого к присяге в церковь, находящуюся там, где случилась покража. Точно так же и жителю пригорода или сельской волости не вызывать [заподозренного в воровстве] псковитина к присяге в пригород [или в село], а приводить к присяге на месте совершения покражи.

Ст. 36.

Если в долговом иске, предъявленном на основании доски, истцом окажется женщина, или малолетний, или человек престарелый, или больной, или с каким-либо увечьем, или монах, или монахиня, то [такие истцы] имеют право выставить за себя [на судебный поединок] наемных бойцов; тяжущиеся должны, [однако, лично] давать присягу, а наемники [могут только] сражаться на поединке. Ответчику [в свою очередь] предоставляется право, если он не желает выходить на бой с подставным бойцом истца, также выставить против него своего наемника.

Ст. 37.

Если суд приговорит тяжущихся к поединку, выйдя на который истец одолеет своего соперника, то в таком случае он получает предъявленный к последнему иск, но в случае убийства ответчика взыскание не производится, победитель имеет право только снять [с убитого] доспех или другое [одеяние], в котором тот вышел на поединок. Если поединок состоится, то побежденный должен уплатить пеню князю и пошлину обоим приставам, по 6 денег каждому, если же тяжущиеся кончат дело мировой [до поединка], то в пользу при-

ставов взыскивается [с ответчика] по 3 деньги, а пеня князю с него не взимается совсем, раз истец [по мировой] откажется от своего иска.

Ст. 38. Если кто-нибудь предъявит иск по доскам о деньгах, отданных для торговых оборотов, а ответчик в ответ на претензию истца представит платежную расписку, в которой говорится об уплате именно торговой ссуды, но в архиве при Троицком соборе не окажется копии этой расписки, то такая расписка признается судом не имеющей силы, [а дело решается обычным порядком, установленным для исков о торговых ссудах].

Ст. 39. Если мастер плотник или [простой] наемный работник отживет срок, на который был нанят, или окончит условленную работу, то он может требовать своей наемной платы с хозяина, [который отказывается ему платить], и без представления письменного условия, путем устной публичной огласки своей претензии.

Ст. 40. Если дворовый наемный работник отойдет от хозяина, не дожив до срока, то он получает наемную плату по расчету затраченного времени; а предъявить иск о следуемых ему затраченных деньгах [в случае неуплаты хозяином] он имеет право в течение года со дня ухода; хотя бы работник прожил у хозяина 5 или 10 лет, раз он не получил наемной платы за работу, то он может требовать ее за все это время. По истечении же года с момента ухода наемные работники теряют право иска на хозяевах.

Ст. 41. Если нанявшийся на работу плотник отойдет от хозяина, не окончив работы и станет требовать с него наемной платы, говоря ему: «я у тебя отработал всю положенную работу», — а хозяин [в ответ] скажет: «ты не отработал всей следуемой с тебя работы», — то при отсутствии у них письменного условия дело решается по желанию хозяина: пусть или положит у креста искомую сумму, предоставив присягнуть истцу, или пусть сам примет присягу.

Ст. 42. Если землевладелец захочет отказать [зависимым] земледельцу, огороднику или рыболову, [пользующимся участками в его имении], то отказ должен производиться в день Филиппьева заговенья (14 ноября); точно так же, если захотят отказаться от своих участков зависимый земледелец, или огородник, или рыболов, то для отказа устанавливается тот же срок. Никакой другой срок отказа не допускается, независимо от того, по чьему желанию он совершается — земледельца ли или же зависимых от него земледельца, огородника или рыболова.

Ст. 42а. Если же земледелец, или огородник, или рыболов начнут отрицать факт [формального] отказа со стороны земледельца, то в таком случае привести их к присяге, [по принесении которой] землевладелец теряет иск о следуемой ему [при отказе]

- части продуктов с пахотного, огородного или рыболовного участков.
- Ст. 43.** Если рыболов-издольщик пропустит весенний улов, то он должен заплатить хозяину рыболовного угодья столько же, сколько ему доставалось с других участков того же угодья.
- Ст. 44.** Землевладелец имеет право требовать с зависимых от него земледельца, огородника или рыболова и без письменного документа, путем устной публичной огласки своей претензии, подмоги — денег и всякого хлеба, указывая какого именно: пшеницы яровой или озимой, независимо от того, с чьей стороны состоялся отказ — землевладельца ли или же земледельца, огородника или рыболова.
- Ст. 45.** Кто станет требовать денег, отданных для торговых оборотов, или долга по поручительству, или имущества, отданного на хранение, или займа, или наследства, без обозначения иска, тот теряет иск.
- Ст. 46.** Если кто-нибудь опознает свое пропавшее имущество у другого, а этот последний скажет: «я купил [эту вещь] на рынке, но продавца не знаю», то ответчика привести к присяге в том, что он действительно совершил покупку на рынке, а не был соучастником в воровстве; если ответчик и не представит [на суд того человека, у которого приобрел покупкой спорную вещь], но сам он ранее не был замечен в воровстве и в обществе не будет на него подозрения, то истец теряет иск.
- Ст. 47.** Если кто-нибудь купит [вещь] в чужой земле, или в городе, или же найдет ее где-либо, а другой признает ее своею, то дело решается так же, как [и в случае покупки] на рынке.
- Ст. 48.** Если кто-нибудь станет требовать с должностного лица возврата неправильно взятого вознаграждения [и при этом обнаружится, что должностное лицо] насильно отняло у истца одежду или увело коня, говоря: «я отнял одежду или увел коня в счет обещанного», то виновный в отнятии одежды или своде коня привлекается к ответу, как за грабеж.
- Ст. 49.** Княжеским слугам или приставам отправляться в служебные поездки вдвоем, а прогоны взыскивать из расчета по одной деньге на каждую версту, причем независимо от того, участвуют ли в поездке двое или же трое приставов, прогоны взыскиваются в одинаковом размере. Если же княжеский слуга или пристав откажутся выехать за эти прогоны, то псковитин имеет право отправить кого угодно за те же прогоны.
- Ст. 50.** За написание повестки о явке ответчика в суд, или обвинительного приговора вследствие неявки ответчика, или же грамоты приставу, княжеский писец должен взыскивать с истца пошлину по таксе. Если же писец потребует не по таксе, то истец имеет право написать [названные документы] где-

нибудь в другом месте, и князь [в таком случае] обязан приложить к ним свою печать; а если князь откажется приложить печать, то последняя может быть приложена в архиве Троицкого собора, и это не будет изменой князю.

Ст. 51.

Если земледелец станет отрицать факт получения подмоги от землевладельца, говоря: «я жил в твоём имении, но ничего тебе не должен, [подмоги у тебя не брал]», то землевладелец должен представить [в качестве свидетелей] четырех или пяти сторонних людей, которые скажут истинно, как перед богом, что [ответчик] действительно занимал участок в имении, [на началах зависимости, получив подмогу], и в таком случае землевладелец, принеся присягу, взыскивает подмогу, или же пусть, если хочет, предоставит присягнуть ответчику. Но если земледелец не сможет представить свидетелей того, что земледелец занимал участок в имении [на началах зависимости, получив подмогу], то он теряет свой иск о подмоге.

Ст. 52.

Если истец откажется от своего иска, предъявленного к вору или разбойнику, то в таком случае и князь лишается следуемой в его пользу с ответчика пени.

Ст. 53.

Если сын откажется прокормить отца или мать до их смерти и уйдет из родительского дома, то в таком случае он лишается доли, причитающейся ему, из неразделенного имущества.

Ст. 54.

Если человек, [у которого собственник опознал свое пропавшее имущество], представит на суд или к присяге того, у кого он приобрел [это имущество] покупкой, то последний отвечает по суду перед истцом, а первый ответчик, который отвел от себя иск, является его поручителем.

Ст. 55.

Если к кому-нибудь будет предъявлен иск об имуществе, доставшемся ему по наследству от отца или по завещанию, и если соседям или сторонним людям будет известно [происхождение имущества] и человека четыре или пять [из них] скажут на ставке истинно, как перед богом, что [спорная вещь] действительно получена ответчиком по наследству от отца или по завещанию, то ответчик освобождается от присяги, а истец теряет иск [на основании одних свидетельских показаний]. Но если не найдется четырех или пяти человек, которые подтвердили бы истинно, как перед богом [права ответчика на имущество], то он должен принести присягу, в том, что это действительно отцовское наследство.

Ст. 56.

Точно так же, если кто-нибудь купил [вещь] на рынке у незнакомого продавца и покупка будет известна добрым людям, и если [потом, когда на эту вещь] будет заявлено притязание другим лицом, человека четыре или пять скажут истинно, как перед богом: «он совершил покупку в нашем присутствии на рынке», то ответчик считается оправданным и освобождается от присяги. Если же у него не найдется свидетелей, то в

таком случае привести его к присяге, [по принесении которой] истец теряет иск.

Ст. 57.

Если кто-нибудь потребует у князя или у посадника пристава для выемки поличного у вора, то князь и посадник должны отправить в качестве приставов людей добрых, благонадежных. Если же посланные приставы [по возвращении] скажут следующее: «приехали мы на двор [человека, заподозренного в воровстве] для обыска, и он не дал нам произвести обыска, и не пустил нас в дом, и прогнал со двора», а ответчик [со своей стороны] скажет: «те приставы, господа судьи, у меня не были», или же скажет: «были у меня, господа судьи, те приставы, и я открыл им двери дома, а они, не произведя у меня обыска, по собственной воле убежали со двора, а теперь клеветают на меня, будто бы я их выгнал», то князю и посаднику распросить приставов: «есть ли у вас свидетели, в присутствии которых ответчик прогнал вас со двора?» Тогда приставы должны представить в качестве свидетелей происшествия человек двух или трех, и если они, явившись на суд, скажут истинно, как перед богом: «тот человек при нас прогнал тех приставов со двора и не дал им произвести обыска», — то приставов привести к присяге, а ответчика, [подозреваемого в воровстве и помешавшего выемке поличного], привлечь к ответственности как вора. Если же виновными [в оклеветании] окажутся приставы, то такие приставы не признаются приставами, а истец, отправивший их, теряет иск.

Ст. 58.

Не допускается явка на суд с пособниками; в судебную горницу могут входить [только] двое тяжущихся, а помощников не должно быть ни со стороны истца, ни со стороны ответчика. Исключение составляют: женщина, или малолетний, или монах, или монахиня, или человек очень престарелый, или глухой, за которых разрешается выступать на суде пособнику. Если же явится пособник за кого-нибудь, кроме лиц, перечисленных выше, и попытается насильно проникнуть в судебную горницу или ударит привратника, то его заклепать в колодку и взыскать с него рубль пени в пользу князя и 10 денег в пользу привратников.

Ст. 59.

А привратникам быть — одному человеку со стороны князя и одному — со стороны города Пскова; они должны принести присягу в том, что не будут наказывать правого и миловать виновного. А с каждого судебного дела взыскивать им с признанного виновным по две деньги на двоих.

Ст. 60.

Показаниям вора не доверять; если он оговорит кого-нибудь [в соучастии], то произвести обыск в доме оговоренного и в случае выемки поличного привлечь его также к ответственности за воровство, если же [при обыске краденые вещи] не будут обнаружены, то он не подлежит задержанию.

- Ст.* 61. Князь и посадник не должны отвергать на суде документов, подлинность которых не возбуждает сомнений и которые составлены по установленной законом форме; что же касается подложных документов, грамот и досок, то, подвергнув их проверке, признать по суду недействительными.
- Ст.* 62. В любых тяжбах, на основании [простых ли] досок или же обеспеченных закладом, истец имеет право, по договоренности с ответчиком, на суде или даже у присяги, уменьшить свой иск, и с него не взыскивается штраф [судебные издержки], хотя бы он и совершенно освободил ответчика от взыскания, не приводя его к присяге.
- Ст.* 63. Если какой-нибудь зависимый земледелец откажется у землевладельца от занимаемого в его имении участка, или же если отказ произойдет со стороны землевладельца, то [в обоих случаях] в момент отказа [между ними] должен быть произведен [полный] расчет: землевладелец получает следующую ему часть продуктов [с участка], земледелец — часть, причитающуюся ему.
- Ст.* 64. Приставам, из числа княжеских ли слуг, или же псковичей, за поездку для вызова на суд ответчика, или для снятия с него оков, или же для наложения оков, взыскивать [с истца] прогоны из расчета по одной деньге на каждые десять верст.
- Ст.* 65. За поездку для производства обыска по делу о воровстве пристав имеет право на двойные прогоны, взыскиваемые с того, кто будет признан вором. Если же [пристав] не обнаружит личного, то оплата пристава и привратников производится истцом, взявшим [для своего дела] пристава.
- Ст.* 66. Если какой-нибудь пристав или дворянин возьмут [у ответчика] в уплату за свою поездку коня или же какое-нибудь другое имущество, то [ответчик] должен его дать под поручительство стороннего человека или же отвести от себя [подозрение в воровстве], и в таком случае прогоны взыскиваются с истца, не выигравшего иска.
- Ст.* 67. Если истец, приехавши с приставом, возьмет [у ответчика] что-нибудь из имущества в возмещение своего долга самовольно, а не по приговору суда, то за это он привлекается к ответственности, как за грабеж. За грабеж же присуждается рубль пени, точно так же и плата пристава ложится в этом случае на истца, виновного [в самоуправстве].
- Ст.* 68. Никакой посадник [ни псковский, ни пригородный] не имеет права выступать на суде в качестве поверенного в тяжбах другого. Он может вести только собственные судебные дела и дела по имуществу той церкви, где состоит церковным старостой.
- Ст.* 69. Точно так же не имеет права вести ничьих судебных дел, кроме своих собственных, никто из должностных лиц.

- Ст. 70. Прихожане не должны являться [скопом] в суд для защиты церковной земли [от сторонних притязаний]. Пусть в тяжбах о церковной земле выступают на суде [церковные] старосты.
- Ст. 71. Одному поверенному, не вести в один и тот же день двух судебных дел.
- Ст. 72. Если кто-нибудь получит по завещанию [недвижимое] имущество в пользование, и если у него же в руках будут крепостные акты на это имущество, и [пользователь] продаст эту землю, или рыбную ловлю, или какую-либо другую недвижимость, то когда уличат его [в такой незаконной продаже], он обязан выкупить проданное имущество, а [кроме того] лишается [в дальнейшем] пользования им.
- Ст. 73. Если кому-нибудь предстоит взыскание долга по записи, причем записью будут обусловлены определенные проценты, то при наступлении срока уплаты он должен заявить суду о процентах, и тогда имеет право на начисление их и по истечении срока. Если же [истец] не сделает в срок такого заявления суду, то он лишается процентов (за время, протекшее от срока платежа до момента действительной уплаты).
- Ст. 74. Если кто-нибудь потребует со своего должника уплаты долга до истечения срока займа, то он лишается права взыскания процентов. Если же должник возвратит кредитору долг до истечения срока, то проценты взимаются по расчету времени.
- Ст. 75. Если какой-нибудь зависимый земледелец предъявит в чем-либо иск к землевладельцу на основании [простой] доски, то такая доска не признается действительным юридическим доказательством на суде.
- Ст. 75а. Земледелец-старожил обязан подводной повинностью на землевладельца.
- Ст. 76. Если зависимый земледелец убежит из имения за границу [Псковского государства] или куда-нибудь в другое место [внутри Псковского государства], а его движимое имущество останется в имении, землевладельцу же предстоит взыскание с земледельца подмоги, то он должен взять у князя и у посадника пристава и пригласить волостных старост и сторонних людей и в присутствии [этих] приставов и сторонних людей продать движимое имущество земледельца и вырученное взять в уплату подмоги. Если же вырученной от продажи суммы окажется не достаточно для покрытия подмоги, земледелец же по истечении некоторого времени возвратится, то землевладелец имеет право предъявить к нему иск для возмещения недостающей части подмоги. Земледелец не подвергается штрафу [за то, что забрал имущество земледельца]. А земледелец [по возвращении] не имеет права предъявлять иск к землевладельцу об имуществе (оставшемся в имении).
- Ст. 77. Псковские судьи и пригородные посадники и старосты должны присягать в том же, что судить им справедливо, по

присяге. Если же они не будут судить справедливо, то да будет им бог судьей в страшный день второго пришествия христового.

Ст. 78. Если кому-нибудь из княжеских слуг будет назначено отправиться на размежевание границ спорного имения, то он также должен принести присягу.

Ст. 79. Если между кем-нибудь возникнет тяжба о владении землею или водою и обе стороны предъявят грамоты, то грамоты одной стороны должен читать дьяк княжеский, а другой — дьяк городской. Грамоты же, присланные из пригородов, должен читать дьяк городской.

Ст. 80. Если между кем-нибудь произойдет драка в Пскове, или в пригороде, или в сельской волости, — на пиру, или в каком-нибудь другом месте, — [подравшиеся] же не вызовут через приставов друг друга на суд, а покончат дело мировой, то в таком случае пеня в пользу князя не взыскивается.

Ст. 81. Княжеские слуги и псковские городские приставы должны ездить для производства обыска или вызова в суд свидетелей на равных началах (т. е. вдвоем, и пополам делить прогоны).

Ст. 82. Княжеский писец за написание правой грамоты по земельному спору имеет право взыскать 5 денег, за [написание] поведки о явке в суд — одну деньгу, за приложение печати — одну деньгу, точно так же по одной деньге взыскивается за составление обвинительного приговора вследствие неявки ответчика в суд, и грамоты приставу. Если же княжеский писец потребует пошлину не по таксе, то в таком случае разрешается написать [грамоту] где-нибудь в другом месте, причем князь должен приложить свою печать; если же князь откажется приложить печать, то последняя может быть приложена в городском архиве при Троицком соборе, и это не считается изменой князю.

Ст. 83. Если кому-нибудь из псковских жителей нужно будет получить у князя и по[садника письменное разрешение на поездку за границу] по собственному делу, то за [написание] такого разрешения княжеский писец имеет право на взыскание одной деньги; кроме того, взымается пошлина за приложение печати в размере одной деньги.

Ст. 84. Если зависимый земледелец умрет в имении у землевладельца, причем у умершего не будет ни жены, ни детей, ни брата, ни [других] родственников, то землевладелец также может в присутствии приставов и сторонних людей продать движимое имущество земледельца и [вырученные деньги] взять в возмещение своей подмоги. Если же впоследствии объявятся брат или какие-нибудь другие родственники умершего земледельца, то они не имеют права требовать движимости последнего с землевладельца.

- Ст.* 85. Если [в имении] у какого-нибудь землевладельца умрет зависимый земледелец, на которого имеется ссудная запись, а после него останутся жена и дети, не упомянутые в [этой] записи, то жена и дети [умершего] не имеют права отказываться от уплаты подмоги землевладельцу, но должны уплатить ее согласно записи. Если же на земледельца не имеется записи, то дело [о взыскании подмоги] решается судом по псковским обычаям.
- Ст.* 86. Если [после смерти] зависимого земледельца останутся его брат или какие-нибудь другие [боковые] родственники и пожелают вступить в наследство его имуществом, то землевладелец имеет право взыскать с них подмогу. Брат [и другие боковые] родственники [умершего] земледельца не должны утаивать от землевладельца ни лукошка, ни кадки (т. е. наличного количества хлеба, принадлежавшего умершему). Но если [после умершего] останутся конь или корова, то они (родственники) могут в свою очередь требовать их по суду от хозяина.
- Ст.* 87. Если зависимый земледелец предъявит претензию к землевладельцу на какую-нибудь движимость, а землевладелец представит свидетелей, что земледелец присваивает принадлежащее ему имущество, и сторонним людям, близким соседям, будет известно, что это действительно его имущество, то земледелец теряет иск, а землевладелец признается правым.
- Ст.* 88. Если у кого-нибудь умрет жена, не оставив духовного завещания, а после нее останется ее родовое недвижимое имущество, то ее мужу владеть этим имуществом пожизненно, при условии, если он не женится во второй раз, в случае же вторичной женитьбы, лишается права на пользование им.
- Ст.* 89. Если у кого-нибудь умрет муж, не оставив духовного завещания, а после него останется недвижимое родовое или движимое имущество, то жене пользоваться им пожизненно, при условии, если она не выйдет замуж во второй раз; в случае же вторичного замужества, лишается права на пользование им.
- Ст.* 90. Если у кого-нибудь умрет жена, а [овдовевший] муж женится во второй раз, и мать, или сестра, или иные родственники первой жены предъявят к нему иск о ее платье, то муж должен по совести отдать ее платье, но его нельзя приводить к присяге в том, что он отдал все без остатка платье жены. Точно так же, если умрет муж, а его отец или братья предъявят иск ко вдове о мужнином платье, то она должна отдать по совести все, что [после него] у нее останется. Но ее нельзя приводить к присяге в том, что отдала все без остатка платье мужа.
- Ст.* 91. Если у кого-нибудь умрет сын, а после него останется вдова, которая предъявит иск к свекру или деверю о своем приданом — украшениях или платье, то свекор или деверь должны отдать невестке украшения или платье. Если же невестка

неправильно требует имущество, ей не принадлежащее, то свекор или деверь, по желанию, или пусть сами примут присягу, или положат у креста цену иска, [предоставив присягнуть невестке].

Ст. 92.

Если кто-нибудь из совладельцев имущества или соучастников товарищества [за исключением торговых товариществ между туземными и иноземными купцами] предъявит к другому иск относительно доли из общей прибыли и представит при этом доску, то дело решается по желанию ответчика: хочет, — пусть сам примет присягу, или положит у креста своему истцу [цену иска, предоставив ему присягнуть], или же пусть выходит с ним на судебный поединок.

Ст. 93.

Если скроется должник, на которого у кредитора имеется запись, и не явится в срок уплаты, точно так же, если будет скрываться зависимый земледелец, на которого у землевладельца имеется запись, то все убытки, происшедшие при его задержании: вознаграждение приставам, расходы на публикацию и наложение оков, — взыскиваются с виновного, кто скрывался.

Ст. 94.

Если старший брат владеет вместе с младшим общим неразделенным имуществом, а кто-нибудь потребует у них уплаты отцовского долга, причем записи на [умершего] отца не будет, то старший брат приводится к присяге [относительно существования такого долга, и если признает его], то пусть уплатит из общего имущества; остаток же подлежит разделу.

Ст. 95.

Если младший брат или племянник, владеющие общим неразделенным имуществом со старшим братом или братом [отца], воспользуются чем-нибудь из общей собственности и станут отрицать это, то они должны принести присягу, в том, что ничего не присвоили, а имущество подлежит разделу.

Ст. 96.

Если где-нибудь произойдет убийство и убийца будет уличен, то с убийцы взыскивается в пользу князя рубль пени.

Ст. 97.

Если даже сын убьет отца или же брат брата, все равно взыскивается пеня в пользу князя.

Ст. 98.

Если кто-нибудь приедет на [чужой] двор с приставом арестовать вора и произвести обыск для выемки поличного, а [беременная] женщина в это время выкинет младенца, а [затем] начнет обвинять пристава или истца в убийстве, то это не считается убийством.

Ст. 99.

Если ответчик не явится к судебной присяге, то он обязан уплатить истцу без присяги по полной цене иска.

Ст. 100.

Если кто-нибудь при жизни или перед смертью лично передаст что-либо своему родственнику, платью или какую-нибудь другую движимость или же недвижимое имущество, причем даст ему также и дарственные грамоты в присутствии попа или сторонних людей, то [после смерти дарителя] получивший имеет

право владеть этим дареньем даже при отсутствии завещания.

Ст. 101. О торговом займе и долге по жоручительству. Если кто-нибудь потребует денег, отданных для торговых оборотов, или долга по поручительству, или чего-нибудь иного, с обозначением иска, то дело решается по желанию ответчика: хочет, — пусть выходит на судебный поединок или же пусть положит у креста [цену иска, предоставив истцу присягнуть].

Ст. 102. Если хозяин мастер предъявит иск к своему ученику о плате за обучение, а ученик станет отрицать [свой долг], то дело решается по желанию хозяина: хочет, — пусть сам примет присягу в том, что ученик ему действительно должен, или пусть предоставит присягнуть ученику.

Ст. 103. Обязанный поселенец — съемщик дома или части усадьбы может предъявлять иск к хозяину, по домовому, или какому-нибудь другому обязательству.

Ст. 103а. Если у кредитора была тяжба с должником на основании записи или заклада, а потом ответчик, на которого была запись, или который сделал заем под залог чего-либо, возбудит встречный иск к истцу [по первому делу] о займе, или имуществе, отданном на хранение, или о чем-нибудь еще, по доскам или по торговому обязательству, то этот [встречный] иск подлежит судебному разбирательству, на основании псковских обычаев.

Ст. 104. Если несколько истцов представят [в суд] заложенные умершим [в обеспечение займа] грамоты [две, или три, или пять], удостоверяющие право собственности на один земельный участок, или на воду, или на один двор, или на одну кладовую, причем у одних истцов, помимо заклада, окажутся еще и записи, [оформляющие договор займа], у других же будет только заклад в виде грамот, а записей не найдется, то [последних] привести к присяге, а затем, если родственники умершего захотят выкупить грамоты на заложенную недвижимость, то полученную от выкупа сумму поделить между истцами пропорционально размерам денежного займа, сделанного у каждого из них умершим. Истцы же, представившие в суд вместе с закладом и формальные записи, от присяги освобождаются.

Ст. 105. В тяжбах между иноземцами о побоях и ограблении дело решается по желанию ответчика: хочет, — пусть примет присягу в том, что он не бил и не ограбил истца, или же пусть положит у креста [цену иска, предоставив присягнуть ответчику].

Ст. 106. В случае тяжбы о владении землею или лесным участком с ульями диких пчел, если истец представит [в суд] грамоты, свидетельствующие о давности владения, а также свою купчую, причем эти крепости будут затрагивать смежные земли и деревья с пчелиными ульями, принадлежащие несколь-

ким совладельцам, которые все вместе явятся на суд, защищая каждый свой земельный участок или свои деревья, и предъявят суду со своей стороны крепостные акты на указанную недвижимость, а затем [истец и ответчики] пригласят межевщиков, которые разграничат, согласно купчей грамоте [истца], его участок от смежных участков старинных совладельцев, то истец должен принести присягу в том, что спорная земля принадлежит ему. Истец присягает один раз, независимо от числа совладельцев, выступающих в качестве ответчиков, и если он присягнет перед всеми ответчиками, то ему выдается судебное определение (правая грамота) на тот участок, который он под присягой назвал своим.

Ст. 107. Если кто-нибудь возьмет в долг деньги под заклад какого-нибудь имущества, а через некоторое время станет возвращать деньги и просить обратно свой заклад, а кредитор, отказываясь от получения зклада, скажет: «я тебе не давал в долг денег, а у тебя не брал зклада», то дело решается, подобно делу об отдаче имущества на хранение, по желанию ответчика (кредитора), которому предоставляются три возможности: или пусть сам примет присягу в том, что у него нет зклада, или пусть положит у креста цену зклада, [предоставив присягнуть истцу], или же пусть выходит с истцом на судебный поединок.

Ст. 108. Если в этом сборнике псковского обычного права обнаружится отсутствие какой-либо статьи, то посадники должны доложить об этом на вече Псковского государства и затем внести эту [недостающую правовую] норму. Если же какая-либо статья закона покажется нежелательной [вечу] Псковского государства, то она может быть исключена из сборника.

Ст. 109. Попы, дьяконы, просвирня, монах и монахиня подлежат суду [псковского] наместника [новгородского] архиепископа. Если [возникнет дело] против попа, или дьякона, или монаха, или монахини, причем обе тяжущиеся стороны будут не миряне, а люди, подведомственные церкви, то такие дела не должны разбирать ни князь, ни посадник, ни [светские] судьи, так как они подсудны [псковскому] наместнику [новгородского] архиепископа. Тяжбы же, в которых не обе стороны подведомственны церкви, а один из тяжущихся является мирянином, — князь и посадник, а, равным образом, и [городские] судьи должны разбирать совместно с наместником архиепископа.

Ст. 110. Если к кому-нибудь будет предъявлен иск о владении конем, или коровой, или каким-либо другим домашним животным, хотя бы собакой, а ответчик скажет: «это животное — мое, доморощенное», то привести его к присяге в том, что [спорное животное] — действительно доморощенное.

- Ст.* 111. Если кто-нибудь в присутствии судебных властей ударит на суде своего противника, то он должен заплатить обиженному рубль [и если не в состоянии, то] выдается ему головой. Кроме того, с виновного взыскивается пеня в пользу князя.
- Ст.* 112. За [кражу] барана следует присудить 6 денег, а за [кражу] овцы — 10 денег в пользу хозяина и 3 деньги в пользу судьи, по старинному обычаю. За гусака и за гусыню присуждать по 2 деньги хозяину, 3 деньги — судье; за утку, за селезня, за петуха, за курицу — по 2 деньги [хозяину и столько же судье].
- Ст.* 113. Общество пирующих вскладчину имеет право суда.
- Ст.* 114. Если двое лиц в пьяном виде поменяются чем-нибудь или же совершат сделку купли-продажи, а потом, когда проспятся, одной из сторон [сделка] покажется неподходящей, то в таком случае пусть оба вернут друг другу то, чем разменялись. А к присяге их не приводить.
- Ст.* 115. Княжеские слуги не должны держать по дворам питейных заведений ни в Пскове, ни в пригороде, и не должны продавать мед — ни ведром, ни ковшом, ни бочкою.
- Ст.* 116. Если кто-нибудь будет обвинять другого в поджоге, а улики никакой не будет, то обвиняемый может очистить себя вольною присягою.
- Ст.* 117. Если кто-нибудь вырвет у другого бороду, а послух засвидетельствует это, то послух должен принести присягу и драться [с виновным] на судебном поединке. Если послух одолеет [своего противника], то [с последнего] присуждается за [вырванную] бороду [в пользу потерпевшего] 2 рубля и кроме того [пеня] за побои. Послух должен быть один.
- Ст.* 118. Если кто-нибудь купит полюбовно [стельную] корову, то продавец не должен требовать с него возвращения телят, родившихся после сделки. Если же корова начнет мочиться кровью, то вернуть ее обратно [продавцу], хотя бы деньги были уже заплачены.
- Ст.* 119. Если [две] женщины приговорены к судебному поединку, то ни одна из них не может выставить вместо себя наемного бойца.
- Ст.* 120. Если несколько человек, 5 или 10 или вообще любое количество, предъявят обвинение в побоях к любому числу ответчиков, к 5 или одному, и докажут выдвинутое обвинение, то штраф за побои присуждается им всем в размере одного рубля, и пеня в пользу князя взыскивается в одном размере [независимо от числа обвиненных ответчиков или истцов].

КОММЕНТАРИЙ

Заголовок грамоты. 6905 (SЦЕе)—1397 г. Однако эта дата противоречит указанию на пять уже существовавших соборов, из летописей же известно, что пятый собор построен в 1462 г., а шестой в 1471 г. Поэтому исследователи считают, что в годе произошла ошибка, именно в цифре SЦОЕе опущена числительная буква О, и следует читать 6975, т. е. 1467. Последняя дата является критической в истории Пскова. Как раз в 1467 г. был прислан из Москвы в Псков наместником кн. Ф. Ю. Шуйский. Под давлением московского великого князя псковичи разрешили своему князю держать наместников на всех двенадцати пригородах, тогда как до этого времени княжеские наместники были только на семи пригородах. Возможно, что в связи с приездом Шуйского псковичи для ограждения своих прав от княжеского произвола и составили грамоту, на основании старинных обычаев и договоров с прежними князьями. Согласно летописи, кн. Ф. Ю. Шуйский «крест целова на всей псковской пошлине».

Калачев принимает дату—1397 г., объясняя место о пяти соборах поправкой позднейшего переписчика. Наконец, некоторые ученые (Владимирский-Буданов, Дьяконов и др.) пытаются примирить указанные выше противоречия ПСГ, полагая, что она составлена не в один прием. Первоначальная редакция относится, быть может, к 1397 г. За это говорит то обстоятельство, что в 1395 г. была отменена действовавшая с 1382 г. в Пскове грамота суздальского епископа Дионисия (см. Акты Исторические, I, № 10), и надо было ее заменить новым законом. В 1397 же году Псков по договору с Новгородом достиг полной независимости, и это должно было отразиться и на его внутреннем законодательстве. Затем, во второй половине XV в. ПСГ заново дополнена на новом вече.

Упомянутого в ПСГ в. кн. Александра Калачев и Энгельман считали за кн. Александра Невского (ум. 1263 г.), так как в послании митрополита Киприана псковичам 1395 г. (Акты Исторические, I, № 10) упоминается о «грамоте князя великого Александрове», а Киприан не мог назвать великим князем другого княжившего в Пскове Александра, именно изгнанника Александра Михайловича Тверского. Однако, большинство исследователей считает, что в ПСГ упомянут как раз Александр Тверской, занимавший псковский княжеский стол с 1325 по 1338 г., с перерывом на полтора года. При этом ссылаются на то, что Иван III, потребовав на просмотр псковские пошленные грамоты, нашел их грамотами «не самых князей великих» (ПСРЛ, IV, стр. 250, 1474-1475 г.)

Наконец, высказано предположение (К. М-им), что в числе законодателей в Пскове было два Александра—на ряду с Александром Невским, также кн. Александр Федорович Ростовский (около 1427 г.).

Князь Константин — Константин Дмитриевич Белозерский, брат в. кн. московского Василия Дмитриевича, княживший в Пскове дважды: в 1407 и 1412 гг. Известно, что грамота кн. Константина показалась псковичам обременительной и противоречащей их «старине», и по их ходатайству митрополит Фотий в 1416 г. разрешил их от клятвы признавать эту грамоту законом (А. И., I, № 23). Несмотря на это, в грамоте могли оказаться и пригодные постановления, которые и вошли в редакцию 1467 г.

Как видно из заголовка, ПСГ является памятником сложным: в состав ее вошли две княжеские грамоты и разновременные записи псковских обычаев — «пошлины». Исследователей естественно занимала мысль выделить отдельные составные части памятника и установить их хронологию. Так, Энгельман считает, что первая часть ПСГ (ст. ст. 1—76) содержит в себе грамоту кн. Александра Невского и псковские пошлины, собранные после издания этой грамоты, а со ст. 77 начинается грамота кн. Константина Белозерского с приписками. Наконец, последние двенадцать статей (109—120) относятся ко времени после 1467 г. и представляют собой ряд пошлинных приписок к памятнику в целом.

Мрочек-Дроздовский дает следующую схему: ст. ст. 1—35 — грамота кн. Александра Михайловича Тверского; ст. ст. 36—63 — приписки к ней; ст. ст. 64—80 — грамота кн. Константина; ст. ст. 81—107 — приписки к ней; ст. 108 — заключение ПСГ, приобщенное к ней в 1467 г.; ст. ст. 109—120 — приписки к ПСГ, относящиеся, по видимому, также к 1467 г.

По Никитскому, ст. ст. 1—47 — грамота кн. Александра Михайловича, ст. ст. 48—76 — грамота кн. Константина, со ст. 77 по 108 идут приписки, относящиеся к 1467 г., т. е. к году составления ПСГ, со ст. 109 — позднейшие наслоения.

Новейшей работой, посвященной специально вопросу о составе и происхождении ПСГ, является небольшая книжка М. К. Рожковой. Автор приходит к следующим выводам. ПСГ складывалась в течение полутора веков; самая ранняя ее часть — последняя часть Грамоты — относится к началу XIV в. (ст. ст. 109—120); другая часть (ст. ст. 1—57) сложилась разновременно в течение XIV в., вернее, — его первой половины; третья (ст. ст. 58—76 и 84—106) относится к концу XIV — началу XV в.; четвертая (ст. 107 и, может быть, другие) — к первой четверти XV в.; наконец, последняя (ст. ст. 76—83 и 108) — к 1467 г.

Наконец, два очень авторитетных историка русского права — Дювернуа и М. А. Дьяконов, став лицом к лицу с рядом противоречивых и несогласных между собой концепций, пришли к весьма пессимистическому выводу о бесплодности всех подобных попыток анализа состава ПСГ, объявив их «чистыми гаданиями».

Этот скепсис представляется нам необоснованным. Отнюдь не стремясь доказывать возможность абсолютно достоверного и для всех обязательного ответа на поставленную выше проблему, мы все-таки не считаем правильным вовсе отказываться от ее постановки.

Мы хотели бы, прежде всего, подчеркнуть необходимость выйти из порочного круга свойственной большинству исследователей неверной методологической предпосылки, — о хронологическом порядке статей в ПСГ. Нам представляется напротив, что в дошедшем до нас тексте ПСГ первоначальный порядок статей очень сильно сбит. Вина в этом, может быть, как переписчик, перепутавший листы оригинала, так и кодификатор, не механически (как это принято думать) сливший источники, бывшие у него в руках, а систематизировавший

нормы, заключавшиеся в разных памятниках, вырывая их из контекста оригинала.

Опыт критики летописного текста, проделанной А. А. Шахматовым, должен прочно войти в обиход исследовательской работы над изучением юридических памятников. Выводы Шахматова оспариваются, но методологическая ценность проделанной им огромной критической работы признается всеми и должна быть учтена при анализе ПСГ.

Появление дублетов статей в ПСГ, так же как и повторения в литературных летописных памятниках, указывает на то, что кодификатор отступил от одного источника, сделал вставку из другого, а затем снова вернулся к первому и поэтому повторил то место, на котором первоначально остановился.

Еще одно замечание. Результаты работ Шахматова над древнерусскими летописями имели такое большое значение только потому, что он в своем изучении источника исходил не из одного изолированного памятника. Напротив, выводы, полученные путем внутренней критики отдельного текста, проверялись и дополнялись путем сравнительного анализа ряда параллельных текстов. Это кажется на первый взгляд несколько трудно применимым к ПСГ, при наличии одного только списка и при отсутствии каких-либо памятников, которые можно было бы считать ее источниками. Однако указанный выше методологический прием остается вполне в силе и в применении к ПСГ. В самом деле, все исследователи принимали указание ПСГ о том, что в ее основе лежат две княжеские грамоты, но никто не задавался вопросом о характере этих последних. Между тем, простое сопоставление ПСГ с договорами Новгорода с князьями обнаруживает ряд сходных норм.¹ Это свидетельствует о том, что ПСГ составлена на основании двух договорных грамот с князьями, аналогичных новгородским договорам, причем сличение с последними помогает установить, какие же именно статьи ПСГ восходят к указанным грамотам князей Александра и Константина. То же можно сказать в отношении Правды Русской,² Двинской уставной грамоты,³ земских судебных грамот⁴ и пр. Не являясь прямым источником ПСГ, каждый из названных памятников содержит одинаковые с ней статьи, облегчая тем самым выяснение характера ее непосредственных источников и их выделение из дошедшего до нас текста. К сожалению, подобная задача сравнительного анализа ряда юридических памятников поставлена только в статье П. И. Беляева, причем в отношении ПСГ очень бегло.

Предположительно в составе ПСГ можно наметить следующие самостоятельные части:

1. Ст. ст. 1, 7—13, 20—27, 34—37, 46—50. Все эти статьи образуют самостоятельное целое и легко выделяются из прочего текста. Все другие нормы, вставленные позднейшим систематизатором, нарушают логику и систему первоначального памятника. Освободившись от этих последующих наслоений, восстанавливаем типичный судебный устав, охватывающий сферу уголовно-гражданских правонарушений и дающий ряд процессуальных норм. Этот судебный устав обнаруживает близость к первоначальной редакции Правды Русской, уставным судебным грамотам и пр. С другой стороны, сходство некото-

¹ См. ст. ст. ПСГ 4, 5, 64, 81.

² См. ст. ст. ПСГ 1, 7, 12, 16, 27, 28, 30, 38, 42, 46, 53, 60, 89, 93, 96, 97, 105, 112, 116, 117.

³ См. ст. ст. ПСГ 8, 49, 80, 93.

⁴ См. ст. ст. ПСГ 17, 20, 24, 27.

рых пунктов с новгородскими договорами с князьями придает этому судебному уставу договорный характер. Очевидно, это и есть уставно-договорная грамота кн. Александра, легшая в основу окончательной редакции ПСГ.

2. Самостоятельный памятник образуют и ст. ст. 14—19, 28—33, 38—41, 45. Это, повидимому, — специальный устав, регулирующий область гражданских взаимоотношений, возникающих из торгового быта Пскова: договоры займа, поклажи, поручительства, вложение капитала в торговые обороты и пр. Возможность существования в отдельном виде подобного устава доказывается хотя бы аналогией с историей Киевского государства, где кн. Владимир Мономах издал специальный устав «о резе», вошедший в пространную редакцию Правды Русской.

3. Два выделенных нами памятника легли, очевидно, в основу кодекса 1397 г. Таким образом, первые 50 статей ПСГ, за некоторыми исключениями, и составили первую редакцию ПСГ, утвержденную на вече в 1397 г. Основанием для подобного предположения служит то обстоятельство, что дальнейшие статьи представляют собой дополнение не к одному какому-нибудь из двух нами выделенных уставов, а к их сводному тексту.

4. В тексте ст. ст. 52—71 выделяются, с одной стороны, добавления к кодексу 1397 г. (ст. 52 к ст. 37; ст. ст. 54—56 к ст. ст. 45—47; ст. 58 к ст. ст. 36—37), с другой стороны — самостоятельная вторая уставно-договорная княжеская грамота, вероятно, грамота кн. Константина, содержащая типичные нормы договоров вольных городов с княжеской властью (напр., ст. 64).

5. Второе дополнение к кодексу 1397 г. представляют собой ст. ст. 101—107 (ст. 101 — к ст. ст. 45, 19; ст. 102 к ст. 39; ст. 104 к ст. ст. 14 и 15; ст. 105 к ст. ст. 24 и 34; ст. 106 к ст. 10; ст. 107 к ст. 31). Эта часть ПСГ датируется временем от 1406 до 1420 г., когда в Пскове ходили в качестве денег пенязи.

6. Возможно предположить существование в Пскове самостоятельного устава об изорниках (ст. ст. 42—44, 51, 63, 75, 76, 84—87). Основанием для такого вывода служит прежде всего аналогия с Киевом, где был издан отдельный устав о закупничестве. С другой стороны, псковские летописи упоминают о специальной грамоте, регулировавшей повинности смердов в отношении Пскова. Нет ничего невероятного в предположении о существовании подобной же грамоты, посвященной вопросу о правах и обязанностях псковских изорников.

7. Кодекс 1397 г. получил также специальное развитие в двух направлениях: по вопросу о наследственном праве (ст. ст. 72, 88—91, 94, 95, 100) и о долговых обязательствах (ст. ст. 73, 74, 92). Оба эти вопроса составили специальные отделы псковского законодательства.

8. Ст. ст. 77—83, несомненно, попали не на свое место. Представляя собой явную вставку, они легко выделяются из своего окружения и должны быть связываемы со ст. ст. 3—5. Наличие ряда важных норм, тщательно регулирующих взаимоотношения Пскова с княжеской властью, заставляют относить эту часть ПСГ ко времени вторичной кодификации — 1467 г., критическому моменту псковской истории.

9. В ст. ст. 109—120 имеется ряд архаизмов, относящих эту часть ПСГ к началу XIV в., а, может быть, и к более раннему времени. Это — одна из первых переработок Правды Русской, подобных «Правосудию митрополичью», — памятнику XIV в., издан-

ному Юшковым. Кстати, аналогия с «Правосудием митрополичьим» дает основание предполагать церковное происхождение некоторой части ст. ст. 109—120. За это говорит также наличие в этой части ПСГ статьи о церковном суде и упоминания летописных источников о вмешательстве духовенства в дела светской юрисдикции, выразившемся даже в издании духовенством специальных грамот.

В Псковской Судной Грамоте можно видеть одну из форм кристаллизации общеновгородского или, вернее, северо-западного и северного права, только приспособленного к специально псковским условиям. Такими особенностями Пскова были: 1) его пограничное положение, требовавшее известной осторожности в трактовке законодателем социальных вопросов; 2) некоторая отсталость псковской деревни по сравнению с городом. Первое можно иллюстрировать отсутствием в ПСГ вопросов о холопах, для которых Псковская земля служила убежищем при их бегстве от господ из других районов, и мягким, сравнительно с другими районами Русской земли, отношением к задолжавшему крестьянину-арендатору. Второе выражается в стремлении оформить кредитное и наследственное право новаторским введением грамот, т. е. письменных доказательств, вместо старых грубых способов обращения к доскам (т. е. биркам) и к полю, т. е. физическому состязанию. Новаторские тенденции взяли в ПСГ верх, но до полной их победы еще далеко, и древний, поросший мхом, столетний обычай то и дело проглядывает из строк и между строк нашего памятника. Для исследователя — интересная задача распутать эти переплеты и конфликты юридических мотивов разного типа (Я).¹

В слове «священноинок», над слогом «иноков» поставлено несколько черточек, указывающих, что этот слог — лишний (см. аналогичное явление в ст. ст. 37, 38, 40, 72, 94); вместо него написано «иков», следовательно, надо читать «священников». При описании всех торжественных собраний в Пскове, в летописи упоминается эта официальная формула: «священноиноки, и священники, и диаконы и все священство», а иногда «и все соборы». Так, в 1450 г. «священноиноки, и священники, и дьяконы выидоша против его (владыки) с кресты» (ПСРЛ, IV, стр. 214). В 1478 г. «священноиноки, и священники, и дьяконы выидоша противу его (кн. В. Шуйского) со кресты у старого Вознесения» (ПСРЛ, IV, стр. 257). См. также псковские летописи под 1463, 1466, 1469 гг. (ПСРЛ, IV, стр. 224, 230, 232).

Заголовок ПСГ знакомит нас с законодательной деятельностью Псковского веча (ср. также ст. 108). В параллель можно привести другой случай утверждения на вече закона по духовным делам. В 1469 г. «священноиноки и священники, вся 5 соборов... весь Псков, благословив на вече, рекоша: ...ныне, сынове, попроеми себе хотим, по правилом св. отец и св. апостол, во всем священстве крепость поддержати, а о своем управлении, как нам священником по Намаканону жити...» ...«Ино о том та грамота от всего священства из Намаканона выписав, и в ларь положена» (ПСРЛ, IV, стр. 232).

Статья 1. «Суд князей». Право суда с доходами составляло в Пскове княжью пошлину. Так, в 1448 г. «посадиша его (князя) во св. Троици и даша ему всю пошлину княжью». (ПСРЛ, IV, стр. 213). Князь судит с посадником (сначала одним, затем двумя) и псковскими сотскими. Такова была Псковская коллегиальная судебная власть — госпбда. (Ср. ниже в ПСГ — «а то госпбде от Пскова без дива», «да не станет на суд перед госпбдою»).

¹ Буква (Я) указывает на то, что данный абзац принадлежит одному А. И. Яковлеву.

«Клеть» — кладовая. Ср. в 1314 г. «в Пльскове почали бяху грабити недобрии людие села и дворы в городе и клетки на городе» (ПСРЛ, III, стр. 71). Также в 1496 г. «загорелося на Кромю у Кутнего костра, и клетей много погорело, и ржи много, и платья» (ПСРЛ, IV, стр. 270).

«Титяга», — по Мурзакевичу, — кожаная запона на возу. Устрялов сопоставляет это слово с «тягой» (дверная скоба) и переводит: сарай. По Энгельману, титяга — покрывка; производство от «тянуть», «стягивать» указывало бы на веревку, с палкой, посредством которой извозчики скручивают поклажу.

В церковных памятниках XIII и XIV вв. встречается слово тяго (родительный падеж — тяжее), ремень (Ключевский).

«Лодью под полубы», — по Ключевскому, следует: под лубы (луб — лубяная настилка, по которой ходят и сидят люди).

«Или въ яме» — подразумевается: хлеб в яме. Ср. в Правде Русской: «оже крадутъ гоумно или жито в яме, то колко их боудеть крало, то всем по 3 гривны и по 30 коун» (Карамз. сп., ст. 40).

Княжеская продажа (см. также ст. ст. 52, 96, 97, 111 и др.) — термин Правды Русской, так же, как «закупен», «рота», «головник», «головщина». После ПСГ эти термины исчезают из употребления.

«А разбой, наход, грабеж 70 гривен» — Энгельман цифру 70 считает ошибкой и предлагает читать — 9. Последние же слова статьи он переводит: «князю 19 денег; посаднику 4 деньги». Напротив, Устрялов: «в княжескую казну поплины 19 денег и 4 деньги князю и посаднику».

По поводу денежных сумм, упомянутых в ст. 1 в качестве пени, В. О. Ключевский говорит следующее. Денежный счет в Пскове в XV в. уже значительно уклонился от счета Правды Русской. Старая гривна кун, упавшая в весе и потому измельчавшая, сменилась единицей более крупной и постоянной — рублем. В псковских летописях находятся указания на отношение единиц рубля к их целому. В 1467 г. хмель в Пскове продавали по полтине и 10 денег за зобницу (четверть псковской кади) (ПСРЛ, IV, стр. 231). Но другая псковская летопись говорит, что тогда продавали зобницу хмеля по 120 денег. Итак, рубль = 220 денег (120 денег = полтине + 10 денег; 110 денег = $\frac{1}{2}$ руб.). По одному случаю, под 1407 г., псковская летопись (ПСРЛ, IV, стр. 199) также говорит: «а кун на полтину по 15 гривен», т. е. 30 гривен кун на рубль. Значит, в каждой гривне кун было $220 : 30 = 7\frac{1}{3}$ денег. За покражи же, перечисленные в ст. 1, взимались 9 денег, т. е. $7\frac{1}{3}$ денег или гривна и $1\frac{2}{3}$ денег. Ключевский высчитывает, какую часть гривны кун составляют эти $1\frac{2}{3}$ денег. Гривна кун = $7\frac{1}{3}$ денег, т. е. $\frac{22}{3}$ денег. $\frac{22}{3} : \frac{5}{3} = 4\frac{2}{5}$, почти 5, т. е. $1\frac{2}{3}$ денег есть $\frac{1}{5}$ от $7\frac{1}{3}$ денег, от гривны кун. А в 38 ст. Троицкого списка Правды Русской говорится: «аже крадеть скот на поли, или овце, или козы, или свиньи — 60 кун». Это — гривна (50 кун) и 10 кун, т. е. $\frac{1}{5}$ часть ее. Ту же $1 + \frac{1}{5}$ гривен находим и в Псковской Судной Грамоте. Она знает ту же норму, но переводит ее на современный ей счет. Итак, 9 денег есть пеня, соответствующая 60 кунам Правды Русской. Но в ст. 1 ПСГ перечислены те виды кражи, которые по Правде Русской наказывались не 60-кунной пеней. Так, за покражу клетки взималось прежде не 60, а втрое больше. Псковская же Грамота подводит под одну норму все случаи кражи со взломом, которые Правда Русская строго различает. Ключевский рассчитывает далее пени и за разбой, наход и грабеж. 19 денег = $19 : \frac{22}{3} = \frac{57}{22} = 2$ гривны и $4\frac{1}{3}$ денег. Отсюда, складывая все, что взималось за разбой по 1-ой ст. ПСГ, получаем: 9 гривен + 2 гривны + $4\frac{1}{3}$ деньги + 4 деньги = 11 гр. + $8\frac{1}{3}$ д. или 12 гр.

1 д. Эти 12 гр. — пеня, также известная по Правде Русской, например, в ст. ст. 27 и 41 Академ. сп., в ст. ст. 60—62 Троиц. сп. Но в той же ст. 41 Академ. сп. говорится, что при продаже в 12 гр. князю оставалось лишь 10 гр., 20% с 10 гр., т. е. 2 гр. вычитались из 12 гр. в пользу судебных агентов князя. Подобный же вычет, только по несколько иному расчету, делает и ПСГ. Вся пеня 12 гр. = 88 д. ($7\frac{1}{3} \times 12$); 20% с 88 д. = 17,6 д., круглым числом 18 д.; 20% с этой суммы = 3,6 д., круглым числом 4 д.; 18 д. + 4 д. = 22 д., ровно 3 гривны ($22 : 7\frac{1}{3} = 3$). Вычитая эти 3 гривны из всей пени, получим 9 гр. — это шло в пользу города Пскова (вместо князя Правды Русской). Остальные 3 гривны или 22 д. делились таким образом: 18 денег (т. е. 20% со всей пени) — князю или, точнее, его наместнику; из 4 д. (т. е. 20% с 18 д.) — 3 д. посаднику и 1 д. тому же княжескому наместнику; с предыдущими 18 д. это и составит 19 д. княжой продажи. Этим и объясняется появление в тарифе продаж за разбой лишней 23-й деньги (12 гр. + 1 д.) вместо 22. Одна и та же денга зачитывается в двух тарифах, т. е. обозначена дважды.

В результате Ключевский предлагает следующий перевод: «За разбой, наезд и грабеж пени 12 гривен, из них 9 гривен городу Пскову, 18 денег в пользу князя, 1 денга из 4 денег посадничьих ему же».

Ст. 1 ПСГ имеет много общего с Правдой Русской. В обоих памятниках рассматриваются тождественные казусы, причем в ценах штрафов замечается параллелизм. ПСГ говорит о: 1) краже клетки под замком; 2) саней под полостью, 3) воза под титягою, 4) лодьи под палубой, 5) хлеба в яме, 6) скота, 7) сена сверху стога. Правда Русская — о краже: 1) скота в хлеве или в клетки на поле (Карамз. сп. 38, 39), 2) жита в яме (Карамз. сп. 40), 3) лодьи (Карамз. сп. 91, Академ. сп. 34), 4) сена, дров, воза (Карамз. сп. 96, Академ. сп. 39). При этом вор за сено и дрова в Правде Русской платит 9 кун., в ПСГ — за сено и другие предметы — 9 денег.

Некоторые исследователи относят эту статью к XIV в. на том основании, что в ней упомянут один посадник, а в 20-х годах XV в. в Пскове введено двойное посадничество: под 1426 г. в летописи определенно названы два степенных посадника.

Статья 2. После слова «наместнику» текст испорчен. Энгельман, предполагая, что речь идет о различении суда наместника новгородского владыки и княжеского, сопоставляет эту статью со ст. 109 и следующим образом восстанавливает текст: «И владычню наместнику суд, и на суд не судить князю, ни судьям; ни наместнику княжа суда не судить», что значит: «наместник владыки имеет свой суд, ни судьям, ни князю не судить дел, подлежащих суду новгородского владыки, равно наместнику (владыки) не судить дел, подлежащих суду княжескому».

Чечулин предлагает следующее понимание статьи: «И владычню наместнику (свой) суд и на (княжий) суд ему суда не давать».

П. Е. Михайлов, отвергая совершенно реконструкцию текста, предложенную Энгельманом, считает, что текст ст. 2 должен начинаться со слов «князю и посаднику», которые издатели обычно относят к концу предыдущей статьи. Тогда чтение будет следующее: «Князю и посаднику и владычню наместнику судьяна суда не судить; ни судьям, ни наместнику княжа суда не судить», т. е. речь идет о разграничении судов князя и посадника, наместника новгородского владыки и обыкновенных судей. По мнению Михайлова, первоначальный недошедший до нас текст ПСГ начинался со ст. 2. Ст. же 1 находилась в ином месте, именно предшествовала ст. 7,

которая является ее непосредственным продолжением, относясь к «княжому суду».

Наместник новгородского архиепископа принимал видное участие в политической жизни Пскова. Так, например, он участвует в посольствах. В 1427 г. «послаша псковичи своего посла посадника Селивестра Леонтьевича да наместника владычня Парфея в Литву ко кн. Витевту» (ПСРЛ, IV, стр. 205).

«Судьи», по Никитскому, — сотские (ср. в ПСГ ниже: «а кто на кого имет сачит бою или грабежу по позовничи, и князь, и посадником, и сотцким обыскати»). Действительно, в летописи иногда одно и то же лицо называется и судьей и сотским. Так, под 1463 г. в одном месте — «посла псковского Кондрата судью», в другом — «посла псковского Кондрата сотцкого» (ПСРЛ, IV, стр. 226, 222). Но в других случаях сотские упоминаются рядом с судьями. Под 1461 г.: «и еще от Пскова... крест целоваша судьи псковскиеи и соцкиеи» (ПСРЛ, IV, стр. 220). Под 1472 г.: «А во Пскове посадник... и бояре псковские, и соцкие, и судьи тогды же и лянную грамоту подраша» (ПСРЛ, IV, стр. 243). См. также псковские летописи 1445, 1463, 1501 гг. (ПСРЛ, IV, стр. 212, 225, 273).

Статья 3. В статье говорится о присяге посадника при вступлении в должность. Князь такую же присягу давал при вступлении на стол. См. Псковскую I летопись под 1473 г.: «приехав князь Ярослав Васильевич на княжение... месяца февраля... в пяток...: и посадиша его на княжении в дому св. Троица; а в неделю того же месяца 21 крест поцелова на вече к Пскову на суду и на пошлинных грамотах и на всех старинах псковских» (ПСРЛ, IV, стр. 246).

«Ни на суду, на вечи». Энгельман переводит: ни на суде, ни на вече. Если же не вставлять союза «ни» и видеть здесь указание на существование вечевого суда на ряду с судом «у князя на сенех», то получается противоречие со следующей статьей, запрещающей князю и посаднику судить на вече. Отсюда делается вывод о одновременном происхождении ст. ст. 3 и 4.

Известен ряд случаев вечевого суда в Пскове. Так, из летописей можно извлечь два примера, когда Псковское вече судило кражу в Крому. В 1509 г. «поимали понамаря троицкого Ивана, а он из ларев денги имал да в той гибели доспел 400 рублей, и псковичи его на вечи казнили кнутьем, и он сказался, и псковичи посадили его на крепость, да того же лета... на Великой реке огнем сожгли его» (ПСРЛ, IV, стр. 282). В 1314 г. было казнено псковичами около 50 человек, частью за «грабеж» в Крому, частью же за «грабеж» в Пскове и по селам. «А в Пльскове почали бяху грабити недобрии люди села и дворы в городе, и клети на городе, и избиша их пльсковичи с 50 человек» (ПСРЛ, III, стр. 71). Пример вечевого суда над конокрадом представляет псковский пригород Опочка, который казнил в 1477 г. одного подобного преступника, хотя за этот поступок опочане и подверглись со стороны Пскова пене в 100 руб. в пользу князя. «Псков, успалився, испродал опочан, а взял 100 рублей да дали князю Ярославу, что они повесили татя коневого, а без псковского повеления» (ПСРЛ, IV, стр. 254). В 1496 г. был сожжен в Пскове, очевидно, по приговору веча, один «чухонец», пытавшийся, вследствие посула со стороны немцев, зажечь Кром. «Загорелося на Крому..., а зажег Чюхно закрадчися... и... изымаша его на Крому и сожгоша его огнем» (ПСРЛ, IV, стр. 270. Ср. также ПСРЛ, IV, стр. 122). В 1411 г. подвергнуто той же казни 12 «вещих жонок»: «Псковичи сожгоша 12 жонок вещих» (ПСРЛ, V, стр. 22. Ср. там же III, стр. 42).

По Ключевскому, «погубить на суде» — обвинять ложно в простом

уголовном преступлении. «Погубить на вече» — ложно обвинять в политическом преступлении, которое ведало вече. «Без исправы» могло означать, по Ключевскому, или 1) не поставив дела прямо или право, не изложив дела, как оно было (в древнеславянских рукописях наречие «прячь» или «пречь» означало — «правильно»), или 2) не дав обвиняемому возможности «исправиться», оправиться, оправдаться.

Социально-политические тенденции ст. 3 очень характерны как показатель стремления псковичей защитить себя от произвола посадников, стоящих у власти, держащих в своих руках судебные функции и связанных частными, личного или хозяйственного характера, отношениями со значительной клиентелой из боярской и купеческой среды. Аналогичными тенденциями проникнуты ст. ст. 68 и 69, где принимаются подобные же меры предосторожности против неправомерного использования своего высокого общественного положения псковскими должностными лицами.

В ст. 3 деньги названы «кунами». Это указывает на раннее происхождение статьи. Новая денежная рублевая система была введена в Пскове, согласно летописи, в 1420 г., хотя упоминания о новых денежных единицах встречаются и раньше (с 1364 г., в Новгороде с 1209 г.).

В ст. ст. 3, 4, 5, 77 ПСГ чувствуется родство со статьями Судебников (1497 г. — ст. 1, 2, 19; Царского — 1—3, 7). Ср., например, следующее постановление Судебников: «Всякому судие посула от суда не имати никому, а судом ни мстити, ни дружити никому».

Статья 4. Сени, очевидно, — княжеские палаты. Ср. Повесть временных лет под 1167-1168 гг.: «Изъяславу же сядящу на сенех с дружиною своею, нача претися со князем, князю же из оконця зрящу». Позднейшие известия дают нам возможность составить себе некоторое понятие и о характере княжеского двора в Пскове. Двор заключал в себе хоромы, состоящие из нескольких изб. Одна из них, называвшаяся впоследствии большою или судебною, представляла из себя сени, судебню или судебницу, в которой производился в Пскове княжеский суд. «И велел (великий князь) посадников и детей посадничьих, и бояр, и старост, и купцев, житых людей лучших всех отобрать в избу в большую в судебную» (Лет. б. Рум. муз. № 255, 1510 г.).

«Правда» — свод правил, законы. Псковские законы называются «Псковскою Правдою». Ср. в АЗР, I, № 38, 1440 г.: «аже вчынитъся пеня нашим... во Пьскове, коньчати по Псковьской Правде и по целованию».

Владимирский-Буданов отмечает, что в ст. 4 «обозначается не отстранение князя и посадника от вечевого суда, а полное уничтожение вечевого суда».

«Тайных посулов не имати». Ключевский отмечает, что посул — гонорар чиновнику, который поможет на суде открыто той или другой тяжущейся стороне; такой посул допускался законом; посул тайный — это тайная сделка тяжущихся с судьей или его помощником, и как таковая она запрещалась законом.

Для датировки статьи важно указание на одного только посадника (см. прим. к ст. 1).

Мурзакевич и Устрялов отмечают, что в первоначальном тексте ПСГ за ст. 4 следовала ст. 77. Это не совсем так (см. прим. к следующей ст. 5).

Ср. договор Новгорода с Казимиром IV польским 1470-71 гг.: «А наместнику твоему судити с посадником во владычне дворе, на пошлом месте, как боярина, так и житьего, так и молодшего, так и селя-

нина. А судити ему вправду по крестному целованью» (ААЭ, I, № 87).

Статья 5. Статья обрывается на полуфразе, и в рукописи следует пропуск в три с половиной строки. По всей вероятности, в первоначальном недошедшем до нас тексте ПСГ порядок статей был несколько иной. Именно, непосредственно за ст. 5 следовали ст. ст. 77—83. Эти статьи явно прерывают, как мы увидим ниже, связанный текст ст. ст. 76 и 84. С другой стороны, в ст. 77, говорящей о присяге псковских судей, пригородных посадников и сотских, встречаем слова «потому ж крест целовать». Выражение «потому ж» не имеет никакой связи с предыдущей статьей, говорящей о совершенно ином предмете, о побеге изорника. Но это выражение, может быть, является прямой ссылкой на ст. 5, в которой развивается аналогичная тема — «крестоцелование» пригородного княжеского наместника. Очевидно, в оригинале ПСГ, находившемся в руках переписчика, порядок листов был перепутан.

До XV в. князья имели право посылать своих наместников только в два псковских пригорода (Изборск и Остров). В период от 1414 до 1428 г. число пригородов, зависевших по суду от княжеских наместников, возросло до 7, в 1467 г. — до 12. В 1475-1476 гг. проект в. кн. Ивана III Васильевича уравнивал положение пригородных наместников с положением князя-наместника в Пскове, предоставляя им взыскивать продажи или штрафные пошлыны в одинаковом размере с последним. «Тако же бы есте князю Ярославу денгу немстничю освободили, и езды вдвое, и продажи по пригородом наместником имати княжие, и нивнии суде по старине судити, всякая копная, и изгородное прясло, и коневая валища» (ПСРЛ, IV, стр. 251). Пригороды и волости страдали от притеснений княжеских наместников. См. под 1476 г.: «...он (князь) над всем Псковом чинит насилие великое, тако и его наместники по пригородом и по волостем» (ПСРЛ, IV, стр. 253).

Ключевский считает, что поскольку в ст. 5 нет оговорки о том, что князь может назначать наместников только в семь псковских пригородов (из 12), следовательно, эта статья новая (не ранее 1467 г.).

Ср. аналогичное место в договоре Новгорода с Казимиром IV польским 1470-71 гг. (ААЭ, I, № 87): «А тиуну твоему в Торжку судити суд с новгородским посадником, також и на Волоце, по новгородской пошлыне».

Статья 6. «Степень» — трибуна, помост, на котором сидели в Пскове правительственные власти. Так, в 1462 г. «иные люди [с] степеня на вечи спихнули его (кн. Владимира)» (ПСРЛ, IV, стр. 222). Под 1510 г.: «да отговорив (Третьяк Долматов), да сел на степени» (ПСРЛ, IV, стр. 285). В переносном смысле степень — должность.

«Орудие» — судебное дело. Ср. договор Смоленска с немцами 1229 г. «Которое орудие доконьчано боудеть оу Смолнескь мьжю Роусию и мьжю Латинескимь языкомь, пьред судиями и пьред добрым людми, боль того не починати оу Ризе и на Гочком берьзе». (С. г. г. и д., II, № 1). См. также Новгородскую Судную Грамоту 1471 г. «А орудье судить посаднику и тысецкому... месяц, а дале того им орудья не волочить». (ААЭ, I, № 92).

«Пересужать» — снова судить, пересматривать дела. Ср. договор Смоленска с немцами 1229 г.: «ни одному же Роусиноу не дати пересоуда оу Ризе, ни на Гочкомь березе, тако Латинескому оу Роуской земли не дати пересоуда никому же».

По Ключевскому, «судове» — судебные дела, «орудиа» — дела административные.

Ср. ст. 6 со ст. ст. 68—71: сходные тенденции в смысле ограничения произвола посадника в вопросах суда.

Статья 7. В рукописи против статьи на поле приписано старинною же рукою: «храмскому». Поэтому Мурзакевич и Устрялов переводят слово «кримской» — «храмской» — комнатный или церковный вор, от слова «храмина» — горница или сокровищница церковная. Соловьев и Энгельман читают: «кромскому» от слова «Кром» — «Крем», т. е. Кремль. Ср. под 1510 г.: «а из Крему велел клетки выпрятать и Крем был пусст» (ПСРЛ, IV, стр. 282). Также: «и Кром велел розвести да двор себе тут поставить» (ПСРЛ, IV, стр. 137, 1510 г.). В Крому хранились общественные запасы и деньги и, может быть, находился торг. В последнем случае слово «кримской» употреблено в значении «торгового вора». Другой исследователь видит в «кримской — храмской татьбе» — святотатство.

«Коневый тать» — конокрад. Ср. Правду Русскую (по Синодальн. сп.): «Аче боудеть коневый тать, а выдати князю на поток».

«Переветник» — доносчик, изменник. Ср. Новгородскую III летопись под 1343-1344 гг.: «иных изымаша, а переветников казниша» (ПСРЛ, III, стр. 226).

Ключевский указывает, что в церковно-славянских памятниках встречается слово «перевештавати», которым передается латинское выражение «*seditionem excitare*», — подговаривать к мятежу. Отсюда «переветник» — заговорщик.

Интересно сопоставить эту статью с параллельной статьей Судебника 1497 г. (ст. 9; Царский Судебник, — стр. 61): «А государскому, убойце, и коромолнику, церковному татю, и головному, и подметчику, и закигалнику, ведомому лихому человеку, живота не дати, казнити его смертною казнью». Составитель Судебника, использовавший ПСГ, воспользовался обоими разночтениями — «кримскому» и «храмскому». Из первого он сделал — «коромолнику» — «мятежнику», из второго — «церковному татю». Слово «коневому» он заменил словом «головному», а вместо «переветнику» поставил «подметчику» (подбрасыватель ложного поличного).

К четырем видам кражи, наказываемым смертной казнью, Никитский, на основании летописных свидетельств, прибавляет пятый — волхование.

Правда Русская и ПСГ обнаруживают тенденцию сходно трактовать вопрос о наказании за тяжелые формы воровства. (Ср. Карамз. сп. 37, Академ. сп. 20, 38).

Статья 8. «Е пожаловати» — «е» без какого-либо надстрочного знака. Энгельман предлагает читать: «его жаловати».

«Изличив» — в рукописи: «излив».

«Крам кромскому» — так в рукописи. Мурзакевич и др. предлагают читать: «как кромскому татю». Владимирский-Буданов придерживается чтения рукописи и понимает его в том смысле, что указанное в статье правило не относится к кромскому татю.

Ключевский вместо «крам» предлагает читать «пряма» — прямо, соответственно.

Ср. эту статью со ст. 5 Двинской Уставной Грамоты 1397 г.: «а татя впервые продати противу поличного (т. е. в первый раз взыскать с вора уголовный штраф пропорционально ценности украденного); а вдругие уличат, продадут его не жалуя (т. е. в случае вторичной улики конфискуется все имение), а уличат втретье, ино повесити» (ААЭ, I, № 13).

Чувствуется также какое-то родство со статьями Судебников (1497 г. — ст. ст. 10, 11; Царского — 55, 56).

Статья 9. «О полней» — в издании Мурзакевича напечатано: «ополней». «Ополняя земля» переводят (Мурзакевич) как наемная, договоренная или непахотная, гулевая. По Устрялову, наоборот, — пахотная земля. Быть может, «полная» в смысле бесспорности права владения? Ср. «полный холоп», «полные люди» — холопы, находящиеся в полной, неограниченной власти хозяина. («Также хто будеть моих людии полных, купленных, грамотных, дал есмь им свободу, куды им лкбс» — Духовная грамота вел. кн. Ивана Ивановича до 1359 г. — С. г. г. и д., I, № 25). Также «полная грамота», «полная» — грамота на неограниченную власть над холопом. («А княгине моей те люди, што есмь ей подавал при своем животе, и грамоты полные тех людей у нее» — Духовная грамота вел. кн. Василия Дмитриевича, 1406 г., С. г. г. и д., I, № 39).

«Розстрадни» — обработанные, от слова «страда» — полевая работа.

«Истец» — в данном случае, — ответчик.

«Прав» — следует читать: «право». «Как право перед богом» — формула свидетельских показаний.

«Чист», — по Энгельману, — значит, что он действительно владел этим имуществом. Вообще «чистый» — свободный от обязательств. Ср. Отводную грамоту Ковалева монастыря около 1400 г.: «Аже где будет запрдале..., а то ему выкупити своим серебром, святому Спасу земля чиста».

«Супротивен» — противная тяжущаяся сторона, в данном случае. — истец.

Статья 10. «Лешая земля» — Мурзакевич переводит: излишняя земля. По Энгельману, — лесная земля, «однако, — говорит он, — нет никакой причины ограничить это правило случаем спора о лесных участках, который приводится только в пример». Ср. жалованную Новгородскую грамоту Соловецкому монастырю, 1459—1470 гг. (ААЭ, I, № 62): «Поже косити и лешей озера ловити».

«Грамоты и двои» — Энгельман читает: грамоты двои.

«Исца оба» — название «истец» в ПСГ прилагается одинаково к обоим тяжущимся сторонам.

«Зайдут грамоты за грамоты»: если грамоты противоречат одна другой, пространство, описанное в одной, включает в себе часть, означенную в другой (Энгельман).

«Изведутца по своим грамотам» — отведут свою часть по своим грамотам (Энгельман).

«Межником межничество съимут» — Энгельман читает: «межников межничество съимут», что значит — примут план, составленный межниками.

Для понимания этой статьи важна Правая грамота псковскому Снетогорскому монастырю на проезд по реке Перерве, от 11 июня 1483 г. (Акты Юридические, стр. 3—4, № 2). Эта грамота рисует конкретный случай применения общей нормы, которая содержится в ст. 10 ПСГ. Перед псковским судом — господою (князем, степенными посадниками, сотскими) «на сенех» разбирается тяжба между старцами Снетогорского монастыря, с одной стороны, и Егорьевскими старцами и старцами Кузьмодемьянского монастыря — с другой. Дело идет о праве владения рекою Перервою. Обе стороны представили грамоты. Тогда суд отправил своих представителей (боярина Михаила Чету и сотского Климету Семеновича) для досмотра реки на месте. Посланные удостоверились на месте, в какой мере грамоты не согласны между собой, выяснили спорную часть земли и занесли ее на план, который представили в суд: «тое воды досмотрели да и на луб выписали и перед осподою положили». Суд тогда спросил

тяжущихся, принимают ли они от межевщиков план, ими снятый, соответствует ли он их грамотам: «вспросили обоих о обою сторон: снимаете ль с межников межничество?» Тяжущиеся отвечали утвердительно: «и обои исцы тако ркли: снимаем, господине». После этого начался судебный разбор.

Статья 11. Пропуск в $\frac{3}{4}$ строки. Слог «ет» в рукописи отсутствует. Энгельман реставрирует эту статью следующим образом: «А которой своего исца перемож[ет на поли, ино тому присужати землю по его грамоте]».

«А которой истець»... — далее в рукописи пропуск в $\frac{1}{2}$ строки. Энгельман предлагает следующую реставрацию текста: «А которой истець [а будет побит с своими грамотами] и...»

Статья 12. «И грамоты его посудить» — Устрялов переводит: по грамотам его производить судебное разбирательство. По Мурзакевичу, то же место означает: не принять грамот в уважение. Последнее вернее. Ср. Договорную грамоту Новгорода с кн. Ярославом Ярославичем 1270 г.: «А что, княже, грамоты посоудил еси отца своего, а свое грамоты подаял еси на ты грамоты; ты грамоты отъимати, а старые оправливати» (С. г. г. и д., I, № 3).

Ст. ст. 12, 50, 82 упоминают о судебных пошлинах. В Правде Русской о судебных пошлинах говорится в ст. 41 Академич. сп. и ст. 118 Карамз. сп.

Упоминание о двух посадниках дает право некоторым исследователям относить статью 12 к XV в.

Статья 13. «Отъимати выкупком» — Устрялов переводит слово «выкупок» — запись на выкуп проданной или заложенной земли, ссылаясь на то, что действительно существовала выкупная запись (Акты Юридические, 167).

«Покуду отнимает» — Энгельман толкует: по какое время; вероятно, в Пскове существовал известный срок для выкупа земель. По Ключевскому, наоборот, «выкупок» — право выкупа, для которого, как видно из ст. 9, не установлено определенного срока давности. Ст. 9, говоря о 4- или 5-летнем сроке, не дает права заключать о точно определенном сроке давности, утверждающем право на землю. Срок мог быть назначаем произвольно самими участниками сделки, при самом отчуждении, и суду в такого рода тяжбах о праве выкупа отчужденной земли важно было доискаться, какой именно срок был назначен в сделке. При решении этого вопроса и нужны были старые грамоты, о которых говорит ст. 13.

Идея «грамоты» имеет в ПСГ временами фетишистский характер талисмана, как долго потом и в Московском государстве (Я).

Статья 14. «О блюден» — так в рукописи. Надо: «О блюденье».

«Сблюдение» соответствует поклаже Правды Русской.

«Приказники», — по Устрялову, — душеприказчики, по Энгельману, — наследники по завещанию. Приказное — имущество, приобретенное по завещанию. См. ниже в ПСГ: «А молвят, как право пред богом, что чисто у него отморшина отца его, ли приказное».

«Доска», — по мнению ряда исследователей, — примитивный юридический документ, запись на доске, счет, условие, начертанное на липсовом лубье, письменный акт, начертанный на древесной коре. Богословский возражает против того, что доска — «акт самого низшего разряда», он указывает, что доски, это — какие-то условные знаки, которые, под названием, например, «бирок», употреблялись и недавно еще при заключении сделок; их две, по одной у каждого контрагента.

«Порядня» — «рядница» — письменный договор, письменное усло-

вие. Рукописание — завещание. Ср. I Псковскую летопись под 1434 — 35 гг: «Учал наместник его суд судити не по псковской пошлине, учал посужати рукописанья и рядницы» (ПСРЛ, IV, стр. 209).

В Пскове различались два акта передачи имущества: 1) доска — не удостоверенный формально домашний счет и 2) запись — формальный акт, копию с которого отдавали в ларь Троицкого собора.

«По записи или по закладу» — Ключевский указывает, что надо читать «по записи и по закладу», так как запись обыкновенно обеспечивалась залогом. Взыскание имущества, отданного на хранение, в ПСГ обуславливается именем заклада и записи, а не как в Правде Русской (по доверию).

О «сблюдении» говорят также ст. ст. 15, 16—19, 45, 101.

Статья 15. «А а животом владеет» — Энгельман предлагает читать: «а кто животом владеет».

Ключевский отмечает, что ошибаются те комментаторы, которые полагают, что порядок взыскания изменялся, смотря по тому, есть завещание или нет; завещание только облегчало этот порядок, не изменяя его. Здесь идет речь о порядке исков относительно имущества умершего в кругу его родственников; по отношению к стороннему лицу нужен был формальный акт, по отношению к родственникам достаточно было присяги; закон предоставлял решение дела самим родственникам.

Статья 16. После слов «А о зблюдении кому» — пропуск в $\frac{3}{4}$ строки. Энгельман предлагает следующую реставрацию текста: «А о зблюдении кому [искать, а он из чужой земли приехав, или] в пожару...». Владимирский-Буданов дает другой вариант: «А о зблюдении кому [даст из чужой земли приехав, или] в пожару...»

Слова «род ополчится» Мурзакевич понимает как междоусобие вследствие раздора на вече. Владимирский-Буданов переводит — восстание народа.

О народных волнениях в Пскове летописи сохранили скудные данные. Новгородская летопись говорит о мятеже в Пскове под 1314 г. (ПСРЛ, III, стр. 71). То же под 1385 г.: «бысть сеча псковичем промеж себе и много бысть мертвых» (ПСРЛ, IV, стр. 91). Под 1458 г.: «того же лета прибавиша псковичи зобници и палицу привишили к позобенью, при посаднице степенном Алексее Васильевиче, а старых псадников избив на вечи» (ПСРЛ, IV, стр. 217). Под 1471 г. летописец дает весьма туманную, уснащенную библейскими метафорами, филиппику: «тоя же весне невегласи, злии человецы, мздоиматели, омразившиеся многажды, яко же рече дивный в пророцех богоотець Давыд: ядуший плоти человека в хлеба место, господа не призваша; но токмо человека снедающе плоти, но ни храмов устрашающиеся божиих, мятуще святыми божиими церквами, омрачи бо их лукавого злоба» (ПСРЛ, IV, стр. 237). Под 1483 г.: «посекоша псковичи дворы у посадеиков у Якова и у Стефана Максимовича... и у иных много дворов посекоша» (ПСРЛ, IV, стр. 266). Серьезные народные волнения произошли в Пскове в 1485—86 гг.

«Запираться» — отказываться. Ср. Правду Русскую (Синод. сп.): «А оже кто взидеть коун на дреузе, а он ся начнет запирати, то оже нань выведеть послоуси, то ти поидоуть на ротоу».

Ст. ст. 16—19 рассматривают отношения, вытекающие из поклажи. См. параллельные постановления Правды Русской (Карамз. сп. 46).

Статья 17. В начале пропуск в одно слово. Мурзакевич вставляет слова «а кто с». Энгельман соединяет ст. 16 и 17 вместе и предлагает читать: «ино кому искат, явити ему [господе, что дал на зблюдение из] чужой земли приехав...»

В словах «под пожар за неделю» предлог «за» значит «через», «спустя».

«Имет записатся» — очевидно, следует читать: «имет запираяться».

После слов: «судить на того волю» — пропуск в полстроки. Энгельман вставляет слова: «на ком сочат».

Ст. 17 сходна со ст. 14 судных грамот (см. Шумаков, С. Губные и земские грамоты Московского государства. Сводный текст земских судных грамот). «А кто възыщет поклажея, и того сыскивати меж себя всеми людьми потому ж по животом, а чего сыск не имет, и им в том присужати целованья; а давати на ответчикову волю, хочет сам поцелует, или под крест денги положит, а ищея, поцеловав, возмет». Последняя формула обща ПСГ (ст. ст. 20, 28, 29, 101, 107 и др.), судным грамотам (ст. ст. 14, 31), Судебникам (Судебник 1497 г. — ст. ст. 48, 50; Царский — 16, 27). См. также Закон Градский, грань 18, ст. ст. 1—2.

Статья 18. «Закупен», — по Мурзакевичу, — наемник, по Устрялову, — «обязанный наемник», соответствующий закупу Правды Русской. Точно так же Энгельман говорит, что «закупен ходит по волости, нанимаясь для сельских работ или для смотра за скотом». Но он же высказывает предположение, что слово «закупен» употребляется здесь в позднейшем значении закупащика (ср. АИ, IV, стр. 16, № 13).

«Скотник», — по Энгельману, — человек, торгующий скотом; по Устрялову, — заимодавец, от слова «скотница» — казна.

«Вершь» — хлеб, жито. Ср. Псковскую I летопись под 1467-1468 гг.: «И наполнишася реки и ручьи и болонья аки весне водою, а у христян много по полю вершей погнили» (ПСРЛ, IV, стр. 231).

«Господне обыскати» — надо читать: «госпóде обыскати». Энгельман читает: «ино госпóде обыскать, правда такоже присужает». Расстановка знаков препинания неправильна: присуждает госпóда, а не правда.

Статья 19. По Владимирскому-Буданову, «искати зблюдения по доскам, безимено, старине» значит: искать поклажи а) по доскам (т. е. не по записи, ср. ст. 14), б) без обозначения поименно вещей, отданных на сохранение (ср. ст. 45) и в) пропустив срок. По Богословскому: «искать имущества, отданного на хранение, предъявляя доски, без обозначения, за давностью времени, чего именно ищет».

Статья 20. «Сачит по позовници», — по Энгельману, — искать порядком искомым, в противоположность следственному.

«Князь» — следует читать: князю.

Слова «как — такоже», — по Энгельману, соответствуют друг другу, т. е. следует допросить как послуха, так и истца. Владимирский-Буданов слова «как послух» понимает в том смысле, что следует расспросить послуха, каким образом он стал послухом.

«И и где начавал» — надо читать: «или где начавал» (Энгельман).

«Изведется» — окажется (Энгельман).

«Иночай» — иночай, единоначай, соночай — соночлежник (Энгельман). Ключевский отмечает, что в древнерусском языке словом «иночь» называлась одна жена язычника многоженца по отношению к другой или покойная жена другоженца по отношению к живой. Отсюда — «иночьи дети» — дети от первой жены по отношению к мачехе; отсюда же — «иночим» — первый муж второбрачной жены по отношению ко второму. От такого значения слова «иночь» происходят два производных: 1) «иночь» — соперница по милости у одного и того же мужчины; 2) «иночай» — товарищ и при том единственный.

Упоминание о двух посадниках дает право некоторым исследователям относить статью к XV в.

Ср. ст. 20 со ст. 31 судных грамот: «А кого послух опослушествует в бою, или в грабеже, или в займех, ино дати им целованья с жеребья: или став у креста, даст ответчик целовати послуху без жеребья, или ответчик, не приводя к целованью, заплатит, в том воля, а вины в том ответчику нет».

Ср. также Судебник 1497 г. — ст. 48, Царский — ст. 16 «О послушестве. А кого послух послушествует в бою, или в грабежу, или в займех, ино судити на того волю, на ком ищут: хочет, на поле с послухом лезет, или став у поля, у креста положит чего на нем ищут, и истец без целования свое возмет, и ответчик полевые пошлыны заплатит, а вины ему убитые нет. А не стояв у поля, у креста положит, и он судиам пошлыну по списку заплатит, а полевых ему пошлын нет».

Статья 21. После слов «а против послуха» — пропуск в одно слово. Энгельман предлагает читать: «истец будет», ссылаясь на соответствующую статью Судебника, где сказано: ответчик будет.

Ср. ст. 21 с Судебником 1497 г. — ст. 49, Царским — ст. 17. «А противу послуха ответчик будет стар, или мал, или чем увечен, или поп, или чернец, или черница, или жонка, ино противу послуха наймит наняти вольно. А послуху наймита нет. А что правому учинится убытка или его послуху, ино те убытки на виноватом».

Статья 22. Ср. Судебник 1497 г. — ст. ст. 50—51, Царский — ст. ст. 15, 18: «А послух не пойдет пред судью, есть ли за ним речи, нет ли, ино на том послухе исцево и убытки и все пошлыны взяти. А с праветчиком о сроце тому послуху суд. А послух не говорит перед судиями в исцевы речи, и истец тем и виноват».

Статья 23. После слова «пошлется» в рукописи пропуск в одно слово. Мурзакевич вставляет: «в бою», Энгельман — «в чем».

После слов «на котором сочат» — пропуск в $\frac{3}{4}$ строки. Мурзакевич и Энгельман вставляют: «станет слаться на своего послуха». Ср. в след. статье: «не почнет слаться на послуха».

«Послух, которого на суде наимают». Ключевский считает, что здесь речь идет о послухе ответчика, которого суд выбирает, несмотря на то, что он назван был послухом во время самого судебного разбирательства.

Статья 24. «Без дива» — Мурзакевич и Энгельман переводят: нет дела; Устрялов и Владимирский-Буданов — не должно обращать на это внимания.

Послушество ПСГ — остаток древнейшей формы свидетелей — очистников, пособников. Ср. Правду Русскую, Карамз. сп. 15.

Ср. статьи ПСГ о послушестве с постановлениями земских судных грамот. ст. ст. 32 и 34: «А ищя пошлется на послухи в заемном деле без кабалы, или в какове деле нибуди, и послухи став меж себя порознят, иные молвят в истцовы речи, а иные в истцовы речи не молвят, и которые молвят в истцовы речи, а попросят с ними те послухи поля, которые не молвят в истцовы речи, ино им присужати целованья с жеребья, а по жеребью поцелуют послухи те, которые послушествовали в истцовы речи, ино тех послухов, которые в истцовы речи не послушествовали, обвинити, а истцово имати по списку на ответчикех и на тех послухах, которые не послушествовали в истцовы речи, а не попросят поля те послухи, которые послушествовали в истцовы речи, ино тем ищя виноват; а по кабале порознят послухи и дияк, ино по тому ж». «А послух перед судьи не придет, есть ли за ним речи или нет, а доведет пристав, и на том послухе истцово и усылки взяти».

Статья 25. «Позовник» может означать: 1) приказного служителя, вызывающего к следствию или к суду (ср. Договорную грамоту Новгородца с в. кн. Василием Васильевичем и Иваном Васильевичем, 1456 г.: «А пззов по волостем по Новгородским позывати позовником князей великих да новгородским», ААЭ, I, стр. 57); 2) истца (ср. Новгородскую Судную Грамоту 1471 г.: «А примут позовника в селе, а почнут над ним силу деять, ино дать в позовниково место грамота безсудная племеннику его или другу»).

Статья 25. «И оно ограмочему». Энгельман предлагает читать: «и оною ограмочому», или «ино ограмочому». Владимирский-Буданов читает: «И оному ограмочому».

«Ино быти ему самому в головшине» — Устрялов переводит: то предать его самого смертной казни. Это неверно, так как ПСГ не назначает за убийство смертной казни. Вернее переводит Владимирский-Буданов: то подвергнется ответственности, как убийца.

Вопрос о сопротивлении ответчика, привлекаемого к суду, разбирается также ст. 57, вопрос об ответственности истца или пристава за «головшину» — ст. 98.

Статья 27. «Ставши перед нами». Некоторые исследователи, обратив внимание на эти слова, видят в них указание на составителя грамоты, говорившего от своего имени. Энгельман находит, что эти слова находятся не на своем месте, их место ниже, после слов: «а ркучи слово». Получается следующее чтение: «А ставши человеки четыре или пять, а ркучи слово: перед нами того бил» (в рукописи «бих»).

Ключевский, на основании слов — «ставши перед нами», заключает, что законодательные акты писались в Пскове не на вече, а составлялись той же господой.

После слов «их душа выдати» — в рукописи пропуск в одно слово. Энгельман реставрирует: «[на] их душа выдати [в рубли]», (по аналогии со ст. 111, по которой за бой обиженному платится рубль). «Душа» — совесть. Ср. Софийскую II летопись под 1477-1478 гг.: «Владыка со всеми своими еще бил челом, чтобы государь пожаловал, писцов своих и даньщиков в свою отчину, волости Новгородские, не посылал, понеже, господине, христианству то тяжко; положил бы, государь, на новгородскую душу, а скажут всех, колко у кого сох будет» (ПСРЛ, IV, стр. 217).

Ключевский восстанавливает «[на] их душа выдати [головою]», т. е. «по их клятвенному показанию, присудить ответчика к платежу».

«Ходить» Энгельман переводит: обвинять, уличать. По Ключевскому, «ходить» значит «годить» (см. в ст. 29 выражение «изгодить истца», вызвать повесткой, назначая срок — «годину» за побои обиженному).

ПСГ и Правда Русская обнаруживают тенденцию сходно трактовать вопрос об оскорблении действием. Ср. Правду Русскую (Карамзин. сп. 24).

Ср. статью 35 уставных судных грамот: «А которой человек взыщет в бою или в грабежу, а ответчик скажет, что бил, а не грабил, и ответчика в бою обвинити: а скажет, что грабил, а не бил, ино на том грабеж доправити, кто скажет, грабил; а в бою толко не помирятся, ино присуживати в безчестье целованья с жеребья: а ищся поцелует, и он безчестье возмет, а ответчик поцелует, и он не даст ничего».

Статья 28. Энгельман понимает эту статью, как постановление на случай непризнания ответчиком (должником) долга и поэтому нахо-

дит затруднение в словах: «он поцеловав, да свой заклад возмет». Автор полагает, что здесь решается присягой вопрос о том, каким образом вещь должника попала в руки кредитора, если она (как утверждает должник) не передана ему в виде зклада. Владимирский-Буданов считает, что в данной статье предвидится случай отрицания кредитором уплаты долга, которая, по словам должника, уже произведена, «и именно тогда, когда договор займа совершен не по форме, кредитор имеет в руках только «доску», а не «закладную доску».

Ключевский указывает, что заем, по ПСГ, мог быть сделан: 1) под обеспечение зклада, с написанием формального заемного акта, засвидетельствованная копия которого оставалась в городском архиве, в ларе Троицкого собора; 2) заем мог совершаться под обеспечение зклада, но без удостоверенной формально расписки, только по расписке домашней — по доске; 3) заем мог совершаться под обеспечение зклада, но без формального акта и без домашней расписки. Во всех этих случаях, т. е. при обеспечении займа зкладом, заемные деньги взыскивались. Но заем мог быть совершен без зклада, только по расписке, тогда деньги не взыскивались: такого рода заем рассматривался законом, как частная сделка, основанная на доверии кредитора к ответчику. По формальному заемному акту, обеспеченному зкладом, взыскание совершалось по этому самому акту, копия которого служила бесспорным доказательством займа. Домашняя же расписка, хотя и обеспеченная зкладом, вовсе не считалась таким доказательством. Принималась в расчет только сумма займа, в ней обозначенного.

Ст. ст. 28—33, 36, 38, 45, 73, 74, 92—93, 101—103, 107 ПСГ рассматривают отношения, вытекающие из торгового быта, договоров займа, купли. Ср. аналогичные статьи Правды Русской (Карамз. сп. 47, 48, 66—69).

Статья 29: «Грамоты». Ключевский отмечает, что здесь разумеются крепостные акты, которые принимались в удостоверение заемного обязательства без расписки; они не обеспечивали долга, ничего не стоя сами по себе, но удостоверляли факт займа, т. к. от них не мог отказаться должник.

«Из невести» — неожиданно. Ср. Новгородскую IV летопись под 1381-82 гг.: «Ведяше же рать внезапно из невести,.. да не услышано будет на Руси устремление его» (ПСРЛ, IV, стр. 84). Или же Софийскую I летопись под 1377-78 гг.: «Внезапу из невести удариша на них в тыл» (ПСРЛ, V, стр. 236).

«Изгодит» — Мурзакевич переводит: просрочит, от «година» — время, срок. Энгельман — улучив время, выждав.

«Нять» — брать, взять. «Нять веру» — верить, доверять. Ср. Договорную грамоту Новгорода с в. кн. Василием Васильевичем и Иваном Васильевичем, 1456 г.: «А холоп или роба имет на господу вадити, тому вам веры не няти».

Владимирский-Буданов отмечает, что в этой статье предусмотрен как раз тот случай, относительно которого Энгельман высказал предположение по поводу предыдущей статьи: должник отрицает самый договор займа, пользуясь тем временем, когда кредитор не успел еще получить «закладной доски», но вещь, находящуюся в руках кредитора, признает своей.

Ключевский отмечает, что здесь сам ответчик ищет на кредиторе своего зклада, не признавая его обеспечением займа и объявляя вещь, отданной на хранение. Это — тот же случай, что и в ст. 28, но только с переменной ролей: должник является там ответчиком, а здесь — истцом.

Статья 30. «А кто имеет давать серебро в заим» — ср. в Правде Русской: «Аще кто куны даст в резы» (Карамз. сп. 47, 48). И Правда Русская и ПСГ требуют разных форм при заключении договора займа, в зависимости от суммы последнего.

После слов: «а кто имеет...» в рукописи пропуск в одно слово. Энгельман читает: «а кто имеет [иска]ти». Владимирский-Буданов: «а кто имеет [соочи]ти».

«С суда» — так читают Мурзакевич и Владимирский-Буданов, т. е. посредством суда. По Энгельману — «ссуда», т. е. «ссуда серебра»:

Эта статья (как и ст. 32) выражает новаторские тенденции псковских юристов в понимании ими идеи судебных доказательств. Но от этого будет много отступлений. См., например, ст. 28 и особенно ст. 29 (Я).

Статья 31: После слов «кто на ком имеет» — Энгельман вставляет: «сочить».

«Платной», — по Устрялову, — заклад, данный в обеспечение платежа взятых в заем денег. Вернее толкуют Мурзакевич и Энгельман от слова «платно» — состоящий из платья, из одежды. Ср. в ПСГ ниже: «А что даст своею рукою влемяннику своему платно или иное что животное».

«Назрячее» — «то, что можно зреть, вообще вещь» (Энгельман). Ключевский отмечает, что здесь речь идет о закладе, от которого должник мог отказаться и которым обеспечивался самый долг, т. е. о вещи, которая сама по себе имела ценность. Это и выражено в термине «назрячее», т. е. нечто такое, стоимость чего очевидна.

«Того серебра не судит», — по Энгельману, — не стоит того серебра, имеет меньшую ценность, чем должная сумма.

Статья 32. «Рука» — то же, что порука — поручительство. Ср. Новгородскую I летопись под 1267-68 гг.: «пояша на свои рuce мужа добра из Новгорода Семьюна» (ПСРЛ, III, стр. 59).

Статья 34. «В пировому старосте» — очевидно, следует читать: «к пировому старосте».

«Государь пировой», — по Богословскому, — хозяин помещения, где происходит пир.

После слов «государю пировому» в рукописи пропуск в одно слово. Энгельман вставляет: «целованья».

После слова «псковитину» в рукописи пропуск в одно слово. Энгельман вставляет: «всех суседов из села на».

Устрялов и Энгельман понимают эту статью следующим образом: «Если у какого псковитина учинится воровство в Пскове или в пригороде, или в селе на волости, то заявить об этом старостам или окрестным соседям, или другим посторонним людям; если же воровство учинится на пиру, то заявить пировому старосте или участвовавшим в пиршестве» (Устрялов). «При этом однако ж не должно было приводить к присяге всех жителей какого-нибудь села, а только тех, на которых истец именно объявит подозрение; равным образом, если кража совершена на пиру общественном, то лицо, распорядившееся пиршеством, не обязано давать присяги» (Энгельман).

Другие исследователи понимают статью в том смысле, что требуется требовать людей из волости для присяги в Псков, а можно их привести к присяге только на месте, где учинится воровство.

Статья 35: «На тору» — Энгельман читает: «на торгу».

«Псковитину», — по Энгельману, — «псковитина». Энгельман предлагает два возможных объяснения этой статьи:

1) «лицо, не звавшее на помощь во время совершения покражи».

хотя и псковитин, приводится к присяге в том месте, где татьба учинилась»; 2) «человеку того прихода, где татьба учинилась, пригорожанина или селянина псковитина (ответчика) на пригороде или на торгу не звать (для принятия присяги), а весть к роте псковитину (т. е. истцу) ответчика на место, где татьба учинилась».

Ключевский и Богословский соединяют ст. ст. 34 и 35 в одну и предлагают следующую реставрацию текста: «А у которого псковитина оу какова оучинится татба в Пскове или на пригороди, или в сели на волости, ино явить старостам, или околным суседом, или иным сторонным людем, а в пиру, ино пировому старосте или пивцам явити, а государю пировому [дела] нет. А псковитин [из] волости во Псков на волную роту не взяти, весть ему к роте на кого ему нелюбовь [к той] церкви, где татба оучинилась. Також и пригорожа[нину] или селянин[у] псковитин[а] на пригород на [роту] не звати, весть ему к роте псковитин[а], где татба учинилася».

Статья 36. Ср. ст. 36 с Судебником 1497 г. — ст. 52, Царским — ст. 19. «А на ком чего взыщет жонка, или детина мал, или кто стар, или немощен, или чем увечен, или поп, или чернец, или черница, или кто от тех в послушестве будет кому, ино наймита наняти вольно, а истцем или послуху целовати, а наймитом битися. А против тех наймитов истцу или ответчику наймит же, а въсхочет, и он сам биется на поле». Ср. также ПСГ, ст. 21.

Статья 37. «На труп оукуп» — неясное место. Над концом слова «тру» — написано «п»; далее идут буквы «оуку» и над последнею, над строкою — «н». Мурзакевич прочел: «на трут у кун», Энгельман и Устрялов — «на трупоу кун».

«Двема приставом» — княжескому и городскому (Энгельман). Ср. ст. 81.

«Прощение возмут» — помирятся. Ср. Псковскую I летопись под 1342-1343 гг.: «И взяша прощение промежи себе». (ПСРЛ, IV, стр. 189). Ср. также Уставную Двинскую Грамоту 1397 г.: «А учинится бои в пиру, а возмут прощение, не выйдя из пиру, и наместником и дворяном не взяти ничего».

«Ож истец чего не возможет» — по аналогии со ст. 52, следует читать: «чего истец не возмет». Ср. также ст. ст. 11 и 80.

Статья 38: Еще Правда Русская облегчала обращение денег по торговле. Ср. Карамз. сп. 45: «Аже кто купець дасть в коуплю куны или в гостьбу, то купцу пред послухы кун не имати; послуси ему, не надобе; но ити ему на роту, оже ся учнеть запитати».

Отвергая рядницу, ПСГ должна отвергнуть и «доски». Грамота вообще не любит домашних сделок без нотариального оформления (Я).

Статья 39. После слов «а которой мастер плотник или наймит» Энгельман, по аналогии со ст. 40, вставляет слова: «а пойдет прочь от государя а». Но это исправление произвольно, т. к. в рукописи пропуск не там, где Энгельман делает вставку, а ниже.

«И плотник или наймит... (пропуск в 1/2 строки) свое дело отделяет...» — вторичный пропуск в 1/2 строки, который Энгельман реставрирует — «ино им найму взяти потому ж»; Владимирский-Буданов — «ино им вольно».

В псковских летописях имеются указания на ремесленное население города, которому посвящена ст. 39 ПСГ. Оценивая деятельность непопулярного князя, летописец говорит под 1540-41 гг., что «во Пскове мастерские люди все делали на него даром» (ПСРЛ, IV, стр. 304).

Ряд указаний относительно ремесленников летопись дает при описании пожаров. Под 1451 г.: «загореся от Кутня костра от Боркове лавицы от Хитре от кожевника» (ПСРЛ, IV, стр. 214). Под 1466 г.:

«загсрелося в Кузнецкой улици от Климентия кузнеца от Сесторикова» (ПСРЛ, IV, стр. 231).

Особенно много материала в псковских летописях имеется о строительных рабочих. Под 1420 г.: «скончаны быша перши у Кромму..., а делаше 200 мужь полчетверта года, а взяше у Пскова за дело свое 1000 рублей, а плиту котории жгли, даша тым 200 рублей» (ПСРЛ, IV, стр. 203). Под 1465 г.: «того же лета перси совершиша у Кромму..., а делаша 80 мужь наймитов по три лета, а взяша дела своего 175 рублей (ПСРЛ, IV, стр. 229).

«Закличь» — устное, гласное заявление, обнародование, клич на торгу, на площади перед народом. См. в Правде Русской: «оже челядин крыется, а закличють и с торгу» (Карамз. сп. 27); «аще кто ксьнь погубит или оружие или портно, а заповедаеть на торгоу» (Карамз. сп. 29); «оже холоп бежить, а заповесть и господин» (ст. 123).

«Взакличь сочить» — Михайлов толкует: «искать, требовать свой долг с кого-либо публично, перед народом, как бы призывая его в свидетели или в судьи по поводу своего иска». Аргунов считает, что взыскание долга взакличь, это — оглашение своей претензии перед общиной, вервью или на торгу, своеобразная явка, делающая излишними все другие формальности. Богословский не согласен с этим. Он считает, что иск взакличь, это — «иск без представления письменных документов», а вовсе не иск перед народом.

Статья 40. Обычно эту статью понимают в том смысле, что если при найме, заключенном вообще для хозяйственных работ во дворе, наемник уйдет до истечения срока, то он, хотя бы и не получил наемной платы за несколько лет, может требовать платы только за последний истекший год. Но, очевидно, как указал Богословский, здесь речь идет о другом: о праве искать платы за все прожитые годы, но только в течение года с момента отхода от хозяина.

Ср. Судебник 1497 г. — ст. 54, Царский — ст. 83: «А наймит не дослужит своего урока, а пойдет прочь, и он найму лишен».

Статья 42. «Государь», — по Михайлову и Богословскому, — хозяин, арендодатель, землевладелец. Богословский анализирует ряд статей ПСГ (34, 39—41, 102, 103, 112) и отмечает, что в них термин «государь» обозначается хозяин по отношению к принадлежащей ему на праве собственности вещи или по отношению к людям, вступившим к нему в обязательства, но обязательства не подданства, а в чисто гражданские обязательства найма имущества или услуг. Аргунов, напротив, указывает, что этот термин употребляется не просто в значении «хозяина», «владельца», но с привкусом каких-то особых притязаний к зависимым от него людям. П. И. Беляев просто ставит знак равенства между «государем села» (см. ПСГ, ст. 63) и средневековым сеньером, отмечая, что «село в данном случае является территорией, с которой связано подданство зависимых людей». Греков находит, что спор о том, кто такой этот государь, — просто ли землевладелец, хозяин села и имения, или же «средневековый сеньер», — легко разрешим, так как «в феодальном обществе титул на землю был вместе с тем и титулом на власть над живущим на ней населением, поскольку политическая власть феодала соответствовала величине земельного имущества».

Псковские летописи упоминают о боярах-землевладельцах. «Посем нача князь великой деревни давати бояром своим сведенных бояр псковских» (ПСРЛ, IV, стр. 287). «Даша им на вече... Матутину землю, его прадеда Нежатино данье, прежнего посадника... старого» (ПСРЛ, IV, стр. 238).

«Отрод», — очевидно, — «отрок» — отречение, отказ от продолжения аренды, расчет с землевладельцем-арендодателем (Михайлов, Богословский). Павлов-Сильванский сопоставляет «отрок» с отказом (désaveu) феодального права в западном средневековьи. И Аргунов находит, что «отрок» — не просто срок аренды, но «акт большой важности, особый юридический момент», «соединявшийся не только с расчетами по обязательствам, но и с уступкой одной стороной половины имущества своего другой стороне» (см. ст. 63).

«Зорнику», — очевидно, — «изорнику». Изорник — земледелец. Энгельман производит это слово от слова «зерно»: «он платил хозяину, известный доход натурой (зерном)»; Устрялов, — от глагола «изорать» — вспахать ралом поле. Михайлов предполагает, что «зорник» — «изорник» происходит от слова «зоря»: «с зорями начинает свой труд пахарь-изорник». Богословский считает исчерпывающим объяснение, что «слово изорник родственно со словами «орати», «оратай». Аргунов ищет объяснения слова «изорник» в славянских языках (сербск. «изор» — хлеб в отплату за орание, «изорати» — выорать, приобрести что-нибудь за орание, «изорньак» — вол, данный на день для пахания и пр.).

Обычно изорников считали свободными арендаторами. Но уже Павлов-Сильванский определенно выявил взгляд на изорников, как зависимых, полусвободных людей, сравнив их положение с положением зависимых людей западно-европейского средневековья (сервы, грундгольдеры и др.). Эта точка зрения развита П. И. Беляевым, для которого «изорник — земледелец, пахавший чужую землю из-за хлеба или выговоренной доли урожая — издольщик», и Аргуновым.

Некоторые ученые держатся мнения об изорнике как о социальном типе, близком древнерусскому закупу или московскому серебряннику (Устрялов, Мрочек-Дроздовский, Самоквасов). Эта точка зрения в недавнее время развита Б. Д. Грековым.

По мнению акад. Грекова, изорник — один из видов феодально-зависимых людей, типа закупов Правды Русской или кабальных людей Московского государства, получавших не ссуду, а деньги в момент поступления на работу, — деньги, которыми они, может быть, и не пользовались, а были вынуждены иногда отдавать старым своим хозяевам. Ср. статьи об изорничестве со статьями Правды Русской о закупничестве (Карамз. сп. 70—73, 75, 77).

Огородник — зависимый съемщик огородного участка. Огородов было много в самом Пскове. О них неоднократно упоминают летописи. «Поставиша другую церковь... на Полонищи... на Яковлеве посадничи огороде» (ПСРЛ, IV, стр. 267). «А потому та улица пустая слыла, что меж огородов, а дворов на ней не было» (ПСРЛ, IV, стр. 288).

«Кочетник» — «котечник» — рыболов, съемщик рыболовного участка. Форма «кочетник» может происходить от слова «кочет» (колышек у ледки, к которому прикрепляется весло) или от слова «коча», «кача» (на севере — старинное, теперь уже вышедшее из употребления мсреходное, палубное, об одной мачте, судно). Форма «кочетник» — от слова «котцы» (один из способов ловить рыбу, употреблявшийся в Псковской области).

В псковской летописи упоминаются наемные рыболовы, эксплуатировавшие рыбные угодья на известных условиях, заключавшихся между ними и «всем Псковом». — «Князь... и посадники и псковичи ехавше на землю и воду св. Троица на Озолицю и на Жолочко и церковь поставиша... и сено покосиша — и ловцем своим повелеша рыбы ловити по старине» (ПСРЛ, V, стр. 32).

«Филиппово заговейно» — 14 ноября, день накануне Рождествен-

ского или Филиппова поста (с 15 ноября) — время ухода земледельцев от своих хозяев.

«Село» — а) участок земли или б) имение.

«Четник», — очевидно, — кочетник.

«А запрется изорник» — начиная с этих слов, вторую часть статьи новейшие исследователи обычно выделяют в особую статью (ст. 42 а).

«Огородная часть», — по Богословскому, — арендная плата, вносимая съемщиком-огородником продуктами своего труда; «рыбная часть» — арендная плата, вносимая съемщиком-рыболовом.

«С ысады» — «исад», рыболовный участок.

«Четверть» — $\frac{1}{4}$ дохода изорника (Энгельман); четверть земли (Устрялов); добавочная четверть дохода, которая шла землевладельцу при законном отказе и которой он лишился при незаконном (Владимирский-Буданов); техническое обозначение обычной для Псковского края арендной платы с пахотного участка (Богословский); часть продуктов, установленная псковской практикой в виде неустойки, штрафа землевладельцу при игнорировании изорником отрока (Аргунов).

Обычно ст. 42 объясняют в смысле договора простой аренды — locatio — conductio (Михайлов, Богословский). Аргунов указывает, что здесь мы имеем «нечто более сложное, чем договор аренды», так как договор аренды не терпит таких ограничений, как точная регламентация срока отказа. Вторая часть статьи, по мнению Аргунова, имеет в виду частный случай игнорирования изорником «отрока», действительного или мнимого, и иск со стороны землевладельца, с требованием вовсе не арендной платы, а каких-то частей продуктов, в виде неустойки или даже штрафа. В случае признания отрока незаконным или мнимым, землевладелец теряет иск. «Тут нет никакого элемента наказания — *poena temere litigantium*. Но элемент штрафа допустим в отношении к изорнику в случае нарушения им требования ст. 42 об «отроке»: он в бесспорном порядке подвергнулся принудительным мерам со стороны «государя».

Статья 43. «Заложити весну» — большинство исследователей понимает это выражение в смысле залога, заклада: заложить доход текущего года (Энгельман), заложить наперед весенний лов (Чичерин), заложить весь урожай (Владимирский-Буданов). Последний переводит: «Если кочетник или исполовник заложит своему хозяину свою часть весеннего урожая или улова, то платит хозяину всю другую часть весеннего дохода, которая досталась бы ему с исада или [огорода]». Михайлов толкует это выражение в смысле — «утвердится на весну, наймет исад на весенний улов, положит основание аренде, заарендует рыбную ловлю». Статья понимается им следующим образом: «Если кочетник положит начало аренде, заарендует рыбную ловлю на весну, то, как всякий исполовник, он обязан уплатить арендодателю за свою аренду по норме исполу, т. е. сколько достанется, получится рыбы в половине улова на данном исаде».

Богословский и Аргунов переводят указанные слова следующим образом: «если рыболов пропустит весенний улов».

«Исполовник» — Энгельман и Владимирский-Буданов считают, что здесь имеется в виду огородник, так как изорник платил хозяину только $\frac{1}{4}$ дохода, а не $\frac{1}{2}$. Поэтому Владимирский-Буданов и внес в перевод статьи слова: «или с [огорода]». Михайлов видит в «исполовниках» общий родовой термин (работа исполу) по отношению к частным видовым, каковы изорник, огородник, кочетник. По Богословскому, исполовник — рыболов, работающий хозяйской снастью, ближе подходящий к типу работника-издольщика, в противополож-

ность кочетнику — рыболову, работающему со своими орудиями, ближе подходящему к типу арендатора-хозяина. По Аргунову, исполовник — рыбслов-издольщик, снимающий участок исада из доли улова. Греков считает, что в ст. 43 изорник и огородник названы исполовниками и приравнены к кочетнику; исполовник, половник — «это лишенный средств производства вольный человек, вынужденный сесть на чужую землю и привлекаемый на нее более льготными условиями, чем те, в которых жил крестьянин-старожил».

«Другоичате» — Михайлов читает: «часте»; Богословский — «чате». Чата — термин для известного деления исада, отряд, часть.

Статья 44. «Покрута», — по Михайлову, — подмога, ссуда, обязательно беспроцентная. Богословский возражает против этого: по аналогии с новгородскими писцовыми книгами можно думать, что и Пскову была известна покрута с «ростом». Аргунов употребление термина «ссуда» считает не точным.

Покрута — основа сеньериальных отношений между государем и изорником, их главная скрепа, «держава». «Быть в покруте» — это значило для изорника войти в строй сеньериальных отношений. Поэтому Аргунов отождествляет выражения: «быть в записи в покруте» (см. ст. 85) и «на селе седети» (см. ст. 51). Греков считает, что покрута, это — деньги (серебро, см. ст. 76), получаемые изорником при вступлении в изорничество, отнюдь не заем, так как из займа не вытекает обязанность жить у своего кредитора и работать на него. Факт получения покруты заносился в запись, которую Греков сравнивает со служилой кабалой начального «периода ее истории, когда она соединяла на определенный срок и на определенных условиях кабального человека с его господином».

«И сочить» — союз «и», очевидно, лишний.

«Верши» — или «вершь» — хлеб, жито, или «верша» — рыболовный снаряд, вернее первое, хотя Михайлов понимает выражение «всякой верши» в обоих смыслах.

«Ярили озимой», — очевидно, — «ярой или озимой».

То обстоятельство, что союз «и» — лишний, свидетельствует, по мнению Грекова, о том, что покрута заключалась в серебре. «Всякая вершь едва ли входит в покруту, так как странно было бы при получении «ссуды» различать яровое и озимое зерно».

«По отруку» — следует: «по отроку».

По мнению Аргунова, ст. 44 проявляет несомненную заботу об интересе, прежде всего, землевладельца — «государя», давая ему право взыскивать с изорника долг упрощенным путем, без суда, путем обращения к общине — миру. По мнению Богословского, наоборот, объявлением на миру достигалось лишь простое «засвидетельствованное факта договора».

Статья 45. По Дювернуа, ст. 45 дополняет ст. 19. Ст. 45 упоминает «сблюдение», «ссуду», «выморшину», «торговлю», «поруку». О «сблюдении» речь шла в ст. ст. 14—19; о ссуде — в ст. ст. 28—31, 36; о икруке — в ст. ст. 32—33, о торговле — в ст. 38.

Статья 46. «А не поставит его» — возможно двойное понимание этого места: 1) если истец не согласится на присягу ответчика; 2) если истец не представит в суд того человека, у которого приобрел покупкой спорную вещь.

«Ни пословицы не было будеть». По Мурзакевичу и Энгельману, «пословица» — дурная молва, нехорошая известность; по Устрялову — соглашение.

Мурзакевич указывает, что в первоначальном тексте ПСГ ст. 46 непосредственно предшествовала ст. 54.

Ст. ст. 46—47, 54—56 посвящены вопросу о своде и виндикации недвижимостей. Ср. аналогичные постановления Правды Русской (Академ. сп. 10, 12—16; Карамз. сп. 27, 29, 30, 32—36).

Статья 47. Ср. ст. 46 и 56. К. М-ий отмечает, что в первоначальном списке ПСГ ст. 47 находилась непосредственно после 56.

Ср. Судебник 1497, ст. 47: «А кто купит на чужей земли что, а поймаются у него, и только у него свидетелей два, и два или три люди добрые скажут по праву, что перед ними купил в торгу, ино тот прав, у кого поимались, и целования ему нет. А не будет у него свидетелей, ино ему правда дати».

Статья 48. Возможно двоякое понимание статьи: 1. Если кто-нибудь станет требовать у должностного лица данной ему взятки и при этом насильно отнимет у него одежду или уведет коня, говоря: «я отнял одежду или увел коня в возмещение побора, взятого у меня должностным лицом», то за отнятую одежду или уведенного коня виновный привлекается к ответу, как за грабеж. 2. Если кто-либо станет требовать с должностного лица возврата неправильно взятого вознаграждения, и при этом обнаружится, что должностное лицо отняло у истца одежду или увело коня, говоря: «я отнял одежду или увел коня в счет обещанного», то виновный в отнятии одежды или своде коня привлекается к ответу, как за грабеж.

Статья 49: «Подвоский» — должностное лицо, которому поручалось передавать распоряжения властей; пристав, вызывавший ответчика к суду. Ср. Жалованную грамоту Новгорода Пскову (выписка в I Софийской летописи, под 1347 г.): «Из Новгорода их (псковичей) не позывати ни дворяны, ни повойскими» (ПСРЛ, V, стр. 226). Также см. Уставную Двинскую Грамоту 1397 г.: «А кто на кого челом бьет, дворяне и подвойские позовут к суду, а он не станет у суда, и на того наместници дадут грамоту правую бессудную». Также Двинская Грамота 1456 г.: «А в городе позывати князей великих подвойский да новгородской подвойской».

«Дворит» — Устрялов переводит: по дворам. Энгельман указывает, что это слово в новгородском наречии означает «счастливеть», «удаваться», и переводит: «случится», «придется». Владимирский-Буданов читает: «двоим». В «Словаре» Срезневского — «дворить» — служить, услуживать.

«Езд» — прогоны, деньги на путевые расходы. Ср. Уставную Двинскую Грамоту 1397 г.: «А езды и позовы [от] Орлеца до Матигор две белки езд, до Колмогор две белки». См. также Псковскую I летопись, 1475-1476 гг.: «и езды вдвое, и продажи по пригородом наместником имати княжиа» (ПСРЛ, IV, стр. 251). Ср. ПСГ, ст. ст. 64, 79 и 81.

Ст. ст. 49, 50, 64, 81 и 93 ПСГ трактуют о судебных пошлинах. Ср. аналогичные постановления Судебника 1497 г., ст. ст. 15—17, 21—26, 28, 40, 64, 65; Царского — ст. ст. 33—42, 44, 51, 65—66, 74.

Статья 50: «Истьцово» — от «истец» — пошрины, платимые тяжущимися. Ср. Жалованную грамоту в. кн. Василия Дмитриевича митрополиту Фотию 1425 г.: «А истцево доправливати того пристава, чей будет виноват». (ААЭ, I, 25). См. также Софийскую II летопись, 1475-1476 гг.: «А исцевы убытки полторы тысячи рублей велел на них приставом доправити» (ПСРЛ, VI, стр. 204).

«Позовница» — призывная, зазывная грамота, повестка о явке в суд. См. ст. 25.

«Бессудная грамота» — обвинительный акт без суда вследствие неявки ответчика. См. ст. 25.

«Приставная грамота» — призывная грамота, вызов к суду.

«У святых Троицы» — в архиве, ларе центрального святилища Псковской земли — месте хранения списков закона, копий всяких имущественных и договорных актов». Ср. Псковскую I летопись под 1469-1470 гг.: «свою крепостьную ларную крепость грамоту вынемше подрали..., а лежала в лари тая грамота положена год да полтретья месяца» (ПСРЛ, IV, стр. 233).

Ср. ст. 82.

Статья 51. «На селе живал» и ниже: «на селе седел». Энгельман предполагает, что первое выражение значит: «брал землю в аренду», а второе — «жил на селе только так». Михайлов не делает разницы между словами «седел» и «живал». Богословский предполагает, что «на селе седел» значит: «арендовал землю постоянно, жил, имел оседлость», а «на селе живал» — жил в имении, как наемный работник, или как чей-нибудь «подсоседник», «добровольно», «без крепости», не имел постоянной оседлости. Случаев такого проживания в имении землевладельца не мало приведено в книге М. А. Дьяконова «Очерки по истории сельского населения».

По Аргунову, спор идет не о том, «живал» ли ответчик в имении временно или постоянно, а о том, был ли он в покруте или нет. «Живал» — покруты не получал, «седел» — был покручен.

Ст. 51 дополняет ст. 42 (Дювернуа), а по К. М-му, в первоначальном тексте следовала за ней.

Статья 52: Энгельман понимает статью в том смысле, что истец может посредством мировой отстранить все последствия суда, «хотя бы основанием дела было и преступление». Если истец откажется от всякого вознаграждения, то и ответчик освобождается от штрафа в пользу князя. Владимирский-Буданов толкует статью иначе: «княжая продажа соразмеряется с требованием частного обвинителя, доказанным на суде: она берется не со всего иска, а только с той части его, которая доказана».

Ст. 52 дополняет ст. 37 (Мрочек-Дроздовский).

Статья 53. «Части ему не взять», ср. Правду Русскую (Карамз. сп. 106): «дати ей часть», в смысле доли имущества после умершего.

Устрялов переводит: «Кто не прокормит отца или матери до их смерти и оставит дом свой, тот лишается части, приходящейся ему по наследству». Перевод Владимирского-Буданова: «Сын, отделенный при жизни отца или матери, не получает наследства».

Статья 54. «Прорка» — так в рукописи: «пррка» с «о» над строкою. Следует читать — «порука» не «в том смысле, в каком ответствен поручитель по несостоятельному должнику» (Энгельман), а «в явке ответчика к суду» (Владимирский-Буданов).

«Извод» — свод. Ср. Договорную грамоту в. кн. Василия Дмитриевича до 1399 г.: «А татя, и душегубца, и разбойника, и грабежника, где имуть, тут судять, а иметь проситись на извод, ино его на извод пустити». См. также Двинскую Уставную Грамоту 1397 г.: «А кто у кого что познает татяное, и он с себя сведет до десяти изводов, холны до чеклого татя, и от того наместником и дворяном не взяти ничего».

Мурзакевич замечает, что место этой статьи вслед за ст. 46. Ст. ст. 54—56 развивают мысль ст. 46 о случаях находки собственной вещи в чужих руках (М. К. Рожкова).

Статья 55. «А толко будет человек 4 или 5» — Энгельман читает: «А толко [не] будет человек 4 или 5».

Статья 56. Ст. 56 — дополнение к ст. 46 (Дювернуа).

Ср. статьи 56 и 46 с Судебником 1497 г., ст. 46: «О торговцах. А кто купит на торгу что ново, опроче лошади, а у кого купит, не

зная его, а будет людям добрым двема или трем ведомо, и поймаются у него [свидетельствовать], и те люди добрые скажут по праву, что пред ними купил в торгу; ино тот прав, у кого поимались, и целовавши ему нет».

Статья 57. «Есть ли оу вас исправа какова?» — «Есть ли у вас свидетели?» (Владимирский-Буданов).

«Или паки тыи приставы» — Энгельман дополняет: «не почнут ставить людей».

Ст. 57, по Дювернуа, дополняет ст. 26.

Ст. 57 непосредственно связана со ст. 60 и 64.

Статья 58. «Помочь», по Мурзакевичу, — подмога родных и знакомых для поддержки иска.

«А хто опрочнеймет помогать» — Энгельман читает: «опрочней имет». т. е. «сторонний станет помогать». Владимирский-Буданов придерживается текста ПСГ со следующей расстановкой знаков препинания: «А хто опрочь, не имет помогать», т. е. «если же истцом или ответчиком будет кто-либо, кроме лиц, перечисленных выше, то пособников иметь не может».

М. К. Рожкова считает, что со ст. 58 начинается новая часть ПСГ более позднего происхождения (конца XIV — начала XV в.): так, в ст. 58 встречаем членовредительное наказание — «дыбу» и высокую княжескую продажу в 1 рубль, за удар подверника при исполнении им своих должностных обязанностей, — «здесь выявляется высокое понятие об оскорблении государственной власти в лице ее должностного лица». Кроме того, по мнению М. К. Рожковой, в статье замечается уничтожение остатков родового быта: запрещение родичам являться на суд для поддержки членов своего рода.

Ср. ст. 58 с Новгородской Судной Грамотой 1471 г.: «От конца или от улици и от ста и от ряду итти ятцом двема человеком, а иным на пособье не итти к суду ни к росказу, а будет наводка от конца, или от улици, или от ста, или от ряду, ино великим князем, и Великому Ноугороду на тых дву человекех по Ноугородской Грамоте заклад».

Ст. 58 развивает аналогичные мотивы со ст. ст. 36—37.

Статья 59: На основании этой статьи Калачев полагает, что подверник был скорее судья, чем сторож. Ср. Востоков «Описание рукописей Румянцевского музея», 87—88, 1491 г.: «да соцкого Фому старого придверника» (сотский был обыкновенно и судьей). Энгельман возражает против этого; слова же «правого не погубити, а виноватого не оправити» — объясняет в том смысле, что подверник должен был не только наблюдать за порядком во время производства суда, но, смотря по надобности, должен был брать и держать обвиняемых под стражей.

Статья 60: Ср. ст. 60 с Правдой Русской, Карамз. сп. 133. («А татю веры не нять» — в первом случае, «веры емоу не яти, как и татю» — во втором).

Статья 61: Устрялов и Энгельман считают, что выражение «правая грамота» употреблено здесь не в «техническом смысле письменного изложения судебного приговора», но означает вообще документ справедливый, не подложный. С этим не согласен Владимирский-Буданов. Он толкует статью следующим образом: «Дел, по которым уже раз состоялся судебный приговор, не пересуживать, разве, если будет подозрение в подложности правой грамоты или акта, тогда, исследовавши дело, решить дело судом».

Возможно, что «правая грамота» — решение суда, а «лживая грамота» — судебное доказательство, в силу которого могла быть выдана

правая грамота. Симметрии между той и другой, очевидно, нет (Я).

Михайлов считает, что ст. 61 предписывает суду князя и посадника, как высшей судебной инстанции в Псковской земле, поступать следующим образом: если к нему поступит жалоба на приговор судьи, то справедливых, правильных судебных приговоров не отменять, по поводу же судебных приговоров, оказавшихся несправедливыми, неправильными, произвести новое разбирательство дела, иначе говоря, удовлетворить жалобу, поступившую в суд. Далее Михайлов отмечает, что ст. 61 имеет в виду не апелляционное рассмотрение дел, так как ст. 2 запрещает князю и посаднику вмешиваться в компетенцию «судьина суда», разбирать дела, подлежащие «судьину суду» — суду простых судей, а кассационное.

В параллель к ст. 61 интересно привести один летописный рассказ, касающийся практики церковного суда. Его представитель (наместник новгородского владыки) «учал... суд судити не по псковско́й пошлине, учал посужати рукописанья и рядницы..., а все то учал деяти новину, а старину покинув» (ПСРЛ, IV, стр. 209, 1435 г.).

По мнению М. К. Рожковой, ст. 61 повторяет ст. ст. 3 и 4, что доказывает, что она взята из другого источника.

Ст. ст. 61—64 носят характер вставки.

Статья 62. «Смолве» — Энгельман читает: «с молве», т. е. по условию. По Устрялову, «смолва» — взаимное согласие, переговоры; «смолвити» — согласить, склонить, уговорить.

Статья 63. «Отречется у государя села» — Беляев связывает слово «села» со словом «государя» и толкует «государь села», как владелец, сеньер села, землевладелец с политическими правами. По Михайлову и Богословскому, слово «село» надо связывать не со словом «государь», а с глаголом «отречется», т. е. изорник откажется от продолжения аренды, предъявит отрок, захочет рассчитаться с «государем» за свое «сидение на селе у государя».

«И государю взять у него все (по Михайлову — «всего») половину своего изорника, а зорник половину». Энгельман и др. под «половиной изорника», следующей при его уходе хозяину, разумели часть последнего урожая, равную той, которую он должен был внести в виде обычной арендной платы (т. е. сверх четверти урожая) за последний год (см. ст. 42). Таким образом, при уходе изорник платит двойной оброк ($\frac{1}{4} + \frac{1}{4}$), равный половине урожая. Чичерин, И. Д. Беляев, Михайлов в «половине» ст. 63 видели просто арендную плату исполу, «испсловничью половину». «Государь» и «исповник» при законном отроке обязаны были: «государь» не требовать, «исповник» не платить более, чем устанавливает арендная правовая норма исполу. К этой точке зрения примыкает и Греков, указывая, что «половина» — «не арифметическая половина, а просто доля, какую платили, между прсчим, и закупы Правды Русской (купа) и кабальные люди Московского государства, дававшие обязательство «за рост оброк давать по книгам». Богословский считает, что ст. 63 устанавливает, что урожай озимого хлеба будет разделен в следующем году между землевладельцем и крестьянином, прекратившим аренду, пополам.

Сергеевич, Павлов-Сильванский, Аргунов полагают, что «половина» изорника — половина его имущества, что «отрок» для изорника, с какой бы стороны ни исходил его почин, неразрывно связан с отречением от половины его имущества в пользу «государя». Так же и на Западе в средние века «отказ» крестьянина распадался на два момента: собственно отказ (*désaveu*) и отречение от части имущества (*renonciation*). Богословский, ссылаясь на ст. 76, возражает, что часто под-

мога не покрывалась всем имуществом изорника, и поэтому нельзя думать, что в ст. 63 половина имущества изорника взимается за отрок, а другая половина идет на уплату покруты.

М. К. Рожкова отмечает противоречие между ст. ст. 42 и 63. По первой статье арендная плата равнялась одной четвертой части урожая, по второй — половине. Это противоречие автор объясняет разновременным происхождением обеих статей.

Статья 64: По мнению М. К. Рожковой, отсутствие в ст. 64 упоминания о частных приставах, о которых речь идет в ст. 49, говорит о ее более позднем происхождении.

Ср. договоры Новгорода с князьями: «а дворянам вашим как пошло погон имати, от князя по 5 кун, а от тиуна по 2 куны» (С.г. г. и д., II, № 20).

Статья 65. «Дверское» — плата подверникам (см. ст. 59).

М. К. Рожкова сравнивает ст. ст. 64—65 со ст. 49. В последней установлена одна такса за прогоны, в ст. 64—65 двойная такса. Это говорит об их более позднем происхождении.

Статья 66: «Оузду» — Энгельман и Устрялов предлагают читать: «истцу». Владимирский-Буданов придерживается чтения подлинника, считая, что это, очевидно, техническое выражение того времени: «взять коня на свое сохранение и ответственность». Наиболее вероятно чтение: «своему езде», т. е. для своей поездки.

Возможно следующее понимание статьи: пристав, в обеспечение платы за свою услугу, мог арестовать какую-нибудь вещь, или отдав ее на хранение посторонним лицам, или, если никто не брал, взяв ее к себе.

Статья 67: Истец, самовольно захвативший свой долг, судится за грабеж только в том случае, если не выиграет дела по суду. Если же выиграет процесс, то предварительное самоуправное обеспечение долга ему не ставится в вину.

По мнению Мрочек-Дроздовского, ст. 67 дополняет ст. 48.

Статья 68. По мнению М. К. Рожковой, эта и следующая статья, запрещающая должностным лицам вести за других судебный процесс, вероятно, «по причине своего должностного значения, что может оказывать влияние на судей, в смысле решения дел в их пользу», свидетельствует об отсутствии «чисто формального взгляда на судебный процесс». Это указывает на сравнительно развитое состояние права и говорит за более позднее происхождение статей.

Посадники обычно бывали церковными старостами. См. Псковскую I летопись под 1402 г.: «Постави Роман посадник староста св. Трсица и другой староста Арист Павлович новый крест» (ПСРЛ, IV, стр. 195).

Ст. ст. 68—71 развивают сходные мотивы со ст. ст. 58—59 и, быть может, со ст. 6.

Статья 69. «Властитель» — общее название лиц, облеченных властью.

Характерно, что защита частных дел запрещена всем посадникам (очевидно, не только степенному, но и старым).

Побывавшие на посадничьей степени бояре, в качестве «старых» посадников, составляли верхушку правящего класса. Из состава старых посадников выбирались руководители военных экспедиций и дипломатических сношений в помощь степенным. В 1471 г., по летописи, в Пскове было одновременно 13 посадников (ПСРЛ, IV, стр. 240). Таким образом, псковское боярство представляло собой чисто патрицианскую группу, крепко державшую в своих руках все нити управления родным городом и возглавлявшуюся коллегией посадников. Разбираемая статья ПСГ и направлена против возможности использова-

ния должностными лицами семейных связей при решении судебных дел. Ср. ст. 3.

Статья 70: «Помочь» — сборище, скоп.

«Суседи» — уличане, прихожане. Ср. Псковскую I летопись под 1461-1462 гг.: «Заложыша суседи Кузмодемьянский церковь камену» (ПСРЛ, IV, стр. 221). Там же под 1433 г.: «Петровские соседи разбивше костер старой у св. Петра и Павла и в том камени создаша церковь св. Борис и Глеб; и тако начаша разбивати всю стену к Великой реке» (ПСРЛ, IV, стр. 207). Там же под 1484 г.: «За два года суседи Запксвяляне, Богоявленскыи конец, заложыша стену от Псковы реки свою треть, и сего лета свершена быть на осень и покрыша. Тоя же весны по Велице дни, суседи Кузмодемьянскыи заложыша стену от Великой реке, свои две части, до Богоявленцове стене» (ПСРЛ, V, стр. 42).

До нас дошли летописные данные о тяжбах прихожан о церковной земле, иллюстрирующие постановление ст. 70. Так, прихожане одной псковской церкви, разделившись, по случаю пожара последней, на две стороны и выстроившие каждая для себя отдельные церкви, заспорили о наследстве сгоревшего храма (книгах, иконах и, наверное, землях). Составив предварительно местную сходку, прихожане церкви, выстроенной на новом месте, двинулись всей толпой в Псков, получили там от посадников на вече приставов и при посредстве последних вступили во владение спорными предметами. Вскоре монахи одного псковского монастыря предъявили земельный иск к самому Троицкому собору и при помощи веча сумели выиграть дело. См. Псковскую I летопись под 1471 г.: «Сгоревши в Ушистве церкви и начаша ставити на сей стороне церковь, а на другой другую, а потом начаша с новой стороне подниматися пенези с препростою чадию всем вечем в град по послу; посадники с вече пристави подаваше на старую церковь бесстудством и злобою отнимати данное богови в наследие той божию церкви... Другии человецы... начаша воздызатися и препростую чадь воздымати по миру... на дом св. Троица, истязуя от нея воды и земли... И посадники и весь Псков... даша им на вечетую землю и воду» (ПСРЛ, IV, стр. 238).

М. К. Рожкова видит в ст. 70 уничтожение остатков родового быта: «очевидно, раньше соседи, на чьей общей земле была построена церковь, считали себя собственниками и потому распоряжались и судились за нее — остаток общей земельной собственности, теперь же эта земля принадлежит церкви».

Ср. ст. 58.

Статья 71. По мнению К. М-го, это запрещение имело ту цель, «чтобы пособничество не сделалось промыслом и не стесняло свободного развития закона». Энгельман же считает, что целью запрещения являлось «устранить сильное нравственное влияние, какое могло иметь на судей то обстоятельство, что известный человек уже выиграл при них одно дело».

Статья 72. «Покрал» — по Энгельману, — лишается пользования имуществом, в виде штрафа, как за кражу чужого.

Статья 75: По Дювернуа, ст. 75 — дополнение к ст. ст. 19 и 45.

Большинство исследователей делят эту статью на две, из которых ко второй (75а) относят слова: «а старому изорнику вози вести на государя».

«Та доска посудить» — в издании Археографической Комиссии неправильно, следует: «посудит». Михайлов понимает форму «посудит», как 3-е лицо будущего времени, в смысле — «эта доска будет служить основанием для суда, по ней будет производиться суд».

По Богословскому, «посудит» надо рассматривать не как 3-е лицо ед. числа буд. вр., а как *supinum*, старую глагольную форму, употреблявшуюся в ПСГ при обозначении намерения или веления; значение слова «посудить» — признать недействительным, отвергнуть; «та доска» — не подлежащее, а объект, «ту доску признать недействительной». Аргунов, соглашаясь с последним толкованием, отмечает, что в торговых делах ПСГ придаст тем же «доскам» значение настолько большое, что опровергнуть доску может лишь формальная запись, зарегистрированная в государственном архиве — нотариате — ларе св. Троицы (ст. 38). Да и помимо специально торговых дел, ПСГ признает доказательную силу «доски» в целом ряде случаев. Так, ст. 62 говорит об исках, кончающихся мировой, по ст. 36 несколько категорий лиц могли предъявлять иски по доскам. Отсюда автор заключает, что ПСГ, «облегчая взыскание капиталистам по их сделкам и договорам, в то же время затрудняет иски крестьян к землевладельцам, в составе которых были, конечно, те же капиталисты — бояре, житьи люди, пополнявшие собою «госпóду».

«Старому» — возможно, следует читать; по-старому, т. е. изорник по-старому должен везти подводы с хлебом во двор государю. Подобные брeвиатуры встречаются в ПСГ: «старине» вместо «по старине», «Псковской пошлине» вместо «по Псковской пошлине» и пр.

«Вози вести» — Устрялов и Михайлов читают: «возвести». Устрялов видел в этом термине обозначение «очной ставки». Михайлов не разделяет ст. 75 на две, отмечая, что если первая половина имеет в виду случай принятия судом исковой «доски» за основу судебного разбирательства, то и вторая должна относиться к данному исковому процессу на основании предъявления в суд доски. Понимая слово «возвести» как «возбудить», а «старый изорник» — как «судный старик, старожил», «необходимый в деревне для поземельных процессов», Михайлов следующим образом толкует всю статью: «Если изорник предъявит иск на государя по доске, то суд будет производиться на основании этой доски, но с условием, что иск этот должен быть поддержан, подтвержден, «возведен» в правомочный иск старым изорником, т. е. старожилом, который своим авторитетом, «взводом» или «изводом» докажет правоту иска». Большинство исследователей читают два слова: «вози вести», Энгельман объясняет: изорник, ведущий иск против хозяина, обязан, несмотря на то, исправлять все барщинные работы. По Владимирскому-Буданову: «Старый непохожий человек вступал в обязательные отношения к хозяину, более строгие, чем крестьянин, вновь пришедший к землевладельцу», он «обязывается еще подводною повинностью». Богословский считает, что «старый изорник» — бывший крестьянин и что ст. 75 устанавливает подводную повинность для изорников, отрекшихся от государей, уже после отроча. Аргунов возвращается к пониманию статьи Владимирским-Будановым, отмечая, что статья имеет в виду сеньериальные отношения, не порванные отрочом: «старый изорник», это — «старинный, давний, застаревший у государя на селе изорник, на которого прежде всего легла тягостная повинность — повоз».

Статья 76. Аргунов отмечает, что вся статья «полна глубокого значения» для выяснения правоотношений государя и изорника: «в случае бегства изорника государь объявляет себя кредитором бежавшего, сам определяет сумму претензии, сам признает собственную претензию подлежащей удовлетворению и сам руководит приведением в исполнение собственного решения по своему иску; и только этот последний акт — приведение его в исполнение ст. 76 обставляет требованиями участия власти и представителей местного населения...

такой компетенции у государя не может быть по отношению к изорнику, формально отрекшемуся или отреченному...; здесь, очевидно, государь сам обладает долей юрисдикции в делах своих с изорником, формально не вышедшим из его зависимости». Богословский считает, что «действия государя по отношению к изорнику были не более сенъерияльными, чем подобные же действия всякого обыкновенного кредитора, как они изображаются в ст. 93 Псковской Правды».

Греков считает, что «случай продажи имущества беглого изорника для возмещения покруты говорит за то, что покрута представлялась и взыскивалась в виде серебра».

«Губские старосты», — по Никитскому, — волостные старосты. Ср. под 1631 г.: «дворцовые крестьяне Прутцкие засады Прутцкия губы: волостной староста Сысойко Копокикин да крестьяне... да Русские губы: волостной староста Ивашко... да крестьяне... да Русские губы: волостной староста Богдашко... да крестьяне» (Чт. в О-ве Ист. Др. Рос., 1870 г., I, отд. V, стр. 72). О «губских старостах» см. также Псковскую I летопись под 1477 г.: «И пристави соцкия Андрея Свею и Логина, старост губских, и иных добрых людей, которые ему возили и его чествовали, тех всех 18 человек поймав и повязав, мучи их, с собою на Москву вел» (ПСРЛ, IV, стр. 255).

«А государю пени нет» — «хозяину запрета нет» предъявить иск к съемщику в недостающей сумме по возвращении его из бегов. Владимирский-Буданов толкует: «хозяин не штрафует за то, что забрал имущество изорника». Аргунов переводит: землевладелец «не подлежит ни контролю, ни взысканию, если бы он даже перебрал путем продажи имущества изорника больше, чем ему причитается по его собственному счету». Но возможно и иное толкование слов: «А государю в том пени нет». Здесь, возможно, в слове «государю» следует принять не безличный оборот, а *dativus commodi*, как, например, в ст. 1 — «4 деньги князю и посаднику», или в ст. ст. 37, 80 — «князю продажи нет». Тогда смысл статьи заключается в том, что изорник, сверх возврата ссуды, ничем не отвечал государю. Землевладелец не мог наказать его штрафом за бегство. Напротив, изорник, возвратившись домой, имел право искать на государе своего имущества или, вернее, разницы, оказавшейся после продажи имущества, между его стоимостью и стоимостью покруты. Тогда можно предположить, что изорник бежал не как несостоятельный должник.

«А изорнику на государи живота не сочит» — Аргунов понимает это место в том смысле, что изорник, «явившись домой, вновь вступает в сферу сенъерияльных отношений, при которых государь является судьей своих расчетов с подвластным ему населением и никто из его подданных никакого иска к нему предъявить не в праве».

«А сочит псковским». Энгельман и И. Д. Беляев читают: «а сочит псковским [судьям]». Энгельман объясняет: «если имущество изорника (проданное с публичного торга) превышает взыскание, то изорник не имеет права на получение остатка, который обращается в пользу города Пскова». И. Д. Беляев: «ежели бы господин при продаже крестьянского имения не соблюл узаконенного порядка, то за самовольную продажу подвергался иску. Но искать мог не сам крестьянин, а псковские судьи». Дебольский полагает, что «сочить» имеют право только псковские, т. е. не сбежавшие за границу изорники, а сбежавший «за рубеж» изорник не может заявлять претензий по поводу продажи его движимого имущества. Владимирский-Буданов считает слова «а сочит псковским» ошибкою переписчика: первое — повторением предыдущего, второе — повторением последующего, т. е. начальных слов ст. 77 — «судьям псковским». С этим со-

гласен и Богословский: переписчик сделал обычную ошибку, повторив дважды начальные слова ст. 77 — «и судьям псковским, и судьям псковским»; следующий переписчик первые два слова изменил в «а сочит». Устрялов и Михайлов относят слова «а сочит псковским» к началу ст. 77 (см. след. примеч.).

В ст. 76 слово «посадник» — в единственном числе, следовательно, она относится самое позднее к началу XV в.

Статья 77. Мурзакевич и Устрялов отметили, что ст. 77 по вине переписчика попала не на свое место, в первоначальном же тексте следовала за ст. 4.

Михайлов развивает мысль Мурзакевича и Устрялова о том, что ст. 77 находится не на своем месте, только он правильно отмечает, что речь должна идти не об одной статье, а о целой странице (ст. ст. 77 — 83). Еще ранее, впрочем, это отметил К. М-ий. Основанием для признания ст. ст. 77—83 вставкой служит явная зависимость ст. 84 от 76: обе говорят о правилах взимания покруты, в случае отсутствия изорника, вследствие смерти или бегства. Кроме того, ст. 84 соединяется со ст. 76 словом «також». Таким образом, выдвигается вопрос о перемещении целой страницы (ст. ст. 77—83), которая, очевидно, должна быть помещена в начале ПСГ, где находятся «определительные нормы». Между прочим, в ст. 77, говорящей о «крестоцеловании» «псковских судей», пригородных посадников и старост, находится слово «потому ж», которое прямо связывает ее со ст. 5, говорящей о крестоцеловании «княжого человека», едущего наместником в пригород. Недаром после ст. 5 в рукописи — пропуск в несколько строк, указывающий на испорченность места. Кроме того, Михайлов переносит последние слова ст. 76 — «а сочити псковским» в начало ст. 77, которая получает такой вид: «а сочити псковским: и судьям псковским, и посадником погородским, и старостам пригоцким»... и далее идет указание общей обязанности псковских судей, «што им судити право по крестному целованью». Далее Михайлов предполагает, что здесь имеется ошибка переписчика и, может быть, вместо «сочити» следует читать «судити». Тогда статья будет иметь такой вид: «А судити псковским. И судьям псковским, и посадником...» и т. д., где выражение «а судити псковским» является простым заголовком, как например: «Се суд княжей». В ст. 77, по мнению Михайлова, получается общая норма, указующая компетенцию «судьяна суда», каковы бы ни были самые судьи, т. е. «следовательно, устанавливается, что гражданские иски не подлежат ведению ни «княжа суда», ни «суда владычня наместника», а лишь «судьяна суда».

Под «судьями», по Никитскому, имеются в виду сотские. О пригородных посадниках см. Псковскую I летопись под 1344 г.: «Приспевше островичи о Васильи о Онисимовичи, тогда опять ему посадничество во Острове» (ПСРЛ, IV, стр. 187). Там же под 1426 г.: «Ворончане и посадники их Тимофей и Ермола начаша вести слати ко Пскову» (ПСРЛ, IV, стр. 204).

В ст. ст. 77, 3—5 ПСГ имеется родство с Судебником 1497 г., ст. ст. 1, 2, 19, Царским — ст. ст. 1, 2, 3, 7.

Взаимоотношение Пскова и его пригородов, повидимому, аналогично взаимоотношению Новгорода и самого Пскова (Я).

Статья 78. Ст. 78, по мнению Мрочек-Дроздовского, дополняет ст. 10.

Статья 79. Признак того, что псковское боярство не хочет княжеского вмешательства в свои провинциальные дела (Я).

Ст. 79 имеет в виду случай, указанный в ст. 9. Ст. 79, по мнению Мрочек-Дроздовского, дополняет ст. ст. 10—12.

Статья 80. Ср. Уставную Двинскую Грамоту 1397 г.: «А учинится бой в пиру, а возмут прощение, не выйдя из пиру, и наместником и дворяном не взяти ничего; а вышед из пиру, возмут прощение, и не наместником дадут по кунице шерстью». Ср. также Судебник 1497 г., ст. 53: «А кто кого поимает приставом в бою, или в лае, или в займех, и на суд идти не восхотят, и они, доложив судии, помирятся, а судье продажи на них нет, опроче езде и хоженного».

По мнению Энгельмана, ст. 80 дополняет ст. 27, по мнению Мрочек-Дроздовского, — ст. 1.

Статья 81. По Энгельману, ст. 81 дополняет прежний закон (ст. 49). М. К. Рожкова отмечает, что «ст. 64, устанавливая таксу за приставное, просто перечисляет возможных приставов: княжеских, подвойских и псковитинов, в ст. же 81 нет и намек на последнюю категорию, т. е. частных лиц, а права княжеских людей и подвойских разграничены: они должны ездить на приставное пополам; это, очевидно, — нововведение».

Ст. 79 имеет в виду случай, указанный в ст. 9. Ст. 79, по мнению Мрочек-Дроздовского, дополняет ст. ст. 10—12.

В 1475 г. псковский наместник Ярослав Васильевич начал ломать псковскую старину: прогонные деньги, которые взимались в пользу княжеских приставов за совершение поездок по делам подсудимых, были удвоены. «Приеха с Москвы... Ярослав Васильевич от великого князя и нача у Пскова просити и суд держати не по псковской старине, на ссылку вдвое езды имати и по пригородом его наместником княжая продажи имати обоя, такоже и денги наместничии» (ПСРЛ, IV, стр. 250).

Ср. договор Новгорода с вел. кн. Иваном III 1471 г.: «А позов по волсетем Ноугородским позывати позовником великих князей да новгородским, а в городе позывати князей великих подвойской да ноугородской подвойской (ААЭ, I, № 91/II).

Статья 82. После слов: «то им им (так в рукописи!) имати» — пропуск в одно слово. Энгельман реставрирует: «то им имати [от грамоты] по денги».

Обращает на себя внимание отчетливость в различении разных грамот. О суднице говорит также ст. 12.

«По силе» — по положению, по установленному порядку (Я).

По Энгельману и Мрочек-Дроздовскому, ст. ст. 82—83 — повторение и дополнение ст. 50. М. К. Рожкова отмечает, что в ст. 82 установлена писцу точная такса, а в ст. 50 этого нет, и в то же время в ст. 82 перечислено больше грамот, чем в ст. 50 и упомянута печать. Это указывает на более раннее происхождение ст. 50.

Статья 83. «Оу по»... — в рукописи пропуск в одно слово. Мурзакевич реставрирует: «оу посадника».

«Грамота о своем деле за рубеж» — Энгельман толкует следующим образом: «дело за рубеж значит, вероятно, спорное дело псковитина, которое производилось за границу княжества Псковского; следовательно, грамоты о деле за рубеж были, кажется, грамоты, выдаваемые псковским правительством по таким делам». Иначе понимает Владимирский-Буданов: заграничный паспорт едущим по собственной надобности.

Статья 84. «А потому» — Михайлов переводит: „а поэтому“, т. е. по случаю того, что «живот изорнича» пошел на удовлетворение государя по покрытию покруты, родственники умершего не имеют права искать этого живота, взятого за покруту». По Богословскому, здесь указание не на причинность, а на время, «а потом», т. е. по

том времени. Аргунов видит в статье регламентацию сенъериальных отношений: намек «на какие-то права государя на выморочное наследство изорника, и даже не на выморочное, а только временно оставшееся без наследников, но трактуемое ПСГ почти как выморочное». Богословский возражает, что если бы ПСГ «представляла себе землевладельца как сеньера по отношению к умершему изорнику, она не говорила бы о таком иске государя к его наследникам, потому что сеньер вообще обладал бы непререкаемыми правами на изорничье имущество».

По Энгельману, ст. ст. 84—87 — дополнение к ст. 51. Аргунов отмечает внутреннее единство ст. ст. 75—76 и 84—87.

Статья 85. «В записи в пскрути» — «в записи в покрути». Богословский переводит: ссудная запись или запись, обеспечивающая подмогу; документ частноправового характера. Аргунов возражает против этого, указывая, что «при свободных арендаторских отношениях» не может быть такого казуса, чтобы ответственность по ссуде формальный документ распространял на жену и детей лица, ссуду взявшего; «жена и дети попадали в запись — покруту не даром и не случайно, это был акт об отречении своих прав в пользу государя, запись о подданстве, т. е. документ характера столько же частноправового, как и публичноправового». Таким образом, два термина — «запись» и «покрута» Аргунов сливает в один: «запись-покрута». По Богословскому же, «покрута» и обеспечивающая ее «запись» — два реальные понятия, обозначаемые двумя различными терминами. Богословский, возражая Аргунову, приводит конкретные примеры коллективного обязательства членов семейств, поряжающихся к помещику в крестьяне, и коллективной же ответственности их за взятую ссуду, относящиеся к Московской земле (М. А. Дьяконов. Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве, I, № 22, 23, 30, 34 и пр.). Греков видит в ст. 85 лишнее подтверждение своего взгляда на запись изорника, как на документ, аналогичный служилой кабале. По ст. 85 изорник может быть в записи в покруте и может в записи не быть. Иногда, и даже очень и очень часто, кандидат в кабалу подолгу не давал на себя кабальной записи и жил «добровольно» лет по 5, по 10 и больше.

«Но изоно изорничичи» — следует: «ино изорничичи».

«Судити судом псковской пошлине» — Энгельман видит здесь ссылку на ст. 76. Вернее в «псковской пошлине» видеть просто «псковский обычай» (Владимирский-Буданов).

Статья 86. «Изорничю брату, изорничю племяни государя не татбит» — Владимирский-Буданов переводит: «боковым родственникам (умершего изорника) не скрывать от хозяина ни лукошки, ни кадки, (вообще домашнего скарба, принадлежащего умершему)». Поэтому Владимирский-Буданов пришел к выводу, что «хозяин был непременно наследником домашнего скарба умершего изорника, если последний не оставит наследников нисходящих». При этом автор отрицает связь этого места с покрутой, так как если толковать завладение государем имуществом умершего, как меру обеспечения его иска о покруте, то выходила бы нелепость: в обеспечение иска о покруте поступали бы одни кадки да лукошки, а освобождалось бы от этого такое ценное имущество, как лошади и коровы. Михайлов толкует «татбит», как брать чужое, воровать, красть. По его мнению, «мелкий скарб оставался бесспорно в пользу государя, вероятно, за покруту». По Богословскому, к значению «татбит» более подходит — «искать, обвиняя в присвоении»: «брат и другие... не могут искать

на хозяине, обвиняя его в присвоении мелкого скарба: допускается только иск о рабочем скоте». Аргунов понимает «татбит» в значении «красть» и видит в ст. 76 «запрет, строго обращенный к изорничьему наследнику, не утаивать домашнего скарба; этот запрет в глазах ПСГ лучше обеспечивает права государя, звуча предупреждением о строгой ответственности нарушителей государевой собственности». В ст. ст. 84—86 Аргунов видит следы «мертвой руки» («*manus mortua*», «*main morte*») — «в особых правах государя на участие в наследстве изорника, не получившего формального отрока. Но здесь сенъериальные права государя уже встречаются с попытками ограничения их государственной властью... Государь уже не вступает в права наследства, если у умершего изорника остаются жена и дети (ст. 85). Даже когда наследуют умершему боковые, то права государя на наследство подвержены оспариванию в значительной его части (лошадь и корова) (ст. 86). Когда же доходит дело до продажи оставшегося после смерти изорника имущества (ст. 84), то ПСГ вмешивается в право полиции государя требованием приглашать для акта продажи приставов князя и посадника и представителей населения».

«Лукошки и кадки», — возможно, всякая всячина в хозяйстве, как мы говорим — «ложки да плоски» (Я). Но вернее «лукошко и кадка» — не рухлядь и не скарб, а хлебные меры («лукно» и «кадь» Правды Русской; Карамзинск. сп. 108). «Лукошко и кадка» — это метонимия, — мера употреблена в значении измеряемого.

Статья 87. Аргунов отмечает, что позиция государя и изорника в процессе юридически не одинаковы. Преимущество на стороне первого. В случае, если ответчиком является изорник, ПСГ требует, кроме показаний свидетелей, еще присяги по выбору истца (ст. 51), в случае же если ответчиком является государь, присяги не требуется. Самую возможность исковых процессов между землевладельцем и изорником, в которых тот и другой являются сторонами, автор допускает только после отрока, так как при сенъериальных отношениях «государь является судьей своих расчетов с подвластным ему населением и никто из его подданных никакого иска к нему предъявить не в праве».

Богословский считает такое предположение априорным. В ст. ст. 86 и 87 Богословский усматривает внутреннюю связь. Наследник умершего изорника предъявляет иск к государю. Ст. 86 говорит о том, каких движимых вещей он может искать, ст. 87 определяет, как ищутся движимые вещи.

Статья 89. ПСГ и Правда Русская обнаруживают тенденцию сходно трактовать вопрос об имущественных отношениях вдовы (ср. Карамз. сп. 106).

Статья 92. «Сябренное серебро» — «доля из общей прибыли, приходящаяся на каждого из сябров (товарищей) в отдельности» (Энгельман). Владимирский-Буданов задается вопросом, имеются ли здесь в виду общества с промышленною целью, составившиеся по договору, или только совладельцы имущества, случайно пришедшие в общее владение (см. ст. 106). Автор склоняется к тому, что в эпоху ПСГ нельзя отрицать возможности свободных промысловых и торговых товариществ.

Энгельман считает, что исключение, сделанное здесь для займа между купцами («опрочь купетского дела и гостебного»), уничтожено ст. 101. Это означало бы, что в Пскове прежде и займы между купцами должны были совершаться посредством записи. Однако ст. 38 позволяет такие займы по доскам. Поэтому Владимирский-Буданов

для примирения ст. ст. 92 и 101, находящихся как будто в решительном противоречии, высказывает предположение, что в ст. 92 речь идет не о договоре займа между лицами торгового звания («торговля»), а о договоре торгового товарищества, которое требовало непременно, в противоположность другим родам товариществ, формального заключения посредством записи.

Статья 93. «Заповедь» — Владимирский-Буданов и Михайлов переводят «пеня». По Богословскому — объявление, заявление, в переносном смысле — плата за объявление о скрывшемся должнике.

«Железное». См. Правду Русскую по Синодальному списку: «А железного платити 40 коун, а мечнику 5 коун, а пол гривне детьчькому, то ти железный оурок, кто си в чемь емлеть». Там же: «оже иметь на железо по свободных людии речи, либо запа нань боудеть, либо прихсжение ночное, или кым любо образомь, аже не ожьжется, то про моуки не платити емоу, нъ одно железное, кто боудеть ял». См. также Уставную Двинскую Грамоту 1397 г.: «А железного четыре белки, толко человека скуют, а не будеть по нем поруки, а боле того дворянину не взяти ничего».

П. И. Беляев видит в этой статье подтверждение своих взглядов на имение, как на сеньерию, на землевладельца как государя (сеньера) села, на изорника как на подданного: государь села возвращает скрывшегося изорника сам, без участия судебной власти, в присутствии только административной. Аргунов задает вопрос: «может ли и чем платить изорник не только по своему долгу государю, но даже хотя бы по расходам, связанным с этой его поимкой?» «Очевидно, изорник мог расплачиваться лишь своей работой у государя, и тот прибегает к захвату именно с целью принудительно водворить изорника в своем селе».

Статья 94: Присягой могла выясняться сумма долга или же самый факт существования или отсутствия отцовского долга.

Статья 95. «Искористуются» — речь идет или о тайном присвоении чего-нибудь из общего имущества или о пользовании им с разрешения старшего брата. Присяга в первом случае должна была удостоверить, что не было тайного присвоения. Во втором, — что пользуясь чем-либо из общего имущества, младший брат ничего за собой не оставил.

Статья 96. «Головшина» — убийство. «Головник» — убийца. Ср. Правду Русскую, Карамз. сп., ст. 3: «Аже кто оубиеть княжа моужа в разбой, а головника не ищоуть, то вервьноюю платити в чей же верви голова лежить». Ср. также Уставную Двинскую Грамоту 1397 г.: «оже учинится вира, где кого утепут, ине душегубца изыщут, а не найдут душегубца, ине дадут наместником десять рублев».

Статья 97: Смысл статьи — в том, что даже в этом случае князь получает не больше 1 рубля.

По Энгельману, цель закона — в том, чтобы и преступления, совершающиеся внутри семейства, не укрывались от уголовной кары, «хотя бы родственники убитого и не обвиняли убийцы». М. К. Рожкова видит в ст. 97 уничтожение остатков родового быта: «уничтожается частное право рода или семьи карать за преступления, совершенные внутри этих союзов; они так же, как и другие преступления, подлежат государственному суду и подвергаются карам этого суда».

Ст. ст. 96 и 97 предусматривают только штраф князю. А кровная месть и выкуп? Загадочен этот пропуск ПСГ в вопросе об убийствах. Невероятно, чтобы убийство каралось слабее конокрадства или поворной кражи. Ср. ст. I Правды Русской (Я).

Статья 98. По мнению Энгельмана, ст. 98 дополняет ст. 57. Владимирский-Буданов отмечает также ее связь со ст. ст. 64—67. М. К. Рожкова отмечает господство частного права в процессе: участие самого истца в обысках.

Статья 99. Ср. Новгородскую Судную Грамоту 1471 г., ст. 14. «а не поцелует креста, тем его и обинить».

«Грамоты» — под этим словом Энгельман понимает крепостные акты на землю, которые здесь перечисляются в ряду возможных предметов дарения. Владимирский-Буданов считает, что грамоты не составляют специального предмета дарения, а лишь средство, укрепляющее дар.

Статья 101: «Или именного чего» — Энгельман, по аналогии со ст. 92, читает: «или иного чего».

По Мрочек-Дроздовскому, ст. 101 — дополнение к ст. ст. 32 и 33. Ст. 101 — естественное развитие ст. ст. 19 и 45, в которых говорилось о безыменных исках.

Владимирский-Буданов отмечает, что сопоставление поруки (которая исключала необходимость присяги и потому допускалась только до рубля) с торговлею доказывает, что и договор займа между торговыми людьми допускался без совершения записи, и потому иски по этим договорам решались присягою.

Статья 102. В Москве закабалили в XVI—XVII вв. и учеников, следуя логике крепостного права. Характерна возможность нажима на ученика (Я).

Ср. ст. 39.

Статья 103. «А подсуседник на государи судьи или иного чего волно искати» — эти слова Богословский выделяет в отдельную статью.

«Суплетка» — Мурзакевич толкует от слова «supplicia», жалобица, просьба. Устрялов — дело, связь, от глагола «соплетаться». Энгельман — обязательство. Срезневский — дело, тяжба. Ср. Перемирную грамоту Пскова и Новгорода с дерптским епископом, 1474 г.: «А кому, с ким суплетка есть о торговли, или о суде, или о поруце..., тому исправа давати» (АЗР, I, стр. 85, № 69).

«Ино то судить судом по псковской пошлине» — в этих словах Энгельман видит ссылку на ст. ст. 14—16, 28—31, 73, 74 ПСГ. «Псковская пошлина» простирается наружу редко, но пролептически подразумевается везде (Я).

Энгельман видит в ст. 103 не встречные иски по двум разнородным неодинаковой силы актам, а право прежнего ответчика (по иску уже решенному) сделаться истцом в отношении к бывшему своему требователю. Владимирский-Буданов понимает статью иначе: «Если ответчик по записи или по закладу делается сам истцом (по встречному иску) по доскам или торговому долговому обязательству, то последний иск не отвергается».

Статья 104: По Мрочек-Дроздовскому, ст. 104 дополняет ст. 14—15.

Энгельман предлагает несколько вариантов объяснения этого места: 1) «Кредиторы или заимодавцы должны делить между собою имение должника, или же, если родственники умершего выкупят имение, цену его делить на более или менее частей, смотря по тому, сколько имеется дел, т. е. отдельных требований на умершем». 2) Может быть следует читать: «да доля по делом», т. е. доля каждого будет более или менее значительна, смотря по числу «дел» или долговых требований. Переставляя знаки препинания, а именно, поставя после слов «колко серебра» точку с запятой, это место можно было бы объяснить: «производится раздел соразмерно всем требованиям и сораз-

мерно серебру, сколько его каждый из кредиторов дал умершему; каждый из них получает из заплаченной родственниками суммы долю, сообразно этому количеству серебра, как скоро «ближнее племя восхочет заклад выкупить».

Статья 105: «На чужей земли» — Энгельман читает: «на чужей земце», как в Судебнике 1497 г. Владимирский-Буданов не считает нужным отступать от чтения подлинника, объясняя статью так: «если чужеземец будет искать на ком-нибудь из жителей земли для него чужой (т. е. на псковитине)».

По Мрочек-Дроздовскому, ст. 105 дополняет ст. ст. 20—24; ср. также ст. 34.

Владимирский-Буданов отмечает, что в объясняемой статье делается исключение из общего правила о судопроизводстве по делам о личных обидах, — представление послуха, требуемое статьями 20, 22 и 23, здесь не требуется. Такое облегчение уместно в отношении к чужеземцу, за которого на чужой стороне не могло найтись желающих послушествовать. См. Правду Русскую, Академ. сп., ст. 9: «Аще ли ринеть моужь моужа любо от себе, любо к себе: 3 гривне; а видока два выведеть, или боудеть варяг или колбяг, то на ротоу». См. также Карамз. сп. 26.

М. К. Рожкова сопоставляет ст. 105 со ст. 27 и приходит к следующему выводу: «ст. 105 устанавливает правила ведения дела при бое или грабеже иностранца; эти правила отличаются от правил по бою и грабежу, установленных в ст. 27 для своих граждан; в ст. 105 отсутствуют как свидетели, так и послух; совершенно естественно считать, что ст. 105 дополняет ст. 27 и именно так дополняет, что не может считаться независимой; в самом деле, мог ли бы законодатель устанавливать нормы для иностранцев по тому вопросу, по которому он не установил их для своих? Ясно, что он имел в виду, ст. 27 и сознательно, в дополнение к ней, сделал свое постановление».

Ср. ст. 105 с Судебником 1497 г., ст. 58, Царским, ст. 27. «О чужеземце. А которой чужеземец на чужоземце чего възьщеть, ино того воля, на ком ищут: хочет, отцелуется, что в том не виноват, или у креста положит, чего на нем ищут, и истец, поцеловав крест, да возмет».

Статья 106: «Сябры» — по Мурзакевичу, — межевые знаки. Вернее — совладельцы, соучастники. В Судной Новгородской Грамоте 1471 г. — «шабры»: «а почнет просить сроку на управы или на шабры, ино ему дать один срок на сто верст три недели..., а ему сказать шабра своего на имя» и т. д. Слово «сябр» встречается в разных вариантах в славянских языках.

По Мрочек-Дроздовскому, ст. 106 — дополнение к ст. ст. 9—13.

Энгельман считает, что ст. 106, «в которой, в случае представления с обеих сторон актов, противоречащих друг другу, дело решается присягой, заменяет ст. 10 о присуждении в подобном случае поля». Владимирский-Буданов возражает: «в ст. 10 указывается случай тяжбы между двумя лицами, а здесь между лицом и товариществом. Этим объясняется как самое появление статьи, так и ее отличия. Поединок между лицом и товариществом невозможен. Если предоставить товариществу из своей среды поединщика, то этим существенно нарушится характер суда божия, по которому выбор бойцов определяется самым случаем, который привел в коллизию их права. Все законодательства были крайне разборчивы в условиях, по которым можно было предоставить тяжящимся заменить себя на поединке наемником».

«А кто с ким» — Энгельман считает, что спор идет у истца

с несколькими лицами. По Владимирскому-Буданову, спор идет между двумя лицами, но поскольку купчая грамота затрагивает земли многих совладельцев ответчика, последние все являются на суд.

«Положат грамоты старые и купленную свою грамоту» — Энгельман переводит: положит истец старые грамоты, доказывающие право собственности его предшественников, от которых земля куплена, а также купчую. Владимирский-Буданов понимает иначе: «будут представлены старые грамоты (на спорную землю со стороны ответчика) и купчая со стороны истца».

«И сябры вси станут на суд в одном месте, отвечают кто ж за свою землю или за борть». Энгельман комментирует: «т. е. отвечают все вместе, а не каждый в отдельности за себя, хотя участвуют в деле в различной степени». Владимирский-Буданов: совладельцы ответчика «явятся к суду, вместе, отвечая каждый за свою землю или за борть».

«Да и грамоты пред господю покладут» — Энгельман комментирует: «т. е. ответчики, равно как и истец». Владимирский-Буданов: совладельцы ответчика «представят суду свои старые грамоты».

«И межников возмут и тои отведут оу стариков по своей купной грамоте свою часть». Энгельман переводит: межешники «в присутствии старожилков и следуя их указаниям, отведут каждому, между прочим и истцу, по купчей грамоте» его часть. Владимирский-Буданов: «возьмут межников и земли свои отведут посредством показания старожилков в тех границах, которые обозначены в их общей грамоте».

«А целованью быть одному, а поцелует во всех сябров, ино ему и судница дать на часть, на которой поцелует». Толкование Энгельмана: «так как ответчики отвечают все вместе, то и истец присягает только один раз против всех. Присяга его опровергает всех сябров вместе». Владимирский-Буданов: «Равным образом (если истец предоставит присягу ответчикам) присягает один за все товарищество, и (если присягнет) выдать ему судебное определение на ту часть земли, на которой присягнет».

Слова «а целованью быть одному, а поцелует во всех сябров» — производят впечатление интерполяции.

Статья 107: Ст. 107 дополняет, по Энгельману, ст. ст. 28—31.

М. К. Рожкова указывает, что в ст. 107 имеется прямая ссылка на ст. ст. 16 и 17.

Из того, что ст. ст. 105 и 107 дополняют первую часть грамоты (ст. ст. 1—57), М. К. Рожкова делает вывод, что «составитель этих дополнительных статей вовсе не одно лицо и не существовал в одно время с составителем большей части статей второй части, так как эти последние совершенно независимы от первой части, эти же сознательно ее дополняют». Это обстоятельство дает М. К. Рожковой право «выделить из Грамоты еще третью часть», хотя она и отказывается «даже приблизительно обозначить ее границы».

Ст. 107 должна быть датирована временем между 1409 и 1420 годами, так как деньги в ней названы «пенязями»; последние, по псковской летописи, введены в 1409 г. и заменены серебряными деньгами собственной чеканки в 1420 г.

Статья 108. Большинство исследователей считает эту статью заключительной к ПСГ, принятой на вече в 1467 г. Ст. ст. 109—120 обычно считаются позднейшими приписками, сделанными после 1467 г. С критикой этого традиционного взгляда выступила М. К. Рожкова. Она считает, что последняя часть Грамоты хронологически является первой ее частью и относится к началу XIV в. Основанием для этого служит, во-первых, анализ содержания статей и, во-вторых,

то обстоятельство, что весь отрывок (со ст. 109) сохранился отдельно в известиях летописи начала XIV в. Таким образом, ст. ст. 109—120 представляют собой первую попытку псковского законодательства. «Отнесение начала псковского законодательства к началу XIV в. имеет свое основание и в современных ему исторических событиях. Довмонт — первый самостоятельный псковский князь — умер в 1299 г.; впервые мы встречаем в псковской летописи имя посадника под 1308 г.; очевидно, это первый или один из первых выбранных псковских посадников. Таким образом, это — эпоха первых шагов Пскова по пути самостоятельности, и зарождение своего законодательства в это время вполне естественно».

Ср. ст. 108 со ст. 26 Судных грамот: «А о которых делех в сей грамоте указ не писан, и те им дела вершити по Судебнику». Ср. также Царский Судебник, ст. 98: «А которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела с государева доклада и со всех бояр приговору вершатся, и те дела в сем Судебнике приписывати».

Статья 109. Ст. ст. 109—120 производят впечатление архаизмов, вылезших из медвежьих углов Псковской земли. В них можно видеть ничтожные обломки местного туземного права, собранные сюда механически без связи и системы (Я).

«Аже поп или диакон или противу» — Владимирский-Буданов толкует: «если поп против попа и т. д., когда оба тяжущиеся — люди церковные». «Аже церковный человек с церковным» — Энгельман читает: «а не церковный человек с церковным» — так и в отрывке по Синодальному списку.

Возможно, что «аже» вместо «даже» (Я).

Большинство исследователей указывало на позднее происхождение статьи (после 1467 г.). Так, Никитский считает, что «статья о суде владычного наместника явилась в Правде около 1471 г., когда в церкви произошли большие смятения, а, следовательно, возникла потребность в новом точнейшем определении лиц, подлежащих церковному суду, равно как и в подтверждении неприкосновенности самого суда владычного наместника» (ПСРЛ, IV, стр. 238).

Михайлов указывает, что ст. 109 сложилась после ст. 2, как более точно регламентирующая права суда церковного. «В ней сказывается стремление духовенства церкви отвоевать себе больше прав и точнее определить их. А это могло появиться на много позже появления ст. 2. Появлению 2-й статьи предшествовала, вероятно, борьба церкви со светской властью и во всяком случае время».

М. К. Рожкова, напротив, говорит, что употребление слова «посадник» в единственном числе свидетельствует о раннем появлении статьи (XIV в.).

Ср. ст. 109 с Уставной грамотой в кн. Василия Дмитриевича и митрополита Киприана (ААЭ, I, № 9, стр. 5). «А который человек мой князя великого ударит челом на ижумена, или на попа, или на черньца, ино суд вобчой». Ср. также Судебник 1497 г., ст. 59, Царский, ст. 91: «А попа, и диакона, и черньца, и черницу, и старую вдову, которые питаются от церкви божия, то судит святитель или его судия. А будет простой человек с церковным, ино суд вопчей. А которая вдова не от церкви божии питается, а живет своим домом, то суд не святительской».

В Пскове видим постоянно трения между светской и духовной властью по вопросу о разграничении компетенции судов. См. грамоту митрополита Киприана: «Что есмь слышал, ажь в Пьскове миряне судят попов и казнят их в церковных вещех, ино... не годится миряном попа ни судити, ни казнити..., но кто их ставит святитель,

по ть их и судить и казнить и учить» (А. И., I, стр. 18, № 9, 1395 г.). Ср. там же I, стр. 55, № 26, 1418 г. Там же, I, 50, № 24, 1416—1421 г.: «И тыя черньци да из вашего (Снетогорского) монастыря вышедше вон, да поднимают мирския люди и мирския судья на игумена и на вас мирским обычаем, яко же лепо есть миряном, или вкупе при-сужают или роту игумену и старцем».

Статья 110: По Мрочек-Дроздовскому, ст. 110 — дополнение к ст. 55.

Статья 111. По Мрочек-Дроздовскому, — дополнение к ст. 58.

Статья 112. «Боран» — Энгельман читает: «за боран».

«А судьи три деньги» — Мурзакевич читает: «а судье три деньги».

К. М-ий считает, что «здесь говорится о замене домашних животных, употреблявшихся первоначально в сношениях вместо денег, новым представителем общей ценности вещей — звонкою монетою». Но здесь речь идет, очевидно, о другом, — «о вознаграждении собственников за кражи или злонамеренное истребление животных, а равно о вознаграждении судьи за производство суда по таким делам».

Ср. Правду Русскую, Карамз. сп., ст. 42: «А за кобылу 60 кун, а за вол гривна, а за корову 40 коун, а за третьяка 30 коун, а за лонщину полгривны, а за теля 5 коун, а за свинью 5 коун, а за порося ногата, а за овцоу 5 коун, а за боран ногата, а за жеребець, оже будеть не вседано нань, то гривна кун дать зань, а за жеребья 6 ногат, а за коровие млеко 6 ногат: то ти оуроци смердом, оже платят князю продажу». Также см. Карамз. сп. 94, Академ. 35, 36. Бросается в глаза повторение аналогичных или кратных цифр в обоих памятниках: ПСГ — за барана 6 денег, за овцу 10 денег; Правда Русская — за «теля», свинью, овцу по 5 кун, за «жеребья» — 6 ногат. И животные те же.

Статья 113. «Братщина» — общество пирующих вскладчину. См. о братчинах статью А. Н. Попова — «Пиры и братчины» — (Архив историко-юридических сведений, кн. 2, пол. 2, отд. VI, стр. 19). Энгельман и Владимирский-Буданов считают, что «судебная власть братчины, вероятно, ограничивалась делами о личных обидах. Более тяжкие преступления едва ли принадлежали ведомству ее суда». Ср. ст. 34.

М. К. Рожкова считает, что ст. 113 — раннего происхождения, в виду того, что «установление для братчин права суда в XV в. мало вероятно, так как они могли только вырождаться к этому времени, а не приобретать новые права, и существовали очень давно, еще в языческие времена».

Ст. 113 предлагает следовать общей процедуре. Ср. со ст. 109 (Я).

Статья 114. Энгельман отмечает, что «предметом спора могла быть как действительность самого нетрезвого состояния сторон обеих или одной какой-нибудь, во время совершения мены, так и действительность промена вещей в этом состоянии, их тождество, качества и пр.».

М. К. Рожкова сравнивает ст. ст. 114 и 118 со ст. ст. 46—47. Первые две, «ставя целью установление добросовестности в торговле, предписывают возвращение денег за проданную вещь, если товар оказался недоброкачественным или если покупатель был пьян, таким образом, как будто предполагается, что покупатели обычно знают продавцов, как то, например, было в Правде Русской». В ст. ст. 46—47 «признается вполне нормальным и возможным незнание покупателем продавца», т. е. торговля более развитая. Следовательно, ст. 114 и 118 более раннего происхождения.

Статья 115. Никитский считает, что эта статья «занесена в Правду, около 1474 г., когда вопрос о корчме был возбужден относительно

иноземцев и разрешился окончательным устранением последних от этого выгодного занятия». «А корчмою пивом немецкому гостю во Пскове не торговати» (Перемирная грамота Новгорода и Пскова с дерптским епископом, — АЗР, I, стр. 85, № 69. ПСРЛ, IV, стр. 249, 1474 г.). М. К. Рожкова, напротив, считает, что ограничение права княжеских людей держать корчмы «напоминает договоры Новгорода с князьями в XIII и XIV веках; трудно представить себе, чтобы оно могло возникнуть в Пскове в конце XV века в эпоху расширения княжеских прав».

«Корчма» — крепкий напиток. См. Псковскую II летопись, 1479—1480 г.: «И пива немцом во Пскове не возити и оттоле преста корчма немецкая».

Статья 116: По Мрочек-Дроздовскому, — дополнение к ст. 7. Ср. также ст. 34. Ср. Правду Русскую, Карамз. сп., ст. 17: «Искав же ли пслуха и не налезеть, а истца начнет головою клепати, томоу дати исправа железо; такоже и во всех тяжбах и в татбе и в поклепе, оже не боудеть ли истца, тогда дати емоу исправа железо из неволи до полугривне злата, оже ли и мене, то на водоу, али до двою гривну; аще ли мене, то на роту емоу ити по свои куны».

«Вольная рота» производит впечатление архаизма (Я).

Статья 117. «Ино за бороду присудить два рубля и за бой» — Энгельман толкует: «обиженный получает два рубля, а кроме того, с обидчика взыскивается «княжая продажа» за бой». Владимирский-Буданов: «кромѣ платы 2-х рублей за самую бороду (за причинение долговременных следов безчестия) взыскивается обыкновенный штраф за побой».

«Опослушествует» — даст показание, засвидетельствует, покажет перед судом. Ср. Новгородскую Судную Грамоту 1471 г. «А кого опослушествует послух, ино с ним уведається в две недели».

Ср. ст. 117 с Правдой Русской, Академ. сп., ст. 7: «А во оусе 12 гривне, а в бороде 12 гривне». См. также Карамз. сп., ст. 78: «А хто порветь борсду и выметь знамение, а будоуть людие, то 12 гривен продажи; а иже без людеи, то в поклебе нет продажи».

Статья 118. В одном из списков Правды Русской встречается следующая статья: «А кто конь купит княжь, бояричн, или купец, или сирота, а будеть в коне червь или проесть, а то поидеть к осподарю, у кого будеть купил, а тому свое серебро взяти опять взад за три года».

Статья 119: По Мрочек-Дроздовскому, — дополнение к ст. 36.

Статья 120. По Мрочек-Дроздовскому, — дополнение к ст. ст. 20, 24, 27.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

1. ИЗДАНИЯ ПСКОВСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТЫ

1. Карамзин Н. М. История государства Российского, т. 5, стр. 578—579, примеч. № 404 (отрывок ПСГ, по Синод. сп. № 348 (645), соответств. ст. 109—120 Грамоты по принятому делению, за исключением ст. 113), СПб., 1817.
2. Евгений, митрополит. История княжества Псковского, ч. I, стр. 45—47 (перевод отрывка ПСГ, по Синод. сп. № 348 (645), с изд. Карамзина), Киев, 1831.
3. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической Экспедицией Академии Наук, т. I, стр. 79—80, № 103 (текст отрывка ПСГ, по Синод. сп. № 348 (645), помещ. у Карамзина; тексту предшествует неверный заголовок—«Запись Новгородская о церковном суде». Дата дана—прежде 1477 г.), СПб., 1836.
4. Псковская Судная Грамота, составленная на вече в 1467 г. Издана по списку, хранящемуся в библиотеке кн. Михаила Семеновича Воронцова (Мурзакевичем), стр. IX+48+6+1 л. фототип. Одесса, 1847.
5. То же, изд. 2 — Псковская Судная Грамота (1397—1467), стр. VI+16+28 фототип.+12. Одесса, 1868.
6. Slawische Bibliothek, oder Beiträge zur slawischen Philologie und Geschichte herausgegeben von W. Miklosich u. J. Fiedler. S 46—62, Wien, 1858 (перепечатка текста ПСГ по изд. Мурзакевича, по ст. 112 включительно).
7. Аристов Н. Я. Хрестоматия по русской истории для изучения древнерусской жизни, письменности и литературы, от начала письменности до XVI в., стр. 722—734 (неполное и неточное переиздание ПСГ с 1-го издания Н. Мурзакевича. Выпущены ст. 11, 12, 16, 17, 18. Библиография — 6 №№), Варшава, 1870.
8. Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права, вып. I. Ярославль, 1872. То же, изд. 2, Киев, 1876. То же, изд. 3, Киев, 1885. То же, изд. 4, Киев, 1889. То же, изд. 5, Киев, 1899. То же, изд. 6, СПб., Киев, 1908, стр. 128—171 (текст ПСГ по 2-му изданию Мурзакевича, с примеч. Указатель содержания ПСГ. Систематический указатель ПСГ. Библиография — 17 №№).
9. Гинцбург А. Б. Новгородская и Псковская Судные Грамоты. Тексты с предисловием и кратким объяснительным словарем, стр. 3—23+33—41 (текст по изданию Н. Мурзакевича), СПб., 1888.
10. Северский Я. Г. Памятники древнерусского законодательства. Русская Правда. Судные грамоты (Псковская и Новгородская), стр. 27—45, 99—128 (полный текст ПСГ, словарь), СПб., 1893.
11. Псковская Судная Грамота (1397—1467). Подлинная и в переводе на современный язык с примечаниями по установлению переводного текста. Сост. И. И. Васильев и Н. В. Кирпичников; изд. Псковского Археологического общества, стр. 75 (предисловие, полный текст и перевод ПСГ, свод мнений и соображений ученых по установлению переводного текста, алфавитный список слов), Псков, 1896.
12. Самоковцов Д. Я. Пособие для практических занятий студентов, приложение к курсу лекций, ч. I, стр. 203—217. № XXXVI (полный текст ПСГ, без комментариев), М., 1907.
13. Тексты местных законов древней Руси (XIV—XV вв.). Пособие для занятий со студентами I курса юридического факультета Московского университета (печатано под наблюдением К. Стратонитского), стр. 1—15 (полный текст ПСГ без комментариев), М., 1901.
14. Коваленский М. Н. Хрестоматия по русской истории, т. I, стр. 136—138, № 74 (перепечатка из «Хрестоматии» Владимирского-Буданова, статьи ПСГ — 1—5, 7, 8, 20, 30, 37, 50, 77, 108), М., 1914.
15. Псковская Судная Грамота. Издание Археографической комиссии; с 17 табл., стр. VIII+28+14+(2) л. фототип. (текст ПСГ по Воронцовскому сп.; текст отрывка ПСГ по Синодальному сп. Фототипическое воспроизведение обоих списков в величину оригинала), СПб., 1914.
16. Памятники истории Великого Новгорода и Пскова. Сборник подготовлен к печати Г. Е. Кочины м. Гос. Соц.-эк. изд., Ленинградское отд., стр. 145—161, № 77; стр. 175—186. Л.—М., 1935.

II. ИССЛЕДОВАНИЯ О ПСКОВСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТЕ ¹

1. Отрывки из переписки редактора (М. П. Погодина) («Москвитянин», журн., изд. М. Погодиным, 1843, ч. 5, стр. 430—432) (письмо Н. Мурзакевича о находке им списка ПСГ и замечания по этому поводу Погодина).
2. Псковская Судная Грамота («Отечественные записки», Учено-литературный журн., изд. А. Краевским, т. LIV, 1847 г., сентябрь, отд. VI, стр. 21—22) (рецензия на 1-е изд. ПСГ Мурзакевича).
3. К а л а ч о в Н. Псковская Судная Грамота («Москвитянин», М., 1848, ч. 1, № 2, критика, стр. 165—178) (рецензия на 1-е изд. ПСГ Мурзакевича).
4. К. М - и й. Псковская Судная Грамота 1497 (?) г. («Северное Обозрение», Учено-литературный журн., т. 3, СПб., 1850, стр. 441—472 и 599—634).
5. У с т р я л о в Ф. Исследование Псковской Судной Грамоты 1467 года, стр. 192. СПб., 1855.
6. Э н г е л ь м а н И. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской Судной Грамоте, стр. 4 + 182 + (1). СПб., 1855.
7. Д ю в е р н у а И. Источники права и суд в древней России. Опыты по истории гражданского права, стр. 413 + (2) (о ПСГ см., главным образом, стр. 279—281, 289—308), М., 1869.
8. М р о ч е к - Д р о з д о в с к и й П. Главнейшие памятники русского права эпохи местных законов («Юридический Вестник», изд. Московского Юридического Общества, т. 16, М., 1884, стр. 91—117., гл. III—V).
9. Б е л я е в П. И. Источники древнерусских законодательных памятников. (Журн. Мин. Юст., № 9, стр. 135—155; № 10, стр. 79—121. СПб., 1889.)
10. Михайлов П. Е. Новые данные для комментария Псковской Судной Грамоты, (к вопросу о разграничении судов в древнем Пскове). (Изв. Отд. рус. яз. и словесности Акад. Наук, XVIII кн. 2, стр. 132—142. СПб., 1913).
11. М и х а й л о в П. Е. Юридическая природа землепользования по Псковской Судной Грамоте, стр. 172. СПб., 1914.
12. Б е л я е в П. И. Древнерусская сеньярия и крестьянское закрепощение (Журн. Мин. Юст., 1916, № 8, стр. 139—179; № 9, стр. 129—166). (О псковских изорниках по ПСГ — стр. 141, 143, 145, 153, 179 и др.).
13. Б о г о с л о в с к и й М. М. Крестьянская аренда в Псковской Судной Грамоте (Истор. Изв. изд. Историческим Обществом при Московском Университете, М., 1917, № 2, стр. 3—46).
14. А р г у н о в П. А. Крестьянин и землевладелец в эпоху Псковской Судной Грамоты. К истории сеньяральных отношений на Руси, стр. 41. Саратов, 1925.
15. Р о ж к о в а М. К. К вопросу о происхождении и составе Псковской Судной Грамоты, стр. 36. Л.-М., 1927.
16. Б о г о с л о в с к и й М. М. К вопросу об отношениях крестьянина к землевладельцу по Псковской Судной Грамоте (Летопись занятий Постоянной Историко-Археологической комиссии за 1926 г., вып. I (34), Л., 1927, изд. Акад. Наук СССР, стр. 27—54).
17. Г р е к о в Б. Д. Земледелец и землевладелец в Пскове XV в. («Проблемы истории докапиталистических обществ», ежем. журн. под общ. ред. Н. Я. Марра, № 5, стр. 54—82. М.—Л., 1934.)

III. ОБЩИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ПСКОВА

1. Е в г е н и й, митрополит. История княжества Псковского, с присовокуплением плана города Пскова, ч. 1—4, ч. 1. — стр. (8) + 322; ч. 2 — стр. (8) + 144; ч. 3 — стр. (4) + 171 + 1 табл.; ч. 4 — стр. (6) + 192 + (8) + 1 план (О ПСГ — стр. 45—47, гл. VI), Киев, 1831.
 2. К о с т о м а р о в Н. И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада, тт. 1-2, т. I — стр. 255—394; т. 2 — стр. 12—448. СПб., 1863.
 3. Б е л я е в И. Д. История города Пскова и Псковской земли, стр. 443 + VI. (Рассказы из русской истории, кн. 3). М., 1867.
 4. Н и к и т с к и й А. Очерк внутренней истории Пскова, стр. IX + 344 (о ПСГ — главным образом, стр. 106—109, 241—245, 250—253), СПб., 1873.
- Кроме того, использован неопубликованный исключительно ценный комментарий к Псковской Судной Грамоте В. О. К л ю ч е в с к о г о и неопубликованный доклад о ПСГ И. С. Макарова.

¹ Общие курсы истории русского права выпущены.

СОДЕРЖАНИЕ

SOMMAIRE

	<i>Стр.</i>		<i>Pages</i>
В. И. ПИЧЕТА. Конец вековому расчленению украинского и белорусского народов	3	W. PITCHETA. La fin du démembrement séculaire des peuples ukrainien et biélorusse	3
А. И. ГУКОВСКИЙ. Борьба с вооруженной интервенцией Антанты в Крыму	17	A. GUKOVSKY. La lutte contre l'intervention armée de l'Entente en Crimée	17
Р. М. РАИМОВ. Декабрьские дни 1905 г. в Башкирии	59	R. RAIMOV. Les journées de Décembre 1905 en Bachkirie	59
А. Н. НАСОНОВ. Тматорокань в истории Восточной Европы X века	79	A. NASONOV. La province de Tmoutorokan dans l'histoire de l'Europe Orientale du X-me s.	79
С. С. ГАДЗЯЦКИЙ. Вотская и Ижорская земля Новгородского государства	100	S. GADZJACKY. Les terres Votskaïa et Ijorskaïa de l'État de Novgorod	100
Н. С. ЧАЕВ. К вопросу о сыске и прикреплении крестьян в Московском государстве в конце XVI в.	149	N. TCHAEV. Contribution à l'étude du recensement fiscal („sysk“) et de l'attachement à la glèbe des paysans dans l'État Moscovite à la fin du XVI-me s.	149
Н. В. УСТЮГОВ. Работные люди на Сухоно-Двинском водном пути в первой половине XVII в.	167	N. USTJUGOV. Les hommes de peine („rabotnyé lioudi“) sur la voie de transport par eau de Soukhona—Dvina dans la première moitié du XVII-me s.	167
К. В. СИВКОВ. Крепостные художники в селе Архангельском	195	K. SIVKOV. Les artistes serfs du village d'Arkhangelskoïé	195
В. Н. АШУРКОВ. «Освобождение» тульских оружейников	215	V. ACHOURKOV. La „libération“ des armuriers de Toula	215
ПРИЛОЖЕНИЕ		ANNEXE	
Псковская Судная Грамота. Новый перевод и комментарий Л. В. Черепнина и А. И. Яковлева	235	La Charte de Justice de Pskov. Traduction nouvelle et commentaire par L. Tcherepnin et A. Jakovlev	235

Технический редактор *О. Н. Персиянинова.*

Корректор *О. В. Герцман.*

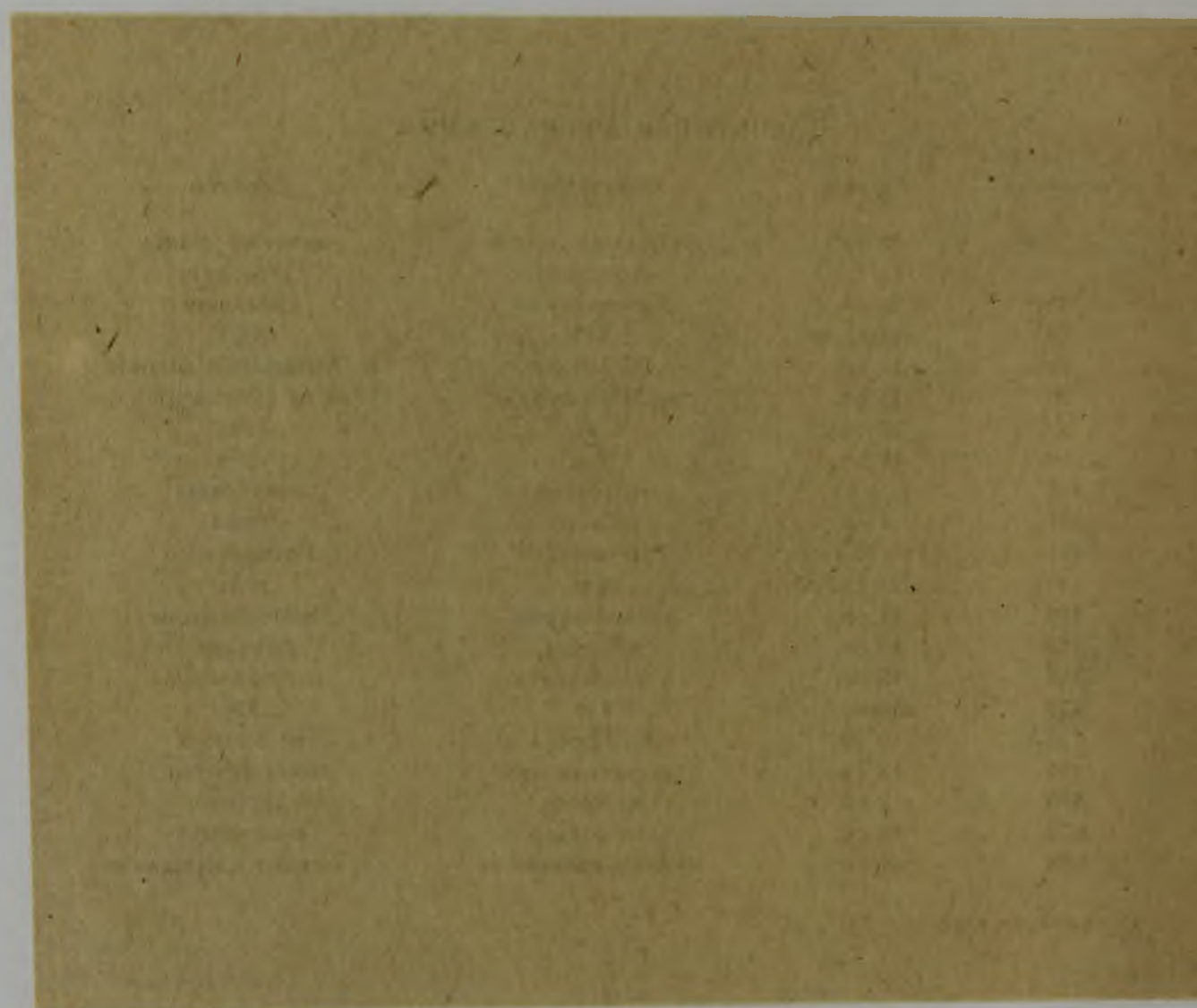
Сдано в набор 17/V 1939 г. Подписано к печати 19/I 1940 г. Формат 70 × 108 в 1/16. Объем 18 3/4 п. л. Учет.-авт. л. 26.06. В 1 п. л. 57350 печ. зн. Тираж 6500 экз. Уполн. Главлита № А-22838.

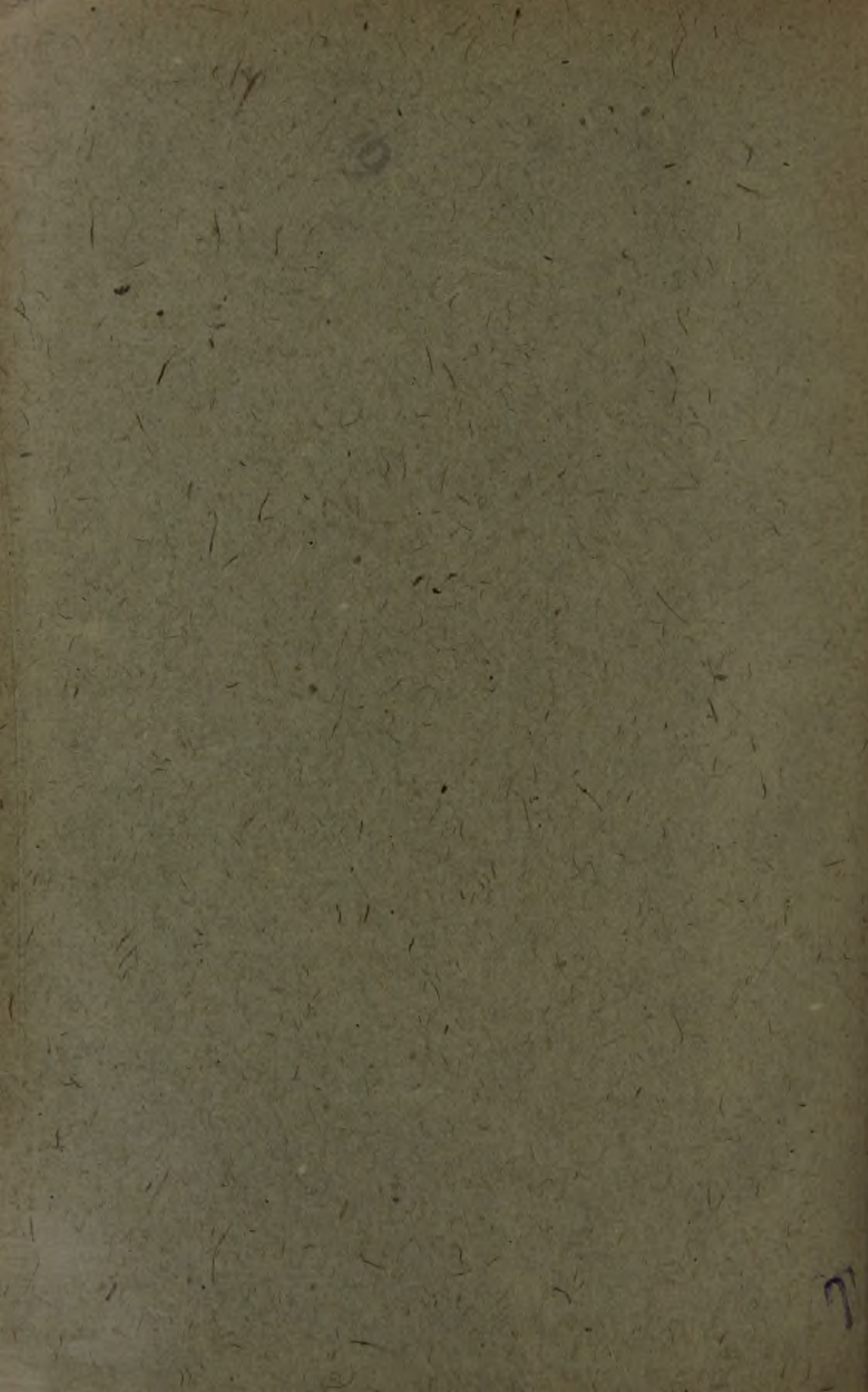
АНИ № 1344. Заказ 2233.

1-я Образцовая тип. Огиза РСФСР треста «Полиграфнига». Москва, Валовая, 28.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует</i>
3	13 сн.	киевскому князю	киевский князь
		Ярославу	Ярослав
15	24 св.	галицийская	галицкая
67	прим. 4	XIV	XLV
74	47 сн.	В.-Актыш	В.-Акташской волости
76	45 св.	из Манчжурии	(не из Манчжурии)
82	22 св.	и	из
90	42 сн.	30-х	40-х
102	3—4 св.	отпустима	отпустиша
107	1 св.	Свои	Свеи
107	11—12 св.	Рытчинского	Ратчинского
110	25 св.	ведь	водь
110	11 сн.	упоминанием	упоминаемыми
113	13 св.	походам	доходам
146	15 св.	у жерновика	и жерновика
170	прим. 4	109	190
178	9 св.	до Устюга	от Устюга
194	18 св.	экономических	экономически
255	3 св.	построен	устроен
276	10 сн.	«кочетник»	«котечник»
288	4 сн.	«живо» изорнича»	«живот изорнич»







165152010

Гос. библиотека Югры

Цена 13 руб.

7000P